

*Министерство природных ресурсов и экологии РФ
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»
Ассоциация «Клуб друзей Кенозерского национального парка»*

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

Гражданские инициативы в заповедном укладе

Сборник материалов
IX Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием

Архангельск
2019

УДК 502.4 (470.11)+947 (470.11)
ББК 28.088^64(92Рос-4Арх-5Плесецкий)я+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)
К35

Ответственный редактор – *Е.Ф. Шатковская*
Составители – *М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина, С.Н. Марич*

*Печатается по решению научно-методического совета
ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»*

К35 Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / сост. М.Н. Мелютина, С.И. Дровнина, С.Н. Марич; отв. ред. Е.Ф. Шатковская; ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». – Архангельск, 2019. – 532 с.

ISBN 978-5-9631-0785-0

Сборник содержит материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе», проходившей на территории Кенозерского национального парка (Архангельская обл., 19–24 августа 2019 г.). В создании книги приняли участие исследователи из ведущих университетов, музеев, научных центров Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Петрозаводска и других регионов, специалисты по вопросам развития институтов гражданского общества, общественных объединений, местных сообществ. Авторы представляют новые материалы по вопросам, связанным с глобальным значением локального наследия, опытом его сохранения и представлением проектов будущего. Отдельный раздел посвящен местным инициативам как инструменту устойчивого экономического и социокультурного развития территорий.

Издание адресовано специалистам, занимающимся изучением и сохранением локального наследия России, Русского Севера, Кенозерья, Онежского Поморья; специалистам по вопросам институтов гражданского общества, представителям органов государственной и муниципальной власти, общественных объединений и местных сообществ.

УДК 502.4 (470.11)+947 (470.11)
ББК 28.088^64(92Рос-4Арх-5Плесецкий)я+63.3(2Рос-4Арх-5Плесецкий)

*Издание осуществлено в рамках проекта
«Гражданские инициативы в заповедном укладе»
при поддержке Фонда президентских грантов
и Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации*

ISBN 978-5-9631-0785-0

© Мелютина М.Н., Дровнина С.И., Марич С.Н.,
составление, 2019

© ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский», 2019

**Местные инициативы
как инструмент устойчивого экономического
и социокультурного развития территорий**

«Территории вдохновения»: Деревня как центр притяжения художников, музыкантов и творческой интеллигенции

В статье представлен опыт реализации проекта «Территории вдохновения», направленного на создание арт-резиденций и оживление культурной жизни в деревнях Словакии, Чехии и Украины. Проект был инициирован Ассоциацией для охраны природы «Махаон Интернешенел» (Словакия) и поддержан Европейским Союзом в рамках программы «Креативная Европа».

Территория вдохновения в понимании авторов проекта – это прекрасная тихая деревня, магнит для художников, уставших от суеты мегаполисов, в которых сложно найти источник творческой энергии. Опыт показывает, что арт-резиденции, созданные в деревнях, где художников любят и ждут, необходимы им, как воздух, и очень востребованы (ил. 1). А деревни, которые создают арт-резиденции, получают мощные импульсы для развития, например:

- созданные арт-экспозиции обогащают пространство и привлекают посетителей, что способствует развитию туризма, малого бизнеса;
- художественные мероприятия объединяют местных жителей, укрепляют их стремление жить в деревне и менять жизнь к лучшему своими силами;
- появляется стремление к творчеству у детей и молодых людей;
- деревня получает имидж творческого центра, постепенно начинает меняться социальная среда, все больше молодых и образованных людей стремятся здесь поселиться.

Идея проекта зародилась в словацкой деревне Гановце, которая находится в живописной долине, пролегающей между двумя горными массивами – Высокими Татрами и Козьими хребтами. В XIX столетии на гановских уникальных минеральных водах поправляли здоровье венгерские короли. Это место облюбовал и древний человек – неандерталец, следы пребывания которого были обнаружены в центре Гановец учеными в начале XX в. В 2013 г. двое энтузиастов пригласили друзей-художников для проведения первого арт-симпозиума «Мистерии древней охоты» на территории памятника природы Градок. Как это часто бывает в начале, финансовых ресурсов не было никаких – только энтузиазм, приятное общение и радость творчества являлись двигателями процесса. Материалы для экспозиции организаторы

вместе с художниками заготавливали сами, в лесу, на специально отведенных участках, которые было необходимо очистить от кустарников и тонких деревьев.

В процессе создания арт-объектов территория памятника природы Градок, где проходил арт-симпозиум, стала местом паломничества местных жителей: сначала забегали детишки, потом потянулись взрослые со сливовицей, домашней снедью и кофе. Многие жители захотели помочь, потому что художники работали красиво и с азартом. Первый опыт был так интересен, что лэнд-арт симпозиумы стали организовываться каждый год. Возникло сообщество людей, которые готовы помогать в проведении арт-симпозиумов (например, селить художников в своих домах, баловать их местными деликатесами, водить на экскурсии). И это активное сообщество, объединенное идеей привнести в сельскую жизнь динамику и красоту, стало влиятельным не только в культурной сфере: в 2018 г. путем честных выборов к власти пришли образованные и инициативные люди, и только за 10 месяцев с момента выборов в когда-то типичной сонной деревне произошло уже более 20 культурных событий: театральные представления, концертов, мастер-классов для детей, экскурсий, арт-симпозиум (ил. 2).

Постепенно опыт проведения арт-симпозиумов стал известен широкому кругу партнеров Ассоциации для охраны природы «Махаон Интернешенел», и появилась идея попробовать организовать разные типы арт-мероприятий для оживления культурной жизни деревень, но с общими принципами:

- все мероприятия должны быть организованы таким образом, чтобы дать художникам возможность интегрироваться в жизнь местного сообщества, погрузиться в местную культуру;
- необходимо обеспечить максимально возможное вовлечение жителей в процесс создания арт-экспозиций (например, в качестве добровольцев во время симпозиумов по ленд-арту);
- молодежь должна быть активно вовлечена в творческий процесс (через мастер-классы, инновационные программы «Искусство как приключение»).

Кроме д. Гановце, в проекте объединили усилия национальный парк «Синевир» в Украинских Карпатах (известен живописными горами, реками, озерами, лесами, в том числе участками буковых лесов, являющимися Всемирным наследием ЮНЕСКО); местная инициативная группа из региона Стражницко в Чехии (известен богатейшими в Европе лугами, виноградниками и плодовыми садами) и музей-заповедник Тустань (Украина), где в IX–XVI вв. находился скальный город-крепость. Разместившись в котловине Карпатских гор, которые входят в национальный парк «Сколивские Бескиды», отвесные скалы Тустани кажутся величественными гигантами, помнящими славное прошлое средневековой эпохи.

Проект стартовал в июне 2017 г. художественным действием «Овечки для Белых Карпат» (ил. 3). Это путешествие с овцами по живописным лугам в сопровождении фольклористов и художников было призвано привлечь внимание общественности, в первую очередь молодежи, к традициям выпаса овец, к привлекательным сторонам сельскохозяйственных профессий (в наше время, увы, непопулярных). Поход стартовал в словацком с. Миява, а финишировал в чешском Стражнице. Фольклорные выступления сопровождались проведением пленэра. Для художников это стало хорошей возможностью проникнуться атмосферой сельской жизни и странствий, неповторимой природой Южной Моравии. Шестеро художников из Эстонии, Украины, Чехии вдохновенно работали и представили свои работы местной публике и участникам крупнейшего в Европе фестиваля в Стражнице.

Местные жители активно включились в организацию сопутствующей программы художественного действия. Они демонстрировали народное искусство края, готовили традиционные блюда, главным образом, из местных продуктов.

Пленэр «Весна оскоруши», который состоялся в начале апреля 2018 г., стал еще одним ярким событием проекта. Шестеро художников из России, Словакии, Украины, Чехии увековечили на своих картинах природу гор Моравии и дерево оскоруша. Это способствовало популяризации диковинного растения и региона в целом. Энтузиасты края Стражницко сумели сохранить этот редкий сорт рябины и возродить интерес к дереву, как символу идентичности региона. Для достижения этой цели они, в частности, начали проводить фестиваль, который стал за 15 лет традиционным. Теперь посмотреть на рябину и попробовать ее плоды, а главное, горячительные напитки, созданные из них, сюда приезжают люди из разных стран.

В рамках пленэра художники и местные жители тесно взаимодействовали. Садоводы предоставили различные продукты, сделанные из оскоруши, для того, чтобы художники могли убедиться в исключительном вкусе продукции. Местные жители организовали интересные поездки для ознакомления с прилегающими территориями и обеспечили комфортные условия проживания. После окончания пленэра художники организовали выставку для широкого круга общественности и провели мастер-классы для школьников.

Пленэры «Овечки для Белых Карпат» и «Весна оскоруши» обогатили местные традиции, способствовали росту интереса к этому краю, его жителям и результатам их нелегкого крестьянского труда.

В Гановцах для проведения арт-симпозиума «Природа – муза вдохновения» был выбран необычный вид искусства – горячая эмаль. Это очень старая техника, имеющая богатую историю, различные традиции, школы. В то же время эта техника привлекает современных художников своей универсальностью, насыщенными цветами и разнообразными фактурами. В работе с ней

всегда есть большое поле для экспериментов: художник развивает традиции и ищет новые формы одновременно. Эмаль не только красива, но и очень эмоциональна. Огонь добавляет ей свое волшебство.

В течение десяти дней семеро художников творили, наслаждаясь природой, минеральной водой и общением с местными жителями. Особенностью нашего подхода является то, что в центре внимания при проведении арт-симпозиумов находились дети, которые получали креативные импульсы благодаря наблюдению за художниками или участию в творческих мастерских (ил. 4). Раннее художественное образование и творческие проявления очень важны для формирования гармоничной личности, поэтому деревенские власти и родители готовы поддерживать работу арт-резиденций разными способами (например, путем софинансирования творческих лагерей, которые проводятся под руководством художников).

С 24 июля по 4 августа 2018 г. в окрестностях с. Урыч Сколевского района Львовской области и на территории Государственного историко-культурного заповедника «Тустань» состоялся симпозиум ленд-арта «Земля силы». «Земля силы» – невероятный ландшафт, культурные и природные достопримечательности, насыщенные историей и легендами. Вся местность полна необычной энергией, которую организаторы предложили аккумулировать во время пребывания на симпозиуме, в диалоге современного искусства с культурным наследием, природной средой и местными жителями. Основной идеей было объединить художников в сотрудничестве с местным населением вокруг вдохновляющего пространства для органичного дополнения культурного ландшафта новыми идеями и художественной интерпретацией исторических фактов и легенд. Искусство ленд-арта – гармоничная форма тандема искусства с природой, и такая форма показалась наиболее удачной для этой непростой локации. Возможность установки временных арт-объектов на территории памятника имеет несколько преимуществ:

- использование природных материалов позволяет подчеркнуть естественный ландшафт, не нарушая его целостности;
- большинство объектов со временем исчезнет, оставив после себя только фото- и видеоматериалы, освободив место для новых интерпретаций и размышлений художников;
- туристы ежегодно будут иметь мотивацию посетить заповедник, ведь их ждут новые объекты.

К участию в симпозиуме были отобраны 11 художников из разных стран мира (Украина, Белоруссия, Польша, Россия). В течение 14 дней художники работали с локацией, средой, историей и легендами края. Все участники при подаче заявки на конкурс должны были предоставить эскиз для реализации арт-проекта во время симпозиума. Большинство никогда не были на территории заповедника, а многие из художников изменили концепции объектов,

попав в среду и переосмыслив свои арт-проекты уже на месте. Наш опыт показывает, что оптимальным решением при таком формате события станет проведение 3-4-дневной арт-экспедиции за некоторое время до симпозиума для ознакомления художников с территорией. Кроме того, художникам необходимо время на размышления.

Для реализации ленд-арт проекта такого формата мало волонтерской помощи (ил. 5). Необходима габаритная техника для доставки материалов, перевозки дерева, камня, стекла, угля и т. д. Интересно, что к такой физически сложной работе были привлечены местные жители, которые в результате почувствовали себя частью процесса, стали соавторами создания крупных объектов. Помогали в основном мужчины 25–50 лет, которые в большинстве случаев остаются в стороне от арт-практик в деревнях. Участие в подобной деятельности может повлиять на то, что местные жители не разрушат объект, поскольку либо сами устанавливали его, либо в этом помогали их односельчане. В результате проекта было создано 11 объектов. И у организаторов, и у художников, и у местных жителей есть большое желание продолжать.

Проект «Территории вдохновения» получился успешным главным образом благодаря энтузиазму и преданности людей, принимавших в нем участие. Произведения искусства, фотографии и добрые воспоминания остаются надолго и делают наши деревни еще более привлекательными, чем раньше.

Художественные проекты служат хорошим началом для того, чтобы привлечь больше внимания к сельским территориям, помогая их жителям по-другому взглянуть на свою землю, лучше оценивать местные ресурсы, получать новые импульсы и идеи для развития. Подобные проекты и культурные инициативы могут способствовать улучшению качества жизни в деревнях в долгосрочной перспективе, и, будем надеяться, постепенно все больше интеллигентных и образованных людей будут выбирать именно деревню как идеальное место для своей семьи.

Ассоциация для охраны природы «Махаон Интернешенел» будет рада сотрудничеству с национальными парками, музеями и инициативными группами из деревень для организации творческих проектов на вашей территории.

До встречи на территориях вдохновения!

Созидательное содержание гражданских инициатив

IX Всероссийская научно-практическая конференция «Кенозерские чтения – 2019» посвящена актуальной теме «Гражданские инициативы в заповедном укладе». Общество является важнейшим участником развития цивилизации, субъектом исторического действия. Самые высокие цели, благородные лозунги и призывы останутся благим пожеланием, если люди не примут их, не захотят участвовать в их осуществлении.

Поразмышляем над темой нашей конференции. Что означает понятие «гражданские инициативы», почему гражданские, а не общественные? С нашей точки зрения, в этом заложен большой смысл. Инициатива означает активное действие человека, она характеризует человека неравнодушного, заинтересованного, способного достигать своих целей. Инициативы бывают разными, в том числе созидательными и разрушительными. Когда речь идет о гражданских инициативах, то предлагаются такие идеи и действия, которые согласуются с целями и задачами государства и общества, способствуют развитию и процветанию страны. Эта мысль эмоционально и точно выражена во многих поэтических строчках. Вспомним Николая Алексеевича Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан. А что такое гражданин? Отечества достойный сын». И еще: «Не может сын глядеть спокойно на горе матери родной, не будет гражданин достойный к Отчизне холоден душой: ему нет горше укоризны...».

Особое значение и сложность нашему разговору на конференции придаст то, что речь идет об инициативах в рамках заповедного уклада. Разрушительные инициативы людей, с последствиями которых мы сталкиваемся, отнюдь не всегда продиктованы злым умыслом, желанием нанести вред. Чаще это результат незнания, неумения просчитать последствия. Заповедная территория – особая земля, и любые преобразования на ней требуют бережного, сокровенного отношения, а значит, глубокого знания и понимания всех ее характеристик и особенностей. Многосторонняя деятельность в этих условиях национальных парков, музеев-заповедников, некоторых других учреждений и организаций связана с глубинными процессами и общечеловеческими понятиями, такими как историческая память, менталитет, идентичность, традиции, родовые и этнические отношения, чувство родины.

Инициативы – проявление творчества людей, многообразного и вдохновенного. Они преображают жизнь каждого человека, потому что каким бы трудным ни было задуманное дело, автор вложил в него частичку собственного я, делает его не по принуждению, а по убеждению. Творческая способность заложена в каждом человеке, и от того, удастся ли раскрыть, реализовать эту способность, зависит, насколько состоялся человек, насколько он сумел стать счастливым, а значит, уважаемым и необходимым для других людей. Творческую способность в человеке возможно развивать и стимулировать, начиная с детского возраста.

Я много лет приезжаю в Кенозерский национальный парк и помню, с чего начинали: не было ни музеев, ни возрожденных храмов и часовен, ни визит-центров и гостевых домов, ни туристических маршрутов и центров ремесел. Каждый год парк встречает гостей новым культурным событием, туристическим объектом: три года назад в парке появился уникальный для России музей родниковой словесности «В начале было Слово». Два года назад завершилась реставрация и открылась экспозиция в Почезерском храмовом комплексе XVIII–XIX вв., уникальном ансамбле-«тройнике». В прошлом году по инициативе жителей в пос. Поча (некогда крупный лесопункт) открылся информационный центр «Поча. Жили. Работали. Любили», создано общественное пространство «Привал лесоруба». Все это и многое другое предстоит увидеть участникам конференции, и я уверена, что впечатление будет незабываемым. А главное в опыте Кенозерского национального парка – активное, заинтересованное участие местного населения. Все трудно начиналось, но созидательный результат очевиден. Почитайте эколого-просветительскую газету «Кенозерье», которую издает парк: в ней все о людях, бережно сохраняющих и преображающих родную землю, об их инициативах и делах.

1990-е гг. вызвали у миллионов людей чувство тревоги и безнадежности, рушился уклад жизни, к которому люди привыкли, подвергались оскорбительному осмеянию жизнь и труд старших поколений: не то строили, не туда шли. Люди массово теряли работу и вынуждены были покидать родную землю, закрывались школы, больницы, библиотеки, забрасывались пахотные земли. Особенно болезненно отзывалось происходящее на судьбе малых городов, поселков, сел и деревень. Трудно к людям приходило осознание того, что никто им не поможет, если за дело не возьмутся они сами.

В нашей Архангельской области это проявилось в создании в селах и малых городах инициативных общественных объединений – ТОС (территориальное общественное самоуправление). Самое важное в этом и поныне развивающемся движении то, что в основе всей деятельности ТОС – инициатива самих людей. Каждый год они проводят слет именно здесь, в Кенозерском национальном парке, чтобы обменяться опытом работы, обсудить новые планы и перспективы.

В 2018 г. Центр управления социальных инноваций провел конкурс социальных проектов разных регионов России и выпустил сборник кейсов по итогам этого конкурса под названием «Искусство созидать: культурные практики как инструмент развития территории и местных сообществ». Сборник представляет интересные познавательные рассказы авторов реализованных гражданских инициатив, преобразивших жизнь в городах и селах, создавших рабочие места, новые профессии, культурную среду, сохраняющих природу, памятники культуры и культурные традиции.

В многообразии гражданских инициатив, опираясь на их содержание, можно условно выделить несколько направлений. Условно, потому что эти инициативы чаще бывают комплексными, ставят разные цели и решают множество задач.

Первое направление – преобразование общественного пространства, территории города и деревни. Это не только наведение чистоты, благоустройство мест общественного пользования, но и возрождение знаковых объектов, памятников и дорогих сердцу жителей этих мест. Это может быть стадион, где в детстве гонял мяч с соседскими ребятами, любимая аллея и скамейка в старом парке, дорога, по которой отцы и сыновья уходили на войну и многое другое. В песне, которую называют гимном Кенозерья, есть очень точные слова: «И горит в моем сердце огонь беззаветной сыновьей любви, здесь плясал я кадрили под гармонь, здесь слагались и песни мои». С этим направлением тесно связано другое (некоторые аналитики выделяют его как самостоятельное) – поиск смыслов и значений в привычной среде: восстановление биографий забытых местных героев, выдающихся земляков, прославивших эту землю и Отечество, а также истории событий, происходивших на этих территориях.

Интересный опыт работы в этом направлении накоплен в старинном русском с. Тотьма Вологодской области. Инициатором и движущей силой творческих действий стало Тотемское музейное объединение. Начали с того, что в одном из музейных помещений открыли многофункциональную площадку для молодежи «АнтреСОЛЬ», через которую вовлекли молодежь во многие творческие и полезные дела. За короткое время создали десять культурных объектов, среди них набережная р. Сухоны с закольцованной системой традиционных для Русского Севера деревянных мостков. Поддержали инициативы населения по созданию детского мультфильма, школы ремесленников, центра интерактивной палеонтологии, альбома старинных фотографий «Осколки времени» и др. Сейчас реализуется 18 проектов на сумму более 40 млн рублей. Тотьма заслуженно стала центром развития музеев малых городов, здесь обобщаются лучшие практики провинциальных музеев, проводятся семинары.

Важным направлением развития гражданских инициатив является создание новых коммуникационных практик: проведение фестивалей, народных

праздников с участием большого количества людей, приезжающих с разных концов страны и из других стран с разнообразной программой, включающей в себя деловые встречи и семинары, многочисленные конкурсы, концерты, выставки, спортивные соревнования. Такие фестивали становятся событиями, требуют многомесячной подготовки. Важно, чтобы они не повторяли друг друга, были уникальны, а это получается тогда, когда тема фестиваля, праздника связана с историей и традициями того места, где происходит это событие (именно событие, а не мероприятие), когда в его проведении и подготовке участвуют не только работники культуры, но и коллективы учебных заведений, предприятий и организаций, учреждения торговли и общественного питания.

Одним из таких событий стал фестиваль городской культуры «Арт-Овраг», который проводится в г. Выксе Нижегородской области с 2011 г. Помощь в проведении этого фестиваля оказывает благотворительный фонд акционерного общества «Объединенная металлургическая компания». Программа фестиваля реализует десять проектов развития города, созданных населением. В ходе фестиваля проводится конкурс новых проектов. В фестивале участвует свыше 15 тыс. человек, большая часть из Выксы, но немало участников приезжает из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Муром, Сарова. Коммерческий оборот составляет 1 млн рублей. Итогом проведения фестивалей стало создание 19 новых площадок для приобщения к культуре и занятий спортом, до 100 человек выросло число волонтеров, вовлеченных в эту деятельность. Особенно впечатляют показатели роста туристического потока: число организаций, обеспечивающих туристическую деятельность, выросло на 25 %, а поток туристов за три года увеличился с 1149 человек до 30 995. В соответствии с этим на 20 % выросло количество такси, на 40 % увеличилась продажа сувенирной продукции. Из событий фестиваля большой общественный резонанс вызвал спектакль-перформанс «Страсти по Мартену». Резонанс не только в Нижегородской области: об этом много писали различные российские газеты. История Выксы неразрывно связана с возникновением и развитием металлургии, и не случайно именно здесь был создан этот спектакль о людях, покоривших огненную стихию, извлекающих из мертвой породы живой металл, так необходимый людям.

Фестивалей и праздников, ставших событиями и известными во всей стране, проводится немало, они расширяют и укрепляют связи между республиками и областями, способствуют развитию активности, пробуждают инициативу. Есть такие и в Архангельской области: праздник Сени Малины – главного героя сказок С.Г. Писахова в Приморском районе, «Устьянская ссыпчина», Фестиваль традиционных знаний в Кенозерском национальном парке.

Много инициатив связано еще с одним направлением – изучением и возрождением традиций. В эту работу вовлечены тысячи людей, изучающих

историю своих семей и родов, деревень и поселков, домов и улиц. На основе собранных материалов открываются выставки, создаются музеи. Один из известных примеров такой работы – создание в с. Сеп Игринского района Удмуртской республики народного музея исчезнувших деревень. Музей открыт в здании сельской библиотеки в сентябре 2017 г. В этой работе участвовало 157 человек – половина населения деревни. Сейчас капитально ремонтируется специальное помещение для этого музея. Идет системная историко-краеведческая работа, создана большая образовательная программа. На праздник открытия музея собрались 1200 человек, значительно увеличился приток гостей, и это не случайно: в музее рассказывается о судьбах семейных династий и отдельных людей, о трудовых традициях и жизни деревень на разных исторических этапах, о талантах, возвращенных этой землей.

Инициатива, как правило, возникает в связи с осознанием необходимости решения конкретной проблемы. Поставленная задача, если она актуальна, объединяет единомышленников и находит поддержку. Для этого необходимо немало поработать, но для человека воодушевленного (а инициаторы, энтузиасты именно таковы) эта деятельность в радость. И тогда содержание инициативы обогащается, она становится многогранной, вовлекает в себя новые темы и новых людей. В этом плане очень интересен и поучителен опыт Коломны, о котором много говорят и пишут в последние годы.

Коломна – старинный патриархальный русский город в 100 км от Москвы. Городу 900 лет, главной достопримечательностью является сохранившийся Коломенский кремль. В прошлом это был город купцов и ремесленников, который славился царскими и архиерейскими яблоневыми садами и где производилась пастила, достойная восхищения. Эту традицию, давно забытую, и решили возродить энтузиасты: организовать производство на тех же местах, делать пастилу, печь калачи, варить мыло по старинным рецептам – вдохнуть жизнь в старину и зарабатывать деньги талантом и трудом местных мастеров. Принялись за реставрацию бывшего купеческого дома, занялись изучением и реконструкцией рецептов, найденных в архивах, нашли мастеров и в 2009 г. открыли маленький музей пастилы «Музей исчезнувшего вкуса».

Это было только начало. Сейчас в Коломне более 10 музеев, связанных с промыслами и ремеслами. В 2011 г. открылась музейная фабрика пастилы с открытым производством. Коломенская пастила и другие продукты этой фабрики востребованы в Москве, Петербурге и других городах страны. Созданы два литературных музея. Первый – «Арткоммуналка», связанный с писателем Венедиктом Ерофеевым (он жил и работал в Коломне в 1960-х гг.). Музей воссоздает обстановку коммунальной квартиры тех лет. Сюда приезжают и живут по заранее оформленной заявке писатели и художники, здесь проходят различные мероприятия. Второй музей – «Калачная», рассказывающий о старинном городском калачном промысле. Есть в городе и Литературное

кафе, связанное с памятью о писателе XIX в. И.И. Лажечникове – уроженце Коломны. Гражданской инициативе обязаны своим появлением «Музей-Навигатор», экскурсии по старинным улочкам города, музей-мануфактура «Душистые радости», музей трамваев и многое другое. Коломну не зря называют центром социального предпринимательства. Результаты очевидны: создано 200 новых рабочих мест, туристический поток за последнее десятилетие вырос в пять раз. Этот маленький город в год посещает 1,2 млн человек. Город издает свой журнал, снимает кинофильмы.

В течение более десяти лет развитие гражданских инициатив является основным направлением социального развития в Ульяновске. Создана система обучения предпринимательским навыкам и практической помощи начинающим предпринимателям. Каждый год осенью проходит Культурный форум, на котором анализируется сделанное, обобщается накопленный опыт и намечаются дальнейшие планы. На форум приезжает более 2 тыс. человек из России и других стран мира. Международный опыт интересен и востребован, в проведении форума активно участвует ЮНЕСКО. Только некоторые факты: за последние пять лет в Ульяновске появились объединения рукодельников, реставраторов, организаторов массовых мероприятий, профессионалов легкой промышленности и дизайна. Реализуется более 200 культурных проектов, в них участвует 270 молодых людей в возрасте от 14 до 35 лет из 40 стран и 15 зарубежных культурных центров. Например, в проект «Японская весна на Волге» Япония вложила 2 млн рублей, а Германия в литературный русско-немецкий проект – 400 тысяч евро.

Развитие гражданских инициатив – необходимая и сложная составляющая общественного процесса. Только активное заинтересованное участие граждан служит гарантией достижения успеха.

*Е.Б. Дягилева
(г. Архангельск),
Л.Н. Коржакова
(с. Яренск, Архангельская обл.),
Н.А. Щеголихина
(пос. Пинега, Архангельская обл.),
Г.А. Коренева
(д. Вершинино, Архангельская обл.)*

Самоорганизация граждан для решения вопросов местного значения – общественный проект или бизнес-инициатива?

В системе местного самоуправления территориальное общественное самоуправление – наиболее приближенное к населению звено, способное связать органы местного самоуправления с реальными заботами граждан, проживающих на определенной территории. Деятельность органа ТОС базируется на принципе самоуправления: население участвует в формировании основных направлений работы органа ТОС, в управлении внешними и внутренними делами.

С помощью органа ТОС к осуществлению самоуправления привлекаются в той или иной форме большинство проживающих на соответствующей территории жителей. При этом совместные интересы граждан формируются из необходимости и неизбежности их коллективного взаимодействия.

ТОС всегда имеет территориальную привязку, является территориальной общественной самодеятельностью, именно органы ТОС рассматриваются как выразители и носители интересов населения (жителей) соответствующей территории. Основная их задача связана с развитием территории, в том числе ее благоустройством.

По данным Минюста России, к началу 2018 г. на территориях 76 субъектов Российской Федерации созданы 30,1 тыс. территориальных общественных самоуправлений, уставы которых зарегистрированы в органах местного самоуправления, из них около 2,4 тыс. зарегистрированы также в качестве некоммерческих организаций. При этом ТОС охватывают как городские, так и сельские территории: около 15,8 тыс. ТОС созданы на территориях городских поселений городских округов, около 14,3 тыс. – на территориях сельских поселений [8]. Институт ТОС распространен по стране крайне неравномерно, уровень развития ТОС зависит не от географических причин, а от того, как выстраивается работа по поддержке ТОС в регионах.

В Архангельской области на 1 февраля 2019 г. органами местного самоуправления зарегистрировано 1086 органов ТОС, из них 1020 – в муниципальных районах и 66 – в городских округах [7]. Первые ТОС в регионе были созданы более 20 лет назад, в настоящее время ежегодно создается около 30 новых. Архангельские ТОС – в основном сельские, в этом их особенность и сила: их активам на уровне поселения близки и понятны реальные заботы граждан, проживающих на данной территории; теснее взаимодействие с администрацией муниципалитета и представительным органом, различными техническими службами, есть возможность наладить контакт с руководителями учреждений образования и культуры, сильнее внутренняя мотивация актива («Если не мы, то никто»).

Как указывает Н.П. Алешкова, положительный эффект от деятельности ТОС наблюдается как для региональной, так и для муниципальной власти и, конечно, для населения [6].

«Плюсы» для муниципального образования:

1) социально-экономическое развитие территории муниципалитета становится управляемым и предсказуемым за счет укрепления взаимодействия органов местного самоуправления с населением;

2) состояние территории муниципалитета выходит из зависимости от общей финансово-экономической конъюнктуры;

3) гарантируется участие жителей в решении наиболее острых проблем территории в различных социально-значимых сферах;

4) гарантируются выявление и вовлечение в управленческий инструментарий скрытых или не актуализированных социально-экономических ресурсов территории, что, кроме всего прочего, повышает инвестиционную привлекательность территории;

5) гарантируется экономия расходов бюджета по социально-значимым направлениям за счет необязательности для органов ТОС выполнять требования Федерального закона № 44 и прочих антимонопольных правовых актов;

6) у органов местного самоуправления появляется возможность полного контроля за эффективностью расходования ТОС выделяемых бюджетных средств;

7) используется самый быстрый, надежный и комфортный способ реализации норм федерального законодательства об общественном контроле, поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций и иных законов, касающихся развития гражданского общества (см., например: [1]);

8) вырабатывается механизм выявления и формирования конструктивного электората, оздоровления социального климата, повышения уровня удовлетворенности граждан условиями жизни в муниципалитете;

9) реализуется возможность создания муниципального кадрового резерва, прежде всего, для представительного органа местного самоуправления;

10) формируется механизм воспитания грамотного, социально ответственного и активного собственника и налогоплательщика.

«Плюсы» для населения самоуправляющейся территории:

1) каждый житель может заявить о важной для него лично проблеме и принять непосредственное участие в ее решении;

2) каждый житель может реализовать свой личный потенциал для улучшения качества жизни на своей территории и заслужить тем самым уважение соседей;

3) каждый житель может воспользоваться механизмами органа ТОС для создания своего позитивного политического имиджа, для старта в своей политической или управленческой карьере;

4) каждый житель может установить надежные рабочие и личные контакты с представителями органов власти, участвовать в формировании наказов для выборных должностных лиц органов власти;

5) жители территории получают реальные, определенные и защищенные законодательством возможности непосредственно участвовать в распределении бюджетных средств и контроле за эффективностью бюджетных расходов [9].

Через органы ТОС легко, просто и, главное, быстро можно донести любое решение власти до населения. Понимая всю значимость данного института, органы местного самоуправления заинтересованы обеспечить достойные условия для работы органов ТОС на своей территории.

В соответствии с подпрограммой № 2 «Развитие территориального общественного самоуправления в Архангельской области» целью государственной поддержки ТОС является развитие и совершенствование системы ТОС в Архангельской области как формы самоорганизации граждан по месту их жительства для самостоятельного, под свою ответственность осуществления собственных инициатив и эффективного взаимодействия исполнительных органов государственной власти Архангельской области и органов местного самоуправления с органами ТОС в Архангельской области [5].

Субсидирование проектов ТОС осуществляется на конкурсной основе, при этом в финансировании проектов ТОС участвуют средства областного бюджета и бюджетов муниципальных образований, а также привлеченные и собственные средства органов ТОС. В 2018 г. на муниципальные конкурсы подано 459 проектов ТОС, 306 (66,6 %) проектам оказана государственная (финансовая) поддержка. Проекты ТОС реализуются по пяти основным направлениям (итоги 2018 г.). Наибольшее количество проектов реализуется по направлениям «благоустройство населенного пункта» (43 %); «сохранение и использование местного исторического, культурного наследия, сохранение народных традиций и промыслов» (18 %); «развитие физической культуры и спорта» (16 %).

На финансовую поддержку проектов в 2018 г. было направлено: 16,4 млн рублей из областного бюджета; 11,5 млн рублей из местных бюджетов; более 11,9 млн рублей составили привлеченные и собственные средства ТОС. Объем средств областного и местных бюджетов для поддержки ТОС за 2018 г. составил более 39,8 млн рублей, что на 10,3 млн больше, чем в 2017 г. [7].

Субсидии из областного бюджета предоставляются в соответствии с п. 1 ст. 6 Закона Архангельской области от 23 сентября 2004 г. № 259-внеоч.-ОЗ «О реализации государственных полномочий Архангельской области в сфере правового регулирования организации и осуществления местного самоуправления», статьей 11 Областного закона от 22 февраля 2013 г. № 613-37-ОЗ «О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Архангельской области», ст. 5 Областного закона от 23 сентября 2008 г. № 562-29-ОЗ «О бюджетном процессе в Архангельской области» [4, 3, 2].

Объем финансирования мер поддержки и распределение средств субсидий в разрезе муниципальных образований на развитие системы территориального общественного самоуправления утверждаются областным бюджетом на соответствующий год.

Большую роль в развитии территориального общественного самоуправления играют целевые программы по поддержке института местного самоуправления на уровне муниципальных образований. Так, в 24 из 26 муниципальных образований Архангельской области приняты муниципальные программы поддержки ТОС. Из них: 12 программ профильные; в 12 муниципалитетах тема поддержки ТОС входит в комплексные программы. Основными мероприятиями в муниципальных программах являются: организация и проведение конкурса проектов ТОС; организация и проведение первого этапа конкурсов «Лучший ТОС Архангельской области» и «Лучший активист ТОС Архангельской области». Кроме того, отдельные муниципалитеты планируют выделение средств на проведение обучающих семинаров для активистов ТОС, приобретение оборудования для организации информационного обеспечения и методического оснащения ТОС.

В рамках консультационной и методической поддержки ТОС ежегодно проводятся муниципальные и межмуниципальные семинары по подготовке проектов ТОС (в 2018 г. обучение прошли 180 активистов, за пять лет – более 1 тыс.). Эффективной площадкой для прямого взаимодействия органов ТОС удаленных друг от друга муниципалитетов, рассмотрения «типовых» подходов при реализации проектов, обсуждения подготовки совместных межмуниципальных проектов ТОС являются межмуниципальные мероприятия по обмену опытом деятельности (ежегодно проводится не менее пяти мероприятий, общее количество участников – не менее 200 человек) [7].

В 2018 г. Государственным автономным учреждением Архангельской области «Центр изучения общественного мнения» было проведено комплексное исследование «Территориальное общественное самоуправление в Архангельской области: отношение со стороны населения, общественников, власти и самих участников». В исследовании приняли участие более 2 тыс. жителей области, проведены результативные интервью с активистами ТОС, экспертами и представителями органов местного самоуправления. Опрос позволил оценить приоритетные и востребованные направления деятельности, информированность и вовлеченность населения в территориальное самоуправление, а также определить эффективные механизмы мотивации населения для участия в работе ТОС.

Основная задача заключалась в выявлении факторов, препятствующих созданию ТОС, определению проблем, с которыми сталкиваются активисты при организации общественной деятельности, решении проблем местного сообщества. Наиболее яркие, активные ТОС были опрошены в качестве экспертов территориального самоуправления. Глубинные интервью проведены с 12 экспертами. Это позволило в подробностях изучить положение ТОС, выявить трудности и приоритеты дальнейшей работы.

В результате исследования выяснилось, что о деятельности ТОС знают или что-то слышали 47 % респондентов, менее 5 % опрошенных принимали участие в их работе [7]. В общественной жизни муниципалитета за 2018 г. приняли участие более половины жителей. Основным препятствием к проявлению такого рода активности является нехватка времени, недостаток информации о мероприятиях, нехватка организаторов мероприятий. Информирование населения о работе органов ТОС на муниципальном уровне осуществляется в основном на общественных собраниях, через местную прессу. В тоже время, 25 % ТОС имеют группы в социальных сетях, 50 % используют традиционные способы донесения до населения информации (расклеивают объявления, проводят личные беседы, обзванивают жителей по телефону).

По данным исследования, в настоящее время среди активистов ТОС наиболее востребованы юридические знания, знания, связанные с осуществлением проектной деятельности, поиском, подготовкой и защитой проектов, а также из области экономики, финансов и бухгалтерского учета [7]. В результате исследования выявлено, что значительную поддержку действующим ТОС может оказать помощь практического характера, в том числе развитие форм кооперации между органами ТОС и муниципалитетами.

По данным исследования, основными механизмами развития и совершенствования работы ТОС в Архангельской области являются продвижение пролонгированных проектов, связанных с благоустройством территории (строительство и реконструкция досуговых и спортивных объектов, благоустройство конкретного участка территории и т. п.); создание «традиций»

(участие в тематических праздниках, проведение конкурсов для детей и взрослых и т. п.) [7].

В 2019 г. нами изучалось мнение экспертов в области ТОС о возможности влияния общественной активности граждан на уровень развития экономики территории. Было проведено авторское исследование – интервью с экспертами. В этой роли выступили главы муниципальных образований, специалисты, работающие с представителями ТОС в администрациях муниципальных образований, эксперты в области ТОС, председатели ТОС (всего 26 человек).

Основная гипотеза в авторском исследовании: «Общественные проекты могут оказывать существенное влияние на развитие экономики территории при определенных условиях».

На вопрос «могут ли общественные проекты влиять на развитие экономики» только 10 % опрошенных ответили «нет, не могут»; «это утопия, нереально»; «вообще зачем». Остальные 90 % экспертов, в том числе специалисты администраций, главы поселений, опирающиеся сегодня на проектную деятельность ТОС на территории муниципалитетов, ответили «да, могут» и указали на некоторые условия, при которых это влияние возможно.

По данным авторского исследования, влияние ТОС на экономику территории возможно при условиях:

- широкого и качественного информирования всех участников о возможностях, предоставляемых для развития, в том числе бизнеса;
- обучения (очного, онлайн, заочного) бизнес-планированию и бизнес-проектированию;
- сопровождения лидерских команд ТОС (административного, юридического, финансового) при регистрации в качестве юридического лица;
- возможности получения грантов на реализацию бизнес-проектов;
- возможности получения налоговых льгот на период становления (первые три-пять лет);
- включения вновь образованных юридических лиц в структуру экономических связей на территории муниципалитета;
- поддержки «первого лица» (на начальном этапе); и др.

Среди ответов экспертов выявилось большое количество предложений для последующего обсуждения. Так, например, предлагается:

1) создать площадку единую для всех проектных идей и поддержки инициатив;

2) в структуру местного управления власти ввести единицы специалистов высокого уровня, способных зажечь, поднять, поддержать лидеров территорий;

3) упростить бремя административных барьеров, ослабить прессинг контрольно-надзорных органов, упростить процедуры ведения бизнеса и отчетности;

-
-
- 4) использовать ресурсы (лесные, энергетика, вода, земля и пр.) территории;
 - 5) создать Центры местной активности;
 - 6) оплачивать работу руководителей ТОС;
 - 7) увеличить бюджетное финансирование в два раза;
 - 8) вести прямой диалог о проблемах, совместно участвовать во всех делах, консультациях;
 - 9) создать условия для привлечения молодежи в деятельность ТОС;
 - 10) привлекать грамотных руководителей, умеющих мыслить масштабно.

Чем все-таки являются ТОС – общественной инициативой или бизнес-проектом?

Сегодня движение ТОС достаточно мощное, оно привлекает все больше участников, находит софинансирование и дополнительные ресурсы на реализацию социально значимых проектов. В тоже время территория, где действуют ТОС, значительно более привлекательна для жизни и инвестиций. Главное, что она живая. Реализуемые задачи становятся все более сложными, активы ТОС задумываются над важными вопросами и создают серьезные, дорогостоящие проекты. На этом этапе социальная и гражданская активность перерастает в профессиональную деятельность, возникает потребность в привлечении компетентных ресурсов, принятии серьезных управленческих решений.

На сельских территориях Архангельской области есть примеры преобразования социальных проектов ТОС в успешные бизнес-проекты. Дадим возможность рассказать о них самим представителям таких территорий.

1. *Лия Николаевна Коржакова, председатель ТОС «Уездный город» (с. Яренск, Ленский р-н Архангельской обл.).*

Яренск – старинный уездный город, которому уже 635 лет, в 2012 г. официально признан родиной Матушки Зимы. Это событие положило начало развитию въездного туризма на территории Ленского района. Поскольку у Зимы должна быть настоящая сказочная резиденция, для этих целей идеально подошло здание, которое является памятником истории и культуры XVIII в. – «Дом купца Ешкилева».

Перед инициативной группой ТОС «Уездный город» стояла задача – восстановить и подготовить дом к приему гостей. Предстояло провести косметический ремонт здания, оборудовать тронный зал Матушки Зимы, трапезную, опочивальню, сказочный погребок, открыть лавку мастеров, вовлечь местное население в процесс создания резиденции Зимы. Над реализацией проекта работали не только члены ТОС, но и другие жители Яренска: клеили, красили, приносили старинную мебель, которую активисты ТОС своими силами реставрировали. Предприниматели помогали доставлять из города все необходимое, обеспечили расходными материалами для ремонта, тканями

для пошива костюмов. Информационная поддержка была оказана районной газетой «Маяк». Содействие в проведении мероприятий оказало объединение людей с ограниченными возможностями здоровья «Оптимист», а также Совет молодежи Ленского района и Совет отцов Ленского района.

В доме Ешкилева сохранились сводчатые потолки, печи, лепнина на стенах и потолках. Все это великолепие было сохранено, комнаты оформили в бело-голубых тонах, оттенили все серебром, установили отреставрированную мебель, подсветку и получилась настоящая сказочная резиденция для Матушки Зимы, сейчас в ее доме происходят чудеса. В 2014 г. получено свидетельство Роспатента о регистрации товарного знака «Яренск – родина Матушки Зимы». Создан сказочный образ Матушки Зимы, костюм изготовили местные мастерицы.

По предложению членов ТОС «Уездный город» был создан МБУК «Центр народной культуры и туризма». Он объединил маленькие клубы района. На базе учреждения создан ТИЦ. Деятельность ТОС и резиденции Зимы освещается в публикациях районной газеты «Маяк». Создана группа ВКонтакте «Матушка Зима» (Яренск), электронная почта: matushka-zima@yandex.ru. Для корреспондентов СМИ других регионов были организованы рекламные туры, в том числе для телевидения Кирова, Котласа, Архангельска. Разработан туристический маршрут «В гости к Матушке Зиме». Детей и взрослых ждет увлекательное путешествие в сказку, где царит Матушка Зима.

Большим спросом пользуются программы, которые проводятся в резиденции Матушки Зимы: «Свадебный перезвон», «День рождения в зимней сказке», «Новогоднее приключение», «Выпускной в зимнем дворце», «Пасхальный сувенир», «Зимние посиделки», «Весенние заклички», народные праздники и гуляния.

С 2013 г. поток туристов в Яренск вырос в 5 раз, в 2013 г. мероприятия в резиденции Зимы посетили около 2 тыс. человек, в 2018 – более 10 тыс. человек, при этом население самого Яренска составляет 4 тыс. человек. Для гостей оживает старина на улицах города: купцы и купчихи, медсестры, городовые, урядник и многие другие персонажи выходят, чтобы с ними пообщаться. Так проходит костюмированная экскурсия по Яренску. На поляне «Сказки Ленского леса» их встречают сказочные помощники Матушки Зимы, с которыми скучать не придется. Большой популярностью пользуются мастер-классы по плетению из лозы и бересты, лепке из глины, изготовлению народной куклы и сувениров.

Среди новых идей – туристический маршрут по реке. Каждое лето местные жители спускаются по р. Яреньге. По берегам ее – сказочно красивая природа, залежи синей глины, соленый источник и много интересных сюрпризов. Кроме того, гости приезжают, чтобы посетить святы места. В Ленском районе сохранилось много церквей, но не все они, к сожалению, действуют.

На базе резиденции создано объединение «Мастерицы», «Народные умельцы Матушки Зимы». Для них оборудованы мастерские и открыта «Лавка мастеров». Участники детского объединения «Веселые Снежики» помогают проводить мероприятия, участвуют в выездных программах.

Разработана линейка сувенирной продукции, которая пользуется большим спросом – это забавная игрушка Снежик, счастливая Льдинка, волшебная Снежинка, а также магниты, календари, кружки, футболки, пакеты, конфеты, буклеты и т. д. Снежик занял первое место на II Всероссийском фестивале-конкурсе «Туристический сувенир» в номинации «Сувенир-игрушка». Каждый год к дню рождения Зимы проводится фестиваль искусств «Снежное кружево Зимы», который собирает мастеров, а также профессиональные творческие коллективы.

Сама Матушка Зима дома не сидит: путешествует со своими помощниками, участвует в фестивалях, выставках, конкурсах («Созвездие северных фестивалей», г. Архангельск; «Ворота севера», г. Вологда; «Всемирные сказочные игры на Вятке», г. Киров; а также события в Норвегии, Исландии и др.).

На зимней Олимпиаде в Олимпийском парке Сочи Матушка Зима была в составе экспозиции Северо-Западного региона, на площадке Деда Мороза.

Проект реализуется при организационной и методической поддержке сотрудников администраций муниципальных объединений «Ленский муниципальный район» и «Сафроновское», мероприятия для проекта предложили Яренский краеведческий музей, Яренская библиотека и Комплексный центр дополнительного образования.

Активное взаимодействие с индивидуальными предпринимателями помогает расширить линейку предлагаемых услуг, сделать работу резиденции Матушки Зимы более эффективной и прибыльной: «ИП Леушева Н.Л.» открыла «Конный двор Матушки Зимы», «ИП Песчинская И.Н.» создает новые места и размещает туристов в гостевых номерах, «ИП Лизунова В.А.» и ПО «Яренское» организуют питание в кафе «Огонек» и «Тодес». Особым спросом у гостей пользуются блюда из меню «Трапеза от Матушки Зимы» и «Волшебная кухня Бабы Яги». «ИП Иванов Ю.Б.» из г. Сыктывкара предоставил ткани для пошива костюмов.

В поддержку нашего проекта в Ленском районе на пути следования к Матушке Зиме создано несколько ТОС: «Преображенский парк» в Яренске, ТОС «Белопашино» в д. Белопашино, ТОС «Возрождение» в с. Козьмино.

По итогам работы за пять лет бренд «Яренск – родина Матушки Зимы» вошел в федеральный проект «Сказочная Россия». 6 и 7 июля 2018 г. в Яренске была проведена дискуссионная площадка «Туристский бренд как ресурс развития территории» под руководством экспертов федерального проекта «Сказочная Россия».

Издательство «Питер» планирует издать книгу о зимних волшебниках России, в которую будет включена сказка о Матушке Зиме. В этом издательстве выпущена настольно-печатная игра «Путешествие по сказочной России» с Матушкой Зимой. Начала работу «Сказочная почта Матушки Зимы», в которой участвуют партнеры из десяти регионов России.

Реализованы проекты «Дворик Матушки Зимы», что позволило оформить территорию возле резиденции и установить сказочные ворота. Для досуга детей и подростков изготовлены деревянные качели, горка, скамейки, карусель «Гигантские шаги».

В настоящее время в стадии реализации находится проект «Аллея новобрачных». Совместно с администрацией муниципального объединения «Сафоновское» разработан проект по оформлению парка им. Р.С. Землячки.

2. *Щеголихина Нина Анатольевна, председатель ТОС «Сосновка» (пос. Пинега, Пинежский р-н Архангельской обл.).*

Орган ТОС «Сосновка» осуществляет свою деятельность с декабря 2010 г. За этот срок ТОС реализовал пять проектов с финансовой поддержкой. Проект «Маленькая страна» – первое общее дело, целью которого было строительство безопасной и удобной детской площадки. Проект был реализован за очень короткий период, благодаря активной деятельности активистов ТОС и вовлечению в работу общественности. В реализации проекта участвовали не только взрослые, но и дети разного возраста. Второй проект «Раз, два, три – надежду людям подари!» был более сложный и состоял из нескольких проектных идей. В итоге в сквере построили беседку, к беседке зацементировали дорожку, установили лавочки, ограждение, посадили деревья и кустарники. Второй объект – водозаборная электрическая колонка, а третий объект – это оборудование торговых рядов «Торжок».

ТОС «Сосновка» тесно сотрудничает с населением и организациями, которые находятся на территории поселения. Так, например, по просьбе руководителя Дома культуры была построена сценическая площадка для проведения массовых уличных мероприятий, проект назывался «Театральные подмостки для всех жителей Сосновки». Появился этот проект в год 60-летия поселка.

В год экологии (2017 г.) появился проект «В гармонии с природой» по приоритетному направлению «благоустройство территории, природоохранная деятельность». В рамках проекта была обустроена зона отдыха: стол, лавки, навес от непогоды, кострище. Был установлен баннер с обращением о бережном отношении к природе. В 2018 г. в поселке и на территории государственного лесного фонда силами ТОС установлено 12 баннеров на экологическую тему.

Для комфортного ожидания переправы на другой берег Пинеги силами ТОС реализован проект, который мы так и назвали «За реку-у-у...!». Поселок

Мамониha отметил свое 65-летие. В подарок к юбилею на берегу появилась крытая беседка, где в ожидании перевоза люди могут укрыться от непогоды.

В ТОС «Сосновка» не сидят на месте в любое время года. Если это зима, то активно вместе со всеми жителями поселка готовятся к новогодним праздникам. Дед Мороз и Снегурочка – желанные гости в любом доме – поздравляют детей и дарят им подарки. В 2019 г. в областном конкурсе снежных фигур «Нашествие снеговиков» наш снеговик «Сосновский лесоруб» занял первое место. Участники были награждены памятными подарками и благодарственным письмом. Кроме того, у ТОС «Сосновка» есть своя волейбольная команда, которая ежегодно сражается в волейбольных турнирах за переходящий профсоюзный кубок и в упорной борьбе занимает призовые места.

Тосовцы совместно с жителями поселка, ветеранской организацией, общественниками и просто неравнодушными людьми ежегодно выходят на воскресники по уборке территории поселка от мусора, наводят порядок вдоль дорог и по берегам рек. Проводят акции: «Чистые улицы – чистый поселок», «Чистые берега» и др. Силами активистов ТОС изготовлены и уставлены урны с оригинальными надписями около общественных зданий и магазинов.

Благодаря активистам ТОС появились такие праздники, как «Раз, два, три, четыре, пять – будем зиму провожать» (проходит на площадке в зоне отдыха «В гармонии с природой»); пионерский сбор, посвященный дню рождения Пионерии. На торжественную линейку строятся отряды: ТОС «Сосновка», совета ветеранов, Архоблэнерго, педагогов школы. У каждого отряда свое название, девиз, речевка и зажигательная песня. Торжественная линейка начинается с поднятия флага и выноса знамени, председатели совета отрядов сдают рапорт старшей пионерской вожатой, праздник продолжается с играми и состязаниями. Звуки горна, барабана, алый галстук и пилотка живут в наших сердцах. Люди охотно приходят на такие мероприятия и принимают активное участие. Ежегодно, как и вся Россия, мы проводим массовые забеги «Лыжня России». Работники Дома культуры традиционно каждый год проводят «Битву хоров» среди коллективов поселка. У ТОС есть свой поющий коллектив, он постоянный участник «Битвы хоров».

В 2018 г. по итогам Всероссийского конкурса лучших практик территориального общественного самоуправления ТОС «Сосновка» занял третье место в номинации «Развитие местной среды проживания» с проектом «Раз-два-три – надежду людям подарил!». А председатель ТОС Нина Анатольевна Щеголихина отмечена благодарственным письмом Минстроя России.

ТОС неоднократно участвовал в межрегиональных конференциях территориального общественного самоуправления Поморья, выходил на конкурс «Лучший ТОС Архангельской области» и «Лучший активист ТОС». В феврале 2019 г. на территории нашего поселения прошел межрайонный круглый стол для активистов, в котором приняли участие 14 ТОС Пинежья.

В 2019 г. пос. Сосновка исполнилось 65 лет, активисты ТОС приняли активное участие в подготовке и проведении юбилейных мероприятий, а именно силами ТОС и активистами Совета ветеранов отремонтировали сцену около Дома культуры. ТОС «Сосновка» считает, что, любой населенный пункт начинается с звездной стелы или памятного знака, а его архитектура и оформление могут много рассказать о самом поселке и его жителях. К юбилейной дате поселка активисты ТОС установили при въезде в поселок арт-объект.

Работа ТОС «Сосновка» продолжается: здесь живут хорошие люди, они любят свою малую родину и делают для нее все, что возможно. Поселок с каждым годом становится краше и уютнее. Есть надежда, что многие дети, покинувшие родное гнездо в поисках лучшей жизни в городе, вернуться в родной поселок.

3. *Коренева Галина Александровна, глава МО «Кенозерское» (Плесецкий р-н Архангельской обл.).*

Территория муниципального образования «Кенозерское» большей частью расположена в границах Национального парка «Кенозерский». Поселение дотационное, поэтому финансирование ограничено, а жить и развиваться населенным пунктам надо, поэтому стали искать выход: как найти средства на развитие и благоустройство наших населенных пунктов.

Из семинаров, проводимых в национальном парке, узнали, что люди объединяются и проводят работы по благоустройству территорий и улучшению условий жизни своей малой родины собственными силами, узнали о создании территориального общественного самоуправления. Активным местным жителям поселения эта идея понравилась, и они тоже стали объединяться. Были созданы в пос. Поче ТОС «Надежда», в пос. Усть-Поче – ТОС «Радуга», в д. Нижнее Устье – ТОС «Приозерье», позже в д. Вершинино – ТОС «Летучий корабль».

Создание ТОС инициирует и объединяет местных жителей для улучшения условий жизни в своем населенном пункте и его благоустройства, являясь огромной помощью местной администрации. Именно активисты ТОС образуют инициативную группу населенного пункта, благодаря стараниям и упорству которой преобразуются наши поселки и деревни.

Активисты ТОС принимают участие в семинарах «10 шагов к успешному проекту», которые проводятся администрацией Архангельской области на базе Национального парка «Кенозерский». Я также стараюсь не пропускать семинары и считаю, что они учат грамотно разрабатывать проекты, дают информацию об опыте работы ТОС в других территориях.

В марте 2019 г. наши активисты участвовали в очередном семинаре «10 шагов к успешному проекту». ТОС «Летучий корабль» разрабатывал проект по ремонту пешеходного мостика из д. Вершинино в д. Погост. Проект назывался «Через реченьку мосток» и стал призером конкурса. ТОС получил

поддержку от администрации Архангельской области на частичную оплату работ, от Кенозерского национального парка – строительные материалы для ремонта мостика, а остальные работы будут выполнены местными жителями.

Активисты в д. Рыжково решили отремонтировать здание старого магазина, который в настоящее время не работает, организовав в нем музей своей деревни, и также получили материальную поддержку своего начинания. ТОС «Радуга» готовил проект по ремонту клуба в пос. Усть-Поче. Его проект не вошел в число призеров, но они не остановились на этом: со своим проектом подали заявку на конкурс ТОС, который проводила администрация муниципального образования «Плесецкий район», и получили финансовую помощь там.

Активисты ТОС принимают участие и в конкурсах ТОС, проводимых администрацией муниципального образования «Плесецкий район». В 2019 г. заявки на финансирование подали ТОС «Летучий корабль» с проектом «Свет на улицах Кенозерья» и ТОС «Приозерье» с проектом «Жить со светом веселей». Оба проекта ставили своей целью обеспечение своих населенных пунктов уличным освещением и получили поддержку.

Сегодня территориальное общественное самоуправление – это действенная форма, которая обеспечивает участие жителей в развитии территории. Именно благодаря таким неравнодушным людям и появляются интересные предложения, реализуются перспективные начинания.

Опыт ТОС «Уездный город» – яркий пример тому, что общественное самоуправление способно на многое. В том числе оно может оказывать влияние на развитие экономики территории. Красивая идея актива в свое время стала основой для продвижения целого ряда социальных и бизнес-инициатив. Команда проекта работает на развитие одной большой идеи в комплексе, добавляя и наращивая предложения.

В то же время, команды активистов ТОС муниципального объединения «Кенозерское», как и ТОС «Сосновка», осуществляют разностороннюю деятельность на территории муниципалитета, вникая во многие вопросы местного самоуправления, предлагая инициативы по решению существующих проблем.

В развитии ТОС напрямую заинтересованы как власть, так и население. Со стороны власти необходимы системная целенаправленная политика, стимулирующая создание ТОС, комплексная поддержка, включающая все составляющие; со стороны населения – инициативная деятельность по созданию и работе ТОС. Граждане, участвующие в территориальном общественном самоуправлении, на деле управляют территорией, где проживают. Очевидно, что в настоящее время ТОС является достаточно открытой и понятной формой для обозначения и защиты интересов своих членов, непосредственным носителем информации о проблемах. В тоже время, территория, где действуют ТОС, значительно более привлекательна для жизни и инвестиций. Нередко актив ТОС (и это подтверждается результатами исследования) является

командой, способной реализовывать сложные, дорогостоящие проекты, но для решения вопроса продвижения проектной деятельности ТОС в экономическую плоскость на уровне муниципалитета требуются профессиональные знания. Общественные проекты могут оказывать существенное влияние на развитие экономики территории при определенных условиях. Для этого необходимо начать обсуждение возможности влияния самоорганизации граждан на развитие и маркетинг территории.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. 6 окт. № 40. Ст. 3822.
2. Закон Архангельской области от 23.09.2008 г. № 562-29-ОЗ (ред. от 02.07.2019) «О бюджетном процессе Архангельской области» (принят Архангельским областным Собранием депутатов 23.09.2008 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
3. Закон Архангельской области «О государственной поддержке территориального общественного самоуправления в Архангельской области» от 22.02.2013 г. № 613-37-ОЗ // Волна. 2013. 26 февр. № 7.
4. Закон Архангельской области «О реализации государственных полномочий Архангельской области в сфере правового регулирования организации и осуществления местного самоуправления» от 23.09.2004 г. № 259-внеоч. // Волна. 2004. 8 окт. № 38.
5. Постановление Правительства Архангельской области от 08.10.2013 № 464-пп (ред. от 29.08.2019 г.) «Об утверждении государственной программы Архангельской области “Развитие местного самоуправления в Архангельской области и государственная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций (2014–2021 годы)”» // Правительство Архангельской области. <https://dvinaland.ru/gov/-bofbp7xv> (дата обращения: 17.09.2019).
6. *Алешкова Н.П.* Некоторые проблемы правового регулирования организации территориального общественного самоуправления в городах // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 95–99.
7. Доклад о состоянии, проблемах и перспективах развития территориального общественного самоуправления в Архангельской области, об эффективности мер государственной поддержки территориального общественного самоуправления в Архангельской области по итогам 2018 года. https://portal.dvinaland.ru/upload/iblock/53c/tos_2018.pdf (дата обращения: 17.09.2019).
8. *Шургина Е.С., Иванова К.А.* О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС). М., 2018.

Малое прекрасно

Нужна целая деревня, чтобы вырастить одного ребенка.
Нигерийская поговорка

Я бы хотел представить видение сельской территории, как среды для жизни, построенной на идеалах красоты, долговечности и ненасилия, в виде концепции «Малое прекрасно».

Многие люди сегодня все отчетливее понимают, что эгоистическое извлечение прибыли и потребительское отношение к миру ведут к разрушению основ жизни. Это отчетливо проявляется в катастрофическом влиянии индустриализованного сельского хозяйства на землю, пчел, качество продуктов питания и т. д., в мучениях животных, вымирании лесов.

Почему человек стал придатком производства или крупного бизнеса, а не производство обслуживает человека? Действительно ли все измеряется деньгами? Неужели человек – эгоистичное существо с безграничными потребностями? Нужны ли нам высокие технологии? Почему научно-технический прогресс порождает больше проблем, чем решений, разрушая при этом природу и человека? Что же нам теперь делать?

Об экономике. Сегодня мы подошли к той опасной черте, когда детализация и количество производимых предметов и упаковки для каждого вида деятельности вкупе с западной теорией и практикой маркетинга, ориентированного на рост и потребление, начали угрожать жизни всего живого на Земле. Например, сейчас в океанах появляются целые острова пластика, которые животные принимают в свою пищевую цепочку с массовыми трагическими последствиями. Параллельно с этим население стягивается к мегаполисам, ориентируясь на размер зарплаты, а не на собственное предназначение и культурное развитие как на главный мотив для выбора места жительства. Падает нравственность, ибо корпорации в целях выгоды вкладывают огромные деньги в рекламные бюджеты для продвижения порочного образа жизни и вредных продуктов питания. Школа становится все более бюрократичной, а среда больших городов – все более враждебной к нормальной человеческой жизни, живому общению, а в некоторых странах – к нормальной семье и отношениям в ней поколений (дедушки, бабушки – родители – дети).

В ответ на все большую урбанизацию одним из движений в общественной жизни последних десятилетий, направленных на то, чтобы построить альтернативное, более совершенное общество, объединившее людей с цен-

ностями на основе семьи и духовной этики, стало создание (без преувеличения – во всех уголках мира) экопоселений. Не вдаваясь в детали, скажу, что с точки зрения этики и экономики эти новые поселения столкнулись с общими цивилизационными проблемами, в том числе с тенденцией «исхода» молодежи в города, а в России еще и с уменьшением сельского населения, падением общего уровня культуры, образования и производства в сельской местности.

Концепция «Малое прекрасно» основана на понимании того, что именно в малом проекте или в небольшом сообществе единомышленников на конкретной территории возможна реализация принципов сообщества, для которого экономика перестанет быть довлеющей силой, а станет инструментом в руках человека. Нам еще только предстоит серьезная попытка осмысления путей для «малых сих» в условиях глобализации и всемирной зависимости от выгоды и моды.

Для нашего сообщества «Добрая земля» эти идеи крайне своевременны и применимы в построении малой экономики, которая станет подспорьем в сохранении здорового (во всех смыслах) образа жизни для жителей сотрудничества поселений, поддержкой экономики, в которой люди и творческий труд имеют значение.

Сегодня нам как никогда нужно сочетание деловой практичности и глубоких духовных знаний. Отмахиваясь от важнейших вопросов о смысле жизни и месте человека во Вселенной, современное общество обрекает его на глубокий мировоззренческий кризис, при этом достижение состояния счастья становится почти невозможным.

Вот что думает по этому поводу британский экономист Эрнст Шумахер, размышляющий об особенностях так называемой буддийской (гуманной или духовной) экономики, противопоставляя ее экономике западной: «Для работодателя [труд] – одна из статей в графе “затраты”, следовательно, чем меньше расходы на оплату труда, тем лучше... С точки зрения рабочего, труд – это досадное неудобство, ведь работать – значит жертвовать своим комфортом и досугом. Заработная плата служит как бы компенсацией этой жертвы. Получается, что работодателю в идеале хотелось бы наладить полностью автоматизированное производство, в то время как мечта каждого работника – получать доход без всяких усилий. <...>

С точки зрения буддизма, назначение труда по крайней мере тройко. Во-первых, труд предоставляет человеку возможность использовать и развивать свои способности. Во-вторых, труд помогает ему преодолеть свой эгоизм через работу над общей задачей совместно с другими людьми. В-третьих, труд решает задачу производства необходимых для достойной жизни товаров и услуг. <...> Для буддийского экономического планирования на первом плане должно стоять обеспечение полной занятости не для достижения на-

ибольшего объема производства, но лишь ради обеспечения работой тех, кто нуждается в ней. <...> Буддийская экономика старается максимально удовлетворить потребности путем оптимального потребления, в то время как западная наука ориентирована на максимальное потребление с помощью оптимального производства. <...>

С точки зрения буддийской экономики, производство из местных ресурсов для местных нужд является наиболее рациональным экономическим укладом. <...> Буддийский экономист утверждает, что страна, где население использует в основном невозобновляемые источники энергии, ведет паразитический образ жизни, потребляя не доход, а капитал» [4].

О культуре. «Одна из проблем, которую нельзя решить никакими процедурами и экономическими моделями, – миллиарды недорослей, недоучек, недоразвитков. Примитивные народы умели воспитывать своих мальчиков и девочек. Простая культура целиком влезала в одну голову, и в каждой голове были необходимые элементы этики и религии, а не только техническая информация. Культура была духовным и нравственным целым, а естественным примером этой цельности оставались отец с матерью. Сейчас они банкроты. Тинейджер, овладевший компьютером, считает себя намного умнее деда, пишущего авторучкой. Мир изменился: каждые пять лет он другой, и все старое сбрасывается с корабля современности. Растут миллиарды людей, для которых святыни, открявшиеся малограмотным пастухам, не стоят ломаного гроша. <...>

Одно из бедствий современности – глобальная пошлость, извергаемая в эфир. Возникает иллюзия, что глобализм и пошлость – синонимы. И глобализм уже поэтому вызывает яростное сопротивление. Не только этническое. Не только профессиональное. <...>

Одна из особенностей великих культурных миров – способность к историческому повороту, переходу от расширения вовне к внутреннему росту, от захваченности центробежными процессами к созерцанию духовного центра и покаянию за отрыв от него. <...> Лидерами станут страны и сообщества, которые лучше других сумеют создать новый стиль жизни, включить паузу созерцания в череду дел, избавиться от лихорадки деятельности. Пионерами могут быть и большие и маленькие страны или сообщества, сильные и слабые. Мы не знаем, кто вырвется вперед. Но начинать должны все.

Решающей становится не экономика, а педагогика, оказывающая влияние на личность уже с детского сада. Дети схватывают зачатки нового быстрее взрослых. С самого раннего детства можно воспитывать понимание радости, которую дает созерцание. И это подготовит людей к переоценке ценностей, к переходу от инерции неограниченного расширения техногенного мира к цивилизации созерцания, духовного роста и равновесия с природой.

Если мы будем просто звать людей ограничить свои потребности, не выйдет ничего, кроме раздора. <...> Поворот может дать только открытие ценно-

сти созерцания, паузы созерцания в делах, в диалогах и дискуссиях, в развитии мысли. <...>

Школа не может отвлечься от сегодняшнего дня, не может не готовить программистов, юристов, менеджеров. Но сегодняшний день скоротечен, и течение несет его к смерти. <...> Культура, не нашедшая опоры в вечном, падет под напором перемен.

Школы могут и должны учить паузе созерцания: через искусство, через литературу, через регулярные выезды на природу, в сельскую местность. Со временем – используя телевидение, если оно повернется к величайшей проблеме века» [1].

О детстве и современном образовании. Современная западноевропейская цивилизация охватила уже все человечество. И теперь государственная система вместе с финансово-рекламным лобби делает то, что ранее делал западный колониализм. В юные души имплантируется западный образ мышления. Народы многих стран испытывают огромные проблемы с самоидентификацией, а представление о мире, получаемое в таких школах, часто также далеко как от современных научных познаний, так и от традиционной, еще живой мудрости этих народов. Вновь добиться самоидентификации можно только через осознание своих культурных и религиозных корней, через собственный язык, ландшафт и т. д.

При этом разрушение экосистемы пробуждает нас и требует действовать уже сегодня. Представьте себе: люди обращаются лицом к земле, прекращают бесконечную погоню за прибылью и массовое истребление животных и переключают свое внимание на других, становятся готовы служить людям. Взрослые берут с собой детей, а дети не просто отсиживают время на уроках, в школе и на продленке – они работают вместе со взрослыми, маленькие – играя, старшие – постепенно присоединяясь к работе взрослых. Когда обращаешься к таким идеям, видишь потребность в новом учебном плане, видишь значение новых предметов. А там, где эти идеи воплотятся, родной язык, литература и математика – эти «священные коровы» образования – будут стоять в одном ряду с такими предметами, как садоводство и рукоделие.

Назовем некоторые черты современной ситуации в школе и семье, представляющие угрозу детству:

- начало обучения во все более раннем возрасте;
- «госплан» на первые 10 лет жизни;
- обучение чтению начиная с 3-х лет,
- односторонняя интеллектуализация образования; обострение конкуренции среди детей;
- экзамены;
- недостаток двигательной активности;
- отсутствие истинно художественного в обучении;

-
-
- дефицит игры.

Ситуация дома, в семье очень часто столь же безрадостна:

- разрушенные семьи;
- опустошенные стрессом родители;
- безработица;
- бедность;
- дети, проводящие часы перед экранами телевизоров;
- дом, представляющий собой не родное гнездо, а пещеру для видеоигр.

Если мы исключим из этого списка бедность и обратим внимание на детей обеспеченных родителей, то обнаружим, что они страдают точно так же. Мы должны действовать! Пусть это будет хотя бы самое необходимое для сохранения детства. Подарим детям хотя бы десять лет детства. Только тогда взрослые, которыми станут наши дети, будут иметь творческую фантазию достаточно сильную, чтобы устроить жизнь на Земле лучше, чем это сделали мы. Ибо речь идет о Земле, о юных силах Земли. Школа должна быть понята по-новому. Сегодня в школе дети должны жить, играть и работать так, чтобы присущее им от природы воображение преобразилась в творящую фантазию. В школе нужно учиться без нажима и страха, учение не должно отнимать здоровье и счастье.

Цивилизация сама по себе враждебна детству. Особенно заметно это в городах. Любое движение ребенка, не находящееся под контролем взрослого, опасно для жизни. Игры запрещены. Все вещи сделаны так, чтобы соответствовать условиям жизни взрослых. Детство и старость – неизбежные, но, как это ни абсурдно, маргинальные состояния. Детство пытаются максимально использовать. Как только ребенок демонстрирует первые признаки формирования представлений, его сразу берет в оборот обязательная государственная школа. Во всем мире наблюдается тенденция «омоложения» образования – дети начинают посещать школу все с более раннего возраста. Образовательный процесс находится под управлением научного соотношения «мышление–польза–стоимость», как по своей организации, так и внутренне, по сути. В подавляющем большинстве стран работа учителя очень низко оплачивается. Это значит, что к несчастью детей прибавляется несчастье учителей. А следствием этого является то, что учителя слишком мало занимаются своими учениками.

Создание окружения, необходимого для плодотворного развития детей, – сложная задача, требующая глубокого преобразования наших представлений и образа жизни. Реализация этой задачи способна привести к глобальному переустройству всей цивилизации.

Современная школа – это такое место, где ребенок особенно чужд реальной жизни. Все проявления ее искусственны, а так называемая «мотивация» школьников – не что иное, как принуждение к обучению. Все это враждебно

детям, ведь ребенок находит свой смысл жизни в настоящем, а не в неясном будущем, ради которого он должен сегодня овладеть какими-то знаниями. И дети также полностью отделены от всякого труда – им нужно освободить время от учебы. К сожалению, лишь немногие люди в наши дни понимают, что такое положение дел превращает Землю в руины.

Преобразование школы. Какова же должна быть сегодняшняя школа, создающая правильное окружение для современных детей? Я бы дал следующий ответ на этот вопрос: «Воспитание и обучение детей не через прямое воздействие, а через постепенное их погружение в занятия взрослых». Взрослые воспитатели должны быть заняты делом. И не напрямую воспитанием детей, а делами, необходимыми для жизни, в числе которых – умения писать, читать, считать и петь.

Ребенок учится через копирование действий. Отсюда и возникает идея разумно занятых взрослых, деятельности которых стоит подражать. Естественно, идеальным местом для этого был бы новый сельскохозяйственный двор. Но для того, чтобы он стал полноценным окружением для детей, которые сами себя воспитывают, и в то же время местом, которое должно кормить людей, живущих и работающих здесь, он должен быть глубоко и по-новому переработан. Такое глубокое преобразование сельского хозяйства с устремлением на здоровое питание, экологию, частную собственность на землю, оснащение новейшей техникой, учет ситуации на рынке и т. д. должно проводиться на высоком профессиональном уровне, чтобы новые проекты не погибли от сложных экономических реалий, отсутствия средств и опыта.

Малое лучше, чем большое. Для жизни человека особенно важно, чему и как он учится в самом начале своего жизненного пути. Мы не будем рассматривать здесь три первых года, ибо мы желаем всем детям Земли провести это время в лоне семьи. То, что сотни тысяч детей не могут исполнить это желание, – огромная проблема нашего времени.

Таким образом, если ребенок хотя бы до десяти лет развивается в атмосфере, позволяющей свободно раскрываться его личности, как этого требует основной закон развития, то он будет подготовлен к дальнейшей жизни во взрослом мире. Внутри этого семилетия – трех лет детского сада и четырех лет начальной школы – учебный процесс еще не столь жестко регулируется государством, во многих странах даже разрешено домашнее обучение. Но необходимо добиться того, чтобы дети к концу четвертого класса были достаточно подготовлены, и их знания соответствовали государственным нормам. Тогда они смогут без проблем поступить дальше в любую общеобразовательную школу. Таким образом, в течение как минимум трех лет мы сможем достаточно свободно планировать обучение.

«Маленькие школы» станут в полном смысле зернами новых центров обучения. Мы не можем сейчас представить в деталях, как все это развернется в

будущем, но хотим лишь обозначить линию «спасения» детства. Если ставить перед собой такие цели, их результатом неизбежно станет некоторая программа действий.

В отрыве от природы реализовать задуманное сложно, поэтому основным типом такой школы представляется лицей, расположенный или за городом, или на его окраине. Те школы, которые будут обслуживать детей, живущих в городской обстановке, должны, по крайней мере, обеспечивать их летними выездами за город на все лето. Заботливо пестуется и всячески поощряется творческое начало: возвращаются малейшие ростки музыкального, словесного, сценического, архитектурного, живописного, философского, религиозного творчества. Культивируется творческое отношение ко всякому труду, отвращение к насилию, разрушению, подавлению чужой воли. Здесь мы подходим к важнейшему понятию – свободе.

О свободе и смысле жизни. «Понятие свободы нельзя верно охватить без оценки жизненных задач нашего земного существования, – утверждал А.И. Солженицын. – Я сторонник того взгляда, что жизненная цель каждого из нас – не бескрайнее наслаждение материальными благами, но: покинуть Землю лучшим, чем пришёл на неё, чем это было определено нашими наследственными задатками, то есть за время нашей жизни пройти некий путь духовного усовершенствования. (Сумма таких процессов только и может назваться духовным прогрессом человечества.) Если так, то внешняя свобода оказывается не самодовлеющей целью людей и обществ, а лишь побочным средством нашего неискаженного развития; только возможностью для нас – прожить не животным, а человеческим существом; только условием, чтобы человек лучше выполнил свое земное назначение. И свобода – не единственное такое условие. Никак не меньше внешней свободы нуждается человек – в незагрязненном просторе для души, в возможностях душевного сосредоточения. Увы, современная цивилизованная свобода именно этого простора не хочет оставить нам» [3].

Все это обуславливает решение о жизни на земле, в сельской местности.

О будущем. Вот каким видел это будущее академик А.Д. Сахаров, написавший в свое время: «Я предполагаю постепенное... выделение из перенаселенного, плохо приспособленного для жизни людей и сохранения природы индустриального мира двух типов территорий. Назову их условно: “Рабочая территория” (РТ) и “Заповедная территория” (ЗТ). Большая по площади “Заповедная территория” предназначена для поддержания природного равновесия на Земле, для отдыха людей и активного восстановления равновесия в самом человеке. <...> Я предполагаю, что в ЗТ люди тоже живут жизнью, имеющей реальную общественную цель, – они не только отдыхают, но и трудятся руками и головой, читают книги, размышляют. Они живут в палатках или в домах, построенных ими, как дома их предков. Они слышат шум горного ру-

чья или просто наслаждаются тишиной, красотой дикой природы, лесов, неба и облаков. Основная их работа – помочь сохранению природы и сохранению самих себя» [2, с. 77–78].

А что же мы сами? А мы, найдя свое пространство на земле, столкнулись с новыми вызовами, которые подвергают наше движение вперед большому риску так и остаться тлеющими углями, из которых никак не разгорается пламя. И главной чертой, главной трудностью современного формирующегося сообщества (читай: поселения) я бы назвал проблему эгоизма, т. е. неготовность пожертвовать для других даже малым: временем, небольшой суммой денег для организации досуга своих же детей, своим согласием, смирением, регулярным усилием. Как много мы могли бы сделать, если бы мы объединились по 40–50 семей, готовых работать на общее дело, уступать и служить в высоком смысле этого слова! Мы последовательно учимся этому, и, как говорил Махатма Ганди: «Если желаешь, чтобы мир изменился – сам стань этим изменением. Если ты хочешь перемену в будущем – стань этой переменной в настоящем».

Список литературы

1. *Померанц Г.С.* Пауза созерцания // Дружба народов. 2002. № 2. <https://magazines.gorky.media/druzhba/2002/2/pauza-sozerczaniya.html> (дата обращения: 22.06.2019).
2. *Сахаров А.Д.* Мир через полвека // Сахаров А.Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 73–85.
3. *Солженицын А.И.* Измельчание свободы: Ответное слово при получении «Премии дружбы» Американского Фонда Свободы, 1 июня 1976 // Вестник русского христианского движения. 1976. № 118. С. 172–175.
4. *Шумахер Э.Ф.* Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. М., 2012.

Волонтерство как форма социального партнерства на заповедных территориях

Слово «волонтер» произошло от французского «*volontaire*», которое в свою очередь имеет латинские корни «*volontarius*»; в дословном переводе оно означает «доброволец, желающий», что совпадает с его русским эквивалентом. Так называют людей, добровольно занимающихся общественно полезной деятельностью. Волонтерство, будучи идеей социального служения, является почти столь же древним, как само понятие «социум». Всегда находились те, для кого способом реализации, самосовершенствования, связи и общения с другими людьми был труд на благо общества. Однако только в XX столетии на истерзанном войнами европейском континенте добровольчество стало приобретать черты всеобщего социального феномена. С тех пор волонтерство успело набрать размах и популярность всемирного масштаба.

По словам бывшего Генерального секретаря ООН Кофи Анана, «в сердце добровольчества (волонтерства) собраны идеалы служения и вера в то, что вместе мы сможем сделать этот мир лучше» [5]. Именно внутренний императив служения идеалам альтруизма и гуманизма является отправной точкой любого вида волонтерской деятельности, что благоприятным образом сказывается на общем состоянии общества. По количеству занятых в добровольчестве жителей исследователи делают выводы об общественной активности и гражданской осознанности той или иной страны в целом. По этому показателю Россия, где число волонтеров в 2018 г. достигло рекордных 11 млн человек (7 % населения), ощутимо отстает от Швеции, США, Франции, Канады, Австралии и Японии [6, с. 45].

Труд добровольцев в 1990-х гг. стал для США и европейских стран ощутимым экономическим ресурсом. Результаты анализа данных, собранных в конце 1990-х исследователями университета им. Дж. Хопкинса в 22 странах, показали, что суммарное количество времени труда добровольцев в течение года эквивалентно труду 10,5 млн человек, работавших полный рабочий день [4, с. 64]. Волонтерами являются около 33 % населения Ирландии, где общее количество времени, отданное на волонтерскую работу, равняется 96 454 рабочим часам в год. При этом 72 % ирландцев считают, что волонтеры делают то, что никогда не может быть сделано руками оплачиваемых сотрудников. Каждый третий немец является волонтером и посвящает безвозмездной помощи около 15 часов в неделю, при этом большинство считает добровольчество «уникальной возможностью для получения жизненного знания и опыта» [8].

По мнению экспертов, в нашей стране волонтерство – молодое явление, становление которого можно проследить лишь в течение последних десятилетий. Постепенно добровольчество становится естественной частью социально-культурной жизни нашего общества [2, с. 78]. В его становлении и развитии собственное счастье и благополучие рассматриваются как продолжение счастья и благополучия окружающих людей [1, с. 144].

Многочисленные международные платформы и сети некоммерческих организаций привлекают в свои проекты ежегодно сотни миллионов волонтеров. Участие в добровольческом движении не имеет религиозных, расовых, возрастных, гендерных и политических границ. Волонтерское движение распространилось почти на все сферы деятельности. Можно выделить четыре базовых типа волонтерских проектов: гуманитарные, социально-культурные, информационно-консультативные и экологические. Подробнее остановимся на последнем типе. Ежегодно в 90 странах мира осуществляется несколько тысяч экологических проектов, в которых принимают участие сотни тысяч волонтеров. Добровольческое движение на особо охраняемых природных территориях (ООПТ) в нашей стране активизировалось к 2010 г. Все больше добровольцев приезжают в заповедники и национальные парки для того, чтобы ощутить причастность к полезному, значимому делу, получить новый опыт, знания и навыки, почувствовать себя гражданином и послужить на благо, а также для того, чтобы попутешествовать и увидеть мир. Часто ООПТ не могут позволить себе большого штата оплачиваемых сотрудников, поэтому они прибегают к помощи волонтеров. В то же время для заповедных территорий волонтерство – это укрепление общественной поддержки и отношений с местным сообществом, повышение престижа и формирование имиджа территории, развитие экологического просвещения и экологического туризма.

Традиционное и важное направление деятельности Национального парка «Кенозерский» – развитие добровольческого движения. В Кенозерье возникновение добровольческого движения связано с деятельностью советского студенческого отряда «Атеист», в 1986–1990-х гг. проводившего работы по консервации и частичной реставрации строений. Силами волонтеров было законсервировано, выведено из аварийного состояния и отреставрировано около 40 памятников архитектуры в Архангельской области, в том числе 16 в Кенозерье. Это позволило спасти от гибели значительную часть культурного достояния заповедной территории.

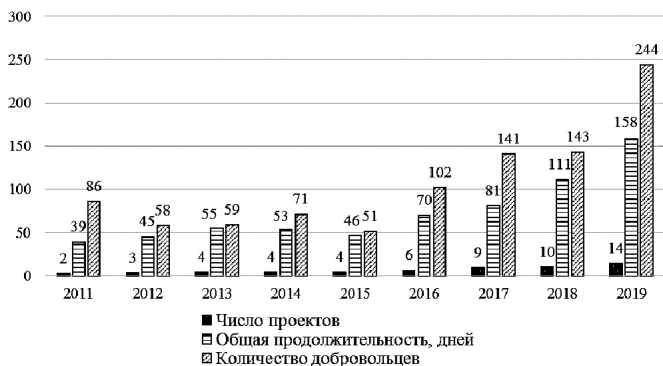
Эстафету добровольческого движения на Кенозерье принял национальный парк. С момента создания Кенозерского национального парка на его территорию постоянно привлекались российские и иностранные добровольные помощники. Необходимо отметить, что парк испытывал определенные трудности при организации подобных проектов: сложно было разместить такое большое количество добровольцев, не хватало транспорта и инвентаря, возникали проблемы при определении фронта работ, волонтерство не имело си-

стемного характера, а затраты на организацию труда и быта часто превышали стоимость выполненных работ.

Переломным для Кенозерского национального парка в плане развития добровольческого движения стал 2010 г. Новый этап связан с осознанием необходимости постоянного привлечения волонтеров и переосмыслением ошибок прошлых лет. Кроме того, была разработана Программа развития волонтерского движения. Во-вторых, важную роль сыграло сотрудничество с волонтерскими центрами «Бурундук» (г. Москва) и «АЯ» (г. Москва). Благодаря партнерству с волонтерскими организациями процедура набора как российских, так и иностранных добровольцев стала значительно проще, увеличилось количество волонтеров.

В 2016 г. в связи с присоединением ФГБУ «Национальный парк «Онежское Поморье» к ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» в развитии территории наступил новый этап. Возникла необходимость одновременной организации и координации волонтерских работ на удаленных территориях двух национальных парков – «Кенозерский» и «Онежское Поморье».

За истекшие годы добровольческой деятельности количество волонтеров, работающих на заповедных территориях, с каждым годом возрастает, а их география расширяется (см. диаграмму).

Статистика проведения волонтерских проектов в Национальном парке «Кенозерский» с 2011 по 2019 г.

Фундамент добровольческих проектов – это инфраструктурные работы: обустройство и расчистка экотроп, ремонтные работы в избах. Волонтеры участвовали в работах по обустройству семи экологических троп, в том числе шести на территории Национального парка «Кенозерский» («Транскенозерская тропа», «Тропа предков», «Система пяти озер», «Тропа муравейников», «Поча – Будылгина: лес и судьбы», «Тропа старца Кирилла»). Только в 2018 г. были обновлены 22,5 км троп. В «Онежском Поморье» в 2017 г. добровольцы расчистили 10 карбасов, историческая ценность которых была скрыта

под слоями мусора. В продолжение проекта в 2018 г. с участием волонтеров была обустроена первая экологическая тропа «Вечная стоянка карбасов», повествующая о традициях рыболовного промысла и об уникальном историческом наследии поморского края.

Для Кенозерского национального парка важны работы добровольцев по сохранению культурных ландшафтов: помощь в сенокосах и сохранении аборигенных мезенских лошадей. Волонтерский лагерь «Сенокосное раздолье» проводится на берегах заповедного Кенозера с 2014 г. Каждый год добровольцы устанавливают десятки стогов сена, окашивая гектары лугов. Скошенное и высушенное сено передается на безвозмездной основе местным жителям, держащим крупный и мелкий рогатый скот, что также является вкладом заповедной территории в поддержание ландшафтов, сформированных трудом крестьян.

Сегодня активно развивается событийное волонтерство, добровольцы помогают в проведении крупных мероприятий. В летний период приезжают корпоративные волонтеры. Особое внимание уделяется индивидуальному добровольчеству для волонтеров, обладающих определенными навыками: фотографов, вожатых детских отрядов, переводчиков, помощников по домашнему хозяйству.

Отдельно стоит отметить добровольческие работы, направленные на сохранение, консервацию и реставрацию памятников старины. Как сказал И.Э. Грабарь: «Русский Север – это грандиозная, единственная в своем роде резервация народного деревянного зодчества» [9, с. 45]. Национальный парк «Кенозерский» – единственная особо охраняемая природная территория России, которая приняла на баланс памятники архитектуры. Часовни Кенозерья поистине легендарны. На территории парка сохранилось 39 часовен из почти 80 существовавших ранее. Многие из них уже отреставрированы, некоторые – нуждаются в восстановлении. Но все часовни требуют регулярного ухода. Каждый год добровольцами осуществляются важные работы на памятниках деревянного зодчества. С 2012 г. силами 58 человек – участников ежегодного волонтерского лагеря «Часовенный рай» – проведены работы на 25 памятниках. Добровольцы из России, Франции, Испании, Сербии, Китая, Кореи, Бельгии, Германии, Швейцарии, Франции, Великобритании, Тайваня, Нидерландов, Греции, Кипра, Болгарии, Италии и Украины чистят крыши от мха и лишайника, проводят уборку, ремонтируют ступеньки. Так, в 2019 г. представители международного фонда «Волонтеры, сохраняющие культурное наследие Европы» («European Heritage Volunteers») помогли заменить кровлю и отремонтировали крыльцо часовни Апостола Иоанна Богослова XIX столетия в д. Зехнова.

В «Онежском Поморье» с 2015 г. волонтеры фонда «Вереница. Спасение деревянных церквей Русского Севера» осуществляют консервационные работы в храме Рождества Христова 1861 г. В минувшем сезоне добровольцы совместно с участниками Православной Свято-Петровской школы установили стропила и среднюю часть будущей опорной конструкции для крыши в трапезной храма,

что позволит в следующем году доделать конструкцию крыши, собрать остальные секции и накрыть кровлю. В течение лета 2019 г. по приглашению Национального парка «Кенозерский» добровольцы проекта «Общее Дело. Возрождение деревянных храмов Севера» провели противоаварийные работы в церкви Рождества Пресвятой Богородицы в поморской деревне Луде.

Идея участия населения в добровольческой деятельности становится одной из основ коллективной практики общественного участия в социальных изменениях, что реализуется в деятельности органов территориального общественного самоуправления (ТОС). Под территориальным общественным самоуправлением понимается самоорганизация граждан по месту их жительства для осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения. В семи из девяти крупных населенных пунктов Онежского полуострова действует территориальное общественное самоуправление. В Кенозерском национальном парке работают четыре ТОС в четырех из пяти крупных деревень (Поча, Усть-Поча, Вершинино, Морщихинская, Першлахта). Сегодня движение ТОС, в основе которого лежит принцип добровольности, становится новым, до сих пор не виданным по масштабам направлением развития деревень и поселков.

В 2019 г. в населенных пунктах Кенозерского национального парка был проведен социологический опрос [7, с. 39]. На вопрос о том, что лично респонденты готовы сделать для развития своего населенного пункта, 88 % давших содержательный ответ декларировали готовность активно содействовать улучшению жизни в родном поселении.

Формой поддержки гражданских инициатив в заповедном укладе населенных пунктов на территории национальных парков «Кенозерский» и «Онежское Поморье» помимо финансовой, консультационной и организационной помощи является также обеспечение работы волонтеров силами Кенозерского национального парка.

В Кенозерском национальном парке организованы два волонтерских проекта, направленные на создание общественных пространств и сохранение исторической памяти в пос. Усть-Поче и Поча. В основе идеи поддержки местных инициатив лежит развитие новой формы социального партнерства на заповедных территориях. Как сказал М.И. Калинин, «народ – это все равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное» [3, с. 194].

В 2018 г. была предпринята первая попытка организации волонтерского лагеря совместно с местными жителями пос. Почы, и она оказалась успешной. Поча – самый молодой населенный пункт в Кенозерском национальном парке. Поселку всего 60 лет, и до 90-х годов жизнь здесь была ключом – в местном Волошевском лесопункте работали сотни местных жителей. В поселке кипела жизнь: ударно трудились, создавали семьи, но потом лесопункт закрылся, люди стали уезжать, а Поча пустеть. Несколько лет назад активные местные жители

решили положить этому конец и в тандеме с Кенозерским национальным парком разработали концепцию для привлечения туристов и развития поселка.

Волонтеры работали вместе с жителями поселка и делали большое дело – помогали создавать общественное пространство для развития поселка, общения людей и сохранения исторической памяти. Добровольцам удалось выполнить поставленные задачи – разобрать старые печи и два крыльца, построить дровяник для будущего «Привала лесоруба». По итогу проекта волонтеры приняли участие в праздничном мероприятии – открытии информационного центра под открытым небом «Поча. Жили, работали, любили», где им вручили благодарности. Важным социальным эффектом проведения совместного мероприятия и приезда добровольцев из разных городов России стало объединение местных жителей во благо общей идеи. По словам почан, приезд добровольцев сдвинул с мертвой точки работы по ремонту старого заброшенного здания детского сада. За летний период на добровольных началах на объекте работали 22 % населения поселка, что является показателем, характерным для некоторых европейских стран по доле вовлечения местного населения в волонтерские проекты. Активисты поселка завершили в летний период ремонт: подняли фундамент, перебрали печи, выровняли полы, стены, крышу, заменили окна и выполнили все отделочные работы. Инициатива, начатая в 2018 г., была продолжена и в следующем году. В конце лета открылся музей о жизни советского лесопункта. В новом выставочном зале центра «Привал лесоруба» можно окунуться в атмосферу советского быта и посмотреть, как жили в поселке работники некогда процветавшего лесозаготовительного предприятия и их семьи. Почане отнеслись к оформлению экспозиции очень лично: передали сохранившиеся в их домах предметы интерьера, одежду, игрушки, технику, инструменты. Теперь в музее можно отследить весь путь местного жителя – от октябренка до труженика лесной отрасли.

Вторым добровольческим проектом, организованным Кенозерским национальным парком для поддержки местной инициативы, стал волонтерский лагерь «В стиле “советский модерн”». На общем собрании жители поселка решили, что сегодня для них главная задача – ремонт поселкового клуба Усть-Поченской запани. Они уже не первый год вкладывали силы, энергию и средства в ремонт этого здания, но финансирования в предыдущие годы не находили, а в 2019 г. благодаря проектной деятельности появились три источника поддержки. Работы разделили на несколько этапов: печные работы, ремонт фасада и внутренних помещений, электромонтаж, установка противопожарной системы.

Стоит отметить, что эмоциональный вклад добровольцев, приезжающих из разных городов страны и часто не имеющих полного представления об условиях работ, нередко становится не менее важным аспектом дополнительной мотивации местных жителей. Благодаря общению с волонтерами,

увлеченными, опытными, часто объехавшими полмира, местные жители получают возможность пересмотреть взгляды на развитие своего населенного пункта, поверить в его историческую и социокультурную значимость, в успех своего дела. «Руководство парка очень тесно сотрудничает с местными жителями, помогает им интегрироваться. Был у них клуб, некое общественное пространство, где были танцы, бильярд, театральные постановки, кино. Сейчас жители хотят, чтобы в селе снова появилась культурная жизнь. У них есть самодеятельность, поют северный фольклор, они хотят, чтобы были кинопоказы, торжественные мероприятия. Это здание нужно было привести в приличный вид», – отметил Максим Чистяков, участник проекта из Москвы.

Всего за неделю в рамках проекта волонтеры успели отремонтировать клуб снаружи и внутри: сделали цоколь вокруг здания и покрыли его защитной пропиткой, покрасили фронтоны, в трех помещениях полностью удалили старую штукатурку со стен и обшили их гипсокартоном, а в одном убрали старое покрытие пола. Активисты поселка успели в этом же сезоне открыть стену памяти «Мы пред вами в долгу неоплатном...» в концертном зале клуба с фотогалереей ветеранов и участников Великой Отечественной войны.

Таким образом, следует признать, что добровольчество в Национальном парке «Кенозерский» является важным направлением в формировании института гражданских инициатив и социально-экономического развития населенных пунктов.

Список литературы

1. *Васильковская М.И., Пономарев В.Д.* Педагогика волонтерства в молодежной среде // Вестник МГУКИ. 2018. № 4. С. 142–151.
2. *Горлова В.И.* Современные тенденции развития института волонтерства в России // Вестник КГУ. 2017. № 3. С. 77–80.
3. *Калинин М.И.* О литературе. Сборник статей и высказываний. М., 1949.
4. *Носова Ю.И.* Волонтерство как социально-культурный феномен: генезис и его основные характеристики // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 3. С. 62–65.
5. Организация Объединенных Наций и Генеральный секретарь Кофи Аннан. <https://www.un.org/ru/sections/nobel-peace-prize> (дата обращения: 06.09.2019).
6. *Сушко В.А.* Проявление волонтерства в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2017. № 11. С. 43–47.
7. *Тамицкий А.М., Максимов А.М., Верещагин И.Ф.* Отчет о результатах социологического опроса на тему: «Социально-экономический аспект взаимодействия Кенозерского национального парка и местного населения: текущее положение и перспективы». Архангельск, 2019.
8. European Voluntary Service, или Европейская Волонтерская Служба. <http://www.world4u.ru/> (дата обращения: 06.09.2019).
9. *Гретьер И.Э.* О русской архитектуре. М., 1969.

Стратегия и брендинг как ключевые факторы устойчивого развития сельских территорий (на опыте конкретных поселений)

Следует признать, что в настоящее время разработка в нашей стране разного рода макростратегий практически не оставляет шансов сельским территориям на выживание и, тем более, на устойчивое развитие. «Практически» – означает в данном случае реальное положение дел, резко расходящееся с декларируемым на разных уровнях. Иначе говоря, на бумаге те или иные стратегии действительно могут иметь место, но чаще всего это совершенно оторванные от жизни документы, обычно спускаемые сверху или написанные для отчетности, с обилием в тексте общих мест.

В повседневной практике главы сельских поселений или инициативные местные жители не только не руководствуются подобными «стратегиями», но даже не имеют представления, что такое настоящая стратегия развития, и зачем она нужна. Еще более грустная картина вырисовывается с таким модным ныне понятием, как брендинг. А уж о сочетании, в виде стратегического брендинга, речи вообще не идет.

В 2017 г. я проводил в стенах Костромского государственного университета стратегическую сессию по брендингу с финальным акцентом на Сандогорское сельское поселение. Характерна реплика, прозвучавшая после первой, вводной части, из уст ректора этого вуза: «А зачем нужен брендинг сельским поселениям? Я понимаю, когда мы говорим о городах и регионах». В ответ я высказал свое мнение, что любая территория, независимо от ее размера и статуса, заслуживает глубокого осмысления, в формате стратегического брендинга, и обратился к аудитории, чтобы узнать ее мнение. Абсолютное большинство участников стратсессии согласились со мною. В том числе и глава Сандогорского сельского поселения Александр Нургазизов.

Он поясняет свою позицию следующим образом:

– В 2016 г. я заступил на должность главы сельского поселения. Поразмывлив, как и где брать деньги на сельское поселение, придумал бренд с ласковым названием «Сандогорье», потому что понимал: бренд проще продвигать, чем все 18 отдельно взятых населенных пунктов Сандогорского сельского поселения.

В декабре 2016 г. Александр Нургазизов побывал на генеральной ассамблее Ассоциации самых красивых деревень России в с. Вятское, где мы и познакомились. В январе 2017-го мы приехали в Сандогорье вместе с президентом ассоциации Александром Мерзловым и весьма успешно провели совместную встречу с местными жителями и представителями бизнеса, а также с депутатским корпусом Костромского района одноименной области.

– После этого, – продолжает вспоминать Александр Нургазизов, – все перевернулось. Нас заметили не только в районе, но и в области, определили территорией опережающего развития. Мы заключили соглашение о сотрудничестве с Костромским госуниверситетом, стали активно продвигать бренд своего поселения и участвовать в различных конкурсах. Подали заявку в фонд Тимченко и выиграли первый грант в рамках проекта «Культурная мозаика» на проведение праздника, связанного с клюквой, потому что на территории Сандогорского сельского поселения, возле пос. Мисково, находится самая большая клюквенная плантация в России, занимающая 300 га. Высаживается несколько сортов клюквы.

К этому моменту я уже активно содействовал Александру Нургазизову в формировании стратегии дальнейшего развития Сандогорья. В частности, помог в разработке концепции упомянутого выше деревенского праздника, сориентировав его в сторону гастрономии и предложив соответствующее смыслу фестиваля название. При этом надо отдать должное главе поселения и его команде: они очень творчески отнеслись к моим идеям, блестяще развив их и реализовав на практике.

В результате гастрономический фестиваль «Клюквенный СОК¹» крайне успешно стартовал, набирая с каждым годом обороты и привлекая в Мисково большое количество участников не только из Костромы и Костромского района, но и из других районов области и регионов.

5 октября 2019 г. «Клюквенный СОК» пройдет уже в третий раз. Все желающие могут стать его гостями и лично убедиться в эффективности стратегического подхода к организации праздников на сельской территории. Вот дальнейшие пояснения Александра Нургазизова:

– Благодаря тому, что наш фестиваль оказался очень успешным и широко прозвучал, удастся войти в федеральные программы для муниципальных образований. Например, по формированию благоприятной городской среды и благоустройству общественной территории возле дома культуры, где проходит фестиваль. Программа «Единой России» «Местный дом культуры» подразумевает ремонт кровли нашего ДК. Обошли других претендентов, где

¹ СОК – аббревиатура, характеризующая фестиваль: сочный осенний колоритный.

проживает в разы больше людей, чем у нас в Мисково (800 чел.). Вошли в программу устойчивого развития сельских территорий с проектом реконструкции автомобильной дороги в поселке, где проходит фестиваль «Клюквенный СОК».

Отдельного внимания заслуживает вовлечение жителей сел и деревень Сандогорского поселения во все процессы, активирование латентной инициативности, которая всегда присутствует в неравнодушных людях. В данном случае в роли так называемого «будителя» выступает сам глава поселения, по-настоящему осознавший значимость стратегического брендинга своей территории. Перспективы дальнейшего развития Сандогорья он связывает как с сельскохозяйственным производством, так и с туризмом. Та же клюквенная тема находится в самой начальной стадии своей проработки. Вслед за фестивалем стартовало формирование оригинального сказочного турпродукта, востребованного у детской и семейной аудитории. Новая героиня Клюковка уже принимала у себя в гостях знаменитую костромскую Снегурочку. Большие надежды Александр Нургазизов возлагает и на туристическую актуализацию образа Деда Мазая, т. к. исторически именно эти места навели Некрасову идею известного произведения.

Но есть и другие примеры, когда заводилами выступают сами жители. Так случилось в с. Лох Саратовской области, где замечательная семья Кислиных растормошила достаточно обыденную до того общественную жизнь своего поселения. Один за другим вдруг забили родники смыслов, и ситуация в селе кардинально изменилась. Об этом феномене сегодня уже много написано. Я лишь замечу, что спустя некоторое время сами инициаторы бурных перемен пришли к необходимости разработки целостной стратегической концепции, которая бы увязала воедино все появившиеся творческие проекты, исходя из глубокого осмысления гения данного места.

И в том, и в другом случае (Сандогорье и Лох) мы видим, как происходит формирование стратегии развития сельской территории, без которой трудно говорить об устойчивости этого развития. А при ее наличии или поступательном движении в этом направлении можно даже за очень короткий период добиться заметных позитивных результатов.

А.М. Новосёлов,
А.А. Чернега,
(г. Тотьма, Вологодская обл.)

Формирование модели устойчивого развития территории через общественные инициативы и проектную деятельность (на примере г. Тотьмы Вологодской области)¹

Устойчивость развития и успех территории определяется комплексом факторов. Сложно говорить о том, какой из них важен в большей или меньшей степени: экономика или качество здравоохранения, доступность мест в детских садах или наличие рабочих мест, эффективность местной власти или активность жителей. Скажем так: важно, когда все эти и другие факторы сосуществуют в тесной взаимосвязи, определяя здоровое будущее территории.

Вместе с тем, все большее внимание в Тотемском районе уделяется такому значимому фактору развития, как *активное общество*. Активные жители на территории – это ресурс путей ее развития. Это люди, любящие свою землю не на словах, а на деле. Они выдвигают инициативы, которые находят поддержку среди населения, осуществляют благоустройство общественных и дворовых территорий, реализуют общественно значимые проекты, направленные на развитие детей, поддержку пенсионеров и иных социально не защищенных категорий населения.

Понимание того, каким образом следует работать по направлению активизации местных инициатив, сформировалось не сразу. Катализатором для данной деятельности стала, как ни парадоксально, тяжелая экономическая ситуация, в которой оказалась Вологодская область в 2012–2017 гг. Необходимость погашения существенной кредиторской задолженности повлияла и на то, что Тотемский район был существенно ограничен в средствах. Фактически перед муниципалитетами и муниципальными учреждениями стояла задача поиска сторонних источников финансирования. Одним из таких источников стали гранты на реализацию различных проектов.

Проектная деятельность в Тотемском районе началась в 2013 г. районным советом ветеранов совместно с социальными партнерами были реализованы проекты, направленные на активное долголетие «Золотых лет россыпь...», на сохранение исторической памяти и гражданско-патриотическое воспи-

© Новосёлов А.М., Чернега А.А., 2019

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 19-18-00562 «Социально-экологические детерминанты трансформации образа жизни и социального развития современных сельских сообществ в условиях депопуляции (на примере районов Ближнего Севера России)».

тание молодого поколения «Никто не забыт, ничто не забыто» и др. Районным обществом инвалидов совместно со Школой путешественников Федора Конюхова и другими социальными партнерами были реализованы проекты «Преодолеть себя» и «Помоги мне обнять мир», направленные на вовлечение лиц с ограниченными возможностями здоровья в активные социокоммуникативные практики.

В 2014 г. в работу по привлечению грантовых средств активно включилось крупнейшее районное учреждение культуры – Тотемское музейное объединение. Проект экскурсионного маршрута «Кольцо исторической памяти», поданный на конкурс «Культурная мозаика малых городов и сел» Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко, вошел в число победителей, позволив поверить в то, что многие инициативы можно реализовать с помощью технологий социокультурного проектирования.

В 2015 г. Тотемское музейное объединение, заручившись поддержкой того же фонда, полностью трансформировало второй этаж одного из своих помещений в многофункциональную площадку для молодежи с бесплатным wi-fi. Ей было дано необычное имя – «АнтреСОЛЬ».

В этом проекте удачно пересеклись две идеи. Первая была связана с тем, что тематика солеварения, которая имеет важное значение для истории Тотьмы, практически никак не была представлена в городе. С другой стороны, в Тотьме не было современного молодежного пространства для отдыха и общественных мероприятий. Идея объединить два вроде бы не очень сочетаемые между собой направления развития, да еще на базе столь консервативного института, каким является музей, была достаточно рискованной. Однако проект удалось реализовать в поставленные сроки.

Высокие потолки позволили сделать лестницу на балкон, увеличивающий на треть площадь помещения и формирующий ту самую антресоль. Основное же пространство было разделено на несколько функциональных зон: центральная площадка с креслами-мешками, проектором, экраном и компьютерной установкой для проведения семинаров и кинопоказов; музейная зона, рассказывающая об истории солеварения, с выставочными комплексами в оконных нишах и макетом рассолоподъемной трубы в натуральную величину; отдельная зона для рисования песком и солью; площадка занимательных наук; зона библиотеки.

Организаторы поставили целью не просто создать творческое пространство, но и сформировать на его основе дискуссионную площадку, на которой можно было бы неформально обсудить те или иные вопросы. К работе этой площадки подключились представители всех возрастов. Вскоре музей, активно вовлекая местную молодежь, реализовал еще два значимых проекта – «По следам тотемского барокко» (на средства гранта конкурса «Православная инициатива») и «Осколки времени» (благодаря собранным в ходе крауд-

фандинга средствам). Вместе с обществом инвалидов и Тотемским центром дополнительного образования был реализован инклюзивный проект «Стирая границы» по формированию в музеях города доступной и привлекательной среды для лиц с ограничениями по здоровью.

Бурная деятельность музея по консолидации местных жителей, созданию разного рода проектов, направленных на улучшение жизни в Тотьме, заинтересовали и администрацию района. Музейное объединение и представители местной власти организовали новую некоммерческую организацию «Фонд развития общественных инициатив Тотемского района «Соль земли», направленную на решение актуальных проблем в сферах культуры, спорта, туризма, молодежной политики и благоустройства. На уровне же районной администрации был создан фактически не имеющий аналогов в России *отдел туризма и общественных проектов*, направленный не только на развитие существующей туристской инфраструктуры, но и на максимальное содействие реализации различных социальных инициатив, в том числе через механизмы грантового финансирования.

Первый проект фонда «Соль Земли» совместно с музеем — формирование общественного пространства «Культурный Q-ARTал» вокруг комплекса музейно-выставочного центра — был реализован в 2017–2018 гг. На небольшой территории вдоль берега Сухоны было установлено более 10 арт-объектов и столько же информационных стендов, повествующих об основных брендах города. Сейчас «Культурный Q-ARTал» фактически выполняет роль набережной, которой до этого в Тотьме не было. За основу благоустройства взята закольцованная система традиционных для Русского Севера деревянных мостков. За два года на этой площадке появились такие арт-объекты, как «Скамейки-морозки», «Резное окно», «Театральная скамейка», «Игрушка», «Бакены», «Парус», а также «Велосипед» в честь известной песни, написанной на стихи уроженца Тотьмы Николая Рубцова «Я буду долго гнать велосипед...». Даже организаторы проекта не ожидали, что все эти объекты будут постоянно привлекать большое количество людей, а вечерний променад по культурному кварталу станет новой доброй традицией тотмичей.

Благодаря деятельности отдела туризма и общественных проектов существенно активизировалась активность инициативных групп горожан, которые имели определенные идеи по улучшению качества жизни в Тотьме, но не знали, куда с этими идеями обратиться. Успешная работа специалистов отдела и фонда «Соль Земли» помогла этим людям найти грантовые конкурсы на поддержку своих инициатив. Если изначально в проектной деятельности на территории района принимали участие только отдельные учреждения, то к концу 2018 г. в процессы социального проектирования оказались вовлечены практически все бюджетные и негосударственные организации. Были использованы средства на развитие 18 проектов на общую сумму более 40 млн рублей.

Ни в коем случае не следует думать, что отдел туризма и общественных проектов занимается написанием заявок на грантовые конкурсы «под ключ». Задача специалистов отдела (в котором, к слову, работают всего два человека) – показать, что проектная деятельность – это не так уж сложно, помочь людям преодолеть ложные страхи, оказать консультационную поддержку через проведение обучающих семинаров и тренингов по социальному проектированию. Метазадачей является формирование круга лидеров, которые своими победами побуждают других так же активно включаться в процесс. А таких лидеров уже почти десяток.

Число поддержанных идей за последние два года впечатляет своими масштабами. Тут и создание детского мультфильма, и монтаж выставки, и формирование общественных пространств, и школа ремесленников, и даже создание центра интерактивной палеонтологии.

В 2018 г. фонд «Соль Земли» благодаря гранту от Фонда Тимченко провел два внутренних конкурса для проектных идей жителей Тотемского района: «Культурный город» и «Малая культурная мозаика» с небольшими грантами от 20 до 100 тыс. рублей. Опыт был успешен – на два конкурса было подано более двух десятков проектов разной направленности, а фонд показал, что сам может выступать своеобразным грантооператором на небольшой территории.

Еще одним успешно развивающимся направлением стал краудфандинг. На сайте «Планета» в 2017–2018 гг. были успешно реализованы две кампании на издание книг. Ребята из кружка юных краеведов совместно с музейщиками собрали средства на издание альбома старинных фотографий Тотьмы, а некоммерческая организация «Бирюзовый дом» – на издание путеводителя по заречным территориям Тотемского района.

Наконец, важнейшей победой стал привлеченный музейным объединением грант Благотворительного фонда Владимира Потанина на сумму 10 млн рублей. В рамках проекта, рассчитанного на три года, должна реализоваться амбициозная идея: превращение Тотьмы в своеобразный «хаб» для развития музеев малых городов и сел, где могли бы накапливаться и транслироваться вовне лучшие практики развития музейных и культурных учреждений в условиях провинции.

В администрации Тотемского района с 2018 г. также было внедрено проектное управление. Успешность работы тех или иных отделов, управлений, комитетов теперь определяется, в том числе исходя из успешности долгосрочных проектов, над которыми они работают. При этом рабочие группы проектов объединяют представителей различных структурных подразделений администрации района, обеспечивая тем самым более эффективное взаимодействие между различными «кабинетами». В проектные группы по согласованию могут входить и представители

муниципальных учреждений, некоммерческих организаций, инициативных групп района.

В числе наиболее эффективно работающих проектов можно отметить проект «Я – тотмич», реализуемый под эгидой управления образования Тотемского района. Это комплексная программа, посвященная развитию у детей с самого раннего возраста чувства любви к малой родине. Основными партнерами по проекту выступают городские музеи, демонстрирующие различные программы по истории края, районная библиотека, учреждения дополнительного образования. Архивным отделом реализуется другой важный проект «Чтобы помнили...», в рамках которого создается электронная база данных по тотмичам – участникам Великой Отечественной войны, Первой мировой войны, жертвам политических репрессий. Проект «Эффективное использование теплоэнергии» представляет отдел жилищно-коммунального хозяйства.

Отдельно ведется работа по областной программе «Народный бюджет», инициированной губернатором региона О.А. Кувшинниковым. Через эту программу на конкурсной основе поселениям предоставляются областные субсидии на решение вопросов местного значения: благоустройство, озеленение, освещение, водоснабжение, создание мест массового отдыха и пр., – все то, что так важно для жителей. Тотемский район – в числе лидеров в области по числу поданных заявок и реализуемых проектов (по состоянию на 2019 г. их число составило более 120).

Начиная с 2015 г. активным жителям совместно с местными администрациями по данной программе удалось привлечь более 20 млн рублей. Каждый проект – это инициатива конкретных людей и команд, общественных и бюджетных организаций. Построены новые деревянные мостки в более чем десяти населенных пунктах района, установлено более десяти новых детских площадок, заменены уличные светильники в Тотьме и сельской местности и многое другое. Число инициатив увеличивается в геометрической прогрессии. Только в 2019 г. реализуется почти 60 проектов.

Тотемский район активно включился в работу по федеральной программе «Комфортная городская среда». К выдвижению инициатив подключены жители: именно они осуществляют отбор приоритетных мест для благоустройства. Уже отремонтирована спортивная площадка у Красной горки, проведены работы по благоустройству сквера Борцов за свободу в районном центре. Один проект реализован в пос. Юбилейном муниципального объединения «Погореловское».

В апреле 2019 г. федеральная комиссия Всероссийского конкурса проектов благоустройства малых городов и исторических поселений под председательством вице-преьера РФ Виталия Мутко включила тотемский проект в тройку лучших по своей номинации. Проект «Комплексная реновация набережной Кускова» разрабатывала команда российско-французского бюро Orchestra

Design при активном участии администраций муниципального объединения «Город Тотьма» и Тотемского муниципального района, а также Тотемского музейного объединения. Финансирование в размере 54 млн рублей будет обеспечено в течение этого года, а за 2020 г. нужно будет успеть провести работы.

Одним из самых впечатляющих недавних достижений стала победа во всероссийском конкурсе в рамках фестиваля «Интермузей-2019». В номинации «Лучший проект, направленный на межрегиональное взаимодействие» тотемская Школа музейного развития «За границами столиц» стала лучшей, обойдя проекты Государственного Русского музея, Петергофа, Дарвиновского музея и Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, и получила грант в размере 400 тыс. рублей.

Активизирована работа по популяризации и развитию добровольческого движения. В Тотемском районе только 15 зарегистрированных добровольческих отрядов. Еще минимум столько же – инициативных групп, осуществляющих волонтерскую деятельность. Наиболее распространены семейное и событийное волонтерство, экологическое добровольчество, помощь добровольцев по благоустройству города и района. В 2018 г. впервые в истории района инициативными группами было реализовано несколько добровольческих проектов на грантовой основе. Инициатором данного конкурса выступила администрация Тотемского района.

Все эти механизмы: проектная деятельность, краудфандинг, инициативное бюджетирование, волонтерство, направлены на повышение уровня ответственности людей за то место, в котором они живут, на стимулирование процессов гражданской активности. Задача органов власти – создать максимальные условия для проявления разного рода инициатив и способствовать тому, чтобы лидеры вовлекали в свои команды все большее количество населения.

Среди ключевых направлений стратегического развития на ближайшие 10 лет:

- формирование привлекательности жизни в регионе и его социального развития;
- активизация гражданского участия жителей;
- формирование центра социокультурных компетенций «Люция»;
- формирование инвестиционной привлекательности региона;
- сохранение исторической памяти и формирование культурной среды.

Важной задачей по стратегическому планированию на ближайший год является структурирование населения Тотемского района по возрастным категориям, категориям занятости для усиления работы по активизации гражданского участия не в целом, а направленно, в зависимости от интересов, потребностей, ресурсов групп жителей («картирование общества, социальных сил»).

Подводя некий промежуточный итог, можно сказать, что модель, которая сложилась в Тотьме и Тотемском районе, можно обозначить следующим тезисом: «Проектная деятельность как инструмент развития российской глубинки». При этом инструментальность проектной деятельности в настоящее время характеризуется моделью «культурный контекст места – культурные проекты – создание новых проектных структур – социокультурное и бизнес-проектирование – проектный подход в муниципальном управлении». И это развивающаяся модель.

При этом обязательными составляющими успеха должны быть:

- 1) понимание общей стратегии развития территории (и, в частности, ее культурного контекста, который должен быть близок большинству);
- 2) наличие у сотрудников профильного отдела администрации или ведущей НКО навыков и позитивного опыта социального проектирования;
- 3) изучение социокультурного контекста с использованием профессиональных социологических инструментов (нужно знать, что актуально для жителей);
- 4) четкая последовательность действий (от отдельных проектов к внедрению проектного управления);
- 5) индивидуальная, адресная работа с жителями: проведение собраний, обучающих семинаров, демонстрация лучших практик, приемы граждан, вовлечение в инициирование проектов;
- 6) поддержка власти и профессионализация органов местного самоуправления.

Соответственно, в высокой зависимости от власти и ее сменяемости состоит и риск данной модели: никто не уверен, что отдел общественных проектов при смене руководящего состава администрации сохранит свои позиции. Фонд «Соль Земли», работающий при поддержке властей фактически на энтузиазме, также подвержен риску «выгорания» небольшого количества людей, которые ведут там работу. Однако в любом случае воспитанная «проектная смена», обученная и готовая к реализации масштабных идей, останется и будет продолжать данные практики в нужном направлении.

Может ли проектная деятельность стать стимулом развития гражданских инициатив в деревне? Опыт Кенозерского национального парка

Несмотря на то, что ведущим заповедным системам в мире исполнилось уже более 100 лет, дискуссия о сотрудничестве местных жителей и национальных парков продолжается. И главный вопрос сегодня – как именно выстроить партнерство? Джон Франклин, председатель наблюдательного совета Службы национальных парков США, советник американского президента, в большой программной статье «Переосмысление национальных парков в XXI веке», говорил так: «Парки богаты только тогда, когда в них представлена живая культура людей. На Аляске Служба парков обязана помогать коренным жителям сохранять свои традиции и культуру, развиваться на своей земле. Эта особая задача требует тесного сотрудничества между руководством парков и сельскими жителями. Эти отношения должны базироваться на глубоком взаимопонимании и уважении» [4].

С самого начала своей деятельности Кенозерский национальный парк идет именно по этому пути. Наш *вектор развития* – сохранение и поддержка коренного населения [2, с. 9]. Это в равной степени относится и к национальному парку «Онежское Поморье». В границах Кенозерского национального парка постоянно проживает 1841 человек. В Онежском Поморье проживает около 1000 человек в девяти деревнях, территории которых, к сожалению, не входят в границы национального парка.

Сегодня экономика и социальная сфера претерпевают серьезные изменения. В результате сокращения объемов лесопромышленного и сельскохозяйственного производств снизился уровень доходов жителей. В социальной сфере негативное влияние оказывает начавшийся в 2015 г. процесс укрупнения сельских муниципальных образований: закрываются фельдшерско-акушерские пункты, испытывают сложности школы. Для решения административных и личных вопросов жителям приходится преодолевать расстояния до районных центров в условиях отсутствия дорог, высокой стоимости наземных и авиаперевозок. Происходит перестройка структуры общественных отношений: если раньше решением большинства социальных вопросов занимались крупные промышленные предприятия (колхозы, леспромхозы), то сегодня они несут все меньше социальной нагрузки. Развитие территории все

больше зависит от активности самих местных жителей и, так сложилось, администрации национальных парков.

В Кенозерском национальном парке именно участие местных жителей – ключевой элемент абсолютно всех проектов, этот принцип был заложен с первых лет его деятельности. Именно здесь в 1990-х гг. появлялись первые Общественные советы, а в 2000-х – первые ТОС (территориальные общественные самоуправления). Главная цель была – наладить диалог и вовлечь людей в совместное управление территорией. Своевременный переход от попыток решить все проблемы местных жителей к выстраиванию партнерских отношений и вовлечению их в деятельность национального парка принес свои результаты. Инструменты применялись самые разные – от сельских сходов до тренингов по бизнес-планированию, от тотального информирования до индивидуальных консультаций. Именно в те годы был заложен фундамент в стратегию взаимодействия парка и местных жителей, именно тогда определились основные направления сотрудничества. В это же время Кенозерский национальный парк сам стал активно заниматься проектной деятельностью с целью привлечения дополнительного (а порой и единственного) финансирования своих инициатив. Ежегодно проходили семинары и стажировки, мастер-классы и конференции с участием местных жителей.

В 2000-х гг. были реализованы значимые проекты, ориентированные именно на местных жителей. Например, проект по использованию недревесных ресурсов леса. На базе созданных парком Центров промыслов и ремесел проводились обучающие тренинги и мастер-классы, фестивали фиточаев и дегустации. Местные жители поверили в свои силы, научились разрабатывать рецепты, составлять купажи из трав и ягод, получили в пользование специальное оборудование, упаковку, этикетки. Местная продукция объединилась под маркой «Дары Кенозерья».

За сравнительно короткий период команда проекта положила начало формированию благоприятного предпринимательского климата, развитию экономического мышления местного населения. Многие начинания этого проекта стали устойчивыми. Сегодня сертифицировано 23 вида травяных сборов, 80 мастеров изготавливают более 200 видов продукции, которая представлена в шести сувенирных лавках, в том числе в Архангельске. А марка «Дары Кенозерья» в 2017 г. пережила ребрендинг и превратилась в марку «Демьян и Параскева. Дары Кенозерья и Онежского Поморья» и зарегистрирована как товарный знак.

Большую роль в развитии проектной деятельности сыграло создание в 2006 г. некоммерческого партнерства «Клуб друзей Кенозерского национального парка». Среди его задач – юридические и финансовые консультации для местных жителей, а также работа Фонда микрозаймов. За 13 лет выдано 539 займов на сумму почти 35 341 800 рублей. Этот фонд стал эффективным

финансовым инструментом поддержки инициатив местных жителей. И если на первых порах минизаймы выдавались только на инициативы в сфере сельского туризма, то последние годы выдаются на любые цели: ремонт дома, покупку мотора или коровы и пр. Важно, что все деньги остаются на территории и идут на ее развитие. Еще одна значимая функция нашего НКО – это проектная деятельность. За последние четыре года стоимость проектов составила более 13 млн рублей.

Однако к середине 2010-х гг. взятый высокий темп в сотрудничестве с местными жителями стал несколько снижаться. Несмотря на то, что мы постоянно находились в диалоге с жителями, в какой-то момент мы поняли, что наши инициативы не находят у них поддержки. Созданные в парке ТОС перестали играть заметную роль. Реально работающим остался лишь один из них, в Каргопольском секторе, с которым мы активно взаимодействуем, в том числе и в совместной эксплуатации экотропы «Тропа раздумий». Что-то пошло не так. Скорее всего, стало слишком много «инициативы сверху», все решения предлагал парк. Понятно, что задача социально-экономического развития осталась, но понадобились *другие инструменты решения* [2, с. 10].

И одним из таких инструментов стал семинар «10 шагов к успешному проекту», который мы проводим уже четыре года. В нем участвуют ведущие эксперты в области проектирования и развития сельских территорий, а также активные участники ТОС из других районов Архангельской области. Три дня, с раннего утра до поздней ночи, жители Кенозерья и Онежского Поморья работают над своими проектными идеями, учатся ставить цели и задачи, формулировать проблемы, планировать расходы. Ключевой момент: лучшие проекты получают финансовую поддержку от парка. За четыре года реализовано 11 проектов в Кенозерье, и уже 12 – в Онежском Поморье с общим финансированием от парка около 2 млн рублей. В Пурнеме стартовал уникальный проект по внедрению раздельного сбора отходов, в Лямце восстановлен клуб и учебный класс для начальной школы, в Пушлахте появился общественный центр «Теплый стан», в Лопшеньге – фольклорный коллектив и музейные комнаты, в Яренге через культурные проекты вся деревня получила «второе дыхание», и пр.

Но дело не в деньгах. Пошел долгожданный процесс принятия решений «снизу вверх». Оказалось, что успешность проектов развития сельских территорий находится в прямой зависимости от непосредственного участия местного населения в их разработке и реализации. *«Нам стало интересно жить! Столько лет ничего не происходило, а теперь мы сами меняем жизнь в своей маленькой деревушке. Это дает надежду!»* – так написали жители Рыжково, вдохновившись своим проектом устройства общественного центра и музея в здании заброшенного магазина.

Яркий пример этой работы – комплексный проект «Поча. XX век». Что такое Поча? Бывший лесопункт, все годы находившийся как будто в стороне, взаимодействие складывалось слабо, для туристов он тоже был непривлекательным. В ходе семинара мы вместе сформулировали главную ценность Почы – героическое наследие «добытчиков зеленого золота». За три года работы сделано многое. Силами национального парка и местных жителей создан Информационный центр «Поча. Жили, работали, любили», где представлена непростая и выразительная судьба поселка. Это уютное общественное пространство, сюда любой житель Почы может привести своего ребенка или внука и с гордостью сказать: «Мы так жили».

В Поче появился музей пионерского прошлого с интерактивными программами «Взвейтесь кострами» и «Общее собрание работников лесопункта», есть «трогательная миниферма» на частном подворье, четыре гостевых дома, обустроена экологическая тропа «Поча – Будылгино. Лес и судьбы», которая рассказывает об уже забытых лесных профессиях. Мы регулярно проводим Стратегические сессии поселка, где определяем основные проблемы и ищем пути их решения. Активизировался ТОС и выигрывает гранты на развитие поселка. При финансовой поддержке парка и платформы «Планета.ру» отремонтирован бывший садик, в котором разместился Дом поселка «Привал лесоруба». В этом году начнутся работы по обустройству второй части, где появится детский культурно-досуговый центр. При этом, благодаря «Привалу лесоруба» появилось три постоянных рабочих места, Дом поселка стал центром общественной жизни. Здание взяло на баланс МО «Кенозерское». И если в 2016 г. Поча приняла за три летних месяца около 10 туристов, то в 2018-м – за этот же период по программе «Поча. XX век» – более 200 человек. В итоге у людей появилась перспектива развития на основе наследия, общая глобальная цель и чувство локальной самоидентичности, а у нас – комплексный уникальный туристический продукт, не похожий ни на что другое.

Интересно развивается проект «В стиле “советский модерн”» в пос. Усть-Поче. Его жители еще в 2015 г. поставили перед собой цель – восстановить клуб Усть-Поченской запани – уникальное здание площадью 250 м², находившееся в аварийном состоянии. Люди собрали 160 тыс. рублей, самостоятельно провели значительную часть ремонтных работ. Но мало кто верил в успех, слишком масштабными были задачи, не хватало импульса для развития этого проекта. И им стал... проигрыш на семинаре «10 шагов» в этом году. Активисты разработали прекрасный проект, видео-презентацию и были уверены в победе, но не просчитали риски, не учли устойчивость в будущем. И мотивированный отказ парка поддержать этот проект стал стимулом для его доработки и развития. Поразил комментарий одного из главных активистов Усть-Почи: «Спасибо, что отправили наш проект на доработку. Спасибо за эти неудобные вопросы. Вы заставили нас думать!» Жители заручились

поддержкой сельской и районной администраций, сделали профессиональную смету и чертежи, приложили список людей, ответственных за разные направления проекта.

И мы поверили в будущее этой инициативы. Меньше чем за четыре месяца нам вместе удалось из разных источников собрать сумму около 700 тыс. рублей, привлечь несколько предприятий, выиграть областной грант, организовать волонтерский лагерь, успешно реализовать краудфандинговый проект. Сейчас в Усть-Поче кипит работа, а параллельно проходят литературные и творческие вечера, показы кинофильмов, спектакли и концерты. С 2018 г. активно развивается сельский туризм, сегодня работают уже три гостевых дома.

Мы же строим дальнейшие планы не только на клуб, но и на развитие бизнес-проектов в поселке. Вместе с жителями разработаны два бизнес-плана по обустройству столярной и валеночной мастерских, в сентябре 2019 г. активисты едут на учебу в Школу сельского предпринимателя – совместный проект Кенозерского национального парка и НКО «Гарант». А еще разрабатываем новый проект: продолжение работ по клубу в фонд «Внимание» Ильи Варламова.

Конечно, парк тоже продолжает активно заниматься проектной деятельностью. В этом году мы реализуем семь проектов при поддержке Северной экологической финансовой корпорации (НЕФКО), Фонда Президентских грантов, Фонда Потанина, WWF, норвежского фонда охраны природы «Naturvernforbundet», Правительства Архангельской области. Абсолютно все эти проекты связаны с жителями Кенозерья и Онежского Поморья. Одновременно при экспертной поддержке сотрудников парка реализуются 14 мини-проектов местных жителей. Такая схема позволяет привлекать не только значительные финансовые ресурсы, но и интеллектуальные, информационные, административные.

Среди проектов Кенозерского национального парка хочется выделить один совсем новый. Что интересно, его идея в какой-то степени была подсказана местным жителем, председателем рыбколхоза «Беломор» Сергеем Самойловым. Это создание музейно-этнографического комплекса «Воздушные причалы Белого моря» в д. Лопшеньге. В Архангельской области осталось всего семь деревянных аэропортов, и их судьба незавидна. Они ветшают, закрываются или заменяются на безликие сооружения контейнерного типа. Благодаря нашему проекту впервые в России будет сохранен и музеефицирован действующий сельский аэровокзал – яркая страница индустриальной архитектуры середины XX в. Он станет комфортным для жителей, пассажиров и сотрудников, а мы изучим и представим историю малой авиации Беломорья.

Подобные проекты появляются во многих наших заповедных деревнях. Территориальные общественные самоуправления вновь стали в них движущей силой, но на новом уровне. Сейчас активно действуют 11 ТОС (четыре –

в Кенозерском национальном парке и семь – в Онежском Поморье), один находится в стадии регистрации (д. Першлахта). Радует и динамика привлеченных активистами денежных средств на территорию – в этом году эта цифра составила почти 2,5 млн рублей. И если в 2014 г., согласно соцопросу, проведенному САФУ им. М.В. Ломоносова, менее 30 % жителей Кенозерья оценивали деятельность ТОС хорошо и отлично, то в 2019 г. положительных оценок – более половины.

На вопрос «Хотели бы вы помочь Кенозерскому национальному парку в сохранении природного и культурного наследия территории?» ответы «да» были получены в 2014 г. от 42 %, в 2019-м их стало почти 70 %. Интересна динамика ответов на вопрос «Кто, по Вашему мнению, способен улучшить жизнь людей в Вашем населенном пункте?» Ответы распределились следующим образом: сами жители – 30 %, ТОС – 15 %, снизилась до 10 % оценка роли федеральной и областной власти, а оценка роли местной власти повысилась до 20 %. Также респондентам был задан открытый вопрос о том, что лично они готовы сделать для развития своего населенного пункта. Из 226 человек, давших содержательный ответ, примерно 90 % декларировали готовность активно содействовать улучшению жизни в родном поселении. Для нас был очень важен ответ на вопрос «Хотели бы Вы, чтобы Ваш населенный пункт был исключен из границ Кенозерского национального парка?». 87 % жителей ответили, что нет. И это важная оценка нашей работы [1].

Может показаться, что все очень легко и просто, но это не так. Несмотря на локальные успехи, людей страшит будущее, растет чувство бесперспективности жизни в деревне как таковой. Продолжается, пусть и не такими темпами, как в других деревнях, отток молодежи в города, упрощается социальная среда. Испытывают кадровый голод школы. Непросто и активистам – постоянно быть в авангарде, всех поднимать, вовлекать, уговаривать, а нередко получать критику и неодобрение, недооценку своей работы.

Однако вселяют надежду маленькие, но очень дорогие истории людей и их судеб. *Семья Губаль* в пос. Поча: восемь детей, из них шестеро – приемных. До старта проекта «Поча. XX век» мы даже не были знакомы, а в деревне к ним относились с недоверием. Сейчас же их хозяйство – это образцовый объект сельского туризма, трогательная миниферма, один работающий гостевой дом и один строящийся. А глава семьи Юрий в сентябре едет на учебу в Школу сельского предпринимателя.

Или *Любовь Сафонова* из пос. Усть-Почи. В молодости она уехала с семьей в Сургут, а выйдя на пенсию, вернулась с мужем в родную деревню. Эта красивая энергичная женщина – вечный двигатель, вдохновитель, строитель. Без нее у нас в Усть-Поче вряд ли многое получилось. А сколько совместных планов на будущее!

Или *Виктория Шестакова*, молодая девушка из Лямцы, одной из самых удаленных деревень в Онежском Поморье. Два успешных краудфандинговых проекта, два проекта ТОС. Вернулась в деревню из Москвы, вышла замуж, сейчас ожидает появления второго малыша. А мечтает о настоящей поморской солеварне. Мечтает и обязательно сделает! И таких людей, к счастью, много.

Мы уверены, что проектная деятельность в деревнях может быть стимулом развития. Правильные формы взаимодействия – не политические и директивные, да и мы – не социальные инженеры. Абсолютно любой новый проект окажется безжизненным, если не будет прожит местными жителями, не будет принадлежать им. Мы показываем и рассказываем, вдохновляем и обучаем, вместе ищем поле возможностей, а люди либо перенимают этот опыт, либо нет. Ростки этих знаний и опыта порой прорастают не сразу, но дают сильные и устойчивые всходы.

Список литературы

1. *Тамицкий А.М., Максимов А.М., Верецагин И.Ф.* Научный отчет о результатах социологического опроса на тему: «Социально-экономический аспект взаимодействия Кенозерского национального парка и местного населения: текущее положение и перспективы – 2019». Рукопись, 2019 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 953.

2. *Шатковская Е.Ф.* Кенозерский национальный парк: спасти, сохранить, показать, вовлечь, передать // Кенозерские чтения – 2016. Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции. Архангельск, 2017. С. 3–14.

3. Rethinking the National Parks for the 21st Century. A Report of the National Park System Advisory Board, July 2001. <https://www.nps.gov/policy/report.htm> (дата обращения: 18.06.2019).

**Глобальное значение локального наследия:
опыт сохранения и проекты будущего**

Я.И. Алексеева
(г. Москва)

История рыбных и морских звериных промыслов в водах Онежского полуострова с XV века по 1920-е годы

Введение. В 2017 г. было проведено исследование истории рыбных и морских звериных промыслов с XVII в. по 1920-е гг. в районе д. Лямцы, Пушлахты, Летняя Золотица, Летний Наволок, Лопшеньги, Яреньги, Уны, Луды, пос. Пертоминска по литературным и документальным данным. В августе того же года была предпринята поездка на Онежский полуостров с целью изучения современного состояния рыболовного промысла. Полный отчет о работе находится в архиве Кенозерского национального парка.

Информация по этой теме, доступная для изучения в архивных и литературных источниках, обширна, но разрознена. Документальные данные, как правило, содержатся в разных источниках, т. к. селения Онежского полуострова входили в состав разных административно-территориальных единиц. До 1780 г. территории, расположенные на Онежском берегу Онежского залива и частично на Летнем берегу Двинского залива, входили в состав Турчасовского стана Каргопольского уезда (по линии берега до Банева наволока). Территории Летнего берега южнее Банева наволока относились к Двинскому уезду. В 1780 г. из Турчасовского стана был создан Онежский уезд, из северных волостей Двинского уезда – Архангельский уезд. Оба этих уезда вошли в состав Архангельской губернии [1, с. 36–37; 3, с. 122; 25, с. 107] (ил. 1).

Поскольку территории Онежского полуострова до секуляризации 1764 г. являлись вотчинами разных монастырей (Соловецкого, Антониево-Сийского, Александро-Ошевенского, Николо-Карельского, Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого, Пертоминского), сведения о промыслах находятся в документах и описаниях отдельных монастырей. Вотчинные территории были расположены мозаично, принадлежность многих из них изменялась на протяжении времени (монастыри продавали и покупали тони, менялись ими или владели совместно) [14, с. 43–44; 54, л. 16–18; 55, л. 2–14; 60; и др.]. После секуляризации за монастырями осталось небольшое количество тоней.

В большинстве описательных и научно-исследовательских трудов XVIII–XX вв. данные о рыболовстве и морском зверином промысле Онежского полу-

острова приведены наряду с данными о других территориях [15; 28; 46; 67; 68; и др.]. Наиболее подробное описание рыбных промыслов Онежского полуострова было сделано в работах В.Р. Алеева по результатам его экспедиций 1910 и 1912 гг. [3; 4].

До второй половины XIX в. имеются только достаточно разрозненные сведения о размерах промыслов жителей Онежского полуострова. Размеры отдельных видов промыслов мы можем оценить на основании ежегодной статистики 1870–1915 гг., которую приводил в своих отчетах и обзорах Архангельский губернский статистический комитет (АГСК) [42].

Семга. Основным среди рыбо-звериных промыслов Онежского полуострова был летне-осенний промысел семги. О семужьих тонях, передававшихся от отцов и дедов, говорится в самых ранних из известных документов первой четверти – середины XV в.: «Се купи... реку Яренгу от устья и до верховья...»; «Се купи... оцину и дедину их на Летней стороны у Подмошечкой тони треть рыбы ловити семжи» [22, № 135, 203].

Видимо, изначально уголья включали в себя комплекс, состоявший из семужьей тони и участка промыслового леса или из семужьей и нерпичьей тони и участка промыслового леса. За такой комплекс платили оброк, его продавали и покупали: «на Уг наволоке по купчей... 2 тони семожья лову одна Бережная, а другая Еричная¹ на корги, что против той тони с сетным нерпым метищем, что на той корге, да Бакланец с коргой с сетным же нерпым метищем против острова Жегжична и с лешим путиком² оброку 12 алтын 3 деньги», «семожья лова Еричная с лешим путиком» [54, л. 16–18].

Семужьи тони располагались от мыса Орлов на восток. Наибольшее их количество было сосредоточено в районе Лопшеньги и Яренги (ил. 2).

Лов семги на Летнем берегу севернее Пертоминска в отличие от большинства других районов Архангельской губернии в очень малой степени производился с помощью заборов и заколов – орудий лова, перегораживающих реку, куда рыба идет на нерест. По данным современных исследований, семга идет вдоль Летнего берега во время нерестовой миграции в реки Онежского залива [33, с. 249–253].

В Лудском посаде в 1877–1896 гг. был забор. Судя по данным АГСК, ловили здесь, за редким исключением, только на нем [42]. Наличие забора предполагает ход семги в реку. Сведений о том, какая это была река, не сохранилось. Жители Луды утверждают, что о заборе на р. Луде никогда не слышали, как и о заходе семги в реку. Они предполагают, что речь может идти только о р. Кумжевой (опросные данные). Однако территория, на которой находится

¹ Юричная (Еричная) – это слово часто встречается в документах XVII–XVIII вв. при описаниях тоней и означает, по-видимому, «морская» или «между берегом и коргой».

² Леший путик – лесная промысловая тропа.

Кумжевая, принадлежала жителям Унского посада. Территории Лудского посада находились от р. Луды к северо-востоку Унской губы [3, с. 85]. Здесь, помимо р. Луды и небольших ручьев, в губу впадает только р. Кинжуга. Таким образом, если сведения АГСК о наличии здесь забора верны, то он мог находиться либо на р. Луде, либо на р. Кинжуге.

Для Яренгской волости АГСК приводит данные об одном заборе в 1895 и 1897 гг. и о двух – в 1896 г. Ежегодные сведения о других орудиях лова имеются с 1870 г. за 29 лет. Для Яренгской волости за 1896 и 1897 гг. приведены размеры уловов на заборах: в каждый год по одному пуду, 0,5 % от общего улова [40, с. 72; 41, с. 72]. Маленький размер улова на заборе объясняет отсутствие необходимости его постройки в другие годы.

В XVI в. один забор, или закол («ез», «езишко»), существовал на р. Золотице (сведения 1555–1556 гг. [65, с. 288] и 1561 г. [65, с. 477]). От одного до четырех заборов в год ставили здесь до начала XX в. На заборах вылавливали в среднем 10 % (1875–1902 гг.) от общего улова [42]. Строили семужий забор на р. Лямце (Пурнемская волость) [9]. В Пурнемской волости на заборах вылавливали 3–7 % от общего улова семги (1879–1897 гг.) [42]. Поскольку по всей Пурнемской волости доля была невелика, можно предполагать, что и в Лямце она была небольшой.

Информации об основных орудиях лова семги до XIX в. немного. В закладной на половину тони на р. Золотице 1515 г. упоминается невод. В 1559 г. на Онежском полуострове взимался оброк «с морских и речных харв³ за семожью ловлю» [2, № 26, 242]. В XVII в. на Летнем берегу указаны «две тони поплавные на речке на лавке⁴» [57, л. 246]. Возможно, здесь применялись сети-поплавни. Упоминание поплавных тоней и харв единично, в большинстве документов XVI–XVIII вв. говорится о морских неводах [2, № 26, 27, 36, 41; 55, л. 27–28; 56, л. 76; и др.].

В XIX в. семгу также ловили преимущественно неводами на прибрежных морских участках. Для 1875–1904 гг. АГСК приводит ежегодные данные о количестве орудий лова семги: заборах (единично), неводах и гарвах. В 1910 г. Алеев о гарвах не упоминает [3].

В настоящее время повсеместно ведется лов семги сетью с крюком на конце. Устройство и способ установки этой сети сходно с устройством и способом установки гарвы. Название «гарва» не употребляется, но отдельные жители Летней Золотицы и Пушлахты его помнят. Кроме того, в настоящее время колхозный и частный (по разрешению) лов ведется неводом-тайником (опросные данные). Алеев отмечал, что тайник представляет тип орудия «со-

³ Гарва – стоячая прибрежная сеть, загнутая на конце в подобие ловушки («семужий крюк»).

⁴ Видимо, имеется в виду р. Лавкота.

вершенно такой, как он описан у Данилевского» под названием «завески» [3, с. 81]. Применяемый сегодня невод с ловушками несколько отличается по конструкции от приведенного Данилевским [26, с. 14–16]. Их объединяет только общая конструкция: наличие стены и ловушки с сетным дном.

В начале XX в. невода были заменены тайниками. К 1910 г., когда Алеев обследовал все прибрежные тони от Сюзьмы до Пушлахты, на них оставалось только несколько тяглых неводов [3, с. 84] (однако до 1905 г. число неводов повышалось [42]).

Сведения о размерах промысла семги до 1870-х гг. по отдельным районам и тоням Архангельской губернии отрывочны. В документах Соловецкого монастыря была найдена информация об уловах вблизи д. Дураково (Летний наволок), где монастырь ловил рыбу своими силами (тони Кярженица, Тимофеева Корга, Спируха, Каменка, Уг-Наволок), тогда как другие тони или их часть он сдавал в аренду. По данным 1712, 1716, 1758–1760 и 1784–1786 гг., наибольший улов (2,5 т) здесь был отмечен в 1716 г. на тоне Кярженица [49; 55, л. 5; 56, л. 31 об. – 76].

В 1872–1887 гг. на территориях Архангельского уезда от Пертоминского монастыря до границы с Онежским уездом вылавливали в среднем 21 %, в 1888–1915 гг. – 25 % от всех уловов семги в Архангельском уезде. Это немало, учитывая, что семгу добывали не только в Двинском заливе, но и в реках на территории всего уезда. В Золотицкой и Пурнемской волостях доля добытой семги от средних уловов по Онежскому уезду составляла 38 % в 1872–1887 гг. и 29 % в 1888–1915 гг. [42].

Наиболее доходные тони на Онежском полуострове принадлежали жителям Яреньги и располагались вблизи этого села (табл. 1). Соответственно, размеры уловов в Яреньгской волости также были наибольшими на Онежском полуострове (табл. 2).

Таблица 1

Количество морских семужьих тоней и доход на них в 1909 г. [3]

Кто занимался ловом	Число тоней	Доход, руб.
Яреньгская волость	70	35 800
Яреньга	29	22 050
Лопшеньга	31	13 750
Монастырские тони	10	Нет данных
Золотицкая волость	46	12 080
Дураково	17	6910
Летняя Золотица	20	4000
Пушлахта	9	1170

Средние и максимальные (в скобках) размеры уловов рыбы по отдельным районам Онежского полуострова (n – число лет, за которые имеются данные) [42]

Кто занимался ловом	Семга, кг		Сельдь, т		Навага, т	
	1870–1887 гг.	1888–1915 гг.	1875–1887 гг.	1888–1915 гг.	1872–1887 гг.	1888–1915 гг.
Лудский посад	257 (491); n = 7	128 (327); n = 11	18,2 (46,8); n = 6	6,2 (33,4); n = 12	11,3; n = 1	57,2; n = 1
Унский посад	Нет данных	Нет данных	14,8 (41,8); n = 4	15,7 (71); n = 11	6,3 (7,6); n = 1	Нет данных
Яреньгская волость	5496 (13792); n = 14	13882 (34349); n = 15	5,0 (5,8); n = 2	7,2 (43,3); n = 6	7,4 (9,9); n = 2	5,0; n = 1
Золотицкая волость	3222 (5733); n = 14	6047 (16380); n = 16	Нет данных	1,3; n = 1	Нет данных	Нет данных
Пурнемская волость	1171 (2178); n = 2	245; n = 1	6,8 (16,7); n = 3	4,2; n = 1	Нет данных	16,2; n = 1

Размеры уловов позволяют судить о численности взрослых особей, которая, в свою очередь, характеризует общую численность популяции. При этом более точной характеристикой численности популяции является величина улова на единицу промыслового усилия, поскольку она в меньшей степени зависит от интенсивности промысла. Чтобы понять, изменялись ли размеры уловов в исследуемом районе и что влияло на эти изменения, была изучена взаимосвязь трендов рядов данных. Для восходящих трендов размеров уловов отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции с годами уловов по Двинскому ($r = 0,84$) и Онежскому заливам ($r = 0,58$), Летней Золотице ($r = 0,46$) и Яреньгской волости ($r = 0,69$) в 1872–1915 гг. Также отмечены статистически значимые коэффициенты корреляции восходящих трендов числа неводов с годами уловов для Двинского залива ($r = 0,48$) и Яреньгской волости ($r = 0,41$) в 1877–1905 гг.

Таким образом, размеры уловов семги с 1872 по 1915 г. на промысловых участках Онежского полуострова возрастали, при этом уловы на усилие не менялись. Только в Лудском посаде наблюдалось снижение уловов на заборе. Уловы с 1877 по 1915 г. здесь были невелики (см. табл. 2). Возможно, снижение уловов здесь было следствием перелова. Возрастало число основных орудий лова (неводов) в Яреньгской волости до 1905 г.

По всей видимости, увеличение числа орудий лова в Яреньгской волости было связано с увеличением численности населения и соответственно, промышленников, что в той или иной мере было характерно для всей Архангельской губернии в районах, где промысел являлся важной статьёй дохода [1; 43]. Поскольку улов на орудие лова существенно не изменялся, можно предположить, что интенсивность промысла, вероятнее всего, оставалась достаточно низкой и промысел не мог нанести существенного урона промысловым популяциям семги.

Тони, известные по данным XV–XVII вв., действовали и в начале XX в., когда их описывал Алеев. По всей видимости, число тоней увеличилось. Изначально протяженность морских тоней была, по крайней мере для некоторых случаев, гораздо больше. Тоня Подмошестье в середине XV в. располагалась «от речки от Лавкоти у верхь до Великого розлога» [22, № 203], в 1910 г. на этом участке находилось восемь тоней. Некоторые тони к 1910 г. были поделены на две части, сохранив первое слово в названии: Погорелка 1-я и 2-я, Кега Большая и Малая и др. [3].

Практически на всех тонях Лопшеньги, Яреньги и Летней Золотицы, перечисленных Алеевым в 1910 г., лов ведется по сей день. За редким исключением⁵ тони сохранили свои названия со времени первых известных упоминаний в XV–XVII вв. (опросные данные).

Сельдь. Немногочисленные документальные сведения о промысле сельди у берегов Онежского полуострова встречаются с XVIII в. Антониево-Сийский монастырь регулярно ловил эту рыбу в своих вотчинах вблизи Лопшеньги. В мае 1755 г. монах с восемью крестьянами были отправлены в Лопшеньгскую волость «для рыбного семужьего и сельдяного промысла на мореходном судне кочмаре... с надлежащим рыбоводным заводом» [48, л. 1]. В октябре 1746 г. Антониево-Сийский монастырь принял (помимо семги) с лопшеньгских тоней 1343 кг сельди [47, л. 1–2].

Сельдь ловили также в Унской губе. В 1769 г. усилиями Беломорской рыболовной компании здесь было добыто несколько десятков пудов сельди [17]. Путешественник П.И. Челишев сообщал о промысле сельди дураковцами возле Ухт-Наволока. Всего им упоминается 15 семужьих и сельдяных тоней д. Дураково в конце XVIII в. [68, с. 69]. По-видимому, промысел сельди в Золотицкой волости (к которой относилась д. Дураково) производился в небольших размерах и, возможно, не каждый год.

Со второй половины XIX в. основной лов сельди жители Унского и Лудского посадов, где отмечались наибольшие уловы сельди (см. табл. 2), вели не только в акваториях, прилегающих к их селениям, но даже в Двинском

⁵ Тоню Ондрюк называют сейчас Кислухой.

заливе. Одним из лучших на Белом море был подледный промысел сельди в Покровской губе Онежского залива, и зимой сюда съезжались жители других волостей и посадов, в том числе Унского и Лудского. Жители этих посадов, а также крестьяне Яреньгской и Красногорской волостей ловили сельдь в Унской губе, но, по всей видимости, размеры уловов были здесь значительно меньше. В 1875 г. мещане Лудского посада выловили 4259 кг сельди в Унской губе, а в Покровской губе – 8190 кг. Зимой 1875–1876 г. в Онежском заливе промышляло 100 человек из Унского посада и 40 человек из Лудского посада, в Унской губе – 30 человек из Унского посада и 70 человек из Лудского посада [10, с. 4]. Средние уловы сельди от Пертоминского монастыря до границы с Онежским уездом составляли 23 % (1872–1887 гг.) и 30 % (1888–1915 гг.) от всех уловов сельди по Архангельскому уезду [42]. Однако большая часть сельди вылавливалась, по всей видимости, в Онежском заливе.

Известна история начала промысла в Покровской губе жителями Унского посада. Они решили заняться этим промыслом в 1858 г., однако крестьяне с. Покровского и Тамицкого, к волостным территориям которых примыкала Покровская губа, не позволили унтям ловить. На следующий год мещане Унпосада подали Архангельскому губернатору прошение, и он постановил разрешить лов, поскольку по закону акватории Белого моря находились в общем пользовании. Однако крестьяне Тамицкого и Покровского подали встречные прошения. Они просили не допускать унтян до промысла, объясняя, что жители Покровского и Тамицкого производят лов не в Белом море, а в устье реки. В 1863 г. дело о прошении мещан Унпосада «заниматься сельдяным ловом по берегам моря Онежской губы вблизи Покровской деревни» после обсуждения в инстанциях было удовлетворено [19, л. 8, 20–26].

Лов сельди производился с конца ноября по март ставными неводами. На Онежском берегу в начале XX в. получили распространение «покровские» тяглые и ставные невода (длиной до 20 м, с плечами в 48–50 м) и небольшие «волоковые» невода, которые закидывались во время отлива в глубоких местах [15].

Уровень промысла сельди испытывал значительные колебания во всех районах Белого моря. Размеры уловов яренжан, ловивших, по всей видимости, только в Унской губе, изменялись от 1,6 до 25 т – приблизительно в 15 раз. Сведений о соотношении между размерами уловов в Покровской и Унской губе Унского и Лудского посадов нет за большинство лет, но поскольку общие уловы также значительно колебались (приблизительно в 170 раз для уловов Унского посада) [36, с. 12; 39, с. 75], то можно предполагать, что размеры уловов значительно менялись год от года и в Покровской, и в Унской губе.

Причинами колебаний размеров уловов (не считая неблагоприятной погоды) могло быть уменьшение подходов сельди к берегам, а также значительные колебания ее численности.

Кумжа. В Унскую губу впадает р. Кумжевая, название которой, по всей видимости, свидетельствует о водившейся здесь кумже и ее промысле. В 1635 г. эта река была пожалована Соловецкому монастырю [23, с. 126]. Кумжу в своих реках ловили яренжане. По данным 1785 г., их промысел был нерегулярным: «...а другим годом не ловится» [20, л. 16].

О лове кумжи на Онежском берегу сообщается в документах с 1712 г., однако промысел этот велся, вероятнее всего, и ранее. Есть сведения о кумжевых заборах, стоявших на «Шидрове», «Котов речке», «Выго речке» [44, с. 11–14]. По сведениям 1561 г., «речка Шидрова» была оброчной [65, с. 477–478]. Какой промысел здесь был, не сообщается, но на основании более поздних данных можно предположить, что добывали кумжу.

В 1869 г. лямчане ставили забор на кумжу на р. Лямце, Палой (Павловой) и Средней. На Палой забор ставили во всю ширину реки, в 1909 г. здесь было выловлено 491 кг кумжи [3, с. 88; 9].

В 1909–1910 гг. кумжу ловили гарвами в устье р. Лопатки (тоня Лопатка крестьян из Летней Золотицы) [3, с. 129].

До последнего времени в реках Онежского полуострова (р. Шидровка, Котова) ставили на кумжу заборы из камней с ловушкой. Также устанавливали забор на кумжу на р. Сярте. Сейчас лов заборами не ведется. На р. Лопатке кумжу ловят удочками. Также кумжу добывают сетями в море, реках и озерах. Рыбаки Пушлахты и Золотицы при описании основных мест лова кумжи в реках называют те же реки, где стояли заборы в 1712 г.: Шидровка, Котова, Выговка (опросные данные).

Навага. Промысел наваги на Летнем берегу был сосредоточен в Унской губе, на Онежском – в прибрежных районах южнее с. Пушлахты. В Унской губе ловилась более мелкая навага, чем в других промысловых районах Белого моря. Тысяча наваг весила 33–57 кг (в Колежме – 98 кг, на Канинском берегу – до 197 кг) [3, с. 10, 84–88].

Основной промысел происходил зимой. В Унской губе лов велся со времени, когда вставал лед на море, до конца декабря, затем возобновлялся после 19 января, но в меньшем масштабе. В Пушлахте и Лямце ловили с начала января до середины декабря. Небольшое количество наваги ловили летом. В пользовании жителей Унского посада находились акватории от устья р. Уны до Заячьего наволока, жителей Лудского посада – от устья Уны до Пертоминского монастыря. Зимой жители Яреньгской волости приезжали ловить навагу к Заячьему наволоку, жители с. Красногорки – к Пертоминскому монастырю [3, с. 85–88].

До 1860-х гг. в качестве орудий лова наваги упоминались только уды. Уды для наваги были без крючков, несколько кусков наживки (наваги или сельди) привязывали к леске веревочками, навага прочно заглывала наживку, за один раз можно было вытащить пять-шесть рыб [32, с. 50; 34, с. 113–114; 45, с. 52].

В конце XIX – начале XX в. на Летнем и Онежском берегах, как и во всей губернии, стало возрастать экономическое значение наважьего промысла. Уды стали применять, по всей видимости, только для лова на собственное потребление. Основным орудием лова стали рюжи (сетные ловушки с кольцами). Лямчане завели рюжи, видимо, в конце 1860-х гг., чтобы ловить сельдь в Покровской губе у с. Тамицы, однако тамичане ловить им не позволили, и лямчане с помощью этих рюж стали промышлять навагу в своих водах. Правда, как сообщают газеты, в это время «привал» наваги к берегу, как назло, прекратился [8].

По всей видимости, переход на лов рюжами на Летнем берегу произошел не ранее 1870-х гг., т. к. при описании этого промысла в 1876 г. АГСК пишет еще исключительно об удочках [38, с. 97]. В Унской губе в 1910 г. зимний лов производился рюжами [3, с. 84–85].

Как и сельдь, во время зимнего промысла навагу замораживали и на возах отправляли на продажу в Архангельск. Из Лямцы возы шли в Онегу. Такой способ сбыта сельди и наваги определял высокую зависимость сбыта, а вследствие этого и промысла, от зимних температур. Во время оттепелей, когда рыбу невозможно было заморозить и скупщики переставали ее покупать, бывало, что промышленники даже не вынимали улова, оставляя рыбу гнить в рюжах [9; 13; 64, с. 20].

В Унской губе наиболее значительный промысел наваги, по всей видимости, был у жителей Лудского посада. По данным Алеева, доход Лудского посада от этого промысла достигал 20 000 руб., в то время как уняне зарабатывали около 5000 руб. Для яренжан, которые ловили в устье Унской губы, наважий промысел не приносил столь существенных доходов. Добыча наваги в устье Унской губы жителями с. Красногорки были также невелики. У Онежского берега промысел, по данным 1910–1912 гг., был также не слишком значителен (табл. 3) [3, с. 84–88; 4].

Таблица 3

Размеры промысла наваги в Унской губе (Лудский и Унский посады, Яреньгская волость), Лямце и Пушлахта в 1910 и 1912 гг. [3; 4]

Кто занимался ловом	Число рюж (1910, 1912 гг.)	Число промышленников (1912 г.)
Лудский посад	2000–3000	90
Унский посад	Около 800	20
Яреньгская волость	200–300	30
Лямца	250	60–70
Пушлахта	До 200	Нет данных

Данные об уловах наваги до 1898 г. немногочисленны (см. табл. 2). В статистических таблицах АГСК эти данные объединены с данными о других ви-

дах: «мелкой морской рыбе корюхе, наваге, камбале и др.». Неизвестно, какой вид преобладал в уловах, однако можно составить представление о размерах промысла. Судя по этим данным, до 1880 г. он находился примерно на одном уровне и был относительно невысок. По данным таблицы 4 видно, что размеры уловов Лудского и Унского посадов, Яреньгской волости «мелкой морской рыбы» значительно увеличились в 1888–1915 гг. по сравнению с предыдущим периодом. По всей видимости, это свидетельствует о росте доли наваги в уловах, наращивании ее промысла. Размеры уловов наваги постепенно возрастали и в целом по Архангельскому уезду, где вылавливалось с 1898 г. более 100 т наваги в год [30, с. 323].

Таблица 4

Средние размеры уловов (кг) «мелкой морской рыбы (камбала, корюха, навага и др.)» [42]

Кто занимался ловом	1872–1887 гг.	1888–1915 гг.
Лудский посад	7680	32 493
Унский посад	7853	10 283
Яреньгская волость	6843	12 070
Золотицкая волость	Нет данных	Нет данных
Пурнемская волость	22 090	20 820

В Унской губе вылавливалось в среднем 42 % наваги от уловов Архангельского уезда (1888–1915 гг.). Помимо Унской губы, в Двинском заливе лов наваги производился в устьях Северной Двины. В Золотицкой и Пурнемской волостях вылавливали в среднем 29 % наваги от средних уловов по Онежскому уезду (1888–1915 гг.) [42].

Камбала, корюшка, сиг, щука и др. Жители Летнего и Онежского берегов ловили также корюшку, камбалу, речную и озерную рыбу.

Число промышленников речной и озерной рыбы было невелико, средний доход на человека невысок (1872–1915 гг.) [42]. Известно, что мелкую морскую и пресноводную рыбу ловили и в более ранний период: «Монастырю (Пертоминскому. – Я. А.) дано игумену и братии на пропитание безоборочно пустое место в Унской губе от нутряного рогу и до монастыря до большого камня, рыбной ловли, мелкой рыбки», «в Красном ручью... рыбная ловля, и в Пертомине... мелкой рыбки ловля, да за Большим рогом мелкой рыбки ловля...» (1684 г.), и т. д. [61, № 72]. Сведений об этих промыслах немного, уловы шли большей частью на собственное потребление [8; 15; 42]. Имеются перечни пресноводных рыб, которых ловили в некоторых районах Онежского полуострова. По описаниям Лепехина, жители Уны «в недостатке морских промыслов» (видимо, имеется в виду отсутствие или малое количество

семги) ловили в озерах щуку, налимов, окуней, плотву, реже сигов [46, с. 40]. В 1785 г. жители Лопшеньги сетями и мережами ловили для собственного потребления щуку, окуня, плотву [20, л. 10, 16]. В начале XX в. в Яреньгской волости ловили щуку, налима, окуня, ерша, язя, леща, плотву, сига [42].

Морской звериный промысел. Основным продуктом промысла морских зверей было вытопленное сало. Наиболее высоко ценилось сало белухи. С XVII в. по 1830-е гг. на беломорских побережьях промышленники вытапливали сало в ямах, расположенных по берегам. Видимо, о таком месте свидетельствует название «Салное печище» (см. ил. 2), известное с 1515 г. [2, № 27]. В XIX в. в землю для вытапливания сала вкапывали железные котлы. В Лопшеньге в конце XIX – начале XX в. сало привозили в деревянную и вытапливали в чанах, затем отвозили бочки с ворванью в Архангельск [6; 12; 62, с. 5]. Сало морских зверей в первую очередь обеспечивало освещение [27].

Кожи были вторым по значимости продуктом промысла. Стоимость одной кожи была, как правило, в 3–4 раза меньше, чем стоимость пуда сала. Кожи шли на продажу, использовались самими промышленниками. Например, из нерпичьей кожи делали обувь, рукавицы, кожа морского зайца употреблялась для изготовления подошв [50, л. 1; 52, л. 73 об.; 63; и др.]. Кожа белухи использовалась редко, как писали «Архангельские губернские ведомости» в XIX в., «только в плохую конскую сбрую», поскольку ее трудно было обрабатывать [6].

До второй половины XIX в. сведения о размерах уловов, числе промышленников и орудий лова немногочисленны. В 1875–1915 гг. наибольших размеров морской звериный промысел достигал в Яреньгской и Золотицкой волостях. В Лудском и Унском посадах промысел был очень небольшим (табл. 5), ловили морского зверя здесь всего несколько человек. Незначительные показания по отдельным видам объясняются тем, что данные, приведенные в статистических таблицах АГСК (практически за каждый год), достаточно разнородны, и не всегда можно точно определить, промысел какого вида имелся в виду. За один год могли быть приведены данные о размере улова всех морских зверей, за другой – нерпы, за третий – во время одного из видов промысла, например, стрельни [42]. Однако при рассмотрении этих данных мы можем представить общий уровень промысла.

Таблица 5

Средние и максимальные (в скобках) уловы морских зверей в 1874–1915 гг., шт. (n – число лет, за которые имеются данные) [42]

Кто занимался ловом	Нерпа	Морской заяц	Тюлень ⁶	Белуха	Морские звери
Унский посад	10; n = 1	Нет данных	7; n = 1	Нет данных	Нет данных

⁶ Видимо, имелся в виду гренландский тюлень.

Кто занимался ловом	Нерпа	Морской заяц	Тюлень ⁶	Белуха	Морские звери
Лудский посад	10 (12); n = 3	Нет данных	3,5 (4); n = 2	Нет данных	11 (20); n = 9
Яреньгская волость	839 (1177); n = 5	73 (100); n = 2	142 (210) n = 4	36 (136); n = 7	760 (2780); n = 22
Золотицкая волость	563 (920); n = 6	58 (100); n = 3	267 (570); n = 4	12 (75); n = 6	698 (1420); n = 24
Пурнемская волость	218 (430); n = 8	104 (117); n = 4	112 (224); n = 4	Нет данных	335 (610); n = 11

Нерпа и морской заяц. Основным объектом промысла морского зверя жителей Онежского полуострова была нерпа. Морских зайцев промышленники добывали, как правило, в качестве прилова к нерпе в небольших количествах.

Нерпичьи тони упоминаются в документах с XVI в. у Золотицы и с начала XVII в. в Унской губе [61, № 7; 65, с. 477]. Видимо, к XIX в. сетный промысел нерпы на тонях уменьшился. П.Ф. Федоров высказывал мнение, что жители Летней Золотицы, Дуракова и Пушлахты имеют очень мало тоней для промысла нерпы, поэтому им приходится арендовать тони у Соловецкого монастыря вокруг Соловецких островов, отдавая часть улова в монастырь [67, с. 142]. Однако по документам XVI–XVII вв. нерпичьи тони постоянно упоминаются в районе этих селений. По современным данным, летние скопления нерпы на территории бывшей Золотицкой волости, к которой принадлежали эти селения, относительно велики: в губе Конюхова, например, летнее скопление насчитывает 500–600 особей [37, с. 45–49], более 100 особей в районе острова Жижгин, а возле Соловецких островов – около 400 особей [31]. Вероятно, возле северных берегов Онежского полуострова в летнее время животных было не меньше, если не больше, чем у Соловецких островов. Можно предположить, что на протяжении нескольких столетий места скоплений менялись несущественно, т. к. места промысла, начиная с XVI–XVII вв., как правило, совпадают с местами современных скоплений морских млекопитающих [5, с. 20–21], и тони нерпичьего промысла XVI–XVII вв. находились вблизи современных крупных летних скоплений нерпы. Как до, так и после секуляризации золотичане, пушлаходы и дураковцы ежегодно работали на промысле нерпы, который вел Соловецкий монастырь у Соловецких островов, однако, по всей видимости, причины для того, чтобы наниматься на работу в монастырь, были иные, чем отсутствие нерпы у собственных берегов. Возможно, это было связано с тем, что монастырь обеспечивал промышленников всем необходимым на

время промысла [49; 51; 53; 56; и др.], что могло быть выгоднее, чем ловить в своих водах своими средствами.

В 1875–1915 гг. основную часть нерп и морских зайцев добывали во время зимнего промысла – «стрельни». Во время этого промысла охотились на морского зверя с винтовками с берега или с лодок [28; 35; 42].

Источники XIX – начала XX в. сообщают о сетном промысле, производившемся с конца лета – осенью. В 1920–1930 гг. в районе Летней Золотицы промысел начинался в августе, когда ночи становились темными и сети были менее заметны для зверя. Сети так же, как и в XIX в., состояли из отдельных частей под названием «юнды», а на конце загибались крюком. Юнды, применявшиеся до конца 1990-х гг., имели сходную конструкцию [63].

Среди тоней, описанных Алеевым, сетный промысел нерпы упоминается только на золотицкой тоне Лопатка [3, с. 129]. Промысел нерпы на этой тоне проводился до конца 1990-х гг. (опросные данные).

Гренландский тюлень. Жители Онежского полуострова занимались весновальным промыслом (веснованье). Добывали на веснованье преимущественно гренландского тюленя (возможно, с Онежского берега в большей степени нерпу и морского зайца). Промысел начинался в середине февраля и заканчивался в середине или конце мая (по новому стилю), но мог длиться и меньше [18, л. 6; 28; 35, с. 174, 190].

Маленькие артели из трех человек объединялись в артель – «ромшу». В 1880-х гг. приблизительно 11 ромш отправлялось из Яренги, 9 – из Лопшеньги, 5 – из Дуракова, 4 – из Летней Золотицы и Пушлахты. Обычно на Белом море для передвижения среди льдов использовались специальные весновальные карбасы – небольшие легкие лодки с полозьями. Лодки вывозились к краю припая⁷ на лошадях (конец XIX – начало XX в.). При попутном ветре с Летнего берега двигались к северу по открытой воде между льдами под парусом; при противном ветре вытаскивали лодки на лед и использовали попутный дрейф льдов. Золотичане добирались до острова Жижгин и размещались в промысловой избушке на Чурнаволоке, дожидались юго-западного ветра и пересаживались вместе с лодками на обширную (до 13 км в окружности) льдину, которую несло в сторону бассейна Белого моря. Перемещались в поисках скоплений гренландского тюленя. Добычу свежавали на месте, мясо выбрасывали, шкуры с салом свертывали и привязывали к юрку (ремню из тюленьей или моржовой кожи длиной около 40 м) иногда по 100 и более кож. Юрки с кожами тащили следом за лодкой, иногда загружали юрками судно, и часть промышленников отвозили кожи на берег, затем возвращались, разыскивая товарищей по промыслу среди льдов. Золотичане (в 1920–1930-х гг., но, не исключено, что и ранее) использовали для временного хранения сала

⁷ Припай – неподвижный морской лед вдоль берегов.

и шкур острова Онежского залива (Жужмуй, Сеннухи), где складировали их в специальных «кибитках», а весной отвозили в Летнюю Золотицу. Ледовый промысел был очень опасен. В самых неблагоприятных ситуациях юрки срезали и бросали в море, лишь бы спастись самим. Этот промысел требовал больших затрат, был непостоянен и часто убыточен: подход льдов с тюленьими залежками к тому или иному берегу зависел от направления преобладающих ветров. Однако в случае удачи промышленник мог получить на пай сумму, превышающую заработок от других промыслов [7; 28, с. 45; 59; 62; 66, с. 10]. При этом размеры уловов были невелики (см. табл. 5) относительно промысла в других районах, т. к. промысел велся, как правило, вблизи Онежского полуострова, а основная часть залежек располагалась у Зимнего и Терского берегов [42].

Белуха. Первое известное (косвенное) документальное свидетельство о существовании промысла белухи у Онежского полуострова относится к 1719 г. Это расписка приказчика Летнестороннего семужьего промысла Николо-Корельского монастыря о том, куда был «издержан» доход с семужьего промысла: «Куплено белужья сала сыротока с шилегою, полтретья пуда, дано 10 алтын» [58, л. 1]. О технике и организации промысла и его размерах до конца XVIII – XIX в. известно мало.

Основным орудием лова в белушьем промысле был обметный невод, состоящий из отдельных юнд. Белуший невод был самым дорогим орудием лова на Русском Севере, поэтому принадлежал, как правило, большому числу хозяев. Владельцами юнд (частей невода) в Лопшеньге было около 100 домохозяев – более половины жителей села [29]. В середине XIX в. невод, принадлежавший совместно лямчанам и пурнемцам, стоил 400 рублей серебром, ежегодная починка – около 50 рублей в год. Ловили белух летом, с июня по август [26; 32, с. 69–70].

Промысел был не только дорогой, но и сложный в исполнении, требовал слаженных действий большого количества людей, своевременного подхода животных к берегу, благоприятной погоды. Несмотря на дороговизну, сложность и непостоянство промысла, белух не переставали ловить, т. к. в случае удачи прибыль могла быть весьма высокой – более 100 рублей на человека [11, с. 6; 18, л. 51; 21; 24, с. 14]. Наибольшее число белух вылавливалось в Яреньгской волости (см. табл. 5).

Заключение. В данной статье представлен обзор промыслов жителей Онежского полуострова от Унской губы до д. Лямца. Представленные количественные данные позволили более точно оценить значение разных видов промысла для отдельных промысловых районов. Однако полученная информация далеко не исчерпывающа. Большинство архивных источников, в которых содержится информация по этой теме, по всей видимости, еще не изучено.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII–XX веках: справочник. Архангельск, 1997.
2. Акты социально-экономической истории Севера России: Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
3. *Алеев В.Р.* Отчет о поездке на Летний и Онежский берег Белого моря в 1910 г. и описание морских рыболовных угодий. Отд. отт. из журн.: Материалы к познанию русского рыболовства. Т. II, вып. 2. СПб., 1913.
4. *Алеев В.Р.* Промысел наваги и сельди по Онежскому и Кемскому берегам Белого моря зимою 1912 г. Отд. отт. из журн.: Материалы к познанию русского рыболовства. Т. III, вып. 9. Пг., 1914.
5. *Алексеева Я.И., Чернецкий А.Д.* Промыслово-биологические сведения о белухе (*Delphinapterus leucas*) и гренландском тюлене (*Histrophoca groenlandica*) Русского Севера с XVIII в. по 30-е гг. XX в. // Морские млекопитающие Голарктики. М., 2004. С. 20–21.
6. Архангельские губернские ведомости. 1857. № 35.
7. Архангельские губернские ведомости. 1869. № 43.
8. Архангельские губернские ведомости. 1869. № 55.
9. Архангельские губернские ведомости. 1869. № 58.
10. Архангельские губернские ведомости. 1876. № 42.
11. Архангельские губернские ведомости. 1877. № 64.
12. Архангельские губернские ведомости. 1879. № 4.
13. Архангельские губернские ведомости. 1884. № 100.
14. *Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. М., 1888.
15. *Бернштам Т.А.* Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л., 1978.
16. *Варнаховский Н.А.* Рыбный промысел Архангельской губернии в 1899 году. СПб., 1902.
17. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8416.
18. ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Д. 1456.
19. ГААО. Ф. 4. Оп. 12. Т. 1. Д. 745.
20. ГААО. Ф. 429. Оп. 1. Д. 492.
21. ГААО. Ф. 549. Оп. 1. Д. 151.
22. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
23. *Досифей.* Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 126.
24. *Житков Б.М.* Русское Ледовитое море и его значение. М., 1922. С. 14.
25. *Иванов В.И.* Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках. СПб., 2007.

-
-
26. Исследования о состоянии рыболовства в России. Т. VII. СПб., 1863.
 27. Историческое описание первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря, подготовленное архимандритом Мелетием. М., 1881.
 28. *Книпович Н.М.* О рыбных и морских звериных промыслах Архангельской губернии. СПб., 1897.
 29. *Кречков Г.* Белуший промысел в Двинской губе // Северное хозяйство. 1924. № 3. С. 11–13.
 30. *Кузнецов В.В.* Белое море и биологические особенности его флоры и фауны. М.; Л., 1960.
 31. *Лукин Л.Р., Огнетов Г.Н., Бойко Н.С.* Экология кольчатой нерпы. Екатеринбург, 2006.
 32. *Максимов С.В.* Год на Севере. СПб., 1859.
 33. *Мартынов В.Г.* Атлантический лосось (*Salmo salar* L.) на Севере России. Екатеринбург, 2007.
 34. *Молчанов К.С.* Описание Архангельской губернии, ее городов и достопримечательных мест со многими древними историческими известиями и замечаниями к дополнению Российской истории служащими. СПб., 1813.
 35. Не век жить – век вспоминать. Народная культура Поонежья и Онежского Поморья. Онега; Архангельск; М., 2006.
 36. Обзор Архангельской губернии за 1915 г. Архангельск, 1916.
 37. *Огнетов Г.Н., Светочева О.Н., Бондарев В.А., Прищельхин В.Ф.* Изучение экологии морских млекопитающих на полигоне «Губа Конюхова» в июне – июле 2004 // Биологические ресурсы Белого моря и внутренних водоемов Европейского Севера. Ч. 2. Вологда, 2005. С. 45–48.
 38. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1876 г. Архангельск, 1878.
 39. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1890 г. Архангельск, 1892.
 40. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1896 г. Архангельск, 1897.
 41. Отчет Архангельского губернского статистического комитета за 1897 г. Архангельск, 1898.
 42. Отчеты и Обзоры Архангельского губернского статистического комитета за 1874–1915 гг. Архангельск, 1875–1916.
 43. Памятная книжка Архангельской губернии на 1913 г. Архангельск, 1913.
 44. *Побежимов А.И.* Население Поморской части Турчасовского стана Каргопольского уезда в начале XVIII в. // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2016. № 3 (41). С. 11–14.
 45. *Пошман А.П.* Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, историческом, физическом и нравственном обозрении с полезными на все оные части замечаниями: в 2 т. Т. 1. Архангельск, 1866.
-
-

-
-
46. Путешествия академика Ивана Лепехина в 1772 году. Ч. IV. СПб., 1805.
47. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1196. Оп. 1. Д. 507.
48. РГАДА. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 676.
49. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 830.
50. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1308.
51. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 583.
52. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 752.
53. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 787.
54. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1552.
55. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 4826.
56. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 5288.
57. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 9.
58. РГАДА. Ф. 1455. Оп. 5. Д. 692.
59. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 387. Оп. 1. Д. 167.
60. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина. Пермь, 1927. С. 100, 204.
61. Сборник грамот Коллегии экономии. Т. II: Грамоты Двинского, Кольского, Кеврольско-Мезенского и Важского уездов. Л., 1929.
62. Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, архив (СГИАПМЗ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 76.
63. СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 156.
64. СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 397.
65. Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.
66. *Ухтомский Л.А.* Сюзьма: этнографический очерк. СПб., 1876.
67. *Федоров П.Ф.* Соловки. Кронштадт, 1889.
68. *Челищев П.И.* Путешествие по северу России в 1791 году. СПб., 1886.

Домовые росписи Кенозерья: сюжеты, бытование, сохранность

Домовые росписи Кенозерья являлись одним из предметов научно-го интереса нескольких экспедиций, в которых трудились архитекторы М.А. Ильин, А.В. Ополовников, М.И. Мильчик, О.Г. Севан, научный сотрудник Государственного Русского музея (1963 г.) Н.В. Мальцев, а также сотрудники самого Кенозерского национального парка В.Д. Шевелев, М.Н. Мелютина, А.И. Анциферова. В ходе данных экспедиций (в том числе комплексной экспедиции Архангельского государственного педагогического института (АГПИ) им. М.В. Ломоносова (1982 г.)) фиксировались экстерьерные и интерьерные образцы домовых росписей, собиралась информация об уже утраченных росписях, о времени строительства дома и его декоративного оформления, об авторах росписей.

Целью данного исследования является систематизация сведений о сохранившихся или уже утраченных домовых росписях в кенозерских деревнях, определение художественных особенностей и принципов, образов и мотивов, распространенных на этой территории, выявление причин и времени появления в Кенозерье домовых росписей, обобщение информации об авторах.

О времени, причинах появления, основных сюжетах и авторах домовых росписей в своей статье «Крестьянская изба Кенозера» писал на примере избы Баженова, одного из старейших домов в д. Вершинино, архитектор М.А. Ильин, посетивший Кенозерье в 1927 г. в составе фольклорной экспедиции братьев Соколовых. «Внесение декоративного момента приурочивается к самому последнему времени (30–40 лет тому назад), причем декоративная орнаментика зависит прямо от прежних городских художественных форм, своеобразно преломившихся в сознании крестьянского понимания. Все убранство в виде живописи и разделок филенками дверец шкафчиков и дверей (последних очень редко) всецело относится к стилю «empire» («ампир». – А. А.), в своеобразной трактовке. <...> Лишь лет 30 лет тому назад стали “подшивать подшивку”, но и то не на всех домах. В большинстве случаев зашит тесом низ правил (бревна, выступающие над фронтоном. – А. А.), но не имеет никакой росписи, лишь за последнее время стала появляться роспись: цветы, небо со звездами, птицы, львы и т. д.» [5, с. 247, 252].

Крупнейший специалист по домовым росписям Русского Севера, архитектор М.И. Мильчик появление домовых росписей на Русском Севере в конце XIX – начале XX в. объясняет следующим образом: «Никаких сведений о ро-

списях крестьянских домов до середины XIX века у нас нет. Да и вряд ли такое вообще было возможно: ведь почти все избы тогда топились по-черному и внутри них царил полумрак. Не случайно все исследователи появление домовый росписи в крестьянской среде связывают с распространением белых изб, появлением остекленных окон, т. е. примерно с серединой позапрошлого столетия. Все это и подготовило появление монументальных росписей как средства повышения репрезентативности дома тех крестьян, которые в той или иной степени были связаны с городом благодаря торговле, извозу или отхожим промыслам» [7, с. 76].

Среди зафиксированных в Кенозерье домовых росписей встречается ряд датированных, что позволяет точнее определить период их распространения на этой территории. Так, на филенках шкафа из д. Майлахты в состав росписи встроена дата: «1895 года» и авторская подпись, которую пока идентифицировать не удалось (ил. 1). Среди фотографий архитектора А.В. Ополовникова 1950-х гг., хранящихся в Государственном музее архитектуры имени А.В. Щусева, имеется фотография дома из д. Першлахты, на фронте которого помещена надпись с фамилией хозяина «Колотихин» и датой постройки дома – «1904 год» (ил. 2). Подшивка свесов кровли декорирована растительным орнаментом, а на самом фронте читаются изображения львов [4, с. 175]. Расписаны также наличники этого дома, который считается утраченным.

Самая поздняя из известных на сегодняшний день датировка росписи находится в д. Першлахте. На фронте двухэтажного дома роспись в виде цветов в вазоне и дата: «1928 ГОДА» (ил. 3).

Расширить хронологические рамки росписей в Кенозерье можно и на примере датированных прялок, находящихся на постоянном хранении в музейном фонде Национального парка «Кенозерский» или выявленных у местных жителей. Именно на рубеже XIX и XX столетий традиционными стали надписи, которые обычно наносились на лопастке прялки резцом, но чаще – кистью. Содержание надписей в большинстве случаев ограничивалось либо датой, либо датой и инициалами владелицы, либо частичным или полным именем владелицы и датой. Для ремесленного живописца, работавшего по заказу, изделие всегда носило адресный характер, поэтому часто в состав росписи входило имя будущей владелицы [1, с. 136]. На лопасти наиболее ранней из датированных расписных прялок, включенных в музейный фонд Кенозерского национального парка, имеется владельческая и датирующая подпись: «СИЯ ПРЯЛКА ДОМНЫ М. ШИШКИНОЙ 1889 Г.». Роспись наиболее ранней кенозерской прялки, принадлежащей частным собственникам из д. Першлахты, выполнена в 1885 г. (ил. 4). Наиболее поздние расписные прялки датируются 1927–1928 гг. Причем, самые ранние росписи выполнены в технике свободно-кистевой росписи без нанесения предварительного рисунка, а поздние художественные композиции имеют зачастую черный контур.

Таким образом, исходя из различного фактического материала, можно утверждать, что домовые росписи в Кенозерье, получившие здесь свое распространение в 1880–1920-х гг., охватывают почти полувековой отрезок времени.

Одна из важнейших задач данного исследования – выявление авторов домовых росписей, существовавших или бытующих в настоящее время на территории Национального парка «Кенозерский».

В 1927 г. М.А. Ильин писал, что роспись традиционного кенозерского жилья «относится целиком к произведениям зашедших сюда лет 30–40 тому назад костромских мастеров» [5, с. 252]. По сведениям, зафиксированным этнографической экспедицией Архангельского государственного педагогического института им. М.В. Ломоносова в начале 1980-х гг., во многих кенозерских деревнях на рубеже XIX и XX вв. трудились «пришлые маляры из Карелии», ««мастера-красильщики приезжали на Благовещенскую ярмарку на Кенозеро из Карелии, вместе с рыбными обозами» (А.И. Осов, 1899)» [10, с. 52]. По сведениям, полученным в 1982 г. от Веры Тимофеевны Матвеевой из поселка Усть-Поча (на подшивке свесов кровли ее дома изображены цветы в вазоне), «сам дом был рублен в 1893 г. в Тырышкино, расписан был там же, в 1905 г., расписывал его не местный мастер, а пришлый, «который ходил по деревням» [10, с. 52].

Целая группа авторских датирующих подписей зафиксирована в составе домовых росписей нескольких кенозерских деревень. Все эти росписи датируются 1912–1916 гг. Они принадлежат Федору Яковлевичу Никифорову и, возможно, его сыну Константину Федоровичу Никифорову. Первая из надписей зафиксирована на часовне во имя святых великомучеников Флора и Лавра д. Семеново «К. ФЕДОР НИКИФОРОВ, 1912 ГОД, 21-ГО МАЯ» [10, с. 53]. На прялке КП 326, поступившей в музейный фонд из д. Горбачихи, имеется надпись: «К.М. (красил мастер. – А. А.) ФЕДОРЪ НИКИФОРОВЪ 1913 г.» [1, с. 137] (ил. 5). На фасаде дома Нифантовых в д. Майлахте, подшивка свесов кровли которого расписана звездами по голубому фону, подпись гласила: «1916 Г. <Нрзб.> ИЮНЯ К.М. ЭЕОДОРЪ ЯКО НИКИФОРОВЪ» [8, с. 18]. Экспедицией АГПИ имени М.В. Ломоносова в 1982 г. была зафиксирована информация: «Шкафы, расписанные цветами, сохраняются ныне также в доме... А.Е. Панфиловой (д. Семеново), которая назвала даже автора росписи своего шкафа: Константин Федорович Никифоров» [10, с. 53]. «В это же время Федором Никифоровым исполнена роспись заборки и шкафа в д. Горбачихе. На верхней части не сохранившейся заборки имелась аналогичная подпись с датой: 3 ИЮНЯ 1916 ГОДА» [8, с. 18]. Возможно, этим же мастерам принадлежит и «датируемая 1917 г. роспись фронтона в виде вазона с цветами на доме Марии Алексеевны Бургиной в д. Почозеро (двухэтажный четырехстенки). По подзору дома идет надпись: НИКИФОРОВЫ» [10, с. 52]. Федора и Константина Никифоровых, скорее всего, можно считать «пришлыми», сезонными мастерами.

Однако комплексной экспедиции АГПИ в 1982 г. удалось зафиксировать, что «были и местные мастера, расписывавшие прялки и мебель. Местные жители вспоминали, что шкафы расписывали Григорий Дементьевич Мелехов из деревни Минино, он расписывал также ставни, подзоры домов, – ездил по разным деревням. Шкафы расписывал Григорий Андреевич (фамилию установить не удалось) из деревни Федосово, в деревне Спицыно Прокопий Дмитриевич Запольный делал прялки, шкафы и расписывал их» [10, с. 54]. Жители д. Першлахты вспоминали «братьев Старицыных как “красильщиков”, т. е. мастеров росписи» [10, с. 52]. В 1982 г. в д. Семеново был зафиксирован шкаф с росписью в доме Тряпицыных, которые пояснили, что «мастер росписи не местный, жил в кенозерской деревне Косицыно (Шлепино)» [10, с. 53–54].

В настоящее время удалось актуализировать информацию о местном живописце Мелехове, уточнить его отчество, годы жизни и место проживания. По архивным сведениям, полученным от его правнука В.А. Калитина, Григорий Дометиевич Мелехов (1880–1952) проживал в кенозерской деревне Поварничиной (В.А. Калитин, 1959 г.р., м.р. – г. Мурманск, м.п. – г. Пушкин) [2; 3, л. 53об. – 54]. Других сведений об авторах домовых росписей в Кенозерье выявить не удалось.

В некоторых кенозерских домах удастся зафиксировать целый ряд предметов, сравнительный анализ художественных особенностей которых позволяет предположить авторство одного человека. Так, в одном из домов д. Поромское обнаружены киот и прялка, принадлежащие кисти одного крестьянского живописца (цвет фона прялки и киота – красный, крупные цветы, выполненные в технике свободно-кистевой росписи с белильными оживками) [9, с. 10].

По мнению исследователей и основных информантов – местных жителей, домовые росписи получили широкое распространение в Кенозерье в конце XIX – начале XX в. Архитектор М.А. Ильин описал традиционный интерьер того времени: «Шкафы, где хранится посуда, раскрашены в темно-красные и зеленоватые тона с яркими цветами на филенках дверец и являются единственным внутренним убранством» [5, с. 247]. В 1963 г. Н.В. Мальцев, сотрудник Государственного Русского музея, посетивший Кенозерье с целью изучения народного искусства, описывал: «Первая встреча с деревнями Кенозера, с хозяйками огромных изб с широкими кровлями, подбои которых были расписаны изображениями причудливых вазонов с яркими, сочными цветами, а входные двери в дом украшены изображениями стоящих на задних лапах львов, ошеломила участников экспедиции» [6, с. 228–229] (ил. 6).

Многочисленные факты распространения домовых росписей подтверждают сегодня все информанты – местные жители: «Раньше росписей было много, в каждой деревне и в каждом доме были нарисованы цветочки. Еще на фронтонах и дверях домов видели нарисованных львов или опять же цветы» (Е.И. Опахина (Тряпицына), 1961 г.р., м.р. – д. Ведягино, м.п. – г. Петрозаводск;

С.В. Федотова, 1976 г.р., м.р. – д. Горбачиха, м.п. – г. Петрозаводск) [2]. Информантами же дается основной перечень кенозерских экстерьерных и интерьерных росписей: «Самые заметные росписи – это то, что с улицы видно: ставни, верх дома под крышей, подшивка кровли. В деревнях у нас говорили: кто побогаче, тот и заказывал рисунками свой дом украшать» (Е.И. Аникиева, 1928 г.р., м.р. – с. Ошевенск, м.п. – пос. Усть-Поча) [2]. И, действительно, росписи фронтонов свидетельствовали об известном достатке хозяина и служили предметом его особой гордости [7, с. 175]. «В избе шкафы-заборки цветами украшали, у кого-то буфеты были или “чайные” шкафчики (небольшие подвесные шкафчики для посуды. – А. А.), иногда сундуки и божницы, ткацкие станки, бывало, что точеные ножки у столов и саму столешницу разукрашивали, почти у всех женщин и девушек прялки были нарядные: у кого только с резьбой и раскраской, а у кого-то еще с цветочками и птицами» (С.А. Евсеев, 1959 г.р., м.р. – д. Немята, м.п. – д. Вершинино) [2].

О некоторых росписях, утраченных по разным причинам во второй половине XX в., информацию удалось получить благодаря старым черно-белым фотографиям из семейных архивов местных жителей. В 1940–1950-х гг. кенозеры, позируя фотографу, выбирали в качестве фона самое «баское» место в своем или соседнем доме. Единственным таким красивым, нарядным местом долгое время оставались расписные шкафы-заборки (ил. 7).

Основные мотивы кенозерских росписей обычны для территории всей Карелии: пышные розы, листья, ягоды сплетаются в гирлянды, ветви, вазоны с букетами. Росписи наносились свободным мазком кисти по разноцветному фону без предварительной наметки контура. Для придания изображениям некоторой объемности и реальности использовали белильные или цветные «оживки» и «приписки». При сравнении кенозерских прялок, для украшения которых роспись использована наравне с резьбой, и прялок, декорированных только свободно-кистевой росписью, можно сделать определенные выводы. Росписи на прялках без резьбы более непринужденны, цветочный орнамент стремится заполнить все декоративное поле, не оставляя пустот [1, с. 136].

Один из важнейших вопросов данного исследования – определение основных сюжетов, образов и мотивов домовых росписей. Наибольшее распространение в Кенозерье и его окрестностях получил растительный орнамент. Здесь было принято украшать дома, прялки и другие предметы росписью с мотивами цветов, букетов, гирлянд, вазонов, деревьев (ил. 8). Значение этих рисунков связывалось с пожеланием счастья. В росписях кенозерских домов на подшивке свесов кровли, предметах мебели часто изображалась длинная волнистая ветвь с отходящими от нее цветами и листьями. Среди цветов чаще всего встречаются розы – «царицы цветов» – и тюльпаны – «цветки молодости», среди плодов наибольшее распространение получил виноград, символизировавший молодость, а также хорошую, сладкую, счастливую жизнь [13,

с. 81]. Очень часто при декорировании дома растительным орнаментом художники изображали вазоны, причем они по своей живописной форме были различны: на тонкой ножке с ручками или достаточно простые сосуды с ручками и без них, плетеные корзины или простой горшок. В незначительных случаях цветочный орнамент дополнялся изображениями птиц. Такие растительно-орнитоморфные композиции зафиксированы на двух прялках из музейного фонда Кенозерского парка, подвесном шкафчике в одном из домов в д. Горбачихе, где также изображены охотник и собака (ил. 9), ставнях некоторых домов в д. Вершинино. Птицы предвещали урожай и богатство, а изображения парных птиц отражали представления народа о счастливом браке [13, с. 82].

Отдельная группа крестьянской живописи Кенозерья связана с изображениями животных. Среди сохранившихся зооморфных росписей наибольшее распространение получили изображения льва. В северных сказках лев – преданный человеку друг, служащий ему верой и правдой. Часто в народных русских росписях лев более похож на собаку, чем на хищного зверя. Изображались они стоящими на задних лапах, с поднятыми передними, а также стоящими или лежащими в геральдической композиции по сторонам «древа» или цветов в вазоне с грозно поднятой лапой [13, с. 83]. Именно такая композиция была написана на верхней филенке дверей из дома, построенного в конце XIX в. в кенозерской деревне Коровья Мыза, а нижняя филенка украшена изображениями цветов (ил. 10). В 1982 г. комплексной экспедицией АГПИ им. М.В. Ломоносова на фронте одного из домов в Першлахте были зафиксированы изображения льва и единорога [10, с. 52], которые сегодня уже не читаются: роспись повреждена осадками и выцвела. В этом же частном доме сохраняется крестьянская мебель и предметы быта, декорированные цветочным орнаментом, а на межкомнатной двери с одной стороны помещены изображения львов (на верхней филенке по голубому фону выписан анфас повернувший голову лев, на нижней филенке – лев изображен в профиль [11, с. 102]), на обороте той же двери – цветочные орнаментальные мотивы [14, с. 6] (ил. 11).

На территории Кенозерья обнаружены отдельные примеры антропоморфного орнамента. На нижних филенках двух межкомнатных дверей, зафиксированных в д. Федосово и Рыжково, имеются изображения женской (ил. 12) и мужской фигур; прялка из музейного фонда парка украшена профильными изображениями двух женских голов.

По рассказам местных жителей и отдельным фотографиям 1940–1980-х гг. можно выделить еще один вид экстерьерных домовых росписей. Подшивка свесов кровли некоторых домов была украшена изображениями голубых или синих звезд на белом фоне.

Наиболее простой по технике исполнения геометрический орнамент получил распространение также в основном в экстерьерных домовых росписях.

На ставнях и входных дверях кенозерских домов до сих пор фиксируются изображения темного круга на светлом фоне. Поскольку этот орнамент являлся наиболее простым по технике исполнения, то, возможно, он наносился владельцами домов.

Экспедицией АГПИ им. М.В. Ломоносова в 1982 г. была зафиксирована информация об украшении росписью других бытовых предметов. Центром плетения корзин была д. Рыжково. Однако, происхождение расписных корзин установить не удалось. В Усть-Поче, Поче, Почозере, Вершинино, Семеново в ряде домов сохранились расписные дуги, правда не местного производства, но купленные на ярмарках [10, с. 55].

Одна из задач данного исследования заключается в определении уровня сохранности домовых экстерьерных и интерьерных росписей. «Стоит заметить, что ныне увидеть расписную мебель в интерьере – редкая удача: чаще всего встречаются отдельные предметы мебели: шкафы, киоты, причем зачастую уже перевезенные из других домов или даже деревень, в очень редких случаях – заборки, в которых расписными являются двусторонние шкафы и двери. Подобную мебель беспощадно закрашивали в шестидесятые годы прошлого века, да и позднее: она уже не отвечала изменившимся вкусам нового поколения, и на многих шкафах и заборках можно лишь угадать под толстым слоем грубой коричневой или голубой краски следы былой красоты: розаны, яблоки» [15, с. 14] (ил. 13). О расписном шкафе-заборке, приобретенном для музея «Малые Корелы», в отчете этнографической экспедиции 1982 г. приведены следующие сведения: «Уговаривать продать шкаф жителей пришлось три дня. Хозяйка хотела распилить шкаф, сделать из него тумбочку, закрасить роспись, а остатки шкафа – сжечь. Описанное отношение к росписи очень показательно» [10, с. 53].

По мнению некоторых исследователей и воспоминаниям местных жителей, в 1980–1990-х гг. предметы быта, мебель, элементы экстерьера, декорированные росписями, стали предметом интереса музейных работников или коллекционеров – ценителей крестьянской живописи. Архитектор О.Г. Севан, обследовавшая д. Вершинино в начале 2000-х, засвидетельствовала: «Еще несколько лет назад великолепные львы красовались по сторонам двери на балкончике дома, стоящего в Вершинино на берегу Кенозера. Росписи эти были сняты и увезены “приезжим человеком”. От этой великолепной декорации сохранились только расписная, сильно потертая дверь, на которой причудливые цветы, бутоны, розетки расположены между изгибающихся ветвей и листьев золотистого, охристого, коричневого тонов» [12, с. 43]. Жительница пос. Усть-Поча Екатерина Ивановна Аникиева вспомнила, что «лет 15–20 назад, а может больше, у одной бабушки в деревне Рыжково москвичи купили шкаф, с которого сняли расписные двери, запаковали и увезли» (Е.И. Аникиева, 1928 г.р., м.р. – с. Ошевенск, м.п. – пос. Усть-Поча) [2].

На территории Плесецкого сектора Кенозерского национального парка в 2019 г. автором данного исследования была проведена экспедиция по изучению домовых росписей, сохранившихся в кенозерских деревнях. Большая часть информантов на вопрос о наличии росписей в деревнях в настоящее время отвечает: «Сейчас не то что львов, но и цветы в домах редко увидишь. Многих домов и деревень теперь уж нет. А в тех домах, где были росписи, в 1970-е годы мебелью новой стали обзаводиться, старое выкидывали или закрашивали». На территории Кенозерского национального парка известен лишь один дом А.В. Дмитриева в Першлахте, в котором хозяева бережно сохраняют интерьер с расписной мебелью. Это самый старый из датированных домов, построенный в 1860 г. Спустя 25 лет купцом Н.И. Старицыным он был перевезен в Першлахту. К этому же времени относится и декорирование эстерьеров и интерьеров дома росписями [14, с. 6].

Все материалы, собранные при написании данной статьи, будут использованы в экспозиции «Львы и розы» в музейном комплексе «Амбарный ряд» д. Вершинино (Плесецкий сектор Национального парка «Кенозерский»).

Список литературы

1. *Анциферова А.И.* Традиции бытовой росписи и резьбы (на материале музейных коллекций Кенозерского национального парка) // Кенозерские чтения – 2016. Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности. Архангельск, 2017. С. 130–138.
2. Воспоминания местных жителей, записанные в рамках программы «Паспортизация деревень» // Электронный научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
3. Государственный архив Архангельской области. Ф. 29. Оп. 39, т. 2. Д. 582.
4. *Дудина Т.А.* Обзор материалов по Кенозерью в собрании Музея архитектуры имени А.В. Щусева // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник. Архангельск, 2009. С. 169–178.
5. *Ильин М.А.* Крестьянская изба Кенозера // РАНИОН. Труды секции археологии. Вып. 4. М., 1928. С. 241–256.
6. *Мальцев Н.В.* Кенозерская экспедиция Государственного Русского музея // Культурное и природное наследие Европейского Севера: сборник. Архангельск, 2009. С. 225–233.
7. *Мильчик М.И.* Расписные дома Русского Севера: Поважье // Тальцы. 2004. № 3. С. 75–79.
8. *Мильчик М.И., Швелева Е.В.* Расписные дома Русского Севера: Поонежье // Тальцы. 2005. № 1 (24). С. 18.
9. Отчет о результатах полевой экспедиции заместителя директора по научной работе Мелютинной М.Н. и начальника научно-методического и экспозиционного отдела Анциферовой А.И. (Плесецкий сектор Кенозерского национального парка) // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 182.

10. Разработка научной документации для проектируемого национального парка на Кенозере Плесецкого района Архангельской области. Т. 2. Архангельск, 1982 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 400.

11. Разработка документации для проекта и схемы развития Кенозерского национального парка по теме: историко-этнографические исследования Кенозерья. Архангельск, 1997 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 32.

12. *Севан О.Г.* Росписи жилых домов Русского Севера. М., 2007.

13. *Севан О.Г.* Семантика росписей жилых домов в народном искусстве Русского Севера: (Архангельская и Вологодская обл.) // Обсерватория культуры. 2008. № 3. С. 80–83.

14. *Шевелев В.Д.* Самый старый дом на Кенозере // Кенозерье. 2005. № 1 (15). С. 6.

15. *Шевелева Е.В.* Текст к альбому «Народные промыслы Кенозерья» // Электронный научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».

Освоение и заселение южного побережья Белого моря в эпоху неолита – раннего металла

Активное освоение и заселение территорий южного Прибеломорья происходило в периоды с наиболее благоприятными климатическими условиями. Об этапах раннего освоения этих территорий носителями мезолитических и раннеолитических культур трудно судить из-за недостатка объективной информации об археологических памятниках данного региона и отсутствия достаточных данных о формировании локальных ландшафтов вблизи известных культурных объектов как в период их освоения человеком, так и в последующие эпохи.

Для освоения и заселения определенной территории необходимо:

1. Возникновение или наличие благоприятных условий.
2. Появление необходимости (внутренней и внешней) для реализации этих процессов.
3. Существование у социума возможностей для реализации своих намерений.

Условия формируются природно-климатическим фактором, влияющим на формирование пищевой и сырьевой базы, наличием социумов, имеющих возможность осваивать данные территории или готовых к такому освоению, и т. д.

Необходимость возникает вследствие следующих предпосылок: оскудение пищевых и сырьевых ресурсов на ранее освоенной территории, увеличение численности населения, геополитические факторы (войны, завоевания, угроза безопасности и т. д.) и др.

Возможности для реализации намерений – это обладание необходимыми для освоения новых территорий навыками и алгоритмами поведения, которые либо имеются у представителей социума, либо приобретаются в ходе приспособления к новым условиям, а также наличие путей миграции и возможности использования данных путей.

Благоприятные природно-климатические условия для освоения южного Прибеломорья в четвертичном периоде возникали довольно часто, об этом говорит наличие археологических стоянок носителей технологий пластинчатого скола кремня, относимой к периоду мезолита – раннего неолита, а также находки стоянок с орудиями, которые по типологическим признакам можно отнести к эпохам мезолита – раннего неолита (ил. 1). К таким памятникам от-

носятся стоянки на Беломорско-Кулойском плато: Исток Кельды, Стрюково, Озеро Сухое, Тучкино-1, Поморье-2, Озеро Золотицкое, Аннин мыс, Лодьмозеро [3, с. 5–12; 4, с. 28–30]; в районе г. Архангельска и Онежского полуострова: Илос, Салозеро-7, Исток Нижмы, Сейцозеро-1, Сейцозеро-2 [1, с. 11] и др. Комплексы кремневого инвентаря, обнаруженные на данных памятниках, не фиксируются в прибрежной зоне южного побережья Белого моря.

Наличие выявленных объектов эпохи мезолита – раннего неолита предполагает, что имелись группы населения, заинтересованные в освоении и заселении этих территорий, но их мотивация пока не понятна, т. е. мы пока не можем сказать, какая необходимость заставила людей осваивать данные территории.

В 1980–1990-х гг. вопросом путей миграций раннего населения занимался профессор А.А. Куратов. Им было выделено три основных миграционных направления носителей различных технологий и культур для освоения и заселения южной части Прибеломорья (ил. 2): два южных – вниз по р. Северной Двине и р. Онеге и одно северо-западное – с территорий Кольского полуострова и Карелии¹. К сожалению, работа по миграционным процессам не была опубликована.

Принимая во внимание природно-климатические изменения, происходившие в четвертичном периоде, а также большой пласт плохо изученного археологического материала Большеземельской тундры, можно выделить четвертое направление мощных миграций в район Онежского полуострова – северо-восточное. Стоит учитывать то, что эти процессы проходили не одновременно и порой, вероятно, происходили миграции технологий или торговый обмен предметами с сопредельными территориями, а не переселение групп носителей технологий и создателей определенных предметов.

До 5-го тысячелетия до н. э., как показали последние исследования геологов, занимающихся вопросами формирования ландшафтов в четвертичном периоде, прибрежная зона южного Прибеломорья не имела устойчивых границ [5, с. 337–339], поэтому археологических объектов (поселений, стоянок), связанных с освоением и заселением морского побережья быть не могло, либо они разрушились в силу естественных причин.

Изучение археологических памятников Летнего и Зимнего берегов Белого моря, а также геоморфологические исследования последних десятилетий дают основание считать, что освоение и заселение прибрежной зоны южного Прибеломорья происходило в конце климатического оптимума в эпоху заключительного этапа неолита. К этому времени уже сформирова-

¹ Сведения из частной беседы автора с А.А. Куратовым 1997 г.

лись прибрежные песчаные террасы, образованные генерациями береговых валов, примыкающих к моренным основаниям, которые вследствие понижения уровня моря зарастают сосняком. Эти террасы расположены в непосредственной близости от берега моря и являются местами первоначального заселения людьми. Наиболее ранними местами заселения прибрежной зоны, вероятно, являются территории, освоенные носителями технологий кварцевой индустрии (стоянка Луда, стоянка Кислуха, местонахождения у с. Яреньги и др.), а также те, где выявлены комплексы артефактов, относящихся к позднему неолиту – поселение Металлург, стоянки у с. Нёноксы, стоянка Глинник, стоянка Кузнечиха и т. д. (ил. 3).

При сравнительном анализе артефактов, собранных с прибрежных памятников Онежского полуострова, удалось выявить прямые аналоги некоторых типов кремневого инвентаря и керамических обломков с предметами, обнаруженными на стоянках в соседних регионах. Фрагмент керамического сосуда с поселения Металлург (Кудьмозеро-1) аналогичен фрагменту, найденному на стоянке Нива XXI [7, с. 72–73]. Листовидные ножи-кинжалы, найденные А.А. Куратовым на орлецких стоянках в Холмогорском районе Архангельской области [6], аналогичны находкам, сделанным на стоянке Глинник у г. Архангельска [2, с. 9]. Среди случайных находок на прибрежных памятниках можно отметить обломок фигурного кремня в виде ползущей змейки, который имеет аналоги среди неолитического материала на р. Вёксе в Вологодской области. На стоянке Кислуха (район пос. Пертоминска) был обнаружен фрагмент стенки ромбо-ямочной керамики, характерной для Каргопольской культуры.

Напрашивается закономерный вывод, что в формировании населения онежского Прибеломорья активно принимали участие выходцы из южного и центрального Подвинья, представители Каргопольской культуры, население Карелии и Кольского полуострова, пришедшие на южный берег Белого моря через Онежскую губу и, возможно, вдоль западного побережья.

Учитывая последние данные геоморфологических исследований [8], говорящих о поднятии территории Онежского полуострова примерно на 10–11 м над уровнем моря, есть основание предполагать возможность обнаружения археологических памятников на древних морских берегах, которые ныне расположены на значительном расстоянии от моря.

Список литературы

1. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологической разведке в Приморском районе Архангельской области в 1995 году // Архив Архангельского краеведческого музея (далее АКМ). Ф. 3. Оп. 3. Д. 936.

-
-
2. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологических исследованиях в г. Архангельске, Приморском и Пинежском районах Архангельской области за 1996 г. // Архив АКМ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 941. Л. 9.
 3. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологических разведках на территории Архангельской области в 1997 году // Архив АКМ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 951.
 4. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологических исследованиях в Приморском районе Архангельской области и г. Архангельске в 2000 году // Архив АКМ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 972.
 5. *Зарецкая Н.Е., Симакова А.Н., Успенская О.Н., Беличенко А.Е.* К истории развития дельты р. Северная Двина в голоцене (по геохронологическим и палеоэкологическим данным) // Проблемы управления и устойчивого развития прибрежной зоны моря: материалы XXII международной береговой конференции. Геленджик, 2007. С. 337–339.
 6. *Куратов А.А.* Отчет об археологических работах в Архангельской области. 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф. III. Оп. 3. № 175.
 7. *Песonen П.Э.* Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова. Петрозаводск, 1980. С. 72–73.
 8. *Репкина Т.Ю., Беличенко А.Е., Зарецкая Н.Е., Кублицкий Ю.А., Леонтьев П.А., Романенко Ф.А., Шилова О.С., Яковлева А.П.* Истории развития и заселения западного побережья Унской губы (Летний берег Белого моря) в голоцене // Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе. Архангельск, 2019 (в печати).

Поморские деревни: опыт выживания

Статья, предлагаемая вниманию читателей, посвящена судьбе поморских деревень, выведенных из реестра существующих либо обретающих статус дачных поселков.

Подобные тенденции, наиболее ярко проявившиеся в конце XX – начале XXI в. и характерные, увы, для многих поморских поселений, мы рассмотрим на примере д. Тетрино, расположенной на Терском берегу Белого моря (ил. 1), и Сёмжи, раскинувшейся в районе Мезенской губы Белого моря, на правом берегу р. Мезени. Населенные пункты различаются по природно-климатическим, промыслово-хозяйственным и социально-историческим условиям.

Деревня Тетрино, некогда одна из самых больших на побережье, расположена в «низовской» части Терского берега Белого моря.

Поселения Терского берега разделены р. Варзугой на «верховские» (западные) и «низовские» (восточные). К востоку преобладают тундра и тундровое криволесье; к западу от Варзуги появляются сосново-березовые и елово-березовые леса.

«Высокими гранитными скалами до 25 и 30 сажен высотой... начинается и Терский берег от Святого Носа, – пишет в середине XIX в. о «низовской» части побережья С.В. Максимов. – Выкрытые тундрой с вечным снегом в оврагах темно-красноватые горы эти тянутся до реки Поной, за изгибами которой разбросано первое селение Терского берега – село Поной... <...>

Редко горы эти и прибрежные скалы поднимаются выше 50 сажен, но большая часть их уже около острова Сосновца покрывается мохом зеленоватого цвета и мелким кустарником, который, по мере приближения берега к реке Пулоньге, переходит постепенно в реденький невысокий березовый и сосновый лес. <...> Около Пулоньги начинаются уже песчаные осыпи и кое-где – глиняные прикрутости... <...>

Пять только селений приютилось на всем этом протяжении Терского берега до устья реки Варзуги, при устьях маленьких речек, на береговых прикрутостях. <...>

Из деревень этих только одна Тетрина – как бы исключение из правила, не прячется за далекими коленами реки, дальше внутрь земли от устья, но

видится с моря всецело на мыске у подошвы голой гранитной крутизны, оттого... вид деревни картинно-своеобразен» [9, с. 219–220]¹.

Одно из первых упоминаний об «урочище Тетрино» содержится в сотной выписи 1563 г.: «здесь стояла запустевшая варница старца (монаха) Николо-Карельского монастыря Ефрема» [23, с. 134].

Возле небольшой речки Каменки (протекающей недалеко от современного Тетрино) в это же время располагались, по-видимому, «живущие тони»: места рыбного лова, где имелись промысловые избы. В них жили только во время летне-осеннего промысла семги. «Живущими тонями» у р. Каменки владели и варзужане, и двиняне.

Дата возникновения Тетрино как постоянного поселения – 1660 г. Ср. данные переписи 1678 г., осуществленной писцом Афанасием Фонвизиним, посланным на Терский Берег царским правительством: «Да у моря ж на Терской стороне слободка Тетрино, а в ней патриархии же крестьяня: Тимофей Степанов сын Корела с внуком и другие; по скаске их, они поселились из Варзугской волости со 168 году» [23, с. 134]².

«Слободка Тетрино», принадлежавшая патриарху Иоакиму, подобно всем вотчинным землям церкви, была «свободна», то есть не облагалась государственными налогами.

В конце XVIII в. Тетринскую слободу населяло пять семей: Яков Стрелков и три его сына; Емельян Лопской и четыре его сына; брат Емельяна Михаил Лопской с двумя сыновьями; Борис Тарабарин с сыном; Степан Клишев и два его сына (подворная перепись 1785 г.).

Селение тянулось на 300 сажен (600 м) вдоль морского побережья. Самый зажиточный из тетринских жителей Яким Стрелков имел две кочмары (мореходных судна) и торговал продуктами промысла в Архангельске. Также он держал шесть голов скота.

Беднейший из тетринчан Борис Тарабарин держал три овцы и «занимался зверобойным промыслом и ловом семги по найму у богатых варзужан». Всего в Тетринской слободке насчитывалось 10 коров, один бык и 20 овец. Лошадей здесь не держали, их заменяли олени. Основными статьями дохода были рыбный и зверобойный промыслы (ежегодно на продажу добывали около 50 бочек сельди и 30 пудов семги). Семгу ловили главным образом осенью (сетями); морских зверей промыслили «побойкою на льдах» и «стрелянием из ружей» [23, с. 134–135].

¹ Местоположение Тетрино отлично от других «низовских» поселений, однако «крутизна» над деревней – глинисто-песчаная, а не гранитная.

² До календарной реформы Петра I даты обозначали «от сотворения мира», за 5508 лет до Рождества Христова. (7)168 г., таким образом, соответствует 1660 г. от Рождества Христова.

В 1828 г. поселения восточной части Терского берега, в их числе Тетринская и Пялицкая слободки, были присоединены к Варзужской волости Кемского уезда Архангельской области.

По данным духовной росписи 1847 г., Тетрино состояло из 26 дворов. Значительная часть жителей носила фамилию Котловы или Елисеевы.

В результате административных преобразований 1861–1866 гг. на Терском берегу были созданы Умбская, Кузоменская и Тетринская волости (каждая из волостей включила не менее 300 ревизских душ и одно сельское общество) [22, с. 307].

Итак, Тетрино стало волостным центром и значительно расширилось. По статистическому учету 1871 г. здесь имелось 57 домов, в которых проживало 208 мужчин и 198 женщин. 155 человек занимались рыболовством, 137 – зверобойным промыслом. Кроме того, в деревне жило 5 торговцев и ровно столько же работников по найму [23, с. 136].

В дальнейшем, вплоть до начала XX в., население Тетрино увеличивалось³. В 1896 г. количество дворов достигло 63, в деревне располагались волостное правление и церковно-приходская школа. Купцы Котлов и Клещев имели два мореходных судна и, по-видимому, процветающую торговлю [20, с. 29].

Водные угодья Тетринского сельского общества простирались от Саутинского наволока на западе до р. Глубокой на северо-востоке [26, с. 38].

В «низовских» и «верховских» деревнях на море промышляли в общих чертах одинаково: ставными неводами у берега, на котором располагалась тоня (тонь) – «рыболовный участок», а также «избушка – жилище рыбаков у рыболовного участка» [15, с. 160–161].

В XIV–XVII в. тони составляли частную собственность (чаще совместную частную собственность нескольких лиц) либо монастырские владения. Община распоряжалась промысловыми угодьями, остававшимися в собственности государства [5, с. 22–24; 20, с. 353].

После ликвидации духовных вотчин (в 1764 г.), крестьяне Терского берега стали государственными (черносошными). Тонские участки поступили в общинное владение. С этого времени семужий лов («главное занятие жителей, первый источник их средств к жизни») «всегда находится под контролем мира, рыболовные участки составляют собственность всей общины, которая заботится, с большим или меньшим успехом, о том, чтобы распределить выгоды от промысла возможно равномернее между своими членами» [5, с. 50–51].

³ Преобразования конца XIX в., вследствие которых в 1883 г. появился Кольский уезд (с центром в г. Коле), переименованный позднее в Александровский, на волостном положении Тетрино не отразились.

Жители Тетрино стремились к более ли менее равномерному распределению «выгод от промыслов» и ранее. «Хотя в 1718 г. правительство ввело обложение по ревизским (мужским) душам, богатые платили больше, чем их бедные одоносельчане. Раскладку податей и всяких сборов производили “с промыслов и с судов” – в соответствии с имущественным положением домохозяина» [23, с. 135].

На Терском берегу распределение тонских участков происходило ежегодно путем жеребьевки либо «отдачи с торгов». Речные ловли (заборы) отдавали, за редким исключением, «в стороннее пользование» (в аренду) [5, с. 45–46, 59–63; 24, с. 6–9, 26–27, 38–40, 45–46]. Тетринская волость все свои угодья распределяла на торгах, но только промышленникам поселений, входивших в ее состав [5, с. 59].

Для «отдачи с торгов» рыболовные угодья делятся «соответственно числу ревизских душ, чтобы каждый член общества мог приобрести себе участок. Например, каждый обыкновенно и приобретает себе участок, но не все, однако, в состоянии купить полный участок: в таком случае для приобретения одного участка соединяются двое или трое человек» (либо берется кредит под очень большие проценты). В Тетринской волости домохозяев, не имеющих возможности приобрести «полный участок», – около четверти [5, с. 60–61].

Это положение сохранялось и в первой четверти XX в. Беднейшие жители работали на состоятельных терчан, промышляя семгу «из покрута», за 1/5 часть улова [26, с. 40].

Тетрино пользовалось частью водных угодий Тетринской волости – совместно с д. Чаваньгой. Во второй половине XIX – начале XX в. на принадлежащем этим поселениям участке располагалось 90 морских и одна речная тоня.

В промыслово-хозяйственном календаре Тетрино, как и повсеместно на побережье, традиционно выделялись периоды «походов» семги (массового появления рыбы у мест промысла), приуроченные к большим годовым праздникам. Это вознесенский, петровский, ильинский, успенский, здвиженский, покровский, введенский «походы»⁴.

По сведениям из Тетрино, был и прокофьевский (прокопьевский) «поход», относящийся ко времени церковного праздника во имя святого Прокопия (21 июля; этот же день – «летняя Казанская», явление Казанской иконы Божьей Матери). «Завтра ешшо поход [семги] прокофьевской» [15, с. 127].

⁴ Соответственно (здесь и далее даты даются по новому стилю): Вознесение Господне (празднуется на 40-й день после Пасхи); Петров день (12 июля); Ильин день (2 августа); Успенье (Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, 28 августа); Здвижение (Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, 27 сентября); Покров (14 октября); Введенье (Введение во храм Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, 4 ноября).

Такие представления – плод многолетних наблюдений над сезонным поведением семги, а также веры, согласно которой рыба на свой лад отмечает знаменательные даты, движется «праздничным ходом» и радуется людям по воле Творца.

«Походы» семги укладываются в основные периоды лова: весенний промысел перезимовавшей рыбы «заледки» (во второй половине мая) и «закройки» (две – четыре недели июня); промысел летней семги («межени») – с середины июня до 20-х чисел июля; промысел осенней семги – «залома» (с конца августа до ноября-декабря) [1, с. 100].

В Тетрино лов семги продолжался с июня по конец июля и после двухнедельного перерыва с 28 августа (Успение) по 21 ноября (Михайлов день) [26, с. 41, 44]. Промысел мог длиться и до начала декабря, до появления в море ледяной шуги. «Клюшкой зацеплялись за снасть. Ловили, пока клюшка в море не станет» (АС⁵, А.А. Кузнецова, д. Тетрино, 1983 г.).

Лов на тонких тетринских участках вели с применением «ставных», закрепленных на кольях снастей – «завёсок» [26, с. 38]⁶. Обязательным было наличие карбаса, поскольку снасти проверяли («обходили») несколько раз в сутки.

На тонях «сидели» целыми семьями, «с грудными детьми и даже с рогатым скотом» [26, с. 24].

При «отдаче с торгов» долей промыслового участка на одной тоне могло «сойтись» несколько семей: «уловистые» тони делились на десять и более долей. Внутреннее пространство распределялось «посемейно». «Углы разделены на тоне, печь разделена, полки. Под полками спишь ли на полу, а не ссорились – не до того было, только дети не ходили на чужую территорию. На поздно снасья занесут, – песни поют, сказки рассказывают. Спать ложатся, едят одновременно, и дети знали свой порядок» (АС, О.Л. Стрелкова, 1902 г.р., 1983 г.).

Тетринская рыбацья (тонская) изба, как и повсюду на Терском берегу, по размерам и конструкции – небольшая «банька» с печкой-каменной, отапливаемая до недавнего времени по-черному. «Мать как топит – взбудит от сна и гонит на улицу, пока дым не пройдет» (АС, Н.М. Стрелкова, возраст не зафиксирован, 1982 г.).

Прибережная изба – постоянное место жительства рыбаков на протяжении трех – шести месяцев в году. В значительной части местных поверий и быличек изба на тоне – вполне «освоенная» людьми территория – находится, подобно избе деревенской, под незримым покровительством духов этого жи-

⁵ АС – архив собирателя М.Н. Власовой. Далее место записи – д. Тетрино.

⁶ По мнению Т.А. Бернштам, завеска (сеть с ловушкой) относилась к сложному типу снастей, которые бытовали в тех районах, где промысел семги имел первостепенное значение [1, с. 102].

лица, сходных с домовыми, – «хозяина с хозяйшкой». «На тони первая уха для “хозяина с хозяйшкой”: “Идите с нами ухи хлебать!” Не успеешь оглянуться, – они все съедят» (АС, А.И. Шукшина, 1923 г.р., 1983 г.).

Прослеживается и противоположное восприятие тони, тонской избы: это опасное, подверженное губительным влияниям пространство. Былички, записанные в Тетрино и отражающие подобные воззрения, по структуре и семантике близки к традиционным северно-русским «промысловым» сюжетам (об изгнании охотника лесным «хозяином» и пр.).

Второй по значимости источник существования на Терском берегу – *т́орос*⁷, получивший развитие со второй половины XIX в. [1, с. 93]. «На тороса ездили километров по двести на олешках – за Поной. Было у кого по десятку, по два-три оленя. Охотились винтовкой да багром. Бабы тюленя тянули лямкой» (АС, К.Д. Тарабарин, 1914 г.р., 1982 г.). Торосовый промысел длился в Тетрино приблизительно с середины февраля до середины апреля.

Как и сроки «походов» семги, сроки зверобойного промысла, ориентированные на определенные периоды жизни зверя, соотносились с датами церковно-народного календаря. Появляясь в Баренцевом и Белом морях, тюлени, ожидая рождения детенышей, «залегали» большими скоплениями на льдинах. Такое скопление («юрó»⁸), именовали «святительским», «сретенским», «власьевским», то есть «залегшим» в День трех святителей (12 февраля); на Сречение Господне (15 февраля); в День св. Власия (24 февраля) [8, с. 441].

Значимость тороса для деревень Терского берега в разные годы была неодинакова; он то прерывался, то возобновлялся. Его успешность слишком зависела от непредсказуемого чередования «промысловых и непромысловых годов». К примеру, «плохими» стали 1890–1892 гг. «Промысловыми» были 1910–1913 гг. При этом жители Тетрино отмечали неуклонную убыль численности зверя [26, с. 44].

В 1889 г. на торос из Тетринской волости ушло 145 человек (при 589 жителях мужского пола) [23, с. 135–136]. В начале XX в. на торосе преобладали крестьяне Тетринской волости (возможно, благодаря ее относительной близости к местам промысла). И все же число их сократилось до 80 человек [23, с. 44].

Зверобойный промысел, приносивший периодически большой доход, был очень опасным. Согласно отчету о ходе дел в Тетринской волости за 1889 г., «из села Тетрино утонул в море Марк Клишев, 40 лет, из Пялицы – Федор Ильин, 26 лет, из Чаваньги – Николай Будучин, 27 лет» [23, с. 135–136].

Домашнее хозяйство терчан всегда оставалось исключительно подсобным. Достаточно вспомнить распространенную местную поговорку: «Была

⁷ Т́орос – «промысел тюленей (гренландских. – М. В.) в период их скопления на льду» [15, с. 161].

⁸ Юрó – «стая, скопление рыб или морских зверей» [15, с. 182].

бы рыба, а хлеб будет» [22, с. 220]⁹. В начале XIX в. земледелие ограничивалось выращиванием капусты, редьки и репы [3, с. 183]. Коров, овец, оленей держали для нужд семьи (данные о количестве домашнего скота в Тетрино приведены выше).

Пастбищные и сенокосные угодья были представлены и небольшими участками близ моря, на островах, в лесу (лесотундре), и прибрежными, приречными лугами, а также специально расчищенными «полями». «Под лопаты все было разделано. Жонки сено на себе волочили» (АС, О.Л. Стрелкова, 1902 г.р., 1982 г.).

«Естественные сенокосы» делились через 1–3 года подушно; единолично расчищенные и унавоженные сенокосы («поля») вблизи селений поступали в наследственное пользование [20, с. 33; 8, с. 419].

Хлопотная работа по заготовке сена продолжалась несколько месяцев: сенокос начинался после Петрова дня, но не имел фиксированной даты окончания; затягивался иногда до второй половины сентября [8, с. 419].

Вплоть до середины XX в. сено дополнял ягель.

При отсутствии лошадей олени имелись почти в каждом хозяйстве. В конце XIX – первой половине XX в. их использовали преимущественно как упряжных животных [2, с. 40]. «Олени ручны, хлебны были. Ели хлеб с рук. Побежат которы, а хозяева смотрели. Ныне бросили на произвол судьбы» (АС, Л.Д. Елисеева, 1919 г.р., 1983 г.).

В местном календаре скотоводство и пастушество заметных следов не оставили. В силу климатических особенностей наиболее почитаемым из майских праздников стал Никола Весенний (22 мая). «Егорий-то на кони, а Николай-то Чудотворец на лодке. Никола за всех» (АС, А.С. Клещева, 1911 г.р., 1983 г.). Первый выгон скота приходился зачастую на Николу (а не на Егорьев день, как в большинстве областей России)¹⁰.

Выделение Николина дня обусловлено, конечно, и особым почитанием Николая Чудотворца «по всему Поморью» [3, с. 252]. Повсеместно на Терском берегу бытовало речение: «Кто на море не бывал, тот Николе не маливался».

Итоги хозяйствования подводила ежегодная Покровская ярмарка, проходившая в октябре, в с. Кузомени. «На ярмарку доставлялись: мука, крупы, масло, овощи, соль, чай, водка, сахар, свечи, мыло, лен, пенька, дубовые кожи. Единственным местным товаром была семга» [23, с. 349].

Эту ярмарку посещали крестьяне терских деревень, в их числе – зажиточные торговцы и скупщики-монополисты, в частности тетринчане Диомид Клещев и Ермолай Лопский.

⁹ Об отсутствии хлебопашества в Александровском уезде см.: [20, с. 79–80; 16, с. 41–42].

¹⁰ Фиксированного срока окончания «вольной» пастбы не было.

Монопольная торговля и скупка продуктов промысла тормозила экономическое развитие края и подрывала благосостояние терчан. При разбросанности селений, удаленности от рынков и монополии скупщиков терчанин-промысловик вынужден был приобретать необходимые товары и промышленное снаряжение в долг. Отсутствие наличных денег, а также диктуемые скупщиками цены превращали этот долг в вечный [5, с. 75].

В ходе послереволюционного переустройства Александровский уезд Архангельской губернии был отнесен (1921 г.) к Мурманской губернии, в состав которой вошла и Тетринская волость.

Десятью годами позже (1930 г.) в Тетрино организовали колхоз «Терский рыбак». Его первым председателем стал варзужанин Александр Никитич Заборщиков.

Как полагает известный краевед Ю.С. Попихина, благодаря «привычке к артельному труду» переход к колхозному устройству на Терском берегу прошел достаточно гладко [18, с. 40]. В Тетринской волости пострадали (были раскулачены и высланы) главным образом торговцы-монополисты, в частности уже упоминавшийся Диомид Клещев.

Основной отраслью хозяйства в новообразованном колхозе остался промысел семги. Тоневые участки распределялись теперь на общем колхозном собрании, но сроки и способы лова не изменились.

«С весны уедем, 24-го июня приезжаем на сенокос. А потом уже 15-го декабря с тони обратно. Детей было шесть, посадишь их в карбас и едешь. И коров, и овец гоняем взад-вперед» (АС, Н.Г. Котлов, 1913 г.р., 1982 г.).

Отличительной чертой колхозного быта стало деятельное участие в промыслах девушек и женщин. Они занимались ловом семги и ранее¹¹, однако в 1930-х и особенно в 1940-х военных и послевоенных годах их доля в общем труде многократно увеличилась.

«С малолетства мы ловили. Война была, пять детей было, я все на тоне сидела. Дети говорят: “Мама, садись на тоню, хлеба нет – хошь рыба будет”» (АС, О.Л. Стрелкова, 1902 г.р., 1983 г.).

Тетринчанки-колхозницы участвовали и в зверобойном промысле, что редко практиковалось в XIX – начале XX в. Они привозили и обрабатывали звериные туши, сдавали их на фактории.

«Отправят за 40 километров – бьют тюленей. Говорят: “Это война!” Привезли этих зверей – еще обстрожи сало. Съездила раз, привезла зверей. Меня опять одну отправляют, женщину. А в море ропаки¹²! Прижало бы к ропакам, и все! А Федосья была боевая, и девки сказали: “Мы без Федосьи не поедем”».

¹¹ Нередко девочки «садились» на тоню с подросткового возраста; взрослые женщины промыслили и вместе с мужьями, и самостоятельно.

¹² Ропак – «нагромождение льда на побережье или на морской отмели» [15, с. 135].

Они песни поют, у меня сердце кровью заливаётся: “Пять детей! Ой, сейчас льдина зажмет нас!” А ветер только с моря падёт – зажмет, и всё!» (АС, Ф.П. Самохвалова, 1906 г.р., 1983 г.).

В годы войны расширился мурманский рыбный промысел, который начал развиваться и совершенствоваться ещё в довоенное время (колхозы Терского берега держали на Мурмане небольшой промысловый флот).

«На одном из суденышек, промышлявших треску в Баренцевом море, капитаном был Сергей Осипович Елисеев, его помощниками – Андрей Ефимович Елисеев и Фокей Маркович Елисеев» [6, с. 139]¹³.

Несомненным достижением колхозной жизни стало развитие общественного полеводства и скотоводства. «Капусту ростили [в Тетрино]. А огурцы какие росли – по 800 граммов огурец рос» (АС, А.П. Шилова, 1927 г.р., уроженка д. Стрельны, 2008 г.).

Появилось колхозное стадо коров. Молоко и молочная продукция шли на продажу; для колхозников-тетринчан – по сниженным ценам. Держали и овец. Овечью шерсть завхоз раздавал по домам колхозников: «это был колхозный наряд женщинам – вязать носки; потом носки продавали населению, а в годы войны – отправляли посылками на фронт» [6, с. 139].

Образовались колхозные стада оленей. Оленеводство, впрочем, неизменно оставалось для русских поселенцев Терского берега «проблемной» отраслью хозяйства – в основном из-за отсутствия квалифицированных пастухов-оленоводов¹⁴.

Большинство сенокосных угодий отошло к колхозу, поэтому тетринчанам приходилось прикладывать немало усилий, чтобы заготовить сено для частного скота. Сложности с заготовкой кормов привели, среди прочих причин, к постепенному сокращению домашнего поголовья. С 1940–1950-х гг. на подворьях терчан преобладают овцы.

«В начале колхозники жили бедно, – констатирует историк-краевед, уроженец Тетрино Н.Д. Кушков, – но постепенно ситуация стала меняться в лучшую сторону. За хорошие уловы рыбаки могли купить себе муки и крупы, на заработанные трудодни зарплату выдавали сельхозпродуктами» [6, с. 138].

Заработки, однако, оставались невысокими, а закупочная цена на рыбу – низкой. Из-за скромных заработков часть тетринчан предпочитала покупать

¹³ Все они – тетринчане. Тетринские бригады, состоявшие «из девчат и парней-подростков, возглавляемых старым опытным бригадиром, которого не взяли на фронт», вели лов озерной рыбы. «После весенней путины многих девчат отправляли на лесозаготовки в Тулому или в район Кандалакши. Транспорта не было, туда и обратно шли пешком многие километры» [6, с. 139–140].

¹⁴ См. подробнее: [2, с. 40].

обрат (обезжиренное молоко). «До конца 60-х годов в магазинах Рыбкоопа колхозники почти не покупали белый хлеб, сливочное масло, компоты, ограничено покупали сахар. Семьи в те годы были большие: по 5–10 человек, потому хозяйка охотно брала в магазине 5–6 буханок черного хлеба, соль, растительное масло, соленую треску, зубатку и пикшу. Все остальное имелось в своем хозяйстве. <...> Квашеная капуста, картошка с собственного огорода, соленые грибы да селедка, которую засаливали с осени, – вот основная пища большинства колхозников» [6, с. 139].

Великая Отечественная война обездолила многие семьи: 44 тетринчанина не вернулись в родные дома. Экономическое положение деревни ухудшилось; основными тружениками стали подростки и женщины. «Год работали на трудоднях, голодом оставались» (АС, Н.Г. Котлов, 1913 г.р., 1987 г.).

Но жизнь продолжалась. В 1949 г. в Тетрино открыли школу-семилетку; интернат для учащихся из деревень восточной части Терского берега. Число учеников увеличивалось. В 1950-х в деревне появилось электричество; в 1960-х – авиаплощадка.

Начало неожиданному разорению многолюдной, работающей деревни (как и многих других поморских селений) положила реализация постановления ЦК КПСС 1964 г. «О неотложных мерах по развитию сельского хозяйства страны», повлекшая объединение в 1965 г. тетринского колхоза «Терский рыбац» с чаваньгским колхозом «Беломорский рыбац».

Руководство объединенного колхоза разместилось в Чаваньге, которая стала «тянуть на себя» все имевшиеся ресурсы. В Тетрино, где хозяйственная деятельность находилась под управлением одного лишь бригадира, постепенно сократилось количество тонских участков. Остановились работы на колхозных полях и в парниках. Коровье стадо было переведено в Чаваньгу; туда же регулярно отвозили сено с тетринских покосов.

Безработные тетринчане вынуждены были покидать родные места. Некоторые уезжали в соседнюю Чаваньгу, другие и вовсе оставляли Терский берег. Потянулась в город молодежь; уменьшилась рождаемость. Точкой невозврата в разрушительном процессе стало закрытие в Тетрино школ – средней и начальной. В 1976 г. тетринские первоклассники – семилетние ребяташки, оторванные от своих семей, – впервые поехали учиться и жить в интернате, расположенном в районном центре, пос. Лесном. Далекое не все родители сочли такую разлуку возможной и оправданной.

Ввиду отсутствия продуманной государственной политики, направленной если не на развитие, то хотя бы на поддержание населенных поморами территорий, Тетрино постепенно теряло статус исконно поморского, живущего морскими промыслами поселения.

1980-е и 1990-е гг. ознаменовались здесь всевозможными «метаниями» и переустройствами, исходившими от начальства, по-прежнему базировав-

шегоя в Чаваньге. Около года, до того момента, когда арендаторы разморозили систему водоснабжения и канализации, просуществовал телятник, выстроенный для выращивания телят на тетринских лугах. Дольше продержалась конюшня для лошадей якутской породы (их предполагали разводить на мясо).

При этом сколько-нибудь серьезных попыток наладить рыбный промысел не предпринималось: к концу XX в. на Терском берегу перестали функционировать и Умбский рыбозавод, и фабрики, предназначенные для сдачи и первоначальной обработки улова.

Поморская деревня Тетрино превратилась в дачный поселок – зимой здесь проживает всего один человек, присматривающий за дизельной станцией.

Остальные съезжают на лето: кто в родную, переданную по наследству избу, кто в купленный под дачу дом. Летние гости имеют возможность посадить огород, поухаживать за брошенными на произвол судьбы якутскими лошадьми, посетить работающий сезонно магазин, посмотреть телевидение (правда, всего одну программу).

«Установлен переговорный пункт, с которого можно позвонить своим родным и знакомым – они до тетринчан дозвониться не могут, такая вот односторонняя связь. Добраться до райцентра можно лишь вертолетом, который прилетает раз в неделю», – перечисляет уроженец Тетрино и делает ожидаемый вывод: «На сегодняшний день никто не скажет, выживет ли село или его ожидает судьба других поморских сел, таких как Пулоньга, Пялица, Стрельна, которые уже не числятся на карте, хотя летом в них отдыхает немало людей. Эти люди заботятся сами о себе, заботятся о своих отцовских домах и дедовых могилах» [6, с. 143–144].

По-иному, но не менее драматично, сложилась судьба д. Сёмжи, выведенной в 1960-х гг. из реестра существующих поселений, но в 1984 г. усилиями сельчан в него возвращенной.

Расположенная на правобережье Мезенской губы, там, где р. Сёмжа сливается с устьем Мезени, Сёмжа – форпост русских мезенских деревень в здешних краях; одна из вех сухопутной дороги на полуостров Канин.

Местоположение Сёмжи, равно как и репутация ее жителей – искусных и надежных мореходов, наложила своеобразный отпечаток на быт и уклад деревни.

В Сёмже – морских воротах Мезени – укоренился (видимо, в период активной навигации) обычай кофепития, сочетающий навеянные контактами с иноземцами и чисто русские черты.

Кофе готовили в самоварах и пили ежедневно. «Все-таки ведь за границу ездили. Кофе, откуда кофе? В самоварах пить. <...> Бабушке это надо было

каждодневно. Она пила черный. Без молока. Из блюдечка. Из глѹби самовару» (АС, К.И. Алексахина, 1938 г.р., 2016 г.)¹⁵.

Кофе «из глѹби самовару» непременно подавали на свадьбах и гостѹбах – торжественных застольях по случаю дней рождения, приездов либо отъездов домочадцев.

В повседневнои обиходе обычай кофепития сохранился в Сѣмже на протяжении всего XX в., оставаясь «праздничной доминантой» трудового дня и символом особого, семженского гостеприимства. «И в 12 часов, вот в это время как раз, в 12 часов собирались... В 12 или немножечко в полдвенадцатого. Самовар ставили кофейный. На стол. И всем – кто с молоком, кто с чем. Пили. <...> Кто приходил, тот за кофе садился» (АС, В.У. Маслова, 1939 г.р., 2016 г.).

Первые упоминания о поселении, именуемом «Семежским усольем», которое стало, по всей вероятности, впоследствии Сѣмжей, содержатся в «Списках проезжающих» (1743–1744 гг.).

«В эти списки попало много мезенцев, направлявшихся в российские города для работы по найму – “артельщиков” и “мужиков” с Окладниковой, Кузнецовой, Лампоженской слободок и “Семежского усолья”, везших на продажу предметы своего промысла» [25, с. 26].

Сѣмжа – «деревушка дворов в 15, сбитых в кучку без особенного порядка, но ближе к широкому устью реки Мезени, – писал о своем путешествии в этот край С.В. Максимов. – На этот раз морская вода сполнялась (начался прилив) и ветер дул с моря, NO, а потому все устье было наполнено льдом, синим, весенним. Через шесть часов убывающая вода унесет этот лед назад и оголит черную воду широкого устья. <...>

Здесь же, между прочим, слышал, что при крепких северных ветрах море нередко выгоняет воду из реки на берега, топит и уносит снега, подступая к деревушке под самые избные стены. Это обстоятельство оправдывается тем, что течение прилива и отлива здесь продолжается дольше, чем во всяких других местах Белого моря (исключая только Святого Носа), а потому и возвышение прилива здесь наибольшее (от 20–22 футов)» [9, с. 26–27].

Мощные приливы (одни из самых высоких в мире), вкупе со своенравием р. Мезени, избилующей «подвижными», перемываемыми с места на место мелями, – отличительные черты здешних мест, которые во многом определяют ритм и распорядок жизни Сѣмжи.

«Берег здесь – вода непредсказуема. Потому что, во-первых, течение, ветра. Между кошками (между мелями) течение сбивается – кутерьма. Даже в тихую погоду. Все это надо учитывать. Кто не знает... дак вот пропадает» (АС, С.С. Маслов, 1954 г.р., 2016 г.).

¹⁵ Далее место записи – д. Сѣмжа.

В Сёмже рассказывают о внезапно налетающих шквалах, штормах, гибнущих судах. Это неотъемлемая часть именно семженского фольклора.

В 1926 г. судно «Граф Литке», шедшее с грузом экспортного леса (лиственницы) в Англию, наскочило вследствие ошибки лоцманов на мель подле Сёмжи, переломилось и затонуло. Во второй половине XX в. потерпевший крушение корабль «расшевелило» штормами и во время отливов он стал доступен семжанам.

Из припавленной с «Графа» лиственницы (по-местному – ли́ствы, славящегося своей крепостью дерева) в Сёмже выстроили несколько домов.

«Твердая, как камень», «стоящая веками» лиственница шла на изготовление свай (стоек), на которых покоились фундаменты семженских изб. Но и опирающиеся на лиственничные стойки дома со временем «садились», перекашиваясь, уходя в зыбкую, ненадежную землю.

В конце XIX в. лесничий Д.З. Трофименко составил подробное описание «дачи Семженской», состоявшей «в общем владении казны с крестьянами Семженского общества Дорогорской волости», которая имела «удобной лесной почвы» 10 467 десятин (при общей площади 38 212 десятин).

«Удобная», то есть пригодная к использованию лесная площадь составляла около четверти всей площади Семженской дачи. Прочее пространство было занято «реками, речками и ручьями» (162 десятины); озерами (187 десятин); болотами и тундрами (27 272 десятины) [21, с. 170–171].

Красноватый, «суглинистый, смешанный с хрящом и песком грунт», выстилающий берега р. Сёмжи и Мезени, пронизан многочисленными ручейками, стекающими с тундряных возвышенностей. Крепость высоких, обрывистых берегов-угóров¹⁶ обманчива. Ежегодно около двух метров прибрежной земли осыпается в море.

Вместе с обваливающимся берегом исчезло на протяжении века три или четыре ряда («порядка») семженских изб.

До ликвидации и выселения деревни угоры старались крепить. «Где-то рубили ряжи – из леса, заваливали камнями... Поставили бот списанный. Долго он стоял тут, десятки лет – разнесло даже вдребезги его» (АС, С.С. Маслов, 1954 г.р., 2016 г.).

Укрепление угоров требовало неослабных усилий, и даже в лучшие времена в борьбе с подступающим морем жители Сёмжи не всегда оставались победителями.

В последние годы крепить угоры перестали. Часть семжан перенесла стоящие в опасной близости к морю дома подальше, и прибрежная деревня

¹⁶ Угóр – крутой, нередко высотой до 20 м берег, испещренный расщелинами-щельями.

сдвинулась в сторону тундры. Избы менее заботливых либо отсутствующих хозяев исчезли безвозвратно.

Не благоволит людям и семженский климат: «В конце сентября выпадает снег, и реки покрываются льдом. В половине мая начинается весна, с июня по август – кратковременное лето, а с августа по октябрь продолжается ненастная осень» [19, с. 1]¹⁷.

Хозяйство региона сложилось в общих чертах около XV в.; основными его отраслями стали лесные расчистки, охота, рыболовство [14, с. 183]. К началу XX в. промысел рыбы сократился из-за плохо налаженного сбыта; расчистки оказались слишком затратны. На первый план вышла занятость в лесной промышленности (в низовьях Мезени действовали два лесозавода), включая участие местных жителей в морских перевозках – промышленный экспорт леса-кругляка был налажен здесь с конца XIX в. [14, с. 183]¹⁸.

Хозяйственно-промысловая деятельность семжан отличалась разнообразием.

После открытия навигации и вплоть до ее окончания значительная часть жителей Сёмжи трудилась на судах лесозавода либо на лесобирже.

В апреле-мае окрест Сёмжи промыслили (били из винтовок) морского зайца¹⁹. Шкуры морских зайцев, шедших на выделку прочной упряжи, охотно скупали соседствующие с русскими ненцы. Расхожим продуктом зверобойного промысла было вытопленное сало. «Звериное сало» семжане истари смешивали с краской, получая пахучий, но чрезвычайно прочный состав. Выкрашенные им потолки, печи и прочие предметы обихода сохраняли яркость на протяжении едва ли не ста лет.

В мае начинался промысел рыбы, в первую очередь сельди, затем семги. Ключевого значения для экономики деревни лов семги на рубеже XIX и XX вв. не имел. Сведения о том, каким образом распределялись, перераспределялись и закреплялись за семжанами тонские участки, скудны и отрывочны.

«Делили берег между мужиками семженскими, хозяевами, так сказать. Ну а потом колхоз – все. Все стало общим» (АС, Н.К. Маслов, 1948 г.р., 2016 г.).

Еще меньше сведений сохранилось о количестве и расположении старинных промысловых избушек, именуемых по-местному буграми. Бугра, полуземлянка с печкой-каменицей, могла размещаться на унаследованном – «родовом» промысловом участке.

¹⁷ «В 1857 г. выпал снег в исходе июля, глубиною в один аршин, который сошел через 7 дней» [19, с. 1].

¹⁸ Расцвет судоходства в низовьях Мезени начался в конце XIX в., когда местность при р. Каменке взял в аренду торговый дом братьев Румянцевых «с обязательством построить в течение первых пяти лет лесопильный завод» [21, с. 22–23].

¹⁹ «Сухопутный» заяц именуется, в отличие от «морского», ушканом.

«А в другом месте – вот Волчье называется. <...> Там жили рыбаки, два, Никифор Назарович с Евсеем.

Значит, избушка была, по-черному топилась. <...> И рядом стоял крест. Крест ставил дедко Никита, дед Павла Ивановича (Филатова). Изба его тогда была. Там даже на кресте: «Фэ – Нэ – Сэ» – «Филатов Никита Степанович» – вырезано даже было. <...> Это его родовое уже было... Место промысла...» (АС, С.С. Маслов, 1954 г.р., 2016 г.).

Орудия лова – ставные сети на кольях – осматривали два раза в сутки во время отлива, «по малой воде»²⁰.

Лов семги, длившийся приблизительно до октября, сменялся осенне-зимним промыслом наваги, более доходным. Ловить навагу уходили в Несь и другие селения полуострова Канин; промышленляли удами и рюжами. Навага имела широкий сбыт. Многочисленные жители Мезенского уезда ездили зимником на Канин скупать навагу [7, с. 53].

Зверобойный промысел начинался в феврале. В последних числах февраля на р. Кедовке при выходе из Мезенской губы собиралось до 1000 промысленников.

«Кедовский» промысел, «заслуживающий более внимания по своим трудностям», описал в середине XIX в. А. Шелонин, именуя его также «семженским». В марте крестьяне Сёмжи промышленляли непосредственно близ своей деревни [24, л. 4–4 об., 7–8]. В «хорошие» годы зверобойный промысел был очень выгоден и приносил промышленнику до 100 рублей, однако такие годы выпадали нечасто.

Весенний («кедовский») промысел, предполагавший снаряжение больших артельных лодок, оставался насущно важным для жителей Сёмжи вплоть до 1930-х гг.

Приусадебное хозяйство семжан сложилось в условиях зоны рискованного земледелия, к которой относится приморская часть Мезенского уезда, и обеспечивало в основном нужды самих крестьян. На приусадебном участке выращивали жито (ячмень) – единственную вызревающую здесь зерновую культуру, а также картофель, редьку, репу. Ячмень сеяли со второй половины мая, огороды сажали в июне.

В 1890 г. около 200 семжан, проживавших в 27 домах, содержали 40 голов рогатого скота, 80 овец и 50 оленей [21, с. 173]. Сравнительно благополучное положение скотоводства в северной части уезда объясня-

²⁰ Высокие берега Мезени, мощные приливы, отсутствие удобных стоянок для карбасов предопределили выбор «ставного орудия с ловушкой»: его «бережная стена» заканчивалась своего рода тайником («двориком»), который образовывали колья с натянутой на них сетью в виде шестиугольника. Промоина, по которой шла рыба, должна была располагаться напротив ворот тайника [1, с. 103].

лось «обилием природных лугов по рекам» и малочисленным населением [21, с. 46].

Сенокос приходился на июль – август. В виду разбросанности и удаленности сенокосных угодий он продолжался и осенью. Этому способствовало наличие прибрежных, орошаемых не только весенними, но и приливными, а то и штормовыми водами лугов. Вовремя скосить и высушить такое сено даже при наличии деревянных настилов-вымостов удавалось далеко не всегда.

Семжане сохранили смутные воспоминания о «переделе» (перераспределении) сенокосных угодий по жребию каждые пять лет. Крестьянин, самостоятельно расчистивший лесной участок, получал его в личное пользование. Отвоєванные у леса сенокосы – чищеницы – становились именными:

«А сено знаете, где они косили? Чищеницы эти по реке, их много там, всяких – каждый себе расчищал.

Сейчас они все заросли. Кустами, да все. А тогда каждый ухаживал за ней. <...> Едешь когда [по р. Сёмже], Оленькина пожня, потом Копытце. Потом там дальше, дальше, дальше... И каждой пожне, потому что она была именная, каждой пожне имя было» (АС, В.У. Маслова, 1939 г. р., 2016 г.).

Строго определенного дня для первого выгона скота в поле не было. Коро-вы при нанятом вскладчину пастухе переплывали через Сёмжу и «в основном по лесу бродили». Кое-где на речных берегах для скота оставляли некошенные луга. Коней на лето отпускали в свободный выпас и при надобности «скикали».

В конце августа – начале сентября жали серпами жито, копали картошку. В осенне-зимнее время женщины, сверх скудного земледелия, занимались «тканьем холста и полотна, для собственного употребления и для продажи» [19, с. 5].

Домашнее хозяйство держалось на плечах женщин (ил. 2).

«Все женщины. Они на своих плечах.

(Соб.: А мужчины где были?)

– Они вон – пасли путину. Рыбалка, зверя добывать. Вернутся – не вернутся, а женщины командовали» (АС, Н.Г. Филатов, 1955 г. р., 2016 г.).

В начале 1930-х гг. в Сёмже организовали колхоз, сохранив при этом основные виды хозяйственной деятельности.

Работа на судах лесозавода, на лоцманских катерах по-прежнему была наиболее выгодной и привлекательной. В 1938 г. семженская лоцманская артель преобразовалась в государственную лоцманскую службу. После войны часть семженских мужиков, благополучно с нее возвратившихся²¹, отпустили учиться морскому делу.

²¹ Великая Отечественная война унесла жизни 130 человек из 40 семженских семей.

«У нас, я считаю, что больше моряков тут было. А вот у меня отец и там другие, они войну застали, они пришли – их уже как бы не удерживали в колхозе... Они все и выучились...» (АС, Н.Г. Филатов, 1955 г. р., 2016 г.).

Много внимания и сил по-прежнему уделяли весеннему лову сельди в устье Мезени ставными неводами (ста́вками). Бригады на сельдяном лове в послевоенное время зачастую состояли из молодых женщин.

«И на сенокосе работала, и рыбачкой была. У нас на селедку ездили, да на ту сторону-то Сёмжи-то, видели? <...>

Нет, мы не жили там, мы не жили, мы только съездим, ста́вки посмотрим. У нас ведь не так далеко-то. Мы ездили на карбасах, на грёбах. Нас четыре девчонки посадят... Четыре девчонки молодых, да один кормщик, дедушко.

У нас этот был, Никифор Назарович. “Девки, гребите!” Надо ведь выгребать. А другой раз... Раньше ведь никаких приспособлений не было. Все просидим там, ой-ее, как тяжело было! Тяжело было. Гребем, гребем, надо выгребать!» (АС, А.Д. Филатова, 1938 г. р., 2017 г.).

Как и в других регионах Белого моря, в Сёмже бытовало и бытует до сих пор представление о «подходах» (или «походах») семги, соотнесенных с праздничными датами календаря.

В промысловом календаре семжан выделяются Ивановский (7 июля), Ильинский (2 августа) и Спасовские подходы²² семги, когда она должна ловиться особенно хорошо.

Наилучшим временем для промысла большинство семжан считает «Спасовские походы» либо время, примерно им соответствующее. Ср.: «Конечно, рыбака одна заря красит... По мне дак самое лучшее: с 25 августа по 10 сентября» (АС, Н.Г. Филатов, 1955 г.р., 2016 г.).

С давних времен сохранился обычай коллективного «са́ченья» на устье Сёмжи в интересах слабосильных и одиноких односельчан.

«Маленькие ходили мы на устье... Это было для детей – рыбная ловля. Для детей, и вдовы тогда еще были, женщины. Старушки.

И вот мы ходили туда: рыбку-две-три убьешь, на пятерых-шестерых все это разрежешь. Все знали – как резать, как чего. И если есть старушка-бабушка здесь – бабушку кормишь» (АС, Н.Г. Филатов, 1955 г. р., 2016 г.).

Семгу, выловленную на маловодье сачками, делили по числу присутствующих рыбаков независимо от пола и возраста. Каждый, в первую очередь старики и дети, получал свою долю. До сих пор придерживаются в Сёмже обычая одаривать кусками первой выловленной в сезоне семги тех, кто уже не в силах ее промыслить.

²² Первый Спас (Макковой) – 14 августа; Второй Спас (Преображение) – 19 августа, Третий Спас (ореховый) – 29 августа.

В отличие от зверобойного промысла (сведения о нем отрывочны), осенне-зимняя «наважья путина» превратилась в одно из наиболее выгодных занятий: колхозные бригады организованно уходили на полуостров Канин.

«На Канин-то само собой ходили, да. От колхоза ходили... Разнарядка была – там в Чиже дом свой был ведь. Для бригады» (АС, С.С. Маслов, 1954 г. р., 2016 г.).

В военные и послевоенные годы наважий промысел – тяжелое испытание для семженских подростков, девушек, женщин. «Иные в первую же после начальной школы зиму – котомку за спину, пешню на плечо и шагом марш на Канин. За сотни верст, навагой страну кормить. <...> Он, может быть, тем больше всего для девчушечек был страшен, что ведь их, девчушек, – только задуматься теперь! – отрывали от матерей на тринадцатом году жизни...» [10, с. 244].

Колхозное нововведение – появление траулеров, промышлявших в Карском море треску, пикшу, белуху.

С возникновением колхоза скотоводство вступило в коллективную фазу развития: были построены ферма, маслобойка; сенокос приобрел многолюдный размах.

«На пожню мы, семжане, выезжали, да и колхоз тоже, в утро после Петрова дня, 13 июля, с первым приливом. Одна бригада – морем, в мезенскую сторону, на соседнюю реку, вторая – во свою реку в верхá, третья, домашняя, оставалась при доме, ближние пожни и приморские, и речные, каждый день выезжая, на свои плечи брала. <...> До войны эта бригада уезжала шумно, как поста окончанье, – аж до 80 человек в этой бригаде!» [13, с. 6].

В семженском колхозе развивалось и молочное, и мясное скотоводство. Произведенные на маслозаводе продукты отвозили в Мезень, выращенный на мясо молодняк сдавали на мезенский мясокомбинат.

В личном пользовании коров могли содержать далеко не все, особенно одинокие и вдовы. В 1950-х гг. такие колхозники получали молоко по талонам.

В земледелии и огородничестве вплоть до 1960-х гг. по-прежнему преобладали ячмень и картофель. Испеченные из ячменной муки житники – необходимая прибавка к семейному столу.

«Хлеба не хватало – мы сами ячмень мололи. <...> Мололи, и вот эту грубую муку замешивали. <...> И когда рыбакам давали с собой – целыми мешками напекали. Шаньги. Они вместо хлеба! <...> Я слышала, говаривали между собой дед с кем-то... Он говорит: “Нас спасла только вот эта, житняя мука”. Хлеба не хватало. <...> Детей-то много было. Лихие-то годы толкли солому и мох даже летом. Летом дак мох добавляли» (АС, А.Д. Филатова, 1938 г. р., 2017 г.). Житная мука разнообразила домашнюю выпечку и в «сытые» времена.

В 1950-х гг. жизнь семженского колхоза стала налаживаться. Работали кузница, молотилка, маслозавод; не прекращались промыслы. Труд на колхозных полях и фермах все-таки оставался недостаточно хорошо и регулярно оплачиваемым²³, однако постепенно утрачивал послевоенную напряженность. Помимо школы-четырёхлетки, почты, магазина, медпункта, появилась дизельная станция и, соответственно, электричество.

«Да колхоз-то богатый был ведь раньше, – рассказывает Зинаида Тимофеевна Филатова, долгие годы проработавшая колхозным бухгалтером. – На рыбалку ездили везде, на зверя... На морского.

Колхоз с молодости ведь организовался, он ведь очень много лет ведь. Все сначала так немножко, немножко – потом стали катера... Ботá, все свое имели. <...>

Зимой куропатки, помню, беленькие такие ловили, пúнонцы – маленькие птички. Хорошо, вкусно... Можно было питаться и назад в город не ехать. Все свое было» (АС, З.Т. Филатова, 1938 г.р. (?), 2016 г.).

Правда, в те же 1950-е гг. усилился и отток жителей из Сёмжи. Причины – усталость от «послевоенной страды», небольшие заработки, желание учиться.

«Может, для молодежи скучно здесь было. Но пока не было возможности уезжать, они жили спокойно. Женились тут. <...> После войны, конечно, уже и жизнь такая пошла... И надо было на стороне где-то зарабатывать деньги» (АС, К.И. Алексахина, 1938 г. р., 2016 г.).

И все же решение о слиянии семженского и мезенского колхозов (с последующим преобразованием с совхоз), положившее начало «выселению» и ликвидации Сёмжи, без преувеличения стало для сельчан «громом среди ясного неба» – до сих пор непонятой, горькой страницей их жизни.

«Нет, хорошо колхоз работал. Просто государство-то когда – тогда сливанье-то делали... <...> Долго ли срыть-то! Увезли все. Скота-да, все-да, куда деваться-то? Все и поехали. Кто куда, кто в Малу Слободу, кто в Каменку. Только жить начинали – электричество стало, огонь стал, все – вроде стали жить. На, здравствуйте! <...>

Все разорили окончательно... Сначала мелкие были хозяйства, потом крупные, сейчас вообще ничего» (АС, З.Т. Филатова, 1938 г. р. (?), 2016 г.).

Многотрудная жизнь одной из самых дальних северно-русских деревень была оборвана в самом начале 1960-х гг. в ходе реализации постановления

²³ Ср.: «Все в долгу мы были колхозом... Рубель да три да только и запись была. Раз в году если будут деньги – дак было, а не будут так должны оставались». При этом нареканий работа колхоза не вызывала: «Нет, хорошо колхоз работал» (АС, З.Т. Филатова, 1938 г.р. (?), 2016 г.).

ЦК КПСС «О неотложных мерах по развитию сельского хозяйства страны», разделившего сельские поселения на близлежащие и отдаленные.

Отдаленное поселение независимо от значимости его истории и успешности хозяйственной деятельности автоматически зачислялось в неперспективные.

«Маленькая Сёмжа объединилась с Мезенским колхозом, что в 40 километрах от ней, – с горечью повествует В.С. Маслов²⁴. – А вскоре, может быть, одновременно где-то кем-то было принято решение о рационализации производства, на основании которого было установлено, что из Сёмжи невыгодно возить молоко, и признано необходимым увезти... коров.

Потом большой колхоз сделался большим совхозом. Совхоз же отказался от всякого морского промысла: мороки с этим промыслом много, а прибавки к зарплате – никакой... А вскоре последовало решение о неперспективности деревни и предложение переселить ее в Мезень. <...>

Но народ в Сёмже оказался консервативным: глава семьи уезжает в поисках работы, а семью оставляет в деревне. Пришлось принимать меры. Сначала закрыли сельсовет. А семжане в ответ еще и подтрунивают: жили, мол, до советской власти, жили при советской власти, проживем и после.

Но последовало решение о закрытии школы – и сразу стало не до шуток. Пришлось ехать семжанам из Сёмжи» [12, с. 9–10].

«Уезжали здесь, конечно, с большим трудом, со слезами. Тогда это была перестройка, иль какой момент-то был. Колхозы-то стали объединять-то. <...> Стали уезжать – то одни, то другие. Ну, стали все убирать, дак. Слез было много, горя было много!» (АС, А.Д. Филатова, 1938 г.р., 2017 г.).

«А между тем, нынче – опять поветрие, – резюмирует В.С. Маслов, – мезенский большой совхоз делят на маленькие. И семжане спрашивают: “Который же совхоз теперь нашим считать?”

Теперь хочется спросить тех, кто определял в свое время судьбу деревни: неужели нельзя было перед этим подумать, проанализировать местные условия?

Безусловно, были недостатки в организации труда, жизни поморских деревень, но вправе ли мы называть рационализаторами людей, которые вместо искоренения недостатков объявляют анахронизмом, подлежащим искоренению, само Поморье?

Точно так в ответ на жалобы семжан, касавшихся несвоевременной доставки почты, было решено... закрыть в Сёмже почту.

²⁴ Виталий Семенович Маслов (1935–2001) – уроженец д. Сёмжи; писатель, чье творчество посвящено родному краю и поморской теме.

Возможно, четырехсот гектаров не везде удобной земли для Сёмжи маловато, но разве перестало существовать море, которое всегда было главным кормильцем семжан?» [12, с. 10–11].

Долгие годы семжане не переставали бороться за восстановление в правах родной деревни, памятником которой стал Дом памяти, думается, первый из музеев такого рода на Русском Севере. Дом памяти привлекает внимание масштабностью замысла и продуманной простотой его воплощения: ничего отвлекающего – только лица, имена, даты.

«Главная задача, – разъясняя идею его создания Маслов, – сохранить имена. Родовая книга – на 50 семженских родов, до 9 поколений в каждом» [11, с. 11].

В 1984 г. деревня из категории «нежилых» была восстановлена в списках населенных пунктов в структуре городского поселения Мезень. Этому способствовало и открытие Дома памяти, благодаря которому Сёмжа возродилась «не новым поселением случайных людей», но «на старых, старейших здешних корнях». «...и уже на первой странице протокола – вековые, неотыщенные заботы семжан, уже в списках первого сельсовета – представители вековых, многоветвистых семженских родов: Кузин род, Коммунин род, Николин род, Митриевщина...» [11, с. 11–12].

И все же судьба Сёмжи, повторяющая судьбы многих и многих поморских деревень, остается отнюдь не радужной. Вписав деревню в реестр существующих, ей не вернули ничего, что необходимо для нормального повседневного быта. Нет ни электричества, ни магазина или хотя бы разъездного ларька, ни медобслуживания.

Телефонная (мобильная) связь с «большой землей» – только по счастливому случаю. Связь водой (если погода благоприятствует) – час – полтора до близлежащей Каменки. Ездят на собственных плавсредствах, иногда – на катере, приписанном к Каменке.

В весеннее-летне-осенний сезон Сёмжа полна жизни. Дети, отпускники, дачники... Почти у всех домов – электрические движки.

А на зиму здесь остаются лишь отдельные подвижники.

За минувшие десятилетия социально-бытовая обстановка в регионе ухудшилась²⁵. Его экономическое состояние характеризуется как сложное. Преодоление «затяжных негативных тенденций» требует системных решений и энергичных действий [17, с. 27–29]²⁶.

²⁵ Под «регионом» подразумеваются Онежский, Приморский, Мезенский районы, образующие прибрежную зону Архангельской области.

²⁶ К сожалению, далеко не всегда «энергичные действия» обоснованы, продуманы. Так, основополагающие документы национальной арктической политики России (2013–2014 гг.) по-прежнему отождествляют понятия «коренное население» и «коренные малочисленные

Драма последовательного выселения «неперспективных» деревень либо полного к ним небрежения обернулась в начале XXI в. запустением беломорских побережий; сломом созидательного мировоззрения, основанного на преемственности бытового уклада и непрерывности народной памяти.

Изменение, осовременивание окружающей нас жизни неизбежно. Проблема – в том, к каким последствиям оно приводит. В деревнях, обитаемых только летом (Тетрино), менталитет коренного жителя, помора-труженика, вытесняется менталитетом дачника.

Загянувшийся процесс деградации контрастирует со стремлением развивать в здешнем крае туристический бизнес, а также клубную деятельность, иницируемую и финансируемую Министерством культуры. Если вспомнить, что одна из решающих вех в разорении Тетрино и Сёмжи связана с ликвидацией местных школ, то поневоле напрашивается вопрос: почему приоритет отдан сельским клубам, а не сельским школам?

Перспектива обращения Мезенского района в «туристический заповедник» кажется сомнительной. Основа сохранения своеобразия, самобытности поморских сел, да и вообще их сохранения – возрождение трудовых традиций поморов, развитие местной экономики.

Так может, пока не поздно, прислушаемся к потомкам тех, кто веками составлял опору и гордость России, к тем, кто не мыслит себя вне родной земли, какой бы суровой и неприветливой она ни казалась:

«(Соб.: А что, здесь правда было неперспективно?)»

– Ну, как? Почему неперспективно? Два парохода – малых траулера... Если бы было, колхоз бы был, рыболовецкий колхоз. Это зависит от властей, от людей, от всего. <...>

Вот прошлый год говорят: “Деревню возрождаем!” Дак а чего ее возродить-то?... Она вот – разве из-за Пети, из-за меня, из-за Коли, да... И записать еще, что наша не умерла еще деревня! Раз ездим, значит, не умерла! <...>

Образ жизни! Все, чего на дожили тут в детстве, наверное. Я так думаю. Будем доживать здесь. <...>

А сетки обошли – значит, мы местные жители. Море наше! И мы должны от него жить! Наша земля, море наше, деды наши ловили, прадеды – и мы будем ловить!» (АС, Н.Г. Филатов, 1955 г. р., 2016 г.).

«Да жили бы и жили! Другие-то деревни живут. Жили, во-первых, до горбачевщины-то. <...> Да укрупнили, соединили с мезенским совхозом... Увезли коров, потом люди потянулись.

народы Севера». Русские Поморья оказываются вследствие такого отождествления некими «пришлецами», лишены целого ряда преференций в области природопользования, традиционной хозяйственной деятельности, социального обеспечения [17, с. 26–27].

(Соб.: А зачем?)

– Ну, не знаю, политика такая была. Что, мол, далеко, наверное, от дорог, там разбросано все это. И что парадокс получается: которы ближе к центральной усадьбе, к Мезени, вот в горбачевски-то времена первые захирели.

И сам совхоз – “Мезенский”, в центре, уничтожен полностью под корень, даже места не осталось там теперь, где он был, все фермы. Вот.

А те, которы далеко в Поморье – Койда, вот они живут. Дальше от мирской этой скверны. <...> И колхоз есть, и работа, и на тонях рыбу ловят до сих пор» (АС, С.С. Маслов, 1954 г. р., 2016 г.).

«Здесь как-то по-другому живется, если честно сказать, – признается шестнадцатилетний Дима Филатов, продолжатель семженского рода Филатовых. – Как-то приедешь – воздух здесь... Вот намного другой!

Вот с города приедешь, тоже и с Каменки – не можешь надышаться воздухом!... Та же вода... В Каменке выпьешь одну кружку, здесь выпьешь кружки четыре. Чаю. Вот, все и живут. Так и живут люди. Стараются обживать.

(Соб.: А насовсем вы бы сюда поехали?)

– Была бы деревня, дак можно здесь жить. Здесь же тоже все есть! <...> Рыба, мясо, все есть, дрова – все, жить можно!» (АС, Д.П. Филатов, 2000 г. р., 2016 г.) (ил. 3).

Потомки поморов, ощущающие живую связь времен и поколений, дорожат завещанным предками образом жизни — трудовым, утвержденным «на старых, старейших здешних корнях», на выработанных веками нравственных устоях; сложившимся в суровых условиях едва ли не каждодневной борьбы за существование, традиционным, но особым, неповторимым для каждой деревни. Утрата этого бесценного наследия была бы невозполнима.

Список литературы

1. *Бернштам Т.А.* Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л., 1979.
2. *В-р.* Из области оленеводства // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее ИА ОИРС). 1909. № 7. С. 35–50.
3. *Верещагин В.* Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849.
4. *Пошман А.* Географическое, физическое и камеральное описание Кольского округа // Архангельская губерния в хозяйственном, коммерческом, философическом, топографическом, статистическом и нравственном обозрении с полезными на все оные части замечаниями. Сочинение Антона фон Пошмана, составленное в 1802 г. Т. I. Архангельск, 1866. С. 180–190.
5. *Ефименко А.Я.* Артели в Архангельской губернии. II. Артели для лова рыбы // Сборник материалов об артелях в России. Вып. 2. СПб., 1874. С. 1–174.
6. *Кушков Н.Д.* Из современной истории Тетрино // Терский берег Беломорья. Умба, 2010. С. 138–144.
7. *Лобанов А.С.* Путешествие на Пешу // На Северной Двине: сб. Архангельского о-ва краеведения. Архангельск, 1924. С. 48–53.

-
-
8. *М-ов Н.* Терский берег, его население и промыслы // Сборник «Нивы». Ежемесячное приложение к журналу «Нива». Т. II. № 5. СПб., 1892. С. 392–458.
9. *Максимов С.В.* Год на Севере. СПб., 1890.
10. *Маслов В.С.* Сестры // Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 244–261.
11. *Маслов В.С.* Площадь первоучителей. Мурманск, 2000. С. 11–167.
12. *Маслов В.С.* Жить Семже или не жить: [рукопись, 1969 г.] // Архив семьи Масловых.
13. *Маслов В.С.* Наброски к повести «Родька» // Архив семьи Масловых.
14. Мезенская экспедиция: [отчет]. С прил. карты бассейна реки Мезени / сост. Г.Г. Гулюшкин, М.А. Павловский, Н.Д. Понагайбо, А.Д. Тарановский; под общ. ред. А.И. Шульца и М.Я. Красного // Труды лесоэкономической экспедиций. Вып. 1. М., 1929.
15. *Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
16. Сельскохозяйственный вопрос в Архангельской губернии в связи с колонизацией края // ИА ОИРС. 1909. № 2. С. 38–42.
17. *Подоплекин А.О.* Положение коренного населения и территорий его проживания в Архангельской области как субъекте Арктической зоны России // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2015. С. 25–40.
18. *Потихина Ю.С.* Жили... Были... // Терский берег Беломорья. Умба, 2010. С. 38–41.
19. *Поромов И.* Описание Мезенского уезда. Архангельск, 1858.
20. *Слезкинский А.* Промыслы беломорского населения. СПб., 1896.
21. *Трофименко Д.З.* Описание первого Мезенского лесничества Мезенского уезда Архангельской губернии (1877–1891) // Архив Русского географического общества. Р. I, № 60.
22. *Ушаков И.Ф.* Избранные произведения. Кольская земля. Т. I. Мурманск, 1997.
23. *Ушаков И.Ф.* Древнее Тетрино // Терский берег Беломорья. Умба, 2010. С. 134–137.
24. *Шелонин А.* Морские звериные промысла Мезенского уезда (1849 г.) // Архив Русского географического общества. Р. I, № 30.
25. *Шульгин Н.В., Санакина Т.А.* Окладникова слободка. Архангельск, 2001.
26. *Якобсон Р.П.* Отчет по обследованию рыболовных угодий Александровского и Кемского уездов Архангельской губернии // Материалы к познанию русского рыболовства. Т. III. Вып. 2. СПб., 1914.
-
-

*Д.В. Герасимов, М.А. Стрельцов,
И.В. Федоров, В.И. Хартанович
(г. Санкт-Петербург)*

Археологическое наследие Кенозерья: вопросы сохранения и перспективы использования

Уникальность Национального парка «Кенозерский» во многом обусловлена проводимой его администрацией и коллективом сотрудников целенаправленной и систематической политикой сохранения, изучения и популяризации природного и культурного наследия как единого неделимого комплекса. Помимо богатого растительного и животного мира, разнообразных красивейших ландшафтов и удивительно тонко вписанных в них многочисленных прекрасных образцов русского деревянного зодчества, на территории национального парка в значительном количестве представлены археологические объекты, большинство из которых является памятниками археологии каменного века.

На реализацию политики национального парка в отношении археологического наследия были направлены работы Кенозерской археологической экспедиции Музея антропологии и этнографии (МАЭ) РАН 2016–2019 гг. Работы проводились в рамках договора о научном и музейном сотрудничестве между МАЭ РАН и Национальным парком «Кенозерский».

Были определены такие задачи, как систематизация данных об объектах археологии на территории парка и составление его археологической карты; мониторинг археологических объектов, оценка состояния и угроз их сохранности; получение представительных коллекций для экспонирования в музейном комплексе парка; оценка потенциала памятников археологии для научных исследований и включения в экскурсионно-туристические программы для посетителей.

О наличии археологических объектов на территории Национального парка «Кенозерский» было известно уже со второй половины XIX в. В 1860-х гг. ряд артефактов каменного века с берегов Кенозера был передан в Императорский Московский исторический музей (в настоящее время ГИМ). Информация об этих находках была частично опубликована И.С. Поляковым [9], археологическими разведками которого было выявлено несколько памятников археологии в Кенозерье. В дальнейшем на протяжении XX в. изучение археологических памятников здесь проводили М.Е. Фосс, Р.В. Козырева, С.З. Чернов, А.Я. Мартынов, И.С. Манюхин, С.В. Ошибкина, В.С. Бузин, Е.Н. Рябцева, В.В. Шевелев [7; 8; 10; 11].

© Герасимов Д.В., Стрельцов М.А., Федоров И.В., Хартанович В.И., 2019

В 2002–2011 гг. разведочные работы, а позднее работы по паспортизации объектов археологии на территории национального парка проводились А.Г. Едовиным [2–6], результаты опубликованы [3].

На основании изученных библиографических и архивных данных удалось собрать сведения о 49 археологических объектах на территории Кенозерского национального парка, известных до 2016 г. В ходе проведенных Комплексной археологической экспедицией (КАЭ) МАЭ РАН археологических разведок выполнен мониторинг известных по результатам предыдущих исследований археологических объектов вдоль берегов Кенозера, локализованы известные по архивным материалам объекты, точное местоположение которых было неизвестно. Выявлено 10 неизвестных ранее археологических объектов: группа каменных сложений, девять пунктов с материалами каменного века. Определены границы и выполнены инструментальные топографические планы вновь найденных и выявленных в предыдущие годы объектов. Проведены земляные работы на ограниченной площади на памятниках позднего неолита Косицына-2, Медвежий остров-1. Оценивались состояние культурного слоя обследованных объектов и степень угрозы их разрушения при размыве берегов Кенозера.

На основании полученных результатов архивно-библиографических и полевых исследований была разработана археологическая карта Кенозера (ил. 1). Ученные археологические объекты разделены на несколько категорий, относящихся к разным хронологическим периодам. Хронологическая атрибуция объектов проводилась на основании типологии археологического материала и является предварительной.

Наиболее многочисленны материалы каменного века, однако более точная их хронологическая атрибуция затруднена – значительное количество объектов является местонахождениями с единичными артефактами, либо на них представлены материалы, которые могут относиться к разным археологическим периодам – от мезолита до эпохи раннего металла и даже до эпохи бронзы; возможно, на многих объектах представлены смешанные комплексы. По-видимому, основываясь на имеющихся палеогеографических представлениях, можно лишь исключить возможность выявления в прибрежной части археологических памятников палеолитического возраста. В качестве хронологического маркера, указывающего на неолитический возраст объектов, могут рассматриваться находки керамики, но, опять же, в ряде случаев нельзя исключить присутствия в комплексах более ранних или более поздних материалов. Предварительно возраст большинства обследованных объектов, отнесенных к каменному веку, можно оценить в промежутке 5000–1500 лет до н. э.

Помимо местонахождений – археологических объектов, где археологический подъемный материал типологически невыразителен (представлен отхо-

дами производства), выявлен в незначительном количестве и на небольшой площади, – по формальным критериям выделяются также стоянки и поселения. Стоянки – объекты, где археологический подъемный материал представлен каменными орудиями и отходами производства, распространен на значительной площади, но культурного слоя не выявлено. Поселения – объекты, где представлен многочисленный и разнообразный археологический материал, выявлен культурный слой или древние антропогенные земляные объекты. Разделение объектов каменного века на категории проводилось с учетом данных о результатах исследований прошлых лет.

Группы каменных сложений, так называемых «каменных куч», объекты, традиционно датируемые ранним железным веком – Средневековьем, часто связываются с погребальной обрядностью, хотя и датировка, и интерпретация этих объектов достаточно условны. К объектам позднего Средневековья (XV–XVIII вв.) относятся селища, производственные комплексы и культовые (почитаемые) камни.

Всего по берегам и на островах озера учтен 51 объект археологии, из них 44 относятся к каменному веку.

Лишь пять объектов можно интерпретировать как поселения – это Вершинино-2, Медвежий остров-1, Пашково озеро, Виловатый остров-3 и Косяцына-2. Поселение Вершинино-2 расположено в северо-западной части д. Вершинино. Находки здесь были отмечены еще в 1881 г. И.С. Поляковым, позднее объекты в разные годы обследовались С.З. Черновым, А.Я. Мартыновым, С.В. Ошибкиной, В.С. Бузиным, А.Г. Едовиным. По сей день туристами и местными жителями здесь регулярно собираются каменные артефакты. Культурный слой археологического памятника, очевидно, частично разрушен деревенской застройкой, но новым разрушениям не подвергается, поверхность стабильна, в нынешнем состоянии отсутствуют угрозы сохранности культурного слоя.

Памятник Медвежий остров-1 в северной части острова Медвежий исследовался М.Е. Фосс (1931 г.), А.Я. Мартыновым (1982 г.), А.Г. Едовиным (2002, 2005 гг.) [1; 7; 9; 10]. Культурный слой на поселении расположен на значительном удалении от края озера, берег на этом участке стабилен. Культурный слой подвергался длительной распашке. В пределах траншеи, заложенной в 2017 г., каких-либо структур на материке выявлено не было. Памятник не разрушается под воздействием естественных факторов, в нынешнем состоянии его сохранности ничто не угрожает.

Поселения Пашково озеро (выявлено Е.Н. Рябцевой в 1992 г., обследовалось А.Г. Едовиным в 2002, 2005 гг.) [1; 9], Виловатый остров-3 (выявлено КАЭ МАЭ РАН) расположены на защищенных от волноприбойной деятельности участках, площадь памятников покрыта растительностью, сохранности их культурного слоя также ничто в настоящее время не угрожает.

На памятнике Косицына-2 культурный слой был зафиксирован в обрыве береговой террасы, подверженном постоянным разрушениям под воздействием склоновых процессов и волноприбойной деятельности оз. Кенозеро. Разрушение культурного слоя прибоем отмечалось уже в 1982 г. открывшим памятник А.Я. Мартыновым [7] и обследовавшим его в 2004 г. А.Г. Едовинным [3]. Судя по наблюдениям над распространением культурного слоя в заложённой 2017 г. траншее, его мощность понижается уже в нескольких метрах от края обрыва. В 2019 г. здесь под руководством А.Я. Мартынова на значительной площади были проведены археологические раскопки, изучен и задокументирован культурный слой, находившийся под угрозой разрушения. Получена представительная коллекция археологических находок, в том числе уникальные артефакты. Эта коллекция достойным образом представит на музейной экспозиции археологию каменного века Кенозерья, дополнением могут послужить материалы, полученные в ходе полевых исследований 2016–2017 гг.

На многих памятниках каменного века культурный слой разрушается в результате естественных процессов, волны Кенозера ежегодно уничтожают остатки – это отмечалось многими исследователями на протяжении десятилетий. Подавляющее большинство археологических объектов, относящихся к каменному веку, является местонахождениями или остатками размытых стоянок. Это не лишает их научной ценности – анализ расположения стоянок позволяет изучать систему расселения древнего человека, особенности ландшафтной приуроченности разных категорий археологических памятников. Кроме того, на размытых памятниках помимо отходов производства каменных орудий встречаются артефакты, достойные занять место на музейной экспозиции (ил. 2). Но обеспечить исследование всех разрушающихся объектов силами научных экспедиций не представляется ни реалистичным, ни целесообразным.

Проблема сохранения таких археологических памятников далека от решения. Возможно, пути ее решения следует рассматривать в контексте просветительской деятельности, адресованной посетителям национального парка, и разрабатывать вместе с вопросами включения археологических объектов в экскурсионно-туристические программы парка.

Экспонирование археологических объектов само по себе является проблемой, парадоксальным образом зеркально отражающей проблему экспонирования объектов архитектурных. Восприятие архитектурных объектов полноценно лишь в окружающих их ландшафтах. Фотографии, рисунки, чертежи и макеты на музейных экспозициях не могут заменить знакомства с объектом в природе. Напротив, археологические материалы наилучшим образом воспринимаются на музейных экспозициях, где помимо собственно древних артефактов могут быть показаны интерпретации и реконструкции, выполненные

по результатам археологических раскопок, т. е. представляющие более не существующий в натуре объект. Демонстрация мест расположения памятников археологии каменного века для неспециалиста мало чем отличается от прогулки по экологической тропе.

Самый захватывающий рассказ экскурсовода требует визуальных «реперов» – выраженных на местности объектов. Одним из туристических объектов Кенозерского национального парка, отвечающим этому требованию, в будущем может стать комплекс древних каменных сложений на острове Виловатый в южной акватории Кенозера.

Каменные сложения Виловатого расположены подковой, разомкнутой на север, на узкой террасе, опоясывающей холм на юго-восточном мысу острова (ил. 3а). Они представляют собой кучи валунов подовальной либо округлой формы размерами от 1,5 до 4 м в поперечнике и высотой до 1 м (ил. 3б). Подобные сложения, называемые в литературе лапландскими кучами (*англ. lappish carins*), распространены на севере Восточной Европы. Находки каких-либо археологических предметов или фрагментов костей крайне немногочисленны и встречаются далеко не во всех таких сложениях. Датирование этих объектов затруднено (напр.: [13]). Функция сложений остается предметом дискуссий, предполагается ритуальное (погребальное?) назначение. Дискуссионной является и интерпретация таких сооружений – часто за «лапландские кучи» принимают кучи камней, появившиеся при расчистке полей и пастбищ, и наоборот.

22 сложения было зафиксировано на острове Виловатый в 2002–2003 гг. экспедицией А.Г. Едовина [2; 4]. К настоящему времени выявлено и задокументировано 65 сложений, составлен подробный топографический план комплекса (ил. 4). Ландшафтная ситуация, в которой расположен объект, очевидно, не позволяет предположить существования здесь в прошлом полей.

Проведенное изучение двух сложений показало, что укладка валунов проводилась на очищенный от дерна грунт (ил. 5а). Мощный слой склоновых отложений, перекрывающий нижние слои камней, указывает на достаточно глубокий возраст сооружений. В стратиграфических разрезах отсутствуют какие-либо следы распашки. В заполнении одного из изученных сложений выявлена кремневая пластина, полученная отжимом. На острове зафиксированы стоянка и поселение каменного века Виловатый-2 и 3, но оба объекта находятся на расстоянии нескольких сотен метров от комплекса каменных сложений Виловатый-1.

Для проведения анализа следов антропогенной активности была отобрана серия из 137 образцов грунта, геохимическими методами было исследовано 65 образцов – 24 пробы с участка, включающего каменные сложения № 2, 4–7 (ил. 5б), 41 – из-под сложения № 5. Исследование химического состава образцов было проведено методом рентгено-спектрального флуоресцентно-

го анализа в лаборатории геохимии окружающей среды им. А.Е. Ферсмана РГПУ им. А.И. Герцена. Полученные результаты были использованы для построения картосхем распределения химических элементов на площади отбора образцов.

В результате проведенного исследования была выявлена корреляция между изменением геохимических индикаторов антропогенной активности, связываемой с утилизацией органических материалов и остатков костных тканей, а также индикаторов остатков древесного угля и золы (ил. 5в). Расположение каменных сложений совпадает с повышениями реконструированного микрорельефа.

Интерпретация полученных результатов позволяет предположить наличие участков между каменными сложениями, где могло регулярно происходить непродолжительное горение огня с накоплением пепла и концентрировалась органика животного происхождения.

Все выше изложенное дает веские основания предполагать ритуальное назначение каменных сложений на острове Виловатый. Связь их с агрохозяйственной деятельностью в свете изложенных фактов представляется маловероятной.

Расположение объекта на берегу острова относительно недалеко от д. Вершино делает возможным включение его в экскурсионные маршруты. Проведенные волонтерами Кенозерского национального парка работы по расчистке части каменных сложений и выполненные археологические работы дают возможность потенциальным посетителям увидеть конструкцию объектов. Большинство же сложений сохраняется в археологизированном виде. Конечно, использование комплекса каменных сложений в качестве экскурсионного объекта может негативно повлиять на сохранность растительного покрова острова – вероятно, может потребоваться прокладка экологической тропы. Тропа позволит наилучшим образом познакомиться с памятником древности, ограничивая при этом перемещения туристов.

Каменные сложения на острове Виловатый, как представляется, являются единственным выявленным на настоящий момент археологическим объектом, потенциально пригодным для включения в экскурсионные маршруты. Большинство же памятников археологии по берегам Кенозера по изложенным выше соображениям для этого малоприспособны. В то же время, стоянки и поселения человека каменного века расположены вблизи береговой линии на сухих песчаных участках, поросших сосновыми борами, часто на мысах. Многие разрушающиеся стоянки выявлены вблизи или в пределах современных оборудованных туристических стоянок. Возможно, решению проблемы сохранения разрушающихся памятников археологии каменного века будет способствовать привлечение к нему посетителей парка, туристов. Это предполагает информирование посетителей конкретных туристических стоянок о

том, что здесь расположены памятники каменного века, и призыв собирать найденные на пляжах артефакты и передавать их в национальный парк.

Конечно, существует риск того, что собранные туристами артефакты попадут в частные коллекции, а не в музейные фонды. Но информированность о культурной принадлежности и возрасте находок, значимости их для науки и культуры, важности соотнесения древних артефактов с определенными контекстами, как представляется, позволит сохранить для науки и широкой публики хотя бы часть материалов с разрушающихся под влиянием природных факторов свидетельств доистории. Видится более вероятным, что найденный на пляже артефакт будет подобран и увезен в качестве сувенира, если нашедший не будет информирован о необходимости передать его национальному парку. Готовые кремневые орудия – наконечники стрел, ножи, скребки – имеют эстетическую ценность и легко отличимы от камней с естественной поверхностью даже для неспециалиста (см. ил. 2).

Высказанные соображения относительно возможных способов сохранения разрушающихся археологических памятников Кенозерья, вероятно, могут быть крайне критично восприняты профессиональным музейным и археологическим сообществом ввиду весьма прагматичных взглядов, господствующих в современном обществе. Между тем, именно древности, найденные в не слишком отдаленном прошлом местными жителями – краеведами, учителями, школьниками, крестьянами – и переданные в музеи (школьные, краеведческие или государственные) стали базой для развития археологической науки [12]. В Музейном ведомстве Финляндии хранится информация о нескольких тысячах пунктов археологических находок с крестьянских полей [14]. Эта информация сегодня очень востребована для научных исследований. Представляется очевидным, что нравственный климат Кенозерья и высокопрофессиональные просветительско-популяризаторские программы, разрабатываемые и реализуемые национальным парком, способствуют возрождению проявлений истинного патриотизма, направленных на сохранение культурного и природного наследия. Это вселяет уверенность и в бережном отношении гостей парка к отмеченным на местности памятникам археологии.

Систематизация и мониторинг археологических памятников каменного века Кенозерья, прекрасные результаты археологических раскопок поселения Косицына-2, проведенных под руководством А.Я. Мартынова, подтвердили высокий потенциал этого микрорегиона для исследований по каменному веку Восточной Европы. Здесь представлены одни из самых северо-восточных свидетельств бытования традиции асбестовой керамики позднего неолита – эпохи раннего металла (3–2-го тысячелетий до н. э.) – уникального феномена использования импортной асбестовой примеси в местных традициях изготовления глиняной посуды. Ряд данных указывает на возможную причастность этой территории к феномену распространения циркумполярной культуры

морских зверобоев во второй половине 2-го тысячелетия до н. э. Далека от решения и проблема хронологии и функционального назначения древних каменных сложений, подобных комплексу на острове Виловатый (группа из трех таких же сложений была выявлена на острове Мамоновский, вероятно, существуют и еще не выявленные комплексы). Проведенные исследования – лишь самые первые шаги в этом направлении.

Резюмируя сказанное, можно заключить, что археологические работы последних лет на территории Национального парка «Кенозерский» позволили существенно расширить и углубить знания о доисторическом прошлом Кенозерья, оценить перспективы проведения здесь научных исследований. Составлена актуальная археологическая карта побережья Кенозера, получены яркие материалы для экспонирования. Проведенный мониторинг археологических памятников показал отсутствие угроз сохранности известных долговременных поселений каменного века, за исключением памятника Косицына-2. На нем по инициативе национального парка проведены мероприятия по обеспечению сохранности объекта археологии в виде археологических раскопок, как и предусмотрено федеральным законодательством.

Разрушение многочисленных прибрежных стоянок древних обитателей Кенозерья под воздействием природных факторов является трудноразрешимой проблемой. Поиск путей сохранения таких памятников археологии и возможность привлечения общественности к этой работе требует дополнительного обсуждения профессиональным сообществом.

Список литературы

1. *Едовин А.Г.* Археологическое наследие Кенозерья // Кенозерские чтения: материалы 1-й Всероссийской научной конференции / отв. ред. Е.Ф. Шатковская; сост. А.А. Куратов. Архангельск, 2003. С. 65–82.
2. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда Архангельского областного краеведческого музея в 2002 г. Т. 1: Археологические разведки и раскопки на территории Архангельской обл. // Научный архив ФГУП «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 86.
3. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда Архангельского областного краеведческого музея на территории Архангельской области и Ненецкого автономного округа в 2004 г. // Научный архив ФГУП «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 104.
4. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда Архангельского областного краеведческого музея на территории Кенозерского национального парка в 2003 г. // Научный архив ФГУП «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 90.
5. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда Архангельского областного краеведческого музея на территории Кенозерского национального парка в 2005 г. // Научный архив ФГУП «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 113.

-
-
6. *Едовин А.Г.* Отчет о работе археологического отряда Архангельского областного краеведческого музея по паспортизации археологических объектов на территории Кенозерского национального парка в 2005 г. // Научный архив ФГУП «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 114.
7. *Мартынов А.Я.* Отчет о работе Соловецкого отряда комплексной Кенозерской экспедиции в 1982 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 9384.
8. *Ошибкина С.В.* Эпоха мезолита на Севере Европы // На переломе эпох. М., 2009. С. 280–295.
9. *Поляков И.С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губ., в долине реки Оки и на верховьях Волги. СПб., 1881. Отд. отт. из журн.: Записки Русского географического общества. 1881. Вып. 9.
10. *Фосс М.Е.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 29. М.; Л., 1952.
11. *Чернов С.З.* Изучение Кенского волока // Археологические открытия 1979 года. М., 1980. С. 37–38.
12. Школьные краеведческие музеи // Советская археология. 1958. № 3. С. 279–283.
13. *Saipio J.* Ritualisation of Landscape in the Finnish Lake District during the Early Metal Period. The Forms and Landscape Settings of Early Metal Period Burial Cairns // Landscapes of the Past and Future: Current Finnish Research in Landscape Archaeology / P. Kouki, T. Kirkinen (eds). Helsinki, 2018. P. 45–68.
14. *Uino P.* Karjalan arkeologiaa 150 vuotta // Karjalan synty. Viipurin läänin historia 1. [s. l.], 2003. S. 117–150.

Реминисценции Высокого Возрождения в Лекшмозерье: Презентация результатов реставрации комплекса Хвалинского расписного «неба» конца XVIII века из Кенозерского национального парка¹

Введение. 2018 г. для Всероссийского научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря был особо знаменателен – старейшему реставрационному учреждению России исполнилось 100 лет. Закономерно, что одним из заметных событий юбилейного года стала выставка «Век ради вечного».

Одним из центральных экспонатов выставки, посвященной реставрационной деятельности центра за последние годы, стал живописный комплекс Хвалинского расписного «неба» конца XVIII в. из Кенозерского национального парка (ил. 1). Чудесным образом это весьма габаритное произведение 5,85×5,85 м вписалось в пространство выставочного зала Центра им. И.Э. Грабаря, расположенного на улице Радио в бывшем аэродинамическом цехе конструкторского бюро Н.Е. Жуковского, построенном в 1927 г.² Расписное «небо» было смонтировано с минимальным зазором в несколько сантиметров между металлическими фермами здания, и в этом пропорциональном соответствии увиделось нечто промыслительное – недоступное для нас прежде «небо» стало доступнее во всех смыслах.

Расписное «небо» из часовни Тихвинской иконы Божией Матери д. Хвалинской Национального парка «Кенозерский» – десятый живописный комплекс, с которым работают специалисты Центра им. И.Э. Грабаря. В 2010 г. несколько «небес» были представлены на выставке «Небеса ручной работы. Расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка». Весь этот опыт работы и аналитическо-исследовательский материал позволили на высоком профессиональном уровне решить сложные задачи по разработке методики реставрации этого памятника и дальнейшей его подготовке для экспонирования как объекта культурного наследия.

© Горматюк А.А., 2019

¹ Ранее автор писал об этом в статье: *Горматюк А.А.* Реставрация и исследование комплекса расписного «неба» конца XVIII века из Кенозерского национального парка // *Искусство Евразии.* 2018. № 4 (11). С. 152–163. В настоящем сборнике публикация расширена и дополнена.

² Радио № 17 – комплекс зданий ЦАГИ 1924–1928 гг., архитекторы А.В. Кузнецов, И.С. Николаев, Г.Я. Мовчан, В.Я. Мовчан, Б.В. Гладков, А.С. Фисенко, инженер Г.Г. Карлсен, Л. Мейльман и др.

Расписные «небеса» вместе с деревянными часовнями и церквями, в которых они служили аналогом монументальных купольных росписей, присущих каменным храмам, – это своеобразная визитная карточка Русского Севера, свидетельство самобытной замкнутой патриархальной культуры крестьянского мира, сформировавшейся под влиянием старообрядческих общин.

Само название «небо» впервые встречается в 1759 г. в надписи, сделанной на балке Преображенского собора в Кижях и сообщающей о «возобновлении сиих небес» [2, с. 17]. Это своеобразное перекрытие потолка распространилось на Русском Севере в конце XVII в. Конструкция была связана, с одной стороны, с новым типом деревянных храмов большего, чем прежде, объема, с другой – со стремлением создать подобие купола в подражание каменным церквям. Перекрытие имеет форму усеченной пирамиды, состоящей из радиальных граней – огромных иконных досок треугольной (трапециевидной) формы; обычно их 8, 12 или 16. Они крепятся на потолочные балки – тябла, собранные в конструкцию, напоминающую солнце с расходящимися лучами. Их размер и количество граней напрямую зависел от размера помещения. Небольшие по размеру украшали безалтарные часовни, а большие и средние устанавливались в церквях и их алтарях³.

В XVIII в. распространение традиции постройки часовен, как и украшавших их «небес», оказалось под угрозой уничтожения со стороны церковных властей. Причинами возникновения такой ситуации послужили, с одной стороны, устойчивая связь со старообрядческим движением, сопровождавшимся возведением часовень в местах локаций, что сделало их символом идеологии беспоповства; с другой стороны, то, что часовни были явлением обрядовой приходской автономии, сохраняющим под христианской формой архаическое содержание сакрализации культовых мест. Наряду со священными рощами и отдельно почитаемыми деревьями, камнями и т. д. они означали в народном сознании освоение мест проживания, культурную сакрализацию природного пространства, приобщенного к миру человека и вместе с тем находящегося в ведении священных (сверхъестественных) сил.

Для северных крестьян и промысловиков основное значение имели мелкие богослужебные чины и обряды на разные практические случаи жизни – общинные молебны и личные молитвы о здоровье, скоте, урожае, защите от бедствий, сопровождавшиеся обетным приношением. Для совершения таких служб церковь, как и священник, не были необходимы, эту функцию выполняла беспрестольная часовня. Были распространены часовни с приходом в четыре двора, где часовенный староста проводил позволительную для мира-

³Характерный пример – Почезерский храмовый комплекс XVII–XVIII вв. – ансамбль-тройка, состоящий из двух церквей: летней Происхождения Честных Древ Христовых и зимней Обретения Главы Иоанна Предтечи, и колокольни.

нина службу – чтение «часов» – от чего и происходит само название «часовня». В обиходе этими церковными правилами пренебрегали и по необходимости старостами часовен совершались, помимо отпевания почивших, таинства крещения и венчания [6, с. 248–254].

Формирование такой религиозной практики в крестьянской среде, не регулируемой и не предусмотренной каноническими церковными правилами, а также связь с традициями раскольников стали основанием для принятия в 1722 г. указа Священного Синода о «разобрании всех существующих часовен и нестроении впредь новых» [5]. В дальнейшем указ был смягчен⁴, но в основном часовни на Русском Севере продолжали строить, особенно в районах удаленных, выделяющихся автономностью. В связи с этим показательно, что среди 169 часовен, существовавших в XIX в. во всем Каргопольском уезде, практически половина (82) находилась в труднодоступном Кенозерье, входившем в состав уезда и по численности населения составлявшем меньше одной десятой его части [1].

Таким образом, невзирая на церковные запреты в 1790 г. хвалинские селяне, вероятно все же, как отмечалось в документах того времени, «самовольно» построили часовню. Причем самовольство это проявилось во многих аспектах, в том числе в иконографическом и живописном «вольномудстве» на фоне традиционных «небес».

Поставили часовню на берегу Лекшмозера, в центре д. Хвалинской (к середине XIX в. в ней насчитывалось 12 дворов и 145 человек), расположенную в 12 км от ближайшей церкви в д. Моршихинской, «иконами украсив изрядно» [4]. Исторический облик часовни сильно искажен перестройками XIX и XX вв. Как считают исследователи, первоначально она представляла собой клетскую часовню, состоящую из основного объема с двухскатной крышей, увенчанной крестом, и паперти со звонницей над ней.

Никаких других свидетельств об истории и бытовании этого памятника в XIX в. пока не обнаружено. В 1930–1940-х гг. ее приспособили под магазин, разобрав колокольню, и здание стало представлять собой амбар – прямоугольный в плане объем, завершенный двухскатной крышей. Вероятно, именно в этот период «небеса» неоднократно покрывались побелкой, остатки которой были обнаружены при их осмотре. Однако больший урон живописи на гранях «небес» был нанесен в 1960–1970-х гг. любителями-доброхотами, которые увидев в образовавшихся к тому времени осыпях слоя известковой

⁴ В 1727 г. последовало разрешение Святейшего Синода: «которые часовни еще не разобраны и находятся в приличных местах, таковым для моления быть по-прежнему, также которые и разобраны, а будут просители, чтобы их снова возобновить и взятые из часовни иконы отдать». В 1734 г. последовал новый указ, по которому было запрещено строить часовни, но старые позволено было «оставить в прежнем состоянии».

побелки живописные изображения, грубо удалили слои известки полностью. Вместе с тем они практически полностью смыли и живопись, так как она была выполнена в смешанной масляно-клеевой технике прямо по древесине без подготовительного слоя. В результате красочный слой сохранился на гранях лишь в местах их прилегания и крепления на балки тябл потолочной конструкции, а на основном живописном поле остался лишь призрачный след краски, впитавшейся в древесину, сквозь который проступал рисунок годичных колец древесины.

На фоне сильно поврежденной живописи активно прочитывался рисунок, который был своеобразной обводкой силуэтов фигур и черт ликов херувимов, выполненный в технике, не встречавшийся в практике написания подобных монументальных панно: пером и тушью. Этот технологический нонсенс вместе с виртуозным исполнением самого рисунка послужили основанием для рассмотрения гипотезы, что он был выполнен художниками, которые в 1960–1970-х гг. стали осваивать Русский Север. Об этом свидетельствует, например, полотно Виктора Попкова «Северная часовня» из собрания Государственного Русского музея, написанное в 1972 г. На нем запечатлены «небеса» из часовни Иоанна Богослова д. Зехнова в Кенозерье. Однако исследования красочного слоя в процессе реставрации не подтвердили это предположение, выявив микро-фрагмент с сохранившейся первоначальной живописью, доказывающий, что рисунок пером был изначально авторским.

Вероятно, в послевоенные годы часовня уже не использовалась как магазин и находилась в запустении, что послужило активизации колонии жуков-точильщиков *Priobium confusum* (Kr.)⁵, устойчивых к северным морозам, которые особенно сильно повредили основу четырех граней, полностью разрушив конструктивную целостность и превратив значительную часть древесины в труху. Одна угловая грань сохранилась лишь на 20 %. Деревянная основа других граней была значительно повреждена грибной деструкцией.

Вся живописная поверхность хвалинских «небес» находилась под плотным слоем загрязнений и в очень тяжелом состоянии сохранности, что не позволяло судить о составе иконографической программы и художественном стиле. Тем не менее, исследователи были уверены, что время создания живописи восходит к дате строительства часовни – концу XVIII в., а значит, это одни из самых ранних «небес», сохранившихся на территории парка. Это и послужило решающим аргументом для начала, казалось бы, безнадежного реставрационного проекта, когда весомый монументальный объект в силу обстоятельств бытования, практически потеряв материальность, превратился в мираж.

⁵ Энтомологические исследования проводила ведущий специалист, энтомолог ГосНИИР, кандидат биологических наук И.Н. Проворова.

Реставрация. Катастрофическое состояние основы и красочного слоя потребовало поиска нетривиальных решений, новых методических разработок, найденных и реализованных в тесном сотрудничестве отделов реставрации темперной живописи, реставрации мебели и реставрации произведений графики, лаборатории физико-химических методов исследования, отдела химических технологий ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря. В проекте участвовали реставраторы ВХНРЦ А.А. Горматюк (руководитель проекта), Р.Л. Носов, А.В. Фролкин, Р.С. Студенников, С.В. Александрюшкин, А.С. Михайлов.

Первичные реставрационные мероприятия – дезинфекция и дезинсекция, удаление загрязнений и восковых затеков, аварийное укрепление разрушенной древесины – были проведены на месте хранения «небес» – в Кенозерском национальном парке, рядом с музейным открытым хранением «Рухлядный амбар» в д. Вершинино. Попутно были изучены результаты прежних реставраций на предметах парка, выполненных за последние практически 30 лет, в которых использовались традиционные методики. Исследование показало много негативных примеров старения материалов, сопровождавшегося деструкцией новых включений с разрушением первоначальной основы под воздействием ежегодных промерзаний и оттаиваний, которым подвергаются предметы в местах хранения и самих часовнях.

После транспортировки в Москву в мастерские ВХНРЦ первый комплекс методологических задач, которые надо было решить, был связан с консервацией и реставрацией основы, включающих укрепление структуры древесины, восполнение утрат и восстановление конструктивной прочности щита грани, вес которой составлял около 50 кг, с учетом хранения памятника при минусовых температурах. После длительных поисков выбор был остановлен на разработке итальянских специалистов с использованием укрепляющей пропитки углеводородной смолы и восполняющей двухкомпонентной безусадочной массы, апробированной на музейных предметах в Италии и, в частности, в Галерее Уффици во Флоренции. Один из авторов разработки, доктор Л. Борджиоли (L. Borgioli), детально ознакомил нас с методиками и предоставил научный материал по более чем 15-летней практике ее использования в музеях Европы. Среди практических примеров наиболее близкий по характеру использования этих материалов встречается в реставрации церковного интерьера XVIII столетия в Сфарасе в Трансильвании (Румыния), проведенной в 2010 г. под патронажем The International Institute for Conservation of Historic and Artistic Works. После проведения дополнительного исследования и тестирования материалов, подтвердивших ряд параметров, например таких, как минимальная усадка доделочной массы при старении, реставрационные работы были начаты.

В мастерских Центра были проведены одни из самых трудоемких операций по многослойному восполнению утраченного слоя древесины. После

того, как был смонтирован щит основы, с лицевой стороны были удалены следы плесени, загрязнения, потемневшая олифа и проведено укрепление деформированного пылящего красочного слоя. На завершающем этапе при участии реставраторов графики был найден оригинальный способ тонирования «под потертость» с частичной реконструкцией утраченных фрагментов живописи. Для этого была использована методика тонировок графических произведений, в которой применялись смесевые колеры пастельных мелков в порошковой консистенции с последующей фиксацией матовым углеводородным лаком. После этого лицевая и обратная поверхности были покрыты защитным слоем.

По завершении реставрационных работ была проведена компьютерная реконструкция совмещения радиальных граней в общую композицию. В дальнейшем с использованием этой виртуальной модели была создана каркасная система для фиксации отдельных частей «неба» в единое визуальное поле и его экспонирования на выставке. Во многом именно это первое экспонирование хвалинских «небес» позволило, наконец, по достоинству оценить значение данного произведения, определить его место среди памятников культуры Русского Севера.

Исследование. Иконографическая программа «небес» имеет несколько типов. В XVII–XVIII столетиях в Заонежье (территория современной Карелии) были распространены «небеса» с изображением праотцев и Божественной литургии, а в Каргополье и бассейне р. Онеги – «Небесного воинства». В Кенозерье заонежские программы не встречаются, зато распространены иконографические вариации «Небесного воинства», дополненные фигурами евангелистов, апостолов и композицией Распятия. По составу и иконографии они соответствуют деисусному чину иконостаса, что, однако, не исключало наличие повторного апостольского ряда в иконостасе того же храма: например, как это выполнено в часовне в Рыжкове. Среди «небес» Кенозерья встречаются и редкие иконографические программы. Практически во всех них без исключения отражена традиция наиболее распространенной иконографической программы «Небесное воинство», которая сформировалась в соседних регионах – районах Каргополья и низовьев Онеги во второй половине XVIII в.⁶ Иконография сюжета восходит к литургическому гимну небесных сил: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоя» – текст, который часто пишется вокруг центрального медальона. Многочастная по своей структуре композиция, где центральное место занимает Христос Вседержитель или Троица Новозаветная в окружении небесных сил – херуви-

⁶ Исследователь Т.М. Кольцова связывает ее появление с работой иконописной артели И.И. Богданова-Карбатовского, работавшей в этот период в Каргополе и его окрестностях [2, с. 47].

мов, серафимов, архангелов – обладает обширной дидактически-смысловой насыщенностью. Эта схема, дополненная по желанию заказчиков образами апостолов, святых, сюжетными сценами, еще более усложняясь, придавала каждому «небу» индивидуальный характер и неповторимость, не теряя приверженности к сложившейся традиции.

Хвалинское «небо» является одним из самых ранних среди 17 сохранившихся в Кенозерье. Оно состоит из центрального медальона, обрамленного крепежным кольцом, восьми радиальных граней и четырех угловых. Особый интерес представляет иконография росписи: в центре медальона изображен благословляющий Саваоф, над ним в виде голубя — Святой Дух, их окружают звезды (роспись кольца медальона) и небесные силы — херувимы, парящие в облаках (радиальные грани). Композицию довершают символы четырех евангелистов (угловые грани). На окрашенных в оранжевый цвет вершинах граней изображены лучи света, исходящие от Творца.

Однако при сравнении этого иконографического состава с наиболее распространенным в этих местах сюжетом «Небесное воинство» становится очевидным отсутствие второго лица Троицы — Христа, а такая ситуация мало приемлема для местной традиции. Спаситель непреложно входил в состав композиции «небес» и изображался как Вседержитель или как Ветхий Денми (с подписью Саваоф, но обязательными атрибутами Христа), либо в составе Троицы Новозаветной и на расположенном на радиальной грани Распятия, как это иллюстрирует множество примеров.

Так, например, в композиции грани Введенской часовни в д. Рыжково Плесецкого района Архангельской области 1801 г. изображена подобная иконографическая схема: Благословляющий Саваоф и Святой Дух над Распятием. В шестнадцатигранном «небе» церкви Почезерского погоста XIX в. «Распятие» выделено из живописной композиции и выполнено как отдельное произведение – накладной крест. А в Ильинской часовне в д. Большой Халуй Каргопольского района Архангельской области конца XVIII в. все «небо» посвящено Страстному циклу.

На основании этих примеров можно предположить, что смысловым центром художественной декорации Тихвинской часовни было ныне утраченное Распятие с предстоящими, а «небеса» были драматической кулисой, передающей состояние скорби мира по распятому Богу («...вся тварь стенает и мучится...» (Рим. 8:22)) и повествующей о знамении, случившемся при Его крестном страдании: «От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого...» (Мф. 27:45)).

Тем не менее фактическое содержание хвалинского «неба» ограничено изображениями благословляющего мир Творца, Святого Духа и херувимов. Вместо традиционно конструктивно подчеркнутого деления «неба» на грани, а их – на отдельные тематические зоны автор старается создать визуаль-

но единое зеркало свода. Помимо этого, художник использует в композиции столь невероятное перспективное сокращение, что лики на медальоне – перспективном центре – меньше по размеру, чем изображения глаз херувимов на условном переднем плане.

Такими совершенно неизвестными в северной глубинке художественными средствами мастер добивается не только впечатляюще сильного образного эффекта «бездонного неба» – иллюзорной «обманки», но и «обманки» смысловой, до некоторой степени подменяя традиционную тему.

Представленный сюжет находит много общего с иконографией «Сотворения мира», распространенной в искусстве XVIII в. Рассматривая исследуемое произведение в этом контексте, надо заметить, что лаконичную композицию, в которой существенную драматическую роль играют образы парящих херувимов и спирально закрученные гряды облаков, можно интерпретировать как первый день творения. Именно тогда, по толкованию святых отцов, Бог сотворил небо небес – невидимый мир ангелов, а видимое, физическое небо – во второй и четвертый дни.

Вероятно, происхождение этих росписей большей частью связано с копиями повторением понравившегося заказчику конкретного расписного свода, а не было традиционным, литургически направленным созданием иконографической программы, характерной для часовен Русского Севера. Изображение благословляющего Саваофа (один из видов иконографии «Теофании») получило в XVIII–XIX вв. широкое распространение в церковной живописи как композиция прежде всего купольного пространства, алтаря и других важных смысловых зон.

Обращаясь к результатам научных исследований технических приемов данной живописи, необходимо отметить, что немаловажной особенностью росписи является выполнение письма с применением смешанной техники без подготовительного слоя грунта, с рисунком, выполненным чернилами и пером непосредственно по древесине. Очевидно, что в самой основе этот нетрадиционный художественный метод взят не из арсенала артельно-профессиональной иконописной среды. Также он не имеет отношения и к характерным навыкам и студиям воспитанников академической школы. Безусловно, автор росписи имеет разрозненные навыки профессионального мастерства, но не связанные в единую художественную систему, и тем более не отработанные на опыте достаточной практикой, во всяком случае в таких монументальных масштабах, как роспись хвалинского «неба». Его творческие приемы, вероятно, обусловлены не только копийным характером заказа, но и самим его методом работы, в котором, как в очерковой графике (тушь, перо), главным средством выразительности является линия, повторяющая прототип.

Образы, созданные художником, в свою очередь, явно ориентированы на искусство позднего Возрождения, преломленное сменяющимися эпохами в

искусстве, но сохраненное и распространенное благодаря явлению леонардесок. Так были названы ученики и последователи Леонардо да Винчи, которые порой истолковывали наследие мастера и соответственно флорентийской школы в целом весьма условно, адаптируя их к своим вкусам и в меру своего профессионализма. Однако благодаря им многие произведения да Винчи хотя и не сохранились, но известны по наброскам, копиям, вольным интерпретациям учеников и описаниям современников. Благодаря леонардескам Болтраффио, Франческо Мельци, Джампетрино и многим безвестным авторам, оставившим достаточно копий и вариаций даже с утерянных оригиналов, слава великого мастера неуклонно росла не только по всей Европе, но и в России. Так, в 1779 г. императрица Екатерина Великая приобрела в составе коллекции Ричарда Уолпола работу неизвестного автора – «Донна нуда», а в 1790-х гг. сенатор и директор Горного училища Алексей Корсаков привез из Италии картину, которая в последствии после «Выставки западноевропейского искусства из собраний коллекционеров и антикваров Санкт-Петербурга» 1908 г. обрела статус леонардовской «Мадонны Бенуа».

Не углубляясь в проблематику явления «леонардески», невероятно умножившего повсеместно и на длительный период авторитетность и популярность итальянского искусства и в частности флорентийских мастеров, обратим внимание на ряд стилистических параллелей, связанных с рассматриваемой темой. Например, легендарные ангелы, написанные Леонардо да Винчи и Андреа Верроккьо 1470–1475 гг. в картине «Крещение Христа» (галерея Уффици), и штудии голов в рисунках мастерской, хранящиеся в Галерее Уффици (Флоренция), Британском музее (Лондон), Библиотеке Морган (Нью-Йорк), находят очевидное отражение в образах херувимов в «небе» северной часовни (ил. 2, 3). К этому ряду надо добавить в качестве более широких аналогий фрагменты композиций, созданных на один и тот же сюжет «Концерт ангелов»: Мелоццо дельи Амбрози (1480 г., пинакотекa Ватикана), Бернардино Луини (ок. 1500-х гг., частное собрание) и Гауденцио Феррари (1534–1536 гг., часовня Девы Марии Сарроно в Ломбардии), зримо отражающих эволюцию ангельских (херувимских) образов от Ренессанса к маньеризму⁷.

При определенной и видимой художественной близости ликов из северной часовни и рассмотренного образного ряда, связанного с величайшими

⁷ Бернардино Луини (ок. 1480/82 – июнь 1532 г.) был художником Высокого Возрождения из Северной Италии из круга Леонардо. Луини и Джованни Антонио Болтраффио работали напрямую с Леонардо. Луини был описан как «забравший у Леонардо столько, сколько его родные корни позволили ему понять». Следовательно, многие из его работ были приписаны Леонардо. Он был особенно известен своими изящными женскими фигурами с вытянутыми глазами, которые Владимир Набоков назвал «луинскими» – «Луинские глаза... Боже, как я их поцеловал...» (La Veneziana, 1924).

достижениями итальянского искусства, очевидно, что эти произведения разделяет историческая и культурная пропасть, а механизмы таких культурных проникновений кажутся совершенно невероятными и непостижимыми. Можно предположить, что этому способствовал социальный уклад северного крестьянства, имевшего свободу перемещения и активно занимавшегося торговлей. Знакомство с иными культурными традициями запускало диффузионные процессы просачивания заморских новшеств даже в столь автохтонно-замкнутый Кенозерский край. В качестве носителя мог быть отдельный мастер или самодеятельный выучка, приглашенный лишь на разовый заказ, не имевший предыстории и последователей, но ценимый нами именно как носитель своеобразной культурной традиции.

Подобных фактов в истории Кенозерья не сохранилось, однако в общерусском контексте яркой иллюстрацией такого явления была история итальянца Сальваторе Тончи (1756–1844), известного прежде всего по портретам Г.Р. Державина и Павла I. Он обучался искусствам в Риме и относился к числу тех художников, которых принято называть представителями «россики». В Санкт-Петербург он приехал в 1795 г., быстро приобрел популярность при дворе, стал модным художником. В 1804 г. он переехал в Москву и вскоре женился на дочери знатного аристократа-мистика И.С. Гагарина⁸. После окончания войны с Наполеоном, весьма повлиявшей на художника⁹, он поступил в Экспедицию Кремлевского строения, преподавал в Архитектурной школе. Вышел в отставку в 1842 г. и спустя два года умер.

Дочь художника Марией Тончи (1814–1898), послушницей Переславского Федоровского женского монастыря с 1850 по 1898 г. был сохранен портфель с рисунками отца, который был передан музею Владимирской ученой архивной комиссии. В рисунках проявляется интерес С. Тончи к творчеству великих соотечественников. Стиль большей части рисунков определяется как очерковая графика (тушь, перо), где главным и единственным средством выразительности является линия. В этом смысле он поступает как настоящий представитель эпохи классицизма. Однако типаж, выработанный художни-

⁸ Мемуарист С.П. Жихарев писал следующее: «У князя Ивана Сергеевича Гагарина встретил я знаменитого живописца Тончи... Он занимал всю беседу. Удивительный человек! Кажется, живописец, а стоит любого профессора: все знает, все видел, всему учился» [3, с. 272].

⁹ Нашествие Наполеона произвело столь сильное впечатление на Тончи, что во время переезда во Владимир художник отстал от обоза и в течение трех дней блуждал по окрестным лесам. Встретившие его лесные сторожа Александровского уезда приняли не говорящего по-русски иностранца за французского шпиона и доставили в участок, откуда он с другими арестованными был отправлен во Владимир. Спустя несколько месяцев Тончи излечился от расстройства и в благодарность решил написать для города картину «Крещение Руси при Св. Владимире» (1813–1814 гг.).

ком, заметно отличается от той возвышенной идеальности, которая характерна, например, для творчества его современника – художника и скульптора Ф.П. Толстого. Женские фигуры в исполнении С. Тончи порой немного тяжеловесны, приземисты и почти всегда очень чувственны. Такое привнесение непосредственности, живости в строгую классицистическую художественную систему наряду с сильными реминисценциями итальянского Возрождения делают рисунки мастера очень самобытными (ил. 4, 5). О творчестве художника писатель и публицист Н.А. Мельгунов (1804–1867) сказал: «Поэт, мыслитель, живописец и музыкант – Тончи представляется на дальнем севере каким-то обломком эпохи Возрождения» (цит. по: [7, с. 153]).

Итак, невзирая на то, что от первоначальной живописи хвалинских «небес» в результате бытования остался лишь призрачный след, этого достаточно, чтобы определить по ряду особенностей, что ее стиль сходен со светской росписью плафонов второй половины XVIII в. Вероятно, ведущим исполнителем хвалинского «неба» был художник, абсолютно не связанный с местной художественной средой (например, с современниками – иконописцами онежской округи Чекуевской волости или артелью иконописцев И.И. Богданова-Карбатовского). Очевидно, он был не просто знаком с образцами западноевропейской живописи, а обучался в одной из итальянских школ и имел при себе, как и С. Тончи, «портфель с рисунками», и по-своему воплотил в живописи «небес» эти художественные и композиционные навыки, привнеся по-своему адаптированные идеалы эпохи Возрождения, получившие широкое распространение и востребованные в русской культуре того времени.

Художественная манера нашего северного мастера определяется тонким пониманием колорита, проявившимся в разнообразии теплых и холодных оттенков, использованных в изображении облаков, и применением большого количества белил в моделировке ликов, о чем можно судить по микроскопическим участкам, сохранившим первоначальную авторскую стратиграфию живописных слоев. Художник создал ряд психологически глубоких, индивидуальных образов. На основе стилистического и технико-технологического анализа можно выявить и художественные приемы подмастерья, явно работавшего по клише (прорисьям) в более примитивной манере на уровне детской картинки-раскраски. Проведенное исследование позволяет отнести хвалинское «небо» к произведениям конца XVIII в., что соответствует времени постройки часовни.

Подводя итоги проведенному исследованию, необходимо отметить, что феноменальным является и сам замысел заказчика – перенести купольную композицию с характерными чертами эпохи Высокого Возрождения и прямыми цитатами из художественного наследия Леонардо да Винчи на грани «небес» своей деревенской часовни. Видится портрет неординарного человека, вероятно, выходца из хвалинских сельчан, зажиточного и авторитетного,

знакомого с прихотливыми вкусами столиц, обладающего удивительной «насмотренностью» и самостоятельным художественным суждением, отнюдь не связанного узами провинциальной зашоренности и вторичности. Его стремление идти в ногу с просвещенной светской и церковной аристократией, едва ли не обгоняя ее смелыми попытками новаторства, ломает стереотипные представления о традиционализме, к которому тяготела форма патриархального уклада Русского Севера, и дает возможность по-новому взглянуть на художественные процессы, развивавшиеся на рубеже XVIII и XIX столетий в замкнутом мире Кенозерья.

Список литературы

1. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1342. Оп. 2. Д. 101. Л. 6 об.
2. *Кольцова Т.М.* Иконы Северного Поонежья. М., 2005.
3. *Жихарев С.П.* Записки современника: в 2 т. Т. 1. М.; Л., 1934.
4. Национальный архив Республики Карелия. Ф. 25. Оп. 15. Д. 54/1182. Л. 47 об., 50.
5. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего Синода. Т. 1, № 606. СПб., 1868.
6. *Пермиловская А.Б.* Часовня в традиционной культуре Русского Севера // Ярославский педагогический сборник. Ярославль, 2010. № 4, т. I. С. 248–254.
7. *Селиванов А.В.* Художник Сальватор Тончи // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 6. Владимир, 1904. С. 133–155.

Восстановление церквей Беломорья после Крымской войны

Война 1853–1856 гг. получила свое название по главному театру боевых действий – Крымско-Черноморскому региону. Однако, как известно, события этого глобального конфликта разворачивались также в акваториях и на берегах Баренцева и Белого морей. Одним из тактических приемов английского военно-морского командования было наступление на нескольких направлениях в разных местах границ Российской империи, что должно было привести к распылению сил и ослаблению концентрации военных частей в Крыму. Эти действия также должны были ослабить экономическое состояние России и нарушить функционирование ее портов. На Севере военные действия проходили в две навигации: 1854 и 1855 гг.

С февраля 1854 г. прибрежные районы Архангельской губернии были переведены на военное положение, а со 2 марта военное положение по распоряжению правительства установилось во всей губернии под начальством вице-адмирала Романа Платоновича Бойля. Он начал готовить регион к обороне, укрепляя и оснащая Новодвинскую крепость [15, с. 92].

Помимо военных задач, ставились вопросы сохранения церковного имущества. С рапортом, затрагивающим эту проблему, уже 17 марта 1854 г. к обер-прокурору Синода Н.А. Протасову обратился помощник секретаря Архангельской духовной консистории Дмитрий Иванович, и Синод принял соответствующую резолюцию. Поскольку при введении военного положения в регионе в 1806 и 1812 гг. спасения церковных ценностей не предполагалось, было предписано, чтобы каждый приход, в особенности близкий к морю, самостоятельно принял меры по охранению своей церкви [13, л. 1–4]. Отдельное распоряжение от 26 марта 1854 г. касалось эвакуации ценностей Соловецкого монастыря [12, л. 3]. 2 июня того же года Бойль рапортовал управляющему Морским министерством великому князю Константину Николаевичу о выполнении всех запланированных мероприятий по обороне г. Архангельска и Соловецкого монастыря [6, с. 41].

Первый раз неприятельские суда были замечены в Белом море 5 июня 1854 г. Уже 22 июня случилась первая перестрелка с неприятелем у острова Мудьюг, а 25 июня произошел обстрел селения Сюзьма. Согласно рапорту, трехмачтовый пароход в 6 часов утра, не доходя 300 сажень до селения, выпустил несколько залпов и отплыл обратно к устьям, заметив вооруженных крестьян. В результате одного из выстрелов загорелся крестьянский дом, од-

нако пожар был быстро потушен [15, с. 102]. После этого обстрела жандарм Соколов произвел осмотр деревни на предмет ее обороноспособности и доложил Бойлю, что Сюзьма более, чем Ненокса и Солза, подвержена опасности артиллерийского огня с моря, и что ее расположение не дает уберечь ее от этой опасности [6, с. 59]. 6 и 7 июля неприятель предпринял попытки захвата Соловецкого монастыря, но был вынужден отступить.

После крупной неудачи у берегов Соловецкого монастыря неприятельская эскадра решила взять реванш путем сожжения ряда поморских селений. Вражеские силы сначала обстреляли Заяцкий остров, а потом учинили грабительский налет на него. 8 июля они запаслись продовольствием в селении Лямце. 9 июля английский десант высадился на Кий-острове, где было сожжено здание портовой таможни, а в монастыре уничтожено старое нефункционирующее вооружение [15, с. 119]. 11 июля случился бой с крестьянами с. Пушлахты. С фрегатов «Бриск» и «Миранда» к селу подошло 13 шлюпок, оснащенных пушками с десантом численностью более 100 человек. Матросы открыли огонь по селу, однако встретили сопротивление вооруженного крестьянского отряда численностью 23 человека под командованием двух отставных солдат и служащего Палаты государственных имуществ Волкова. Отряд смог убить пять вражеских матросов и нескольких ранить, после чего был вынужден отступить к лесу. Деревня была разграблена англичанами и сожжена [6, с. 82]. 21 июля грабительский рейд был совершен на Кандалакшу и Кереть, а 22 июля – на Ковду. В начале августа враг, встретив отпор при попытке взять г. Колу, обстрелял его, уничтожив 4 церкви и 92 жилых дома. Этим, по сути, закончились активные действия английской эскадры в навигацию 1854 г.

В декабре скоропостижно скончавшегося от холеры Бойля, занимавшего пост Архангельского военного губернатора, сменил вице-адмирал Степан Петрович Хрущов. В конце мая с началом навигации появились первые сведения о появлении неприятельской англо-французской эскадры из семи судов. Кампания 1855 г. была менее активна. Стоит выделить бой у д. Лямцы 27–28 июня 1855 г. [13, л. 60–61], в ходе которого эскадра произвела обстрел селения, однако при попытке высадки получила отпор крестьянского вооруженного отряда из 34 человек. 6 июля в ходе артиллерийского удара сильно пострадала Кандалакша, где сгорело 46 домов, 29 амбаров и церковь. Пострадали в эти дни также селения Кузомень, Мегра, была сожжена Стрельна. В ходе обстрелов была повреждена церковь в Сюзьме [13, л. 62–63]. 26–27 июля велись бои у селения Умба, а 1 сентября пришлось оборонять остров Мудьюг. Последние бои состоялись у Нижней Золотицы 11–12 сентября, на этом навигация 1855 года закончилась, а с ней завершились, по сути, и боевые действия на Севере [15, с. 134]. В 1856 г. был подписан мирный договор.

Даже такой краткий обзор событий показывает, что в ходе Крымской войны пострадало большое количество селений Поморья. После ее окончания был начат процесс восстановления: пострадавшим крестьянам были выплачены денежные компенсации, были проведены ремонтные и строительные работы. Затронул этот процесс и разрушенные церкви. То, как он проходил, можно увидеть на примерах селений Пушлахта и Сюзьма.

До 1841 г. в с. *Пушлахте* Золотицкого прихода Онежского уезда Архангельской губернии существовала часовня Святой Параскевы Пятницы, расположенная в 30 верстах от приходской церкви. Здание помещалось на твердом фундаменте и имело паперть, с учетом которой длина часовни составляла 4 аршина и 3,5 сажени [3, л. 2]. Часовня была обита тесом для входа в паперть, имела двускатное покрытие и завершалась чешуйчатой главой с восьмиконечным крестом; высота постройки составляла 2,5 сажени [3, л. 2]. В самой часовне было устроено четыре окна, в паперти – пятое окно и одинарные двери. Рядом располагалась отдельно стоящая шатровая колокольня с четырьмя колоколами (весом от 20 фунтов до 2 пудов 35 фунтов) [3, л. 2].

Из-за необходимости проведения литургии было решено пристроить к часовне алтарный прируб [3, л. 2]. Такая пристройка была осложнена близостью домов, но и перенести саму часовню не представлялось возможным из-за отсутствия подходящего места вблизи деревни. В итоге было решено перенести дом, расположенный наиболее близко к часовне. Также крестьяне просили сделать алтарный прируб на каменном фундаменте и поправить паперть [3, л. 32]. 30 июня 1844 г. планируемые изменения были согласованы Святейшим Синодом и через Архангельского епископа поручены благочинному священнику Павлу Кочерину. Договором от 12 июня 1845 г. строительные работы обязался производить крестьянин Лямецкого прихода Е.В. Харитонов, запросивший за них 151 рубль 50 копеек [3, л. 120].

Рапортом с описью от 13 сентября 1845 г. священник Павел Кочерин сообщает об окончании работ по перестройке часовни в церковь. Он указывает, что для устройства фундамента были вбиты сваи на глубину 2 аршина, а сам фундамент выложен из нетесаного, но прочного камня, который выступает из земли от 1 до 2,5 четвертей [3, л. 123]. В церкви был установлен престол на отдельном каменном блоке, накатан добротный тесаный пол, «ризница и пономарня правильные» [3, л. 123]. Длина новоустроенной церкви, включая паперть, составила 7 сажений, а ширина – 4 сажени (ширина алтаря с ризницей и пономарней – 5 сажений 4 четверти); высота церкви внутри равнялась 6 аршин, а в алтаре – 3,5 аршина, высота снаружи «от земли до середины шара» – 6 сажений [3, л. 141]. С запада было пристроено крытое крыльцо, также было устроено девять окон (пять в церкви, два в алтаре и по одному в ризнице и пономарне [3, л. 141]). 6 февраля 1848 г. епископом

Архангельским и Холмогорским Варлаамом церковь Святой Параскевы в с. Пушлахте была освящена [3, л. 158].

Храм будет разрушен всего лишь через шесть лет во время боевых действий в ходе Крымской войны. Об этом мы узнаем из донесения священника Александра Кудрявина от 14 июля 1854 г., в котором он сообщает, что 11 июля 1854 г. около четырех часов утра вблизи Пушлахтского прихода с двух английских пароходов на 12 шлюпках был высажен десант из 300 человек. В приходе неприятель спалил дотла церковь, колокольню и дом, причем убыток от пожара крестьяне оценили в 500 рублей [13, л. 15]. 13 августа того же года Архангельская палата государственных имуществ сообщала в Архангельскую духовную консисторию, что император, ознакомившись с делом, распорядился восстановить сожженную церковь за казенный счет, а пострадавшим выплатить компенсацию [5, л. 2]. Чертеж и план были составлены к октябрю 1854 г. [9, л. 1]. 18 октября 1854 г. была утверждена смета, по которой на строительство храма выделялось 5483 рубля 90 и $\frac{3}{4}$ копейки [9, л. 4]. Также в плане была предусмотрена замена основания из деревянных столбов, поддерживающих балки пола, тремя каменными столбами с забивкой под них свай, так как постройка должна была возводиться на песчанистом грунте, при углублении в который на 1,5 аршина начинала просачиваться вода. Позже комиссия посчитала, что надобности в свайном фундаменте нет и достаточно углубить фундамент на 3 аршина, после чего смета была сокращена до 5163 рублей 83 и $\frac{1}{4}$ копейки и принята 30 мая 1855 г. [9, л. 13–16].

Постройка была возложена на Палату государственных имуществ при наблюдении Архангельского епископа. В апреле объявили конкурс на подряд на строительство церкви [4, л. 25]. При начале работ были представлены «кондиции», по которым следовало вести строительство одноэтажной церкви на каменном фундаменте. Церковь по ним предполагалась $11\frac{2}{3}$ сажени в длину, включая алтарь, трапезную и колокольню; алтарь с трапезной при этом должны были иметь 3 сажени в высоту, церковь – $4\frac{1}{3}$ сажени, а колокольня – $6\frac{1}{3}$ сажени. Постройка должна была быть возведена в три летних периода: 1) летом 1856 г. предполагалось выложить фундамент, цоколь и основания под печи; 2) летом следующего года планировалось срубить стены, настелить полы и потолки, покрыть крышу; 3) летом 1858 г. следовало настелить верхние полы, устроить окна и двери, сложить печи и покрасить церковь. Работы должны были при этом быть закончены к 1 сентября 1858 г. [4, л. 27–36].

Летом 1856 г. были закуплены необходимые материалы и начаты строительные работы, за которые отвечал помощник инженера Палаты государственных имуществ Свяцкий [4, л. 58]. Из рапорта епископу Архангельскому и Холмогорскому Антонию священника Александра Кудрявина от 17 сентября 1856 г. следует, что фундамент был выложен из булыжного камня и залит известью, были выполнены основания под жертвенник и престол, а также

положены два ряда бревен на фундамент. На этом строительство приостановилось, так как лес был заготовлен в меньшем, чем следовало, объеме. При этом Кудрявин сообщил, что из-за дождей и малого количества извести фундамент стал менее крепким [5, л. 26]. Это заявление было оспорено Свяцким, который в своем письме указал, что извести было положено достаточно, а ее излишек даже был сохранен в амбаре [4, л. 84]. Рапортом от 22 августа 1857 г. Свяцкий уведомил управляющего Архангельской палатой государственных имуществ К.Н. Зубова о том, что при осмотре 20 июня того же года он нашел постройку церкви в Пушлахте в целом законченной, кроме наружной обшивки и окраски. Он писал, что иконостас уже поставлен, а обшивка и окраска будут произведены к 26 августу того же 1857 г. [4, л. 93].

О построенной церкви можно судить по рапорту священника Александра Кудрявина в Духовную консисторию от 30 ноября 1857 г.:

«Церковь построена из соснового леса “в 6 верхов толщины и рублена в круглый угол”, стоит на каменном фундаменте, сложенном из булыжного камня с забутовкой и заливкой известью. Фундамент церкви заглублен на 1 аршин, а в алтарной части – на 1 аршин и 2 вершка, под крыльцом – на 1 аршин и 5 вершков. Ширина строения по грунту составила 34 сажени, а по дереву – 33 сажени. Длина самой церкви 11 сажений и $1\frac{1}{4}$ аршин. Алтарь в высоту от фундамента до крыши имеет 2 сажени и 1 аршин, сама же церковь – 3 сажени и 8 четвертей, трапезная – 2 сажени и 1 аршин. Колокольня до уровня звона в высоту составила 4 сажени и 1,5 четверти. Столбы от уровня звона до крыши – 1 сажень и 7 четвертей. Диаметр колокольни равен 10 сажений. По крыше наколочены доски и выкрашены в черный цвет, главы церкви и колокольни покрыты листовым железом и покрашены масляной краской. Шатры церкви и колокольни покрыты тесом и тоже покрашены. Перед церковью устроено шестиступенчатое крыльцо в 9 четвертей в высоту, 1 сажень в длину и 2 сажени в ширину. Алтарь полностью обшит тесом и окрашен охрой, по верху подшиты загрунтованные карнизы. С юга же на церкви не обшиты тесом 13 верхних рядов, а северная сторона и вовсе осталась без обшивки. Паперть под колокольней тоже не была обшита, зато трапезная была и обшита, и загрунтована. Четверик колокольни, имеющий в длину и ширину по 2 сажени, а в высоту 2 сажени и 1,5 аршина, обит досками и окрашен охрой на масле. Под крышей покрашено суриком и белилами. Между столбами на колокольне положены брусья под колокола, а посередине – столб для половых балок и установления на крыше креста. Стены внутри здания стесаны, а полы выструганы. Пол в алтаре выше церковного на 4 вершка. Сделан полукруглый амвон, но без ступеней, длиною в 6 четвертей и 1 вершок, а в ширину – 7,5 четвертей. Высота алтаря от пола до потолка 1 сажень 9 четвертей и 2 вершка. Деревянный престол высотой в 1 аршин и 2 четверти укреплен в половицах, но без утверждения на каменном фундаменте. Расстояние от восточной стены

алтаря до престола – 1 сажень 7 верхов, а от царских врат до престола – 2,5 аршина. Дека престола крепится на 2 шпонки, клей и четыре гвоздя. Деревянный жертвенник, длиной и шириной в 1 аршин и 0,5 вершка, а высотой 1,5 аршина, только не утвержден. На пьедестале во всю длину и ширину церкви установлен иконостас с резьбой столярной работы с восемью колоннами и золочеными капителями. В нем находились резные золоченые царские врата, а в середине – посеребренный голубь и четыре евангелиста. Весь иконостас покрашен голубым цветом с лаком» [5, л. 50–51].

После ознакомления с рапортом [4, л. 105] священников Александра Ивановского и Александра Кудрявина в Архангельской духовной консистории были найдены расхождения между фактическими характеристиками постройки и предполагаемыми характеристиками по смете и проекту. Последующее освидетельствование новопостроенной пушлахтской церкви выявило следующие отклонения от сметы и изначального проекта: 1) основание было выполнено без каменных лежней; 2) фундамент был заглублен на 1 аршин, вместо предписанных 3 аршин; 3) цоколь был поставлен на руинированные части старой постройки; 4) колокольня вместо предписанных 19 аршин имела 12 аршин и 1,5 четверти в высоту; 5) крыша покрыта досками не полностью; 6) не все стены обиты тесом; 7) лестница на колокольню сделана полая; 8) карнизы и наличники около окон и дверей сделаны не все и не с обеих сторон, а также не проложены паклей; 9) выполнена только одна филенчатая дверь вместо двух; 10) оконные рамы и форточки исполнены неверно и в меньшем количестве; 11) печи сложены плохо, а дымовые трубы устроены неправильно [5, л. 54].

Подобные отступления от проекта не могли не сказаться на качестве постройки, и уже 8 марта 1858 г. в рапорте священника Александра Кудрявина Архангельскому епископу Александру звучит жалоба, что церковь пошла трещинами, потолок выгнуло, фундамент начал сыпаться, а дым во время топки идет внутрь [5, л. 57]. Из документов Палаты государственных имуществ видно, что летом того же года было принято решение для освидетельствования состояния церкви направить в Пушлахту комиссию, состоящую из помощника инженера Свяцкого и губернского архитектора Шахларева [4, л. 119]. 2 апреля 1859 г. Свяцким был представлен рапорт [4, л. 145–148] в Архангельскую палату государственных имуществ. В нем объяснялось, что лежни не были положены под фундамент по той причине, что проект был изменен, и комиссия посчитала их ненужными; углубляться же на 3 аршина не было необходимости, так как грунт твердый, а фундамент и цоколь прочны, при этом стоимость их вышла меньше ожидаемой. Расход же, по утверждению Свяцкого, был превышен по статье найма рабочей силы из-за отдаленности селения. Удешевлением проекта с сохранением прочностных характеристик объясняет Свяцкий и отсутствие обтески стен, и наличие только одного ряда

покрытия крыши. Отсутствие обшивки на некоторых частях здания объяснено тем, что часть теса была забракована, а обшивка отложена до следующей весны. Свяцкий также указывает, что по окончании работ стало 70 рублей серебром, достаточных для завершения отделки, которую он обязуется выполнить [4, л. 145–148].

Стоит отметить, что, несмотря на заверения Свяцкого, строительство так и не было доведено до конца. Об этом свидетельствует рапорт священника Александра Кудрявина в Архангельскую духовную консисторию от 27 ноября 1859 г. Священник указывает, что с его последнего обращения состояние церкви не только не изменилось, но и ухудшилось: ранее сделанная обшивка начала отпадать, потолочные балки повело, расщелины были замазаны глиной, но это мало поправило состояние постройки [5, л. 67]. Плачевное состояние церкви подтверждается и обращением крестьян селения Пушлахты в Архангельскую палату государственных имуществ и к архиепископу Архангельскому Нафанаилу в январе 1860 г. Крестьяне указывали, что церковь в настоящем виде для службы не пригодна, и они уже шесть лет не имеют регулярной литургии, а ремонтные работы так и не начаты [5, л. 70].

В ноябре 1860 г. состояние сооружения было оценено инженером Бартом, о чем сохранилось свидетельство о неисправности церкви от 25 ноября 1860 г. При этом была указана необходимость следующих работ: 1) для укрепления потолка продеть 8 железных болтов; 2) ступени лестницы колокольни подшить, установить перила, а для выхода в ярус звона установить люк; 3) устроить навес на двух колоннах над крыльцом; 4) окна и двери отконопатить паклей [4, л. 165]. Кроме того, Барт в письме от 17 августа 1861 г. писал, что для приведения храма в благонадежное состояние нужно также сколотить крепче доски пола и промазать их глиной. Эта и описанные выше работы стоили 41 рубль 15¼ копеек и были исполнены нанятыми инженером Бартом рабочими [4, л. 224]. По всей видимости, ремонтных работ, проведенных летом 1861 г., не хватило, чтобы привести церковь в надлежащий вид, и 20 октября 1861 г. Министерством государственных имуществ было выделено еще 500 рублей [13, л. 79]. Несмотря на это, в следующем 1862 г. перестройка так и не была начата, что видно из рапорта священника Гавриила Лескова в августе 1862 г. [5, л. 113].

Только в документе от 30 мая 1863 г. мы видим, что был составлен новый план по достройке церкви и утверждена новая смета на 1770 рублей [4, л. 264]. В сентябре же были составлены условия на произведение работ. По ним предполагалось разобрать старый цоколь и фундамент, после чего углубить его на 2 аршина и выложить новый (в высоту 1,5 аршина и в толщину – 1 аршин) из булыжного камня, оставшегося от старого цоколя с добавлением нового материала. В самой церкви нужно было положить новый пол и выстроить новый потолок, вместо прежнего, сделанного на польский манер

в виде коробки куполом на 18 квадратных саженой. Стены необходимо было обшить досками, а в колокольне сделать лестницу с поручнями. Также стены нужно было отконопатить и промазать полы глиной с заливкой известковым раствором. У колокольни следовало обновить шпильевое дерево, покрыть главу железом, а также сделать карнизы окон и дверей. «Кондиции» предполагали также покраску карнизов и наличников, а также устройство новых печей [4, л. 269–270]. Похожие требования по перестройке выдвигала и архитектурная комиссия, состоявшая из инженеров Иванова и Барта, а также священников Матвеева и Ильинского [5, л. 133–134].

Перестройка, однако, так и не была начата. Акт о предполагаемых работах, датированный 29 апреля 1867 г., несколько менял их ход. По нему следовало, что после попытки углубления фундамента на глубину до 2 аршин последний было решено не трогать, а только обложить новым камнем и укрепить известью, так как при дальнейшем заглублении из грунта начинала сочиться морская вода. Также назрела необходимость полной переобшивки церкви и замены столбов под полом на каменные лежни. Работы вызвался осуществлять местный крестьянин М.А. Петухов с сыновьями за 1609 рублей [5, л. 162]. С Петуховым был подписан договор, по которому тот должен был произвести работы согласно условиям кондиций с учетом изменений, внесенных актом от 29 апреля 1867 г. Следовало все завершить до 1 сентября 1868 г. [5, л. 172–173].

Эти работы были окончены только к лету 1869 г., о чем мы узнаем из рапорта священника Василия Дьячкова в Архангельскую духовную консисторию от 1 июня 1869 г. Петуховым, согласно этому рапорту, был выполнен следующий объем работ: 1) фундамент перебран, заглублен на 2 аршина в землю и выстроен на 1 аршин поверх грунта, цоколь сложен согласно проекту, под основание фундамента положены лежни; 2) под пол положены каменные столбы, а сам пол перебран, потолок устроен куполом, балки его скреплены хомутами, а стропила – скобами; 3) полностью произведена обшивка стен; 5) исполнены и другие мелкие доработки; 6) печи должны были быть переложены в скором времени [5, л. 19]. Это не вполне удовлетворило Архангельскую духовную консисторию, которая постановила выплатить Петухову вторую часть денег не полностью, а остаток отдать, когда он заглубит фундамент еще на 1 аршин, устроит печи и соберет иконостас. За выполнение этих обязательств с Петухова 11 июля 1869 г. была взята расписка [5, л. 27]. Работы были полностью закончены уже в следующем месяце (ил. 1–3), что видно из рапорта священника Василия Дьячкова от 27 августа 1869 г. [5, л. 33].

О дальнейшей судьбе храма мы можем узнать из «Краткого исторического описания приходских церквей Архангельской епархии»: в 1872 г. с южной стороны трапезной был устроен придел в честь святых Зосимы и Савватия, освященный 15 февраля 1873 г. В этом же году приход в Пушлахте был

расформирован и присоединен к Лямецкому, но в 1888 г. был восстановлен [8, с. 39]. На 1896 г. источник дает следующую характеристику постройки: «С наружной стороны здания церковь имеет вид креста; в одной связи с нею стоит колокольня; оба здания обшиты тесом, окрашены и обнесены деревянной оградой. На средства о. Иоанна Сергиева (200 р.) в 1894 году крыша на всем здании храма, колокольне и на входном крыльце устроена новая, полы в церкви выкрашены и вообще церковь приведена в благоприличный вид. При устройстве церкви она была снабжена ризницей и утварью частью на казенные суммы и частью на средства графа Д.Н. Блудова и его супруги Антонины Дмитриевны. Но так как с 1873 по 1888 годы описываемый приход был закрыт, то приходский храм все более и более оскудевал ризницей и утварью; в настоящее время он снабжен всеми необходимыми принадлежностями богослужения и постепенно благоукрашается» [8, с. 41].

В настоящее время колокольня и крыльцо утрачены, а сама церковь сохраняется без верхов, так как в советское время в ней был устроен сельский клуб.

Церковь в *Сюзьме*, как и в Пушлахте, была перестроена из часовни в 1840-х гг., о чем свидетельствуют документы из фондов Государственного архива Архангельской области [1; 2].

О событиях, повлекших разрушение церкви в с. Сюзьме в ходе Крымской войны, хорошо известно из рапорта Архангельской духовной консистории в Святейший Синод от 7 августа 1855 г. Из него мы узнаем, что 21 июля у берегов Ненокского прихода был замечен неприятель, который потом отошел к Сюзьме и произвел семь артиллерийских выстрелов, а одно из ядер пробило северный фасад церкви [13, л. 62–63]. Из донесения министра государственных имуществ Павла Дмитриевича Киселева обер-прокурору Синода Александру Ивановичу Карасевскому от 5 сентября 1855 г. известно о последующем штурме десанта, высадившегося на сушу после обстрела. Нападение повлекло за собой разорение приходской церкви: были сломаны царские врата и украдены несколько образов, Евангелие, крест, покров и ризы. Помимо этого зафиксирован факт разорения нескольких домов. В том же донесении Киселев уведомляет Святейший Синод, что император получил доклад о произошедшем, повелел доставить необходимое в церковь и произвести ремонтные работы за казенный счет, после чего восстановить богослужение в приходе [14, л. 1].

По получении этого донесения Святейший Синод 14 сентября 1855 г. запросил от епископа Архангельского Антония отчет о состоянии церкви в Сюзьме [14, л. 2]. На основании отчета была составлена смета, и, как следует из донесения министра государственных имуществ М.Н. Муравьева-Виленского к министру финансов П.Ф. Броку от 10 мая 1857 г., работы по восстановлению храма были начаты и требовали оплаты из казны [11, л. 2]. Об окончании работ мы узнаем из отчета Архангельской палаты государственных имуществ от

28 октября 1861 г. Из казны на ремонт церкви было выделено 3703 рубля 24 копейки, деньги поступали частями в течение 1857 и 1858 гг. Проект и смета ремонта были составлены в Главном управлении путей сообщения и публичных зданий. В 1859 г. был выделен 221 рубль сверх первоначальной суммы. Восстановление производилось под надзором гражданского инженера Шварца и помощника инженера Палаты государственных имуществ Свяцкого. При ревизии работ 23 сентября 1860 г. техником из Архангельской губернской строительной и дорожной комиссии архитектором Морганом отступлений от сметы и проекта выявлено не было [10, л. 2–5].

Поскольку выявленные архивные документы свидетельствуют, что 21 июля 1855 г. церковь Святого Антония Сийского в Сюзьме была не разрушена, а повреждена, то распространенную датировку 1861 г. можно пересмотреть и отнести этот храм к 1840-м гг. Датирование 1861 г. встречается в «Кратком историческом описании приходов и церквей Архангельской епархии», там же можно узнать и о состоянии церкви на 1894 г. В источнике сказано следующее: «Вместо нея на Высочайше пожалованную сумму в 1861 г. построена нынешняя церковь во имя того же святого, значительно отремонтированная в 1892 г. <...> Церковь зданием деревянная, прочная крыта железом, одноглавая и однопрестольная» [7, с. 217].

Как уже было сказано, боевые маневры на северном театре военных действий в 1853–1856 гг. сыграли важную роль в истории Беломорья. Считается, что основной целью Великобритании и ее союзников в этом конфликте было ослабление экономического потенциала России путем нарушения ее морской торговли в данном регионе, блокады портов, разрушения береговой инфраструктуры, уничтожения торгового флота. При удачных обстоятельствах союзники также рассчитывали на захват архангельского порта. Огнем неприятеля были уничтожены не только деревенские дома и хозяйственные постройки, но и шедевры деревянного зодчества, например Воскресенский собор в Коле [15, с. 34].

За две навигации 1854–1855 гг. союзная эскадра не смогла достигнуть своей главной цели – захвата Архангельска. Тем не менее, англо-французским кораблям удалось причинить немалый экономический ущерб Беломорью, разоряя прибрежные поселения и захватывая каботажные суда. Удачная для русских оборона Соловецкой крепости явилась ярким эпизодом Крымской войны, в целом закончившейся для России поражением [15, с. 44].

Как видно из приведенных выше архивных документов, государство довольно активно участвовало в судьбе пострадавшего региона, что ярче всего выражается в выделении средств на постройку новых церквей взамен утраченных под огнем союзной эскадры. Однако стоит отметить, что, несмотря на активные правительственные действия, процессы восстановления не всегда укладывались в установленные сроки и шли четко по утвержденному пла-

ну. Довольно ярким примером такого затянувшегося проекта служит процесс восстановления Пятницкой церкви в селении Пушлахта, реализация которого с учетом всех перестроек заняла около 15 лет. Существовали и не столь длительные проекты, однако назвать таковым ремонт северного фасада церкви в Сюзьме, продолжавшийся около пяти лет, довольно сложно.

Список литературы

1. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 14. Оп. 1. Д. 237.
2. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 33.
3. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 35.
4. ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 118.
5. ГААО. Ф. 29. Оп. 4, т. 3. Д. 352.
6. *Давыдов Р.А., Попов Г.П.* Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. Екатеринбург, 2005.
7. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 1. Архангельск, 1894.
8. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 3. Архангельск, 1896.
9. РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 2571.
10. РГИА. Ф. 383. Оп. 24. Д. 38250.
11. РГИА. Ф. 565. Оп. 13. Д. 711.
12. РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 545.
13. РГИА. Ф. 797. Оп. 24, отд. 2, ст. 1. Д. 4.
14. РГИА. Ф. 797. Оп. 25, отд. 2, ст. 2. Д. 17.
15. *Фруменков Г.Г.* Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX веках. Архангельск, 1963.

Реставрация и исследование иконы «Пророк Аггей» из пророческого ряда иконостаса Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря

Икона «Пророк Аггей» [1] (в записи «Пророк Малахия») (ил. 1) поступила в Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (КП-633. Инв. 293-1 ГК 8442171) 16 ноября 1968 г. из с. Коровино Плесецкого района Архангельской области из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря. Несколько памятников (среди которых упомянутая выше икона), происходивших из этой церкви и сохранных местными жителями, были обнаружены и вывезены сотрудниками музея во время поездки на Кенозеро. Всего из экспедиции было привезено 12 икон, среди которых, по мнению Т.Н. Нечаевой, «наиболее полным является комплекс из шести образов пророков, которые составляли пророческий ряд иконостаса: “Пророк Михей” (КП-632), “Пророк Малахия” (КП-633), “Пророк Илия” (КП-635), “Пророк Иеремия” (КП-636), “Пророк Фаддей” (так в надписи на иконе!) (КП-637), “Пророк Иона” (КП-638) [2, с. 163]. Более подробно полный комплекс памятников, привезенных из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря, описан в публикациях сотрудников музея Т.Н. Нечаевой [2] и Л.М. Евсевой [1].

В реставрационную мастерскую икона «Пророк Аггей» поступила из фонда № 3 сектора станковой и монументальной живописи музея им. Андрея Рублева в 2017 г. для проведения исследований и приведения ее в экспозиционное состояние. Размер иконы: 52,0 × 34,0 см. Материал, техника: дерево, левкас, темпера.

При поступлении в реставрационную мастерскую икона пребывала в аварийном состоянии и нуждалась в проведении консервационных работ. Вся поверхность иконы находилась под сплошным слоем записи XIX в. На исследуемом памятнике присутствовали ранее выполненные реставрационные пробы на удаление плотного слоя записи. В левом верхнем углу раскрыт фрагмент живописи размером 2,5 × 5,3 см. На открытом участке видна часть надписи и хорошо сохранившийся темный сине-зеленый фон. Также от записи раскрыт небольшой участок размером 2,0 × 3,5 см на изображении руки святого. В контрольных участках просматривается сильно потертый фрагмент авторской живописи. По результатам данных проб и первичного визуального осмотра памятника трудно было составить полную картину о сохранности

нижележащего авторского слоя, поскольку на одной из проб просматривалась очень плохая сохранный первоначальной живописи. Икона нуждалась в укреплении левкаса и красочного слоя, проведении полного комплекса реставрационных работ и более подробном исследовании всех слоев живописи.

Основа иконы состоит из одной цельной доски хвойной породы. Шпонки – встречные, врезные, не сквозные. Икона была опилена по правой и левой боковым сторонам. На обороте присутствуют две надписи: одна из них – «АРОНЪ» – выполнена белой краской, надпись изображена вверх ногами и относится предположительно к промежуточному этапу поновлений. Вторая надпись – «АГЕИ» – процарапана вдоль волокон древесины и располагается в левой части тыльной стороны и относится к первоначальному авторскому слою живописи.

При первичном визуальном осмотре памятника паволока в местах утрат левкаса с красочным слоем не обнаружена.

Авторский левкас – плотный, неравномерный, сероватого оттенка. Имелись небольшие утраты левкаса с красочным слоем по всей поверхности иконы. Также просматривались вставки поновительского левкаса в верхней и нижней частях иконы, а также значительная вставка по границе с правой боковой стороной. Поновительский левкас тонкий, рыхлый, серо-охристого оттенка.

Красочный слой (запись) – желтковая темпера, фон – листовое золото. Обнаружены небольшие потертости и царапины красочного слоя, преимущественно на изображении фигуры святого.

Покровный слой (поновительский) – неравномерный. Он значительно потемнел, имел сгустки и сгрибленности на изображении фона. Общее пылевое загрязнение, а также многочисленные потертости и мелкие утраты покровного слоя наблюдались по всей поверхности.

Перед началом проведения консервационных работ была выполнена проба на определение наполнителя в левкасе на участках авторской живописи и на предполагаемых участках поновительских вставок. Результат проб показал наличие мела в качестве наполнителя в левкасе на участках авторской живописи и смешанный наполнитель в местах поновительских вставок.

В первую очередь на иконе «Пророк Аггей» были выполнены основные консервационные работы: укреплен левкас с красочным слоем, удалена старая деструктурированная пенька из трещины по стыку досок основы с оборота. Трещина восполнена. Удалены поверхностные загрязнения с оборота, торцов и боковых сторон, подклеен отщеп древесины на правой боковой стороне.

После проведения консервационных работ выполнено послойное пробное раскрытие на удаление потемневшего покрытия и разновременных слоев записей. В процессе выполнения проб выявлено три слоя прописи на фоне и последний сплошной слой записи XIX в. Все работы по удалению записей

проводились под бинокулярным микроскопом МБС-10 при 8-кратном увеличении. Расширенным Реставрационным советом было принято решение о проведении рентгенографирования памятника для определения состояния авторской живописи (ил. 2).

В результате проведенного исследования выявлена удовлетворительная сохранность произведения. На рентгенограмме четко читались: рука со свитком, надписи на фоне и частично сохранившиеся фрагменты одежд, но это давало не полную картину состояния авторской живописи, т. к. лик на снимке не прочитывался. Также была обнаружена авторская паволока, лежащая не по всей поверхности основы, а фрагментарно, отдельными неровными кусками.

После проведения данного исследования было принято решение о выполнении дополнительных микропроб на личном и на изображении одежд святого для более детального определения состояния сохранности авторской живописи. Результат выполненных микропроб оказался положительным, после чего Реставрационный совет дал задание на одновременное удаление записи, кроме участков с изображением надписей. На этих участках удаление поновительского слоя осуществлялось послойно. В результате были обнаружены промежуточные слои надписей. На поновительском слое записи XIX в. читалась надпись: «ПРОРОК МАЛАХИЯ». После удаления записи открылся сильно потертый фрагмент с надписью, выполненной белой краской: «С АРОНЪ», что соответствует одной из надписей на обороте иконы. Из этого можно сделать вывод, что на иконе присутствовал промежуточный этап поновления, не дошедший до нас из-за выравнивания поверхности живописи перед последним этапом поновления в XIX столетии.

После полного удаления всех слоев записей с вышеописанных участков открылась авторская надпись: «ПРОРОК АГГЕЙ». При этом на иконе обнаружили большие вставки по верхнему и нижнему полям, где предположительно сначала был ковчег, впоследствии стесанный под поновительскую живопись, а также большая вставка в левой части иконы. Многочисленные утраты и потертости красочного слоя по всей поверхности иконы говорят о том, что икону перед поновлением неоднократно промывали и спемзовывали. В процессе удаления остатков записей с потертостей и утрат красочного слоя Реставрационным советом было принято решение об уточнении границ вставок на верхнем и нижнем полях и удалении поновительских вставок до первоначальной границы ковчега и полей.

В ходе работы обнаружена еще одна вставка поновительского левкаса на нижнем поле, отличающаяся от остальных вставок более жесткой структурой и цветом. На этой вставке был открыт небольшой фрагмент живописи (вероятно, часть одежд), относящийся к вышеупомянутому промежуточному этапу поновлений, когда была выполнена надпись: «С АРОНЪ».

В процессе выравнивания границ вставок обнаружена граница авторской лужи и полей, что полностью подтверждает тот факт, что первоначально основа имела ковчег и поля, стесанные и спиленные перед последним поновлением живописи в процессе смены иконостаса. Как замечает Т.Н. Нечаева: «Анализируя характер записей, их несколько слоев, можно сделать вывод о том, что столь кардинальные изменения произошли при переделке иконостаса именно в 1868 году. До этого времени, в нижележащих слоях живописи, нет композиционных изменений» [2, с. 164].

Икона «Пророк Малахия» (в записи «Пророк Иеремия») (КП-636. Инв. 294-1 ГК 8442185) из пророческого ряда Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря, раскрытая от поздних слоев записей художником-реставратором станковой темперной живописи М.В. Казновым, по датировке, стилистическим особенностям и цветовому решению относится к одному ряду памятников с исследуемой иконой. На иконе Малахии мы видим сохранившийся ковчег и поля, за исключением левого края, также опиленного во время смены иконостаса, что подтверждает наличие полей и ковчега на иконе «Пророк Аггей» в первоначальном варианте.

После полного удаления остатков записей и уточнения границ вставок был подведен реставрационный левкас в местах утрат левкаса с красочным слоем (ил. 3).

Особую сложность вызвало создание целостности образа пророка на стадии тонировок, поскольку на отдельных участках нельзя было точно определить границы изображения. Реставрационным советом было принято решение отказаться от реконструкции утраченных участков и выполнить тонировки тоном без уточнения границ изображения. При выполнении тонировок на иконе «Пророк Аггей» за образец бралась ранее упомянутая икона «Пророк Малахия», относящаяся к одному ряду. Этот памятник имеет лучшую сохранность, чем представленная икона (ил. 4).

В процессе изучения памятников этого комплекса было отмечено, что на некоторых иконах (в том числе на исследуемой) на одной из боковых сторон прорезаны пазы прямоугольной формы, а на других иконах находятся выступающие части деревянного крепежа. Вероятнее всего, в 1868 г. в процессе перестроения иконостаса иконы, изначально выполненные как отдельные образы, соединили в единый щит. После этого поверхность записали, предварительно «промыв» нижележащий красочный слой для лучшего сцепления красок. На соединенной основе писалась новая парная композиция из двух святых, о чем свидетельствует фрагмент одежд другого пророка в правой нижней части иконы «Пророк Аггей» (см. ил. 1).

Впоследствии было обнаружено, что икона в записи XIX в. «Пророк Моисей» (КП-632. Инв. 477-1 ГК 8442155) является парной иконой к исследуемому памятнику, поскольку крепеж боковых сторон при соединении двух обра-

зов полностью совпадает, образуя единую основу (ил. 5). Также недостающий фрагмент одежд в левой части основы на иконе «Пророк Моисей» совпадает с участком изображения парного образа «Пророк Аггей».

После проведения полного комплекса реставрационных мероприятий и исследований на изучаемой иконе и ряде других памятников этого комплекса появилась возможность более тщательно изучить открывшиеся древние образы и выполнить более точную атрибуцию каждого отреставрированного памятника Спасо-Преображенского иконостаса.

В результате проведенных реставрационных работ была открыта и приведена в экспозиционное состояние авторская живопись XVI в., благодаря которой мы можем более цельно увидеть и подробнее изучить комплекс икон Пахомиева Кенского монастыря.

Список литературы

1. *Евсеева Л.М.* Вновь раскрытые иконы из иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Женского монастыря // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 72–79.

2. *Нечаева Т.Н.* Иконы из Пахомиева Женского монастыря: к атрибуции поздней записи // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 163–167.

*Д.С. Ермолин
(г. Санкт-Петербург),
И.А. Мельников
(г. Великий Новгород)*

Сакральная повседневность: Книга и икона в пространстве традиционной культуры Кенозерья (предварительные наблюдения)¹

В августе 2019 г. стартовал новый совместный проект Кенозерского национального парка и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН при участии сотрудников Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого по изучению и осмыслению уникального историко-культурного ландшафта Кенозерья.

Стоит подчеркнуть, что данная статья ни в коем случае не претендует на полноту: она написана участниками экспедиции «по свежим следам», практически сразу по возвращении из «поля». Именно поэтому в ней лишь пунктирно обозначены проблематика и основные исследовательские вопросы, решению которых, смеем надеяться, будет посвящена работа в ближайшее время.

Основной целью проекта является выявление и изучение особенностей бытования церковной книги и, шире, сакральных текстов в повседневной культуре кенозер. В своей работе мы опирались на анализ следов бытования церковной книги и книжной традиции на фоне предметов личного благочестия (на примере музейных коллекций Кенозерского национального парка), а также привлекали результаты полевой работы среди населения деревень, расположенных в его границах, для изучения практик сакральной повседневности в советский и постсоветский периоды. Особенное внимание уделялось исследованию пространства часовни и процессов его ресакрализации в конце XX – начале XXI в.

Таким образом, нашими основными источниками являются:

– старопечатные и дореволюционные церковные издания, рукописные книги XVII–XX вв., рукописные тексты заговоров, святые письма и т. д., хранящиеся в музейном фонде Кенозерского национального парка², часовнях и частных собраниях;

– тексты бесед с информантами (д. Вершинино, Шишкина, Погост, Карпова, Тырышкино, Косицына, Зехнова, пос. Усть-Поча);

© Ермолин Д.С., Мельников И.А., 2019

¹ Мнение издателя не по всем позициям совпадает с мнением авторов статьи.

² Основную характеристику книжного собрания Кенозерского национального парка см.: [10].

– меднолитые и писанные иконы, хранящиеся в музейном фонде парка, часовнях и частных собраниях, которые позволяют сделать некоторые выводы о культурном фоне повседневной жизни кенозер в недавнем прошлом.

Для начала стоит сказать, что изучение книжной культуры предполагает несколько ключевых подходов. С одной стороны, оно включает археографический аспект, предложенный научными школами В.И. Малышева, И.В. Поздеевой, Н.Н. Покровского, Р.Г. Пихоя. С другой стороны, рассмотрение книги и текста как элементов сюжета народной мифологии и как сакрального объекта, оказывающего важное влияние на формирование религиозности, раскрывается в фольклористическом (научная школа А.Б. Мороза) и антропологическом (см. работы Е.А. Мельниковой, А.Л. Львова) аспектах. В своей работе мы стремились с разной степенью детализации соединить упомянутые подходы при изучении книжной культуры Кенозерья.

Территория Кенозерья находится в непосредственной близости от места расположения бывшего крупнейшего центра старообрядчества поморского согласия – Выговской пустыни. Этот факт на протяжении долгого времени играл ключевую роль в формировании как социальных и духовных основ мировоззрения населения региона [5, с. 55–56; 8, с. 134–135; 11, с. 353–358], так и эстетических (а возможно, и церковно-канонических) предпочтений и вкусов при строительстве и оформлении часовен [4, с. 74–77].

Кроме этого, большое количество меднолитой пластики – производства медниц Выговской обители и «скитских» копий-переливков, уступающих по качеству проработки выговским оригиналам – как в музейном собрании национального парка (КНП КП-1110, КНП КП-75, КНП КП-308, КНП КП-3067 и др.), так и среди выявленных нами семейных реликвий (д. Косицына, Рыжково, Погост и др.) говорит о когда-то значительном спросе населения на подобные предметы личного благочестия (ил. 1).

Важно также помнить, что по территории Кенозерья пролегал путь из Выгореции к Чаженскому старообрядческому скиту (в этой местности монастырь брал в аренду обширные надельные участки под пахоту и покосы), настоятелем которого в 1759–1772 гг. являлся иконописец Поликарп Яковлев(ич) [12, с. 280].

На Северо-Западе России старообрядческое прошлое серьезным образом повлияло на бытование книги и отношение к ней в крестьянской среде. Сама книга, содержащая религиозные тексты, наделяется сакральным статусом и рассматривается в качестве святыни. Не является исключением и историко-культурный регион Кенозерья, где церковные книги передавались по наследству и являлись важной частью культурной памяти кенозер. В частности, в ходе полевой работы нами были выявлены книги XIX – начала XX в. религиозного содержания в д. Вершинино, Тырышкино и др. По словам их владельцев, в настоящее время этим книгам придается статус семейной реликвии. Среди них заметно присутствие книг синодальной печати, попадавших в свое

время в крестьянскую среду в качестве подарка за примерное обучение в церковно-приходских и земских школах (об этом свидетельствуют соответствующие записи на форзацах и пр. листах книг).

Еще одной особенностью бытования книги в крестьянской среде, вероятно, связанной со старообрядческой традицией (и ранее – древнерусской), является практика оставления владельческих записей. Следует сказать, что в старообрядческой среде культура владельческих записей сохраняется и в наши дни, в то время как в официальной православной церкви данный феномен был практически утрачен, встречаясь в XVIII–XIX вв. лишь в пределах монастырских книжных собраний. Мы предполагаем, что в крестьянской среде, испытывавшей влияние старообрядческой традиции, данная практика могла сохраняться дольше. Так, например, на полях Месяцеслова (КНП КП-3065) мы находим пример владельческой записи XIX в.: «Сия книга крестьянина / деревни Бухалова / Ивана Кондратева / Томилова собствена его» (л. 166).

Как представляется, мотивировка данной записи была призвана не только обозначить, что книга является собственностью крестьянина Ивана Томилова (а не церковной), но и продемонстрировать грамотность (умение читать и писать) указанного лица.

Можно сделать осторожный вывод о том, что развитие народного образования в конце XIX – начале XX в. оказывало сильное влияние на распространение книжности в сельской среде и явилось серьезной альтернативой традиционным старообрядческим институтам трансляции религиозных текстов (посредством начетчиков и грамотных крестьян), сохранив при этом почтительное отношение к книге.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на социокультурные изменения XX в. и археографическую работу академических и искусствоведческих экспедиций [2; 6], старообрядческие издания до сих пор бытуют в культурном ландшафте Кенозерья. Речь идет не только о музеефицированной форме (в качестве единиц хранения музейного фонда), но и о бытовании в повседневной жизни деревни.

В ходе полевой работы нами было выявлено старообрядческое издание книги «Псалтырь» (Почаевская типография (?), рубеж XVIII и XIX вв., экз. дефектный), принесенное местными жителями в Никольскую часовню (пос. Усть-Поча) после ее реставрации и адаптации в качестве сакрального локуса деревни.

Процесс возрождения часовен, который можно назвать своеобразной ресакрализацией (возвращением сакрального статуса объекту), приводит к тому, что конкретный локус сельского ландшафта аккумулирует в себе предметы личного благочестия, в том числе вышедшие из повседневного употребления, но не подлежащие уничтожению либо продаже в силу их сакрального

статуса. Так, в часовнях пос. Усть-Почи, д. Рыжково, церкви д. Погост, наряду с ветхими церковными изданиями, вероятно, непосредственно не используемыми в культовых практиках, нами также выявлены принесенные местными жителями иконные доски, утратившие лики и живописный слой, и предметы старообрядческой меднолитой пластики, поминальные записки.

Отдельно стоит сказать, что в традиционной сельской среде, ориентированной на авторитет сакрального текста, самому обладанию им приписывается важное духовное значение. Так, ношение написанной на бумаге молитвы приравнивается к ее прочтению и само по себе может служить защитой от нечистых духов и различных неприятностей [9, с. 268–273]. Подобное отношение к слову попадает, в том числе, и в тексты заговорных и народных молитвенных формул. В одной из молитв (см. Приложение 1), переданных информантом изустно в д. Шишкино, большая значимость текста подчеркивается следующими словами: «Есть у меня три листа, три написанья, три написанья, напечатанья. Первый лист – сам Иисус Христос. Второй лист – Никита-архипист. Третий лист – сама матушка Пресвятая Богородица» (инф. 1940 г.р., д. Шишкино, зап. 16.08.2019)³.

Широкое бытование заговоров и народных молитв в устной традиции с распространением грамотности и доступностью канцелярских принадлежностей приводит к массовой практике их записи на бумаге в XX в. Наиболее распространенный и авторитетный текст «Сон Богородицы» встречен нами в устной и рукописной форме в д. Горы и Погост (ил. 2). О существовании этого текста знают практически все информанты и в прочих обследованных деревнях, в том числе те, кто ни разу с ним лично не сталкивался. Нельзя не отметить довольно широкую практику записи заговоров и народных молитв (так называемых «слов») в отдельные тетрадки, с которых делаются многочисленные списки, что способствует не только бытованию, но и распространению текстов (см., например, КНП КП-2062). Переписывание и распространение подобного рода текстов считается богоугодным делом: «Это все дается от всего сердца» (инф. 1954 г.р., д. Погост, зап. 13.08.2019).

Нами были получены сведения, что бытование «слов» и святых писем в Кенозерье часто выходит за пределы сферы личного благочестия, попадая в коллективную околоцерковную обрядность. Отсутствие надзора со стороны представителей официальных церковных институтов, а также упомянутый нами ранее фактор влияния старообрядчества, приводит к частичной замене церковных обрядов и таинств вернакулярными ритуальными практиками.

³ Здесь и далее использованы полевые материалы авторов, записанные от жителей Кенозерья в д. Вершинино, Шишкино, Погост, Карпова, Тырышкино, Косицына, Зехнова, пос. Усть-Поче в августе 2019 г.

Так, широко распространенной в Кенозерье является традиция «купания» ребенка, которое может повторяться с момента рождения до нескольких месяцев и года. В обряде используется меднолитая старообрядческая икона (как правило, малого формата – так называемая вершковая), которую кладут в ванночку или таз для купания младенца. Сам обряд производят близкие родственники (мать или бабушка) младенца, однако со слов некоторых информантов, ранее эти действия могли производиться повитухами и наиболее «грамотными» и «знающими» «бабками»: «Раньше повитухито мыли-то <...> И это считается как крещение» (инф. 1954 г.р., д. Погост, зап. 13.08.2019). При совершении купания произносится текст соответствующей случаю народной молитвы (см. Приложение 2). Обряд проводился в советские годы над большинством информантов, некоторые из них производят его сами над своими детьми и внуками и в настоящее время. Не вызывает сомнения тот факт, что само действие носит охранительный характер, однако статус «купания» определен недостаточно, и во многом он заменяет или дополняет церковное крещение. Стоит отметить, что ныне такое крещение отвергается официальной церковью.

Народные практики ярко проявляют себя и в погребально-поминальной обрядности. Широко распространена традиция каждения покойного специальной кадильницей, также отсылающая к старообрядческому прошлому региона: каждение специальным типом кадила на ручке, называемого кацейей, широко распространено в старообрядческой среде донныне (ил. 3). Текстуальное оформление поминальной обрядности представлено чтением заупокойных молитв, в том числе панихиды так называемым мирянским чином. Ксерокопия списка одной из таких молитв была выявлена в часовне пос. Усть-Почи. В часовнях д. Рыжково, пос. Усть-Почи и церкви д. Погост также хранятся записки с именами покойных, отражающие распространенную поминальную традицию.

Наконец, стоит отметить, что книга и сам процесс чтения являются важной частью мемуаров о «грамотных людях» и родственниках, которые передают существовавшую в Кенозерье до середины XX в. традицию чтения религиозных текстов вслух: «У меня тетя Нюра с Першлахты <...> у ней тоже были книжки, она тоже че-то тут читала <...> приходили, че ни попросят почитать, дак она почитает» (инф. 1940 г.р., д. Шишкино, зап. 16.08.2019).

Нередко такие воспоминания отсылают к широко распространенным нарративам о «последних временах» и Библии. В подобных повествованиях «грамотный человек» пересказывает то, что он прочитал в священной книге [1, с. 135–153; 3, с. 42–44; 7, с. 280–285].

Один из информантов рассказывал: «Раньше были, конечно, знающие люди, были. Ту же эту, как? Библию-ту эту. Что написано, ведь не откуда-то,

а от старости это взято. И вот оно же все идет по Библии, как говорится, так и идет. <...> Вот, сначала говорят, будут эти, птицы огненные летать в небе. Птицы – это самолеты летают. Будут эти, трактора-то на полях пахать, железные кони будут пахать поля. <...> Там еще, как это бабка Ганя все говорила, что придет такое время, что, грит, не будут знать люди, какой скот был, и какая рыба была в озере, вот придет такое время» (инф. 1953 г.р., д. Погост, 14.08.2019).

Таким образом, характер книжной и письменной культуры свидетельствуют о заметном влиянии старообрядчества на сакральную повседневность региона, что подтверждается сохранением ряда культовых практик (каждение и крещение мирянами, значимость часовни как сакрального локуса в пространстве деревни [5, с. 52–56]), бытованием меднолитой пластики и др.

Серьезные изменения в религиозной жизни происходят во второй половине XIX столетия в связи с изменением политики официальной церкви (активизация миссионерской деятельности, развитие приходской жизни, бóльшая доступность образования для крестьян и распространение дешевой духовной литературы). В советский период значимость часовни как религиозного центра и всевозможные практики личного благочестия актуализируются в связи с отсутствием действующих приходов. Сохранившаяся дореволюционная духовная литература, а также списки церковных и народных молитв являются основной текстуальной составляющей сакральной повседневности.

Начиная с конца 1990-х гг. предпринимаются попытки возобновления приходской жизни, что приводит к проникновению в сельскую среду современной духовной литературы и массовой церковной продукции концерна «Софрино» (иконы, свечи, ладан) в личное и семейное сакральное пространство жителей Кенозерья, а также в пространство часовен. При этом народные культовые практики продолжают сохраняться, в некоторых случаях вступая в конфликт с официальными церковными институтами.

Предметы из музейного фонда Кенозерского национального парка⁴

1. КНП КП-75. Створка от складня «Праздники» без навершия, XIX в., медницы Выговского монастыря, 2 эмали, следы чистки пастой ГОИ. На обороте Голгофский крест и евангелисты с эмальями. Происходит из д. Шишкино. Поступило от Александра Михайловича Коренева.

⁴ Одной из задач нашего исследования являлась дополнительная атрибуция предметов медной пластики и церковных изданий, хранящихся в музейном собрании парка. В данном списке указываются предлагаемые авторами некоторые аспекты атрибуции в сочетании с данными, полученными из хранительской документации.

2. КНП КП-308. Складень «Деисус с предстоящими», XVIII в., медницы Выговского монастыря. Правая створка утрачена, следы обпила ушек на среднике, следы золочения, 5 эмалей, в том числе на обороте левой створки (с изображением Голгофы). Поступило от Т. Подсосновой.

3. КНП КП-1110. Крест киотный с предстоящими, кон. XVIII – XIX в. (?), медницы Выговского монастыря. 4 эмали. Следы чистки пастой ГОИ. Гладкий оборот. Происходит из д. Минина. Поступило от Алексея Григорьевича Поршнева.

4. КНП КП-2062. Лист рукописный «Сон Пресвятой Богородицы, молитва воскресная, молитва Богородице, заговор от волков». Синие чернила, XX в. Скоропись. Происходит из д. Анфаловская, запись сделана в 1960–1970-х гг. Поступило от Натальи Борисовны Башкировой. Текст написан Александрой Ивановной Макаровой (1925–2006), жительницей д. Морщининской, от матери Елизаветы Пономаревой. Лист был обнаружен за зеркалом Н.Б. Башкировой.

5. КНП КП-3065. Книга «Месяцеслов» (М.: Синодальная тип., 1877). 1/8 листа, печать в две краски, 21 строка. Поступило от Галины Григорьевны Григорьевой (г. Москва).

6. КНП КП-3067. Икона «Георгий, Власий и Антипий», XIX в., «скитское» литье по образцам Выговского монастыря. 2 эмали. Поступило от Галины Григорьевны Григорьевой (г. Москва).

Список литературы

1. *Бессонов И.А.* Русская народная эсхатология: история и современность. М., 2014.
2. *Бронникова Е.П.* Памятники Кенозерья в собрании Архангельского областного краеведческого музея // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск, 2009. С. 111–122.
3. *Грамов Д.В.* Фольклорные тексты о «ранешней» Библии // Живая старина. 2003. № 1. С. 42–44.
4. *Кольцова Т.М.* «Небеса» и иконы Кенозерья // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревянные часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 74–78.
5. *Лютикова Н.П.* Часовни в жизни северного крестьянства (по архивным материалам) // Небеса и окрестности Кенозерья. Расписные потолки, иконы, деревянные часовни и церкви, составляющие историко-культурный ландшафт Национального парка «Кенозерский». М., 2009. С. 52–57.
6. *Маркелов Г.В.* Пополнение Карельского собрания // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 29. Л., 1974. С. 353–355.
7. *Мельникова Е.А.* Книга и чтение в устных свидетельствах крестьян Северо-Запада России // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб., 2006. С. 277–289.
8. *Мелютина М.Н.* Сакральный ландшафт Кенозерья. Архангельск, 2013.
9. *Мороз А.Б.* К семантике слова «книга» в народной культуре: Книга как сакральный предмет // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии / под ред. Ж.В. Корминой, А.А. Панченко, С.А. Штыркова. СПб., 2006. С. 267–276.
10. *Седова Г.Е.* Книжные памятники Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 168–172.

11. *Старицын А.Н.* Участие кенозер в староверческом движении начала XVIII века // Кенозерские чтения – 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек». Архангельск, 2016. С. 353–359.

12. *Юхименко Е.М.* Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. 1. М., 2002.

Приложение 1

[Молитва (инф. 1940 г.р., д. Шишкино, зап. 16.08.2019)]

Ангел мой, пойдем со мной, ты впереди, а я за тобой. Никола угодник, Господь на пути, Пресвятая Богородица, на помощь приди. Ангел мой, хранитель мой, храни душу мою, храни сердце мое. Враг лихой, отшатись от меня. Есть у меня три листа, три написанные, три написанные, напечатанные. Первый лист – сам Иисус Христос, второй лист – Никита архипист, третий лист – сама матушка Пресвятая Богородица, сына родила, крестом городила, сама со Христом, а сына со крестом, со ангелами, со архангелами, со хранителями, со спасителями, так же рабу Божью <имярек> на всю ночь темную, со ангелами, со архангелами, со хранителями, со спасителями.

Приложение 2

[«Слово» на купание младенца // Рукописный сборник «слов», кон. XX в., д. Погост]

Матушка Соломония света истинного Христа мыла, парила, раба Божьего <имярек> в водушки оставила, на сон, на рост, на великую Божью милость. С гогиля вода, с младенца тягота, ребеночек растучий. Водушка к низу, ребеночек к верху. Не бойся, младенец, ни стужи, ни грому, ни воды, ни людского оговору. Аминь.

Во имя Отца, и Сына, и Свята Духа. Аминь.

«Узелковое письмо» локальной идентичности. К вопросу о современных формах сохранения и презентации местным сообществом исторической и этнокультурной информации

Методологическим основанием данной статьи, написанной по результатам многолетнего полевого этнокультурного обследования Пинежского района Архангельской области, послужила концепция культурного ландшафта (КЛ), согласно которой отдельные его компоненты – *природная среда обитания, сообщество людей, хозяйственная деятельность, селитьба* (способ пространственного вписывания социума в природный ландшафт), *язык, культура* (верования, ритуальные практики, разнообразные формы народного искусства) – взаимоувязаны, взаимоопределяемы и представляют собой целостный комплекс [9]. Его системообразующим звеном является сообщество людей: именно оно создает/осваивает и поддерживает КЛ, архивирует информацию о нем посредством разнообразных вербальных и паравербальных каналов, главнейшими из которых являются культура и язык, а также межпоколенно транслирует ее во времени и пространстве.

Являясь по сути дела антропологической, предлагаемая модель КЛ, позволяет изучать его с эмической (внутренней) точки зрения. Таким образом, проблема идентичности оказывается органичной составной частью концепции КЛ [1].

Терминологический тезаурус исследования. «Идентичность, как это обычно определяется в словарях, есть представление индивида или группы о себе (Я и Мы) как о чем-то целостном и самоидентичном, противопоставленном другому индивиду или группе. Это представление может быть соотносено с определенными категориями (социальным статусом/ролью, полом, возрастом, профессией и т. д.) [16, с. 27–28]. «Идентификация есть способ и форма самоосвоения через сопоставление “своего” и “чужого” и отождествление со “своим” и “чужим”, где следует выделять следующие три важнейшие ступени: 1) самопонимание (ответ на вопрос: “Кто я такой и каковы мои отношения с миром? На кого я похож и чем отличаюсь от «чужих»?); 2) обнаружение основ для самоуважения и уважения со стороны других (ответ на вопрос: “За что меня можно уважать?”); 3) поиски средств сохранения или изменения идентичности и защиты ее от “чужого” мира, от насильственного изменения идентичности (ответ на вопрос: “Как нам сохранить свое “лицо” и уважение со стороны других?”)» [17, с. 4–5].

Итак, этнокультурная идентичность – результат самоидентификации, в ходе которой группа людей осознает свое единство и причастность к определенной этнокультурной среде, отличающейся от *другой (соседней, чужой)*. Неизбежное следствие этого процесса – формирование общего фонда знаний, поведенческих практик, аксиологических ориентиров и представлений о мире. Последние складываются в *картину* мира, которая выступает в роли универсального алгоритма, когнитивной матрицы, посредством которой реальные культурные ландшафты преобразуются членами сообщества в художественные миры разнообразных типов культурных текстов [10].

Вышесказанное означает, что процесс самоидентификации является не только осознанным, но и регулируемым, что допускает возможность коррекции и переформатирования этнокультурной групповой идентичности разных уровней самоорганизации сообществ. Какой же из них следует считать *локальным*?

В отечественной фольклористике ареальное изучение традиционной фольклорной культуры в значительной мере тормозится неразработанностью исследовательского инструментария, способного отразить сложную таксономию структурированности этноса, в результате чего термины «общерусский», «региональный», «локальный» перестают безукоризненно выполнять функции операционных исследовательских категорий. Неизбежное следствие такого положения – существенные расхождения исследователей как в интерпретации терминов, так и в приложении их к конкретному материалу. К примеру, термином «регион» может обозначаться группа селений и крупные территориальные образования, включающие в свой состав ряд административно-политических областей (северно-русский, южно-русский, уральский, поволжский, сибирский регионы). Не лучше обстоит дело и с термином «локальный».

Сложившаяся ситуация – результат того, что в течение многих лет фольклористы описывали и изучали фольклорные диалекты преимущественно с внешних позиций, игнорируя внутренний взгляд на них самих носителей. Между тем подобный опыт с успехом применяется в ряде смежных научных дисциплин. Например, диалектологи используют более разветвленный категориальный аппарат: «язык», «наречие», «диалект», «говор», «идиолект». А этнокультурное районирование России специалистами в области этнологии и культурной географии и вовсе опирается на идею сложной таксономической стратификации этноса, в буквальном смысле подслушанную в народе в форме коллективных прозвищ и созданных на их основе присловий, анекдотов, преданий и песен (не случайно Д.К. Зеленин назвал их «голосом народа о самом себе и соседях» [7, с. 61]).

В качестве иллюстрации к сказанному приведем таблицу именовании (катойконимов и прозвищ), закрепленных за одним человеком, соотнеся их

с типами социумов, членом которых он себя осознает, и типами селитебных ареалов их употребления.

**Ономастикон членов семьи Галашевых
(д. Большое Кротово Пинежского р-на Архангельской обл.)**

Тип этнических сообществ	Пространственно-селенческая единица культурного ландшафта	Номинация
Локальная ¹ группа	Бассейн р. Пинеги	Пинежане, <i>икотники</i>
Сублокальная группа	Часть бассейна р. Пинеги	Верховцы/низовцы
Межселенческая группа	Селенческий кусть по р. Покшеньге (притоку Пинеги)	Покшона
Селенческая группа (сельская община)	Деревня Большое Кротово	Кротовцы, <i>кроты</i>
Субселенческая группа (род)	Околок Подгорье (д. Большое Кротово)	Горошана, <i>вороватьё</i>
Семейная группа (семья)	Двор	<i>Зубаны</i>

Из приведенного примера следует, что любой житель бассейна р. Пинеги осознает себя одновременно включенным по принципу матрешки в разные типы этносообществ. Соответственно в разномасштабных территориальных, селитебных и социумных проекциях актуализируются одни именованья и стоящие за ними культурные смыслы и дезактуализируются, становятся нерелевантными другие. В итоге мелкомасштабные ономастиконы у жителей пинежских деревень совпадают, а крупномасштабные (деревенские, окольчанские, родовые) различаются².

Подобным же образом еще в середине XX в. масштабно расслаивалась на Пинежье живая фольклорная традиция: с каждым социумным и пространственным таксоном связывался ее определенный срез:

– двор/семья – материнский фольклор, индивидуальные ритуальные практики и тексты (лечение, въезд в новый дом, скотоводческая магия);

¹ Термин «локальная/этнолокальная группа» регулярно используется в работах этнологов; см., например: [3; 12].

² Так, жители околков пинежской д. Шотова кроме семейно-родовых прозвищ («Раньше почти у каждой семьи было прозвище. Медведями звали на Морознице Земцовских. Они приехали из Земцово. Все по прозвищам. Это теперь по имени-отчеству. В Подгорье все Сельди (они все Ермолины). В Подгорье, Мезенцове тоже Кордумовы были, дак их почему-то Корешками звали. Чуркины – Олени: дак у них тоже охотились, дак такие длинноногие были, всегда на лыжах бегали») (д. Шотова, А.И. Кордумова, 1926 г.р.; ЛАИ), имеют деревенские ономастиконы (*драчуньы, форсуньы*), субрегиональные (*верховцы*) и региональные (*икотники*). Два последних типа прозвищ у шотогор и покшон одинаковы.

– околос/род — осенние и зимние молодежные гуляния (посидёнок, игрище);

– деревня / сельская община — свадьба, похороны, престольный праздник, коллективные календарные ритуальные практики и гуляния;

– межселенческий куст — съезжие праздники и метища.

Поскольку полнометражно перечисленные сегменты фольклорной культуры представлены на селенческом уровне³, вслед за Б.Н. Путиловым [18] категорию *локального* мы связываем с селенческим селитебным таксоном и общинным социальным стратом. В традиционном сельском обществе именно на этом уровне проявлялся общественный характер бытия северного крестьянина, вся жизнь которого протекала на виду однодеревенцев и была сориентирована на разнообразные связи с ними. Не случайно в русском паремическом фонде так много пословиц на эту тему: «Что мир порядил, то Бог рассудил», «На мир и суда нет», «С миром и беда не в убыток», «Где у мира рука, там моя голова» [5]. Принятие правовых решений сообща на общем сходе деревни было на Русском Севере обычным делом. Внутридеревенские хозяйственные связи строились на основе двух форм собственности – подворной (жилой дом, погреб, амбар, баня) и общедеревенской (колодезь, гумно, овин, пивоварня, кузница). Постройки, воздвигнутые на правах совместного владения, передавались по наследству в соответствии с долевым паем⁴.

Внутридеревенские хозяйственные связи проявлялись и в особой промысловой инфраструктуре. В условиях товарного обмена каждый двор помимо земледелия и скотоводства старался специализироваться на каком-то промысле, который давал возможность продавать или обменивать произведенное в пределах деревни: «Мой отец летом пас скота, а зимой катал валенки и плел

³ На сублокальных (окольчанском, подворном) уровнях фольклорная традиция представлена фрагментарно. Показателен в этом отношении материал, записанный от жителей глухих починок, стоявших по верховьям притоков р. Пинеги, где было всего 2-3 двора, заселенные членами одной семьи. В их репертуаре отсутствовали свадебные, хороводные и игровые песни, поскольку ситуации их обычного воспроизведения для данных поселений были не актуальны.

⁴ Из духовного завещания Д.Я. Кобылина, хранящегося в семейном архиве семьи Кобылиных (д. Большое Кротово): «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Тысяча девятьсот шестнадцатого года. Ноября первого дня. Я, нижеподписавшийся, крестьянин Архангельской губернии Пинежского уезда Никитинского волостного правления деревни Кротовой Дмитрий Яковлев Кобылин, находясь в здравом уме и твердой памяти, нашел нужным написать сие духовное завещание. После смерти моей собственное принадлежащее мне недвижимое имущество, а также как наследственное, оставленное мне после смерти отца моего Якова Никитина Кобылина в полное мое владение как наследственное, я оставляю в полное неотъемлемое владение жены моей Акиньи Федотовой Кобылиной и сыну моему Афанасию. Недвижимое имущество заключается в следующем: 1) дом деревянный одноэтажный при деревне Кротовой, 2) принадлежащие к дому

лапти. И заготовлял для промартели дуб (дубильное вещество). А Павловы родители занимались охотой и рыбной ловлей: глухарей, рябчиков впрок сушили. И лося забьют, засаливали мясо. Сдавали пушнину. Товарообмен: мне валенки делали – я рыбу. К празднику все шли к рыбаку, кто молоком, сметаной, лаптями расплачивался: фунтик рыбки – два фунтика мучки» (д. Малое Кротово, А.А. Ермолина, 1926 г.р.; ЛАИ). «Ремесло было у всех. Была специализация: не каждый все, а кто что. У каждого свое направление было: один – валеночник, другой – сапожник, третий – промысловик. Летом он пастух, а зимой валенки выделывает, лапти плетет. У каждого зимняя и летняя специальность» (д. Малое Кротово, В.П. Ермолин, 1954 г.р.; ЛАИ).

Важным фактором интеграции деревенского сообщества была местная святыня (обычно часовня или обетный крест, реже церковь).

Традиционные способы сохранения и презентации местным сообществом исторической и этнокультурной информации. В дописьменную эпоху фольклор был основным средством архивации и трансляции исторической и этнокультурной информации. Передача осуществлялась контактным путем (из уст в уста) до тех пор, пока осознавалась ее важность для локального социума. Этим, по-видимому, был продиктован итеративный характер воспроизведения одной и той же информации в текстах разного жанрового статуса (паремийных, песенных и прозаических). К примеру, в информационном поле локального КЛ за формирование и поддержание кластеров «локальная история», «локальное сообщество», «локальные культурные герои», «локальная сакральная география» и некоторые другие отвечали предания, индивидуальные и коллективные прозвища, географические песни [6; 8]. Не случайно ареал их бытования ограничен территорией, на которой сообщаемая информация актуальна и способна адекватно считываться, ср.:

«У нас про каждого хозяина по деревне. Население менялось, и менялась песня. Те вымирали – выпадали [куплеты].

Здравствуй, Лука,
Запоем с нами песню
С конца до конца,
До Ивана-молодца.
У Ивана-то мутовка.
Почему ему мутовка?
У него жона кротовка.

постройки – амбар, баня, ½ части водочерпного колодца, который находится при доме, 3) гумно, в коем принадлежит мне четыре доли, 4) половину кузницы, при оной мех с наковальней, 5) из пяти частей в мукомольной мельнице, из коих четыре части, как моя собственность. Также оставляю моей жене и сыну: 6) все расчистки пахотных и сенокосных, оставшиеся по наследству мне и после смерти моего отца...».

У Александровича. А вот.

Здравствуй, Лука...

Снова повторяется.

Споем с нами песню
С конца до конца,
До Александра-молодца.

У Михаила еще дядя.

Михаилу-то осота.
Почему ему осота?
У его жена высока.

А потом кому-то онуча.

У его жена дремуча.

Вот так. Пусть.

Матвею-то онуча.
Почему ему онуча?
У его жена дремуча.

Дремлет дак. Кажду просмеивали так. А другому опять сушонка.

У его жена покшонка.

Вот такие типа припевок. [Соб.: А когда песни такие пели?] Вот когда. На вечерки-те соберутся. Они как припевки» (д. Малое Кротово, А.А. Ермолина, 1929 г.р.; ЛАИ).

«В пост. Тогда песен-то ведь не пели. Вот еко что-нибудь и плетем:

– Чок-челнок, где ночевал?

– У добрых людей.

– А кто в семье?

– Мужик да женка, два парня.

Или девки там. Семью! И вот отгадай, у кого там семья. [Соб.: Это, значит, нужно было хорошо знать деревню?] Да. Надь знать и отгадать. Только по своей деревне. [Соб.: А другие загадки были?] Это вот покупали опеть:

– Купи полотушку.

– Что в полотушке?

– Три молодушки.

– В чем ходя?

Дак надо отгадать. И скажо, кака у их одежа. И она отгадыват, кака» (д. Лохново, Т.Л. Арсентьева, 1909 г.р.; ЛАИ).

Угадать семью по одежде не представляло особого труда, поскольку сарафаны и рубахи бережно хранились, служили хозяевам в течение длительного времени, передавались по наследству от матери к дочери и были хорошо известны в пределах деревни.

Подобного рода тексты, описывающие наиболее приметные особенности локальных КЛ, по совокупности составляют сверхтекстовое единство⁵, которое может быть обозначено термином «локальный текст», с подачи В.Н. Топорова [19] и Ю.М. Лотмана [13] широко используемым в современном научном гуманитарном дискурсе.

Локальный текст отличается избирательностью: несущественная, с точки зрения местного социума, историческая и этнокультурная информация отсеивается, в результате чего континуальные исторические и культурные процессы описываются в фольклорных версиях как дискретные и неравноценные в аксиологическом отношении [11; 15]. Отфильтрованная информация (события, даты, лица и пр.) предстают в фольклорной культуре как своеобразные «узлы памяти», образующие аналог узелковому письму. Способность такого рода текстов выполнять этноинтегрирующую и этнодифференцирующую функции делает их высоко рейтинговыми в глазах местного сообщества, поэтому они частотно воспроизводятся и межпоколенно бережно сохраняются.

Современные формы сохранения и презентации местным сообществом исторической и этнокультурной информации. В обществе традиционного типа ценная историческая и этнокультурная информация хранилась в памяти, регулярно воспроизводилась и межпоколенно передавалась в аутентичных бытовых, игровых и ритуальных контекстах. Постепенная утрата последних, с одной стороны, и осознание необходимости сохранения культурного наследия, с другой, инициировали поиск иных (вторичных) способов ее архивации и трансмиссии – письменных, клубно-досуговых, образовательных, медийных, музейных. Все они ныне активно используются на Пинежье не только в среде профессионалов (клубных работников, библиотекарей, учителей), но и любителей, вовлекаемых в данную сферу деятельности либо в силу личного интереса к традиционной культуре, либо в связи с бурным развитием в районе эколого-культурного туризма.

Одной из наиболее динамично развивающихся в последнее десятилетие форм сохранения подобной информации должна быть признана музейная⁶,

⁵ Под сверхтекстом понимается «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [14, с. 21]. «...локальный текст — это всегда парадигма, т. е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. <...> выход из фиктивного мира художественных произведений в реальный мир конкретного географического места. <...> исследование локального текста способно предоставить сведения об истории, культуре, менталитете, поведенческих характеристиках людей, представляющих ту или иную местность. Локальный текст — это корпус «текстов о месте»» [4, с. 77].

⁶ В Пинежском районе Архангельской области в настоящее время функционирует более десятка частных и общественных этнографических и краеведческих музеев (с. Карпогоры,

которая в ситуации постоянного сокращения в районе школ, клубов и библиотек переводит сельские частные и общественные музеи, созданные по инициативе местных сообществ, в разряд культурных центров, выполняющих разнообразные функции:

– *мемориальную* – сохранение в памяти живущих поколений сведений о значимых людях и событиях прошлого (этнографический музей «Истоки» в д. Ваймуше, создатель и руководитель музея – учительница русского языка и литературы Н.А. Нетёсова);

– *информационную* – передача культурно значимой информации в пространстве и во времени⁷;

– *презентационную* – формирование имиджевых характеристик (брендов) КЛ и представление их внутреннему и внешнему миру (краеведческий музей «А у нас на Покшеньге» в д. Кобелёво, создатель и руководитель музея – бывший работник сельской администрации З.В. Щеголихина; музей Иоанна Кронштадтского и звонаря Ивана Данилова в с. Суре);

– *побудительную* – стимуляция в людях активности к познавательной, охранной, научной, творческой и иным видам деятельности («Музей для друзей» в д. Городецк, создатель и руководитель музея – директор местного ДК Е.М. Постникова);

– *идеологическую* – формирование у местного сообщества поля идентичности, ценностных ориентиров и определенных сценариев поведенческих практик.

Созданные по инициативе и при непосредственном участии местных сельских жителей на базе родовых домов, клубов, школ и библиотек, они имеют ряд особенностей в формировании фондовых коллекций, организации музейного пространства и работы с ним.

В городских этнографических музеях превращение вещей в музейные экспонаты сопровождается выведением их из аутентичных контекстов и погружением в экспозиционные, в ходе чего с неизбежностью запускается процесс переформатирования бытийных и семантических характеристик. Процесс этот охватывает все этапы музеефикации предмета: отбор на хранение, сбор сопроводительной информации о технических характеристиках и символических значениях, описание и атрибуция фондового хранения, проектирование экспозиции в пространстве музея. На каждом из них увеличивается «зазор» оптик восприятия одной и той же вещи теми, кто ею пользовался в реальной жизни, и теми, кто ее представляет в музейной экспозиции: «...экспонаты ни-

Сура, д. Нюхча, Сульца, Городецк, Веркола, Ёркино, Шардонемь, Ваймуша, Кеврола, Шотова, Кобелёво, Шотогорка, Матвера и др.).

⁷ «[Соб.: А как вообще ваша деревня была основана?] Это у нас старше Москвы. Город Кегроль. Вот вам в музее все расскажут» (д. Кеврола, Г.А. Черемный, 1941 г.р.; АКФ).

когда адекватно не воспроизводили <...> тот культурный контекст, из которого были изъяты рукой собирателя. Причина “зазора” между экспонатом и репрезентируемой им культурой заключается в самой природе связи “вещь – культура”, которая выстраивается по принципу синекдохи (часть вместо целого). Для исследователя, как, впрочем, и для посетителя музея, этнографический предмет – это всегда часть реконструируемого целого: например, пахотные орудия конкретной локальной традиции, отражая тему “обработка пахотных угодий”, не воспроизводят саму пахоту, а только указывают на нее, являясь своего рода индексами этой области культуры этноса. Остальное приходится додумывать, достраивать воображением» [2, с. 90].

В сельских музеях (ил. 1), особенно в тех, что созданы на базе родовых домов, предметы расположены на привычных местах, о назначении многих из них экскурсоводы знают не понаслышке, поскольку до сих пор используют их в домашнем обиходе.

Это дает возможность работникам музея разворачивать свою экскурсионную деятельность в интерактивном режиме [20], в форме художественного перфоманса, имитирующего традиционный уклад жизни местного этносообщества и создающего у туристов иллюзию его сохранности в наши дни (ил. 2). Такой тип музейной деятельности обыкновенно сопровождается расширением музейного пространства до границ усадьбы / деревни / придеревенских угодий. В итоге сельский музей нацеливается на представление посетителям не отдельных этнографических вещей, а целостного локального КЛ.

В ходе экскурсионного «путешествия» по нему этнокультурная информация, привязываясь к конкретным объектам (домам, амбарам, колодцам, часовням и пр.), приобретает форму локального сверттекста, в котором весомую долю составляют местные предания, легенды, прозвища, присловья, обряды и песни. Помимо них в него включаются сведения, почерпнутые из других источников – архивов, исторической и художественной литературы, интернета, устных рассказов старожилов. В итоге «экскурсионный текст» отличается от устных нарративов рядовых деревенских рассказчиков пространностью и детальностью изложения, обилием цитат, повышающих достоверный статус сообщения⁸.

⁸ Ср.: 1) «[Соб.: А как вообще ваша деревня была основана?] Это у нас старше Москвы. Город Кегроль. <...> Нынче Кегроль 380 лет, столица Пинежья здесь была» (д. Кеврола, Г.А. Черемный, 1941 г.р.; АКФ); 2) «Первое поселение в Кевроле появляется в I веке до н. э. – I век н. э. Студенты Поморского государственного университета и куратор Наталья Васильевна Андроникова нашли здесь много предметов, которые подтверждают возраст этой деревни. Наши краеведы, этнографы, изучая местный быт, предания, легенды, сказания, создали легенду, как появляется здесь Кеврола. Считается, что первое упоминание о Кевроле – это уставная грамота Святослава Ольговича. Краевед Наталья Михайловна Ильина (сельский библиотечарь) съездила в архив и сняла копию этой грамоты. Это источник,

Наряду с музейной формой, весьма успешно реанимирующей традиционные сельские КЛ, пинежане активно используют и другие – создание в интернете тематических страниц и сайтов, посвященных истории и традиционной культуре родных мест⁹, а также юбилеи старинных домов и родов, на которые, как в былые времена, съезжаются многочисленные родственники не только из окрестных деревень, но и из дальних областей (ил. 3).

Те, кто устраивает подобные праздники, обыкновенно серьезно готовятся к ним: восстанавливают родословия, собирают семейные реликвии и предметы старины. Логичным завершением этого процесса может стать создание частного музея старинного быта.

Условные сокращения

АКФ – Архив кафедры русского устного народного творчества филологического ф-та МГУ.

ЛАИ – личный архив А.А. Ивановой.

Список литературы

1. *Андреева Е.Д.* Фольклор. Культурный ландшафт. Этнокультурная идентичность // Фольклор и этнокультурная идентичность: Материалы IV межд. школы молодых фольклористов. СПб., 2014. С. 17–23.

2. *Баранов Д.А.* Музей, вещь, собиратель // Актуальные проблемы полевой фольклористики. Вып. 3. М., 2004. С. 89–94.

3. *Бернштам Т.А.* Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. СПб., 1995. С. 208–318.

4. *Баянбаева Ж.А.* Локальный текст и его функции (на примере алма-атинского локального текста) // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 77–83.

5. *Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.

который дает право говорить, что Кеврола была здесь как цельный город. Она гласит о том, что Святослав Ольгович приехал в 1137 году установить в Кевроле свою власть и обложить налогами кеврольцев, но они не соглашались, поэтому они вели бои не на жизнь, а на смерть. Несколько раз приходилось новгородцам приходиться сюда и требовать дань. На Кевролу наложили дань в три сорочка – это довольно большой объем для местного населения – три мешка пушнины (куница, белка и т. д.). И с этого времени Кеврола была присоединена к Новгородской земле, потеряла свою самостоятельность» (д. Кеврола, О.Н. Фефилова; АКФ).

⁹ «Мы – пинежане» (<https://vk.com/pinegane>), «Ваймуша: история, культура, люди» (<https://vk.com/vaymusha>), «Жизнь и история Городецка» (<https://vk.com/club99620433>), «Покшеньга: время, события, люди» (<https://vk.com/club98646046>) и др.

-
-
6. *Дранникова Н.В.* Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера: Функциональность, жанровая природа, этнопоэтика. Архангельск, 2004.
 7. *Зеленин Д.К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии (Этнографический и историко-литературный очерк) // Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. С. 59–104.
 8. *Иванова А.А., Калуцков В.Н.* Географические песни в традиционном культурном ландшафте России. М., 2006.
 9. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М., 2008.
 10. *Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
 11. *Левкиевская Е.Е.* Членение исторического времени в устной культуре восточных славян XX века // Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда. М., 2009. С. 159–178.
 12. *Логинов К.К.* Этнолокальная группа русских Водлозерья. М., 2006.
 13. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 2. Таллинн, 1992. С. 9–21.
 14. *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск, 2003.
 15. *Неклюдов С.Ю.* «Сценарные схемы» жизни и повествования // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 2. М., 2004. С. 26–36.
 16. *Никитина С.Э.* Этноконфессиональная идентичность и устная народная культура // Фольклор и этнокультурная идентичность: материалы IV Международной школы молодых фольклористов. СПб., 2014. С. 24–35.
 17. *Пивоев В.М.* Структура и функции культурной идентификации // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 4–6.
 18. *Путилов Б.Н.* Фольклор и народная культура. СПб., 1994.
 19. *Топоров В.Н.* Петербург и «петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 259–367.
 20. *Щенеткова И.А.* Театрализация музейного пространства как форма взаимодействия с посетителями: автореф. ... канд. культурологии. СПб., 2006.

Песенно-эпическая традиция реки Моши (проблема истоков былинного знания в регионе)

Песенно-эпическая традиция р. Моши (правый приток р. Онеги) редко попадает в поле зрения фольклористов. Моша в средневековых документах впервые упомянута в 1136/1137 г. в Уставной грамоте новгородского князя Святослава Ольговича, где говорится о погосте «на Волоце и Моша». Историки считают, что этот погост располагался на Мошинском озере, из которого вытекает Моша (131 км до устья). Мошинское озеро является важной точкой волока, ведущего в бассейн р. Вели, то есть в важские земли на Северную Двину. Заселение Моши славянами, скорее всего, в одинаковой мере производилось и Новгородом (р. Волхов → Ладожское озеро → р. Свирь → Онежское озеро → р. Водла и ее мелкие притоки → волок → р. Кена (левый приток р. Онеги) → р. Онега → р. Моша и Мошинское озеро), и Ростовом Великим, который, как известно, доминировал в регионе Белое озеро (Белое озеро → оз. Воже → оз. Лаче (Каргополь) → р. Онега → р. Моша). Славяне свое присутствие на Моше активно заявили в XII–XIII в., потеснив угро-финское население (легендарная чудь).

Записи былин здесь производились в 1871 г. А.Ф. Гильфердингом, который в конце своей плодотворной поездки по Олонецкой губернии 23–25 августа записал в районе Мошинского озера 15 песенно-эпических произведений (былины и исторические песни) от 6 сказителей [8]¹. Один текст был записан в середине 1870-х гг. учителем Мошинского сельского училища Александром Громовым [7]. В 1903 г., во время беломорской экспедиции известный фольклорист А.В. Марков останавливался в стоящей на железной дороге Шалакуше (Шалякуше, как пишет это географическое название собиратель), где встретился со сказителями С.Е. Гавриловым и А.Е. Стахивой – братом и сестрой. От них были получены два текста («Добрыня и Маринка» и «Илья Муромец и голи кабацкие»), опубликованные в сборнике «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» [1]. А.В. Марков записал также на фонограф начальные фрагменты былины «Добрыня и Маринка» (ныне хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН². Затем фольклористы, которым удалось зафиксировать остатки эпоса (в полупрозаическом и прозаическом виде), появились здесь лишь в 1959 г. Это

© Иванова Т.Г., 2019

¹ Далее в тексте статьи – Гф.

² Нотную и вербальную расшифровки см.: [2].

были студенты Московского государственного университета Ю.А. Новиков и С.С. Ожегова, записавшие три текста.

Фольклористика располагает 17 былинными текстами (10 сюжетов) с Моши. Мошинская традиция знает главных эпических богатырей (Илья Муромец, Добрыня Никитич), а также Хотенко и Чурилу. На Моше зафиксировано и имя Ивана Годиновича (в сюжете «Состязание коней» вместо Ивана Гостиного сына). Очевидно, что реальная картина мошинского эпоса была гораздо более широкой и многообразной.

В своей статье мы остановимся на двух проблемах: 1. Былины Моши и каргопольская и кенозерская традиции. 2. Былинная традиция Моши и влияние на нее исторических песен и баллад.

А.Ф. Гильфердинг, напомним, в былинной традиции Олонецкой губернии выделил два макрорегиона. Первый макрорегион, куда вошли Кижы, Толвуй, Шуньга, он связал с прионежской традицией. Второй макрорегион – северо-восточный – составили территории по берегам Выгозера, Водлозера, Кенозера и Моши. Указывая на недостаточное количество записанных на Моше былин, фольклорист все-таки решается высказать предположение, что мошинская (мошенская) былинная традиция близка к важской (шенкурской) эпической традиции. Имея в виду былины мошинского сказителя Николая Михайловича Швецова, А.Ф. Гильфердинг пишет: «Его былины довольно заметно отличаются от кенозерских, и как Мошенский край по природным условиям всего ближе связан с Шенкурским уездом Архангельской губернии, то можно бы предположить, что и в отношении к былевой поэзии он составляет часть шенкурской группы; но об этой последней я не имею никаких сведений, почерпнутых из личного наблюдения» [4, с. 63].

Однако предположение А.Ф. Гильфердинга не подтверждается: малочисленные шенкурские былины не содержат явных точек схождения с мошинскими старинами. В то же время мошинская эпическая традиция, на наш взгляд, имеет явные связи с каргопольской и, в противоположность мнению А.Ф. Гильфердинга, с кенозерской традициями.

Нам уже приходилось выдвигать положение о былинных метрополиях [5]. «Материнской» метрополией мы называем земли Древнего Киева (и Новгорода), где складывался русский эпос; колонизационными метрополиями – Новгород и Ростов Великий, откуда шло славянское продвижение на будущий Русский Север; региональными метрополиями – точки на Русском Севере, откуда разворачивалось освоение того или иного крупного региона; локальными метрополиями – точки, оказывающие влияние на более ограниченную территорию. Каргополь, согласно нашим иерархическим построениям, был региональной метрополией для целого ряда северно-русских регионов, связанных с ним водными путями: Каргополя, Западного Поморья (Белое море), Кенозерья и Моши.

Укажем, что самым выдающимся сказителем Моши является Николай Михайлович Швецов (65 лет) из д. Орьма. Былины Н.М. Швецова являются базовыми для исследования былинной традиции Моши. Репертуар сказителя: былины «Илья Муромец и Калин-царь», «Три поездки Ильи Муромца», «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича», «Состязание коней», «Хотен Блудович», «Чурила и Катерина», историческая песня «Кострюк», баллада «Молодец и королевна», скоморошина «Петербургская старинка» (Гф., т. 3, № 304–312).

Былины Н.М. Швецова отличаются эпической обрядностью, художественные особенности которой находят прямые параллели в кенозерской и каргопольской былинных традициях. Так, например, в старине «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (Гф., т. 3, № 306) наличествует тема панорамы Руси (см. подробнее: [6]):

Повышла, повышла, повыкатила
Наша славная матушка быстра Волга-река,
Много она рек и ручьей побралá.
Широк перевоз под Нижним городом,
Пошире-подале под Вáстрахàнью;
Долгие плеса Чижиковския,
Высокия горы Сорочинския,
Темные леса Смоленския.
Росстояньица шла она три тысячи,
А устье ровно она семьдесят дала
Во славное морё во Персидское.

(Гф., т. 3, № 306, ст. 1–11).

Обратим внимание на то, что картина строится из поздних локусов, вошедших в художественное пространство эпоса не ранее второй половины XVI в. Символом Руси в старине Н.М. Швецова становится Волга-река, образ которой был освоен эпосом только после покорения в 1552 г. Иваном Грозным Казанского ханства. Соответственно в былине Н.М. Швецова наличествуют образы «матушки быстрой Волги-реки», Нижнего Новгорода («Широк перевоз под Нижним городом»), Астрахани («Пошире-подале под Вáстрахàнью») и моря Персидского (то есть Каспийского), куда впадает Волга («Росстояньица шла она три тысячи, / А устье ровно она семьдесят дала / Во славное морё во Персидское»). Заметим, кстати, что запев Н.М. Швецова не многим ошибается в длине Волги (длина реки – 3530 км) и в разветвленности дельты (самая большая речная дельта в Европе). Как реляции Поволжья следует, вероятно, истолковать плесы Чижиковские и горы Сорочинские, иерархически менее значимые, чем топонимы, названные в начале запева. В географический ряд темы Руси не вписывается только Смо-

ленск («Темные леса Смоленские»), который, несомненно, является отражением более ранней версии темы Руси, центром которой мог быть Днепр (см. в былинне Кириши Данилова «Соловей Будимирович» – «Глубоки омоты днепровския») [3, с. 9].

Предельно близкий вариант «панорамы Руси» мы находим в кенозерском тексте «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (сказитель Иван Павлович Сивцев-Поромский):

Да повышла, повышла-повыкатила
Да широкая-та матушка быстра Волга́-река,
Да широкая-то Волга под Казань прошла,
Да пошире-подале под Вáсторокань.
Да широкий перевоз под Новым-городом,
Темные леса Смоленские,
Да тихие плесá-то Чижарицкие.
Да (до? – Т. И.) места шла ровно три тысячи,
Да рек и ручьев брала – сметы нет,
Да выпала во́ море Каспийское

(Гф., № 222, ст. 3–12; ср. также: № 228, ст. 1–15).

Тема Руси наличествует и в былинне каргопольского сказителя, известного как Калика из Красной Ляги [9]³ (сюжет «Василий Игнатъевич»; в мошинской традиции былина не зафиксирована). Однако подчеркнем, что в старине Н.М. Швецова, в отличие от былины Калики из Красной Ляги, панорама Русской земли рисуется исключительно в высоких образах. Равным образом и кенозерская традиция предлагает высокий пафос этой темы. У каргопольца Калики из Красной Ляги наряду с могучими богатырями в Киве, церковным пением в Москве-городе, славным звоном в Нове-городе возникают образы иронического плана. В каргопольский текст попадает, кстати, и низкий образ Моши-реки, что свидетельствует, с одной стороны, о крепких связях Каргополя и Моши, а с другой, об актуальности оппозиции «свой»/«чужой» для этих регионов. Впрочем, Кенозеро также в каргопольском тексте получает низкие образы:

Сладкие поцелуи новолодожанки; <...>
Широкие подолы олонецкие;
Дубяные сарафаны по Онеге по реке;
Обоссаны подолы по Моше по реке;
Рипсоватые подолы почезерочки;
Рядные сарафаны кенозерочки;
Пучеглазые молодки слобожаночки;

³ Далее в тексте статьи – Рыбн.

*Толстобрюхие молодки лексимозерочки⁴;
Малошальский поп до солдатов добр*
(Рыбн., т. 2, № 194, с. 466).

Продолжая разговор о связке Каргополь – Кенозеро – Моша, укажем на еще одно общее поэтическое место эпической традиции трех названных регионов. Характерной приметой былинных мошинских текстов Н.М. Швецова являются формульные концовки. Формула строится на упоминании имени главного героя старины и десемантизированного гидронима Дунай, превратившегося в «дудай»:

А мы ведь Добрыню в старинах поем,
Ах дудай-дудай, больше вперед не знай!
(Гф., т. 3, № 306 «Добрыня и неудавшаяся
женитьба Алеши Поповича»).

А мы ведь Хотя в старинах поем.
Ах дудай-дудай, больше вперед не знай
(Гф., т. 3, № 308 «Хотен Блудович»).

А мы ведь Чурила в старинах поем.
Ах дудай-дудай, больше вперед не знай
(Гф., т. 3, № 309 «Смерть Чурилы»).

В кенозерских былинах мы также находим варианты этой концовки: «Да диди-диди-дудай, боле вперед не знай» (Гф., т. 3, № 220, ст. 91 «Илья Муромец в Цареграде»; ср. № 223, ст. 279 «Молодость Чурилы» – сказитель И.П. Сивцев-Поромский); «Ай дидай-дидай, боле вперед знай» (Гф., 265, ст. 134 «Святогор» – И. Третьяков); «Дунай, Дунай, боле вперед не знай» (Гф., т. 3, № 235, ст. 96 «Щелкан Дудентьевич»; № 235, ст. 30 «Гришка Отрепьев» – И.Д. Калитина; ср. Гф., № 293, ст. 131–132 «Иван Годинович» – И. Андреева; ср. № 297, ст. 127 «Старина о большом быке» – С.И. Максимов; № 298, ст. 113 – А. Максимов); «Да Дунай, Дунай да Лядков боле петь не знай» (Гф., т. 3, № 261, ст. 108 «Кострюк» – сказитель И.М. Лядков (Кропачев)).

В каргопольских текстах (Калика из Красной Ляги) также наличествует конечная формула. Здесь, как и в некоторых кенозерских былинах, слово Дунай, также десемантизированное, сохранило свой фонетический облик: «Дунай, Дунай, / Боле вперед сказать не знай» (Рыбн., т. 2, № 191, ст. 146–147 «Илья

⁴ В публикации – «лексимозерочки». Полагаем, что это опечатка: типографский наборщик первого издания былин П.Н. Рыбникова букву «ш» прочитал как «си», и эта ошибка была повторена во всех других изданиях.

Муромец и Соловей-разбойник»); «Дунай, Дунай, Дунай! / Боле пить (петь. – Т. И.) вперед не знай!» (Рыбн., т. 2, № 193, ст. 230–231, контаминация «Добрыня и Змей» и «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»); «Дунай, Дунай, / Боле пить (петь. – Т. И.) вперед не знай!» (Рыбн., т. 2, № 194, «Василий Игнатьевич»).

Обратим внимание на то, что в Каргополье, на Кенозере и на Моше обнаруживаются одни и те же версии популярных сюжетов. Таковым является сюжет «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича». В Мошинском крае бытовала версия с Невежей. В д. Орюме эта версия была записана в 1871 г. от Н.М. Швецова (Гф., т. 3, № 306; полноценный поэтический текст), А. Макушкина (Гф., т. 3, № 315; полноценный поэтический текст) и в 1959 г. от А.Г. Вавиловой (Архив фольклорного кабинета Московского государственного университета (Архив ФК МГУ), 1959, п. 4, тетр. 31, № 105, л. 5189–5198; деформированный полупрозаический текст). Отъезд Добрыни в чисто поле здесь мотивирован поручением князя Владимира, данным на пиру, – вступить в поединок с Невежей, угрожающим Киеву. Невежа имеет явные мифологические черты, сближающие его со Змеем, с которым Добрыня борется на Пучай-реке: он летает, но не сам по себе, а на крылатом коне. Любопытна реплика А.Г. Вавиловой, стремящейся рационально объяснить крылатого коня: «...видно был, как ероплан построен».

Образ Невежи мы находим и в Каргополье. В каргопольской старине Калики из Красной Ляги наличествует контаминация сюжетов «Добрыня и Змей» (в версии «Добрыня и Невежа») и «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» (Рыбн., т. 2, № 193). Соответственно поединок Добрыни с Невежей описывается долго и подробно. В мошинской былине Н.М. Швецова битва с Невежей описывается очень кратко: «Стоял на заставы на крепкия, / Бился со Невежей во чистом поле, / У ево ли у Невежи крылатой конь» (Гф., т. 3, № 306, ст. 84–86). В деформированной старине А.Г. Вавиловой сцена битвы с Невежей отсутствует. О том, что поединок с противником все-таки состоялся, сказано только в эпизоде, когда Илья Муромец приезжает к Добрыне, чтобы сообщить о предстоящей свадьбе Авдотьи Микулицы (жены Добрыни): «Доехал до циста поля. Видит – шатер раскрыт лежит. Коня привязал, зашел в этот шатер, а тут Добрыня Микитиць отдыхает. Как исхитрился у этого Невежи крылья сожег да убил, победил» (Архив ФК МГУ, 1959, п. 4, тетр. 31, № 105, л. 5189–5198). Эта деталь – краткое сообщение о битве – позволяет рассматривать варианты Н.М. Швецова и А.Г. Вавиловой как своеобразную контаминацию трансформированного сюжета «Добрыня Никитич и Змей» (или «Добрыня и Невежа») и «Добрыня Никитич и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича».

Версия с Невежей зафиксирована также на Кенозере (Гф., т. 3, № 222, 228). Однако отметим, что в Кенозерье есть и варианты без образа Невежи:

здесь герой борется с Бабой-Ягой (см. № 290, 292) или же образ Невежи сливается с Бабой-Ягой (№ 228).

Еще одна черта, связывающая Каргополь, Кенозерье и Мошу, – это указание на родство героев эпоса. В мошинской былине А.Г. Вавиловой, в отличие от старины Н.М. Швецова, Добрыня является племянником Ильи Муромца. Стремление прорисовать родственные отношения былинных героев прочитываются и в кенозерской традиции. Добрыня предстает племянником Ильи Муромца (Гф., т. 3, № 290, 292 – «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича»). В Каргополье также имеется несколько текстов, где устанавливается родство «дядя – племянник» между эпическими героями, но родство это определяется фигурой князя Владимира. В каргопольской былине «Добрыня и Змей» (в версии «Добрыня и Невежа») сказителя Латышова (Рыбн., т. 2, № 200) Добрыня является племянником князя Владимира. В старине Калики из Красной Ляги «Иван Годинович» (Рыбн., т. 2, № 195) главный герой представлен как племянник Владимира. В другом варианте былины на этот же сюжет, записанном в д. Щипиново в 1961 г. от Е.Н. Ступиной (Архив ФК МГУ, 1961, т. 10, № 88), Иванушка Годинович также является племянником киевского князя.

Таким образом, связи былинных традиций Каргополья, Кенозерья и Моши прослеживаются на разных уровнях: в одинаковых версиях сюжетов (Добрыня и Невежа); в частотном установлении родства между эпическими героями (дядя Владимир и племянник Добрыня; дядя Владимир и племянник Иван Годинович; дядя Илья Муромец и племянник Добрыня Никитич); в наличии нечастой в русском эпосе темы «панорама Руси»; в наличии концовок с десемантизированным образом Дуная. Повторим еще раз: есть все основания рассматривать Каргополь как региональную метрополию для эпической традиции и Моши, и Кенозерья.

Обратимся к влиянию на былинную традицию Моши старших исторических песен и баллад.

В 1871 г. А.Ф. Гильфердинг уже считал, что былинная традиция на Моше находится в стадии затухания. Собиратель писал: «... в последней из местностей, которые я решился причислить к северо-восточной группе – на Моше, слишком мало остатков эпической поэзии, чтобы можно было судить о ее характере. Былины там, по большей части, перешли в прозаические рассказы в виде сказок, и на Моше остался только один замечательный певец былин (Швецов)» [4, с. 63]. Первые следы деформации эпической традиции сказываются во взаимопроникновении элементов исторических песен (и баллад) в былинный эпос.

Укажем, что Моше хорошо была знакома образная система «старшей» исторической песни, в частности Н.М. Швецов знал знаменитую песню о Кострюке. На позднем этапе развития эпоса историческая песня стала оказывать влияние на былинную традицию. В старине Н.М. Швецова на сюжет «Состязание коней» (Гф., т. 3, № 307; название былины «Иван Годинович») действие

переносится из эпохи князя Владимира во времена Ивана Васильевича (Грозного). При этом пространство остается былинным – Киев и Чернигов: государь князь Иван Васильевич на пиру в Киеве вызывает охотников на соревнование с ним: чей конь окажется быстрее при поездке из Киева в Чернигов.

Как и в исторической песне о Кострюке, значимым оказывается социальный акцент в былине: за князя Ивана Васильевича ставят заклад все пирующие, а за Ивана Годиновича (вместо традиционного Ивана Гостиного сына) – «две голи две кабацкия». Соответственно, выиграв состязание, даже не начав его (Бурушко Ивана Годиновича затоптал коней князя Ивана Васильевича), герой поит зеленым вином посетителей «канторы питейной», то есть голей кабацких.

Помимо явного влияния «старших» исторических песен на былинный эпос можно отметить и определенное влияние баллад на былины. В репертуаре Н.М. Швецова имеется былина «Чурила и Катерина» (Гф., т. 3, № 309) и баллада «Молодец и королевна» (Гф., т. 3, № 311). Напомним, что баллада «Молодец и королевна» на Русском Севере включается скорее в былинную традицию. В Западном Поморье ее действие прикрепляется к имени Дуная-богатыря (вместо безымянного молодца). Сюжет контаминируется с сюжетом «Дунай-сват», в результате чего биография былинного богатыря становится более полнокровной, а баллада входит в мир былинного эпоса.

На Моше взаимодействие балладной и былинной традиций происходит в рамках иной стратегии. У Н.М. Швецова герой баллады «Молодец и королевна» остается безымянным, а сам сюжет автономен. Фабула разрешается трагически: молодец, полюбивший королевскую дочь и неосторожно похваставший связью с ней, по приказу короля отправлен на казнь; королевна пытается спасти его, обещая страже золотую казну; в отличие от других версий, палачи не зарятся на золото и отрубает буйну голову герою. Королевна в этой версии кончает с собой. В балладе, таким образом, рисуется высокий образ женщины, отдающей за свою любовь жизнь (сугубо балладный образ и коллизия).

Точно такой же оказывается и Катерина – неверная жена Бермяты в былине «Чурила и Катерина» Н.М. Швецова. В былинной традиции,помним, этот образ в большинстве текстов решается в ироническом плане. Былина осуждает героиню: она погибает от руки обманутого мужа. В старине Н.М. Швецова героиня кончает собой, причем этот эпизод практически полностью совпадает с эпизодом самоубийства королевны из баллады «Молодец и королевна»:

Гф., т. 3, № 309, ст. 126–129 «Чурила и Катерина»	Гф., т. 3, № 311, ст. 52–55 «Молодец и королевна»
Брала Катерина востр булагний нож, Поставила тупым концом в сыру землю, А вострым концом в ретиво сердцо. Погинуло втапор две головушки.	Брала королевна востр булатней нож, Поставила тупым концом во сыру землю, А вострым концом в ретиво сердцо. Да погинуло втапор две головушки.

Образы королевны и Катерины в типологическом плане оказываются сходны друг с другом. В вопросе о том, что повлияло – былина на балладу или баллада на былинку – мы склонны ко второму варианту. Такое решение образа Катерины мы находим не только на Моше, но и на Кенозере (Гф., т. 3, № 224 – И.П. Сивцев-Поромский). Однако здесь зафиксирована и более популярная версия, по которой обманутый муж Бермята расправляется с женой-изменщицей (Гф., т. 3, № 242, 268).

Таким образом, определенные процессы затухания былинной традиции на Моше в 1871 г. уже наблюдаются. Тем не менее, эти процессы во времена А.Ф. Гильфердинга явно находились еще в самом начале реализации. Несмотря на малочисленность былинных записей, можно с уверенностью говорить о том, что Моша в XIX в. была прочным звеном в ряду региональных песенно-эпических традиций Русского Севера. Наше недостаточное знание мошинской традиции объясняется исключительно скудной историей собирания былин в этом крае.

Список литературы

1. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / под ред. В.Ф. Миллера при ближайшем участии Е.Н. Елеонской и А.В. Маркова. М., 1908. № 9, 23.
2. Былины: Русский музыкальный эпос / сост. Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов. М., 1981. С. 66–67, 523.
3. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. текста А.П. Евгеньевой, Б.Н. Путилова. М., 1977.
4. *Гильфердинг А.Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды // Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. / подгот. текста и коммент. А.И. Никифорова, Г.С. Виноградова. 4-е изд. Т. 1. М.; Л., 1949.
5. *Иванова Т.Г.* «Большие» и «малые» метрополии севернорусской былинной традиции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике – проблемы и перспективы: сб. науч. статей. М., 2015. С. 11–21.
6. *Иванова Т.Г.* Тема «панорама Руси» в русских былинах // Русская классика: сб. статей. СПб., 2017. С. 45–70.
7. *Майков Л.Н.* Еще былины и песни из Заонежья // Русский филологический вестник. 1885. № 1. С. 46–49.
8. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: в 3 т. / подгот. текста и коммент. А.И. Никифорова, Г.С. Виноградова. 4-е изд. М.; Л., 1951. С. 542–608. № 304–318.
9. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым: в 3 т. / под ред. Б.Н. Путилова; подгот. текста И.А. Разумовой, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1990. Т. 2. № 194.

О роли Русского Севера в освоении Сибири

После свержения татарского ига и до Петра Великого не было в судьбе России ничего более огромного и важного, чем присоединение Сибири, на просторы которой старую Русь можно было уложить несколько раз.

В. Распутин

Если посмотреть перечень названий ветров на Байкале, то мы обнаружим, что юго-западный ветер там называется *шелонник*. Но ведь Шелонь – это река в Новгородской земле. Она впадает в озеро Ильмень и юго-западный ветер, который дует с Шелони на Новгород также называется *шелонник*. Интересно, что в некоторых районах Русского Севера юго-западный ветер имеет такое же название. Но, если связь Новгорода и Русского Севера довольно очевидна, то возникает вопрос, как этот народный географический термин попал на Байкал за многие тысячи километров? Этот, казалось бы, частный вопрос имеет непосредственное отношение к теме настоящей статьи. Помимо него попробуем ответить на целый ряд вопросов. Почему Россия вошла в Сибирь с севера, точнее с Русского Севера? Почему Российское государство на первых этапах освоения Сибири опиралось прежде всего на поморов? Какие качества поморов способствовали быстрому продвижению в Сибирь?

Русский Север и Сибирь: природные и культурные сходства. Русский Север¹, а затем и Сибирь играли роль регионов, которые можно охарактеризовать как *культурные убежища*. В эти необжитые пространства из центральных районов страны устремлялся русский человек, избегая идеологического и экономического давления государства, преодолевая житейские опасности и невзгоды или просто стремясь к воле. Возможно, этот типично русский способ решения проблем стал одним из движущих факторов формирования большого государства.

В обоих регионах преобладающими по площади являются *таежные ландшафты*. Тайга – самая большая географическая зона в стране, и потому ее вполне можно назвать национальной географической зоной России.

© Калуцков В.Н., 2019

¹Русский Север как историко- и культурно-географический регион охватывает Архангельскую, Вологодскую, Мурманскую области, Республики Карелия, Коми и Ненецкий автономный округ [2].

Сибирь и Русский Север сближают не только похожие таежные ландшафты, но и другие природные условия; среди них:

- суровый климат с коротким летом и длинной зимой и постоянным риском заморозков (в северно-русском народном календаре существует только два сезона – зима и лето),

- обилие болот и заболоченных земель, дефицит территорий, благоприятных для земледелия,

- бедные и кислые почвы, требующие особой агрономии,

- преобладание хвойных лесов (сосновых, еловых, лиственничных, кедровых),

- огромные «пустые», экологически ненарушенные территории с обилием зверя и рыбы.

Важно подчеркнуть, для выживания в таких суровых условиях нужно было сформировать совсем другой тип хозяйства, существенно отличающийся от хозяйства предков, живших на новгородской или ростовской земле.

Новгородские и ростово-суздальские переселенцы X–XII вв. приглядываясь к занятиям местного населения, путем проб и ошибок постепенно создали в таежном Русском Севере такой тип традиционного хозяйства, в котором доминировали промыслы (охота, рыболовство, ягодно-грибное собирательство), а земледелие и скотоводство играло подчиненную роль. Этому способствовало обилие лесных, ягодно-грибных, рыбных и охотничьих угодий. При этом в сельском хозяйстве ведущая роль принадлежала животноводству, а земледелие развивалось как подсечное, что позволяло в условиях короткого лета и бедных почв, получать устойчивый урожай.

Часть переселенцев, осевших по берегам Белого моря, создала морское промысловое хозяйство, в основе которого лежит морское рыболовство и охота на морского зверя. Участники морского промысла, объединенные в артели, на небольших судах уходили от дома за многие сотни километров к берегам Норвегии.

Позже при освоении Сибири все эти навыки вести хозяйство в таежных условиях пригодились в полной мере, поэтому оба региона развивались как территории с *доминированием промыслового хозяйства*.

Таким образом, Русский Север и Сибирь – это регионы-убежища с преобладанием таежных ландшафтов и промыслового традиционного хозяйства.

Основные исторические пути в Сибирь. Первым русским государем, получившим «сибирский титул» (великого князя Югорского, князя Кондинского и Обдорского) стал Иван III, войско которого продвинулось до низовья Оби. Но это была разовая акция. Систематические предпринимательские походы в Западную Сибирь поморы осуществляют, начиная уже с XIV в. [1].

Самыми древними проложенными поморами путями в Сибирь были Мангазейский морской ход и Чрезкаменный путь, что означает путь через Урал (напомним, что народное название Урала – Камень).

Самым северным – арктическим – маршрутом проникновения поморов в Сибирь был *Мангазейский морской ход* (по названию края и города, особенно привлекавшего промысловиков). Первый сибирский заполярный город Мангазея, основанный стрельцами и казаками по указу царя Бориса Годунова в 1601 г., называли пушной столицей Сибири, потому что черный мангазейский соболь ценился особенно высоко [1].

Мангазейский морской ход пролегал вдоль берегов Белого, Баренцева и Карского морей, затем, пересекая полуостров Ямал, проникал в Обскую губу и далее шел вверх по р. Таз.

Для этого пути поморы использовали большие морские кочи, имевшие до 20 м в длину и способные перевозить до 4 т груза. Яйцеобразная форма коча позволяла ему быть неуязвимым к сдавливанию морскими льдами.

При благоприятных ветрах, течениях и ледовой обстановке (не будем забывать, что Баренцево и Карское моря – это арктические объекты) расстояние от Архангельска до Мангазеи в 2500 км можно было преодолеть всего за полтора месяца [1]. Однако в 1620 г. правительство из-за невозможности таможенного контроля и опасений проникновения иностранцев в Сибирь по Енисею запрещает морской путь в Мангазею.

Чрезкаменный путь поморов в Сибирь называли Печорским путем, а также, что важно для нашей темы, *большой сибирской дорогой*. При этом путь имел несколько маршрутов. Один из них начинался на Печоре, продолжаясь по ее притоку Усе, затем он шел через Полярный Урал, выходя к низовью Оби. Другой маршрут Чрезкаменного пути начинался с верховий Печоры, далее шел по волокам через перевалы Северного Урала и, выходя на Северную Сосьву, также доходил до Оби.

Для движения по нему поморы применяли небольшие суда, включая малые кочи (суда длиной 7–8 м и грузоподъемностью свыше 1 т).

Чрезкаменный путь был очень трудным, но относительно безопасным. Чтобы добраться от Великого Устюга (среднее течение Северной Двины) до Березова, расположенного на Оби, нужно было 3,5 месяца [2]. Путем активно пользовались вплоть до XVII в. включительно.

Третьим, исторически более молодым путем в Сибирь стала знаменитая *Бабиновская (Верхотурская) дорога*. Это была первая сухопутная дорога в Сибирь и, главное, она проходила на сотни километров южнее проложенных поморами древних маршрутов. К концу XVI в. геополитическая ситуация изменилась: Казанское и Сибирское ханства вошли в состав России, и путь на восток стал безопаснее. В прокладывании Бабиновской дороги было заинтересовано не только Русское государство, но и известная предпринимательская дина-

ствия Строгановых. Не случайно дорога начиналась от экономического центра строгановской империи города Соли Камской (ныне Соликамск), далее она переваливала через невысокие горы Среднего Урала и заканчивалась в Зауралье, в городе Верхотурье (Тура — приток Тобола).

Дорога строилась с 1595 по 1597 г. под руководством сольвычегодского посадского Артемия Бабинова, отсюда и название – Бабиновская – и на протяжении 300 км представляла сложное инженерное сооружение, включающее десятки мостов. В 1598 г. Бабиновская дорога была объявлена правительственным трактом: на протяжении почти двух столетий она являлась главной дорогой в Сибирь, а основанный Строгановыми зауральский город Верхотурье, в котором была устроена государственная таможня, – главными воротами в Сибирь. Вся пушнина, добытая на огромной территории Зауралья, проходила через Верхотурье. Масштабы промысловой деятельности были поистине впечатляющие: в отдельные годы второй половины XVII в. сибирская пушнина давала до трети государственных доходов [1].

Только после открытия в 1735 г. *Сибирско-Московского тракта*, проходящего еще южнее, через Екатеринбург, Бабиновская дорога вслед за Чрезкаменным путем и Мангазейским морским ходом постепенно утрачивает свое значение.

Таким образом, пути из Европейской России в Сибирь с XIV по XVIII столетие в связи со сменой геополитической и геоэкономической ситуации из полярных широт постепенно перемещаются в умеренные широты, превращаясь из поморских в общерусские. На этот факт обратил внимание еще В.В. Покшишевский [4]. Но не будем забывать, что усилиями безвестных поморов Россия в Сибирь вошла с Севера.

Поморы – опора русского движения в Сибирь. Поморы не только проложили для России дорогу в Сибирь, но и составили костяк сибирских землепроходцев, т. е. по заданию государства стали первыми исследователями и изыскателями Сибири, первыми сибиряками.

Почему Московское государство опиралось прежде всего на северян? Прежде всего, именно их умения и навыки оказались наиболее востребованы в условиях Сибири. Выходцы с Русского Севера владели навыками таежного – подсечного – земледелия, плотницкими умениями, навыками судостроения, опытом дальних плаваний по рекам и морям. К тому же не будем сбрасывать со счетов независимый поморский характер и творческий подход, который отражает северно-русское присловье «Как бы не клин и не мох, так бы плотник исход».

На конкретном примере продемонстрируем роль поморов на начальных этапах освоения Сибири (ил. 1). Для этого используем материалы 4-го тома Национального атласа России, посвященные русским землепроходцам [3]. На карте показаны пути и основные географические открытия русских зем-

лепроходцев в Сибири в XVII в. Рассмотрим более подробно их деятельность.

Один из самых прославленных поморов-землепроходцев – Семен Иванович Дежнёв, уроженец Великого Устюга (есть предположение, что он мог быть выходцем с Пинеги). В историю науки он вошел как исследователь Северо-Восточной Евразии: в 1648 г. за 80 лет до В. Беринга Дежнёв прошел пролив между Азией и Северной Америкой. Крайнюю восточную точку Азии он назвал по-поморски – Большой Каменный Нос; позже полуостров получил имя своего первооткрывателя. М.В. Ломоносов ставил это открытие Дежнёва в один ряд с великими географическими открытиями. Его именем назван ряд природных объектов, а также улицы в Москве, Казани, Краснодаре, Хабаровске, Великом Устюге, Якутске, Минске и других городах. Памятники Дежнёву установлены в Великом Устюге и Якутске, где помимо первопроходца запечатлены его красавица-жена Абакайда Сюю и их сын Любим.

Другой выдающийся помор-землепроходец – Хабаров Ерофей Павлович. Он первым достиг Амура и составил карту его бассейна, включая Зею, Бурею и Сунгары, где он побывал. Имя Хабарова носит столица Дальневосточного федерального округа, а также поселок и железнодорожная станция на Транссибе – Ерофей Павлович. Во множестве городов страны и ближнего зарубежья есть улица Хабарова – в Москве, Хабаровске, Якутске, Братске, Усть-Куте, Чите, Оренбурге и других городах. Несколько лет назад в Великом Устюге ему установили памятник.

Хабаров родился в д. Дмитриево на юге нынешней Архангельской области, однако известно, что его предки жили под Великим Устюгом. Умер он в Сибири, предположительно в Братске.

Третий известный устюжанин – Владимир Васильевич Атласов. Он первым составил карту Камчатки. А.С. Пушкин назвал Атласова камчатским Ермаком. На Камчатке он и скончался. Именам Атласова названы несколько природных объектов на Камчатке – остров, бухта и вулкан.

Среди самых известных землепроходцев нельзя не назвать Ивана Юрьевича Москвитина, предположительно уроженца Подмосковья. Его отряду принадлежит честь открытия Тихого океана: в 1639 г. он достиг побережья Охотского моря.

Менее известны такие выходцы из Поморья, как Дмитрий Михайлович Зырян (уроженец Коми края), Михаил Васильевич Стадухин (предположительно пинежанин), Иван Иванович Похабов (его отец родом из Великого Устюга), Кондратий Курочкин, «торговый человек» с Северной Двины, Пантелей Демидович Пенда или Пянда (выходец с р. Пянды).

Зырян и Стадухин – ближайшие помощники Дежнёва. Похабов участвовал в двух экспедициях на Байкал и основал несколько острогов. Пенда одним из первых исследовал огромную территорию Восточной Сибири, проложив

путь из Туруханска по Подкаменной Тунгуске до Лены (будущий Якутский тракт), доказав, что Ангара и Верхняя Тунгуска – одна и та же река.

Особо нужно отметить экспедицию Кондратия Курочкина, результаты которой имели серьезные геополитические последствия. В 1610 г. Курочкин, выйдя из Туруханска, достиг устья Енисея, доказав, что по Енисею могут плавать большие суда. Московское правительство, обеспокоенное возможностью проникновения иностранных торговцев пушниной в Сибирь, издало указ о запрещении с 1619 г. под страхом смертной казни Мангазейского морского хода.

Таким образом, из 17 сибирских землепроходцев, маршруты которых показаны на карте Национального атласа России, семеро являются выходцами с Русского Севера, один – предположительно северянин, один – уроженец Центральной России, еще один – предположительно уроженец этого же региона, а места рождения восьмерых неизвестны. При этом самые значимые географические открытия приходится на долю поморов – Дёжнева, Хабарова и Атласова. Не будет преувеличением утверждение, что Великий Устюг – кузница знаменитых сибирских землепроходцев.

Итак, поморы проторили для России дорогу в Сибирь. Этим путем сотни тысяч переселенцев пришли за Урал, строя новые города и села, распахивая поля, возводя храмы и дороги.

Поморский след в Сибири не исчез, он сохранился в местных географических терминах. К примеру, имя байкальского ветра «шелонник» сохранили в своей памяти и принесли в Сибирь выходцы из далекого Русского Севера (ил. 2).

Названия сибирских городов и улиц, музеев и памятники также хранят память о первых землепроходцах Земли Сибирской, об исторической связи Русского Севера и Сибири.

Список литературы

1. Булатов В.Н. Русский Север: в 3 кн. Кн. 3: Поморье (XVI – начало XVIII в.). Архангельск, 1999.
2. Калуцков В.Н. Прикладное культурно-географическое районирование России // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 6. С. 30–39.
3. Российское государство в XVII веке // Национальный атлас России: в 4 т. Т. 4: История. Культура. М., 2009. С. 70–71.
4. Покшишевский В.В. Заселение Сибири (историко-географические очерки). Иркутск, 1951.
5. Распутин В.В. Сибирь, Сибирь... Иркутск, 2000.

Фольклорное наследие Усть-Цильмы и формы его представления (об отражении традиции)¹

Как складывается представление о локальной фольклорной традиции? Что ее отражает или искажает? Каков максимально объективный образ традиции? Каким он создается в научных трудах, и что мы пытаемся сохранить? Включаясь в разговор о глобальном значении локального наследия, опыте его сохранения и проектах будущего, предлагаем некоторые размышления по поводу этих вопросов, основываясь на своем знании одной из северно-русских традиций.

Речь пойдет об Усть-Цильме и Усть-Цилемском районе, который находится в бассейне р. Печоры (в ее среднем течении с притоками Пижмой, Цильмой и Нерицей), на северо-востоке бывшей Архангельской губернии (с 1929 г. входит в состав нынешней Республики Коми). Это один из центров культуры на Русском Севере со своими особенными проявлениями. Они проступают в разных гранях духовной жизни: в говоре, фольклоре, народных верованиях, рукописно-книжной традиции, иконах, декоративно-прикладном искусстве. При этом фольклор – одно из наиболее показательных явлений, в которых проявляется специфика усть-цилемского культурного очага.

Как таковой он складывается сравнительно поздно: Усть-Цилемская слободка отсчитывает свой век с начала 1540-х гг.; наиболее бурный в демографическом отношении период (в эпоху становления) связывается с появлением здесь последователей старообрядчества и приходится на конец XVII – первую половину XVIII в. (см., например: [7]). Формирование местного устного народного творчества происходит, очевидно, на основе фольклорной памяти, «фольклорного знания» выходцев из разных мест центральной России и Русского Севера, оказавшихся в общих природно-хозяйственных и конфессиональных условиях.

В целом эту традицию можно оценивать как классическую северно-русскую – с развитым музыкально-повествовательным эпосом и песенной культурой, другими явлениями, но при этом – и с некоторыми лакунами (отсутствие свадебных песен и развитой заговорно-заклинательной поэзии). Наши знания о ней основываются на том корпусе текстов, которые обобщенно можно обозначить известным словосочетанием «материалы и исследования», где

© Канева Т.С., 2019

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: грант № 19-012-00593 «Грани духовного наследия Усть-Цильмы: фольклор, книжность, язык (новые источники)».

исходными, главенствующими являются материалы, т. е. первоисточники – целенаправленно зафиксированные собирателями тексты, полевые записи (ставшие архивными документами). Во многом свою роль первоисточников они сохраняют, и перейдя в разряд опубликованных.

Собирание фольклора в Усть-Цильме ведется с начала XX в. Эта работа протекала и продолжается в настоящее время в рамках научных экспедиций, инициативных и служебных поездок, студенческих практик. Первооткрывателем печорской фольклорной традиции является Н.Е. Ончуков, побывавший в этих краях в 1901–1902 гг.; записи фольклора на Печоре осуществлял целый ряд собирателей (подробнее см.: [31]).

Внутренняя часть собранных источников известна широкому кругу исследователей по публикациям. Для начала назовем наиболее значительные жанровые сборники (оставляя в стороне вопрос соотношения количества записанных / архивных и опубликованных текстов). Итак, что из фольклорного репертуара Усть-Цильмы представлено в печати?

Изданы практически все из выявленных записи *былин*, причем существенная часть текстов – с нотировками (материалы из сборников печорских былин разных лет, а также архивные тексты, полученные в XX в., вошли в первые тома «Свода русского фольклора» [9]). Усть-цилемские старины представлены также на грампластинках и аудио-CD². «Свод русского фольклора» имеет звуковой аналог в виде сайта [28]. Новые записи былин, появившиеся после издания «Свода...», нашли отражение в изданиях [3; 4].

Из значительного корпуса *сказок*, зафиксированных в Усть-Цилямском районе, опубликованы тексты в записях 1902 г. (более 40 произведений) [18] и 1929 г. (9 сказок) [29].

Песенное богатство Усть-Цильмы известно специалистам, прежде всего, по материалам экспедиций Государственного института истории искусств (1929 г. записи), Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (1929, 1955 гг.), Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР (1972 г.), Сыктывкарского государственного университета (в большинстве – записи 1980–1990-х гг.). Это сборники текстов [20], текстов и нотаций [1; 19; 35]³, а также аудиоиздания [6; 27; 23].

О специфике усть-цилемских *причитаний* можно судить по публикациям текстов в записях 1929 [14; 21], 1940 [20] и 1942 [11; 25] гг.; при этом с нотировками опубликовано лишь два произведения этого жанра (1955 г., записи: [19, № 129, 130]), звучащие образцы причети в изданиях также единичны [27, № 18; 36].

² Аннотированную библиографию изданий былин см.: [30, с. 70–155].

³ См. также отдельные публикации песенных записей 1929 г., выполненные этномузыкологами: [5; 16].

Репертуар *духовных стихов*, бытовавших среди устьцилемов как в устном, так и в письменном виде, представлены в печати менее чем двумя десятками текстов, полученных собирателями в разное время и в разных формах: рукописные материалы – в начале XX в. [17], аудиозаписи – в 1963 г. (они изданы в звучащем виде: [40]) и в 1980-х гг. [8] (в двух последних изданиях имеются нотировки).

Как уже было отмечено, в Усть-Цилемском районе не выявлено классических заговорных текстов, но *приговоры* и материалы по *магическим практикам* из одной коллекции записей – кафедры фольклора МГУ – вошли в выпущенный собирателями сборник [26].

Фольклору пестования и детскому фольклору Усть-Цильмы посвящено издание, подготовленное сыктывкарскими исследователями на основе записей преимущественно последних десятилетий [10]. В местных же брошюрах опубликованы *паремии* и *частушки*, собранные усть-цилемским детским центром «Гудвин» [32; 37] и этнографом Т.И. Дроновой [33]. С частью усть-цилемских частушек из коллекции Пушкинского Дома (1955 г.) можно познакомиться по одному из академических сборников [39].

Всего список изданий (научных и научно-популярных), где встречается хотя бы одно фольклорное произведение, записанное в Усть-Цилемском районе, насчитывает порядка 50 наименований⁴. Бесспорно, былины – главный маркер данной традиции. Неслучайно издания этого жанра составляют самую большую долю в фольклорной библиографии Усть-Цильмы – свыше 20 единиц.

Но наряду с вполне очевидным разнообразием сборников и соответственно «обнародованных» жанров наблюдаем и значительные лакуны. Так, мифологические рассказы, которыми богата Усть-Цильма, по сути, стали выходить в свет лишь во второй половине 2010-х гг. (и пока только в одном зарубежном периодическом издании – «Palaeoslavica»); историко-легендарная проза Усть-Цильмы практически не публиковалась.

И тем не менее, представленный обзор создает впечатление плотности книжной полки усть-цилемской традиции. Говоря о формах репрезентации, отметим, что некоторые из книг и отдельных публикаций доступны в электронном виде в интернете. В частности, они имеются на сайте Сыктывкарского государственного университета (проект «Территория просвещения», раздел «Этнокультурное наследие региона») [34]⁵. Свои издания размещает на специализированном сайте сыктывкарский этнограф Т.И. Дронова, занимающаяся изучением традиционных обрядов, религиозных практик и других явлений культуры староверов Усть-Цильмы [12]. Добавим также, что в элек-

⁴ Издания до 2013 г. см.: [36], а также [30, с. 70–155].

⁵ На сайте также представлены мультимедийные издания по усть-цилемскому фольклору и аудиообразцы фольклорных записей. Кроме того, здесь же можно познакомиться с малодоступными публикациями усть-цилемской мифологической прозы.

тронном каталоге объектов нематериального культурного наследия России представлен паспорт хороводного гуляния – усть-цилемской «горки» [24]. Фольклорный репертуар традиции отражен также в разнообразных указателях [30; 36⁶; 38; и др.].

Итак, даже не обращаясь к архивным («исходным» материалам), исследователь на основании печатных, аудио- и мультимедийных изданий (сборники текстов, указатели), в некоторой степени и электронных ресурсов может составить пусть и не максимально полный, научный образ фольклорной Усть-Цильмы.

Обратим внимание на другую форму репрезентации данной традиции – это тиражирование опубликованных и полевых аудиообразцов, а также звукозаписей бытового характера в социальных сетях. Этим занимаются в основном собиратели-любители и популяризаторы (исполнители) народной поэзии, а также потомки носителей традиции. Так, исследователем и пропагандистом народной культуры Александром Маточкиным ВКонтакте создана группа «Ладно-Хорошо». Не только в ней самой, но и на ее дочерних жанрово-тематических страницах, в том числе и непосредственно посвященных Усть-Цильме («Народная экспедиция», «Русский сказитель», «Русский причет», «Русское мужское пение», «Пижемская песня», «Причитания Усть-Цильмы и Пижмы» и др.), представлены как его собственные полевые материалы из Усть-Цилемского района, так и уже опубликованные аудиозаписи других собирателей⁷. Бытовые записи песен, а также произведений других жанров одной из микролокальных традиций Усть-Цилемского района до недавнего времени активно размещались также в группе «Пижма. Старое и новое» (ВКонтакте) безвременно ушедшим из жизни в 2019 г. Ильей Чуркиным, уроженцем пижемского села Замежная [22].

Фольклорная традиция проступает и в творчестве коллективов самодеятельности и отдельных исполнителей. В Усть-Цилемском районе, а также в других районах республики и за ее пределами при учреждениях культуры и досуга существует несколько фольклорных групп (взрослых и детских), специализирующихся на традиционном усть-цилемском репертуаре, правда

⁶ Здесь см. следующие указатели и перечни по отдельным жанрам и тематическим группам: историко-легендарные нарративы, похоронно-поминальные причитания, свадебные причитания (это указатели основных тем и мотивов); тематический перечень загадок; перечень основных мотивов колыбельных песен; репертуар святочных гаданий (таблица-указатель).

⁷ «Я занимаюсь сбором русского устного предания от живых людей и на просторах сети. Все, что удается найти, я по мере сил выкладываю в открытый доступ на благо всем, кое-что осваиваю сам и передаю вживую везде, где попросят. Делаю это по доброй воле, дабы выразить любовь и благодарность своим предкам, а также привить вкус к Настоящему современникам. Делаю, поскольку считаю это важным и имеющим смысл. Делаю с душой и любовью, поскольку это мне нравится» (из представления группы «Народная экспедиция» ее организатора А. Маточкина, запись от 18.04.2015, 14:34 [15]).

он ограничивается преимущественно песенными жанрами, есть лишь несколько исполнителей, обращающихся, например, к местным старинам или к шутивным рассказам («байкам»). Кроме того, некоторую досаду вызывает то, что былины могут воспроизводиться на весьма вольный напев или вовсе без напева (в декламации), а песни – звучать под не свойственное им инструментальное сопровождение. При этом для молодого поколения, а также для людей среднего возраста, проявляющих интерес к народному творчеству, посещение концертов современных коллективов, просмотр их видеозаписей (в том числе и в соцсетях) становится важным, а порой и единственным источником знаний о музыкально-поэтической культуре своей малой родины. Это обстоятельство, как нам представляется, накладывает на исполнителей, позиционирующих себя в качестве участников фольклорных коллективов, особую ответственность за аутентичность транслируемого ими наследия. Хорошо бы, чтоб они осознавали это и в освоении репертуара ориентировались на лучшие из образцов, записанных от усть-цилемских мастеров художественной культуры старшего поколения.

Еще одна проекция любой традиции (Усть-Цильмы в том числе) – официальная информация о ней на сайтах муниципальных администраций и учреждений культуры. Здесь мы сталкиваемся с непрофессиональным подходом к делу. Так, на старой (недавней) версии официального сайта Усть-Цилемского района во вкладке «Культура» выделен раздел «Самобытная культура», в нем представлено всего три явления: «Усть-цилемская горка» (весеннее хороводное гуляние), «Петровщина» (уличная коллективная трапеза накануне Петрова дня) и «Фольклор» (последний посвящен исключительно современным фольклорным коллективам). И состав раздела, и его содержание вызывают вопросы и недоумение. Здесь, как и на некоторых подобных ресурсах, нет ни слова, к примеру, о былинах, которые выступают одним из показательных для традиции жанров (не говоря уже о других, и не только фольклорных, изюминках той самой самобытной культуры района, о которой намеревались сообщить создатели ресурса). Не самым лучшим образом охарактеризована здесь «горка» – визитная карточка Усть-Цильмы. Текст о ней неумело скомпилирован составителем из обрывков информации, хотя очевидно, что почерпнуты они в научных изданиях [2]. На сайте «Культурная карта Республики Коми», создаваемом Национальной библиотекой региона, этот хороводный праздник назван «красной горкой», что не характерно для местной народной терминологии; о самой «горке» дана только общая, при этом не очень последовательная информация [13]. И все это – при обилии имеющегося научного и научно-популярного материала о «горке».

Можно, разумеется, видеть в этом единичные проявления не очень квалифицированной работы отдельных специалистов, «проблему кадров» или набивший оскомину разрыв между теорией и практикой, наукой и культур-

но-просветительской сферой. Но ведь, по сути, именно представители этой сферы и отвечают за сохранение (нередко слышим и более претенциозное слово: «возрождение») народной культуры, знание о которой накапливалось на протяжении более 100 лет собирательской работы. Важно обратить внимание, что информация для сайта района создается местными людьми – наследниками традиции, так же как и популяризация усть-цилемского фольклора в регионе осуществляется преимущественно местными силами. Это не чужой, отстраненный взгляд на явление (при котором более объяснимы «невладение» информацией, «невключение» в ситуацию), а его отражение изнутри. Все это вызывает большие вопросы относительно того, что же стоит за понятием «усть-цилемская фольклорная традиция» у современных ее «трансляторов» и почему возникают столь явные разночтения с ее «научным образом». В завершение все же выражу надежду на то, что богатая, яркая фольклорная традиция Усть-Цильмы будет любима ее наследниками, которые бережно передадут свою любовь следующим поколениям.

Список литературы

1. А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / подг. текстов и коммент. А.Н. Власова, З.Н. Бильчук, Т.С. Каневой; музыкальные расшифровки А.Н. Захарова; вступ. ст. А.Н. Власова, Т.С. Каневой. СПб., 1992.

2. Администрация МР «Усть-Цилемский». <http://www.ust-cilma.ru/gorka.html> (дата обращения: 10.08.2019).

3. *Ангеловская Л.В.* Новые записи усть-цилемских былин в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета // Народная культура в слове и тексте: Сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013. С. 228–239.

4. *Ангеловская Л.В., Канева Т.С.* Пижемская эпическая песня о Бутмане: новые записи / [нотировки Е.А. Дороховой] // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: К юбилею Юрия Александровича Новикова. СПб., 2018. С. 126–153. (Из истории русской фольклористики. Вып. 10).

5. *Антонова М.Д.* Жанрообразующие признаки молодецких лирических песен Усть-Цильмы // Третьи Мяндинские чтения. Сыктывкар, 2016. С. 173–184.

6. «Ах, вы сядемте, ребятушка, во единой круг...» (из репертуара пижемских певцов): К 100-летию Ивана Филипповича Семенова: аудио-CD / сост. Т.С. Канева. Сыктывкар, 2018.

7. *Бернштам Т.А.* Былина на Печоре. Этническая история региона // Былины Печоры / подгот. В.И. Еремина, В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов,

А.Ф. Некрылова; отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2001. С. 79–87. (Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. Т. 1–2).

8. *Бильчук А.А., Власов А.Н., Захаров А.Н., Мехреньгина З.Н.* Памятники русского песенного эпоса в фольклорном архиве Сыктывкарского государственного университета // *Русский фольклор. Эпические традиции. Материалы и исследования.* Т. 28. СПб., 1995. С. 258–290.

9. *Былины Печоры* / подгот. В.И. Еремина, В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, А.Ф. Некрылова; отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины: в 25 т. Т. 1–2).

10. *Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: Исследования и материалы* / сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева; нотировки Т.А. Кочневой. Сыктывкар, 2008.

11. *Дронова Т.И.* Семья и брак староверов Усть-Цильмы: конфессиональные традиции в повседневной и обрядовой жизни (середина XIX – начало XXI века). Сыктывкар, 2013. С. 158–165.

12. Книжница. <https://xn--80alfbhsc7e.xn--p1ai> (дата обращения: 10.08.2019).

13. Культурная карта Республики Коми. http://cultmap.nbrkomi.ru/ru/page/Folklor.fest.chilimdnsa_choy (дата обращения: 10.08.2019).

14. *Лирика русской свадьбы* / подгот. Н.П. Колпакова. Л., 1973.

15. Народная экспедиция. https://vk.com/topic-89277336_31580684 (дата обращения: 10.08.2019).

16. *Образцы печорского песенного фольклора в записях 1929 года* / публ. и коммент. Ю.И. Марченко // *Из истории русской фольклористики.* Вып. 7. СПб., 2007. С. 224–267.

17. *Ончуков Н.Е.* Печорские стихи и песни. СПб., 1908.

18. *Ончуков Н.Е.* Северные сказки. СПб., 1908.

19. *Песни Печоры* / подгот. Н.П. Колпакова, Ф.В. Соколов, Б.М. Добровольский. М.; Л., 1963.

20. *Печорские былины и песни* / зап. и сост. Н.П. Леонтьев. Архангельск, 1979.

21. *Печорские причитания и заметки о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (Из полевых дневников А.М. Астаховой)* / публ. и коммент. Т.С. Каневой // *Из истории русской фольклористики.* Вып. 8. СПб., 2013. С. 109–146.

22. *Пижма. Старое и новое.* <https://vk.com/zamejnaya> (дата обращения: 10.08.2019).

23. *Пижемские певцы и сказители (к истокам певческой культуры Усть-Цильмы): Аудио-CD* / сост. А.Н. Власов, Т.С. Канева, А.Ю. Кастров, Ю.И. Марченко. Сыктывкар, 2008.

24. *Праздник «горка» в Усть-Цилемском районе Республики Коми: паспорт объекта нематериального культурного наследия России* / подгот. Т.С. Кане-

вой. <https://www.culture.ru/objects/2956/prazdnik-gorka-v-ust-cilemskom-raione-respubliki-komi> (дата обращения: 10.08.2019).

25. Русская народно-бытовая лирика. Причитания Северного края в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой 1942–1945 гг. / вступ. ст. и коммент. В.Г. Базанова. М.; Л., 1962.

26. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953–1993 гг. / под ред. В.П. Аникина. М., 1998.

27. Русский народный хор села Усть-Цильмы: Грампластинка. Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия», 1973. СМ 03381-82.

28. Свод русского фольклора. Былины: Звуковой аналог. <http://zvukbyliny.pushkinskijdom.ru> (дата обращения: 10.08.2019).

29. Сказки и предания Северного края / зап., вступ. ст. и коммент. И.В. Карнауховой. Л., 1934. № 151–159.

30. *Смирнов Ю.И., Ангеловская Л.В., Канева Т.С.* Былины Усть-Цильмы: справочно-библиографические материалы. Сыктывкар, 2019.

31. Собиране и издание памятников усть-цилемского фольклора: указатель // Усть-цилемская фольклорная традиция: справочно-библиографическое мультимедийное издание / сост. Т.С. Канева. Сыктывкар, 2013.

32. Старинны забытый голос / сост. Е.В. Доброхотова. Сыктывкар, 2003.

33. Тематический словарь пословиц, поговорок и присловий Усть-Цильмы / сост. Т.И. Дронова. Сыктывкар, 2014.

34. Территория просвещения: Этнокультурное наследие: Фольклор. <http://territory.syktsu.ru/etnokulturnoe-nasledie/folklor.php> (дата обращения: 10.08.2019).

35. Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / сост. Т.С. Канева, А.Н. Власов, А.Н. Захаров, А.Ю. Кастров, Ю.И. Марченко, З.Н. Мехреньгина, Е.А. Шевченко. М., 2008.

36. Усть-цилемская фольклорная традиция: справочно-библиографическое мультимедийное издание / сост. Т.С. Канева. Сыктывкар, 2013.

37. Усть-цилемские частушки / сост. Е.В. Доброхотова; отв. ред. Т.И. Дронова. Сыктывкар, 2004.

38. Фольклорный архив Сыктывкарского университета: Опыт научного описания. Вып. 1: Песенный фольклор Печоры: систематический указатель / сост. Т.С. Канева, Н.Н. Николаева, О.Г. Шабанова; под ред. А.Н. Власова. Сыктывкар, 2000.

39. Частушки в записях советского времени / подгот. З.И. Власова, А.А. Горелов. М.; Л., 1965. № 1353–1615.

40. Эпос и духовная лирика Усть-Цильмы в записях Д.М. Балашова: Из собрания Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН: мультимедийный диск / сост. Т.С. Канева, В.П. Кузнецова. Сыктывкар, 2012.

Коллекции по Русскому Северу в собраниях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

Прежде чем приступить к рассмотрению коллекций, поступивших в собрания Музея антропологии и этнографии (далее МАЭ) из населенных пунктов Архангельского и Онежского уездов, сделаем небольшой обзор по истории комплектования его фонда Европы русскими коллекциями. Такое название фонд получил, когда возникла необходимость организовать хранение коллекционных предметов музея.

Сегодня русский фонд насчитывает более 7 тыс. экспонатов. Половина русских коллекций – это предметы, поступившие из северных регионов европейской территории России. Но так было не всегда.

В конце XVIII – начале XIX в. русских коллекций в музее, можно сказать, не было. В этот период, как и в предшествующее время, основной упор в пополнении фондов делается на приобретении зарубежных собраний. К моменту организации Музея антропологии и этнографии, т. е. к 1879 г., в его фондах имелись лишь отдельные памятники русской бытовой крестьянской культуры.

Значительные изменения в коллекционном фонде Европы произошли после передачи Кунсткамере коллекций Этнографического музея Русского географического общества (далее РГО). Музей этот возник в 1848 г. Активное участие в его создании и пополнении приняли многие известные искусствоведы, историки, филологи. Все они, как правило, были членами РГО. Назовем такие имена, как В.В. Стасов, Н.П. Калачов, Е.К. Огородников, В.М. Романович, Ф.М. Истомин и др.

С 1847 г. Н.И. Надеждин (председатель отделения этнографии РГО) принимал активное участие в создании РГО, им была составлена этнографическая программа. Лишь с середины 1860-х гг. по его инициативе предпринимаются попытки сбора материала по восточно-славянским народам, в том числе и по русским. Были разработаны основные положения о назначении и структуре нового учреждения. Впрочем, все задуманные начинания осуществлялись с большими трудностями. Отсутствие средств привело к тому, что музей не получил ни специального штата, ни помещения, а расположился в залах РГО, в помещении Министерства просвещения (ныне это здание, расположенное по адресу: пл. Ломоносова, д. 2 в Санкт-Петербурге). С 1870 по 1881 г. коллекции РГО активно экспонируются на выставках за рубежом и в России. Разрастающиеся коллекции музея размещать с каждым годом было все труднее.

С 1866 г. в Музей антропологии и этнографии Академии наук периодически начинают передаваться коллекции, но в основном это были коллекции по зарубежным народам. И, наконец, в 1891 г. было решено полностью передать собрания Этнографического музея Музею антропологии и этнографии Академии наук. Среди них значительную долю занимали коллекции по русскому населению. В 1891 г. в отдел «Европа» поступило более 300 экспонатов. Вещи передавались без списка. Единственная информация размещалась на этикетках. Какие-то предметы были с этикетками (на жесткие вещи этикетки, как правило, приклеивались, а на мягкие пришивались), но оставалось большое количество предметов без них. Эти коллекции достаточно долго лежали в неразобранном виде. И пришлось нанимать сотрудников для описания предметов. Некоторые предметы, поступившие в Кунсткамеру из РГО, были зарегистрированы лишь в 1941 г. Все они были описаны в 10 коллекциях и оформлены, как предметы, поступившие из РГО. Эти передачи продолжались до 1915 г. Коллекции, поступившие из РГО, как правило, датирующиеся второй половиной XIX века, а возможно, и более ранним временем, представляют собой большой научный интерес, но многие предметы до сих пор не имеют ни географической, ни временной, а иногда и этнической привязки. Есть в этих коллекциях и предметы из Архангельской и Вологодской губерний.

К началу XX столетия в МАЭ организуется уже планомерное пополнение фондов восточнославянскими материалами. В эти годы музей возглавляет В.В. Радлов (1894–1918). Одним из первых мероприятий Радлова была организация научной регистрации коллекций. Многие предметы не имели даже номеров. Это была большая работа: по определению предметов, времени бытования, собирателей, месту бытования и т. п. К этой работе привлекались многочисленные специалисты или просто регистраторы, работавшие «по вольному найму». Составлялись списки (краткие описи), которые затем печатались типографским способом. Информация была самая минимальная. Впоследствии типографский вариант был разрезан и разложен по коллекционным описям, которые были оформлены позднее. В настоящее время они включены в архивные страницы описи. Кроме того, в опись могла попасть и переписка собирателя с сотрудником музея. В некоторых случаях сохранилась рукописная опись собирателя или его рисунки. К 1895 г. работа по инвентаризации в целом была закончена. Коллектив музея во главе с В.В. Радловым принялся за планомерное пополнение фондов. Тогда Радлов отметил, что самая слабая часть музея – это русский отдел.

Все мероприятия, предпринятые В.В. Радловым, были одобрены общим собранием Академии, которое составило обращение к местной администрации губерний и краев, а также обращение в Археологическую комиссию предоставить музею право входить в сношения с лицами, живущими в разных частях России.

Коллекции по русскому этносу в этот период собираются, главным образом, на севере Европейской части России. Известный корреспондент, а в последствии сотрудник музея Н.А. Шабунин в письмах к Л.Я. Штернбергу писал: «В нашем необъятном Мезенско-Печорском крае, хотя уже и замечается влияние фабрично-мещанского склада, но тем не менее много-много есть не початых уголков, в коих таится глубокая старина во всей неприкосновенности – самобытности» (цит. по: [1]). Именно на Русском Севере можно было еще обнаружить вещи, которые имели историю до двух и более поколений. Сохранность подобных предметов объяснялась их дороговизной, редким использованием и передачей из поколения в поколение. «Прекрасный организатор, подлинный “ловец людей”, – так писал Л.Я. Штернберг о В.В. Радлове, – он обладал талантом практика в отыскании “путей и средств”. С таким талантом, умноженным счастливым даром долголетия, за двадцать пять лет своего управления ему удалось добиться совершенно исключительных результатов» [2, с. 60].

Для пополнения фонда русскими коллекциями привлекаются коллекционеры, местные музеи, члены Археологического общества, РГО, корреспонденты МАЭ и т. д. Право изучения и сбора материалов по русскому населению самых различных областей и районов получили в первом десятилетии XX в. многие корреспонденты музея. «Открытые листы», дававшие право на изучение и сбор материала получали тогда многие корреспонденты музея, художники и фотографы. Одновременно с работой, соответствующей их собственным интересам, они подбирали коллекции для музея, а если какие-то предметы были слишком громоздкими, то заказывали их модели. Дальнейшее комплектование коллекций отдела Европы, как иллюстративных, так и предметных, теснейшим образом связано с основными направлениями работы музея и теми задачами, которые стояли перед этнографической наукой на определенных этапах.

С 1904 г. три года подряд сначала корреспондент, а затем сотрудник МАЭ художник Н.А. Шабунин присылал в Кунсткамеру прекрасные этнографические коллекции по традиционной культуре русского населения Мезенского уезда Архангельской губернии. С 1905 до 1911 г. поступали коллекции от В.А. Журавского, заведующего Печорской естественноисторической станцией (МАЭ № 935, 1011, 1226). В 1912 г. поступила коллекция от крестьянина М. Евдокимова из Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (МАЭ № 2039). В 1914 г. – из Архангельской губернии. От С. Лисициана поступило два предмета женской одежды из Архангельской губернии. Согласно письму собирателя, в 1914 г. он побывал в Архангельске и Пинеге вместе со сказительницей русских сказок О.Э. Озаровской. Там они приобрели предметы женской одежды. Сарафан был куплен в Пинеге у крестьянки Елены Шуйской, предки которой, по семейному преданию, были сосланы в эти места в стародавние времена (МАЭ № 6363). Уже в 1923 г. поступает большая коллекция от Д.Д. Травина, заведующего Печорским этнографическим областным музеем (МАЭ № 2911, 5152).

Таким образом, основной фонд памятников культуры русского населения сложился в течение конца XIX – первой четверти XX в.

В 1920-х гг. в формировании европейского фонда активное участие принимают сотрудники МАЭ. В это время поступают коллекции от краеведов, из числа которых вышли такие крупные ученые, как Д.К. Зеленин, П.Н. Луппова, А.Я. Ефименко, Б.А. Куфтин и др. С 1925 г. Славянским отделом и библиотекой МАЭ руководил Д.К. Зеленин. Именно он ввел в практику сериальный подбор коллекционных материалов, в частности подбор орудий труда, головных уборов, одежды, обуви и т. д. Особое внимание обращается на технологии. Таким образом появляются коллекции, где фиксируются стадии гончарного производства в технике «налепа», начало плетения лаптя и все необходимые для этого инструменты, приспособления для плетения поясов и т. п. Д.К. Зеленин был прекрасным собирателем и исследователем. Свою любовь к коллекциям и умение работать с ними он передал своим ученикам и коллегам, которые пришли в музей вместе с исследователем. Это Н.И. Гаген-Торн, Н.Н. Тихоницкая, Е.П. Луппова, М.Д. Торэн, Л.А. Динцес, С.М. Дудин, Е.Э. Бломквист и др. Напомним, что в 1933 г. на базе музея был основан Научно-исследовательский институт этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Состав собранных в советскую эпоху коллекций определялся направленностью научно-исследовательской работы музея и института. Появляются монографические описания русского населения, большое внимание уделяется локальным группам русского народа. Среди коллекций следует отметить собрания по культуре и быту русского населения Сибири, Средней Азии и Казахстана, собранные Н. Лебедевой, Г.С. Масловой, Н.П. Колпаковой, Л.М. Сабуровой, Т.В. Станюкович и другими исследователями. В 1980-х гг. продолжается сбор вещественных памятников в рамках комплексного научного исследования северно-русских локальных групп. Это экспедиции Н.В. Ушакова (1954–2016), А.Е. Финченко, Т.А. Бернштам (1935–2008), Т.Б. Щепанской, Н. Е. Мазаловой. Из Архангельской и Вологодской областей в фонд Европы поступают новые предметы традиционной культуры. За несколько лет удалось собрать интереснейшую коллекцию прялок борецкой, тотемской и пучугской росписей. Большинство собранных северодвинских прялок представляют работу борецких мастеров династии Амосовых. В экспедициях были приобретены образцы одежды, ткачества, вышивки и другие предметы. Это женские рубахи, сарафаны, головные уборы [2]. В коллекции за номером 7443 были зарегистрированы два деревянных венца: для невесты и жениха. Подобные венцы получили распространение на Русском Севере во второй половине XIX в. (МАЭ № 7443:1,2)¹.

¹ Об истории комплектования МАЭ русскими коллекциями см.: [3; 6].

К сожалению, в фонде Европы имеется только несколько коллекций с Летнего и Онежского берегов Белого моря.

В этом же фонде зарегистрирована предметная коллекция, подаренная Сергеем Григорьевичем Елисеевым (1889–1975). Она была собрана в с. Сюзьме Архангельской губернии (МАЭ № 1125). Коллекция состоит из восьми предметов, относящихся к женскому костюму. Часть из них, составлявшая праздничный костюм, поступила в музей в 1907 г. и в этом же году была зарегистрирована Бруно Фридриховичем Адлером. Следующую опись в 1973 г. составляла уже сотрудница отдела Ирина Васильевна Жуковская. К сожалению, сегодня мы не можем ответить на вопрос – каким образом Сергей Григорьевич Елисеев, потомок известного купца, владельца московских и петербургских «Елисеевских магазинов», попал в Сюзьму. А быть может, ему кто-то подарил эти вещи? Возможностей у Сергея Григорьевича, известного востоковеда, преподавателя факультета восточных языков Петроградского университета, было достаточно. Кроме того, он был сотрудником и заведующим архивом Азиатского музея, преподавателем в Институте истории искусств, ученым секретарем Отдела восточных древностей Археологической комиссии. Не исключено, что эти вещи были кем-то отданы С.Г. Елисееву для дальнейшей передачи в МАЭ.

Приведем краткое описание этих предметов.

Под первым номером зарегистрирован распашной косоклинный сарафан. Шит сарафан из трех полотнищ шириной 62–63 см и четырех клиньев шерстяной ткани брусничного цвета. Сарафан имеет разрез спереди, вдоль него расположены медные шарообразные пуговицы в количестве 26 штук (третья сверху – ажурная). Разрез и лямки обшиты шелковым красным шнуром, который одновременно служит петлями для пуговиц. Спереди, вдоль разреза и сзади между лялками нашита шелковая лента шириной 4 см с цветочным орнаментом. Сарафан – на подкладке из холста, окрашенного в светло-коричневый цвет. Подол сарафана с изнанки подбит тесьмой (МАЭ № 1125-1).

Под вторым номером зарегистрирован девичий праздничный костюм. В его составе была короткая верхняя одежда, называвшаяся «шугай», сшитая из шелкового штофа красного цвета с широким отложным воротником, по краю которого пришита тесьма желтого цвета с кистями. Шугай имеет цельные передние полы и спинку, собранную сверху складками. Рукава длинные, собранные в плечах и суживающиеся к кисти. Подкладка – хлопчатобумажная кирпичного цвета с цветочным орнаментом, расположенным рядами по вертикали. Застегивается шугай на крючки (МАЭ № 1125-2/1) (ил. 1). Вместо сарафана, который обычно носили с шугаем, здесь уже юбка из того же штофа красного шелка с однотонным цветочным рисунком. Юбка сшита из шести частей. По подолу нашита парчовая лента. Наверху юбка собрана на две тесьмы, которые продеты в хлопчатобумажный пояс (МАЭ № 1125-2/2)

(ил. 2). Дополняют этот костюм белые длинные перчатки в сеточку, вязанные крючком. С тыльной стороны на них – узор в виде ромба красными нитками (МАЭ № 1125-2/5-1,2) (ил. 3). Дополняет костюм девичий головной убор «Повязка», состоящий из жесткой основы – прокладки (бумага?), на которую укреплен лента позумента и фольга. Фольга разделена на пять сегментов объемными палочками, покрытыми фольгой. Каждый сегмент фольги украшен бисером под жемчуг и жемчугом. По краю повязки спускается поднизь из трех рядов мелкого жемчуга. Завязки сшиты из двух фрагментов шелка и парчи. Имеются завязки (одна отсутствует) для крепления на голове (МАЭ № 1125-2d). Непременным украшением девушек и женщин были серьги-подвески из речного жемчуга. Подвеска образует цепочку из восьмерок. Каждое звено соединено с последующим четырьмя белыми бусинами. Подвеска из жемчуга укреплена на металлическую дужку, с лицевой стороны которой припаяна плоская пластиночка в виде сердечка. На нижней части дужки – два колечка (МАЭ № 1125-2/4-1,2) (ил. 4). Этот костюм девушки на выданье можно отнести к началу XX в. Здесь сарафан уже заменен юбкой, появился такой аксессуар, как перчатки.

В иллюстративном фонде отдела зарегистрирована коллекция под номером 2786. Она попала в МАЭ из Государственного Эрмитажа в 1920 г. В ней зарегистрированы иллюстрации (печатная продукция). Из этой коллекции нам интересны два рисунка: под № 10 хранится изображение, имеющее следующую подпись: «Крестьянская свадьба в Сюзьме: невеста на могиле матери. С рисунка, доставленного кн. Л. Ухтомским. Рис. Г. Глушков; рез. на дереве А. Матюшкин» (МАЭ № 2786-10).

Под № 2786-11 зарегистрирована иллюстрация, на которой изображено несколько мужчин в лодке и мужчина, стоящий на льдине. Справа от него котелок, на переднем плане – два забитых тюленя. Подпись под изображением: «Беломорские промысловики. С рисунка, доставленного кн. Л. Ухтомским. Рис. Н. Лосев; рез. на дереве А. Шлипер» (МАЭ № 2786-11).

Подписи под рисунками свидетельствуют о том, что эти гравюры были выполнены с рисунков Леонида Алексеевича Ухтомского (1829–1909) – вице-адмирала, видного деятеля военно-морского дела, участника нескольких войн, путешественника, сотрудника журнала «Морской сборник», представителя старинного княжеского рода. Л.А. Ухтомский очень активно публиковался в «Морском сборнике» (например, «Поездка речным путем от Петербурга до Архангельска в навигацию 1863 года» [4]). Есть у него и сочинение под названием «Сюзьма: Этнографический этюд» [5].

С 1970 г. восточно-славянский сектор (так в те годы назвался Отдел восточных славян и народов европейской территории России) начал разрабатывать две перспективные темы. Первая – «Поморы. Историко-этнографический очерк». Планировалось издание монографии, над которой работала Т.А. Бернштам (1937–2008). Вторая – тема 1970–1975 гг. «Русские. Атлас

вып. 2: Обряды». Исполнителями по второй теме были коллективы двух секторов московской и ленинградской частей института им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Во время экспедиций собирался материал по поморской свадьбе, годовым праздникам, обычаям и обрядам. В настоящее время материалы экспедиций, которые продолжались с 1969 по 1972 г. находятся в архиве музея. С 1963 г. отряд Т.А. Бернштам работал в деревнях Онежского берега (д. Пурнема, Лямцы, Тамица, Кянда, Пушлахта, Нижмозеро) и Приморском районе Архангельской области (д. Верхняя и Летняя Золотица, Яреньга). Записывались уличные прозвища, фамилии местных жителей, рассказы о заселении и планировке, «Уличный устав» и т. п. (Архив МАЭ. Ф. К-1, оп. 2, № 874–875). Работа в этих деревнях продолжалась и в 1970 г. Собирали сведения о свадебной одежде, утвари, свадебной пище и хозяйственных постройках.

В деле № 871 (Архив МАЭ. Ф. К-1, оп. 2) находятся дневники Т.А. Бернштам той поры, когда она в 1963 г. работала на Зимнем берегу Белого моря в с. Койде и Майде (колхоз «Освобождение»). Дневник написан карандашом, содержит 59 пронумерованных листов. Свои дневники Т.А. Бернштам начинает еще в пути, по дороге в назначенный пункт. Это самые разнообразные записи: и о попутчике в самолете, и об информаторе, приехавшем в Ленинград погостить к сыну, и т. п.

Первая запись сделана за день до отъезда в экспедицию в Ленинграде на квартире, где Т.А. Бернштам записывает рассказ старого промысловика В.Ф. Малыгина (1891 г. р.). Он гостит у одного из сыновей. На следующий день экспедиционный отряд уже работает в с. Койде, куда его члены прибыли на карбасе «Восток». Т.А. Бернштам записывает рассказ секретаря сельсовета Ивана Платоновича Буркова: «...встретил сдержанно. Постепенно в разговоре лед сломался, и я сразу узнала много нужного и интересного» (л. 2). В этом же дневнике Татьяна Александровна Бернштам восклицает «Как бедно они живут! Вот тебе Русь-матушка! Мне повезло – в самое нужное место попала» (л. 3–4). Из дневника понятно, что Т.А. Бернштам принимала активное участие в сельской жизни. Была на похоронах, на комсомольских собраниях, читала лекции местным жителям. В местной библиотеке разбирала газеты с 1957 г. и делала выписки. На листах 32–33 записан рассказ о свадьбе. Затем участники экспедиции перебрались в с. Майде. В конце дневника были подшиты полевые материалы экспедиции в Мезенский район Архангельской области. 1964 г. этот раздел получил название «Семейные отношения». В дневнике за 1963–1964 гг. (Архив МАЭ. Ф. К-1, оп. 2, № 872) приводятся выписки из брачных обысков² с 1851–1920 гг. Татьяна Александровна

² Брачный обыск – письменный акт, содержащий определенные сведения о людях, собирающихся венчаться в церкви, и устанавливающий отсутствие препятствий к совершению их брака.

работала в местной библиотеке и архиве койденского колхоза «Освобождение». В дневник вложены две таблицы: 1) «Список промысловых хозяйств в районе деятельности промыслового товарищества “Гарпунер”» (составлен 11 декабря 1922 г.); 2) «Организация рыболовецкой артели “Освобождение” 1930 г.». В деле № 873 (Архив МАЭ. Ф. К-1, оп. 2) размещены материалы из архива Койденского колхоза «Освобождение» (1930–1964 гг.).

Именно дневники Т.А. Бернштам стали объектами исследования Т.Б. Щепанской, которая обратила внимание не только на информацию, полученную в поле, но и на сведения о методах полевой работы, позиции исследователя, его гендерной принадлежности, а также о социальном положении и позиции ключевых информаторов, о взаимоотношениях исследователя с информаторами [7].

В делах № 874–875 содержатся полевые дневники Т.А. Бернштам 1969 г. – 216 листов, посвященных материалам экспедиции в Онежский район Архангельской области – д. Пурнему, Лямцу, Тамицу, Кянду (Архив МАЭ. Ф. К-1, оп. 2, № 874–875). Записи в дневнике начинаются прямо в самолете. Сосед Татьяны Александровны – тракторист лесовоза из д. Палишино Ракульского сельсовета Холмогорского района Архангельской области. Татьяна Александровна делает записи о свадьбе: «...до сих пор свадьбы справляют подробно...» (л. 1). В центре внимания местные жители – рыбаки. Есть записи о промыслах на Кий-острове, о том, что изменилось за это время. «На пароходе “Балтиец” добрались до Пурнемы». Далее идут записи по Онежскому району. Приводятся сведения о колхозах, рассказы о жизни местного населения, о том, какую рыбу ловили, как свадьбу справляли и др. Во многих дневниках Т.А. Бернштам делает зарисовки изб. В д. Лямце был записан материал о семейных и прочих отношениях, подробно описана свадьба и снова: рыбная ловля, свадьба, праздники. В деле № 875 хранятся рисунки традиционной одежды, зарисовки вышивки и большое количество свадебных, круговых и вечериночных песен. Т.А. Бернштам в своих поездках не была равнодушна к окружающей природе. Описывала красивые виды селений, погоду, непременно посещала местные музеи. Стоит заметить, что материал, собранный Татьяной Александровной в экспедициях, мало использовался в ее публикациях. Эти уникальные материалы должны найти своих исследователей.

Предметных коллекций Т.А. Бернштам в Музее антропологии и этнографии очень мало. Институт этнографии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР крайне мало финансировал МАЭ для приобретения коллекций по русскому населению. Так, коллекция от Бернштам состоит из трех предметов: расписного свечного столба из с. Нижнеспасского Тарногского района Вологодской области (МАЭ № 7379:1), прялки из д. Скобели Борецкого сельсовета Виноградовского района Архангельской области (бывший Шенкурский уезд Архангельской губернии) (МАЭ № 7379:2) и берестяного туеска (МАЭ № 7379:3). Все эти предметы были приобретены Татьяной Александровной в

1991 г. В 2017 г. в личном архиве ученого была обнаружена коллекция меднолитой пластики (складни, иконы), собранной Т.А. Бернштам в 1960–1970 гг. в экспедициях по Русскому Северу (МАЭ № 7679:1-14). Данное собрание датируется XVIII–XIX вв. Предметы из него изготовлены в Москве и Олонецкой губернии и принадлежали русским старообрядцам. Есть в этой коллекции и икона на холсте (МАЭ № 7679-14).

В фонде Европы зарегистрирована большая иллюстративная коллекция, которая сформировалась во время экспедиций Т.А. Бернштам в 1969, 1970 и 1972 гг. В ней содержатся негативы и фотоотпечатки, всего 397 единиц хранения (МАЭ № И-2106). Представлены негативы с изображением прялок из Архангельского краеведческого музея, изображения жителей, видов деревень, изб, рыболовных судов и т. п. Стоит перечислить населенные пункты, в которых экспедиция Т.А. Бернштам проводила съемки. Это д. Пурнема (Онежский берег), д. Вирма (Поморский берег), с. Сухое, Колежма, Нюхча, д. Нижняя Кандалакша, с. Ковда, Нижмозеро (Онежский берег), д. Кушрека, Кашкаранцы, Порог, Сюзьма (Летний берег), Койда (Зимний берег); с. Долгощелье. В этой же коллекции есть и переснятые фотографии из фототеки ГМЭ (в настоящее время РЭМ). Такой большой иллюстративный фонд, несомненно, найдет своего исследователя.

Список литературы

1. *Лаврентьева Л.С.* «Ваш покорный слуга»: коллекции Н.А. Шабунина в собрании МАЭ РАН // Предметный мир народов Европейской России в этнографической перспективе: каталоги, классификации, полевые исследования. Вып. LXIII. СПб., 2017. С. 97–131.
2. *Новикова В.В., Финченко А.Е.* Новые поступления в МАЭ из Архангельской и Вологодской областей // Из культурного наследия народов Восточной Европы. Вып. XLV. СПб., 1992. С. 92–110.
3. *Станюкович Т.В.* Памятники материальной культуры народов Европейской части СССР и зарубежной Европы // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Вып. XXXVIII. Л., 1982. С. 145–152.
4. *Ухтомский Л.А.* Поездка речным путем от Петербурга до Архангельска в навигацию 1863 года // Морской сборник. 1865. Т. 79, № 7. С. 3–18; № 8. С. 161–183.
5. *Ухтомский Л.А.* Сюзьма: Этнографический этюд // Деревня и новая Россия. СПб., 1876. Т. 2, № 5. С. 32–48.
6. *Шангина И.И.* Русский фонд этнографических музеев Москвы и Санкт-Петербурга, история и проблемы комплектования 1867–1930 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997.
7. *Штернберг Л.Я.* Двухвековой юбилей русской этнографии и этнографических музеев // Природа. 1925. № 7–9. С. 45–66.
8. *Щепанская Т.Б.* Поморский дневник Т.А. Бернштам: к методике и практике полевой этнографической работы // «Уведи меня, дорога...». Сборник памяти Т.А. Бернштам. СПб., 2010. С. 7–16.

Традиционные занятия поморов Онежского полуострова в колхозный период (по материалам полевых исследований 2017–2019 годов)

По оценкам, полученным от наших информантов в ходе экспедиций, принятых нами на Онежский полуостров, в середине XX в. и несколько позже местное население в силу осознания факта проживания на географически выделяющейся территории видели себя в качестве особой (назовем ее «локально-территориальной») группой среди поморов Беломорья. Родной говор они причисляют к поморскому диалекту (так называемой «поморской говоре»), а собственную локальную группу осознают в качестве составной части элитной группы «собственно поморов» [1, с. 70, 77–78].

Целиком поморы являются субэтносом в составе русского этноса. Основные черты традиционного хозяйствования поморов на начало XX в. описаны Т.А. Бернштам [1; 2]. В качестве предварительного замечания укажем, что колхозный период на большей территории России завершился еще в 1990-х или начале 2000-х гг. На Онежском же полуострове до сих пор продолжают существовать колхозы «Имени Калинина» и «Беломор», т. е. колхозный период там пока продолжается. При этом в производственные связи больше не вовлечены обезлюдевшие д. Нижмозеро, Красная Горка и Дураково, а также ставшая дачным поселком старинная д. Кянда.

Итак, основными занятиями поморов Онежского полуострова в XIX – первой трети XX в. были морской зверобойный промысел и морское рыболовство, при которых земледелие, скотоводство, пресноводное рыболовство, сухопутная охота, лесные и домашние промыслы и ремесла, носили подсобный характер. Обобществление промысловых карбасов, орудий промысла и рыбацких снастей, промысловых избушек, пахотной и сенокосной земли, рабочего и молочного скота произошло в 1931–1932 гг. в рамках отдельных поселений, в которых были созданы отдельные самостоятельные колхозы. Преобразования легли на благоприятные артельные и земельно-кооперативные традиционные установки поморов. Опытные кормщики с командами из соседей-артельщиков все так же водили карбасы на «зверобойку», рыбаки продолжали привычный промысел, в том числе у бывших собственных промысловых изб. Каждая деревня продолжала сеять картофель в «ободу» – общем для всех соседей огороженном изгородью пахотном участке. Скот все так же держали на свободном выпасе в тайге, но внутри общих деревенских заго-

родок. При том, что пахотные и сенокосные угодья, домашний и рабочий скот, а также многие хозяйственные постройки были обобществлены, поморские колхозники сохранили за собой важнейшую финансовую привилегию, которой были лишены другие колхозы СССР – получать живые деньги от рыбных и зверобойных промыслов. Вот почему практически до распада Советского Союза в 1991 г., как и в дореволюционный период, поморы оставались наиболее зажиточными среди российских крестьян.

Поначалу колхозы Онежского полуострова пытались улучшить показатели за счет увеличения числа людей, вовлекаемых в общественное производство. Какую-то часть трудоспособных женщин, имеющих маленьких детей, привлекали к труду в колхозе общероссийским способом – создавая детские ясли в обычных крестьянских избах, но была и поморская специфика. Из пожилых женщин образовывали звенья удильщиков наваги и, снабдив их удочками и наживкой, доставляли к местам лова. Даже устраивали между звеньями соревнования. Из стариков и подростков в деревнях, расположенных недалеко от островов с птичьими базарами (Пурнема, Пушлахта, Летняя Золотица и Летний Наволок), организовывали звенья сборщиков птичьих яиц и гагачьего пуха [4; 7, л. 18, 40–41]. Яйца среди колхозников распределялись по трудодням, за реализованный пух с людьми рассчитывались деньгами. Эти промыслы заглохли в 1960-х. Сбор яиц (морской сороки (кривухи), куликов, чаек, изредка уток), но уже только вдоль побережья у д. Пурнемы, осуществлялся силами местных школьников также в самые трудные для выживания колхозников Поморья 1992–2012 гг. [7, л. 53–54]. В первые же годы колхозной жизни рыбацкие бригады начали закупать готовое фабричное сетное полотно (дель) [5, л. 14]. Даже частичное сокращение долгой и кропотливой вязки делей (сетки обячаивающего лова в колхозах продолжали вязать до 1960-х гг., в личном хозяйстве – до начала XXI в.) многократно ускорило изготовление рыбацких сетных ловушек, тяглых и ставных неводов. При тогдашних рыбных ресурсах Белого моря это не могло не сказаться на увеличении уловов в колхозах¹.

Улучшение качества жизни и производственных показателей к колхозникам Онежского полуострова довоенного десятилетия пришло с неожиданной стороны. В 1933–1934 гг. с целью развития лесной промышленности края на полуострове начали расселять репрессированных спецпереселенцев, направляемых сюда из южных регионов Европейской России целыми поселками. Из рассказов информантов следует, что от спецпереселенцев местные поморы много чего позаимствовали. Заимствованиями того периода был «латинский парус» (быстро поднимаемый наверх мачты с помощью блока и шкотов)

¹ Вопрос об эволюции и совершенствовании рыбацких снастей на протяжении колхозного периода настолько объем и специфичен, что заслуживает отдельного исследования.

для рыбацких карбасов, практика использования тяглого невода для ловли рыбы в море, а не только на внутренних водоемах, как прежде, и колесные пароконные плуги [5, л. 7; 7, л. 41–42]. В колхозах начали выращивать невиданные здесь прежде сельскохозяйственные культуры: турнепс, капусту, огурцы, свеклу, петрушку, укроп. Непривычные прежде навыки содержания гусей и уток усвоили настолько, что в 1950–1970-х гг. в колхозах Онежского полуострова работали фермы, на которых разводили водоплавающих птиц. Поморы увеличили в личном хозяйстве число кур и баранов, стали заводить коз, посадили у дома черную смородину и крыжовник, стали разводить первые цветники под окнами.

В Великую Отечественную войну погибло слишком много мужчин, чтобы продолжать работать дедовскими методами. Потребовалась модернизация производства везде, где это только возможно. Самой насущной проблемой колхозов Онежского полуострова стало обеспечение их моторным водным транспортом для быстрой доставки работников к местам промыслов и многих сельскохозяйственных работ, вывозки готовой продукции к местам приемки и переработки. На смену традиционным парусно-гребным карбасам с 1949 г. начали приходить самые первые моторно-гребные карбасы (доры). Эти беспалубные грузопассажирские лодки, изготавливаемые в колхозах или на Соломбальской верфи в Архангельске, на десятилетия обеспечили внутри-транспортные потребности колхозов [5, л. 32].

Ради промысла рыбы в открытом море потребовались надежные, простые в обслуживании мореходные суда. С 1950-х гг. их начали производить на верфях г. Беломорска и Архангельска и поставлять рыбацким колхозам. Первая модификация малого рыболовного одномачтового бота с палубой, каютами и трюмом (МРБ-20) позволила вести рыбный лов и звериный промысел в водах Белого моря. Следующая модификация (МРБ-40) двухмачтового бота с выносной лебедкой для кошелькового невода и дрейфтерных сетей на корме позволила с начала 1960-х без особого риска осуществлять промысел трески и сельди в Баренцевом море.

Финансовое состояние колхозов настолько укрепилось, что с конца 1970-х – начала 1980-х гг. они стали приобретать океанские сейнеры, осуществлявшие лов в Атлантике и даже Индийском океане. Во времена тяжелейшего экономического кризиса 1990-х – начала 2000-х колхозы Онежского полуострова смогли сохранить свой флот. При этом колхоз «Беломор» за счет сдачи военным в аренду старого сейнера на три года накопил средства, после чего старое судно продал и приобрел новое.

На колхозных судах, там, где не требуется длительного обучения, трудятся современные колхозники Онежского полуострова. Неплохо зарабатывают, однако получить такую работу не просто. Очень трудно в наши дни заработать и на лове рыбы снастями прибрежного лова. Ресурсы рыболовства Белого моря

оказались основательно подорванными в 1960-х гг. Страшный урон местному рыболовству нанес лов донными тралами, которыми колхозники не располагали. Заселение Белого моря дальневосточной горбушей и кумжей, первоначально давший взрывные приросты добычи красной рыбы, больше не радуют поморов Онежского полуострова. Любая река, в которую заходит горбуша, чтобы произвести потомство, а затем умереть, становится не пригодной для нереста семги. Ее уловы год от года падают. Так что на семге уже нельзя «озолотиться», как это было в Средневековье в устье Летней Золотицы. Теперь главные заработки в прибрежном лове приносят жителям подходы к берегам полуострова косяков наваги и сельди.

Столь же значимым, как и морское рыболовство, для колхозников Онежского полуострова был зверобойный промысел. На этапе становления колхозов не только его развитие, но даже осуществление, было затруднено советско-норвежскими концессионными противоречиями в Белом и Баренцевом морях, которые были окончательно преодолены лишь в 1936 г. [3; 4]. Поставка колхозами ворвани, получаемой из жира тюленей, нерп и белух, для кожевенной промышленности СССР была столь доходна, что производилась традиционными способами до 1990-х гг.

На зверобойном карбасе [5, л. 33–34, 42; 7, л. 31–34], который выставлен в музейной экспозиции д. Яренги вырезана дата постройки – «1983». По воспоминаниям бывших владельцев, эксплуатировался он не менее десяти лет. Карбас не имел мотора, передвигался при помощи паруса и весел, а по льду его таскали на лямках. Другое дело, что до мест промысла, как в старину [5, л. 25–28], идти ему не требовалось: группу зверобойных карбасов за собой транспортировал один МРБ.

С начала 1970-х гг. для интенсификации зверобойных промыслов стала привлекаться самая совершенная в СССР на тот период техника. Группы зверобоев формировались из командированных колхозников, забрасывались на вертолетах к избушкам их становищ. На вертолетах охотников и снаряжение с утра доставляли к лежбищам животных, а вечером вывозили обратно. Добычу транспортировали в сетках, подвешенных на тросах, на заводские площадки. Абсолютно промышленный характер зверобойный промысел приобрел с 1980-х гг. в связи с началом доставки бригад охотников к местам промысла на ледоколах. Командированных зверопромышленников в порту брали на борт, расселяли по каютам, а на работу они выходили в составе не общих, а специализированных бригад. Первые только стреляли из винтовок по взрослым крупным животным и шли дальше, прочесывая льдины, вторые стаскивали в кучу и разделявали застреленных животных, отделяя шкуру от туш, третьи – занимались только тем, что приканчивали и собирали убитого дубинками белька, складывая его в большие сетки. Добычу поднимали лебедками на ледокол. При этом на льду не оставляли

туш животных, что обычно происходило при других способах организации «зверобойки». Мясом морских животных кормили на зверофермах черно-бурых лис и других меховых зверей. Промысел рухнул из-за природоохранной деятельности защитников животных. Зимой 2004 г. все колхозы Кольского полуострова и Архангельской области в общей сложности, как утверждают информанты, имели лицензии всего на 600 бельков [6, л. 43].

Менее доходным был лов нерпы юндовыми сетями [5, л. 28], который массово в колхозный период осуществлялся в районе Зимней Золотицы. Сплетенные из бечевы юнды ставили также у своих берегов в соседстве с рыбацкими снастями, чтобы уберечь их от повреждения нерпами. Основную ценность в нерпах представлял жир, который перетапливали в ворвань. Ласты и некоторые внутренние органы шли в пищу людям. За тушки колхозникам тоже платили, поскольку мясо нерп передавалось на колхозные зверофермы. С начала нынешнего десятилетия нерпичий промысел запрещен.

Белух промышленляли очень дорогим неводом из толстых веревок, который в старину брали на короткое время в аренду в счет половины будущей выручки у самых богатых купцов Архангельска [7, л. 35]. Колхозам же приобретение такого невода было под силу. Добыча свозилась на колхозный завод в д. Пурнему, где жир отделялся от кожи и мяса. Из кожи в Прибалтике изготавливали самую дорогую в СССР замшу. Ворвань шла на кожевенные заводы, мясо – на местные зверофермы. Добыча белух ныне тоже запрещена.

Запрет на зверобойные промыслы сделал нынешних поморов Онежского полуострова намного беднее, чем они были до развала СССР.

Динамику взлета и падений заработков, организованных в местных колхозах для поморов, прекрасно иллюстрирует история использования такого ресурса, как морские водоросли [7, л. 34–40]. На единоличном хозяйстве ими почти не занимались. Разве что собирали на берегу после шторма, чтобы запахать на теребах – сенокосных участках вдоль берега. Изредка на телегах водоросли вывозили на поля, где вместе с навозом запахивали в качестве удобрения. Постройка после Великой Отечественной войны заводов на Белом море по переработке водорослей в агар-агар резко изменила ситуацию. От простого сбора на берегу, дополненного очисткой от песка и ракушек и просушкой перед сдачей колхозному приемщику, местные поморы перешли к сбору ценного сырья в море. Там, где это было возможно, забредали в воду и короткими граблями с железной гребенкой выдирали водоросли с морского дна. Сушить стали не на «меребое» из завалов бревен на берегу, а на старых рыболовных сетях, растянутых на деревянных пялах.

В Пушлахте, где водоросли растут на глубине около 2 м, стали выезжать на заготовку сырья на лодках. На деревянный батожок с Г-образным окончанием наматывали морскую траву, втаскивали ее в лодку, после чего обрезали с батога ножом. Затем батожок, нижний конец которого называется «конь»

за сходство с лошадиной головой, поморы модернизировали, сделав вместо «коня» железные грабли, дополненные отрезным лезвием. Следовало загрести, повернуть, дернуть на себя и собрать то, что всплыло на поверхность.

Колхозы пошли навстречу собирателям водорослей, организовав приемку и сортировку («корешки» отдельно от «вершков»). В Пушлахте нам удалось осмотреть и сфотографировать колхозные станки для прессования водорослей в тюки. Такие же станки имеются на колхозном заводе в Пурнеме. На первом этаже шла обработка водорослей, на втором – животного сырья (кожи и жира белух и нерп).

Следующим этапом модернизации промысла водорослей стала добыча сырья с карбаса драгой – железными граблями, шириной до полуметра, с зубьями до 40 см длиной, которую опускали в воду на веревках. Понятно, что глубина сбора водорослей и производительность труда сборщиков резко возросла. Начав драгирование водорослей, поморы Онежского полуострова стали конкурентами промышленных заготовителей. Те делали то же самое, но с барж, а потом уже и с катеров, оснащенных лебедками. Лебедками команда поднимала и опускала в воду тяжелые железные барабаны с железными зубьями, волочившиеся за судном на тросах. Для донных плантаций подводных водорослей такая добыча оказалась столь же разрушительной, как и лов рыбы в Белом море или крупных внутренних водоемах донными тралами: сначала был резкий взлет добычи, а потом – ничего. И хотя промышленное драгирование было в СССР в итоге запрещено, это не уберегло от полнейшего упадка промысел по добыче водорослей. Пришли 1990-е, возникли требования обязательного лицензирования работы заводов, колхозов и колхозников. Хозяйство развалилось. Агар-агар заводов не стало, колхоз «Беломор» имеет лицензию, но такую, что лишь несколько человек занимается промыслом. Водоросли покупает пара предпринимателей, чтобы молоть их на добавку в витаминную муку.

Свои собственные взлеты и падения имелись у колхозов Онежского полуострова и в области сельскохозяйственного производства. Зоотехник Пятков, полвека занимавшийся в д. Нижмозере селекцией домашних животных, вывел прекрасных местных лошадок² и коров «четырёхтысячниц» [7, л. 47]. Доярки СССР, надаивавшие в месяц 4000 л молока, удостаивались орденов «Трудового Красного Знамени» и даже «Ордена Ленина». Таковых в Лямце, где порода эта продолжает существовать и в наши дни, сразу несколько

² Породу лошадей, выведенных Пятковым, местные поморы прозвали «тяжными» и «бродными». Они даже в сильный мороз продолжали работать в снегу, доходящем животным буквально до шеи. Другие породы лошадей, известные поморам Онежского полуострова, на это были не способны. Не исключено, что несколько чистопородных лошадок селекции Пяткова еще продолжают служить поморам Онежского полуострова.

человек. Успехи колхозов Онежского Поморья в обеспечении населения молоком, яйцами, морковью, капустой были настолько стабильны, что большинство перестали держать коров. Обилие колхозных овощей привело к тому, что огороды на приусадебных участках тоже практически не разводили, пока не наступили «проклятые 90-е». Это очень сильно контрастирует с континентальной Россией, где колхозники выживали, в основном за счет того, что выращивали у себя на приусадебном участке. Следует, однако, сказать, что были в указанной области производства и курьезные попытки выращивать пшеницу (из-за холодного и короткого лета здесь вызревал только ячмень) или кукурузу³.

В настоящее время экономическое положение населения Онежского полуострова (колхозников среди них, наверное, меньше, чем пенсионеров) не завидно. Люди просто выживают. В магазинах есть все, но, по нашим наблюдениям, каждые двое из трех покупателей продовольственные товары берут под запись в долг. Об этом же свидетельствуют и посадки под картофель, которые имеют на своих приусадебных участках почти все коренные жители. Не о зажиточности, а о неуверенности в завтрашнем дне говорит также наличие почти на каждой ухоженной усадьбе одной-двух теплиц. Отсюда можно сделать вывод, что частичное оскудение рыбных ресурсов Белого моря, помноженное на глобальный запрет добывания морских животных, обратили Онежский полуостров в наши дни в депрессивный регион Беломорья. Насколько изменит общую ситуацию включение части поселений и прилегающих к нему территорий в состав Кенозерского национального парка, пока не ясно. Но уже заметно, что принятые на работу в парк люди трудятся «с огоньком» и более оптимистично смотрят на жизнь, чем те, кто просто выживает.

Список литературы

1. *Бернштам Т.А.* Поморья. Формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
2. *Бернштам Т.А.* Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX века. Л., 1983.
3. *Булатов В.В.* Концессии как инструмент урегулирования проблем зверобойного промысла и принадлежности территориальных вод в районе Белого моря // *Власть.* 2009. № 10. С. 152–155.
4. *Дубровский А.Н.* Гага и гагачий промысел в Кандалакшском заливе // *Научный архив Карельского научного центра.* Ф. 1. Оп. 33. Д. 447, 448 (1934 г.).

³ Чтобы представить в районную газету г. Онеги хоть сколько-нибудь убедительный снимок, фотокорреспондент уговорил полеводов д. Лямцы встать на колени на фоне кукурузной плантации, чтобы растения казались высокими.

5. *Логинов К.К.* Крестьянское судостроение в Онежском Поморье: этнографическое описание». 2017. Рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2. Д. 18 (2017 г.).

6. *Логинов К.К.* Полевой дневник № 2 Логинова К.К. 2003–2004 гг. Архангельск, г. Петрозаводск, поселки Кольского п-ва: Краснощелье, Варзуга, Кузомень, Кошкаранцы, Оленица // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 6. Д. 631. Л. 43 (2004 г.).

7. *Логинов К.К.* Этнографическое исследование западного побережья Онежского полуострова. 2018. Рукопись // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 38. Л. 18, 40–41 (2018 г.).

8. *Набок С.Д.* Влияние Договора о Шпицбергене на российско-норвежские отношения после 1920 года // Вестник СПбГУ. Сер. 6: Политология. Международные отношения. 2013. № 1. С. 111–118.

«Забытая» экспедиция 1930-х годов по изучению этнографии Лопшеньги в современном экспозиционном контексте¹

В современном мире музейное сообщество постоянно находится в поиске экспозиционных подходов в представлении памятников, хранящихся в государственных и частных коллекциях. Особой задачей научного интерпретатора является конструирование визуальных образов, основанных не только на коллекционных вещах, но и на природном контексте, связанном с местом происхождения экспоната.

Предметом нашего изучения является определение этнографических ценностей беломорской деревни Лопшеньги и репрезентации ее в музейном пространстве. Источниковой базой для работы стали коллекция этнографических предметов и полевая информация, собранные на территории поселения², цифровые копии документов, фотоисточников и аудиозаписей из российских архивов, музеев, научно-исследовательских центров. Ключевую позицию в исследовании занимают неопубликованные материалы «Быт и фольклор Лопшеньги (Северной области, Приморского района)», записанные в Лопшеньге в 1937–1938 гг. фольклористом Наталией Ивановной Рождественской. Авторские документы хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства [18] и рукописном отделе Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля [4]. Общий объем рукописных и печатных документов, посвященных Лопшеньге, составляет более 700 листов. Отметим, что отдельным собранием является фотоколлекция, которая была описана Н.И. Рождественской и передана в Государственный литературный музей по совету известного фольклориста Ю.М. Соколова.

Материалы научного беломорского путешествия Н.И. Рождественской до сих пор полноценно не включены в научный оборот. Отдельные лопшеньгские записи вошли в ее книги «Сказы и сказки Беломорья и Пинежья» [16], «О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказки, сказки, песни и частушки, пословицы» [15], «Русские частушки» [19], «У Белого моря. Народные

© Мелютина М.Н., 2019

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Правительства Архангельской области, проект № 18-411-292001 р_мк «Исследование гуманитарно-географических образов этнокультурных ландшафтов Русского Севера как символического ресурса формирования имиджа северных и арктических территорий региона».

² Собиратели – М.Н. Мелютина, Я.Э. Харитонова, А.И. Анциферова (ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский»).

песни и сказы» [21]. Эти публикации привлекали внимание исследователей северно-русского фольклора: Н.В. Дранникову, Т.А. Морозову, А.Б. Иполитову. Информация о жизненном и научном пути Н.И. Рождественской, экспедиционные материалы ее «лопшеньского» периода до сих пор не становились предметом интереса ученых. В фундаментальной монографии Т.И. Ивановой [7] имя собирательницы упоминается кратко. Биографические сведения о ней содержатся в мемуарной книге ее супруга, художника В.В. Рождественского [17], а также в воспоминаниях А.В. Щекин-Кротовой [22].

Выявленные нами сведения о научной деятельности Н.И. Рождественской и ее собирательской работе на Летнем берегу Белого моря будут кратко изложены в настоящей статье. Наталия Ивановна Рождественская (1899–1975) – фольклорист, критик, член Союза писателей СССР³. Она родилась в Москве, закончила Московскую консерваторию, а затем поступила в Московский государственный университет. В 1921 г. она вышла замуж за В.В. Рождественского, уехала с ним в Тверскую губернию, не завершив обучение в университете. В 1923 г. семья возвратилась в Москву. В 1927 г. Наталия Ивановна работала в Государственной Академии художественных наук (научно-исследовательское учреждение РСФСР, действовавшее в Москве в 1921–1930 гг.). По информации, полученной из «Бюллетеня ГАХН 1927/28 гг.» [2], известно, что она составляла анкеты о художниках, с которыми, вероятнее всего, была знакома. Предметом ее научного интереса стали современники: Н.И. Шестаков (1883–1937) – член общества «Московские живописцы», куда входил и В.В. Рождественский; М.Х. Аладжалов (1862–1934) – живописец, активный участник московской художественной жизни первой четверти XX в.; Б.Д. Королёв (1885–1963), – скульптор-монументалист, стоявший у истоков формирования советской скульптурной школы. В 1930 г. в Москве была издана книга Н.И. Рождественской «Народный художник А.Е. Архипов». По воспоминаниям современников, в 1920–1930-х гг. Рождественские странствовали по Средней Азии [22].

С 1930 по 1939 г. Наталия Ивановна регулярно выезжала с целью сбора фольклорного материала на Русский Север, работала на Онежском полуострове, в Поонежье, Пинеге, в 1948–1950 гг. записывала фольклор в Мезени. Позднее она с мужем работала на Северном Урале и Алтае, а в 1960-х гг. супруги путешествовали по деревням Подмосковья [22]. Умерла Н.И. Рождественская в Москве в 1975 г.

Исторически сложилось так, что экспедиционная деятельность Н.И. Рождественской на Русском Севере стала предметом интереса исследователей

³ Фотопортреты Н.И. Рождественской находятся в собрании РГАЛИ. Живописные портреты, написанные В.В. Рождественским, хранятся в собрании Государственной Третьяковской галереи.

по прошествии многих десятилетий после ухода ее из жизни. География и хронология полевых выездов собирательницы на северно-русские территории выявлялись нами по архивным документам и публикациям. Впервые она приехала на Север с мужем в 1930 г. Исследовательница была командирована Комитетом содействия народностям северных окраин при ЦИК СССР для сбора материалов о северных промыслах. Предложение о сотрудничестве ей сделал П.Г. Смидович, председатель Комитета. В 1930-х гг. Наталия Ивановна Рождественская также активно работала в фольклорной секции Союза писателей, записывала песни и стихи северных народов. Экспедиционные маршруты собирательницы пролегли по поселениям Летнего и Онежского берегов Белого моря (Уна, 1930, 1939 гг.; Луда, 1932, 1934, 1938, 1939 гг.; Нёнокса, 1930 г.; Дуракова, Лопшеньга, 1937–1938 гг.; Нижмозеро, 1930, 1932, 1934, 1939 гг.; Пурнема, Лямца, Кянда, 1939 г.; Малошуйка, 1948 г.; Торна (?), Ворзогоры, 1930, 1948 гг.); по Пинежью (Почезерье, Чакола, Конечерье, Матвера, Красная Гора, Пиримень, Шаства, Холм, Юбра, Усть-Ежуга, 1935 г.; Труфанова Гора, 1938 г.) и по мезенским землям (Шойна, 1935 г.; Койда, Мезень, Бычье, Лампожня, Дорогорское, 1948, 1950 гг.).

Значительный по содержанию и объему авторский материал «Быт и фольклор деревни Лопшеньга (Северной области, Приморского района)» подготовлен исследовательницей по результатам экспедиций в этот населенный пункт. Там Наталия Ивановна и Василий Васильевич Рождественские работали в течение 1937–1938 гг. с поздней весны до осени [17, с. 159, 168]. Они останавливались в доме Петра Илларионовича и Анны Егоровны Майзеровых (этот дом сохранился, сюда ежегодно приезжают внуки Майзеровых – Н.И. Майзерова и Г.И. Нетименко) (ил. 1). «Устроились в новой пристройке у колхозника Петра Майзерова через сени от хозяев и так близко от моря, что в шторм брызги от волн долетали до наших окон. Петр Майзеров был бригадиром на дальней тоне и приходил в деревню редко, его жена, Анна Егоровна, – знаток народных обрядов, песенница и сказочница, что очень устраивало Наташу», – пишет В.В. Рождественский [17, с. 162] (ил. 2, 3). По его воспоминаниям, из Архангельска они ехали теплоходом до Пертоминска, затем на небольшом моторном боте проплыли до д. Дуракова и далее шли пешком по берегу моря до Лопшеньги. Возвращались в Москву Рождественские уже на теплоходе, который в открытом море в районе Лопшеньги забирал с карбаса уезжающих в Архангельск пассажиров [17, с. 166].

Весной 1938 г. Н.И. Рождественская и В.В. Рождественский вновь вернулись в Лопшеньгу, «у Наташи в Лопшеньге не была закончена работа», – объясняет В.В. Рождественский [17, с. 167]. Путь был прежний: из Архангельска до Лопшеньги они плыли на теплоходе, затем в открытом море, пересев на почтовый карбас, доплыли до селения. Поздней осенью 1938 г. Рождественские вернулись в Москву [17, с. 172].

Корпус источников, состоящий из полевых записей, дневников, фотографий, объединен общими авторскими темами: «Прошлое деревни», «Связь с морем», «Женщина в семье и хозяйстве. Экономические взаимоотношения крестьян деревни Лопшенги». На основании изученных документов архива Н.И. Рождественской и наших полевых выездов в д. Лопшеньгу в 2018–2019 гг. часть материалов была аннотирована и определена более детальная тематическая структура рукописного собрания [13]:

1. **Поморская традиционная культура: занятия населения.**
 - 1.2. Рыболовный промысел.
 - 1.3. Монастырский рыбный промысел: тони.
 - 1.4. Охота на морского зверя.
 - 1.5. Лесные промыслы, ремесла, домашние занятия.
 - 1.6. Сельскохозяйственный уклад.
 - 1.7. Военная служба.
 - 1.8. Традиционная одежда.
2. **Исторические сведения о поселениях.**
 - 2.1. Гражданские строения.
 - 2.2. Культовые строения.
 - 2.3. Хозяйственные строения.
3. **Поморская традиционная нематериальная культура.**
 - 3.1. Поморская традиционная нематериальная культура: семейный уклад.
 - 3.2. Поморская традиционная нематериальная культура: свадебная обрядность.
 - 3.3. Традиционная нематериальная культура: фольклор.
 - 3.4. Обрядовый фольклор.
 - 3.5. Сказочная проза.
 - 3.6. Малые жанры народного эпоса: заговоры, частушки, поговорки, загадки, приметы.
 - 3.7. Причитания.
 - 3.8. Певческая лирика: колыбельные, хороводные, солдатские песни.
 - 3.9. Поморская низшая демонология.
 - 3.10. Молодежные беседки, вечеринки, весенние игры.
 - 3.11. Танцевальная культура.
 - 3.12. Словарь диалектных слов.
4. **Информация о местных жителях.**

Тематическая структура экспедиционных материалов Н.И. Рождественской стала своеобразным инструментом научного познания историко-культурного наследия д. Лопшеньги. Обнаруженные исследовательские записи

оказали значительное влияние на смысловое решение и определение тематических зон будущего музейного зала в визит-центре Лопшеньги.

Предполагается, что экспозиция будет подчинена задаче не хронологической регистрации исторического прошлого, а представлению людей, живущих на берегу Белого моря, и ценностей их родной территории. Артефакты, цитаты ученых и писателей, устные истории коренных жителей раскроют образ жизни поморской деревни Лопшеньги, в которой постоянно продолжает жить коренное население.

Лопшеньга расположена на самом берегу Белого моря и эта географическая особенность может стать ведущей линией в разработке дизайн-макета экспозиции. Замечательно иллюстрирует жизнеописание поморов Н.И. Рождественская: «Утром берег оживает. Переставляют сети. Вынимают рыбу, носят в корзинах к кооперативу. Группы очень живописны. Цвет одежды – вылинявший – зеленоватый, частью с сочетанием розового. Утром море чудесной голубизны. За спиной у каждого пестерь, из которого торчит сверху большой рыбий хвост. Вечером силуэт рыбака на золотом фоне моря казался особенно живописным, началась семужья путина, и так как рыбы попадалось еще мало, ее с ближайшей тони, не давая залеживаться, доставляли на склад пешком. После шторма по берегу проходят крестьянки с большими мешками “туры”, водорослей, выброшенных волнами, и сдают в кооперацию» (Д. 168. Л. 2 об. – 3) [18].

Экспозиция предполагает систему связанных между собою смысловых зон, объединяющих историко-культурное и природное наследие территории. Первая тематическая зона «*Почему Лопшеньга?*» посвящена теме освоения территории и представляет деревню как место древнейших контактов северно-карельских финно-угров, занимавшихся рыболовством и охотой, и потеснившего их славянского населения.

Топоним «Лопшеньга», по мнению ученых, относится ко времени освоения территории протосаамскими племенами, мигрировавшими из Западной Сибири и Урала примерно 13 тыс. лет назад [12, с. 70–74]. Однозначного толкования этого слова пока не существует, субстратная топонимия Летнего берега представляет наибольшую сложность в плане этимологической интерпретации, и происхождение большей части названий остается невыясненным. Исследователь субстратной топонимии Архангельского Поморья Н.В. Кабинина отмечает, что название деревни – саамское. Основу топонима скорее следует сопоставить с саамским словом «кончик». Подобный способ номинации ручьев и малых речек (длина р. Лопшеньги – около 20 км) известен в Поморье и по другим примерам – в русской традиции взгляду саамских номинаторов соответствует термин «вершина», обозначающий исток реки, иногда – небольшую речку, ручей, овраг. В связи с этим показательно, что р. Лопшеньга вытекает из Вершинских озер [8, с. 159]. В месте окончания реки основана д. Лопшеньга.

У коренных лопшарей передается из уст в уста легенда, связанная с происхождением названия деревни. Во время своего второго приезда в Архангельск в 1694 г. царь Петр I отправился на Соловки и, попав в шторм, оказался в Пертоминске, который, по мнению жителей, находится недалеко от Лопшеньги. Легенда гласит: «Якобы зашел царь в одну избу, а там бабка шаньги печет, уже из печи достает их. Государь, указуя на лопату в руках старушки, вопрошает ее: “А это что?” Она отвечает, что, мол, лопата; а Петр, глядя на шаньжки, вновь спрашивает, что это; та отвечает, что это – шаньга. Вот тогда государь, якобы произнес такие слова: “Ну, зватья вашей деревне Лопшеньга!”» [6].

В ключевом вопросе «Когда появилось постоянное славянское население?» исследования историков сходятся в том, что местными жителями становились работники («полетники») в усольях и промысловых вотчинах монастырей, жившие там в одиночку или с семьями и приехавшие из разных районов Российского государства [20, с. 110–111]. По этому вопросу Н.И. Рождественская записывает легенды у лопшарей: «Деревня завелась... Бабушка да стары люди сказывали, потому што убегали от царьской службы. Один Лопшарев – на реку, на верхну на Лопшенгу пришел, а другой – “Стариков” фамилия, Стариково озеро ишо есть у нас, а третий: Ярыгин сел у Яренского озера» (Д. 127. Л. 4) [18]. Устные рассказы и мнения исследователей разнятся, что, скорее всего, связано с информацией о разновременных событиях. Однако справедливость требует сохранить и показать в экспозиции не только научную информацию, но и легенды местного населения.

Следующий тематический раздел получил название «*Как мера и красота скажут*». Он посвящен формированию исторического поселения – д. Лопшеньги, объектам ее гражданской, культовой и промышленной архитектуры. В данном разделе планируется представить инфографику расположения жилых домов и хозяйственных построек в деревне в исторической перспективе (середина XIX – начало XXI в.), а также информацию о крестьянских усадьбах и их владельцах, интерьерах изб, утраченной Введенской церкви бывшего села, разобранной ветряной мельнице, талантливых плотниках и столярах поселения. Графическая реконструкция деревни может быть выполнена на основе фотографий Н.И. Рождественской, запечатлевших архитектурные объекты. Сведения коренных жителей о количестве и расположении домов также зафиксированы собирательницей. Андрей Орефьевич Федотов рассказывал: «140 лет тому, как мой дед родился, в Лопшенге жил. Он запомнил: 7 домов только были, редко стояли. Больши черные избы – дым через дырья крышны, окна: на середка избы побольша, на концах маленьки – слюдяны были. <...> У нас дом туда стоял. На море глазами» (Д. 127. Л. 4) [18].

Третья экспозиционная зона «*Море богаче земли*», посвящена рыболовецкому и зверобойному промыслам деревни и состоит из нескольких подтем:

«Рыболовецкие тони», «Промысел морских млекопитающих», «Женские рукоделия на тони», «Никола – морской бог», «Дай поветерь».

Человек и предметный мир Лопшеньги глубоко связаны с морем и его ресурсами. Значимым для поморов был промысловый календарь, регламентировавший жизнь человека по заходу рыбы и морского зверя в места лова. Например, в дни Николы Зимнего и Василия Великого начинался подледный лов наваги, Рождество и Крещение Господне сопряжены с путиной сельди, со Сретения открывался промысел белух. «Вот эдак-то вот мы и ловим белуху по летам, три недели в Петровом посту (с Прокофья косить начинаем), за три недели перед Ильиным днем, дело-то и идет у нас ровно, и плеч-то наших не давит, не тяготит», – это поморское свидетельство записал исследователь С.В. Максимов [11].

Промысловые тони, где поморы ловили рыбу, первоначально включали в себя не только морской участок, но и ограниченную территорию промыслового леса [1, с. 11]. Тони закреплялись за какой-либо общиной (деревней), семьей или одним хозяином – крестьянином или монастырем. В окрестностях Лопшеньги в XVI–XIX вв. тони принадлежали разным владельцам: Троице-Сергиеву, Кирилло-Белозерскому, Спасо-Прилуцкому, Николо-Корельскому, Соловецкому, Антониево-Сийскому, Михайло-Архангельскому, Холмогорскому Успенскому монастырям и Холмогорскому Архиерейскому дому [1; 5]. Рыболовной тоне, как древнейшему (само слово фиксируется примерно с 1147 г.) и важнейшему объекту поморского поселения, планируется посвятить первую подтему экспозиционной зоны «Море богаче земли» (изображение тони предлагается показать в варианте макета). Комплекс строений поморской тони включал: промысловую избу, вешала, карбас, склад, ледник, причал, поклонный крест («Крест благословляет море», – записывает Н.И. Рождественская) (ил. 4).

Издrevле на каждом отрезке Беломорского побережья водились свои виды рыб. Особенностью рыбного промысла Лопшеньги был лов семги, т. к. она заходила в пределы поселения во время нереста (ил. 5). Поморская молитва «Милосердный батюшка, пошли семушку» помогала по семь раз в день вытягивать семужьи невода, приносящие «до 70-ти семог на раз» (Д. 127. Л. 6) [18]. Старики следили за движением рыбы и щадили ее, если она не была готова к ловле: «ишо посмотрят, как семга скачет по блинкам, навдоль – ишо мал, в ту пору ей не тянули», – записывает Н.И. Рождественская (Д. 127. Л. 5) [18].

В материалах супругов Рождественских есть описание древнего сооружения – «юрки» (приспособление для подтягивания невода), исчезнувшей в первой половине XX в. «Семгу ловили тягловым неводом, для которого нужен был возвышающийся над морем деревянный помост, называемый “юркой”. На “юрке” ожидали подхода семги и вытягивали сеть воротом. Такой помост остался на Кярженице. К помосту выходила дверь “тоньской избы”, переделан-

ной из старинной часовни, стоявшей здесь. Кярженица стоит на каменистом мысу: при штормах здесь случались аварии, поэтому у тони еще сохранились большие деревянные кресты», – пишет В.В. Рождественский [17, с. 169].

Н.И. Рождественская фиксирует информацию о том, что особенностью рыбного промысла было участие в нем женщин, занимающихся подтягиванием невода на тони. Во время простоя на тонях – «сидения» – женщины вышивали и вязали. Случалось, что на этих временных поселениях происходили роды. «У меня Александр был принесен на тони», – рассказывала Олена Романовна Федотова этнографу Н.И. Рождественской (Д. 64/1. Л. 76) [4].

Жизненный путь человека в традиционной культуре связан с пространством, состоящим из вещественных рукотворных объектов. Логично, что в музее должны быть представлены вещи, являющиеся содержанием обрядов жизненного цикла и имеющие как функциональное, так и символическое значение. Ряд этих предметов утратили свой функционал, но благодаря этнографической фотографии Н.И. Рождественской, их назначение приобретает информационную наполненность. Примерами могут служить «крошны» с корзиной для переноса семги (ил. 6); «ловдус» – поплавок, выполняющий роль сторожевого знака, который устанавливали посередине тяглогового невода (ил. 7). Обнаружив появление семги по дрожанию сторожевого знака («ловдуса»), рыбаки начинали вытягивать невод на берег.

В качестве информационного материала в тематическом разделе «Море богаче земли» полезными будут интересные научные факты о семге, устные истории коренных жителей о семужьем промысле, а также особые рецепты засолки рыбы с добавлением специй и корицы, использующиеся в работе Лопшеньгского рыбоприемного пункта Архангельского рыбокомбината.

Следующая тема этого раздела – «Промысел морских млекопитающих», предполагавший весновальный промысел, когда промышленники уходили на Мурман добывать гренландского тюленя («зверя тюленя “фараонова сила” век зовут») (Д. 127. Л. 22) [18], и «домашний» – промысел нерпы, белухи и морского зайца на тонях недалеко от лопшеньгского побережья. По воспоминаниям уроженки Лопшеньги Афимьи Семеновны Майзеровой, в записи Н.И. Рождественской, «в июле месяце “Кириллова память”, вся деревня в ту пору белух ловила. Бывало, что по 100 человек ездили раз-два и больше. Они заходят уромами (стаями. – М. М.), так и забелеют, как покойники, а цуханья у них, головы вздымут да как фыркнут, дак страсть – будто кони» (Д. 127. Л. 12) [18]. Промышленники работали группами, несколько небольших артелей объединялись в крупную структуру – «ромшу». Подготовка зверобоев к отъезду сопровождалась длительными сборами: «Женки рубах накладывают, и цулков накладывают трое-четверо, да ишто верхоньки кожаны (поверх рукавиц), кафтаны натканы положат, шубы, ровгу (одеяло) из овчины положат. Женки все и складывают в кису – чтобы не промокало (мешок из тюленьей кожи)»

(Афимья Семеновна Майзерова, запись Н.И. Рождественской) (Д. 127. Л. 13) [18].

Артель «ромшей» иногда брала в свой коллектив исполнителя былин, сказок, промысловых «бывальщин», который помогал коротать время. Одним из известных сказочников Лопшеньги был Николай Нестерович Петров, получивший за ловкость в зверобойной охоте прозвище «Фараон» (запись Н.И. Рождественской) (Д. 127. Л. 22) [18]. Жители деревни до сих пор хранят память об этом лопшаре.

Включение следующего тематического раздела «Кто в море не бывал, тот Богу не молился» в экспозиционную зону «Море богаче земли» связано с темой отношения поморов к смерти. «От смерти не отмолишься, море возьмет, никого не спросит», – говорили поморы. В этом разделе важно звучание аудио-текста поморского «ожиданьица» – молитвы-мольбы к морю, исполняемой женщинами при долгом отсутствии промысловиков, а также зафиксированный собирательницей трагический плач по утонувшему сыну «И потеряла я своего дитя сердечного» (Д. 127. Л. 25–27) [18].

«Дай поветерь» – с такими словами обращались моряки к Богу, и это тоже одна из подтем раздела. У поморов ветры разных направлений имели свое название и назначение. Важна была и народная метеорология: «По льву (как лев. – *М. М.*) гром гремит, море богато будет», – говорила уроженка Лопшеньги Мария Ивановна Майзерова (Д. 127. Л. 27) [18]. Следующий экспозиционный раздел – «*Путешествие Маргариты*», посвящен промыслу моллюска – европейской жемчужницы (*Margaritifera*), добываемой в р. Лопшеньге. Биология моллюска, жемчужный промысел, исчезновение вида – эти тематические подзоны будут поддержаны экспонатами, в том числе и жемчужным ожерельем, связанным с темой женского рукоделия.

Особое место в традиционном укладе жителей морского побережья занимает тема «*Женщина в поморской семье*». В этом экспозиционном разделе структурно выделим несколько подзон – этапов жизненного цикла женщины: «Девка», «Молодица», «Женка. Большуха», «Бабушка». Своеобразную хронику жизни поморки можно проиллюстрировать рассказами местных жителей, записанными Н.И. Рождественской. В качестве оформления «хроники» могут быть использованы маленькие сундучки с текстами рассказов (т. к. старые документы поморки хранили в сундуках). Признаком родовитости поморских семей являлось не социальное положение, а время их появления в данном населенном пункте. Фольклористка отмечает, что девушек во время вечеринок рассаживали в зависимости от внутридеревенского родового первенства. О девичьих вечеринках свидетельствует Фекла Андреевна Майзерова: «Вечеринки начинали с Покрова и до Великого Заговенья, только против воскресенья не ходили, так каждой вечер. Девки сами рассаживались, либо женщины пожилы укажут: как из славного житья –

перво место наладят. Богате и постарше здесь, а победнее – ниже передняя лавка. Я в штофнике уж не сживала, уточкой ходили в кашемирниках, не по родам. С колхоза вечерки кончились, не стало и беседок» (Д. 127. Л. 53–54) [18].

Татьяна Никифоровна Петрова рассказывает о девичьих гуляниях: «В Лопшеньге гора была. В праздничную пору народу собиралось. Первый круг на 3 конца, потом стенками, потом пойдут улицей, четвертая игра на 3 круга: один круг девицы, другой – молодцы, еще на перекрес ходили. А в конце заговенья на горках катались с песнями, на санках» (Д. 127. Л. 58) [18]. Эта цитата может быть поддержана аудиозаписями хороводных песен, исполненных жительницами Лопшеньги, а записанных сотрудниками Пушкинского Дома в 1976 г. (экспедиции В.В. Коргузалова).

В предметный ряд этого раздела могут войти фотографии девушек в праздничном наряде, жемчужное ожерелье, резные поморские прялки (ил. 8, 9), расписной сундук, тканное узорное полотенце и другие предметы, связанные с миром поморской девушки.

Следующий статус женщины – «молодица» – это замужняя женщина до рождения первого ребенка. Татьяна Никифоровна Петрова вспоминала: «Бабушка “молодицуюшкой” звала, любила, а бабушка бранил парато. Поутру встанешь – тут уж деверья распорядок был – хто што робить должон, слешали (слышали. – М. М.) все. По летам все деверь, а зимой свекрова» (Д. 127. Л. 29) [18].

Воспоминания женщин могут быть подкреплены этнографической фотографией молодницы в праздничном наряде, снятой Н.И. Рождественской, «заборос(ч)ником» – женским украшением на шею, будничным костюмом (домотканая рубаха и др.), предметами бытовой утвари, использовавшимися женщиной этого возрастного периода.

Молодая женщина, родившая ребенка, переходит в статус «женки». Это период жизни женщины, подчас единолично ведущей хозяйство в периоды отъезда мужа на промыслы. «Мама была заботна, мастерица, расторопна», – рассказывает И.И. Майзерова Н.И. Рождественской (Д. 64/1. Л. 6) [4]. С целью более полного сбора материала исследовательница «ходила с местными колхозницами за десятки километров на дальние пожни, часто возвращалась одна по таежным малохоженным тропам, имея при себе пучок соломы и спички на случай встречи с медведем. Она жила с покосницами в лесных избушках, записывала там фольклор, фотографировала», – вспоминал В.В. Рождественский [17, с. 164] (ил. 10). Самый высокий женский статус обретала «большуха», которая «держала дом» с проживающими в нем несколькими родственными семьями. Образ жизни «женки» в экспозиции могут создать фотографии с изображением женщин среднего и старшего возраста, вещи хозяйственного обихода: корыто для квашения капусты с поморским автографом, «турачка» для наматывания нити, сундук, короб лу-

бяной, лопата для вынимания хлеба из печи, «полотуха» для хлеба с поморским автографом, керамические горшки, предмет женских ремесел – «самопрялка», а также потасенные тетради «с заговорами». В этом разделе было бы уместно поместить рецепты особого «поморского харча».

Отношение к старым женщинам – «бабушкам» – у поморов было почтительным. Пословица гласит: «Ребят в семье много – опечалуют старость родительскую, не горюем» [3, с. 159]. С наступлением социальной и физической неполноценности, близостью к загробному миру стариков и старух наделяли особыми полномочиями в сфере колдовства, знахарства и религиозной жизни. Они были «авторитетными» знахарями, колдунами, повивальными бабками и т. д. В материалах Рождественской есть разделы, посвященные низшей демонологии.

Завершающая экспозиционная зона названа «*Лопшеньга в судьбе писателей и художников*». В музейной практике базовыми коллекциями для раскрытия подобной темы являются мемориальные предметы, цифровые копии документов из российских архивов, музеев, научно-исследовательских центров. В музейном зале визит-центра в Лопшеньге нам представляется важным показать единение художника и человека, живущего на морском побережье. Экспозиционной ценностью здесь обладают фотографии творцов с местными жителями, письма, аудиовидеозаписи, книги с дарственными надписями и т. д.

Литературное освоение Лопшеньги начинается с конца XIX – начала XX в. Исследование С.В. Максимова (1831–1901) «Год на Севере» является самой значимой работой по этнографии Беломорья [11]. По поручению Императорского Русского географического общества русский писатель М.М. Пришвин в 1907 г. устремился на Русский Север. Он посетил Соловецкий монастырь, Лопшеньгу и Красную Горку, которые стали местом творческого вдохновения автора. Это северное путешествие воодушевило Михаила Михайловича на создание книги «За волшебным колобком», изданной впервые в Санкт-Петербурге в 1908 г. Книга прекрасно иллюстрирована, автор рисунков – английский художник Г.Д. Денглас-Юм. К сожалению, ни в документах архива Русского географического общества, ни в дневниковых записях М.М. Пришвина не сохранилось экспедиционных материалов.

Встреча с Русским Севером стала важным событием в жизни прозаика Юрия Казакова (1927–1982). В результате поездок появилась книга очерков «Северный дневник», ставшая главной книгой писателя о Беломорье. Юрий Казаков подолгу жил в Лопшеньге и считал ее самым красивым поморским селением. «В жизни каждого человека есть момент, когда он всерьез начинает быть. У меня это случилось на берегу Белого моря», – написал Юрий Казаков [9, с. 11]. В семейном архиве писателя, которым владеет вдова, Т.М. Судник, сохранились фотографии с изображением Лопшеньги и ее жителей, сделанные в 1950–1970-х гг. Многие снимки писатель подписывал «литературно», например: «Утренний кофе на кофе», «После манной каши», «Светлый лес, грибы, настроение грустное».

Юрий Павлович и его супруга Тамара Михайловна Судник останавливались в доме Василия Андреевича и Миропии Александровны Репиных, а когда уезжали, эти семьи связывали письма. В одном из сохранившихся писем (1974 г.) хозяин лопшеньского дома, описывает будни деревни: «В колхозе все по-прежнему, летом ловят семгу и селедку, в колхозе есть молочная ферма, заготавливаем анфельцию-водоросли, держим овец», а затем трогательно дополняет: «Мирапия связала бы вашему сыночку шерстяные носки, но не знает его размер» [14].

С Ю.П. Казаковым связан самый большой предметный ряд в завершающей экспозиционной зоне: фотографии писателя с местными жителями, письма к М.А. Репиной, видеозапись с вдовой прозаика Т.М. Судник и др. (ил. 11).

Лопшарь Павел Григорьевич Поздеев (литературный псевдоним – Павел Кренев) – автор восьми сборников рассказов и повестей, член Союза писателей России, лауреат нескольких первых всероссийских литературных премий, награжденный золотой медалью имени Василия Шукшина, воспел родную деревню в своих книгах «Река детства» и «Краски Белого моря». В рассказе «Этюды акварелью» он написал: «Мне повезло, я родился у моря. В том, что мне действительно очень повезло, я совершенно убежден и всегда считал и считаю, что люди, не жившие рядом с морем, сами того не ведая, лишились возможности познать неоглядность и синеву, настоящий размах и силу. Живущие рядом с морем мне кажутся несравненно более добрыми, размеренно спокойными и мудрыми. Эту доброту и мудрость дарит им море. У меня было две няньки: море и бабушка Агафья Павловна» [10, с. 3].

Лопшеньга стала местом творческого вдохновения русского, советского живописца, графика, одного из ведущих художников первой половины XX в. художника В.В. Рождественского (1884–1963). Его произведения «лопшеньского периода» находятся во многих музейных собраниях, в том числе в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Тульском областном художественном музее, Государственном музейном объединении «Художественная культура Русского Севера» (г. Архангельск) и др. На своей картине «Беломорская путина. Колхозный лов семги» (1938–1948 гг., собрание ГМО «Художественная культура Русского Севера», г. Архангельск) художник увековечил образы лопшарей Касины Ивановны Петровой и Алексея Степановича Майзерова. Их запечатлела на своих снимках и Н.И. Рождественская, чьи фотографии войдут в данный раздел составной частью экспозиции (оригиналы хранятся в РГАЛИ: Ф. 2950. Оп. 1. Д. 117. Л. 84–85) [18].

Представленный вариант музейного проектирования с принципом отбора, группировки и интерпретации предметов сопрягается с актуальным сегодня направлением показа, в котором экспозиционной ценностью становятся человек, его предметный мир и личные истории.

Большое значение научного наследия Наталии Ивановны Рождественской состоит в том, что она записала живые этнографические рассказы жителей Лопшеньги, которые имеют большой потенциал для специалистов различных сфер

гуманитарного знания: музееведов, фольклористов, историков, социологов, культурологов и др. Фольклорные материалы, дополненные путевыми заметками, социально-экономической характеристикой мест, литературными описаниями североморского ландшафта, ждут дальнейшего междисциплинарного изучения.

Список литературы

1. *Алексеева Я.И.* Научный отчет «История рыбных и морских звериных промыслов деревень Лямца, Пушлахта, Летняя Золотица, Летний Наволок, Лопшеньга, Яреньга, Уна, Луда, пос. Пертоминск (XV в. – 1920-е гг.)». Рукопись. 2017 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 14.
2. Бюллетень ГАХН 1927/28 гг. <http://kniga.seluk.ru/k-iskusstvovedenie/1165581-1-byulleten-8-9-moskva-1927-28-gosudarstvennaya-akademiya-hudozhestvennih-nauk-byulleten-pod-redakciey-uchenogo-se.php> (дата обращения: 09.12.2018).
3. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.
4. Государственный музей истории российской литературы имени В.И. Даля. Фольклорный архив. КП 50715/64/8–11.
5. Карта тоней. 1808 г. // Государственный архив Архангельской области. Ф. 114. Оп. 3. Д. 14.
6. Деревня Лопшеньга. URL: <http://onpomor.ru/derevnya-lopshenga.php> (дата обращения: 09.12.2018).
7. *Иванова Т.И.* История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 г. СПб., 2009.
8. *Кабинина Н.В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.
9. *Казаков Ю.П.* Избранное. М., 2017.
10. *Кренев П.* Этюды акварелью // Река детства. Л., 1986.
11. *Максимов С.В.* Год на Севере. Архангельск. https://royallib.com/book/maksimov_sergey/god_na_severe.html (дата обращения: 09.12.2018).
12. *Матвеев А.К.* Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 70–74.
13. *Мелютина М.Н., Зверева Ю.Д.* Историко-архивные изыскания по теме «Архив Н.И. Рождественской: полевые материалы 1930–х гг., собранные в деревнях Лопшеньга, Уна, Луда, Нижмозеро» // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 26.
14. *Репин В.А.* Письмо Т.М. Судник. 1974 г. // Личный архив Т.М. Судник.
15. *Рождественская Н.И.* О рыбаках, морских зверобоях и охотниках. Народные сказы, сказки, песни и частушки, пословицы». Архангельск, 1952.
16. *Рождественская Н.И.* Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941.
17. *Рождественский В.В.* Записки художника. М., 1963.
18. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 2950. Оп. 1. Д. 98, 117, 127, 128, 129, 168.
19. Русские частушки (предисл. и отбор текста Н.И. Рождественской и С.С. Жислиной). М., 1956.
20. *Савич А.И.* Соловецкая вотчина в XV–XVII вв. М., 1921.
21. У Белого моря. Народные песни и сказы / сост. Н. Рождественская. Архангельск, 1958.
22. *Щекин-Кротова А.В.* Из бесед с В.Д. Дувакиным // Наше наследие. 2011. № 100. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/10014.php> (дата обращения: 09.12.2018).

Традиционное народное судостроение и судоходство на территории Кенозерья и Онежского Поморья

Основными источниками для исследования традиций и современного состояния народного судостроения и судоходства Каргопольского и Плесецкого секторов Кенозерского национального парка, а также вошедшего в него Национального парка «Онежское Поморье» с примыкающими территориями, являлись экспедиционные материалы автора: беседы с мастерами-лодочниками, натурные исследования лодок и технологии судостроения, полевые дневники и научные отчеты [5–7]. Сбор материалов соответствовал разработанной автором методике [3, с. 201–211], которая позволяет получить наиболее полную информацию о технологиях лодкостроения и мастерах, различных типах лодок и их хозяйственном использовании.

Сведений о традиционном судостроении, судоходстве исследуемой территории крайне мало, специальных исследований по теме до 2016 г. не было [4, с. 255–268]. При подготовке отчетов в архивах Республики Карелия, фондах и архивах Национального парка «Кенозерский», Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея (КГИАХМ) и музея «Кижы», а также в краеведческой литературе удалось найти некоторые сведения и фотографии традиционных судов и лодок с начала XX по начало XXI в. Документальные свидетельства позволяют представить народное судостроение, судоходство каждого локального центра.

История освоения Поонежья и Поморья прослеживается по опубликованным документам и описаниям путешествий иностранцев в XVI–XVII столетиях и экспедиций русских ученых XVIII–XIX вв., в том числе по описаниям водно-волоковых путей к Белому морю. Народное судостроение не изучалось историками флота и этнографами, не было специальных работ, посвященных происхождению традиций лодкостроения и возможного взаимовлияния соседних районов на местные традиции. В некоторых публикациях и отчетах этнографов об экспедициях XIX в. изредка встречаются сведения о названиях, размерах, типах лодок и их использовании в традиционных крестьянских занятиях.

В советский период специальное изучение истории и комплексные исследования традиционного крестьянского судостроения в представляемом регионе не проводились, но упоминания о лодках и их использовании встречаются в работах советских этнографов. Разрозненная информация о судоходстве

и лодках Кенозерья, Каргополья и Онежского полуострова встречается также в краеведческих сборниках и материалах Кенозерских и Каргопольских конференций.

Традиционное судостроение и судоходство Каргопольского и Плесецкого секторов. Территория южной части Национального парка «Кенозерский» располагается в пределах юго-восточного склона Балтийского щита и включает озера и реки верховья бассейна р. Онеги. Каргополье располагается на самом северном перекрестке важнейших водных путей Европейской части России, соединяющих Волжский и Балтийский бассейны с Поморьем и Подвиньем, что во многом определяет развитие судоходства. Можно предположить, что еще до прихода славян аборигенные племена уже использовали водно-волоковые пути. Активное освоение этого региона началось с развития Новгородской феодальной республики, позднее земли Поонежья вошли в Московскую Русь. Постепенно древние пути заселялись и становились основой торгово-экономической деятельности региона, в том числе и развития судостроения. Географическое положение Каргополья на перекрестке важнейших водных путей Европейской части России определяет его промышленное развитие. Уже во второй половине XVIII в. Г.Р. Державин отмечал достаток и обустройство Поонежья в сравнении с другими регионами. В середине XIX столетия Каргопольский уезд был самым густонаселенным из уездов Олонецкой губернии.

Главная артерия территории – р. Онега – берет начало из оз. Лачи и впадает в Онежский залив Белого моря. Первые упоминания о грузовых судах бассейна Онеги – крупных дощаниках и насадах, мелких лодках, пассажирских каюках и карбасах [2, с. 405–407] – относятся к XV–XVI вв. В статистических отчетах Олонецкой губернии XIX столетия и других архивных источниках перечисляются коммерческие суда, перевозившие грузы по р. Онеге. Интересно, что эти типы судов в других районах не строились. Согласно губернским отчетам, Каргополье занимало второе место по количеству зарегистрированных малых судов – карбасов [8, с. 174]. В отсутствие дорог по обустроенным за столетия водным магистралям через Каргополье шел традиционный обмен товарами Русского Севера с Центром и Югом, перемещались основные коммерческие грузопотоки, развивались хозяйственные связи и экономика региона. Основной судостроительный потенциал был сконцентрирован в деревнях, расположенных по берегам рек и озер.

До рубежа XX и XXI столетий в исследуемом регионе сохранились традиционные плавсредства – плоты, лодки-долбленки и лодки из досок, что подтверждается архивными документами, фотографиями и сведениями, собранными нами в экспедициях. Для правильной оценки традиций и развития лодкостроения использовались самые ранние фотографии лодок конца XIX – начала XX в.

Результаты исследований позволяют выделить следующие локальные центры традиционного судостроения и судоходства: оз. Лаче, Лекшмозеро, Кенозеро, р. Онега у г. Каргополя. В XX в. традиции лодкостроения этих центров не прекращались и сохранили особенности местных дощатых лодок, технологических приемов и терминологию. В Усть-Поче и Каргополе были организованы лодочные мастерские, есть сведения о деревенских мастерских и в других локальных центрах.

Стоит отметить, что названия конструктивных элементов лодок отличаются даже в соседних центрах лодкостроения. Свой традиционный вид озерные лодки стали терять с конца 1960-х гг., когда после установления на них транцевой доски появились подвесные моторы; но это не привело к изменению терминологии местных лодок, которые сохранили свои функции. Жители различают несколько типов лодок, получивших в XX в. местные названия «кенозерка», «лекшмозерка», «каргополка», «водлозерка» (ил. 1). Появляются более простые в изготовлении лодки-плоскодонки, а также металлические (в основном дюралюминиевые), пластиковые и резиновые лодки, которые не требуют ежегодной подготовки к навигации и специального ухода.

Традиционные лодки бассейна озера Кенозеро. На юге Кенозера в д. Семеново В.В. Баженов рассказал нам много интересного о традиционных промыслах, водных путях и различных плавсредствах. «Рыбачили на плотках и на дубанах – они были на всех маленьких озерах и реках. Все делали плоты и умели выдолбить “кокшой” дубаны из осины, в основном только для себя, на заказ не делали. Почти каждый мог шить и лодки из досок для себя или своим родным и соседям, поэтому почти в каждом доме была лодка двухкуймовая – двуногая, а у кого не было, брали иногда у соседей порыбачить – все люди дружили. В Усть-Поче еще до войны шили артелью на продажу – был лесопункт, пилили доски, поэтому материалы были и 3-4 мастера шили лодки для сплавных работ и по заказам. На малых озерах – Терехово, Долгое, Святозеро в д. Кузьминке и Терехово – шили свои лодки. В лесопункте Нижнее Устье, д. Торосозере, Думино, Майлахте и Зехнова были мастера-лодочники. В Першлахте, где р. Кена начинается, в Коровино (5 км от д. Першлахты) тоже шили лодки. Да и по всей округе шили!

Раньше из Макарьева монастыря на лодках спускались с зерном – у них в лесу были поля, возили зерно на реку Онегу, а у нас все болота в налогах. С Ошевенска в Макарьев монастырь приезжали за семенным зерном, а по другой дороге, через Ряпусово, зерно и лен везли на Каргополь. Обозами много людей за рыбой на море ходили, кто ловил, кто покупал да продавал. Мой дед обозом на двух санях ездил на Белое море за сельдью – сам рыбачил. С Водлозера к нам в карбасах возили рыбу на продажу. Поднимались на лодках по р. Череве в д. Заволочье, перевозили карбаса на одре (телега с длинным верхом) или на волокушах лошаадьми в оз. Волоцкое. Из оз. Волоцкого по

р. Волошова в р. Почу и по Кенозеру спускались в р. Кену и в р. Онегу, а обратно везли в Водлозеро хлеб. Кенозерские мужики на Водлозере держали переправу в Кугонаволоке – летом на лодках, зимой на лошадях» [5].

Дополняет информацию рассказ В.М. Лоскутова из д. Глущева: «Для рыбалки на отхожих озерах делали плоты из смолистых бревен сушняка – служили до 30 лет. По Кенозеру лесозаготовители плотили “гонки”-плоты или набивали лесом кошели. На плоту лошадь или люди ходили вокруг ворота и потягивали гонку к заводным (заводным) якорям весом 12 пудов (около 200 кг. – Ю. Н.), которые завозили на карбасах. По-деревенски “карбас” – большая лодка, можно скотину или грузы перевозить. На перевозах были большие лодки – двухгребелки или карбаса, у них по две пары весел. У нас их не шили – на них приходили с р. Водлы или с р. Онеги. Наши лодки были меньше. На Бухалово, в небольших проливах и лахтах были малые дубаны из двух осин, но были и большие с выходом в озеро. Долбили два корыта из осины, которые соединяли – в носу и корме забивали шпонки, как клин, большие были, с уключинами на веслах, а на малых шестом толкались. У нас нигде не парили и не разводили осиновые корыта-дубаны, может на реках делали другие» [5] (ил. 2).

В 2016 г. в пос. Усть-Поче на берегу зафиксировно около десятка лодок (ил. 3). Удалось встретиться с известным лодочным мастером И.Д. Ошонковым (1934 г.р.) и записать рассказ о технологии, терминологии и о лодках Кенозера: «Киль – “днище”, “куйма” – штевень, а “кочора” – это ель с корнем – заготовка куймы, бортовые доски – “набои” сшивают в нахлест, потом в корпус вставляют – “прижимают” и крепят к бортам шпангоуты – “тугуны”. Мостков – “стеллажей” – не было, ходили по днищам» [5].

Много лодок шили в мастерской сплавной конторы для сплава и по частным заказам, каждую весну спускали на воду 20–30 шт. Большие карбаса длиной 7 м для перевозки габаритных грузов пригоняли с р. Онеги. На них было две пары весел, перевозили из Конёва продукты и товары для магазина, через пороги шли бичевой. Потом появились моторы, после войны были подвесные, потом пропали, в 1950-х стали ставить стационарные. На лесные озера перевозили зимой подержанные старые лодки – «с одним концом», там были и очень удобные для рыбалки долбленки – дубаны.

Традиционные лодки Лекшмозера. В южной части Лекшмозера вытекает р. Лёкшма, которая впадает в оз. Лачу, рядом по невысокой гряде Масельга проходит водораздел Балтийского и Беломорского бассейнов. Реки северо-восточного склона Масельги текут в бассейн Кенозера. На западе от Масельги расположено Колодозеро, из которого вытекает р. Колода – приток Водлы, входящей в бассейн Онежского озера.

От мастера-лодочника Н.И. Попова удалось получить много информации о лодкостроении Лекшмозера. Раньше здесь шили лодки в основном на улице

около сараев у своих домов, киль (днище) делали из ели, иногда из сосны толщиной 8–9 см, шириной не меньше 24–30 см (на узком днище лодка менее устойчива). Тесали топором из целого бревна, сейчас распиливают на пилорамах. Мастер выставляет днище по уровню на двух брусках 150×150, шьет «на глазок». Штевень – «кокоря», необработанная ель с корнем (коргой). На дне, между шпангоутами (тогунами), укладывались настилы из поперечных досок (ставеньки), а сейчас не делают – ходят по днищу. В корме лодки в киле сверлится отверстие для слива воды, которое затыкается пробкой (тычкой).

На Лекшмозере использовали местные лодки и традиционные «пономаревские» из г. Каргополя. Были лодки постройки Каргопольского промкомбината – из узкой доски, покрашенные масляной краской. Они служили до 20 лет без ухода, но у них были высокие борта 40–45 см, и в ветер проверять сетки на них было хуже, т. к. лодка «парусила».

В визит-центре Кенозерского национального парка хранятся долбленки-дубаны – древние традиционные плавсредства для передвижения и ловли рыбы на небольших озерах и реках. Эти разных размеров катамараны местные жители делали прямо на берегу лесных озер из двух выдолбленных осиновых стволов, крепили борт к борту врезными шпонками или круглыми нагелями. На небольших озерах делали долбленки-челны длиной 3,5–4,0 м, с обоих бортов набивая по доске. Еще были «чалны» из досок с широким днищем (40 см) в три набоя, длиной около 4 м. На них занимались «торбаньем» – шумом загоняли рыбу в сетки. Для маленьких озер и по сегодняшний день делают «плоскодонки».

Традиционные лодки оз. Лачи. Лача – самое большое озеро Каргополя, находящееся юго-восточнее Лекшмозера. Раньше по р. Лёкшме был хороший ход на лодках в Лаче, мешали только плотины мельниц, где лодки обносили по берегу. Нокола – единственная деревня, которая стоит на самом берегу, поэтому здесь рыболовный промысел и лодкостроение были развиты больше, чем в других селах. Здесь жили хорошие мастера, которые шили много дощатых лодок для рыбалки и лесосплава. Технология лодкостроения была, как и в соседних районах, но местные лодки отличались размерами и формой (ил. 4, 5). На Лаче и в Каргополе зафиксирована оригинальная технология гидроизоляции – между набоями в две нитки прокладывают высушенный тростник (логус) – он не пропускает воду и не гниет.

Нокольские карбаса длиной 6–7 м были более седловатые – середина бортов заметно ниже носа и кормы (ил. 6). Во второй половине XX столетия в д. Ноколе лодки шили уже единицы. Лучший старый лодочник Н.М. Корякин делал лодки на сарае своего дома. Традиционные для Каргополя уключины (оключины) – съемные, вытесанные из березы пластины с круглым штырем, а весла делали так, чтобы надевать на уключину, с дыркой в уширении. Такие же уключины были в онежских и каргопольских лодках.

Последний из старых мастеров В.И. Пригодин сделал около 100 лодок своим деревенским рыбакам, в Гослов и на лесосплав, он еще сам ковал плоские гвозди с широкими шляпками. Последняя его лодка лежит на берегу озера, в ней сохранилась одна из уключин. Его сын В.В. Пригодин (1949 г.р.), помогая отцу, стал шить лодки для себя и немного по заказам соседей.

На малых озерах рыбачили с плотов, рядом с деревней. По р. Ковже ходили выдолбленные теслами с разведенными бортами осиновые челны. Хорошие челны могли делать единицы – специалисты очень ценились. В лес уходили с теслом да с ружьем: сделает мастер лодку (на берегу озера или реки долбили и разводили борта), глухарей настреляет и уже с добычей на лодке домой вернется. В д. Ноколе сохранился один такой челн, который сделал на Ковже мастер И.Н. Пригодин (ил. 7).

Город Каргополь. Административный центр Каргополя расположен в 3 км от оз. Лачи на левом берегу р. Онеги (от истока до устья – более 400 км). Каргополь был важный порт и центр судостроения, где строились мелкосидящие суда для перевозки грузов по реке и малые лодки (ил. 8). В XIX в. перевозка хлеба из центральных областей России в Поморье велась на соймах-«красивах» (ил. 9) или баржах, закрытых навесами. Опытные лоцманы проводили груженные суда через пороги р. Онеги до Белого моря.

Традиционные лодки р. Онеги – карбасы. Самый известный мастер-лодочник Петр Иванович Пономарев (1927 г. р.) начал шить лодки в войну с 14 лет. Всего изготовил более 1000 лодок, уже на пенсии за лето шил по 24 больших и маленьких лодки. В 2009 г. он рассказывал, что шьет на глаз и углы никогда не меряет; что раньше лодку делали за три дня вдвоем: 1-й день – днище, 2-й – борта (5–8 набоев), 3-й – «обнабойку»: обортовку, тугуны, беседки, уключины. В одиночку лодку делает за неделю. Мастерит модели лодок – в 2008 г. около 30 штук сделал: копыльный штевень, киль со шпунтом, опруги цельные.

В экспедиции 2016 г. в Каргополе удалось зафиксировать несколько деревянных лодок П.И. Пономарева. На берегу в кустах стоит его старая большая лодка с тугуном, а на воде новая лодка на которой он ездит под мотором и под парусом. «Парус всегда с собой брали, на веслах вдвоем гребли, а кормовым веслом помогали и правили, а если мелко, то и от дна отталкивались. На реках были и чолны с разведенными бортами и дубаны – “корыта” – здесь так называли, по два скрепляли – по Онеге и в городе рыбачили. Плотами в городе мальчишки занимались – по берегам бревен много было. Раньше шили лодки еловой «вицей» – корнем распаренным, корнем шили от нужды – железа не было», – рассказал старый мастер [5].

На притоках р. Онеги, в верховьях бассейна Поонежья на небольших озерах и реках были только развернутые долбленки, в основном все на одного человека для рыбалки, но были и большие – по шесть человек переправлялись через реку. У одного хозяина бывало до трех лодок на разных озерах, где он

их и делал. В 2016 г. получена информация, что в д. Ступинской еще делают развернутые долбенки.

Национальный парк «Онежское Поморье». В нижнем течении Онеги и на побережье Онежского залива судостроение исторически имело очень большой потенциал. С новгородских времен заготовка соли и леса, морской промысел и торговля рыбой и зверем, в том числе с соседней Норвегией, были особенностью хозяйственной деятельности и основным фактором развития Поморья. Все коммерческие предприятия и промысел в Белом, Баренцевом и Карском морях требовали судов различных типов. Из исторических документов известно, что в XV столетии в устье р. Онеги уже активно развивалось судостроение, морские лоды и кочмары строились для промыслов в Белом и Баренцевом морях. Предприимчивые купцы-поморы стали торговать не только продукцией своих морских промыслов, но и вывозили за границу хлеб, лес и пиломатериалы из внутренних губерний, что стало основным фактором развития поморского судостроения и помогало создавать столь необходимый флот.

В 1692 г. потенциал Онежского берега был использован молодым Петром I для создания Российского флота, именно онежские плотники строили «потешный» флот на Переяславском озере и в с. Преображенском [9, с. 6]. В начале XVIII в. мастера корабельных дел из г. Усть-Онеги участвовали в закладке и работе Архангельских государственных судостроительных верфей. В 1760 г. организовано Онежское адмиралтейство, контора лесного торга и таможенная застава на Кий-острове. В Подпорожье и на р. Поньге начали работать две английские верфи, за семь лет было построено 24 мореходных судна для перевозки лесоматериалов за границу. В 1780 г. Онега получила статус города, а в 1781 г. была основана государственная казенная верфь, на которой строились купеческие суда. Путешествуя по Северу, в 1791 г. Петр Челищев сообщает, что каждый год до 20 онежских судов отправляется для промысла зверя и рыбы на Мурман, Грумант и Новую Землю.

Развивалось и крестьянское судоходство. В конце XVIII в. открылась школа шкиперов, в начале XIX в. организованы мореходные классы в г. Онеге и с. Кушереке. К 1886 г. строится 13 шхун, 13 яхт, 28 клиперов. Флот г. Онеги насчитывает десятки парусников. В Онежском уезде было более 80 судовладельцев-судостроителей. В 1909 г. в Онеге зарегистрировано 66 морских парусных судов [9, с. 14–18].

В начале XX в. происходит спад традиционного судостроения – сказалось быстрое развитие пароходного сообщения. На фотографиях того времени в нижнем течении Онеги можно увидеть специальные суда для перевозки хлеба из Каргополя. Очевидно, после выгрузки хлеба навесы над ценным грузом разбирались и соймы использовались для перевозки различных грузов, поэтому это несамостоятельное судно получило здесь свое новое название – «баржа» или «плашкоут» (ил. 10).

После 1917 г. купеческие и крестьянские верфи были ликвидированы ввиду запрета частного предпринимательства и из-за новых подходов к организации промышленности и народного хозяйства СССР. В 1930–1940-х гг. по заказу государства в г. Онеге строятся баржи для перевозки экспортного леса на иностранные суда на рейде залива и карбасы для рыбацких колхозов, продолжается народное судостроение по берегам рек и озер. Во второй половине XX в. продолжали строить небольшие плоскодонные суда с невысокими бортами (баржи). Местные жители использовали их для транспортировки по реке сена и других грузов, перевозили через реку и на новые пастбища колхозный скот на выпас, после дойки везли молоко в деревню. Автору посчастливилось найти такую баржу на берегу у д. Каменихи.

В нижнем течении реки и в г. Онеге были мастера-лодочники. Карбасами назывались промысловые лодки длиной до 8 м с двумя парами весел, на которых ходили в море, с одним, редко с двумя парусами и одним рулевым веслом при парусах. Рулей местные жители не помнят. По всему течению Онеги традиционные лодки называли карбасами. Как видно на старых фотографиях, от истока до устья лодки были однотипны.

В нижнем течении Онеги наиболее известным был центр лодкостроения в д. Чижиково. В крестьянских мемуарах [10, с. 62–64] есть информация о том, что в 1929–1930 гг. в Чижикове была создана лодочная артель, в которую объединились 25 лучших специалистов по лодкам. Артель шила лодки большой грузоподъемности по госзаказам для онежской сплавной конторы, делали лодки и по частным заказам. В фондах Каргопольского музея есть фотография лодки 2000-х гг. из д. Чижиково, которая имеет много общего с лодками Каргополя. В конце XX столетия более 20 мастеров шили различные карбасы и лодки в Онеге, пос. Поньге и Легашовской запани [9, с. 5], но местные традиции лодкостроения с уходом из жизни старых мастеров стали исчезать.

Морское побережье Онежского полуострова. Все суда Белого моря, в том числе Летнего и Онежского берегов можно разделить на морские (мореходные и прибрежные) и речные или озерные. Уже отмечалось ведущее положение в поморском судостроении Онежского и Архангельского уездов, куда входили села исследуемого района. Подробные описания основных типов местных судов для прибрежного плавания середины XIX в., их характеристики, технология постройки и назначение приводятся в книге П.А. Богославского [1, с. 28, 49–51]:

1. Поморский карбас – длина до 13 м, ширина до 2,1 м, высота борта до 1,6 м, грузоподъемность 8 т и более, осадка в грузу 70 см.

2. Весновальный карбас (строился по всему Поморью) – длина 9 м, ширина 1,3 м, высота борта около 0,9 м, грузоподъемность около 3,2 т, осадка в грузу 60 см.

3. Осиновка – небольшая лодка – длина до 5 м, ширина 1 м, высота борта 0,6 м, грузоподъемность до 320 кг, осадка в грузу 0,3 м.

4. Тройник – небольшая лодка для промыслов – длина 5 м, ширина 1 м, высота борта 0,6 м, грузоподъемность 320 кг.

Других описаний лодок XIX в., сделанных профессиональными судостроителями исследуемого района, автором не обнаружено.

От г. Онеги до бывшего районного центра пос. Пертоминска, расположенного на восточном берегу Летнего берега, были обследованы деревни побережья Онежского полуострова Пурнема, Лямца, Летняя Золотица, Яреньга и Лопшеньга. В начале XX столетия старыми мастерами еще сохранялась технология шитья корнем, но с развитием коллективного ведения хозяйства и индустриализации страны уже в первой половине века технологии судостроения стали изменяться: в строительстве традиционных корпусов на колхозных верфях начинает применяться металлический крепеж, появляются паровые и дизельные двигатели. Создаются государственные верфи для строительства деревянных рыбопромысловых судов, разрабатываются новые проекты судов и лодок. Во второй половине XX в. на Соломбальской верфи для промышленного рыболовства стали серийно строить моторные суда и большие карбасы, на промыслах и перевозках постепенно заменявшие традиционные лодки.

Географические особенности Онежского и Летнего берегов определяли основные традиционные промыслы местного населения: прибрежные – весенний и осенний зверобойный, наважий, сельдяной и семужий; морской – тресковый у Мурманского берега Баренцева моря. Кроме указанных основных видов, жители Онежского полуострова вели заготовку пушнины, охотничий промысел лесного зверя и птицы, ловили другие виды морской и речной рыбы.

Западный берег Онежского полуострова. Деревни Пурнема, Лямца, Пушлахта и Летняя Золотица расположены северо-восточнее г. Онега в устьях рек на Онежском берегу полуострова. Здесь находятся рыбацкие тони колхоза «Беломор», на которых традиционно ловят селедку, навагу, камбалу и семгу, где был развит промысел морского зверя – тюленей и белух. До недавних пор эти промыслы являлись основой жизнедеятельности местного населения.

С развитием океанического лова рыбы и промыслового лова трески рыболовцами траулерами на Баренцевом море прибрежные морские промыслы на Белом море стали приобретать второстепенное значение. Однако рыбколхозы «40 лет Октября» и «Беломорье» продолжают свою работу, что позволило сохранить флот традиционных малых судов. К сожалению, в деревнях не удалось найти ни одного старого мастера-лодочника. Последние карбасы были построены в начале 2000-х гг.

Во второй половине XX в. на Соломбальской верфи для промышленного рыболовства стали серийно строить моторные суда и большие карбасы.

На промыслах и перевозках они постепенно заменяли традиционные лодки. Колхозам было легче купить готовые лодки в Архангельске, чем организовывать свое судостроение и зависеть от местных мастеров. Местные жители активно использовали свои лодки для перевозок грузов и пассажиров на проходящие рейсовые суда и для сбора плавающих вдоль побережья бревен (так называемой аварийной древесины). Отмена регулярного пароходного сообщения и отсутствие бесхозного леса, ликвидация в перестройку водорослевого промысла и запреты на лов рыбы положили конец традиционной хозяйственной деятельности жителей деревень. Строительство колхозом автомобильной дороги из Пурнемы до шоссе Архангельск–Онега привело к тому, что карбасы стали не нужны местному населению. В результате за последние 10–15 лет в исследуемых деревнях вообще не осталось работающих лодочников и даже традиционных инструментов лодочника ни у кого не сохранилось.

В Пурнеме от Н.И. Ипатова (1959 г.р.) получена информация о том, что еще до 1917 г. все жители объединились в большую рыбацкую артель, из которой в 1930 г. образовался колхоз. Была специальная мастерская колхоза «40 лет Октября», в которой шили «белушью» карбаса, дори и другие лодки для традиционного промысла селедки на Кий-острове. Последний мастер в Пурнеме, который шил традиционные лодки – Н.Т. Родионов (1930-е – 2008). В 1970-х – начале 1990-х гг. колхоз уже в основном закупал промысловые лодки на Соломбальской верфи. Перестройка разрушила весь флот: не стало ни деревянных, ни металлических лодок (в деревню не завозили ни топлива, ни запчастей).

В д. Лямце был участок рыбколхоза, где до 1990-х гг. существовала мастерская, изготавливавшая небольшое количество карбасов и лодок-дори для промысла. На море карбаса не держали – по приливу в реку до деревни заводили и выводили «на шестах». Рыбачили на Кий-острове – туда увозили и лодки: с карбасов ставили и проверяли сети, рыбу возили на дори. В Лямце сетки, рюжи и заколы ставили и проверяли с карбасов. Колхозные дори в основном использовали как транспортное средство – в Пурнему, Пушлахту и на Кий-остров возили грузы и людей, даже в г. Онегу ходили (около 100 км).

Для своей рыбалки деревенские мастера шили лодки в основном на улице, а у кого большой дом, то на сарае. Ставили козлы из бруса высотой до 0,5 м, в пазы крепили кокору специальными гвоздями-штырями. На всю старую деревню было 15–20 частных карбасов длиной 5–6 м на две пары весел. Карбаса берегли, смолили, и они служили до 20 лет. На них постоянно ездили на рыбалку и сенокос, за плавником на дрова, за ягодами, перевозили в соседние деревни грузы и людей.

Еще в 1990-х гг. курсировали пассажирские теплоходы «Карелия» и «Буковина», много лодок было и в Лямце – все ездили к пароходам на рейд. Сейчас даже на колхозном участке нет ни одной лодки, только трактора.

В д. Пушлахте на берегу и у берега сегодня можно насчитать около двух десятков карбасов (ил. 11), но раньше здесь деревянных лодок было больше, ведь деревня стоит на берегу залива: место глубокое, даже теплоход «Карелия» заходил в губу, сюда подходит селедка. В прежние времена в деревне многие старики шили карбаса. После войны была мастерская, где работали старые мастера и шили моторные лодки, служившие по 10–20 лет. В деревне частных карбасов было немного, лодки не у каждого были, большинство колхозные – сейчас есть 10–15 штук для рыбалки. В колхозе три бригады, в каждой по три или четыре карбаса, различающиеся по назначению. «Неводные» делали для того, чтобы можно было заехать в невод (длиной 6–7 м по неводу). «Весновальные» карбасы были легкие, около 6 м длиной, для охоты на тюленя, а самыми большими трехтонными карбасами вывозили рыбу.

Рыбалка в заливе стала хуже, сейчас мало рыбы – только камбалка да селедка – хватает для еды, а больше ловить не разрешают. Раньше собирали водоросли и сдавали в колхоз, теперь этим занимаются мало, поскольку расценки на прием водорослей у частных низкие. Национальный парк занимается здесь охраной лесов, рек и акваторией Унской губы. Инспекторам сообщают о случаях браконьерства на море.

В д. Летняя Золотица на лесных озерах рыбачили на маленьких карбасах – шили их так же, только нос и корпус делали поуже. Перевозили на озера зимой на лошадях. Про долбенки здесь не слышали. Плоты делали, даже с веслами, для рыбалки на озерах. С плотов ставили ловушки (рогатки «уньги») на шуку и большого (более 1 кг) окуня, ставили и сети на леща.

Все карбаса и лодки стоят на берегу в устье р. Золотицы. За деревней ближе к морю сохранилась старая карбасная мастерская рыбколхоза «Беломор». В деревне мастерские были на поветях домов, лодки шили на козлах высотой около 40 см. Первые два набоя крепили, поворачивая с борта на борт, «крутили», потом киль ставил в паз и расклинивали, верх кокор крепили к стене. Карбаса шили подковными гвоздями и поэтому конопатили паклей или ватой, а старики клали мох. В 1970-х гг. появились заклепки и стали шить без пакли – плотно замыкали доски – прижимали клещами и клепали. Такая лодка не текла. Еще в 1990-х гг. до начала навигации шили карбаса и раздавали на участки в деревни. Самые большие карбаса грузоподъемностью 5 т, длиной около 8 м, шириной больше 2 м. Ставили в нос мачту с парусом и реей в угол. Гребной сельдяной карбас имел грузоподъемность до 3 т, его длина была 6–7 м, использовался для промысла селедки в ставных неводах и пинагора. Гребли только на сетках. В карбас высыпали рыбу с сеток и со ставного невода. Малые карбаса (длиной 4–5 м) держали на тоне и использовали для того, чтобы снимать с сетей и ставников семгу. Кроме рыбы, с карбасов добывали водоросли, которые росли на коргах в море.

Поскольку раньше был промысел морского зверя (ходили в море за тюленем), то делали и зверобойные лодки. Охотились с винтовками, добытого зверя отправляли в Архангельск. Лодки на лошадях по припаю возили из деревни к Орлову мысу, а дальше (в зоне приливов и отливов) уже стоял «лед ходячий», там, в разводях и добывали зверя. Ходили и на острова Анзер, Муксалма и даже на Кузова. Много лодок уходило весной, возвращались в деревню летом и рыбачили. В колхозе было 15–20 участков-тонь, на каждой 3–4 карбаса и карбасок.

За весну в карбасной шили по 6–7 карбасов для колхоза и частников. Делали и другие лодки: дору, или дорку, с мотором, длиной 5–6 м, ялики (небольшие карбаса с обрезной кормой) и катера длиной 8 м, шириной 2,2 м под стационарный мотор.

Сейчас некоторые жители не хотят держать деревянные лодки: с металлическими проще – осенью вытянул на сушу, а весной сбросил в воду. В Летней Золотице только два мастера могут шить карбас, но в 2013–2014 гг. по договору с рыбколхозом «Беломор» Н.М. Майзеров приехал из д. Лопшеньги, и с местным жителем А.В. Самойловым (1979 г.р.) они сделали 12 карбасов и лодок.

Восточный берег Онежского полуострова. На Летнем берегу полуострова расположен пос. Пертоминск. На севере от него на песчаных берегах заливов открытого моря, в устьях небольших рек у одноименных мысов, располагаются д. Яреньга и Лопшеньга, схожие по условиям проживания, ведения хозяйства и промыслов. С началом коллективизации обе деревни объединились в один рыбколхоз.

Пертоминск расположен в большом, закрытом от моря заливе Унская губа с хорошими рыбными ресурсами. Особенно важная для промысла рыба – навага, которая ловится круглый год, а в путину – период нереста – рыбачить сюда приезжали рыбаки со многих сел Онежского полуострова и примыкающих берегов. От Пертоминска до Архангельска менее 200 км морем, традиционно на больших судах и карбасах туда везли пойманную рыбу и другие морепродукты. В 1930-х здесь начал работать рыбный завод, принимавший на переработку рыбу со всех рыбацких колхозов Летнего берега, в конце 1990-х его закрыли. «Со всех колхозов восточного и западного берегов Онежского полуострова приезжали на лов унской наваги – стояли до тысячи руж с ноября по февраль (исключая время нереста). Вылавливали сотни тонн наваги», – рассказал капитан Ф.С. Гуляев (1933 г. р.) [7].

В д. Яреньге мастер В.А. Пирожников (1958 г. р.), который начал шить карбаса с отцом, перечислил типы и назначение местных лодок: «подъездки» – малые карбаса; «семужьи» – 5–6 м длиной для невода; «сельдяные» – для вычерпывания из сетей и перевозки сельди; «дорки» с мотором. Старики делали лодки на поветях своих домов. После войны функционировала колхозная

мастерская, здание которой было рублено из бревен. До 1990 г. шили карбаса длиной до 7–8 м и дори под мотор. От В.А. Пирожникова была записана технология постройки карбасов в конце XX в., зафиксированная в архиве Национального парка «Кенозерский».

На складе в д. Яренье находится 10 колхозных карбасов разных размеров, а за деревяней – около 20 старых колхозных карбасов 1970–1990-х гг., которые волонтеры национального парка очистили от песка и мусора, создав интересную экспозицию под открытым небом.

В Лопшеньге удалось записать информацию о строительстве в начале XX в. промыслово-транспортных судов – поморских лодий, а также фамилию, имя, отчество одного из лодейных судоплотников. До 2000-х гг. в колхозной карбасной мастерской, разместившейся в бывшем овощехранилище, работали шесть человек, делали сразу три карбаса. В деревне, где было 100 домов, раньше у половины были свои дорки и карбасы, да еще колхозный флот. Вдоль берега на воде стоял не один десяток судов, а в штрм все лодки вытягивали на берег.

На Никольской тоне, когда ловилась селедка, работали две бригады по девять человек и восемь карбасов, а сейчас ведется частный лов: на тоне четыре карбаса и всего четыре человека (ил. 12, 13).

Известный мастер-лодочник Н.М. Майзеров (1969 г. р.) в 1998 г. начал работать в колхозной мастерской – «карбасной». Он рассказал, что тогда колхоз еще функционировал в полную силу, и было нужно много лодок, чтобы обеспечить работу более, чем на 50 тонях. В каждой бригаде было по шесть карбасов (три сельдяных, один семужий и два подвозка). Н.М. Майзеров продолжает у себя дома шить карбаса для бригад всего колхоза. В Летней Золотице он обучал местных жителей, и вместе они шили лодки в колхозной мастерской.

Выводы, полученные в результате исследований. Особенности географии во все исторические периоды определяли важную роль судоходства и судостроения в хозяйственной деятельности на Русском Севере. Экономика региона всегда регулировала развитие судоходства и лодкостроения не только до начала XX в., но и в последующие периоды. Собранные в экспедициях материалы позволили определить сохранность традиций народного лодкостроения на территории Национального парка «Кенозерский». Удалось зафиксировать работающих мастеров и традиционные лодки, построенные с конца 1990-х по начало 2010-х гг., составить список традиционных плавсредств, записать терминологию судостроения, некоторые фамилии мастеров-лодочников в деревнях. Полученные сведения позволяют утверждать, что еще в 1990-х гг., когда были живы старые мастера, сохранялись все типы традиционных лодок. Получены некоторые сведения о рыболовных и зверобойных промыслах, старинных и современных средствах и способах лова рыбы в отдельных населенных пунктах.

Собранная информация о типах и технологии постройки лодок XX в. соответствуют сведениям XIX столетия, изменились только технологии заготовки и обработки материалов, герметизации и крепежа досок. Можно сделать вывод, что хотя в этих районах в конце XX в. традиции лодкостроения были нарушены, во всех исследованных селах еще оставались мастера, продолжающие шить лодки и сохраняющие локальные традиции. Можно предположить, что на это оказали влияние удаленность от городов и отсутствие автомобильных дорог, но до сих пор большинство местных жителей предпочитают для рыбалки и традиционных промыслов использовать не металлические, пластиковые или надувные резиновые лодки, а деревянные, сделанные местными мастерами. Следовательно, упадок традиций лодкостроения не зависит от распространения лодок и катеров заводской постройки, а связан в первую очередь с уходом из жизни мастеров, родившихся в 1920–1930-х гг. Там, где оставались старые мастера, традиционное лодкостроение сохранялось до конца XX в.

Некоторые локальные центры на исследованной территории можно выделить как уникальные для Архангельской области, где деревянных лодок, строится больше, чем во многих других районах. В деревнях Кенозерского национального парка есть работающие мастера и еще живы традиции местного народного лодкостроения. В Лопшеньге не только строятся деревянные лодки, но идет процесс обучения новых мастеров, в том числе из соседних поморских сел. В Лекшмозере национальный парк ведет работу по обучению школьников лодкостроению и три года проводит «Лекшмозерскую регату».

Хотя живая и активная традиция лодкостроения в других деревнях не зафиксирована, кое-где сохранились деревянные лодки и мастера, молодыми людьми делаются попытки шить лодки с использованием местных традиций. В применяемых технологиях постройки и обеспечения сохранности лодок новые мастера используют не только традиции местного лодкостроения и Соломбальской верфи конца XX в., но и современные технологии деревянного судостроения.

В результате политики активного развития лодкостроения государственными и колхозными мастерскими в 1930–1960-х гг. были удовлетворены нужды предприятий и частного сектора в самых разных видах лодок. Это подтверждает и опыт системной работы музея-заповедника «Кижы», где начиная с 1999 г. ведется изучение и популяризация традиционного судостроения охраняемой территории. Ежегодное проведение конкурсов мастеров-лодочников, праздников народной гребли и работа с молодежью способствуют сохранению исчезающих традиций, появлению новых лодочников и привлечению внимания к этой деятельности жителей районов Республики Карелия.

Активная заинтересованность Кенозерского национального парка в изучении и сохранении народного судостроения уже привела к положительным

результатам. По его инициативе на Лекшмозере лодки местной постройки используются на водных туристических маршрутах, ведется изучение традиционных лодок и актуализация лодочного ремесла. На Лекшмозере начинается системная работа по обучению основам и навыкам строительства лодок школьников Каргопольского и Плесецкого районов Архангельской области.

Очень важно не только оценить современное состояние народного лодкостроения, но и привлечь интерес к его истории и традициям, благодаря которому можно будет собрать новую информацию и найти возможности сохранить и продолжить традиции судостроения и судоходства на территории Национального парка «Кенозерский».

Список литературы

1. *Богославский П.А.* О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859.
2. *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
3. *Наумов Ю.М.* К вопросу о методике изучения народного лодкостроения // Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов. Петрозаводск, 2013. С. 201–211.
4. *Наумов Ю.М.* К вопросу о народном судостроении и судоходстве на территории Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2016. Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности. Архангельск, 2017. С. 255–268.
5. Научный отчет «Результаты работы по изучению истории и современного состояния традиционного судостроения и судоходства на территории Кенозерского национального парка (Лекшмозеро, Кенозерье, часть бассейна реки Онеги)». 2016 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф.1. Оп. 8. Д. 444.
6. Научный отчет «Результаты работы по изучению истории и современного состояния традиционного судостроения и судоходства западного берега Онежского полуострова (Пурнема, Лямца, Пушлахта)». 2018 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 35.
7. Научный отчет «Результаты работы по изучению истории и современного состояния традиционного судостроения и судоходства территории Онежского полуострова (д.д. Луда, Яреньга, Лопшеньга, Летняя Золотица, п. Пертоминск)». 2017 г. // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 2. Оп. 2/2. Д. 15.
8. Россия. Полное географическое описание нашего отечества: в 19 т. / под ред. В.П. Семенова. Т. III: Озерная область. СПб., 1900.
9. Онежские мастера-корабелы / сост. В.В. Киселев. Онега, 2006.
10. *Шишкин А.К.* Кенозеры и Кенозеро // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей / сост., науч. ред. В.Н. Матонин. Архангельск; М., 2011.

Реставрация и исследования комплекса икон из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря в собрании Музея имени Андрея Рублева

Статья посвящена итогам реставрации нескольких икон из с. Коровино Плесецкого района Архангельской области. Весь комплекс до конца еще не отреставрирован, часть входящих в него икон не раскрыта и нуждается в дополнительном изучении.

Двенадцать икон из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря [2, с. 254–298] поступили в собрание Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (ЦМиАР) благодаря экспедиции, предпринятой научным сотрудником Л.М. Евсеевой в 1968 г. По ее воспоминаниям, икона «Спас в Силах» была обнаружена в заброшенном амбаре в с. Коровино. Остальные одиннадцать были выявлены ею в домах местных жителей. Иконы были отправлены в Москву почтой, только самую большую, «Спас в Силах», Л.М. Евсеева вывезла поездом [5, с. 108–111]. По записи в книге поступлений иконы переданы в музей 16 ноября 1968 г.

Монастырь, основанный, по документальным сведениям, в конце XV – начале XVI в. на левом берегу р. Кены при ее истоках, не сохранился. При Екатерине II он был упразднен, а его собор превращен в приходской храм. В 1800 г. в нем произошел пожар, но храм погорел лишь частично. В 1804 г. на месте бывшего монастыря началось строительство новой церкви, в 1842-м ее освятили в честь Преображения Господня. В 1867–1868 гг. на деньги каргопольской купчихи И. Насоновой в церкви проводился ремонт: с южной стороны был устроен придел во имя преподобного Пахомия Кенского и его постриженника Антония Сийского. Главный иконостас церкви был заменен на следующий год [2, с. 254–298]. В 1954 г. местные комсомольцы во время очередной антирелигиозной кампании разобрали храм на кирпичи, а иконы жители унесли по домам. Как замечает Л.М. Евсеева: «На месте древнего монастыря осталось чистое поле...» [5, с. 111].

Л.М. Евсеева также занималась описанием и изучением привезенных икон. При этом она опиралась на результаты пробных раскрытий, выполненных в реставрационных мастерских музея, а также на полностью раскрытую первоначальную живопись двух икон, отреставрированных в 2005 г. художником-реставратором М.В. Казновым. Первая из них – образ верхнего пророческого ряда иконостаса «Пророк Малахия» (КП 636), вторая – «Архангел Михаил»

из деисусного чина (КП 639), реставрация которой еще не закончена. После раскрытия первоначальной живописи этих икон Л.М. Евсеева предположила, что все иконы, привезенные из экспедиции, происходят из иконостаса Пахомиева Кенского монастыря и были выполнены ростовским мастером в конце XVI в. [4, с. 282–296].

Живопись последнего слоя записи на иконах, выполненную при перестройке главного иконостаса в 1867–1868 гг., исследовала научный сотрудник музея Т.Н. Нечаева. На основании стиля она отнесла ее к заонежской иконописной традиции второй половины XIX в. и предположила, что поновление икон было выполнено старообрядческими мастерами с Выга [7, с. 163–167].

В 2018 г. в Музее им. Андрея Рублева прошла выставка «Северные экспедиции». Специально к ее открытию в музее был отреставрирован ряд икон комплекса из Пахомиева Кенского монастыря. Среди раскрытых произведений были образ деисусного чина «Святитель Василий Великий»¹ последней четверти XVI в. (КП 631, реставратор Б.П. Еремин); уже упоминавшаяся двухрядная икона «Спас в Силах. Преполовление. Христос и Самарянка» конца XVI – начала XVII в. (КП 642, реставратор М.В. Казнов, реставрация не закончена); «Распятие»² последней четверти XVI в. (КП 634, реставратор О.Е. Труфанова, реставрация не закончена); «Пророк Аггей»³ конца XVI в. (КП 636, реставратор М.Д. Демин); «Апостол Филипп» (КП 641, реставратор А.А. Борисов, реставрация не закончена, на иконе оставлена запись XIX в.); «Пророк Михей» конца XVII – начала XVIII в. (КП 637, реставратор В.Ю. Родионова), который в записи XIX столетия назван Фаддеем. Пророк с таким именем не упоминается в Ветхом Завете, по-видимому, это ошибочное написание имени пророка Аггея, которое указано белой краской на обороте иконы (ил. 1). Реставрация и исследование последней иконы позволили датировать первоначальную живопись еще двух икон, не раскрытых от поздних записей, речь о которых пойдет ниже.

В реставрационную мастерскую икона «Пророк Фаддей» была передана 15 марта 2017 г. При поступлении памятник находился в аварийном состоянии. В нижней части были утрачены фрагменты левкаса с красочным слоем. По всей поверхности наблюдались мелкие шелушения, утраты, выкрошки и потертости красочного слоя. Неравномерный слой покрытия был частично потерт и загрязнен, плотные поверхностные загрязнения лежали также в местах выкрошки левкаса и красочного слоя.

Основа иконы состоит из двух досок хвойной породы практически одинакового размера. Доски имеют тангенциальное сечение, сделанное на удалении от сердцевидной зоны. Их спелодревесная часть обращена к лицевой сто-

¹ В записи 1868 г. назван Иоанном Богословом.

² В записи 1868 г. «Преображение».

³ В записи 1868 г. «Пророк Малахия».

роне иконы. Для изготовления основы был использован материал хорошего качества, коробление ее совсем незначительное. Доски первоначально обработаны топором с характерными зарубками, а после склейки поверхность выстругивалась рубанком. В тыльную сторону при поновлении были врезаны две параллельные шпонки хвойной породы древесины. Поскольку правая сторона основы немного отпилена, не понятно, были ли шпонки встречными или сквозными. На верхнем и нижнем полях иконы просвечивалась паволока из льняной ткани полотняного переплетения. На золотом фоне справа и на лице слева были выполнены пробы, в этих местах открывалось авторское изображение волос пророка и свитка с черными буквами. По визуальным наблюдениям, под слоем поновительского сусального золота на нимбе хорошо читался авторский лик, в частности, глаза и нос пророка.

На обороте справа находится перевернутая надпись XIX в., выполненная белой краской каллиграфическим подчерком. Заглавная буква «А» – со сложными и красивыми вензелями. Тем же почерком сделана надпись «Агтей». Еще одна надпись выполнена под верхней шпонкой справа простым карандашом: «этого повернуть», что указывало на изменение в изображении фигуры пророка при поновлении.

После укрепления левкаса и красочного слоя, а также консервации деревянной основы проводилась съемка в рентгеновских лучах. Рентгенограмма показала под слоем записи авторскую живопись удовлетворительной сохранности. Она отражала авторское изображение лика, волос с небольшим пучком на лбу, усов и бороды пророка. Четко читались пряди волос, выполненные белой краской. Просматривалась левая рука со свитком и авторское изображение одежды с экспрессивными белильными разделками.

Не была понятна степень сохранности авторской правой руки пророка. На рентгенограмме просматривались два варианта ее изображения: с благословляющим жестом и жестом, указывающим на свиток. Первый вариант рассматривался как наиболее вероятный, т. к. рука была намечена графьей белого цвета. Съемка в рентгеновских лучах выявила, что контуры свитка, левой руки, головы, волос и разделки одежд выполнены графьей белого цвета. Графья руки, указующей на свиток, темная. По решению Реставрационного совета были выполнены микропробы на выявление авторского изображения правой руки, а также степени ее сохранности. Первые пробы выполнялись на изображении белого поновительского свитка выше руки пророка Аггея, но раскрытые контрольные участки не дали положительного результата, руки с благословляющим жестом обнаружено не было. Далее пробы выполнялись на синих одеждах. На этом участке обнаружена авторская живопись руки удовлетворительной сохранности, и на Реставрационном совете было дано задание на дальнейшее раскрытие иконы от поздней записи. Таким образом, можно сделать вывод, что графья указующей руки передает авторское изме-

нение композиции и наносилась на уже лежащий слой краски. Если в изображении левой руки автор ограничился контурным ее рисунком со свитком, то на правой руке мастер проработал все пальцы, как в благословляющем, так и в указующем жесте, но во втором варианте пальцы проработаны немного тщательнее. Скорее всего, благословляющий жест был заменен автором на указующий, поскольку выглядел более сложным.

Рентгенограмма позволила изучить характер паволоки и способ ее нанесения. На рентгеновском снимке видно, что паволока лежит по стыку досок основы двумя кусками в верхней и нижней части иконы. В районе нижней шпонки расстояние между двумя отрезами – около 2 см. Ткань – с крайне неровными краями и отдельно лежащими на плоскости нитями. В районе лика наблюдается разрыв материи. Это указывает на то, что в качестве паволоки использовали ветошь.

Перед началом работы по удалению верхнего слоя записи XIX в. на правом поле были выполнены контрольные пробные раскрытия на удаление записи, прописей и промежуточного покровного слоя. В контрольных пробах на полях был обнаружен первый слой прописи темно-зеленого цвета с белой довольно грубой разгранкой. На полях, фоне и нимбе остались сгустки потемневшей олифы со вторым слоем прописи темного сине-зеленого цвета с частицами пигментов довольно крупного помола. На нимбе и фоне поверх сгустков олифы лежали частично сохранившиеся фрагменты сусального листового золота высокого качества, относящиеся ко второму слою прописи, который лучше всего сохранился на нижнем поле с оранжевой опушкой и красно-коричневой разгранкой. Третий сплошной слой записи с листовым золотом на фоне, с коричневыми полями и измененным изображением пророка относился к 1868 г.

Ко времени этого поновления относятся и изменения основы: правую сторону иконы опилили, в торце прорезали два отверстия для шкантов, соединяющих две разные иконы в единый горизонтальный щит. Эту масштабную переделку иконостаса подробно рассмотрела Т.Н. Нечаева [7, с. 164].

Реставрация иконы продолжалась в течение года (ил. 2). За это время был проделан целый комплекс работ: укреплены левкас и красочный слой, выполнена консервация деревянной основы, поочередно удалены два слоя прописи и запись XIX в., утончен и выровнен авторский покровный слой, восполнены утраты левкаса, сделаны тонировки в технике «пуантель» и нанесено новое защитное покрытие.

Определенную сложность вызвало раскрытие личного письма и одежд. Разновременные слои живописи – авторский слой и запись XIX в. – на изображении синего гиматия с черными складками и похожими по цвету притинками оказались очень близки по цвету и тону, хотя и были выполнены разными пигментами. Состав пигментов исследовала старший научный сотрудник

лаборатории физико-химических исследований ГосНИИР химик-технолог И.Ф. Кадикова. По ее заключению, в синем цвете на одежде нижележащего слоя применялось индиго с примесью белил и угля. В слое записи использовали берлинскую лазурь. Несмотря на различие пигментов, разделение этих слоев представляло сложную задачу, т. к. промежуточного слоя олифы между ними не было. Такая же сложность была и при раскрытии авторского изображения хитона пророка. Под слоем записи с изображением белого свитка лежала сложная по форме белильная моделировка одежд. Разновременные слои белил составили единый слой белого колера без промежуточного слоя олифы. Работа по удалению верхнего слоя записи велась под бинокуляром МБС-10 с 8-кратным увеличением, а процесс раскрытия контролировался по рентгенограмме, поскольку цинковые белила, которыми выполнены все движки в авторском слое, хорошо просматривались на рентгеновском снимке. Значительную сложность вызвало раскрытие лика и рук пророка. Авторская живопись оказалась довольно тонкой и хрупкой, в то время как верхний слой записи XIX столетия был достаточно жестким и плотным, без промежуточного слоя олифы, в результате чего, эти слои практически спаялись друг с другом, образовав жесткие участки краски. Работа по удалению записи на личном⁴ также велась под бинокуляром, но уже в 16-кратном увеличении и с особой осторожностью, а процесс раскрытия контролировался по рентгеновскому снимку, увеличенному в несколько раз.

При послойном раскрытии живописи выявились приемы письма в записи XIX в. Подтвердилось предположение, сделанное Т.Н. Нечаевой, что радикальных изменений в первых поновлениях икон не происходило, перекрашивали только фоны и нимбы [7, с. 164]. В 1868 г. иконостас собора перестроили, а иконы записали новыми сюжетами. При этом нижележащие слои живописи не удаляли, а только «промывали». Перед нанесением первого слоя роскрыши белой краской довольно смело и уверенно наносился подготовительный рисунок. Художник прорисовал контур фигуры с раскрытым свитком, на лице пророка наметил глаза, нос и бороду. Четкий характер линии говорит о мастерстве иконописца.

В Ветхом Завете Михей – «малый» библейский пророк, автор «Книги пророка Михея» (день памяти – 14/27 августа). На иконе он представлен как средовек с длинной бородой и длинными локонами коричневых волос, с маленьким пучком волос на лбу и раскрытым свитком в левой руке. Фигура пророка, лик и руки написаны упрощенно и схематично. Решение одежд такое же плоскостное и несложное. Рисунок складок составляется двумя цветами – черным и белым, с легкими притинками в тенях. Резкие белильные движ-

⁴ Личным в иконописи называют изображение лика и обнаженных участков тела.

ки экспрессивными и энергичными мазками лежат на силуэте, подчеркивая складки одежд и пряди волос. На личном мастер использовал объемную моделировку высветлений. Фигура пророка изображена с нарушением пропорций: маленькие руки и довольно крупные голова и туловище. В лице заметна незначительная асимметрия: правый глаз немного больше левого. То же наблюдается и в изображении крыльев носа, видимо, автор передавал некую перспективу при наклоне головы.

Возраст пророка на исследовавшейся иконе передан с помощью двух складок на веках и двух носогубных складок на щеках. При изображении глаз автор упрощенно изобразил слезники и характерную «вилочку» на переносице. Припухлые губы решены только черным контуром по охристым высветлениям. Верхняя губа немного вздернута и имеет такую же «вилочку» посередине. Санкирь коричневый с резкой границей вохрения. Описи выполнены черной краской, движки прокладывались только на волосах, бороде и внутри глаз.

При исследовании иконы в бинокляр были выявлены особенности структуры доличного письма. Первоначально наносилось сусальное золото на нимбе по тонкому слою желтой охры, далее прокладывался охристый фон, затем прописывался слой синей, а в конце слой оранжевой краски на одеждах. На личном автор сначала наносил коричневый санкирь, потом слои вохрений с добавлением белил (ил. 3). Упрощенная живописная система и схематичный рисунок характерны для произведений начала XVIII в., выполненных северными мастерами.

При передаче иконы в реставрационную мастерскую предполагалось, что откроется живопись XVI столетия, однако эта версия не подтвердилась. По мнению Л.М. Евсеевой, авторский слой относится к рубежу XVII и XVIII вв. [5, с. 74].

Проведенная реставрация памятника дала возможность продатировать еще две иконы кенозерского комплекса из собрания ЦМиАР началом XVIII в. Первая из них – еще не до конца изученный образ «Апостол Филипп и неизвестный апостол» (ил. 4). О датировке памятника можно судить на основании снимков в рентгеновских лучах. На рентгенограмме просматривается другое изображение – фигура неизвестного святого в рост с крупными босыми ногами, с развернутым свитком в руке. Графья белого цвета очень тонкая, выполнена неровной линией с «узелками». Такой же тонкой графьей выполнен силуэт на иконе пророка Михея. Частый ритм мелких складок одежд полностью идентичен линиям на одеждах Михея, повторяются и детали в одеяниях святых на обоих памятниках. У Михея графьей намечен широкий пояс, такой же пояс обозначен и на одеждах у неизвестного святого. Одинаковые приемы исполнения на двух иконах указывают, что графью на них выполнял один мастер.

Рядом с фигурой первого святого просматривается вторая фигура, но, к сожалению, доска была опилена по ее изображению, так что осталась

только половина. Можно предполагать, что это был парный образ святых из местного ряда иконостаса. Аналогично была опилена парная икона архангелов XVI в., где уцелело только изображение архангела Михаила [3, с. 73–74]. От второй фигуры осталось только зеркало, которое держал несохранившийся архангел, стоявший позади Михаила. Таким образом, в XVIII столетии мастер при написании и поновлении образов кенозерского иконостаса ориентировался на иконы XVI в.

Рентгеновский снимок позволил изучить и паволоку иконы апостола Филиппа. Как и на иконе пророка Михея, она нанесена крайне небрежно тремя кусками. Два узких отреза расположены вертикально в верхней части иконы и один в нижней части. В центре обнаруживается расхождение между двумя кусками паволоки в 2–3 см, между верхним и нижним полотном – в 1–2 см. В районе лика видны значительные разрывы с растрепанными краями. Особенности наложения паволоки на основу указывают, что на обе иконы ее наклеивал один мастер. Очевидно, он выполнял все работы в процессе создания обоих памятников. По решению Реставрационного совета икона не раскрывалась от позднего слоя записи, было выполнено только утончение ее покровного слоя и удаление поверхностных загрязнений, поскольку снимок в рентгеновских лучах не показал достаточно удовлетворительной сохранности авторского лика. После укрепления левкаса и красочного слоя, а также после консервации деревянной основы реставратором А.А. Борисовым были выполнены микропробы с целью обнаружения авторской живописи. На открывшихся участках хорошо виден охристый фон, охристые поля с красно-коричневой разгранкой по лузге, черный позем и фрагмент свитка с черными буквами в верхней части иконы. Надпись на свитке прочитать не удалось из-за малых размеров пробы. Основа иконы так же, как и у иконы пророка Михея, хорошего качества и состоит из двух досок хвойной породы. Доски имеют тангенциальное сечение, сделанное на удалении от сердцевидной зоны. Их спелодревесная часть обращена к лицевой стороне иконы. Коробление основы практически отсутствует. О первоначальной обработке тыльной стороны судить невозможно, т. к. она впоследствии была грубо обтесана топором. Вероятно, это было сделано при реконструкции иконостаса в XIX в. При поновлении тыльная сторона была скреплена двумя врезыми параллельными шпонками хвойной породы дерева.

Вторая икона, которая также может быть датирована началом XVIII столетия, – находящийся под записью XIX в. образ «Пророк Илия» (КП 635). Сравнение его авторского красочного слоя, выявленного в пробных раскрытых участках, выполненных при предыдущих реставрациях, с красочным слоем иконы пророка Михея выявило их полную идентичность. В местах проб на иконе пророка Илии видно авторское изображение свитка, на котором читаются два слова «жезл» и «...искоре...». Написание черных букв сходно по

палеографии с буквами на свитке пророка Михея. В двух других пробах можно видеть идентичные приемы письма и применение аналогичных пигментов: охристый фон, красно-коричневого цвета волосы с черной обводкой, часть золотого нимба с красно-коричневой обводкой. В выкрошках поновительского красочного слоя на изображении руки, держащей нож, в нижнем слое живописи хорошо просматриваются два цвета – оранжевый, использованный в хитоне пророка Михея, и светло-синий пигмент, которым написан гиматий у Михея (ил. 5). Основа иконы пророка Илии состоит из трех сильно разошедшихся по стыкам досок, с перепадом по верхнему и нижнему краю. Доски имеют тангенциальное сечение, сделанное на удалении от сердцевидной зоны, спелодревесная часть обращена к лицевой стороне. Основа скреплена на обороте двумя врезными встречными параллельными сквозными шпонками. Скорее всего, шпонки изначально были не сквозными, а стали такими после того, как доску опилили. Коробление основы практически отсутствует. По открывшимся буквам свитка можно сделать вывод, что на нижележащем слое живописи XVIII в. изображен праотец Иисей держащий свиток с текстом «Жезл ись корене Иисеева...» (Рождественский ирмос 4-й песни канона). В Ветхом Завете праведный Иисей – отец царя Давида, из потомков которого произошел Христос.

Автором статьи совместно с главным хранителем музейного фонда Национального парка «Кенозерский» А.И. Анциферовой были осмотрены иконы, хранящиеся в его запасниках. Наше внимание привлекло расписное потолочное перекрытие («небо») церкви Георгия Победоносца из д. Федоровской на оз. Порженском. На радиальной грани «неба» с изображением апостолов Иуды и Луки в 2014 г. реставраторами ВХНРЦ была выявлена подпись владимирского иконописца Михаила Кирикова Сказываева: «1863 Года работаль небеса копписец Михайло Кириков Сказываев» [1, с. 53–54]. Живопись «неба» стилистически совпадает с живописью верхнего слоя записи XIX в. икон из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря. Сходство особенно заметно в изображении одежд святых. Хорошо видны резкие темные складки, прописанные одной линией. Длинные вертикальные белильные складки решены характерными треугольными линиями. Особенно примечательны геометрические завершения одеяний в виде треугольников и трапеций, свободно парящие в воздухе. Этот прием наблюдается на всех фигурах «неба» и записанных в XIX столетии икон кенозерского комплекса в собрании ЦМиАР. Одинаково выполнены и отвороты рукавов одежд, имеющие немного выгнутую треугольную форму. Можно сказать, что это особенности почерка мастера. В этом же 1868 г. Михаил Сказываев написал для Богоявленской церкви с. Ошвенского образ «Великомученица Параскева, с Житием», на обороте которой имеется надпись: «Жертвоуанием крестьянина Ивана Александрова Власова в бытность старостую церковным 1858 году... сей святой образ Михайло Кириков Сказы-

ваев...» [1, с. 53–54]. Можно предположить, что и «небеса» данной церкви были выполнены этим иконописцем, т. к. по стилю живописи они полностью совпадают с его подписными произведениями. Также этим мастером в 1847 г. было выполнено «небо» в церкви Архангела Михаила с. Архангело [6, с. 19–27].

Таким образом, несмотря на то, что реставрация икон из Пахомиева Кенского монастыря в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева еще продолжается, полученные результаты исследований дают нам важную информацию об истории создания и бытования этого комплекса.

Список литературы

1. *Анциферова А.И.* Подписные и датированные иконы и расписные «небеса» из собрания Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек. Архангельск, 2016. С. 52–61.
2. *Докучаев-Басков К.А.* Подвижники и монастыри русского севера: Кенский монастырь. Пахомиева пустынь // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 254–298, 447–515.
3. *Евсеева Л.М.* Вновь раскрытые иконы из иконостаса Преображенской церкви Пахомиева Женского монастыря // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 72–79.
4. *Евсеева Л.М.* Иконы и иконостасы храмов Пахомиева Кенского монастыря // Кенозерские чтения – 2009. Этнокультурный ландшафт Кенозерья: междисциплинарное исследование на пересечении естественных и гуманитарных наук. Архангельск, 2011. С. 282–296.
5. *Евсеева Л.М.* Кенозеро: иконы Пахомиева Кенского монастыря // Северные экспедиции Музея имени Андрея Рублева: каталог выставки. М., 2018. С. 108–111.
6. *Кольцова Т.М.* Иконы Каргополя. Из собрания Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея. Свод русской иконописи. М., 2014. С. 19–27.
7. *Нечаева Т.Н.* Иконы из Пахомиева Женского монастыря: к атрибуции поздней записи // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 163–167.

Коллекция текстиля конца XIX – середины XX века в собрании музейного фонда «Онежское Поморье»

Традиционная культура быта поморов, начиная еще с XVIII в., и по сей день представляет особый интерес для исследователей Русского Севера. Свообразие жизни на побережье Белого моря в суровых климатических условиях сформировало характерные, отличные от более южных районов севера России, черты материальной культуры, систему ее производства, в том числе, изготовление тканей, предметов домашнего обихода и одежды. О высокой культуре производства тканей свидетельствуют сохранившиеся в музеях вещественные памятники Онежского полуострова – отдельные предметы домашнего обихода, обрядовые изделия, элементы костюма, которые позволяют не только получить представление об их разнообразии, но и выявить предпочтение в выборе материалов, детально изучить их покрой и орнаментацию.

Наиболее ранние по происхождению памятники текстиля и одежды Поморья представлены в значительных собраниях Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург), которые стали формироваться в начале XX столетия на фоне возросшего интереса русской общественности к жизни и культуре населения северного побережья России. В Государственном Русском музее (г. Санкт-Петербург), в Государственном Историческом музее (г. Москва), в музеях Архангельска, Онеги, Мезени, Кеми и Мурманска также представлены образцы одежды и тканей с берегов Белого моря.

Самая крупная и полная этнографическая коллекция предметов традиционной культуры Поморья хранится в Соловецком государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (предметы поступили в музей в 1968–1996 гг.). Большую часть собрания, более 600 предметов, представляют предметы домашнего обихода, одежда, изделия декоративно-прикладного искусства, периода последней трети XIX – начала XX в. Это предметы традиционного поморского костюма, образцы тканей, вязаные и плетеные изделия, предметы, украшенные вышивкой. Музейными экспедициями были собраны довольно полные сведения об одежде поморов, о технических приемах изготовления и орнаментации тканей и одежды. В результате проведенной экспедиционно-собирательской работы и научных исследований, с учетом опыта каталогизации крупнейших этнографических, краевед-

ческих музеев и музеев изобразительных искусств, а также с применением методов этнографической классификации в 2000 г. был опубликован каталог музея «Ткани и одежда Поморья», составителем которого выступила Г.А. Григорьева, реставратор тканей Архангельского филиала Всероссийского художественного научно-реставрационного центра (ВХНРЦ) им. академика И.Э. Грабаря [1].

В статье к каталогу Г.А. Григорьева исследует исторические предпосылки культуры быта поморов, их традиции и обычаи. Подробно описывает технические приемы ремесла производства тканей, технику их изготовления, виды и способы ткачества, вышивки, вязания и плетения, основные орнаментальные образы. Значимым для исследователей в области производства и декорирования тканей на территории побережья Белого моря представляется то, что предложенная автором систематизация, положенная в основу каталога, позволяет «ввести массовый поморский материал в научный оборот» [1, с. 6] и быть инструментарием для научного исследования традиций бытового уклада, ремесленного производства, художественных приемов и эстетических вкусов поморского населения конца XIX – первой трети XX в.

С 2016 г., когда к территории ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» была присоединена территория ФГБУ «Национальный парк «Онежское Поморье», музейный фонд последнего пополнился различными локальными этнографическими памятниками – уникальными произведениями материальной культуры. Раздел предметов текстиля конца XIX – середины XX в., созданных местными мастерицами, включает около 50 предметов. В основном это ткани ручного ткачества, вышивки, вязание, предметы одежды традиционного костюма поморов с Летнего и Онежского берегов Белого моря, поступившие в результате предпринятых сотрудниками парка экспедиций в поморские деревни в 2017–2019 гг. Предметы были приняты в дар или приобретены собирателями у потомков, бывших владельцев и жителей деревень. Об авторах и месте создания большинства произведений сведения получены от сдатчиков изделий. В целом, несмотря на немногочисленность коллекции (например, полный комплект женского традиционного костюма не представлен), собрание в достаточной мере характеризует состояние и уровень данной части материальной культуры исследуемого района побережья, дает представление о бытовавших формах производства тканей в Поморье на рубеже XIX и XX вв. Часть произведений фонда была передана на реставрацию в Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря. В настоящее время ведется изучение памятников, их научное описание. Предложенный нами материал является предварительным проектом будущего каталога коллекции текстиля «Онежского Поморья» конца XIX – середины XX в.

1. ТКАНИ

1. *Фрагмент штофной ткани.* ОП КП–368

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.
42,5 × 39,5 см.

Штоф. Техника: фабричное производство, шитье на машинке, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2019 г.)

2. *Конец рукава рубахи.* ОП КП–91

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва.
16,8 × 18,0 см.

Ткань льняная (пестрядь), нить. Техника: ручное ткачество, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2017 г. Сдатчица Г.А. Григорьева.

3. *Фрагмент пестряди.* ОП КП–92

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва.
63,0 × 62,0 см.

Ткань льняная (пестрядь), нить. Техника: ручное ткачество, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2017 г. Сдатчица Г.А. Григорьева.

4. *Фрагмент пестряди.* ОП КП–93

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва.
33,5 × 28,0 см.

Ткань льняная (пестрядь), нить. Техника: ручное ткачество, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2017 г. Сдатчица Г.А. Григорьева.

5. *Фрагмент пестряди.* ОП КП–94

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва.
30,0 × 14,0 см.

Ткань льняная (пестрядь), нить. Техника: ручное ткачество, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» в 2017 г. Сдатчица Г.А. Григорьева.

6. *Пестрядь.* ОП КП–282

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.
206,0 × 117,0 см.

Ткань льняная (пестрядь), нить. Техника: ручное ткачество. шитье на машинке.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой, 2017 г. Сдатчица Ф.Г. Тюкова.

7. *Фрагмент пестряди.* ОП КП–437

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.
7,5 × 50,0 см.

Ткань льняная (пестрядь), нить.
Техника: ткачество.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Татьяне Степановне Мошниковой (1913–1996), уроженке д. Уны. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

8. Фрагмент пестряди. ОП КП–438

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

Пестрядь. Техника: ткачество.

17,2 × 16,5 см.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Татьяне Степановне Мошниковой (1913–1996), уроженке д. Уны. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

9. Полотенце. ОП КП–458

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Лопшеньга.

236,0 × 28,3 см.

Холст, ситец, кружево х/б. Техника: ткачество, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежало Агафье Яковлевне Майзеровой (1907 – 1985) – бабушке Г.Н. Петровой. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2018 г. Сдатчица Г.Н. Петрова.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2019 г.) (ил. 1).

10. Полотенце. ОП КП–647

Начало XX в.

Место бытования: Лямецкий берег Онежского п-ва, д. Лямца.

228,0 × 41,5 см.

Холст, нить. Техника: ткачество, шитье на руках, вязание кружева крючком.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лямцы Онежского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Предмет из дома Евлампии Васильевны Шестаковой, жительницы д. Лямцы. Экспедиция М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г. Сдатчица М.Б. Уголькова.

11. Полотенце. ОП КП–651

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

309,0 × 28,5 см.

Холст, нить, кружево. Техника: ткачество, вышивка, шитье на машинке.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Л.Г. Деблер.

12. Полотенце. ОП КП–431

1-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Холст, нить. Техника: ткачество, браное ткачество, строчевая вышивка (перевитью по выдернутому полотну), шитье на машинке.

91,5 × 34,5 см.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Экспедиция

М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой,
2017 г. Сдатчица В.С. Корельская.

13. Полотенце. ОП КП–434

1-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского п-ва, д. Уна.

240,0 × 26,2 см.

Холст, нить. Техника: ткачество, браное ткачество, строчевая вышивка (перевитью по выдернутому полотну), шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежало Татьяне Степановне Мошниковой (1913–1996), уроженке д. Уны. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

14. Полотенце. ОП КП–480

1-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского п-ва, д. Луда.

164,0 × 24,0 см.

Ткань, нить. Техника: ткачество, браное ткачество, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Предмет из дома Федора Егоровича Верещагина (1929 г. р.) и Ульяны Михайловны Верещагиной (Мошниковой) (1933 г. р.), жителей д. Луды. Дом принадлежал родителям Федора Егоровича Верещагина – Анастасии Григорьевне Верещагиной (1898–1962) и Егору Алексеевичу (1900–1938). Собиратель И.Л. Вересова. Сдатчик А.Ф. Верещагин.

15. Полотенце. ОП КП–481

1-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского п-ва, д. Луда.

129,0 × 40,0 см.

Ткань, нить. Техника: вышивка, вязание крючком, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Предмет из дома Федора Егоровича Верещагина (1929 г. р.) и Ульяны Михайловны Верещагиной (Мошниковой) (1933 г. р.), жителей д. Луды. Дом принадлежал родителям Федора Егоровича Верещагина – Анастасии Григорьевне Верещагиной (1898–1962) и Егору Алексеевичу (1900–1938). Собиратель И.Л. Вересова. Сдатчик А.Ф. Верещагин.

16. Фрагмент ткани. ОП КП–482

1-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского полуострова, д. Луда.

105,0 × 36,0 см.

Ткань, нить. Техника: вышивка, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Предмет из дома Федора Егоровича Верещагина (1929 г. р.) и Ульяны Михайловны Верещагиной (Мошниковой) (1933 г. р.), жителей д. Луды. Дом принадлежал родителям Федора Егоровича Верещагина – Анастасии Григорьевне Верещагиной (1898–1962) и Егору Алексеевичу (1900–1938). Собиратель И.Л. Вересова. Сдатчик А.Ф. Верещагин.

17. Фрагмент льняного полотна.
ОП КП–483

1-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского п-ва, д. Луда.

30,0 × 80,0 см.

Холст, нить. Техника: вышивка (перевитью по выдернутому полотну), шитье на машинке.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Предмет из дома Федора Егоровича Верещагина (1929 г. р.) и Ульяны Михайловны Верещагиной (Мошниковой) (1933 г. р.), жителей д. Луды. Дом принадлежал родителям Федора Егоровича Верещагина – Анастасии Григорьевне Верещагиной (1898–1962) и Егору Алексеевичу (1900–1938). Собиратель И.Л. Вересова. Сдатчик А.Ф. Верещагин.

18. Полотенце. ОП КП–496

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

168,0 × 30,0 см.

Льняная ткань, нить. Техника: ткачество, вышивка, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик С.А. Малков.

19. Подзор. ОП КП–652

1-я треть XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Лопшеньга.

28,5 × 152,0 см.

Холст, нить. Техника: шитье на руках, шитье на машинке, вышивка (перевитью по выдернутому полотну).

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лопшеньги Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Авдотье Михайловне Майзеровой, жительнице д. Лопшеньги. Экспедиция

М.Н. Мелютиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г. Сдатчица К.А. Федотова (ил. 2).

II. ОДЕЖДА ЖЕНСКАЯ ВЕРХНЯЯ

20. Полушубочек¹. ОП КП–350

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота полочки – 58,5 см, ширина по подолу – 310,0 см.

Ткань, ткань с золотным шитьем, нить. Техника: шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников (ил. 3).

21. Полушубочек. ОП КП–648

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота полочки – 48,0 см, ширина по груди – 90,0, ширина по подолу – 300,0 см.

Ткань, ткань с золотным шитьем, нить, бумага, металл. Техника: шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архан-

¹ *Полушубочек* – название части праздничного наряда девушек. Косоклинная нагрудная одежда на узких лямках, в разложенном виде имеющая форму почти полного круга. Застегивается на металлические крючки и петли; полы, лямки и верх украшены хазами – галуном.

гельской обл. в 2019 г. Принадлежал Железниковой (Тюковой) Наталье Герасимовне (1897–1977). Был перешит и использовался как покрывало для сундука. Собиратели М.Н. Мелюткина, И.Л. Вересова, 2019 г. Сдатчица Т.В. Болотских.

22. Кафтан женский. ОП КП–280
Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота – 74,0 см, длина рукава – 58,0 см, ширина по подолу – 74,0 см.

Сукно (шерстяные нити, саржевое переплетение, полцение), пуговицы. Техника: шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелюткиной, И.Л. Вересовой, 2017 г. Сдатчица Ф.Г. Тюкова (ил. 4).

23. Сукман². ОП КП–646

Начало XX в.

Место бытования: Лямецкий берег Онежского п-ва, д. Лямца.

Высота по спине – 117,0 см, длина рукава – 59,0 см, ширина по подолу – 162,0 см.

Сукно (шерстяные и суровые нити, полотняное переплетение, полцение), плетеный шнур (шерстяные нити), пуговицы. Техника: шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Лямцы Онежского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Из дома Евлампии Васильевны Шестаковой, жительницы д. Луды. Экспедиция М.Н. Ме-

лотиной, Я.Э. Харитоновой, 2019 г. Сдатчица М.Б. Уголькова (ил. 5).

III. ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ

A. Традиционный костюм

1. Сарафаны

24. Сарафан. ОП КП–348

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота – 123,0 см, ширина по подолу – 242,0 см.

Ткань, нить, кружево. Техника: шитье на машинке, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелюткиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников (ил. 6).

2. Рубахи

25. Рубаха женская. ОП КП–124

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

Высота – 107,0 см, длина рукава – 39,0 см, ширина по подолу – 81,0 см.

Нить, ткань, металл. Техника: ручное ткачество, шитье на руках, шитье на машинке.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2017 г. Экспедиция В.Д. Шевелева, 2017 г. Сдатчица Л.Г. Деблер.

26. Рубаха женская. ОП КП–278

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

² Сукман – название зимней женской промысловой одежды.

Высота – 95,0 см, длина рукава – 60,0 см, ширина по подолу – 78,0 см.

Ткань, нить х/б. Техника: ручное ткачество, вышивка крестом, строчевая вышивка (перевитью по выдернутому полотну).

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой, 2017 г. Сдатчица Ф.Г. Тюкова.

27. Рубаха женская. ОП КП–349

Начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота – 98,0 см, ширина по подолу – 135,0 см, длина рукава – 47,4 см.

Льняная ткань, пестрядь льняная, нить. Техника: ручное ткачество, бражное ткачество, шитье на машинке, шитье на руках.

Поступила в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежала Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2019 г.) (ил. 7).

28. Фрагмент стана женской рубахи. ОП КП–435

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

14,0 × 31,0 см.

Холст, нить. Техника: ткачество, вышивка, строчевая вышивка (перевитью по выдернутому полотну).

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье»

из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Татьяне Степановне Мошниковой (1913–1996), уроженке д. Уны. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2019 г.)

29. Рукава³. ОП КП–279

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота – 22,0 см, ширина по нижнему краю – 73,0 см, длина рукава – 60,0 см, ластовица – 6,0 × 6,5 см.

Пестрядь, пуговица. Техника: шитье на руках.

Предмет поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой, 2017 г. Сдатчица Ф.Г. Тюкова.

3. Фартуки

30. Фартук. ОП КП–362

1-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота – 79,0 см, ширина – 80,0 см.

Ткань, нить. Техника: шитье на машинке.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспе-

³ Рукава – название верхней части женской рубахи, бытовавшее на Летнем, Онежском, Зимнем и Поморском берегах Белого моря.

дидия М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

31. Фартук. ОП КП–650

Середина XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

Высота – 61,0 см, длина – 49,0 см, длина лямок – 189,0 см.

Ткань, нить. Техника: шитье на машинке, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Л.Г. Деблер.

Б. Одежда городского покроя

32. Платье с поясом. ОП КП–347/а/б 1930-е гг.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота – 110,0 см, ширина по подолу – 191,0 см, длина рукава – 59,0 см.

Пестрядь, ткань, нить, полимерный материал. Техника: шитье на машинке, шитье на руках.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежало Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

33. Платье. ОП КП–281/1

1960-е гг.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота – 115,0 см, длина рукава – 57,0 см, ширина по кокетке сзади – 43,0 см, спереди – 36,0 см, высота ворота – 4,0 см.

Атлас узорный, ткань шелковая, ткань х/б. Техника: шитье на машинке.

Поступило в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой, 2017 г. Сдатчица Ф.Г. Тюкова.

IV. МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

34. Брюки мужские рыбацкие. ОП КП–439

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

Высота – 104,5 см, ширина – 40,0 см.

Сукно (шерстяные нити, саржевое переплетение, полценне), пуговицы. Техника: шитье на руках.

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежали Степану Феокистовичу Зарубину (1889–1971), жителю д. Уны. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

**V. ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ
(ЖЕНСКИЕ)**

35. Повойник⁴. ОП КП–277

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Высота околыша спереди – 7,7 см, сзади – 3,7 см и 2,5 см. Донце – 18,0 × 19,0 см.

⁴ *Повойник* – название женского головного убора, состоящего из донца (верхней части на твердой основе) и мягкого околыша.

Сатин, нить х/б, ткани х/б. Техника: шитье на машинке, шитье на руках.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой, 2017 г. Сдатчица Ф.Г. Тюкова.

36. Повойник. ОП КП–366

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

7,0 × 17,5 × 16,7 см.

Ткань, нить, ткань с золотным шитьем. Техника: шитье на руках, шитье на машинке.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2017 г. Сдатчик В.М. Железников (ил. 8).

37. Платок. ОП КП–367

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

88,5 × 86,0 см.

Ткань. Техника: фабричное производство.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

38. Платок. ОП КП–649

1875–1905 гг.

Место изготовления: Московская губ., с. Струнино.

104,5 × 89,0 см.

Ткань, краска. Техника: печать. На срезе клеймо: «Асафа Баранова въ Мо-сквь».

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Л.Г. Деблер.

39. Платок. ОП КП–363

Середина XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

72,0 × 65,0 см.

Ткань. Техника: фабричное производство.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

VI. АКСССУАРЫ

Рукавицы

40. Рукавицы. ОП КП–432/а/б

2-я пол. XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

24,7 × 10,2 × 0,7 см (правая); 24,5 × 10,5 × 0,7 см (левая).

Нить шерстяная. Техника: вязание.

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежали Татьяне Степановне Мошниковой (1913–1996), уроженке д. Уны. Экспедиция М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

41. Рукавицы. ОП КП–490/а/б
1970–1980-е гг.

Место бытования: Летний берег
Онежского п-ва, д. Луда.

26,0 × 12,7 × 2,3 см (правая); 25,5 ×
12,0 × 2,3 см (левая).

*Нить шерстяная. Техника: вязание,
шитье на руках.*

Поступили в музейный фонд На-
ционального парка «Онежское Помор-
рье» из д. Луды Приморского р-на Ар-
хангельской обл. в 2019 г. Предмет из
дома Ульяны Михайловны Верещаги-
ной (Мошниковой) (1933 г. р.), житель-
ницы д. Луды. Экспедиция М.Н. Мел-
лютиной, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пиме-
нова.

Носки

42. Вывязки⁵. ОП НВ–58/а/б
Середина XX в.

Мастер: Анна Михайловна Стари-
цына.

Место бытования: Онежский берег
Онежского п-ва, д. Пурнема.

23,0 × 25,5 × 1,5 см (правый); 24,0 ×
25,0 × 1,5 см (левый).

Нить, вязание. Техника: вязание.

Поступили в музейный фонд Наци-
онального парка «Онежское Поморье»
из д. Пурнемы Онежского р-на Архан-
гельской обл. в 2017 г. Сдатчик Н.И. Ипа-
тов.

Пояса

43. Пояс. ОП КП–436

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского п-ва, д. Уна.

82,5 × 2,7 см.

*Нити. Техника: ткачество на бер-
дечке.*

Поступил в музейный фонд Наци-
онального парка «Онежское Поморье»
из д. Уны Приморского р-на Архан-
гельской обл. в 2019 г. Принадлежал
Татьяне Степановне Мошниковой
(1913–1996), уроженке д. Уны. Экспе-
диция М.Н. Меллютиной, 2018 г. Сдат-
чица Н.Г. Пименова.

44. Пояс. ОП НВ–57

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Онежский берег
Онежского п-ва, д. Пурнема.

186,0 × 1,1 см.

*Нити. Техника: ткачество на бер-
дечке.*

Поступил в музейный фонд На-
ционального парка «Онежское Помор-
рье» из д. Пурнемы, Онежского р-на
Архангельской обл. в 2017 г. Сдатчик
Я.С. Степанов.

45. Галун. ОП КП–369

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского полуострова, д. Луда.

221,0 × 5,0 см.

*Ткань с золотным шитьем. Техни-
ка: фабричное производство.*

Поступил в музейный фонд Наци-
онального парка «Онежское Поморье»
из д. Луды Приморского р-на Архан-
гельской обл. в 2019 г. Экспедиция
М.Н. Меллютиной, 2018 г. Сдатчик
В.М. Железников.

46. Галун. ОП КП–433

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег
Онежского п-ва, д. Уна.

5,5 × 29,5 см.

*Ткань с золотным шитьем. Техни-
ка: фабричное производство.*

⁵ *Вывязки* – название вязаных носков (чу-
лок) с узорной голяшкой.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

Украшения

47. *Заборосник*⁶. ОП КП–225

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

Ширина – 6,0 см, длина по верхнему краю – 29,0 см, по нижнему – 54,0 см.

Бель, ситец, х/б тесьма. Техника: шитье на руках, вышивка бисером.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2018 г. Экспедиция М.Н. Мелютиной, И.Л. Вересовой, 2017 г. Сдатчица П.В. Лукашова.

48. *Заборосник*. ОП КП–364

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

20,0 × 21,8 × 0,7 см.

Холст, бель, металлические запоны со стеклянными вставками, металл, нить. Техника: шитье на руках, шитье бисером по белу.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Экспедиция

М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

49. *Заборосник*. ОП КП–365

Конец XIX – начало XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

19,0 × 21,3 × 0,7 см.

Холст, бель, металлические запоны со стеклянными вставками, металл, нить. Техника: шитье на руках, шитье бисером по белу.

Поступил в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежал Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

Реставрация: Г.А. Григорьева (Архангельский филиал ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря, 2019 г.) (ил. 9).

VII. ОБУВЬ

50. *Бахилы*. ОП КП–177/а /б

Начало XX в.

Место бытования: Онежский берег Онежского п-ва, д. Пурнема.

75,0 × 28,0 × 11,0 см (правый); 76,0 × 27,0 × 11,5 см (левый).

Кожа, нить, дерево. Техника: ручная работа.

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Пурнемы, Онежского р-на Архангельской обл. в 2017 г. Сдатчик Н.И. Ипатов.

51. *Бахилы*. ОП КП–2/а/б

Середина XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Уна.

⁶ *Заборосники (заборочники, заборошники)* – название шейных девичьих украшений в виде подковообразного воротничка, выложенных белью, расшитых жемчугом или бисером в технике сажения.

80,0 × 30,0 × 12,0 см (правый);
80,0 × 30,0 × 11,4 см (левый).

Кожа, нить, металл. Техника: шитье, ручная работа.

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Уны Приморского р-на Архангельской обл. в 2017 г. Принадлежали Степану Феокистовичу Зарубину (1886–1971), жителю д. Уны. Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2017 г. Сдатчица Н.Г. Пименова.

52. Ботинки женские. ОП КП–384/а/б

Середина XX в.

Место бытования: Летний берег Онежского п-ва, д. Луда.

18,5 × 26,0 × 7,5 см (правый); 18,5 × 26,0 × 7,5 см (левый).

Кожа, металл, нить. Техника: фабричное производство.

Поступили в музейный фонд Национального парка «Онежское Поморье» из д. Луды Приморского р-на Архангельской обл. в 2019 г. Принадлежали Ксении Андроновне Верещагиной (конец 1880-х – 1-я пол. 1960-х гг.). Экспедиция М.Н. Мелютиной, 2018 г. Сдатчик В.М. Железников.

Список литературы

1. Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного музея-заповедника: каталог / сост. Г.А. Григорьева. Архангельск, 2000.

Кенский волок как объект туристического показа

Основная система путей сообщения Русского Севера на протяжении практически всей его истории была водной. Начало освоения этих земель русским населением связано с Господином Великим Новгородом. Проходя по рекам и ручьям, перетаскивая по волокам свои суда из одной реки в другую, все дальше и дальше продвигались новгородцы на Север и Восток.

Система путей сообщения Новгородской земли имела моноцентрический характер, так как все пути (речные и параллельные им сухопутные, использовавшиеся в основном зимой) вели к Новгороду, а остальные города занимали второстепенное положение [10, с. 61–73].

Северное от Новгорода направление включает в себя три пути [9, с. 92–111]. Непосредственно северный путь пересекал Беломоро-Балтийский водораздел в районе Онежского озера и продолжался далее по озерно-речной системе Выг, вплоть до Белого моря. Северо-западный путь начинался от устья Выга в Белом море, далее морем до устья р. Нивы, что вытекает из оз. Имандра, затем следовал переход в бассейн р. Колы и далее шел уже в Баренцево море. Восточный путь был от устья р. Выг на Белом море вдоль его побережья к устью Северной Двины.

В восточном направлении от Великого Новгорода движение шло через Онежское озеро и р. Вытегру, далее через р. Ковжу в Белое озеро, откуда вытекает Шексна. Далее необходимо было через Словенский волок перейти водораздел бассейнов Северной Двины и Волги, а затем уже через р. Сухону и Северную Двину двигаться прямо к Белому морю.

Долгое время, пока существовала Новгородская республика, широтный водный путь от Новгорода до Северной Двины, оставался главным торговым путем (он проходил от устья Невы, через Ладожское озеро, р. Свирь, Онежское озеро, волок между р. Вытегрой и Ковжей, Белое озеро, р. Шексню и Словенский волок, а далее на р. Сухону, впадающую в Северную Двину), что подтверждается и археологическими данными [4, с. 83]. От этого водного пути отходили более мелкие пути местного значения.

Потеря Новгородом независимости и перекрытие высокими пошлинами со стороны Москвы наиболее развитых торговых маршрутов в Заволочье вынудили новгородцев искать обходные пути на Северную Двину. В силу этого совершенно новое значение приобрели водно-волоковые пути по р. Илексе, Водле, Кене (по мнению археолога А.Г. Едовина, Кенский волок был известен

с эпохи неолита, но именно с XV в. он приобретает особое значение, см.: [4, с. 80–90]).

Первое упоминание о Кенском волоке как об оживленном торговом пути мы находим в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г.: «Да в Водлезерском же погосте на Настасьинской земле на Мышых Черевех Волочек Кемской, а через тот Волочек торговые люди из Ноугородские земли ходят с товаром в Заволоцкую землю, а из Заволоцкие земли в Ноугородские земли водяным путем в судех, а великого князя крестьяне Настасьинские волости на Мышых Черевех через тот Волочек товар волочат, а найму емьлют з беремьяни по денги. И на тот волок писец Юрьи Костянтинович положил оброку 4 гривны, и тот Волочек ныне пуст, а гости тою дорогою ныне не ездят, – ездят новою дорогою» [11, с. 177]. Юрий Константинович – это Ю.К. Сабуров, который проводил описание 1496 г. Описание Водлозерского погоста в писцовой книге 1496 г. не сохранилось, но данная ссылка в книге 1563 г. показывает, что в XV столетии Кенский волок активно использовался как торговый путь. Установление пошлины вынудило купцов искать обходные варианты, однако это совсем не значит, что сам волок прекратил функционировать. Он утратил свое значение как торговая магистраль государственного масштаба, но отнюдь не как путь сообщения. Косвенное подтверждение этому мы находим в «Книге Большому чертежу» 1627 г., которая являлась росписью путей-дорог Московского царства. В ней Кенский волок прямо не назван волоком, но описан очень подробно: «А с левыя стороны пала в Онегу Кинь река, течет Кинь река из озера из Киня; а Киня озеро 20 верст; а реки протоку 20 же верст. А сверху Кинь озера пала Поц река, протоку 50 верст. А река Поц течет из Поц озера; а сверху Поц озера пала в озеро речка Волошево; а взялась речка Волошево блиско речки Мышых Черев; а Мышых Черева речка пала в Водлу реку» [7, с. 152]. На протяжении всего XVII в. «Книга Большому чертежу» «служила практическим руководством для “государевой службы посылок”» [7, с. 3], включение же Кенского волока в эту книгу свидетельствует о его значимости и активном использовании, пусть уже и не в торговых целях.

Н.П. Загоскин в своем историко-географическом исследовании, посвященном русским водным путям и судовому делу в допетровской России [5], упоминает Кенский волок в качестве одного из путей новгородцев в бассейн Северной Двины. Как альтернативу Кенскому волоку он называет Красный волок: из Белого озера в оз. Воже и далее в Лаче. А.Г. Едовин в своей статье «Кенский волок – история и археология» [4, с. 80–90] отмечает, что Кенский волок представляет собой территорию бóльшую, чем сам путь от р. Водлы до р. Кены и включает в себя Кумбасозерский волок (оз. Кенозеро – д. Минина – сухопутная волоковая часть – оз. Кумбасозеро – р. Кумбаса – р. Водла). Приводятся археологические подтверждения этому. В результате

проведенных исследований, в том числе и полевых экспедиций, автор и его команда пришли к выводу, что поселения на Кенском волоке существовали уже в XIII–XIV вв., а вот использование этой территории как волоковой началось позднее, в последней четверти XVI в. – 1560–1570-х гг. Сначала более активно использовался Черевский участок волока (он же более древний по археологическим памятникам), а с 1497 г. основная переволока была перенесена на Кумбасозерский участок, более длинный, но при этом более сухой и дешевый.

После основания Санкт-Петербурга и переориентации внешней торговли на новую столицу торговые маршруты Заволочья теряют свое прежнее значение. С XVIII в. Кенский волок продолжает использоваться только как внутренний торговый путь. В «Военно-статистическом обозрении Российской империи» за 1853 г., к примеру, отмечалось, что он использовался Адмиралтейством «для доставки снарядов и припасов в Архангельск» [2, с. 21]. Как внутренний торговый путь между Кенозерьем и Водлозерьем Кенский волок использовался вплоть до XX в. [6]. До сих пор еще можно видеть следы рукотворной расчистки русла р. Черевы в нижней части ее течения.

Для уточнения современного состояния и оценки его туристического использования авторами статьи была предпринята экспедиция в августе 2018 г. Целью ее было прохождение маршрута двух волоков – Нюхченского в районе Ветряного пояса и Кенского. Ставилась задача описать последний маршрут как туристический, сформировать принципы оценки его потенциала для туристов, выявить возможные условия для включения этого маршрута в состав Кенозерского национального парка и/или предложить свои рекомендации для туристического использования маршрута.

В таблице отражены основные водно-волоковые пути (ил. 1) из бассейна Онежского озера в бассейн Белого моря с ниткой маршрута и указанием сложности [13]. Это путь по р. Нюхче (прямой путь к Белому морю), путь по р. Коже и Илексе (к Белому морю через р. Онегу) и путь через Кенский волок (к Белому морю через р. Онегу). Сухопутная часть маршрута во всех трех случаях оказывается совсем непродолжительной: от 5 до 8 км.

Путь через Кожу в настоящий момент ограничен в посещении, т. к. его часть (р. Мотка и Выжига) находится в заповедной зоне Водлозерского национального парка [1, с. 146–151].

Путь по Нюхче доступен, проходит по территории Национального парка «Водлозерский». На Илексе есть пороги, представляющие сложность в большую воду.

Маршрут Кенского волока (от Водлозера к р. Онеге) как репрезентация исторического волокового пути является наиболее удачным вариантом, поскольку представляет собой гармоничное сочетание объектов природного и историко-культурного наследия.

Основные водно-волоковые пути из бассейна Онежского озера в бассейн Белого моря

№	Название	Нитка маршрута и протяженность (от истока р. Свири до Белого моря), км	Прходимость волоков	Сложность водной части	Комментарии по современному состоянию
Прямые пути на Белое море					
1	По р. Выгу	250 (по озеру до Повенца) + 10 (обнос порогов на Повенчанке) + 120 (озера с учетом 5 км волока на пос. Масьелгу) + 90 по р. Выгу (с учетом 8 км обносов порогов) <i>Итого:</i> 470 (в том числе 23 км волоков и обносов)	Хорошая (лес)	Высокая. Большой километраж по широким озерам (волна), порог-и водопадного типа и мощная вода на р. Выге (обносы около 8 км)	Большая часть проходит по ББК
2	По р. Суме («Черный волок»)	250 (по озеру до пос. Повенец) + 10 (обнос порогов на р. Повенчанке) + 100 (озера с волоком 5 км в пос. Масьелга) + 15 км подъема по р. Шигерендже и Черной (35 метров набора высоты, включая 2,5 км обноса низовой Черной) + волок 4,5 км + 122 сплава по р. Кяргозерке, Неле и Суме (с учетом 4,5 км волока на р. Кяргозерку). <i>Итого:</i> 502 (в том числе 22 км волоков и обносов)	К пос. Масьелге хорошая (лес), на р. Черной средняя (75 % лес, 25 % болота)	Средне-высокая. Большой километраж по широким озерам (волна), пороги средней сложности на р. Суме	До Выгозера – ББК, потом достаточно сложный водный маршрут до Белого моря. Параллельно идет дорога
3	По р. Нюхче	120 (по озеру до пос. Шальского) + 145 вверх по р. Водле (падение – 52 м, первые 130 км без порогов) + 24 вверх по р. Ваме (падение – 50 м, пороги)	Низкая средней (50 % лес, 50 % болота)	Средне-высокая. Средний километраж по широким озерам (волна), пороги средне-высокой сложности	Большая часть маршрута и сам волок проходит в границах Национального парка

№	Название	Нитка маршрута + Протяженность (от истока р. Свири до Белого моря), км	Протяжимость волоков	Сложность водной части	Комментарии по современному состоянию
		<p>Нитка маршрута + Протяженность (от истока р. Свири до Белого моря), км</p> <p>+ 30 по Водлозеру + 185 вверх по р. Илексе (падение – 43 м, несложные пороги) + волок 5,5 км</p> <p>+ 116 сплава по р. Нюхче (падение – 182 м) <i>Итого: 625,5 (в том числе 5,5 км волока)</i></p>		на р. Ваме и Водле	«Водлозерский»
К Белому морю через р. Онегу					
4	По р. Коже (через р. Илексу и Выжигу)	<p>120 (по озеру до пос. Шальского) + 145 вверх по р. Водле (падение – 52 м, первые 130 км без порогов) + 24 вверх по р. Ваме (падение – 50 м, пороги) + 30 по Водлозеру + 52 вверх по р. Илексе (падение – 21 м, несложные пороги) + 15 вверх по р. Выжиге (падение – 7 м) + волок 7,5 км + 122 вниз по р. Мотке и Подломке (падение – 60 м) + 103 вниз по р. Коже (падение – 107 м) + 62 вниз по р. Онеге (падение – 10 м). <i>Итого: 680,5 (в том числе 7,5 км волока)</i></p>	Средняя (75% лес, 25% болота)	Высокая. Средний километраж по широким озерам (волна), пороги водопадного типа и мощная вода на р. Коже (обносы около 2 км)	Сложный маршрут, часть его проходит в заповедной зоне Национального парка «Водлозерский», где ограничено посещение
5	Кенозерский волок	<p>120 (по озеру до пос. Шальского) + 138 вверх по р. Водле (падение – 45 м, первые 130 км без порогов) + 20 вверх по р. Череве (падение – 11 м, простой подъем на веслах)</p>	Средняя (75% лес, 25% болота)	Средняя. Средний километраж по широким озерам (волна), несложные пороги за исключением	Несложный подъем по реке, короткий волок. Не требуется длинных переходов по большим

		<p>+ Кенский волок 5,5 км + 41 вниз по р. Волошовой (падение – 6 м) + 82 вниз по Кене (падение – 11 м) + 317 вниз по Онеге (падение – 75 м). <i>Итого:</i> 723,5 (в том числе 5,5 км волока)</p>		<p>нескольких (Падуи, Осиновец) в конце подьема по р. Водле</p>	<p>озерам. Между двумя национальными парками. Есть объекты культурного наследия</p>
6	<p>По р. Ковже (Гостин-Немецкий) и Ухтомце (Красный)</p>	<p>52 (по озеру до устья р. Вытегры) + 62 вверх по р. Вытегре (падение – 80 м) + волок Гостин-Немецкий 6 км + 67 вниз по р. Ковже (падение – 2 м) + 46 км по Белому озеру до устья р. Ухтомы + 36 вверх по р. Ухтоме и Волоцкому озеру (падение – 28 м) + волок Красный 2 км + 40 вниз по р. Ухтомце (падение – 17 м) + 21 вниз по р. Модлоне (падение – 5 м) + 46 по оз. Воже + 67 вниз по р. Свида (падение – 3 м) + 30 по оз. Лача + 428 вниз по р. Онеге (падение – 117 м). <i>Итого:</i> 903 (в том числе 8 км волока)</p>	<p>Хорошая (лес)</p>	<p>Средняя. Средний километраж по широким озерам (волна), несложные пороги. Про пороги Вытегры информации нет, но, судя по популярности Гостин-Немецкого волока, они были несложные или со временем обносились</p>	<p>Проходит по каналу. Много рыбаков. Много населенных пунктов</p>
7	<p>По р. Вытегре и Ковже (Гостин-Немецкий) и Порозовице (Словенский)</p>	<p>52 (по озеру до устья р. Вытегры) + 62 вверх по р. Вытегре (падение – 80 м) + волок Гостин-Немецкий 6 км + 67 вниз по р. Ковже (падение 2 – м) + 58 км по Белому озеру до истока р. Шексны + 60 вниз по р. Шексне</p>	<p>Хорошая (лес, поле)</p>	<p>Средняя. Средний километраж по широким озерам (волна), несложные пороги. Про пороги Вытегры информации нет, но, судя по попу</p>	<p>Канал</p>

№	Название	Нитка маршрута и протяженность (от истока р. Свири до Белого моря), км	Продолжительность волоков	Сложность водной части	Комментарии по современному состоянию
		+ 41 вверх по р. Славянке и оз. Никольскому (Словенскому) + волок Словенский 6 км + 27 вниз по р. Порозовице + 55 по оз. Кубенскому + 558 вниз по р. Сухоне (падение – 62 м) + 744 вниз по р. Северной Двине (падение – 46 м). <i>Итого:</i> 1736 (в том числе 12 км волока)		лярности Гостин-Немецкого волока, они были не сильно страшные или просто обносились	
8	Через волоки Кенозерский и Емецкий	120 (по озеру до пос. Шальского) + 138 вверх по р. Водле (падение – 45 м, первые 130 км без порогов) + 20 вверх по р. Череве (падение – 11 м, простой подъем на веслах) + Кенский волок 5,5 км + 41 вниз по р. Волошовой (падение – 6 м) + 82 вниз по р. Кене (падение – 11 м) + 113 вниз по Онеге (падение – 25 м) + Емецкий волок 11 км + 188 вниз по р. Емце (падение – 76 м) + 232 вниз по р. Северной Двине (падение – 4 м). <i>Итого:</i> 950,5 (в том числе 17 км волока)	Средняя (75 % лес, 25 % болота)	Средняя. Средний километраж по широким озе-рам (волна), несложные пороги за исключением нескольких (Падун, Осиновец) в конце подъема по р. Водле	Плесецкий космодром на р. Емце

Маршрутом Кенского волока команда прошла в августе 2018 г. в рамках комплексной экспедиции по изучению пути из Белого моря в Онегу через Нюхченский и Кенозерский волоки. Путь начинался от р. Нюхчи, шел далее по р. Илексе к Водлозеру, через д. Куганаловок, по р. Ваме и Водле к Кенскому волоку. Маршрут экспедиции по Кенскому волоку (от Водлозера до Кенозера) повторял местный вариант этого пути. Маршрут Кенского волока, которым шли новгородцы, начинался от Онежского озера.

Ниже мы предлагаем наш вариант прохождения Кенского волока как туристического маршрута, доступного сегодня большинству туристов-водников.

Нитка маршрута: д. Куганаволок – оз. Водлозеро (14 км) – р. Вама (24 км) – р. Водла (6 км) – р. Черева вверх (20 км) – Кенский волок пешком (5,5 км) – р. Волошова (41 км) – р. Поча (20 км) – оз. Кенозеро (15 км, до д. Вершинино).

Протяженность водной части – 140 км. Протяженность пешей части – 5,5 км.

Число ходовых дней – 12–14 (в зависимости от времени пребывания на озерах). Сезонность – 1 июня – 15 сентября. Категория сложности – 3-я [3].

Маршрут большей частью проходит по территории двух национальных парков: Водлозерского и Кенозерского. Он рассчитан на сплав на каркасных и надувных байдарках, можно использовать и катамараны, но в этом случае нужно учитывать переход по озерам и первые километры подъема по Череве (река там немногим больше ширины байдарки).

Данный маршрут – для подготовленных путешественников. На Ваме и Водле нужно будет преодолеть более 20 порогов, большинство из которых требуют хороших спортивных навыков и опыта сплава на байдарках [12].

В д. Куганаволоке находится визит-центр Водлозерского национального парка, где можно оформить разрешение на посещение, узнать всю необходимую информацию о парке. В деревне можно купить продукты, т. к. следующий продуктовый магазин будет только в д. Поча Кенозерского национального парка. Переход по Водлозеру в большую волну может представлять сложность, поэтому в Водлозерском парке можно договориться о доставке на катере.

Река Вама: сразу за плотиной (которая находится на истоке Вамы из Водлозера), которую необходимо обнести, начинается серия порогов. Все они от 1-й до 3-й категории сложности. На берегах много хороших стоянок. Здесь же проходит граница Водлозерского национального парка.

Сложность порогов р. Водлы может меняться в зависимости от уровня воды. Одни могут становиться легче, другие труднее. В случаях, когда тре-

буется активное маневрирование, на байдарках-двойках рекомендуется высаживать матроса и использовать его в качестве сигнальщика или на страховке. Пороги на реке начинаются сразу после слияния Вамы и Водлы, сложностью от 2-й до 4-й категории.

Место начала входа из р. Водлы в р. Череву выглядит как заболоченный луг с двумя протоками. Подниматься нужно по правой. Очень скоро протока превращается в канавку шириной 1,5 м и через сотню метров выводит в небольшое вытянутое озеро, по которому нужно пройти в его дальний конец. Там, в узком каменистом русле, шумит Черева. Часть русла расчищена и даже в невысокую воду там есть проход для небольшой лодки.

Черева в последней своей части (20 км подъема) практически не течет, имеет ширину 10–30 м и большую глубину. На ней нет завалов, потому что вокруг в основном безлесные заболоченные луга. Расход воды в реке очень мал – на первом четырехкилометровом участке вскоре после озера река похожа на небольшой ручей, постоянно вливающий меж луговых берегов. Иногда даже байдарка не может вписаться в эти извилистые повороты. Из-за них река и получила свое первоначальное название: «Мышь черевы». То есть буквально: «мышьиные кишки». На реке есть несколько хороших мест для стоянки, а также рыбачьих изб.

Деревня Заволочье, точнее то, что от нее осталось, – это старинное поселение, возникшее на одном из концов Кенского волока. На другом конце располагалась д. Яблонь-Горка. В Заволочье сейчас нет домов, только несколько рыбачьих изб. От старой деревни сохранилась лишь часовня Спаса Преображения, которую с реки почти не видно (хотя если покосить высокую траву, то вид изменится). Выгружаться и готовиться к пешей части нужно около нее. Вещи и байдарки удобно переносить в две ходки. Ночевать можно как в Заволочье, так и ближе к концу волока около часовни на окраине бывшей Яблонь-Горки – там рядом есть ручей (ил. 2). Есть стоянка и в самом конце волока на р. Режме, недалеко от ее впадения в Волоцкое озеро.

На волоке от д. Заволочья до Режмы (ил. 3) байдарки проще нести, не разбирая их, – тропа достаточно хорошая и заболоченных участков немного. Она начинается как продолжение единственной улицы Заволочья, вдоль которой стоят рыбачьи избы. На выходе из деревни важно не потерять тропу – тут она сильно заросла до входа в лес. Дальше она уже отлично видна, и случайно с нее сойти невозможно.

Далее дорога идет 2 км через лес, местами проходя через заболоченные низинки. Затем справа появляется болото, и на пути встает промежуточная часовенка, обозначающая середину волока (ил. 4).

Сразу после нее тропа выходит на болото, в котором, по утверждению исследователей, до сих пор существует старинная деревянная гать [8, с. 36], погребенная под толстым слоем мха. Через 300 м дорога снова ныряет в лес

и вскоре приводит к третьей, последней, часовне, расположенной на окраине бывшей деревни Яблонь-Горки (ил. 5).

Оставшаяся часть пути до Режмы, пожалуй, самая трудная, хотя длинна ее меньше километра. Сразу после часовни идет подъем на безлесный холм, на котором раньше была деревня, но сейчас он полностью зарос травой в человеческий рост. Вполне вероятно, что тропа здесь совсем потеряется и придется идти наугад в северо-восточном направлении мимо пары разваливающихся домов вниз с холма к болотистой низине и далее искать тропу, идущую через чахлый лесок к Режме. Только на последних 300 м вновь появляется высокоствольный лес, а в нем тропа превращается снова в дорогу. Она выводит прямо к стоянке на берегу неширокой медленной р. Режмы.

По Режме выходим в сильно заросшее Волоцкое озеро (ил. 6) и двигаемся в его восточный угол к истоку р. Волошовой. На озере есть рыбацьи избы, они видны с воды по правому берегу.

Спуск по неспешной Волошовой занимает два дня. Препятствий на реке почти нет – редкие каменистые перекаты и бобровые плотинки. Много высоких берегов с хорошим лесом, но оборудованных стоянок нет. На месте бывшей д. Верхнее Волошово стоит изба.

Волошова впадает в широкую р. Почу, по которой легко можно спуститься до Кенозера.

Рассмотрим прохождение Кенского волока по времени.

23 августа – выход из Куганаволока, переход Водлозера, прохождение части р. Вамы.

24 августа – прохождение р. Вамы и части р. Водлы.

25 августа – прохождение р. Водлы, нижнего и среднего течения Черевы.

26 августа – выход в 9.00 верхнее течение р. Черевы. В 10.30 – д. Заволочье. Первый волок с байдаркой – 2,5 часа, обратно в деревню – 1,5 часа. Из Заволочья с грузом – за 2 часа. К 18.00 – организация стоянки у часовни в Яблонь-Горке.

27 августа – выход в 10.00 с байдаркой (час на дорогу и 30 минут, чтобы вернуться обратно). Выход с рюкзаками от места ночевки – в 11.30. Выход на воду (Режма) в 13.00, проход Волоцкого озера, выход в р. Волошовую.

28 августа – р. Волошова (в принципе, до своего нижнего течения реку проходят за один ходовой день).

29 августа – р. Волошова – р. Поча – д. Усть-Поча (прохождение за 3 часа).

Итого: 7 дней.

Выводы по туристической составляющей маршрута:

1. Маршрут Кенского волока (от Водлозера до Кенозера) доступен для путешественников со средним туристическим опытом водных походов (есть два

десятка порогов средней категории сложности на р. Ваме и Водле, которые могут быть обнесены по берегу). Прохождение маршрута без обноса порогов предполагает хороший опыт водных походов, особенно при большой воде.

2. На маршруте нет сети оборудованных стоянок. Они есть только в части маршрута, принадлежащей Водлозерскому парку (по р. Ваме). Маршрут подходит для путешественников, стремящихся к уединению, поскольку эти места мало посещаются туристами.

3. Полностью автономный маршрут – по ходу движения нет возможности пополнить запасы продуктов: на маршруте нет магазинов и населенных пунктов.

Есть вариант начать маршрут от д. Заволочья – к ней можно попробовать осуществить транспортировку на машине повышенной проходимости по старой лесовозной дороге через с. Нижнее Устье.

Что касается антропогенного влияния на территорию, то, судя по количеству шестов для жерлиц по берегам р. Черевы и Волошовой, маршрут активно используется рыбаками. На р. Череве местные жители традиционно охотятся на утку.

Наличие рыбачьих изб на Череве, в д. Заволочье и оз. Волоцком свидетельствует об активном использовании территории местными жителями. Благодаря рыбакам на р. Волошовой завалы прочищены. Количество же рыбы в ней меньше, чем на Илексе.

Предложения по благоустройству и развитию маршрута:

1. Создать, совместно с Водлозерским национальным парком туристический маршрут, проходящий по пути Кенского волока (длинный – от Водлозера до Кенозера и короткий – от д. Заволочья к Кенозеру).

2. Рассмотреть возможность включения маршрута (от д. Заволочье до границ парка в районе р. Почы) в территорию Кенозерского национального парка. Включить этот маршрут в раздел «Выдающаяся универсальная ценность» в номинационное досье «Заповеданное Кенозерье». Сделать маршрут объектом культурного наследия.

3. Установить минимально благоустроенные стоянки на маршруте (без лишних строений, для сохранения общего вида всего маршрута – костровище, стол и лавочки, дровница с навесом).

4. Установить информационные стенды и навигационные знаки по ходу движения на маршруте.

Итак, Кенозерский волок – один из наиболее хорошо сохранившихся волоковых путей. Он практически не затронут антропогенным влиянием, а система природопользования на его территории носит традиционный для данного района характер. Наличие на маршруте волока памятников природного и историко-культурного наследия делает его интересным для разных целевых групп активных путешественников.

Стоит рассмотреть возможность включения территории Кенского волока (от д. Заволочья) в территорию охранный зоны Национального парка «Кенозерский».

Список литературы

1. *Антипин В.К., Крышень А.М.* Всероссийская научно-практическая конференция «Особо охраняемые природные территории в XXI веке: современное состояние и перспективы развития», посвященная 20-летию юбилею национального парка «Водлозерский» // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 1. Сер. Биogeография. Вып. 13. С. 146–151.

2. *Анциферова А.И.* Реконструкция средневекового пути «Кенский волок» и водно-волокового судна «берестяной каюк» // Кенозерский чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 21.

3. Единая всероссийская спортивная классификация туристских маршрутов (ЕВСКТМ) (категорирование маршрута и его определяющих препятствий (факторов)). <http://www.tssr.ru> (дата обращения: 13.05.2019).

4. *Едовин А.Г.* Кенский волок – история и археология // Кенозерский чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Архангельск, 2012. С. 80–90.

5. *Загоскин Н.П.* Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.

6. *Зелюткина Л.О., Коростелев Е.М., Севастьянов Д.В.* Водно-волоковые системы севера Европейской России. География. История. Природопользование / под общ. ред. Д.В. Севастьянова. СПб., 2013.

7. Книга Большому чертежу. М.; Л., 1950.

8. *Коростелев Е.М.* По следам новгородских ушкуйников // Живописная Россия. 2007. № 1. С. 36.

9. *Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.* Историческая география путей сообщения северо-запада России: догосударственный и киево-новгородский этапы (с V–VI по XVII в.) // Псковский регионологический журнал. 2017. № 1 (29). С. 92–111.

10. *Мартынов В.Л., Сазонова И.Е.* Историческая география путей сообщения северо-запада России: Московский этап (XV–XVII вв.) // Псковский регионологический журнал. 2017. № 2 (30). С. 61–73.

11. Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 177.

12. Север. М., 1975.

13. *Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в Средневековье. СПб., 1997.

«Книга памяти» спецпереселенцев Онежского полуострова: первые итоги исследований

В настоящее время в российском обществе востребована тема осмысления советского прошлого. Важное место в этом процессе занимает мемориальная культура, концентрирующая внимание не столько на историческом событии, сколько на личностном вовлечении в него отдельных людей. Включая в себя разнообразные исследовательские практики, мемориальная культура создает транспоколенческое пространство для диалога поколений, и тем самым делает возможным усвоение прошлого всем социумом.

Работа Кенозерского национального парка по сохранению культурно-исторического наследия направлена на формирование долговременной культурной памяти, способной информировать граждан нашей страны об истории России. Объектом нашего исследования является изучение архивных собраний, семейных архивов и различных информационных источников.

В течение последних трех лет в парке ведется работа по сбору информации о спецпереселенцах, высланных с конца 1920-х по 1930-е гг. на Архангельский Север, в том числе на территорию Онежского полуострова.

Сейчас все меньше остается тех, кто помнит разорение родного дома во время коллективизации, переполненные эшелоны, идущие через всю страну, бараки на чужой земле, голод и холод, бессилие, отчаяние и смерть близких. Тем важнее успеть зафиксировать уходящую память прошлых поколений. Воспоминания людей, попавших не по своей воле на Север, дают возможность получить важные сведения о бытовой стороне жизни спецпереселенцев, их труде на лесозаготовках и сборе беломорских водорослей, о личных отношениях в поселках представителей разных национальностей.

За три года сотрудниками отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия проведено пять экспедиций по сбору материалов по истории депортированных кулаков, в центральных и местных архивах обнаружены более 30 архивных документов, освещающих историю депортации на территорию Онежского полуострова, собраны сотни фотографий, сделаны 17 аудио- и видеозаписей воспоминаний тех, кто родился и вырос в северной ссылке.

В планах Кенозерского национального парка – создание «Книги памяти» спецпереселенцев, высланных на Онежский полуостров. Свою задачу мы

видим как в сохранении информации, которая уходит с окончанием эпохи очевидцев, так и в воссоздании живой картины периода коллективизации и раскулачивания.

Спецпереселенцы стали прибывать на территорию Архангельского округа Северного края в 1929–1930 гг. Первоначально депортированные размещались в пересыльных пунктах, одним из которых служил бывший Спасо-Преображенский Пертоминский монастырь в Унской губе Белого моря.

В Приморском районе Архангельского округа Северного края для спецпереселенцев предусматривалось строительство девяти поселков. Шесть из них – Коннохово, Лопатка, Кега, Сосновка, Кислуха и поселок на острове Жижгин – располагались на Онежском полуострове (ил. 1). В этих поселениях отбывали ссылку русские, украинцы, белорусы, болгары с берегов Волги, этнические немцы, астраханские татары, киргизы, казахи и туркмены.

Впервые термин «спецпоселок» был употреблен в Постановлении Совета народных комиссаров РСФСР № 36 от 16 декабря 1930 г. «О трудовом устройстве кулацких семей, высланных в отдаленные местности, и о порядке организации и управления специальными поселками». Поселения организовывались в местностях, где ощущался недостаток рабочей силы «для лесозаготовительных работ, в разработке недр, для рыбных промыслов <...> а также для освоения неиспользованных земель». Спецпоселки предписывалось образовывать «не ближе 200 километров от пограничной зоны, вдали от железных дорог, городов, рабочих поселков и крупных селений, а также фабрик и заводов, колхозов, совхозов и МТС».

Отведенные под поселения территории должны были быть пригодными для обеспечения раскулаченных работой, гарантировать невозможность побегов и иметь для ссыльных возможность самостоятельной добычи дополнительного пропитания. Места, выбранные под поселки на территории Онежского полуострова, полностью соответствовали этим требованиям. На данной территории «по всему берегу моря» имелась «производственная промысловая золозаготовительная база», «сырьевая база водорослей», отсутствовали пути сообщения «кроме моря», имелась возможность круглый год заниматься рыбной ловлей и добывать «морского и лесного зверя» [5, л. 4–5].

Расселение в спецпоселках происходило по норме: один поселок – 120 семей (600 человек) [2, л. 214]. На четыре близлежащих поселка предполагался один фельдшерский пункт, остальные три поселка были снабжены лишь аптечками [2, л. 199]. Административное управление осуществляли комендант и милиционер. В каждом поселке обязательно имелась начальная школа, ясли, клуб, баня и магазин.

Самыми густонаселенными спецпоселками на Онежском полуострове были Сосновка и Кислуха: на ноябрь 1931 г. в каждом из них проживало по 128 семей (404 человека в Кислухе и 403 человека в Сосновке) [3, л. 16]. Пер-

вых спецпереселенцев, по воспоминаниям их потомков, привезли на голое место, люди с нуля строили жилые бараки и административно-хозяйственные помещения. Первые несколько лет жилые дома строились с большими трудностями.

Об этих поселках мы получили информацию от супругов Узких – Олега Александровича и Татьяны Ивановны. Они поделились воспоминаниями о прадеде Олега Александровича, Данииле Антоновиче Ленёве, высланном на Север из Астраханской области и жившем с семьей в пос. Кислухе. По сохранившимся в семье воспоминаниям, в Кислухе было выстроено десять одноэтажных бараков, в которых размещалось по несколько семей. Одной семье выделялась одна комната. Дети высланных обучались в начальной школе, а средняя школа располагалась в пос. Пертоминске. Жители спецпоселка, как все спецпереселенцы, не имели паспортов и были лишены возможности участвовать в выборах [9].

Первоначально в Кислухе и Сосновке были организованы сельхозартели; на отвоеванных у тайги огородах выращивали овощи. В середине 1930-х гг. артели заменили колхозом «Имени НКВД» (ил. 2), который после выделения жителям поселков нескольких рыбных тоней стал рыболовецким. Кроме рыбной ловли колхоз занимался выращиванием ячменя, овса, гороха, овощей, имел стадо коров и табун лошадей.

Спецпереселенцев в этих поселках из-за наличия «очень большой сырьевой базы водорослей» [5, л. 5] использовали и «на йодных промыслах» [6, л. 58]. Но после передачи всех раскулаченных в ведение Наркомлеса СССР [8, л. 11] спецпереселенцы активно привлекались к работе в лесной отрасли.

Жители Кислухи и Сосновки были приписаны к Унскому лесозаводу, находившемуся на Заяцком мысу Унской губы Белого моря. Работа лесозавода решала проблему переработки «моребойного» леса, который волной прибывало к берегу. Однако основная задача заключалась в обработке для продажи за границу заготовленного леса, добытого в Вежменском лесопункте. Работа на заводе велась в три смены на двух пилорамах [7, л. 20]. В течение зимнего периода завод вырабатывал первосортные доски, которые летом увозили на баржах в Архангельск. Помимо лесопиления на заводе велось изготовление бочкотары. Наряду со взрослыми на заводе трудились и подростки. По словам Парасковьи Васильевны Киселевой, в их обязанности входило помогать при сплаве леса через Унскую губу – не давать сплавляемой древесине проплыть мимо биржи лесозавода [10].

Жилой фонд поселка, составлявший более 50 домов, по воспоминаниям потомков спецпереселенцев, делился на три части. В рубленых из бруса двухэтажных домах, построенных на государственные средства, жили семьи завербованных рабочих [11]. Отдельные частные дома строили спецпересе-

ленцы. В бараках с минимальными удобствами расселялись высланные этнические немцы [12].

Информацию о поселке лесозавода мы получили от потомков спецпереселенцев, проживающих в разных регионах страны, – Мурманске, Волгограде, Петрозаводске, Архангельске. По воспоминаниям Анели Ивановны Гуляевой, рабочие поселка жили, как одна дружная семья (ил. 3). Руководство завода проявляло заботу о работниках – бесплатно распределялась одежда и обувь, каждой семье несколько раз в неделю выдавали по литру молока. Жители поселка дружно отмечали праздники.

О спецпоселках Лопатка и Кега нам рассказали житель г. Николаев (Украина) Геннадий Иванович Головки и семья Трифионовых, проживающая в г. Минске (Беларусь). Первых переселенцев – выходцев с юга России – приютили жители Летней Золотицы, а позднее, после строительства барачных, южане стали селиться на Лопатке и Кеге.

Работа в этих спецпоселках, как и в поселке на острове Жижгин, была связана с добычей и переработкой беломорской водоросли – анфельдии. Все три спецпоселка располагались на морском побережье, что способствовало открытию здесь агар-агаровых цехов Архангельского водорослевого завода.

Южане научили местных жителей делать парники, выращивать овощи. В свою очередь поморы помогали переселенцам свыкнуться с суровыми условиями Севера и адаптироваться к ним — обучали тонкостям рыболовного промысла, заготовке даров северной природы.

Для производства агар-агара население спецпоселков добывало анфельдию в течение всего лета – мужчины драгировали водоросли, а женщины и дети собирали анфельдию, выброшенную морем на берег, и сушили то, что собирали мужчины [14] (ил. 4).

Переработка водорослей производилась в специальных цехах, преимущественно вручную. Анфельдию варили в деревянных чанах (котлах), затем сушили промытый агаровый «студень» на специальных барабанах и вручную снимали образовавшуюся агар-агаровую пленку. За год в каждом цехе выпускали до трех тонн агара.

Транспортировали готовую продукцию по воздуху и по морю. Для этих целей в спецпоселках были оборудованы взлетно-посадочные полосы для малой авиации и проложены узкоколейки от производственных цехов к месту погрузки на баржи.

Спецпоселки Кега и Лопатка располагались недалеко друг от друга и часто находились в ведении одного коменданта. Спецпереселенцы очень тепло вспоминали коменданта, уроженца д. Летняя Золотица Семена Илларионовича Молокова (1895–1961) (ил. 5). Ссылные отзывались о нем как об общительном и тактичном человеке. В комендантском доме в пос. Кега всегда было

многолюдно – решались производственные вопросы, частыми гостями были ученые и исследователи.

Жители спецпоселка на острове Жижгин первоначально трудились на Жижгинском йодном заводе имени Н.А. Семашко [4]. Йод добывали из ламинарии, ее «собирали, сушили, сжигали, извлекали йод и очищали его» [13]. Однако в начале 1930-х гг. был найден способ добывать йод менее затратным способом – из буровых вод, поэтому Жижгинскую золотодобывательную факторию перепрофилировали под производство агар-агара из анфельции. Инфраструктура агар-агарового цеха на Жижгине, кроме производственных цехов, была дополнена альгинатным цехом, где обрабатывались технологии выработки агар-агара.

Среди спецпоселков Онежского полуострова был известен бондарный цех пос. Конюхово. В семье Трифионовых долгие годы хранились предметы, сделанные в цехе в 1932 г. – табурет и деревянная солонка. Эти вещи были переданы в дар Кенозерскому национальному парку. Благодаря воспоминаниям Ольги Ивановны, удалось создать реконструкции пос. Кега, Лопатка и поселка на острове Жижгин, а также восстановить списки высланных, проживавших в них.

Историю спецпоселка Конюхово нам рассказала жительница Северодвинска Любовь Сергеевна Хруцкая. В Конюхово были размещены раскулаченные с юга России, в основном из Поволжья – казаки, поволжские немцы, татары, украинцы. Среди них была семья деда Любви Сергеевны Максима Васильевича Лепехина. До Котласа ссыльных везли в холодных товарных вагонах, а затем – на барже по реке и морю. Высадили людей в лесу, в 15 км от д. Летняя Золотица. Депортированные сами возводили бараки, разрабатывали землю, строили дома. Жители спецпоселка Конюхово трудились в сельскохозяйственной артели «Новый путь», позже – в рыболовецком колхозе «Победа». Колхозники занимались земледелием, скотоводством, заготовкой водорослей, работали на лесозаготовках, корчевали лес под огороды и пастбища.

Среди спецпереселенцев, проживавших на территории Онежского полуострова, было много этнических немцев. Первая волна высланных немцев попала на Архангельский Север в начале 1930-х в числе раскулаченных жителей Поволжья. Однако наибольшее количество, как тогда официально формулировалось, «социально-опасных элементов немецкой национальности» было депортировано в северные районы со всей страны с началом Великой Отечественной войны, по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Немцы, расселенные в спецпоселках Онежского полуострова, трудились на лесозаготовках, производстве агар-агара и в лесопильной отрасли. Местные жители относились к ним очень тепло, как могли помогали людям, не знавшим Севера, «вы-

жить на этой каторге». По словам архангелогородца Василия Максимовича Мусникова, высланные немцы были людьми с высоким чувством ответственности, трудолюбивые и деловые. Их силами, например, в спецпоселке Лопатка возвели мельницу и соорудили на озере приспособление для подачи воды на полив огородов. Вспоминали спецпереселенцы и коменданта пос. Кега и Лопатка Тайграфа (имени и отчества не сохранилось), очень порядочного и заботливого человека, усилиями которого улучшилось состояние ссыльных – был увеличен гражданский паек, обращалось внимание на качество продуктов.

В 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление, отменявшее особый режим содержания и снимавшее ограничения со спецпереселенцев. С этого времени люди стали покидать спецпоселки. Часть вернулась в родные края, а те, кому некуда и не к кому было ехать, перебрались в д. Летняя Золотица и пос. Пертоминск.

Судьбу же высланных этнических немцев решил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г., установивший, что их переселение произведено навечно, без права возврата к прежнему месту жительства. В августе 1949 г. до Унской губы Белого моря добрался уполномоченный из Архангельска с приказом «немецким семьям собраться в 24 часа с ручным багажом и явиться на пристань для посадки на пароход» [1]. Всех высланных немцев, проживавших в спецпоселках Онежского полуострова, транспортировали в Плесецк для строительства военной базы и, в дальнейшем, космодрома.

К началу 1960-х гг. все спецпоселки опустели. В настоящее время на их месте остались заросшие лесом печные места, развалины бараков и заброшенные кладбища.

Все собранные специалистами Кенозерского национального парка материалы по истории репрессий станут частью экспозиции нового визит-центра в д. Луде, а также войдут в «Книгу памяти». В силу того, что доступ к архивам военных ведомств пока закрыт, сотрудники парка ограничены только устной информацией, что несомненно скажется на небольших объемах книги. Первоначально планируется ее создание в электронном виде.

Выявленные материалы позволили сотрудникам Кенозерского национального парка определить структуру будущей «Книги памяти». В нее войдут несколько разделов. Вступительная часть будет содержать архивные документы, освещающие историю возникновения и существования спецпоселков на территории Онежского полуострова. Будет представлена картография мест, откуда прибыли спецпереселенцы, а также мест расположения спецпоселков. Собранная к настоящему моменту информация позволит включить в «Книгу памяти» списки высланных с краткими биографическими сведениями о спецпереселенцах и членах их семей. В книгу войдут также воспоминания

высланных на Север людей и их потомков с приложением аудио- и видеоматериалов, записанных на диски.

Такая «Книга памяти», являющаяся частью региональной мемориальной культуры, сможет способствовать межпоколенческому диалогу и усвоению прошлого представителями всех слоев современного общества.

Список литературы

1. Воспоминания А.Ф. Книжникова 1931 г. р. // Генеалогическая база знаний: персоны, фамилии, хроника. Спецпоселок Кислуха. <http://baza.vgdru.com/3/78427/> (дата обращения: 13.04.2019).
2. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 621. Оп. 3. Д. 26.
3. ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 118.
4. ГААО. Ф. 2040.
5. ГААО. Ф. 2176. Оп. 1. Д. 30.
6. Государственный архив общественно-политических движений и формирований Архангельской области (далее ГАОПДФ АО). Ф. 290. Оп. 1. Д. 426.
7. ГАОПДФ АО. Ф. 2035. Оп. 1. Д. 31.
8. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 16.
9. Интервью М.Н. Мелютиной и Я.Э. Харитоновой с О.А. Узким 1951 г. р. и Т.И. Узкой 1952 г. р., жителями г. Северодвинска, от 23.05.2018 [Аудиозапись] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
10. Интервью М.Н. Мелютиной и Я.Э. Харитоновой с П.В. Киселевой 1931 г. р., жительницей г. Архангельска, от 13.03.2017 [Аудиозапись] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
11. Интервью М.Н. Мелютиной и Я.Э. Харитоновой с А.А. Мошниковой 1935 г. р., жительницей г. Архангельска, от 26.03.2017 [Аудиозапись] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
12. Интервью М.Н. Мелютиной и Я.Э. Харитоновой с В.М. Мусниковым 1925 г. р., жителем г. Архангельска, от 19.03.2017 [Аудиозапись] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
13. Интервью Я.Э. Харитоновой с С.Н. Трифоновым 1958 г. р., жителем г. Минска, от 20.02.2018 [Аудиозапись] // Электронный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».
14. *Киселева В.* Нам выпало испытание // Рыбак Севера. 1988. 27 янв.

Церковное строительство на Онежском полуострове по письменным источникам¹

Онежский полуостров, выдающийся далеко в Белое море, словно стремится соединиться с Соловецким архипелагом. Действительно, долгие столетия именно Соловецкий монастырь во многом способствовал экономическому развитию этого региона, где активное возведение промысловых деревень и солеварен, безусловно, сопровождалось и церковным строительством. Однако изучение истории храмов на Онежском и Летнем берегах Онежского полуострова затруднено ввиду разрозненности источников.

Во второй половине XIX в. здешние приходы входили в состав 2-го благочиния Онежского уезда Архангельской епархии, но даже во всеобъемлющем издании «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии» [19] сведения о многих церквях обычно восходят не далее середины XIX в. Некоторые датировки в этом издании оказываются ошибочными, как это было, например, с церквями Св. Николая Чудотворца в Пурнеме [8] или Св. Климента Папы Римского в Уне [34]. В данной статье предпринята попытка представить исторический очерк становления церковного зодчества на Онежском полуострове в позднее Средневековье, а также реконструировать картину храмостроительства в ряде селений Онежского и Летнего берегов Белого моря в XVI – начале XX столетия именно на основании корпуса опубликованных и архивных письменных источников.

Храмостроительство на Онежском полуострове в XVI – середине XVII в. История храмостроительства на Онежском полуострове по письменным источникам прослеживается с начала XVI столетия по косвенным свидетельствам в актовом материале. Уже в 1527 г. в купчей Михаила Федорова из Луды упомянут «двор от Пречистыя» [1, с. 42], что подтверждает существование там Богородицкой церкви. Купчие на двор в Нижнем посаде Золотицкой волости в 1528 и 1529 гг. писал «Авдей Сидоров сын, никольской дьяк» [1, с. 42]. Через 30 лет в «Отписи дьяков Казарина Дубровского и Леонтия Ананьина о приеме дани и оброков с Каргопольского и Турчасовского уездов (1559) описывается «на усть реки Золотицы погост, а в нем церковь Никола чудотворец» [1, с. 155]. В Пурнеме о существовании церкви явствует из «Данной» 1544 г., которую составил «дьяк пурнемский Савва Мики-

тин сын» [1, с. 69]. В «Сотной на Турчасовский стан Каргопольского уезда письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова» 1556 г. уже напрямую говорится о храме и его посвящении: «В той же волостке в Пурнеме погост, а в нем церков Никола Чудотворец...» [32, с. 129]. Еще до Смутного времени был поставлен и храм в соседнем Нижмозере, о чем явствует из обращения в 1618 г. игумена Иринарха к новгородскому митрополиту Исидору с просьбой освободить церкви в Пурнеме и Нижмозере от дани: «Соловецкого монастыря у моря, на золотницком берегу две волости, Пурнемо да Нижмо-озеро, а в них два храма чудотворца Николы от литовского разорения стоят пятый год без пения, а священников ни к одному храму призвать не можно для того, что святительскою митрополичьею деньгою в давних годах обложены дорого» [30, с. 289–290; 21, л. 1]. В коллекции Музеев Московского Кремля² находится еще одно прошение Иринарха о церкви в Луде, одной из самых ранних в регионе: «...той монастыря волости Лудское усолье на морском берегу дольней стороны, а в той волости храм собор Пресвятые Богородицы о литовском разорении стоит... без пения» [20].

В самом начале XVII в. значительный корпус документов, связанных с хозяйственной деятельностью на Онежском полуострове, еще относится к делопроизводству Кирилло-Белозерского монастыря, а «сундушные соляные» деньги Поморских промыслов составляли значительную часть всех доходов и расходов этой богатейшей обители [26, с. 422–432, 450–461, 467–476]. В источниках того времени поступления в монастырскую казну так и записывались: например, «с Лямцы с Кириллова усолья» [7, л. 6]. Однако в 1614 г. поморские вотчины Кирилло-Белозерского монастыря подверглись разорению от шаек «воров»: «Да во 122-м году как литовские люди воевали в Поморье, и в монастырских соляных промыслех в Неноксе запасы всякие годовые и товары сукна и кожи и холсты и всякие товары поимали, а иные прижгли... Да в монастырском же в соляном промыслу в Золотице литовские люди старца Гедеона замучили до смерти, а служек монастырских и служебников присекли пяти человек, а казны монастырские взяли пять сот сорок три рубли... Да в Пушлахте взяли годовых всяких запасов и товаров и лошадей... Да в Лямце слугу монастырского Любима Васильева замучили, а вымучили у него монастырских денег двесте восемь рублей» [25, с. LXXXIX].

По всей вероятности, эти бедствия, как и пошатнувшееся финансовое положение самой Кирилло-Белозерской обители, подвергавшейся осадам в годы Смутного времени, стали одной из причин масштабного обмена поморскими усольями, который был произведен с Соловецким монастырем,

² Авторы благодарят ведущего научного сотрудника отдела рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля Т.А. Тутову за предоставленную возможность работать с первоисточниками XVII–XVIII вв. из собрания музеев.

давним соседом и в ряде случаев соперником кирилловских старцев и слуг в соляной добыче. К 1618 г. относится массивный корпус документов, связанных с перераспределением владений Соловецкого и Кириллова монастырей на Онежском полуострове вплоть до середины XVIII в. [6, л. 273 об. – 275].

А.А. Савич, характеризуя этот обмен, пишет, что ранее «в соляные угодья Соловецкого монастыря в Лямецкой волости клином входили варницы Кирилло-Белозерского монастыря», но затем «Соловецкий монастырь уступил Кирилло-Белозерскому Золотицкие свои владения, а тот отдал Соловецкому свои Лямецкие угодья» [31, с. 130]. С тех пор в отписных и отводных книгах Соловецкого монастыря 1630–1640-х гг. значатся «по Поморскому берегу соляные промыслы Ненокса, да Луда, да Лямца, да Пурнема, да Владычна, да Унежма, да Нюхча, да Колежма, да Вирма, да Летняя река, да Понгама, да Чупа» [3, л. 188; 4, л. 194; 5, л. 215]. Примечательно, что данные документы описывают, в основном, хозяйственные сооружения, хотя в эти годы в Поморье активно строятся храмы, из которых самые известные – церкви Св. Николая в Ворзогорах (1636) и Малошуйке (1638). По всей видимости, со второй половины 1640-х гг. начинается формирование известного храмового комплекса XVII–XIX столетий в Пурнеме, история которого подробно изложена в научной литературе [8]. Таким образом, история деревянного церковного зодчества XVI–XVII вв. непосредственно связана с промысловой деятельностью на Онежском полуострове Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей, что далее, уже после секуляризации церковных земель по реформе 1764 г., легло в основу церковно-приходской организации в этом регионе.

Церкви Св. Ильи Пророка и Св. Зосимы и Савватия Соловецких в Лямце в XVII–XIX вв. В конце XVII столетия с учреждением Холмогорской и Вяземской епархии по храмозданным грамотам архиепископа Афанасия, выдающегося иерарха Русской церкви, можно судить о значительном оживлении храмостроительства и церковной жизни в целом. К 1691 и 1694 гг. были построены, соответственно, церкви Св. Ильи Пророка и Св. Зосимы и Савватия Соловецких в Лямце, где ранее (по крайней мере уже в 1677 г.) стоял «храм молитвенный часовня Святого Пророка Божия Илии» [28, л. 235].

Приказывая соловецкому архимандриту Фирсу прибыть в Лямецкое усолье для освящения нового храма, архиепископ Афанасий пишет: «...по нашему Преосвященного Архиепископа указу и по благословенной грамоте велено им в том Лямецком усолье построить церковь новую во имя святого пророка Илии, и ныне та церковь построена и к освящению совсем изготовлена... И мы, преосвященный архиепископ, слушав и церковного прикащика и волостных крестьян челобитья, указали тебе, архимандриту, ехать в то Лямецкое [л. 2] усолье и, приехав, о строении той церкви досмотреть нашей архиерейской благословенной грамотой, и буде та церковь построена и кресты ныне поставлены против той нашей архиерейской благословенной грамоты, и ту церковь освя-

тить во имя святого пророка Илии тебе, архимандриту, по чиновнику... И как тебе ся наша преосвященного архиепископа грамота придет, и ты, архимандрит Фирс, то освящение той новопостроенной церкви учинил по сему нашему преосвященного архиепископа указу, как писано в сей нашей грамоте выше» [22].

В июне следующего года 1692 г. «по благословению господина отца нашего архимандрита Фирса и по приговору келаря старца Ионы, казначея иеромонаха Иннокентия, соборных старцев Соловецкого монастыря... старец Ефрем, приехав в монастырской соляной промысел, взяв с собой попа Кариона Федорова да церковного старосту Семиона Дементьева... осмотрели и переписали церковное строение» [27, л. 2]. По всей вероятности, новый храм в монастырской волости имел особенные царские двери, поскольку документ содержит приписку, что «царские врата строение благословение отца нашего архимандрита Фирса, келаря старца Ионы и казначея иеромонаха Иннокентия со всей братией» [27, л. 2 об.].

Через три года после завершения Ильинской церкви в Лямце тому же архимандриту Фирсу архиепископом Афанасием было предписано совершить освящение второго храма: «...Били челом нам, преосвященному архиепископу, вашей монастырской вотчины Лямецкой волости крестьяне. А в челобитной их написано по нашему, преосвященного архиепископа, указу и по благословенной грамоте в той их волости построена у них церковь новая теплая с трапезою во имя преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев и ко освящению со всем изготовлена. И нам, преосвященному архиепископу, пожаловати их крестьян велеть тоя церковь освятить во имя преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев и о том дать им нашу архиерейскую благословенную грамоту: и мы, преосвященный архиепископ, слушав их крестьянского челобитья, указали тебе, архимандриту, со иеродиаконом в ту Лямецкую волость ехать, а приехав, о строении той церкви досмотреть нашей архиерейской благословенной грамоты. И буде та церковь построена и кресты на ней поставлены против той нашей архиерейской благословенной грамоты, и ту церковь освятить во имя преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев тебе, архимандриту, со иеродиаконом... а к тому освящению антиминос из нашей казны послан к тебе при сей нашей грамоте с новопосвященными иеромонахами Варсонофием и Михаилом. И как к тебе сия наша, преосвященного архиепископа, грамота придет, и ты, архимандрит Фирс, соборне освящение той церкви по сему нашему, преосвященного архиепископа, указу учини, как писано в сей нашей грамоте выше сего. А учиня по сей нашей грамоте, и тоя грамоту б дал той церкви священнику и церковному прикащику в казну. Писано в походе нашем у Архангельского города лета 7202, мая 26» [23].

Об архитектуре возведенных в 1691–1694 гг. в Лямецком усолье новых церквей можно судить из Описи, составленной буквально через несколько лет

после окончания строительных работ: «Волость Лямецкая, в ней церковь деревянная холодная клинчатая во имя святого пророка Илии, шея и глава обиты чешуею деревяною, на главе крест четвероконечной, и та церковь и паперть покрыта тесом з зубцами... в олгаре и в церкви четыре окна в колодах да два окна малых волоковых, в них окончины слюдяные в железе, в паперти той церкви деисус... Другая церковь деревянная во имя преподобных отец Зосимы и Савватия соловецких чудотворцев, теплая с трапезою и с папертью, покрыта бочкою об одной главе, та бочка и шея и глава обиты чешуей деревяною, на главе крест четвероконечной. А олтарь и церковь, и трапеза, и паперть покрыты тесом з зубцами... При тех же церквях колокольня на четырех столбах покрыта тесом, на ней крест осмоконечной деревяной, на колоколне два колоколчика маленьких» [24, л. 629, 630, 633].

В середине 1750-х гг. храмы в Лямце были поновлены, о чем свидетельствует «Подписное доношение о исправлении в Лямецкой волости при церквях пророка Ильи и преподобных отец Зосимы и Савватия ветхостей 1757 года июня 19 дня» [6, л. 152]. Однако на рубеже 1760-х и 1770-х гг. Ильинский храм был перестроен: по Описи 1803 г. «церковь пророка Божия Илии с папертью холодная деревянная, на которой крыша на обе стороны покатая одноглавая чешуячатая с деревянным крестом, вышиною оная восьми сажен с половиной внутрь с олтарем и папертью длины около восьми сажен, ширина четырех сажен построена 1772 года... освященный антиминос дан Антонию епископом Архангельским и Холмогорским 1771 года» [9, л. 10].

По изысканиям Г.В. Пономаревой и Н.Н. Уткина в истории Лямецкого прихода, строительные работы были произведены еще, как минимум, один раз из-за пожара в теплом Зосимо-Савватьевском храме. Уцелевшую трапезу пристроили «ко второй холодной Ильинской церкви с лета северной и к западной стены паперти церковной, где и ход из трапезы в паперть...» [33, с. 93]. Таким образом, два храма стали единым комплексом. Именно в таком виде 14 февраля 1852 г. в Лямецком приходе была освящена новая церковь, имевшая два престола: главный, в честь Св. Илии Пророка, и придельный, во имя Преп. Зосимы и Савватия Соловецких [19, III, с. 38]. Что касается колокольни, то к 1880-м гг. возникла необходимость перестроить и ее. 21 мая 1884 г. Строительное отделение Архангельского губернского правления вынесло заключение, что проект на ее перестройку можно «одобрить с тем, чтобы колокольня, для безопасности в пожарном отношении, была поставлена не ближе как в восьми саженях от церкви» [16, л. 2].

Успенская церковь в Летней Золотице. В 1809–1812 гг. был возведен каменно-деревянный храм в Летнезолотицком приходе Онежского уезда. Предыдущий сгорел в 1802 г. сразу по окончании строительства: опись 1803 г. упоминает, что «по згорении новоустроенной означенной Успения Богоматери с приделами Николая Чудотворца и Кирилла Белозерского церкви остав-

шие церковные вещи состоят в анбаре» [9, л. 2]. Посвящение придела св. Кириллу Белозерскому свидетельствует о сохранявшейся в Летней Золотице к концу XVIII в. памяти об историческом присутствии здесь усолья Кириллова монастыря.

Видимо, пожар нового храма стал серьезным доводом в пользу возведения теперь уже кирпичной постройки. В июле 1809 г. в Архангельскую духовную консисторию от Ивана Носова, поверенного Золотицкого прихода церковнослужителей и крестьян, поступило «покорнейшее прошение»: «Назад времени протекло семь лет, как дозволено в нашем Золотицком приходе наместо сгоревшей деревянной церкви новую Каменную церковь, в которое время заготавливали по возможности своей к сооружению оной нужны материалы. А нам теперь уже все приготовлено; то и потребен план; и для того оную духовную консисторию... прошу по приложенному при сем рисунку, учиня план, дозволить сего лета начать оную церковь строить и о сем учинить милостивую резолюцию» [14, л. 1].

Уже 20 августа того же 1809 г. архангельский епископ Парфений благословил возведение каменного храма [14, л. 9]. Ближе к окончанию строительства действовавший в интересах золотицких прихожан Иван Носов вновь обратился в Консисторию, чтобы получить разрешение на использование иконостаса, оставшегося после пожара теплой Зосимо-Савватьевской церкви Лямецкого прихода: «А как той же округи в Лямецком приходе после сгорания церкви, во имя Преподобного Соловецкого Савватия имеется весь иконостас в наличности, какового мы испросили на время; но прихожане того Лямецкого прихода без позволения Вашего Преосвященства дать не осмеливаются. Приношения же приходу теперь такой суммы, которого бы все оное можно было привести в совершенство, не имеется; а в освящении вышеозначенных храмов настает весьма великая надобность, ибо при нашем приходе никакого храма, кроме сих, не имеется» [14, л. 10–10 об.].

К началу 1812 г. церковь была готова к освящению [14, л. 17]. Интересно, что почти всюду храм в документах значился каменным, однако он имел характерную особенность – нижний этаж его был каменным, а верхний – деревянным. В документах начала 1810-х гг. эта особенность упоминается следующим образом: «...в Золотицком приходе на место сгоревшей деревянной церкви построена оная Каменная Церковь четверугольная с печкой, об ней помещено два престола: 1-й Успения Богоматери и 2-й Святителя Николая, которая деревянную подволокою, кровлей и прочим готовится» [14, л. 12–12 об.]. Через два года по Описи в Золотицком приходе засвидетельствована «церковь Успения Пресвятыя Богородицы, каменная теплая, в вышину до кровли два сажени, верх сведен деревом, покрыта со всех четырех сторон тесом. На ней глава одна чешуйчатая и крест осмиконечный. Оная церковь по фундаменту в длину и с олтарем шесть сажен, впоперек четыре сажени с

половиной, с запада пристроена паперть деревянная, коя еще в недостройке и покрыта досками» [10, л. 305]. В конце XIX в. об этой черте Успенского храма определенно свидетельствует «Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии»: «...нижний этаж церкви каменный, а верхний деревянный, в одной связи с нею колокольня» [19, III, с. 43]. Расположение престолов в здании церкви показывает архивный документ 1898 г.: «В Золотицком приходе... имеется двухэтажный полукаменный храм, в верхнем этаже которого устроен храм во имя Преподобного Кирилла Белозерского Чудотворца, а в нижнем этаже главный храм в честь и славу Успения Божьей Матери и придельный на южной стороне трапезы Главного храма во имя Святителя и Чудотворца Николая» [13, л. 1]. Из-за тесноты трапезной «и принимая во внимание, что в Золотицкой церкви существует уже, кроме главного храма во имя Успения Божией Матери, два придельных и устройство третьего придельного храма ничем не вызывается», Консистория постановила «ходатайство причта и прихожан Золотицкого прихода об устройстве придельного храма в трапезе Успенской церкви оставить без последствий» [13, л. 10–11 об.].

Архитектурное решение Успенской Золотицкой церкви с каменным нижним и деревянным верхним этажами было своеобразным, но его нельзя назвать исключительным для той эпохи. В частности, Г.В. Алферова приводит пример двухпрестольный храм Введения и Св. Николая Чудотворца Макарьевского Хергозерского монастыря в Каргополье конца 1790-х гг., который «имел два алтаря, завершавшихся деревянным бочками. Он, видимо, имел деревянное завершение четверика, которое, однако, не удалось зафиксировать до начала его разрушения» (Г.В. Алферова предполагает, что верх этого храма был кубоватым) [2, с. 179–180]. К середине XIX в. относится Успенская церковь на Евде в верховьях Северной Двины [35, с. 214–217]. Однако в начале столетия возведение каменно-деревянных храмов являлось выходом из затруднительного финансового положения, позволяющим значительно снизить затраты на возведение каменной постройки и одновременно не нарушить указ от 25 декабря 1800 г. о запрете деревянного приходского строительства. Имела «деревянную надстройку» и Свято-Духовская (Воскресенская) церковь в Петрозаводске (1800 г.) [18, с. 162]. Один из самых известных примеров такого решения – Никольская церковь в Сенной Губе (1810 г.), где на основной каменный объем была поставлена ярусная деревянная конструкция, уничтоженная пожаром 1989 г. Таким образом, возведенный в 1809–1812 гг. Успенский храм в Летней Золотице стал еще одним интереснейшим свидетельством того явления, которое сложилось в храмостроительстве Русского Севера в начале XIX в.

Введенская церковь в Лопшеньге в XVIII–XIX вв. Лопшеньгский приход, по сведениям из «Краткого исторического описания приходов и церквей Архангельской епархии», существовал еще в XVIII в. [19, I, с. 224]. В этом изда-

нии упомянута одна деревянная церковь о трех престолах: в летнем храме – во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы и Преп. Кирилла Белозерского, в зимней части – Свт. Филиппа Митрополита Московского, устроенный в 1865 г. 16 августа 1883 г. был одобрен проект на перестройку придельного храма, составленный архитектором А.А. Черлицким [15, л. 2]. О строительных этапах в истории Введенской церкви в Лопшеньге свидетельствует «Проект на перестройку церкви в Лопшенском приходе Архангельской губернии и уезда для распространения трапезы оной» [15, л. 10]. План и фасад церкви до ее перестройки представляет трехчастное сооружение, центральный объем которого увенчан восьмериком с массивным куполом и главой, по сторонам от которого были поставлены две малые главы. Трапезная, действительно, была чрезвычайно мала: солея Филипповского придела фактически упиралась в западную стену, и, судя по этому чертежу, богослужение в теплой части храма в зимнее время было связано с чрезвычайным неудобством. По проекту А.А. Черлицкого трапезную удлиннили в два раза, в ней были поставлены опорные столбы и две печи, а колокольня получила шатровое завершение.

Через несколько лет, 12 мая 1891 г. на сходе крестьян Лопшеньгского прихода было заслушано предложение причта о необходимости «1) исправить крышу на местной Введенской церкви, 2) обшить тесом пристройку, сделанную в 1884 году, для расширения придела Святителя Филиппа, Митрополита Московского (теплой церкви) и колокольню и 3) вместо ветхой церковной ограды построить новую» [12, л. 8]. Судя по акту от 10 июля 1895 г., ограда была поставлена в 1893 г., а ремонт церкви производился в 1894–1895 гг.: «обшивка церкви и колокольни и... новая крыша сделаны в 1894 году, за исключением крыши на олтаре, каковая сделана в сем 1895 году, сделаны прочно и чисто... Окраска церкви масляными красками большею частью произведена была в прошлом 1894 году и окончена в сем 1895 году. Вся церковь и колокольня выкрашены на два раза» [12, л. 41].

Из истории церковного строительства в Дураковском приходе в XIX столетии. В 1839 г. архангельский епископ Георгий ходатайствовал об обращении в церковь часовни в д. Дураковской ради крестьян, проживающих в этих труднодоступных местах на берегу Белого моря, чтобы «предохранить их от соблазнов в вере и утвердить в благочестии, так как они окружены поморскими разных сект раскольниками» [29, л. 2]. Интересно, что часовня была построена еще Кирилло-Белозерским монастырем, «неизвестно в каком году, а переправлена обита досками и на паперти выстроена колокольня в 1819 году» [29, л. 3]. Перед началом строительных работ было составлено описание Преображенской часовни: «деревянная, стоит на каменном фундаменте, по оному длиной с папертью пять сажен, а ширины две сажени, в вышину от земли до крыши две сажени, покрыта на четыре стороны тесом одноглава чешуйчата...» [29, л. 3].

Святейшим Синодом в том же 1839 г. было «разрешено обратить в церковь существующую там часовню и приписать ее к церкви Золотицкой» [29, л. 8]. Строительство продолжалось три года. По сведениям конца XIX в., «в приходе одна деревянная церковь, устроенная в 1842 г., крытая тесом и наполовину обшитая, возле нее стоит колокольня... В церкви два престола: главный (холодный) в честь Преображения Господня и придельный (теплый) в честь св. Василия Великого, устроенный в 1868 г.» [19, III, с. 44].

К началу XX столетия в приходе обветшала колокольня, которую решено было построить заново. 19 февраля 1908 г. к рапорту благочинного 2-го Онежского округа священника Николая Зуева прилагалось: «1) прошение причта и церковного старосты о разрешении им устроить хозяйственным способом новую колокольню вместо пришедшей от времени в ветхость, 2) приговор прихожан села Дуракова, обязывающих себя доставить для устройства новой колокольни потребные материалы и деньги и 3) чертеж Преображенской церкви и колокольни Дураковского прихода». При этом от себя благочинный добавил, что «в устройстве новой колокольни в селе Дуракове чувствуется настоятельная нужда, так как ныне стоящая колокольня, пришедшая от времени в ветхость, дала крен и грозит падением» [11, л. 1].

Причт и прихожане были единодушны; видимо, для положительного решения Архангельской духовной консистории священником, псаломщиком и старостой, среди прочего, было сказано, что «материал для постройки колокольни уже заготавливается» [11, л. 2]. Важным пунктом постановления общего крестьянского собрания было упоминание, что колокольню просили устроить «из всего нового материала на прочном фундаменте под линию с церковью по имеющемуся старому плану» [11, л. 3].

Преображенская церковь представляла собой простую по композиции постройку с низким восьмериком, едва возвышавшимся над коньком двускатной кровли, увенчанной куполом. 13 октября 1908 г. Строительное отделение Архангельского губернского правления утвердило проект на постройку колокольни к церкви Дураковского прихода, составленный надворным советником Н.П. Ермолиным [17, л. 2–2 об.]. К 18 мая 1909 г., по рапорту священника Павла Семенова, «постройка новой колокольни при церкви Дураковского прихода начата, под которой уже выложен фундамент» [11, л. 11]. Работы шли быстро: 30 июля благочинный Николай Зуев докладывал, что постройка колокольни, «по заверениям местного причта и церковного старосты имеет быть окончена, с Божию помощью, осенью сего года» [11, л. 12]. Действительно, 4 октября 1909 г. был составлен акт освидетельствования работ и прием новоустроенной колокольни при Спасо-Преображенской церкви Дураковского прихода. Работы были произведены «мастером крестьянином Золотицкой волости и селения Савватием Егоровым Онухиным прочно и доброкачественно» [11, л. 15–15 об.].

Представленные результаты проведенных предварительных архивных изысканий по истории церковного строительства на Онежском полуострове, безусловно, не могут считаться окончательными. Однако сведение воедино полученных данных наряду с уже существующими публикациями по истории ансамблей в Пурнеме и Уне, может послужить отправной точкой для дальнейших исследований, направленных на уточнение не только исторической информации, но и на выявление возможных региональных особенностей местной церковной архитектуры и ее типологического разнообразия.

Список литературы

1. Акты социально-экономической истории севера России конца XV – XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / сост. И.З. Либерзон. Л., 1988.
2. *Алферова Г.В.* Каргополь и Каргополье. М., 1973.
3. Архив СПбИИ РАН (Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук). Кол. 2. Оп. 1. Д. 137: Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря, составленные при передаче монастыря игумену Рафаилу. 1632 г.
4. Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 139: Книги отписные Соловецкого монастыря, составленные при передаче монастыря игумену Маркеллу. 1640 г.
5. Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 141: Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря, составленные при передаче монастыря игумену Илии. 1645 г.
6. Архив СПбИИ РАН. Кол. 2. Оп. 1. Д. 149: Архивная опись Соловецкого монастыря на грамоты, писцовые, переписные, отводные, отписные, приходно-расходные книги и др. 1733 г.
7. Архив СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. Д. 18: Отписи в получении оброков монастырской волости Лямцы. 1604–1614 гг.
8. *Бокарев А.В., Бокарева Д.Ш., Мелюх Е.А., Ходаковский Е.В.* Строительная история храмового комплекса поморского села Пурнема в XVI–XIX вв. // Архитектурное наследство. № 61. М.; СПб., 2014. С. 57–69.
9. Государственный архив Архангельской области (далее ГААО). Ф. 29. Оп. 31. Д. 124: Описи церковного имущества по Онежской округе за 1803 г.
10. ГААО. Ф. 29. Оп. 31. Д. 176: Описи церковного имущества Онежской округи за 1814 г.
11. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 2574: Дело об устройстве колокольни при Преображенской церкви Дураковского прихода Онежского уезда. 1907–1914 гг.
12. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1208: О ремонте церкви в Лопшеньгском приходе Архангельского уезда и постройке вокруг нее ограды. 1892–1895 гг.
13. ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 3. Д. 1466: Об устройстве придела во имя Преподобных Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев в Золотицкой Успенской церкви Золотицкого прихода Онежского уезда. 1898 г.
14. ГААО. Ф. 31. Оп. 4. Т. 1. Д. 429: О постройке каменной церкви в Золотицком приходе Онежского уезда. 1809–1812 гг.
15. ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 1242: Дело о разрешении перестройки церкви в Лопшеньгском приходе Архангельского уезда. 1883 г.

-
16. ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 1357: Дело о рассмотрении проекта на перестройку колокольни в Лямецком приходе Онежского уезда. 1884 г.
17. ГААО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 3103: Дело о рассмотрении проекта на пристройку колокольни к церкви Дураковского прихода Онежского уезда. 1908 г.
18. Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 57. Пг., 1915.
19. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. I–III. Архангельск, 1894–1896.
20. Музеи Московского Кремля (далее ММК). Рук. № 745: Грамота Новгородского митрополита Исидора архимандриту Троице-Сергиева монастыря Дионисию и игумену Соловецкого монастыря Иринарху об уменьшении размера пошлин с церкви Пречистые Богородицы в Лудском устье. 15 января 1618 г. [Список XVII в.]
21. ММК. Рук. № 746: Список с грамоты Новгородского митрополита Исидора (жалованной тарханной) по челобитью Соловецкого игумена Иринарха приходским церквам в волостях Пурнема и Нижмозеро на Двинском берегу.
22. ММК. Рук. № 973: Грамота Холмогорского архиепископа Афанасия Соловецкому архимандриту Фирсу о разрешении освятить церковь в Лямецкой волости во имя Пророка Илии. 18 июля 1691 г.
23. ММК. Рук. № 983: Грамота Холмогорского архиепископа Афанасия Соловецкому архимандриту Фирсу «благословенная» на освящение церкви Зосимы и Савватия, построенной крестьянами в Лямецкой волости». 26 мая 1694 г.
24. ММК. Рук. № 1404: Опись Соловецкого монастыря и вотчин его, составленная в 1705 г. диаком Андреевым.
25. *Никольский Н.К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века. М., 1897.
26. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1601–1637 гг. / сост. З.В. Дмитриева. М., СПб., 2010.
27. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 647. Ч. 1: Книги переписные отводные старца Ефрема. 1692 г.
28. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 79: Переписная книга монастырских вотчин (волостей и усалий) Колежма, Нюхча, Унежма, Кушерека, Пияла, Нижмозеро, Пурнема, Лямца. 1677 г.
29. РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 1707-1: Об обращении существующей в деревне Дураковской часовни в православную церковь. 1839–1841 гг.
30. Русская церковь в Северном Поморье // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Ч. II. Казань, 1860.
31. *Савич А.А.* Соловецкая вотчина XV–XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси). Пермь, 1927.
32. Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я.И. Сабурова и И.А. Кутузова // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период) / под ред. П.А. Колесникова. Вологда, 1981. С. 95–135.
33. *Уткин Н.Н.* О формировании структуры деревянных приходских храмов и храмовых комплексов на Русском Севере // Народное зодчество. Петрозаводск, 1999. С. 87–97.
34. *Ходаковский Е.В.* Храмовый ансамбль в Уне и актуальные проблемы изучения деревянной архитектуры Беломорья // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 7 / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб., 2017. С. 453–459.
35. *Шаповалова Л.Г.* Русского Севера храмы: Верхнее Подвинье. Архангельск, 2015.
-

Музей-заповедник «Аркаим»: Опыт сохранения антропологического ландшафта зауральской степи

Историко-ландшафтный заповедник «Аркаим» образован в 1990-х гг. в результате гражданской инициативы, поддержанной региональной и центральной властью на основе археологического памятника эпохи средней бронзы – укрепленного поселения Аркаим (рубеж 3-го и 2-го тысячелетий до н. э.). Памятник расположен в степной части Челябинской области, в пойме р. Большая Караганка.

История обнаружения памятника связана со строительством Караганской межхозяйственной оросительной системы в зоне освоения целинных земель юга Челябинской области. Основой системы должно было стать водохранилище на р. Большая Караганка, левом притоке Урала. Плотина была спроектирована на идеальном для створа месте и обошлась бы государству сравнительно дешево, ее длина составила бы всего 300 м. Огороженная плотиной природная чаша позволяла бы собрать до 7 млн м³ воды на 300 га. По словам экспертов, в радиусе 100 км аналогичных мест не было. В 1986 г. Челябиндхоз приступил к строительству плотины Караганского водохранилища [8].

На затопляемой территории была проведена археологическая разведка, которая выявила ряд памятников. В их числе летом 1987 г. в пойме Большой Караганки было обнаружено поселение эпохи бронзы, имевшее уникальную планировочную структуру в виде двух концентрических колец жилищ. Время «перестройки» позволило археологам начать борьбу за сохранение памятника и отмену строительства водохранилища. Инициатором выступил руководитель археологической экспедиции Челябинского государственного университета (ЧелГУ) Г.Б. Зданович, его поддержал ректор В.Д. Батухтин. К проблеме поселения, получившего название Аркаим, было привлечено внимание широкой научной общественности и академической науки. В частности, были инициированы письма от директора Государственного Эрмитажа Б.Б. Пиотровского в Политбюро ЦК КПСС и от академика АН СССР Б.А. Рыбакова первому секретарю Челябинского обкома Н.Д. Швыреву.

Обращение Б.А. Рыбакова, написанное 14 августа 1987 г., содержало просьбу отложить затопление долины, а также оценивало памятник как уникальный: «Поселение, открытое на Южном Урале, соответствует по времени и по значимости таким крупным центрам раннегородской цивилизации, как Дашлы в Северном Афганистане, Сапили в Южном Туркменистане, Троя

VI на северо-западе Малой Азии. Городище Аркаим отражает процесс вовлечения урало-казахстанского региона в круг мировых культур с высокоразвитым металлургическим производством. Уникальная сохранность памятника и, безусловно, выдающаяся научная ценность ставят задачу его всестороннего и полного исследования с привлечением всех заинтересованных научных организаций и специалистов страны» [7, с. 197]. Письмо Б.А. Рыбакова побудило руководство Челябинской области обратиться к академику Г.И. Марчуку, президенту Академии наук СССР, с просьбой дать научное заключение о возможности дальнейшего строительства водохранилища. Подобное письмо было составлено в адрес ЦК КПСС [8].

В марте 1988 г. была собрана представительная правительственная комиссия заместителей. В ее состав вошли первый заместитель председателя Госплана РСФСР, заместитель председателя Госагропрома РСФСР, заместитель министра мелиорации и водного хозяйства, заместитель министра культуры РСФСР, заместитель директора Института археологии Академии наук СССР. Комиссия приняла решение о затоплении водохранилища весной 1990 г., а также «о необходимости создания археологической заповедной территории на памятнике, аналогичном по своему значению городищу Аркаим» [8].

Таким образом, было отведено время для изучения памятника. Раскопки продолжались с 1987 по 1990 г. Параллельно партийные и хозяйственные власти пытались решить вопрос о продолжении строительства оросительной системы или возможности размещения ее в другом месте. Альтернативы найдено не было, тем не менее в марте 1991 г. Совет министров РСФСР принял решение о ликвидации построенной оросительной системы и создании заповедника на месте несостоявшегося водохранилища. Вскоре территория поселения Аркаим и прилегающей части долины р. Большая Караганка (3,5 тыс. га) была присоединена к Ильменскому минералогическому заповеднику им. В.И. Ленина как лесничество «Степное».

Работа по изучению памятника и формированию концепции развития заповедника сосредоточилась в ЧелГУ. В 1992 г. здесь с целью изучения поселения Аркаим и других памятников синташтинско-аркаимской культуры была создана специализированная Лаборатория археологии и исторической экологии. Здесь были развернуты исследования степных территорий Южного Урала в области археологии, палеозоологии, этнографии, климатологии, почвоведения, геологии, биологии и др.

Сотрудники этой лаборатории вошли в учрежденную в 1994 г. структуру областного подчинения «Специализированный природно-ландшафтный и историко-археологический центр “Аркаим”». В 2008 г. Центр «Аркаим» был преобразован в кластерный заповедник «Аркаим», ему были переданы земли 11 поселенческих памятников синташтинско-аркаимской культуры, расположенные в Кизильском, Карталинском, Варненском, Пластовском и Троицком

муниципальных районах Челябинской области. Площадь кластерного заповедника «Аркаим» составила 513 га, протяженность границы – почти 29 км [10].

Центру «Аркаим», а затем музею-заповеднику требовалось решить задачу охраны археологической заповедной территории, а также создания музейного продукта в отдаленном степном районе Челябинской области [2, с. 4–5; 6, с. 9–11].

Археологические и геофизические исследования памятника показали, что Аркаим – однослойное поселение, построенное в древности за короткое время по единому плану. Основа планировки — два концентрических кольца оборонительных сооружений (диаметр внутренней стены – 85 м, внешней – 143–145 м), два кольца жилищ и круговая улица. Центр планировочного каркаса – овално-квадратная площадь. Площадь поселения в пределах двух колец фортификационных сооружений составляет около 20 тыс. м². Археологическими раскопками было вскрыто 8055 м². Геофизические исследования проведены на площади более 14 тыс. м². В поселение вели четыре основных входа, ориентированные по сторонам света. Западный вход был широким (4–5 м) и выходил на круговую улицу, остальные сопрягались с узкими длинными лабиринтами внутри радиальных стен. Эти стены разбивали второе кольцо жилищ на четыре сектора, что, очевидно, увеличивало возможности обороны. На аэрофотоснимках просматривается также третья линия защитных сооружений, охватывающая значительную территорию, вероятно, для содержания и охраны скота. Толщина внешней оборонительной стены достигала 5,5 м, высота ее основной части – не менее 5 м. Она состояла из бревенчато-грунтовой части и деревянного бруствера. У основания стены – ее продолжение – сухой обводной ров глубиной до 2 м. Внутри стен находились помещения и ниши. Стена цитадели имела толщину по основанию 2,5–3 м и была примерно в полтора раза выше внешней. При строительстве поселения поверхностный грунт снимался только там, где предполагалось размещать жилье. Этот факт доказывает, что поселение создавалось на основе заранее подготовленного плана. Следы ремонтов и степень насыщенности находками культурного слоя свидетельствует о достаточно ограниченном периоде жизнедеятельности поселения, в пределах 150 лет.

Число жилищ установлено с помощью геофизических методов. Во внешнем круге поселения было 39–40 жилищ, во внутреннем – 27. Археологическими раскопками вскрыто 29 из них: 17 – во внешнем кольце и 12 – во внутреннем. Жилища внутреннего и внешнего кругов не имеют резких отличий. Они вписаны в концентрические окружности, имели форму трапеций и соединялись одно с другим общими длинными стенами. Стены жилищ грунтово-деревянные. Из основы, которой служил грунт, делали сырцовый мелкоштучный кирпич и крупноразмерные блоки. Особая проч-

ность достигалась цементирующими агентами (карбонат, гипс). Одна из технологий – послойная заливка жидкого грунта в опалубки и тщательная просушка. Реже встречается обожженный кирпич. При отделке кровли деревянные конструкции покрывали тонкими слоями глины.

Из дерева строили оборонительные стены, мостовые, им закрепляли стенки ливневых колодцев и оборонительных рвов. Реже встречается каменная кладка: облицовка цоколя оборонительных стен и рвов. Конструкции оборонительных стен обкладывались черным «кирпичом» (сырец из гумуса) [9, с. 27–29].

Ширина жилых сооружений составляла 6–8 м, длина – до 20 м. Окон не было. Кровля была плоской. При площади 110–180 м² в доме размещалось не менее 30 человек. В каждом жилище имелся тамбур, комнаты для отдыха малых семей, а также помещение для трапезы и хозяйственной деятельности. В доме имелись печи разного назначения (в том числе металлургические), дымоотводные системы, хозяйственные ямы, колодцы-холодильники, иногда совмещенные с хозяйственными ямами. Многие колодцы соединялись с металлургической печью воздушным каналом для нагнетания в нее воздуха во время производства плавки. На дне таких колодцев помещали жертвоприношения из обожженных челюстей и копыт домашних животных [1, с. 5–17].

В основу концепции музея-заповедника «Аркаим» была положена идея строительства историко-ландшафтного музея степи путем воссоздания среды и форм обитания человека в условиях степного ландшафта в разные исторические эпохи, включая эпоху бронзы. Она воплощалась посредством создания достоверных реконструкций археологических и исторических объектов.

Строительство музейных объектов началось с создания реконструкции крепостной стены поселения Аркаим, а также аркаимского жилища по материалам археологических исследований. Фрагмент оборонительной стены и жилища реконструированы на историческом месте, также оставлена без рекультивации часть раскопа одного из жилищ и примыкающей к нему части оборонительной стены.

Результатом археологического изучения поселения энеолитического времени Ботай стало возведение музейного объекта «Жилища каменного века». Он представляет собой реконструкцию части поселения эпохи энеолита из нескольких жилищ, воспроизводит конструктивные особенности, строительные материалы, интерьер возводимых в степях жилищ.

Комплекс «Музей древних производств» демонстрирует реконструкции в натуральную величину нескольких типов древних печей. Все модели действующие. Для воссоздания печей привлекались материалы полевых исследований древних поселений, данные этнографии, а также результаты работ

в области экспериментальной археологии [3, с. 106–117; 4, с. 147–157; 5, с. 135–146].

К числу воссозданных поселенческих объектов относится усадьба казака Долгополова (рубеж XIX и XX вв.). Она была перевезена из бывшей станицы Варламовской и восстановлена на территории музея-заповедника. Подлинные предметы для реконструкции собраны в казачьих поселках степной зоны этнографами. Рядом с усадьбой воссоздана ветряная мельница, перевезенная из казачьего поселка Варшавка в 1999 г.

В музее-заповеднике также реконструированы несколько типов погребальных и культовых сооружений, являющихся составляющей историко-культурного ландшафта степной зоны Южного Урала и Зауралья. К их числу принадлежат захоронения в «каменных ящиках», окруженных каменными оградками; аллеи культовых камней менгиров; погребальные сооружения эпохи поздних кочевников по рисункам Жозефа-Антуана Кастанье и погребальный комплекс Аксай. Особое место в ряду реконструкций погребальных сооружений, представленных в музее-заповеднике, занимает «царский» сарматский курган Темир (IV в. до н. э.). Курган воссоздан в натуральную величину по материалам раскопок 1982 г. в Чесменском районе Челябинской области. Объект воспроизводит родовую усыпальницу кочевников раннего железного века: погребальную камеру, курганную насыпь, а также вещевой материал погребения. Автор проекта – доктор исторических наук А.Д. Таиров [11, с. 201–222].

В музее-заповеднике функционирует также классический музей, его экспозиция знакомит с древними артефактами из раскопок археологических памятников степной зоны Южного Урала и Зауралья.

Таким образом, в основу развития музея-заповедника Аркаим, возникшего под давлением гражданской инициативы в 1991 г., были положены научное реконструирование археологических и исторических поселенческих и погребальных объектов, а также моделирование древних технологий, что представляет собой ценный опыт по сохранению антропологического ландшафта зауральской степи.

Список литературы

1. *Алаева И.П.* Колодцы бронзового века Урало-Казахстанского региона // Вестник общества открытых исследований древности. Вып. 1. Челябинск, 2002. С. 5–17.
2. Археология в современной культуре России (региональные аспекты): круглый стол, п. Аркаим, 22–23 августа 2007 г. Челябинск, 2008.
3. *Григорьев С.А.* Металлургические комплексы поселения Синташтинского // Материалы по археологии этнографии Южного Урала: труды музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996. С. 106–117.

4. Григорьев С.А., Русанов И.А. Экспериментальная реконструкция древнего металлургического производства // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / науч. ред. Г.Б. Зданович; сост. Н.О. Иванова. Челябинск, 1995. С. 147–157.

5. Гутков А.И. Техника и технология изготовления керамики поселения Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / науч. ред. Г.Б. Зданович; сост. Н.О. Иванова. Челябинск, 1995. С. 135–146.

6. Иванов И.В. Аркаим – ландшафтно-исторический заповедник. Проблемы и феномены // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / науч. ред. Г.Б. Зданович; сост. Н.О. Иванова. Челябинск, 1995. С. 9–20.

7. Из истории создания заповедника Аркаим // Аркаим: Исследования. Поиски. Открытия / науч. ред. Г.Б. Зданович; сост. Н.О. Иванова. Челябинск, 1995. С. 197.

8. Кибиткина Г.И. Партийные документы о консервации (приостановлении) строительства гидроузла Караганской межхозяйственной оросительной системы в связи с обнаружением уникального памятника бронзового века. <https://archive74.ru/news/partiynye-dokumenty-o-konservacii-priostanovlenii-stroitelstva-gidrouzla-karaganskoy> (дата обращения: 17.04.2019).

9. Поселение эпохи бронзы. Древнейшие индоевропейцы в степях Урала: каталог выставки / науч. ред. С.Я. Зданович; сост.: Г.Б. Зданович, Т.С. Малютина. Челябинск, 2011. С. 27–29.

10. Постановление от 20 марта 2008 года N 51-П «Об утверждении Положения и границ историко-культурного заповедника областного значения «Аркаим». URL: <http://docs.cntd.ru/document/819044357> (дата обращения: 05.04.2019).

11. Таиров А.Д., Таирова А.А. Ранний железный век на территории Южного Урала (по материалам кургана Темир) // Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала. Челябинск, 2004. С. 201–222.

Трагедия и самостояние крестьян в условиях раскулачивания

К сбору воспоминаний у проживающих в Северодвинске потомков раскулаченных я приступила в начале 1990-х. Это было одно из направлений работы созданной в мае 1989 г. общественной организации «Совесть». Параллельно с практической работой возрастал интерес и к истории вопроса, в частности к Северу как месту ссылки.

Заволочье издревле служило местом ссылки противников правящего режима. Первым упоминался острог в Каргополе, в котором пребывал на «Лачь озере» в XII в. Даниил Заточник – автор первого произведения русской литературы. Важное место в системе занимала монастырская ссылка. Центр не утруждал себя строительством государственных тюрем на Двинской земле, возложив содержание тех, кого считали преступниками, на монастыри. Лишь для полной изоляции Брауншвейгского семейства был оборудован «секретный дом». Уездные остроги использовались для содержания местных правонарушителей или временного размещения присланных извне по пути до места пребывания. Были у нас на Севере и узники из династии Романовых: Александр в с. Луде, Василий в Яренске и Федор, отец царя Михаила Романова, в Сийском монастыре.

За все годы до революции в Соловецком монастыре в качестве узников содержалось около 400 человек. Участников польских восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг. было выслано на Двину 1600 человек. Число народовольцев и разных мастей революционеров до конца XIX в. колебалось в пределах 2 тыс. После революции 1905 г. в течение четырех лет число доходило до 3 тыс. человек, а в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, удерживалось на уровне 500 человек ежегодно. Причем все ссыльные получали материальное обеспечение из казны. Кроме того, царская власть никогда не ставила перед собой задачу использования политических ссыльных в развитии экономики региона [1, с. 391].

С приходом советской власти правоохранительная деятельность коренным образом изменилась. Никогда ранее в истории России люди не привлекались к ответственности только за то, что принадлежали к тому или иному классу или слою общества. Никогда по прихоти высшего руководства государства не ссылались без суда и следствия невинные. Все это стало нормой в 1920–1950-х гг.

Большую группу среди репрессированных составили те, кто слепо уверовал в лозунг советской власти: «Земля – крестьянам». В крестьянах, получивших землю из рук власти и наладивших свое хозяйство в период НЭПа, Сталин увидел угрозу бесконтрольной власти большевиков в деревне.

Известно, что политическим решением, определившим переход к политике форсированной коллективизации и раскулачивания, стало принятое 5 января 1930 г. постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Конкретизацию политику раскулачивания получила в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

Порядок депортации раскулаченных семей определялся постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» и Инструкцией от 4 февраля 1930 г.

Доставка семей, выселяемых в отдаленные регионы страны, возлагалась на органы ОГПУ. Порайонным расселением должны были заниматься региональные власти, размещением в пределах района – районные исполкомы. Им же вменялось в обязанность срочное решение вопроса о способах и формах использования депортированных кулаков.

В помощь местным парторганизациям ЦК ВКП(б) постановил направить на четыре месяца 25 тыс. партийцев из промышленных областей. Мобилизованные должны были выехать не позднее 20 февраля. На бюджетный 1929/1930 г. штаты ОГПУ в связи с операцией по раскулачиванию были увеличены на 800 человек, а состав войск ОГПУ – на 1100 штыков и сабель. В пятидневный срок Народному комиссариату путей сообщения и ОГПУ было предписано разработать план необходимых железнодорожных перевозок. Народный комиссариат по труду и ВЦСПС должны были «принять немедленные меры по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов». И наконец, партийным комитетам учебных заведений и органам просвещения следовало принять «более решительные меры по борьбе в вузах и втузах с контрреволюционными группировками молодежи, связанной с кулацкими элементами в деревне».

Чтобы облегчить процесс раскулачивания, в деревне проводилась партийно-воспитательная и агитационно-разъяснительная работа, направленная на расслоение деревни. Насаждался образ врага в виде зажиточного крестьянина.

Политика раскулачивания преследовала сразу несколько целей: изоляцию «враждебно настроенных крестьян» в деревне, их принудительное использование в хозяйственном освоении и колонизации отдаленных, малонаселен-

ных районов страны как метод устрашения сомневающихся или тех, кто не желал идти в колхозы.

Самое большое количество раскулаченных было решено выслать в Северный край – 70 тыс. семей. И это не случайно. Огромный по площади малонаселенный регион располагал богатыми природными ресурсами и рассматривался как важнейший поставщик валюты, крайне необходимой для индустриализации страны. Кулаки в первую очередь должны были обеспечить прирост объемов лесозаготовки и производства экспортной лесопродукции. Наличие в Северном крае транспортной сети (железнодорожные и водные пути) позволяло доставить раскулаченных в районы постоянного расселения, а размеры территории края – рассредоточить и изолированно разместить большие массы людей, что и требовалось директивными документами.

В Северный край в 1930–1931 гг., с учетом внутрикраевого переселения, было выслено более 50 тыс. кулацких семей (около 275 тыс. человек) [2, с. 99]. Труд спецпереселенцев использовался на основе договоров с хозяйственными организациями. Прибывшие в 1930 г. работали по договорам в хозяйственных организациях: «Северолес» – 53 472 человека, «Севбелтранслес» – 18 498, «Комилес» – 17 711, «Северойод» – 1759, «Севвостлес» – 1178, «Севстройматериалы» – 633. Из прибывших в 1931 г.: «Комилес» – 20 813 человек, «Севбелтранслес» – 8 тыс. человек и т. д. [2, с. 110].

В леспромхозах, где работали спецпереселенцы, сразу же наметился прирост объемов заготовки леса. Так, если в зиму 1928/1929 г. было заготовлено 9,7 млн м³, то в 1930 г. – 15,3 млн, а в 1931 г. – 18,9 млн. Кроме лесозаготовок спецпереселенцев использовали на сплаве, лесопилении, строительстве жилья, хозяйственных объектов и других работах.

В 1932 г. в трудпоселках (так переименовали спецпоселки) были организованы неуставные сельскохозяйственные артели. К 1938 г. в таких артелях Архангельской области содержалось 1741 голова рабочего скота, 2855 коров, 1398 свиней, более 4 тыс. овец и коз. Производительность труда, надой молока в таких артелях были выше, чем в колхозах [2, с. 120]. Создавались подсобные мясомолочные и овощные хозяйства. К середине 1930-х спецпереселенцы Северного края полностью решили проблему создания собственного семенного фонда и кормовой базы для животноводства. Создавались не характерные для этих мест виды производства на селе: пасеки для разведения пчел и парники для выращивания огурцов, в домашних хозяйствах выращивались помидоры и табак. Кроме привычных для Севера овец, коз и кур разводили гусей.

Раскулаченные были людьми, привыкшими трудиться, им надо было кормить семьи, они понимали, что присланы надолго, если не навсегда, поэтому приступили к обустройству и пытались заработать средства для проживания

ния. Большинство бывших кулаков трудились добросовестно, выполняя и перевыполняя нормы выработки. Пагубная практика пьянства в спецпоселках отсутствовала начисто. Этому поколению была присуща ответственность за дело, семью и детей. Высланные вынуждены были быть осторожными в высказываниях, учили детей не говорить лишнего, не осуждать учителей или неполадки в поселке. Эти люди обладали нравственными ориентирами, понятиями о добре и зле. Верующие продолжали тайно молиться.

Не по своей воле оказалась на Беломорском Севере семья Лепехиных из Астраханской области. Своими воспоминаниями поделилась родившаяся уже в спецпоселке Любовь Сергеевна Хруцкая.

Максим Васильевич Лепехин и Елена Ильинична с четырьмя детьми жили в с. Золотухе Харабалинского района Астраханской области. Имели свой дом, две коровы, две лошади, овец, сельскохозяйственный инвентарь. На период сенокоса нанимали работников. Глава семьи, на беду, был еще церковным старостой.

В 1930 г. семью раскулачили и выслали в Северный край. С родителями поехала малолетняя дочь Мария и решивший присоединиться к родителям сын Сергей с женой и тремя малолетними детьми. Еще один сын – подросток Максим – сумел скрыться, и семья так больше никогда ничего не узнала о его дальнейшей судьбе.

До Котласа раскулаченных везли в холодных телячьих вагонах. Трое детей у Сергея Максимовича в дороге умерли. От Котласа ссыльных везли на барже и высадили на берег Белого моря недалеко от Летней Золотицы. Объединенные общей бедой русские, украинцы, татары построили себе жилье, разработали землю, создали сельскохозяйственную артель. Новый спецпереселенческий поселок получил название Конюхово. Помнит Любовь Сергеевна, что недалеко был такой же пос. Лопатка, жили спецпереселенцы в д. Дураково, Кега и др.

Родившиеся на поселении у Сергея первые два ребенка тоже не выжили. В 1938 г. родилась Любовь. Мать угорела в погребе в 1943-м, оставив мужа с детьми двух, четырех и девяти лет на руках. Детей помогала воспитывать бабушка Елена Ильинична. Отец работал в рыболовецком колхозе. После войны женился на местной девушке из Пурнемы. Во вновь созданной семье родилось еще четверо.

Выживали трудно. Как и в других северных местах, спасало тюленье мясо и сало. Их вымачивали, затем тушили с большим количеством лаврового листа, чтобы заглушить неприятный запах.

Многое спецпереселенцам было запрещено. Например, дети ходили в лес шмыгать листву (собирали листья с веток на корм домашнему скоту). Однажды помощник председателя отнял у детей корзинки и ударил («огрел» в пересказе Любови Сергеевны) их веревкой.

Дети занимались добычей водорослей. Во время отлива выезжали в море и драгой цепляли и тащили в карбас водоросли с небольших камней. С больших снимать не хватало сил. Добытые водоросли сдавали по 24 копейки за килограмм.

Начальная школа была в самом поселке. С 5-го по 7-й класс дети учились в Летней Золотице, жили в интернате, еду себе готовили сами. В пионеры и комсомол детей раскулаченных в этих школах принимали. (Хотя бывало по-разному. Так, Елена Степановна Витязева вспоминала, что у них в спецпоселковой начальной школе в Верхне-Тоемском районе пионерской организации вообще не было.) Любовь Сергеевна с благодарностью вспоминает учительницу семилетней школы Тамару Кузьмовну Рекину, которая душевно относилась к детям спецпереселенцев, в отличие от директора школы.

Дальше обычная судьба большей части девочек, причем не только спецпереселенцев, но и коренных жителей области, не желавших оставаться в колхозе: до получения паспорта работа нянкой в Архангельске, вечерняя школа. Получив паспорт, Любовь Сергеевна устроилась посудомойкой в столовую военторга, выучилась на повара.

После смерти Сталина спецпереселенцам разрешили возвращаться домой. Отец Любви Сергеевны не поехал с семьей в Астраханскую область, а перебрался на Соловецкие острова, там вновь обзавелся хозяйством и шутил: «Вот когда меня раскулачивать-то надо было».

Собирая воспоминания у потомков раскулаченных, я обратила внимание на частые случаи ранней гибели матерей. Во время родов умерла мать у Василия Ивановича Буслаева (высланы были в Холмогорский район из Саратовской области). Рано от болезни скончалась на лесозаводе в Архангельске мать Веры Михайловны Капинус из Харьковской области, вскорости умер и отец, дочь воспитывалась в детском доме. От голода умерла в 1943 г. на поселении в Республике Коми мать Александры Акимовны Хрушковой (жили до раскулачивания в Сталинградской области). В марте 1942 г. в Якутии от болезни умерла мать у Дарьи Дмитриевны Кобзевой (семья из Воронежской области). На поселении в Коми умерла мать Лидии Васильевны Мартыновой (жили до раскулачивания в Ворзгорах Онежского района).

Коренные жители Поморья также подвергались и лишению избирательных прав, и раскулачиванию, и арестам. Все это в полной мере испытала семья Федора Петровича Тихонова из д. Луды Беломорского района.

Его семья из восьми человек при двух работоспособных членах в 1929 г. имела 1,5 га пахотной и 3,26 га сенокосной земли, дом, амбар, баню, гумно с овином, две лошади, две коровы, пять овец, карбас, 23 рюжи – все то, что необходимо большой крестьянской семье, живущей в деревне на морском побережье.

Местным советом Федор Петрович был причислен к эксплуататорам, поскольку нанимал человека на сельскохозяйственные уборочные работы и для сетевязания, в результате чего вместе с женой Александрой Федоровной и старшей дочерью Парасковьей в 1927 г. был лишен избирательных прав. В вину ему была поставлена и трехмесячная служба на речной флотилии у белых. В 1929 г. глава семьи был арестован, 18 января 1930-го Особым совещанием ОГПУ осужден на три года лишения свободы. Умер в местах лишения свободы. Имущество описано и изъято 1 февраля 1930 г., а 15 апреля того же года хозяйство отнесено к группе кулаков 1-й категории.

Обращает на себя внимание произвол в принятии решений по отношению к семье Тихоновых. Как правило, вначале раскулачивали (по 1-й, 2-й или 3-й категории), описывали и конфисковали имущество, по 1-й категории арестовывали главу хозяйства и судили. Здесь: арест и суд, затем конфискация имущества, и, наконец, решение сельского совета об отнесении семьи к группе кулаков.

Оставшись с шестью детьми на руках, Александра Федоровна в 1930 г. писала в окружную Рабоче-крестьянскую инспекцию, Севкрайисполком и Приморский райисполком с просьбой вернуть корову, коня, снасти и имущество. Ничего не возвратили. Разрешили с детьми жить в боковой комнатке в не своем уже доме. В доме разместили школу, в которой Александра работала уборщицей. Хозяйственную пристройку колхозное руководство пустило на дрова.

Но в колхоз Александра Федоровна все равно не вступила. Они с сестрой обзавелись рюкзаками, карбасом и сами рыбачили, собирали грибы и ягоды. «Живет на нетрудовые накопления», – значилось в справке сельского Совета 1934 г. Когда пришла в сельсовет новая разнарядка на раскулачивание и снова пришли к Александре Федоровне, ее парализовало.

5 апреля 1930 г. избирательная комиссия Унского сельсовета рассматривала вопрос о восстановлении сельчан в избирательных правах. От восстановления Тихоновых Федора, Александры и Парасковьи воздержались как «до сего времени не исправившихся».

Дочь Парасковью Федоровну, 1911 г. рождения, восстановили в избирательных правах в 1933 г., так как она порвала связь с хозяйством отца, выйдя замуж в середняцкое колхозное хозяйство Поповых и перестала находиться в зависимости от родительской семьи. Но скорбная эпопея Парасковьи была еще впереди.

В новой семье родилось трое детей: Анатолий в 1934-м, Тамара в 1936-м и Милитина в 1938 г. В 1942 г. беременную четвертым ребенком Парасковью арестовали и осудили на 10 лет лагерей по статье 58, п. 10, ч. 2 УК РСФСР. Неграмотную женщину обвинили в чтении и распространении иностранной литературы. Срок отбывала в Ягринлаге. Первые три года в лагере не улыба-

лась, было желание броситься под машину, оберегали ее от рокового поступка женщины-заключенные. Ребенок, родившийся в лагере, умер. Дома троих детей Парасковьи и своего младшего сына воспитывала ее мать Александра Федоровна. Со временем их выселили и из боковой комнатухи. Детей в пионеры и комсомол не принимали. Некоторые родители запрещали своим отпрыскам играть с детьми «врага народа», и те чувствовали себя в деревне изгоями.

Пережитое отразилось на всей последующей жизни. Муж Парасковьи жену не дождался. Женится. Три года после лагеря она еще надеялась на его возвращение, а потом перестала. Перед детьми отца не винила, говорила им: «Виновата судьба». Выросшие с бабушкой, Тамара и Милитина до сих пор жалеют, что не смогли дать дочернего тепла после освобождения матери, и просят прощения у нее на могиле.

Александра Федоровна в 1948 г. безрезультатно пыталась вернуть хотя бы комнату в конфискованном доме. Два ее сына, Яков и Петр, погибли на фронтах Великой Отечественной. Младший, Михаил, в 1989 г. пытался вернуть отцовский дом, но разночтения в документах и свидетельских показаниях дали право Пертоминскому сельсовету «считать невозможным безвозмездную передачу здания Лудской начальной школы деревни Луда Пертоминского сельского совета Тихонову М.Ф.». Дочери Парасковьи Федоровны (внучки Федора Петровича) не ездят в Луду, им больно смотреть на отнятый родной дом.

Занимаясь судьбами арестованных на Судострое – Молотовске, в архиве УФСБ РФ по Архангельской области я ознакомилась с историей жизни уроженца д. Уны Ивана Кузьмича Мошникова. Родился он в 1890 г. В 13 лет уже служил кочегаром на паровых судах. В Первую мировую, как и все мужчины призывного возраста, воевал. Затем была революция и Гражданская война. В 1919-м Ивана Кузьмича мобилизовали в армию Миллера, где он прослужил около года в чине унтер-офицера. Эмигрировал с белыми в Финляндию. Затем была Франция. С мая 1920-го до мая 1925-го служил рядовым Иностранного легиона в Алжире. С 1925 по 1927 г. трудился в качестве рабочего в разных городах Франции. На родину из эмиграции возвратился с разрешения Советского правительства в 1927 г. Три года работал в сельском хозяйстве, затем на разных счетоводческих должностях. В сентябре 1936 г. прибыл на строительство завода № 402 (нынешний «Севмаш» в Северодвинске). На тот год жене Александре Петровне, домохозяйке, было 34 года, дочери Анне 8 лет, сыну Григорию – 5, матери Поповой Лукерье Клементьевне – 63 года. До ареста проживали все вместе в Молотовске. Иван Кузьмич работал бухгалтером на шпалозаводе № 1 (о. Ягры).

Его арестовали 8 января 1938 г. Обвинили в том, что восхвалял капиталистический строй, вел контрреволюционную работу против выборов в Вер-

ховный Совет, распространял клеветнические измышления о сталинской Конституции. Мошников виновным себя не признал. Тройкой УНКВД 11 января 1938 г. приговорен к заключению в ИТЛ на 10 лет. Доставлен в Онеголаг 10 февраля 1938 г., там узнал о приговоре. Писал заявления о пересмотре дела Наркому внутренних дел Ежову в марте 1938 г. и начальнику НКВД Архангельской области в 1940 г. В пересмотре дела было дважды отказано. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован 17 июля 1989 г. [3].

Великую силу духа явили всей своей жизнью раскулаченные крестьяне – соль земли русской. О судьбах тех раскулаченных, с потомками которых мне удалось пообщаться, написано в сборнике «Обо всем, что совершилось тут».

Список литературы

1. *Васёв В.Н.* Двинская земля: шаги времени. Вологда, 2011.
2. *Упадышев Н.В.* ГУЛАГ на Европейском Севере России: генезис, эволюция, распад. Архангельск, 2007.
3. Архив РУФСБ РФ по Архангельской области. Д. № П-15314.

Материалы по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов в собрании Российского этнографического музея

Статья посвящена характеристике вещевых, визуальных и архивных материалов по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов Белого моря, хранящихся в Российском этнографическом музее, основанном в 1902 г. как Этнографический отдел Русского музея императора Александра III.

История комплектования собрания. Собрание вещевых памятников было в основном сформировано в 1910–1914 гг. двумя собирателями: хранителем музея Леонидом Васильевичем Костиковым (1869–1941) во время экспедиции в Архангельскую губернию в мае – сентябре 1910 г. и корреспондентом музея Иоанном Несторовичем Чирковым (1872 – ?), священником храма Рождества Пресвятой Богородицы в посаде Луда. Л.В. Костиков был профессиональным этнографом, получившим образование на естественном отделении физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, где антропологию и этнографию преподавал известный ученый, хранитель музея Ф.К. Волков (1847–1918). Сотрудником Этнографического отдела он стал 24 февраля 1910 г. по рекомендации заведующего отделом Н.М. Могилянско-го [3, л. 1]. Чирков, известный на Летнем берегу краевед, член-корреспондент Архангельского общества изучения Северного края, стал активно сотрудничать с Этнографическим отделом после знакомства с Л.В. Костиковым [1, л. 8]. Его сотрудничество с музеем длилось почти пять лет, вплоть до 1915 г. Свой, хотя и небольшой, вклад в вещевое собрание сделал Л.Л. Капица (1892–1938), студент естественного отделения физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, а с 1921 г. штатный сотрудник музея. Он собрал во время экспедиции 1914 г., организованной Русским географическим обществом, для музея в посаде Луда 10 экспонатов.

В последующие годы полевая работа на Летнем и Онежском берегах музеем не проводилась. Собрание пополнилось 12 предметами, переданными в 1935 г. Северным краевым музеем (ныне Архангельский краеведческий музей) [15, л. 74–75], семью экспонатами, поступившими из Музея народов СССР в Москве, и одним подаренным музеем в 1967 г. Л.Н. Майзеровым (Колл. РЭМ 7767-1). В настоящее время в Российском этнографическом музее имеется 396 вещевых памятников, зарегистрированных в 14 коллекциях (Колл. РЭМ 1967, 2317, 2324, 2326, 2335, 2336, 2337, 2338, 2343, 2344, 2779, 3177, 5750, 7767). Они были приобретены на Летнем и Онежском берегах

Белого моря: в посадах Луда, Нёнокса, с. Солзенском, Сюземском, Красногорском, Летняя Золотица, в д. Яреньге, Лопшеньге, с. Нижмозере, Кянде, Тамице, д. Пушлакте, Пурнеме, Лямице (ныне Лямца), Дураково.

Принципы отбора экспонатов. Комплектование вещевых коллекций, характеризующих предметный мир поморов, шло по «Программе для собирания этнографических предметов», разработанной в 1901–1902 гг. заведующим Этнографическим отделом Д.А. Клеменцем (1848–1914) и тремя его хранителями Н.М. Могилянским (1871–1933), Е.А. Ляцким (1862–1942) и К.А. Иностранцевым (1876–1941) [16, с. 1–22]. В ее основу были положены представления ученых последней трети XIX – начала XX в. о вещевом собрании музея как об источнике этнографической науки. Соответственно этому положению, в музей должны были поступать только вещи «своеобразные, своеобразные», сделанные «представителями изучаемого народа для внутреннего потребления», т. е., выражаясь современным языком, традиционные. Предметы, хотя и широко бытующие у народа, но привнесенные из чужой культуры, не подлежали приобретению в музей [17, с. 4–5]. Каждый предмет, говорилось в программе, должен сопровождаться легендой, составленной из сведений, полученных у местного населения. Музейный вещевой фонд требовалось комплектовать таким образом, чтобы предметный мир народа был представлен в нем по возможности с большей полнотой. Эта программа сбора экспонатов была довольно сложной. И.Н. Чирков, которому она была послана, писал: «Программу получил, из которой видно, что составление полных коллекций потребует много и времени и труда» [4, л. 4 об.]. Однако, несмотря на это, хранителю музея и его корреспондентам удалось сформировать собрание памятников Летнего и Онежского берегов, соответствующее требованиям программы.

Тематика собрания. В собрание включены основные типичные экспонаты, дающие представление о вещах, использовавшихся в хозяйственном и бытовом обиходе поморов. Выражаясь языком начала XX в., это были принадлежности жизни и быта, как материального, так и духовного. Здесь представлены вещи, использовавшиеся в рыболовстве, земледелии, скотоводстве, одежда, предметы интерьера, хозяйственная и столовая утварь, детские игрушки.

Рыболовство, составлявшее основу жизни помора Летнего и Онежского берега («Море – наше поле: даст Бог рыбу – даст Бог и хлеб» [13, с. 106]), представлено 30 предметами. Это рыболовные снасти: сеть, морда, рюжа, удочки, поплавки, грузила, некоторые орудия, использовавшиеся при зимнем лове рыбы. Морской зверобойный промысел показан только одним предметом – пороховницей из Лудского посада, которая использовалась для хранения пороха при весенней ружейной охоте на тюленя и белуху.

Земледелие, не имевшее серьезного хозяйственного значения в жизни поморов Летнего и Онежского берегов, также нашло свое отражение в собрании

музея. Л.В. Костиков доставил в музей два типа сох, использовавшихся поморами: одноральную соху с широким резцом и неподвижной полицей, которой пахали землю в низовых запашках, и двуральную с перекладной полицей, употреблявшуюся в основном на холмистых и каменистых землях. Кроме того, им были привезены две бороны: суковатка и деревянная рамочная бороны с обоюдоострыми зубьями, а также специальные приспособления для перевозки сох на пашню, имевшие разную конструкцию и разные названия: *соишны*, *подсоишник*, *утка под соху*. В собрании есть вилы для разбрасывания навоза по пашне, вилы для удаления с поля кочек и дерна, *приуз* (цеп) и детская *кичига* для обмолота колосьев зерновых культур.

Скотоводство, развитое на Летнем и Онежском берегах, в собрании музея представлено пастушьей трубой – сигнальным инструментом, использовавшимся пастухом для управления стадом. Он довольно редко встречался на Летнем и Онежском берегах, так как скот в большинстве своем находился на вольном выпасе. В собрании имеется коса *горбуша* – основное орудие сенокосения у поморов. Она была удобна для косьбы на сенокосных угодьях с неровным каменистым рельефом, часто заросшим мелким кустарником. В д. Лямыце были приобретены березовые вилы для складывания сена в «заколья» – стога.

Поморское ремесло представлено малым количеством инструментов: формой для литья медных изображений святых на колоколах, токарным станком для выделки веретен, мялкой для обработки кож, сверлами, коловоротом, сапожными инструментами и колодками для изготовления кожаной обуви. Их малочисленность объясняется, вероятно, тем, что собиратели не сочли их интересными для музея, так как те не представляли собой ничего «своеобразного и своеобразного». Они были точно такими же, как и инструменты ремесленников в других регионах России.

Домашнее прядение и ткачество, особенно характерное для Онежского берега, но известное и на Летнем берегу, представлено 20 прялками с Летнего берега и одной прялкой с Онежского. Процесс подготовки волокна к тканию скально (*скальнё*) – прибором для сучения нитей воробами (*вьюхами*), использовавшимися для сматывания нитей с мотков и снования основы; а ткачество – только блочками (*кобылками*) для крепления на кроснах нитченков. Прялки заинтересовали музейных работников своеобразием своего внешнего облика, выделявшего их среди прялок других регионов Русского Севера. Они были как составные, так и корневые с узкими лопастями, расширяющимися кверху, с фигурным треугольным резным навершием. Лопасть украшена орнаментом, выполненным трехгранно-выемчатой, сквозной и контурной резьбой и выкрашена красной, зеленой и желтовато-коричневой красками. Среди ажурных геометрических узоров на некоторых прялках контуром изображены человеческие фигуры, птицы, церкви. На лопасти прялки из д. Яреньги,

например, изображен охотник, стреляющий в птицу, сидящую на ветке, а на лопасти прялки из д. Лопшеньги – два человека, один из которых верхом на лошади. Исследователи народного искусства относят эти прялки к поморскому типу [7, с. 224; 11, с. 72; 17, с. 15]. Прялки изготавливали мужчины во время рыболовного или зверобойного промысла. И.Н. Чирков писал, что в с. Дураково и Золотице жители исстари занимаются веснованием, т.е. зимней и весенней охотой на зверя в Белом море, «во время которой и изготавливаются резные изделия, и цена лучшей прялки в таких селах 2–4 рубля» [4, л. 23].

Кроме прялок, мужчины вырезали из дерева детские игрушки: панок, коней, птичек, делали резные ящички, стульчики и пр. И.Н. Чирков в письме от 5 января 1911 г. сообщал Л.В. Костикову: «У нас народ промышленники отправляются теперь в море бить зверя, и любимое их занятие так от скуки вырезка панок и коней» [4, л. 4]. *Панками* на Летнем и Онежском берегах называли небольшие (высотой 19–57 см) женские фигурки, вырезанные топором из дерева. Они напоминают столбик из трех слабо выделенных частей: круглой головы с плоским лицом, верхней и нижней частей туловища. При этом руки у всех фигур едва обозначены. Черты лица, грудь, детали одежды обозначены контурными линиями, ямками, вырезанными ножом или выжженными раскаленным гвоздем. Трудями Костикова и Чиркова в музей была доставлена большая коллекция таких деревянных игрушек – 49 панок и 38 коней. Эти игрушки очень заинтересовали Л.В. Костикова. Возвратясь из экспедиции в Петербург, 5 ноября 1910 г. он пишет председателю Поморского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера В.Г. Бельтюкову: «Во время моей поездки по Летнему берегу от Яреньги до Пурнемы с Уной и Лудой включительно я встречал детские резные игрушки самих крестьян – куклы “панки” и кони, за которые платил от 2 до 15 копеек за штуку. Хотя собрал я их довольно значительное количество, но оне так понравились мне, и ввиду того, что оне друг на друга не похожи, если вам представится возможность приобрести их, я, не задумываясь, возьму их хотя бы и две сотни. В Поморье я их что-то не встречал» [3, л. 14–15]. Кроме «своеобычных» панок и коней, Л.В. Костиков приобрел для музея текстильных кукол (№ 21), которых также называли панками, пять игрушек из глины: *колобок*, *калитки* и хлеб *крудок*, который брали с собой рыбаки, отправляясь в море. Они, вероятно, использовались девочками для игры в хозяйство. В музей также поступили игрушки мальчиков: деревянные лук, стрелы, ружья, сани *пошовни*, два мяча, головоломка и пр.

Домашний хозяйственный и бытовой уклад поморов Летнего и Онежского берегов представлен в музее 60 предметами, изготовленными из дерева. Это прежде всего мебель: табуреты, названные в описи *стульчиками*, и скамейки. Они, по словам И.Н. Чиркова, имелись в каждом поморском доме наряду с

лавками и столом [5, л. 6 об.]. Однако Л.В. Костиков отобрал для музея только те табуреты, сидение которых выдолблено из ствола дерева, а три толстых сука служат ножками. Скамейки на четырех ножках также вырезаны из целого ствола дерева. Среди предметов обстановки традиционного дома в собрании имеются *зыбка* младенца в виде ящика с решетчатыми сторонами и крюки, на которых их подвешивали к потолку; два *изголовника*, сколоченных из деревянных досок, на которые клали подушку, если спали на лавке; светцы для лучины: один из них (*светельно*) железный кованый, насаженный на деревянную стойку, прикрепленную к долбленому корыту на четырех ножках; другой (*кокорка*) – деревянный крюк; *вертюжок* – дверная ручка и замок; *лаз на подволоку* – лестница на чердак; *спичка* – крюк для одежды.

Хозяйственная утварь представлена *крошнями* для переноски на спине тяжестей, *пестерем* из бересты с ляжками, *коробом* для ягод из куса бересты, *тяпальней* и *трепалкой* – вальками для выколачивания белья при стирке, *банной чашей* с ручкой и др. Среди предметов хозяйственной утвари интерес представляют прямоугольные ящички, выдолбленные из сосны или березы с задвигающейся крышкой. Они украшены трехгранно-выемчатой и контурной резьбой. Орнамент геометрический, на одном ящичке имеется изображение растений и животных. Назначение этих ящичков в коллекционных описях не указывается, но по сведениям В.Г. Кондратьевой, в них хранили необходимые для сапожного ремесла вещи: шило, дратву, вар, щетину, деревянные гвозди, подковки и пр. [10, с. 56–61].

В собрании имеется также утварь, использовавшаяся для приготовления еды и подачи ее на стол. Однако это отдельные предметы, не объединенные в комплексы, характеризующие сервировку стола, выпечку хлеба или приготовления какой-либо другой пищи. Наиболее полно представлена утварь для выпечки хлеба. Это *муцница* (*полотуха*) в виде корытца с двумя ручками, выдолбленная из осины, в которой провеивали зерно, прежде чем его смолоть на ручных жерновах. *Муцницей* называли также чашу с ручкой, выдолбленную из капа, которой черпали муку из мешка. *Отяпаловка* – чаша из капа для формовки теста. Тесто укладывали в нее и подбрасывали – *тяпали* несколько раз вверх, чтобы оно стало более плотным и приняло нужную форму. Интересной представляется *печатка*, которой выдавливали узор на сдобном ячменном прянике – *колобе*, выпекавшемся на двенадцатые праздники. Остальная утварь для приготовления еды представлена только ступкой для толчения чеснока из *Нёноксы* и *скопкарем* для рубки капусты и хранения муки. *Скопкарь* выдолблен из елового нароста, круглой формы с двумя короткими рукоятками у верхнего края. Собиратель указал на него как на предмет старинный.

Столовая утварь представлена блюдом для хлеба, чашками и тарелками для подачи еды на стол, кружкой для кваса, *поварёнками* – разливатель-

ными ложками, *солоницами* – солонками, стоявшими на столе во время домашней трапезы, и *тюрниками* – солонками, в которых держали соль на морских промыслах, и одной большой *братыней*. Основная часть этих предметов выдолблена из сосны, капа березы. Два предмета токарной работы, два – бондарной, несколько солонок и одно блюдо для хлеба сплетено из корней молодой сосны.

Самым старинным среди них является братыня. И.Н. Чирков датирует ее 1860-ми гг. В ней подавали на стол домашнее пиво. В связи с прекращением в 1910-х гг. его варки братину стали использовать для хранения муки или соли [5, л. 8]. Долбленная утварь была изготовлена местными мастерами, вероятно не позже последней трети XIX в. Л.В. Костиков в своем письме из г. Онеги к Н.М. Могилянскому сообщал: «Собрал коллекцию допотопных долбленых чашек, так называемых “тюканых”» [3, л. 89 об.]. В начале XX в. поморы предпочитали пользоваться посудой, купленной в лавках Архангельска [5, л. 7]. Сбор же «допотопной утвари» представителями музея объяснялся его установкой на приобретение вещей «своеобычных, своеобразных». Металлическая, фарфоровая и фаянсовая утварь, использовавшаяся в праздничном обиходе богатых семей, была, по мнению собирателей, не интересна для музея, так как не отличалась местным колоритом.

Одежда. Женская и мужская одежда представлена в собрании музея 48 предметами традиционного для Русского Севера типа: комплекс одежды с сарафаном для женщин, рубаха-косоворотка на выпуск и штаны для мужчин. В основном это будничная одежда, обувь, рукавицы, головные уборы, бытовавшие здесь в последней трети XIX – первом десятилетии XX в.

Мужской традиционный костюм представлен в собрании рубахой-косовороткой из красно-белой пестряди, верхними штанами из толстой пестряди синего цвета с белыми вертикальными полосками, рубахой *верховой*, вязаной на спицах из красной и белой шерсти, и шерстяным узким пояском. Эта одежда дополняется двумя парами черных *бахил* – кожаных сапог с широкими круглыми носками и мягкими выше колен голенищами. Будничной верхней одеждой был кафтан из серого домашнего сукна, в талию с клиньями, также приобретенный для музея.

В собрании имеются два традиционных мужских головных убора: *треух* – зимняя шапка из собачьего меха с острым верхом из синего плиса, с длинными лопастями, закрывающими шею и щеки; а также шапка на вате с круглой тульей из темно-синего бархата и меховым околышем. Мужская одежда, собранная Л.В. Костиковым для музея, была типичной повседневной одеждой поморов 1910-х гг. В праздничные дни мужчины надевали черные брюки, белые рубахи, жилетки, пиджаки, фуражки и кожаные сапоги. Молодые щеголеватые парни повязывали на шею платок. Верхняя праздничная одежда мужчин в собрании музея представлена двумя предметами: *сибиркой* – дву-

бортной, на ватной стеганой подкладке одеждой из темно-синего сукна с подрезной талией, со сборками, отложным воротником и рукавами, суживающимися к запястью; и *полукафтаном* из коричневого бархата в талию со сборками сзади.

Женский костюм представлен в собрании музея также отдельными предметами одежды, головных уборов и обуви. Л.В. Костиков собрал в основном повседневные и воскресные предметы девичьего и женского традиционного костюма, бытовавшего в первом десятилетии XX столетия. В собрании имеются две рубахи из д. Пурнемы. Одна – цельная из белого холста с прямыми поликами и длинными рукавами, скошенными к запястью, плечи и подол вышиты коричнево-красными и синими нитками, на плечах – кружево, плетеное из суровых и красных ниток. Другая – из пестряди, с прямыми поликами, длинными рукавами, украшенными на плечах ситцем, с ластовицами из синей набойки. Кроме того, имеются два сарафана прямого покроя из с. Красногорского и д. Пушлахты. Сарафан из Красногорского сшит из хлопчатобумажной ткани красного цвета в белую клетку. Его называли *бумажником* и носили с рубахой, верхняя часть которой изготавливалась из белого тонкого полотна или светлого ситца [9, с. 10]. Бумажник бытовал лишь в отдельных селах Летнего и Онежского берегов. В остальных же был распространен сарафан из клетчатой домотканины. Такой сарафан был приобретен для музея в д. Пушлахте. Он сшит из домашней клетчатой ткани с шерстяным утком красного и коричневого цвета и основой из белой льняной или пеньковой нити. К нему полагалась рубаха из домашней пестряди. Такая рубаха была найдена в посаде Уна. Она составная с пестрядинным (красная с белым) верхом и белым холщевым станом, украшенным по подолу белой строчевой вышивкой (*возбленной строкой*), с длинными узкими рукавами. С прямым сарафаном из домотканой пестряди носили обычно передники, два из них были приобретены в музей [9, с. 10; 8, с. 114]. В коллекции имеются также шесть *нарукавников* из этого же посада, сшитых из пестряди и хлопчатобумажной ткани на холщевой подкладке. Они представлены в коллекции в двух вариантах: пять нарукавников в виде короткой кофточки прямого покроя с длинными рукавами, передним разрезом, застегивающимся на пуговицы, и один нарукавник в виде двух узких рукавов, соединенных на спине и спереди поперечными планками. По информации Л.Ф. Кислухи, такие нарукавники носили с глухим косоклинным сарафаном, надевая их вместо рубахи [9, с. 7]. Верхняя одежда девушек и женщин представлена в музее будничным кафтаном из светло-серого домашнего холста: длиной до бедер, сшитым в талию без сборов, и праздничной *горбушей* – короткой кофтой на вате, крытой красным набивным ситцем, со стоячим воротником, застегивающейся на крючки.

Женские будничные головные уборы представлены в музее *чебаком* – зимней шапкой в виде чепца из красного ситца на вате. По сведениям И.Н. Чир-

кова, доставившего ее в музей из посада Луда, чебак «употребляют женщины при ужении или ловле наваги в рюжи (мережи) в зимнее время, одевают под платок и завязывают под подбородком» [4, л. 9 об.]. В коллекции Костикова и Чиркова имеются также рукавицы (*делёнки, шубницы, колючницы*) и кожаная обувь (*полусапожки, ступни, струсни*).

Предметов одежды и головных уборов, относящихся к более раннему периоду, чем первое десятилетие XX в., в поморской коллекции довольно мало. К старинным типам одежды (по выражению Л.В. Костикова, *досельным*) относятся *костыцек, штофник, шубейка, четыре сороки с самшурой, колпацок с пустошками* и *бусы спёрлы*. Костыцек, представляет собой косоклинный распашной сарафан из синей крашенины, застегивающийся на 16 пуговиц. Этот тип сарафана, характерный для XIX в., в 1910-х гг. с белой рубахой или нарукавниками донашивали старухи [9, с. 6–7]. Штофник – косоклинный распашной сарафан из темно-оранжевой парчи с белым узором на холщовой подкладке, украшенный позументом по верхнему краю, лямам и полам с пуговицами. Шубейка – верхняя зимняя прямая длиной до бедер одежда из фиолетовой парчи на белом заячем меху с кунным воротником и опушкой из лисьего меха. Эти два предмета одежды датируются серединой XIX в. Однако даже в начале XX столетия сарафаны, принадлежавшие еще прабабушкам, можно было видеть на девушках во время свадеб и весенних гуляний [6, с. 45; 9, с. 9; 8, с. 113]. К досельным предметам относятся также четыре сороки – головные уборы замужних женщин, приобретенные в Пурнеме. Это мягкие головные уборы из парчи, холста, кумача, очелье которых украшает позумент, золотошвейная вышивка или вышивка белой строчкой. Такие сороки надевали с самшурой – головным убором типа повойника, имеющим спереди твердое округлое копытце из синей набойки. В начале XX в. такие сороки также донашивали старые женщины. Остальные носили повойники с платком. Досельным Л.В. Костиков назвал как *треух* – женскую зимнюю шапочку с ушками и козырьком на подкладке из беличьих шкурок (тулья покрыта ситцем, а козырек – штофом), так и *колпацек с пустошками* – повойник из ярко-красного шелка. Судя по фотографиям, отснятым во время экспедиции А.Н. Павловичем, у населения хранились еще старинные девичьи парчовые повязки с бисерными и жемчужными поднизями и женские повойники, донце которых было украшено золотошвейной вышивкой (Колл. РЭМ 2638-58/1.2,59/1,2) [8, с. 116–120]. Однако в собрание музея они не поступили. Старинными Л.В. Костиков назвал и янтарные плоские бусы на красном шнуре – *спёрлы*. Их носили с праздничным костюмом, надевая *рядками* – от одной до пяти ниток [9, с. 10].

Собрание музея, тщательно сформированное Л.В. Костиковым, Л.Л. Капицей и И.Н. Чирковым, состоит только из предметов традиционного хозяйственного и бытового уклада, еще частично сохранившегося в первом деся-

тилети XX в. у поморов Летнего и Онежского берегов. Естественно, что в собрании показано не все его богатство. Мир традиционных вещей у них был более разнообразен, нежели представленный в музее. В собрании, например, отсутствуют орудия зверобойного промысла; столовая утварь представлена в основном деревянной долбленной посудой, плохо собран комплекс предметов, использовавшихся в прядении и ткачестве. Удивительно также и то, что среди экспонатов имеется всего три предмета убранства дома из ткани: два полотенца и подзор к кровати, украшенные вышивкой с сюжетными композициями, хотя они были довольно широко распространены на обоих берегах Белого моря. Нет тканей для шитья одежды [12, с. 70]. Коллекция одежды состоит из отдельных вещей, которые сложно объединить в единый цельный костюм. Это довольно странно, т. к. музей был заинтересован в приобретении именно цельных костюмов. Заведующий Этнографическим отделом Н.М. Могилянский в письме к В.Г. Бельтюкову, председателю Поморского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера, предлагавшему музею сарафан и кафтан, писал: «Желательно было бы дополнить их приобретением всех остальных частей костюма, относящихся, конечно, к тому же времени, не исключая чулок и ботинок, чтобы можно было надеть на манекен не отдельные части костюма, а полный костюм, и при том чтобы это не производило впечатления чего-то сборного, но гарантировало бы в целом¹. Не удобно к бархатному сарафану надеть плохонький повойник» [3, л. 12].

Л.В. Костиков осознавал неполноту своих коллекций, стараясь их дополнить вещами, которые не удалось по какой-либо причине приобрести в полевых условиях. В декабре 1910 г., например, Этнографический отдел по его инициативе обратился с письмом в Комитет для помощи поморам Русского Севера с просьбой «пожертвовать отделу коллекцию новых и старых орудий тюленьего и моржового промысла, хранящуюся в Мурманской экспедиции в Александровске» [2, л. 5]. В наши дни объяснить неполноту коллекций, доставленных собирателями в музей в 1910–1914 г. довольно сложно. Материалов, рассказывающих о работе Костикова и Капицы в экспедиции, фактически нет. В архиве Российского этнографического музея хранятся только два письма Н.М. Могилянскому, отправленные Л.В. Костиковым из г. Онеги [3, л. 89–90], и его короткий предварительный отчет (см. *Приложения 1 и 2*). Однако эти документы не объясняют, чем руководствовался исследователь, выбирая те или иные «своеобычные, своеобразные» экспонаты для музея.

Среди экспонатов, собранных для музея Л.В. Костиковым, Л.Л. Капицей и И.Н. Чирковым, много чрезвычайно интересных, украшенных резьбой и

¹ Так в тексте.

росписью, но особый интерес вызывают предметы с клеймами – знаками собственности, датой их изготовления и текстами разного содержания, вырезанными ножом на деревянных предметах.

Поморы считали необходимым ставить метки собственности на вещах, принадлежащих семье или отдельному человеку: «Не клейменная вещь – все равно, что не твоя», утверждает местная поговорка. Метка ставилась на рыболовных снастях, хозяйственной и домашней утвари. Обычно это монограмма владельца, составленная из первых букв имени, отчества и фамилии. На *ловдусе* – поплавке в виде большой птицы, приобретенной для музея Л.В. Костиковым, вырезана ножом метка: А.А.И. По ней местные рыбаки определяли хозяина невода. На резной трепалке для выбивания белья – метка Т.Ч. Если случайно женщина оставит ее на берегу реки, то ее никто не возьмет, потому что это чужая вещь. Зачастую на вещи писали полностью имя, отчество и фамилию владельца. На ящичке для сапожных инструментов написано: «Николая Аренина 1905 года». Порой метка сопровождается текстом, например на долбленной чашке есть текст: «ААФ Коту лакать». На одном из ловдусов написаны слова импровизационной молитвы: «црѣ слвы / ись хсь / снѣ бжї / мьсеца ма в / 4 днѣя 1847 Года КИМ НКМ», которая, вероятно, служила оберегом.

Некоторые развернутые надписи на вещах рассказывают о месте их изготовления и событиях, происходивших в селах. Так, на ящичке с выдвигной крышечкой написано: «Сей ящикъ деланъ на моржовчи 1880 г месяца Апреля / 7 дни Андрея Арефьева Федотова писал сопственною / своею рукою / Того же месяца кожу волочили 155 кошъ». В 1891 г. тот же рыбак изготовил стульчик на трех ножках с вогнутым долбленным сидением и надписью: «Сей стуль работан на тони Болотиха Андрея Арефьева Федотова 1891 Года Внеурожайный год».

Характерной чертой поморских коллекций является наличие легенды к каждому входящему в них предмету. Она составлена в соответствии с музейными требованиями первого десятилетия XX в. Каждый предмет снабжен адресом: указано место его бытования: губерния, уезд, село, посад или деревня. В коллекционной описи он назван так, как назывался в народном быту: *отяпаловка* – чаша для формовки теста, *вертюжок* – дверная ручка, *рюжа* – мережа, *пличка* – придорожный ковш, *тюрник* – солонка, *порóцька* – ведро, *приуз* – цеп и др. Если предмет сложносоставной, то дается название его отдельных частей: лопасть прялки – *рожища*, *лáпость*; ножка – *стебель*; донце – *гузно*.

Кроме того, в легенде к каждому предмету указывается его назначение и рассказывается о способе употребления, «такие *плáвки* – поплавки навязываются на зимние наважные сети на расстоянии ½ аршина друг от друга», «морда погружается в воду и прицепляется к забору посредством рукоят-

ки», «коробом пользуются жёнки при зимней ловле наваги, между прочим и в качестве скамейки». В легенде обязательно указан материал, из которого изготовлен предмет, техника его изготовления: «уда на навагу леса из белого конского волоса, свита в три пряди, удилице – можжевельное». Отличием от легенд, составленных музейными этнографами нашего времени, является то, что в этих записях нет указаний на точное время изготовления и бытования вещи. В научных документах к ним использован термин «досельный, допотопный», т. е. старинный, уже не используемый или редко используемый в настоящее время. Остальные предметы, как предполагалось, бытовали во время работы экспедиции. Это объясняется тем, что этнографы XIX – первого десятилетия XX в. считали, что предметы традиционного быта остаются неизменными на протяжении длительного времени, и важна не столько точная дата их изготовления, сколько период, в который эти вещи бытовали.

Собрание фотографий. Вещевые коллекции дополняют фотографии, снятые на Летнем и Онежском берегах в 1910 и 1914 гг. фотографом музея Анатолием Николаевичем Павловичем (1880–1941). Это был, по словам Н.М. Могилянского, очень опытный фотограф, хорошо известный в Петербурге как автор почтовых открыток, выпускавшихся массовым тиражом издательством Санкт-Петербургского попечительного комитета о сестрах Красного креста Общины св. Евгении. Павлович работал в музее с 1907 по декабрь 1911 г. и был участником нескольких этнографических экспедиций [14, с. 19–27]. Всего на Летнем и Онежском берегах им было сделано 157 снимков. В музее сохранились все отпечатки с негативов и около 50 негативов, остальные были утрачены в годы Великой Отечественной войны. Фотографии и негативы зарегистрированы в две коллекции (Колл. РЭМ 2637, 2638). Дополняют фотоколлекции Павловича 14 фотографий, снятых в экспедиции 1914 г. Л.Л. Капицей (Колл. РЭМ 3227), и одна фотография рыбаков Летнего берега, сделанная в 1887 г. этнографом Н.Н. Харузиным (1865–1900) (Колл. РЭМ 8764-744).

Фотографии раскрывают те стороны жизни поморов, которые трудно узнать, опираясь только на вещевое собрание музея. Прежде всего, среди них очень много снимков посадов, сел и деревень: снят общий вид посадов Луда (ил. 1) и Нёнокса, с. Нижмозера, д. Пурнемы, Яренги, Лопшеньги, а также улицы в д. Ямице (ил. 2) и Лопшеньге. В фотособрании имеются снимки жилых домов и тоньских избушек, в которых жили рыбаки и зверобои во время морских промыслов, а также хозяйственных построек: бань, сараев, овинов, хлевов, которые назывались *коровьими дворцами*, и др.

Особенно интересны фотографии церквей, многие из которых в наши дни находятся в полуразрушенном состоянии или разрушены полностью. В собрании имеются фотографии двух старейших во всем Поморье деревянных

шатровых церквей: Николая Чудотворца в Пурнеме, построенной в 1616–1618 гг., и во имя Николая Чудотворца (1661 г.) в Нижмозере. В наши дни храм в Пурнеме является самым древним на всем Беломорском побережье. Павлович отснял также пятиглавый храм Троицы Живоначальной в Нёноксе, сооруженный в 1720–1730 гг., его резной иконостас и правый клирос. В этом же посаде была им сфотографирована колокольня и церковь Святителя Николая Чудотворца (1762 г.) и кладбищенская церковь Святого Климента (ил. 3), папы римского, считавшегося наряду с Николаем Мирликийским (Чудотворцем), покровителем путешествующих на море. Имеются фотографии церковью Сретения Господня и Преображения Господня в Тамиче и снимок сейчас уже почти полностью разрушенной церкви Рождества Пресвятой Богородицы (1867 г.) в Луде, священником которой был И.Н. Чирков (его этнографический очерк об этом посаде см. в *Приложении 3*).

Собрание располагает фотографией Пертоминского мужского Спасо-Преображенского монастыря, расположенного на берегу Унской губы. Монастырь, основанный в 1617 г., был знаменит тем, что в 1694 г. в нем три дня жил Петр Первый, переживая бурю, в которой чуть не погибло его судно. В память о спасении российский император своими руками сделал огромный крест с надписью: «Сей крест поставил капитан Петр в лето Христово 1694 г.».

Среди снимков есть и фото часовни в Красногорском селе. Она выполняла роль храма, по поверью, спасала от бедствий, угрожавших людям, служила общественным центром, вокруг которого проходили мирские праздники, сходки.

А.Н. Павлович отснял кладбища с большими деревянными надгробными крестами, украшенными резьбой и различными надписями религиозного содержания. На одной из фотографий видно надгробное сооружение – *срубец* – высотой в два бревна с двускатной крышей, на которой стоит крест. Они предохраняли могилу от внешних разрушений и забвения.

Фотографы сняли также для музея различные предметы, которые трудно было доставить в музей: рыбацкие судна (карбасы), паромы, телеги и сани разного назначения: волокушу для летней и зимней перевозки тяжестей, двухколесную телегу для перевозки грузов, пассажирскую двуколку, приспособление для сечки соломы на корм скоту, яму для хранения картофеля, большой *лагун* для ячменя, *прясла* на полях для развешивания снопов и т. п.

Особый интерес представляют фотографии, отражающие повседневную жизнь поморов: мужчина шьет *бахилы*; другой точит косу *горбушу*; женщины и мужчины косят траву; старик окучивает картофель сохой, которую тащит *жёнка*; женщина собралась мыть пол; мужчина и девочка пилят дрова; парень стоит около запряженной в сани лошади, собираясь отвезти соху на поле; женщина верхом на лошади возвращается с поля; и т. п. Фотографы сде-

ляли много групповых портретов (ил. 4): семья поморов в нарядной одежде городского образца, девушки в старинных костюмах, женщины в пестрядиных сарафанах, празднично одетые парни в жилетках и платках на шее (ил. 5), а также отдельные портреты стариков, молодых женщин, мужчин в нарядной и будничной одежде.

Прекрасного качества фотографии и приобретенные для музея вещи позволяют исследователям лучше понять образ жизни поморов первого десятилетия XX в. и создают яркую картину того давнего времени.

Приложения

Публикуемые ниже материалы – письмо Л.В. Костикова из г. Онеги заведующему Этнографическим отделом Н.М. Могиланскому от 3 июля 1910 г. и «Предварительный отчет» Л.В. Костикова о работе экспедиции, написанный после ее окончания, вероятно, в конце октября 1910 г., – хранятся в архиве Российского этнографического музея (в прошлом Этнографического отдела Русского музея имп. Александра III). Они рассказывают об экспедиции хранителя музея Леонида Васильевича Костикова (1869–1941) и фотографа Анатолия Николаевича Павловича (1880–1941) в Архангельскую губернию в мае – сентябре 1910 г. Основной целью экспедиции был сбор вещевых памятников поморов и фотографирование объектов их культуры. В ходе поездки были обследованы поморские села, посады и деревни Архангельского, Онежского и Кемского уездов. В результате в собрание музея поступило 568 экспонатов и свыше 300 фотографий.

Определенный интерес представляет также очерк И.Н. Чиркова «Лудский посад. Этнографический очерк с рисунками», написанный им по заказу музея в 1911–1912 гг.

Иоанн Несторович Чирков (1872 – ?), священник церкви Рождества Пресвятой Богородицы в посаде Луда Архангельского уезда Архангельской губернии, а с декабря 1911 г. священник церкви Николая Угодника в д. Яреньге Архангельского уезда, был известным на Летнем берегу краеведом, собиравшим экспонаты для Архангельского епархиального Древлехранилища. С просьбой написать этнографический очерк к нему обратился Л.В. Костиков, который в июне 1910 г. работал в поморских селах Летнего берега. Об этом стало известно из письма И.Н. Чиркова Н.М. Могиланскому от 10 апреля 1912 г.: «Г. Костиков неоднократно просил меня составить по возможности подробный этнографический очерк Лудского посада Архангельской губернии и уезда с целью напечатать его в одном из петербургских изданий. Ввиду чего мною в течение почти двух лет собирался материал для такого очерка, и составление очерка близится к концу» [4, л. 15]. Очерк поступил в музей в декабре 1912 г., а

в январе 1913 г. был одобрен на заседании Совета Этнографического отдела. Хранитель музея К.К. Романов писал его автору 31 января 1913 г.: «...присланный Вами очерк Лудского посада включает материалы интересные для отдела и подходил бы вполне к хранящемуся в библиотеке отдела материалу» [4, л. 20]. На заседании Совета было решено заплатить за эту работу И.Н. Чиркову 60 рублей [4, л. 24, 28] – сумма достаточно большая. Так, по данным за 1894 г., священник Яреньгской церкви получал 117 руб. 60 коп. в год [11, с. 219].

Текст документов воспроизводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника.

Приложение 1

Письмо Л.В. Костикова Н.М. Могилянскому [3, л. 89–90 об.]

[Л. 89] Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

Из долгих странствий возвратясь, сажусь за послание к вам. Во всех упомянутых мною в прошлом письме деревнях (письмо, о котором идет речь, не сохранилось. – *И. Ш.*) летом существует лишь «карбасное сообщение», как говорят здесь, причем каждый раз, когда заявляешь о своем желании двинуться из деревни, тебе отвечают, что сегодня невозможно, потому «звондь» на море и больно большие «коровушки» ходят по морю. Но начну по порядку. Пройдя от монастырских тонь Пертоминского монастыря пешком 20 верст, мы очутились в Яреньге, откуда за вещами послали единственную в деревне телегу, да и ту лишь на двух колесах (здесь они называются телёгами на одном колесе). Здесь мы очутились совершенно отрезанными от каких-либо сношений с Российской империей. Здесь нет летом начальства, и его в это время не признают. Открытое предписание губернатора читают и откладывают в сторону. Дороги даже пешеходные привести в порядок не желают, говорят, нет расчёты – тогда начальство начнет ездить. Действительно, онежский исправник назвал нас храбрыми, так как сам еще на Летнем берегу не был и отложит ознакомление со всем полуостровом на зиму. Здесь-то я и предполагал найти неисчислимое количество этнографических предметов. Оказалось же, что в этих местах живут самые богатые мужики России. Все они занимаются рыбными промыслами, причем преимущественно ловлей семги. Самым большим [Л. 89 об.] человеком считают петербургского купца Языкова, который скупает у них семгу на месте, устроив целую сеть из своих уполномоченных, дающих под семгу авансы и платящих зимой за пуд семги до 25 рублей. В результате каждый крестьянин в среднем зарабатывает в год около 1200 руб. Хозяйство, повинности и обработка земли, одним словом – все лежит на женщинах – «жёнках». Деньги, если не пропиваются тут же на месте, отвозятся

мужчинами в город, когда они отправляются на так называемые заработки, и проживаются здесь с большими удобствами, некоторым даже комфортом. Когда все пропито и прожито, они возвращаются домой, чтобы пополнить свои карманы из заработков жен и так до бесконечности. О резных вещах, о деревянных изделиях здесь знают только понаслышке. Раньше, когда ходили в море на более продолжительное время, старики говорят, что они резали прялки и панки – детские игрушки. Прялки оказались все на один лад, купив несколько штук и поговорив на эти темы, я узнал, что без семикружья ни одна прялка не стоит, что под ним должен быть один или два пряника, а в последнее время и «коннас». Что же касается деревян[ных] кукол «панок» и коников, то они довольно разнообразны, сохранились во многих избах в подпечьях, и я думаю, что [Л. 91 (sic!)] забрал все, что было в этом отношении интересного. В Луде наткнулся на художника Архипова (имеется в виду художник А.Е. Архипов (1862–1930). – *И. Ш.*), посещающего эти места в продолжение семи лет; он прямо поразился, когда увидел некоторые игрушки из наших коллекций, и умолял меня перепродать их ему. Что касается мебели, резной посуды, т. е. ковшей, братин и проч., то о них здесь и не слыхали, так как пива никогда не пивали. Мы, говорят, и наши деды пили спирт и водку, а не пиво, и пили их из медной, а не деревянной посуды. Костюмы исключит[ельно] городские и только старухи носят «домотканые сарафаны». Орудия для обработки земли покупают в Архангельске и Онеге. Ремесел не знают никаких, исключая постройки лодок. Старых способов ловли не помнят, а если и говорят о них, то не могут подтвердить старыми орудиями. Народ удивительно не симпатичный, крайне недоверчивый, грубый и не сообщительный. Все эти деревни построены на один лад, живут единым общим укладом, но в каждой их них пришлось сидеть по дню, по два, ожидая возможности двинуться далее. Лето очень холодное, все время дуют холодные ветры, и только, слава Богу, дожди стали идти через день. В Пурнеме наткнулись на телегу, т. е. двуколку с колесами из досок и с вертящимися осями, т. е. колеса прикреплены к осям неподвижно, но вывезти ее оттуда не удалось, так как в этой самой пьяной деревне Архангельского [Л. 91 об. (sic!)] края, даже при содействии старосты купленную мною борону и пест для ступы брались довести на лодке до Онеги всего лишь за 25 руб., т. е. за три пуда на расстояние всего около 65 верст. Пришлось их бросить там до более благоприятного случая. Сами же мы выбрались из Пурнемы верхом на лошадях. Впервые сел на лошадь и совершил переезд в 30 верст по чудному основному лесу. Местность удивительно красивая, встречаются деревья значительно выше петербургских шестиэтажных домов, аппараты же и наш минимальный багаж частью шел пешком на проводниках, а частью ехал на волокуше, которую я отвоевал после предварительных дебатов, так как отказывались совсем везти, говоря, что ее все равно разломает, о вьюках же и вообще о том, что на лошадях можно непосредственно перевозить тяжести, здесь не имеют представления. Вообще при всяком удобном случае здесь стараются собрать максимальную плату, откровенно заявляя: чего стесняться,

ведь не твои деньги, а казенные, так чего ж ты ломаешься. Да, забыл сказать, что построек хороших, увы, не нашел. Собрал коллекцию допотопных долбленых чашек, так называемых «тюканных». Объехав с большим запозданием лес, сегодня прибыли в Онегу, где выпросили у соседей «баньку по белому», отмылись и сменили белье, в первый раз за 17 дней, так как для уменьшения багажа, кроме аппаратов и пластинок ничего не брали. Завтра отправляемся [Л. 90 (sic!)] вдоль Онеги и к 10 июля предполагаем быть в Архангельске, откуда до сих пор не получали почты. Олонецкую губ[ернию] придется оставить до следующего раза, что же касается Кемского уезда, то до сих пор колеблюсь, не зная, что предпочесть – Поморский берег или Пинежский уезд, о котором последнее время много слышал и который постепенно захватывает в свои руки торговлю края, наводняя губернию изделиями своих кустарей. Убеждаюсь в необходимости посетить Соловецкий монастырь, который оказывал влияние на весь берег, и теперешние деревни большею частью образовались из скитов и монастырей, разбросан[ных] по самым отдаленным частям губернии. Убивают расстояния и благоустройство дорог. Здесь необходимо собирать коллекции исключительно зимой. Приходится оставить непосещенными многие интересн[ые] пункты, т. к. к ним летом есть только пешеходн[ые] тропы длиною в 60–79 верст.

Вообще могу сказать, что мыс облизан, и хотя коллекция не велика по количеству предметов, но в ней есть немало таких, которых следующие поколения собирателей не найдут. «Звериный промысел», т. е. ловля белуги, нерпы, моржей, тюленей и проч., совсем не представлен, так как при ловле их употребляются теперь или ружья или весьма дорогие снасти. Пожалуйста, сообщите, следует ли приобрести станок для тканья «красны» [Л. 90 об. (sic!)] и «бало» или «лекало» для изготовления полозьев и дуг. Это вещь весьма громоздкая и весит не менее 15 пудов, но попадаются экземпляры весьма интересные по своей допотопности. Настроение бодрое. Снимков сделано порядочно. В церквях не нашли ничего, кроме бессмысленно испорченных ценностей. Злят только местные обитатели, запрашивая удивительные цены за совсем не удивительные вещи. Смотрели шугаи, костычи, шубейки, гарнитурники, кумачники, и проч., но здесь большей частью они уже перекроены на свой лад и потому потеряли всякую ценность, так что я их не брал. В Красной Горе А[натолий] Н[иколаевич Павлович] запечатлел трех девок в этих нарядах, так что в музее будут данные о том, как носят их теперь. Повязки как девичий головной убор употребляется теперь лишь во время гуляний по большим праздникам.

Газет не читаем и чувствуем себя превосходно. Когда в Онеге попала в руки газета, то не знали, с какого конца ее читать и предпочли отложить подальше. Шлю Вам наилучшие пожелания. Сердечно преданный, Костиков.

P.S. Анатолий Николаевич вспоминает поездку по Черниговской губернии и шлет искренний привет. Поклон всем музейцам.

3. VII. 1910

**[Л. 48] Предварительный отчет Л.В. Костикова о поездке
в Архангельскую губ. летом 1910 г. [З, л. 48–51 об.]**

[Л. 48 об.] Командированный в Архангельскую губернию для собирания этнографических предметов среди великорусов, я решил для пополнения уже имеющихся в Отделе коллекций посетить Летний берег Двинской губы, Поморье и, по возможности, поселения по реке Онеге. В своем плане поездки я руководствовался, главным образом, тем соображением, что в Архангельской губернии великорусское население распределилось крайне неравномерно: занявшись расчисткой лесов под пашню и рыбными морскими промыслами, оно колонизировало край вдоль главных речных путей и, стеснившись таким образом к берегам Двины и Онеги, рассеялось по побережью Белого моря; на окраинах же остались по преимуществу инородцы.

Кроме того, «Двина и Поморье, – говорил еще П.М. Строев, – суть земли классические для историка русского. Только там можно постигать вполне народный дух наших предков и физиогномию, естественную и государственную, древней России»².

Переехав на пароходе из Архангельска в Рикасиху, расположенную на левом берегу Северной Двины, я совместно с А.Н. Павловичем отправился на лошадях на западный (Летний) берег Двинской губы, посетив деревни Таборскую, Солзу, Нёнокский посад, Сюзьму, Красную Горку и Пертоминский монастырь. Несмотря на то, что в смысле удобств передвижения оставалось желать многого, маршрут этот явился, тем не менее, одним из наиболее любопытных по Архангельской губернии, главным образом с точки зрения интереса, который представляют посещаемые нами местности в историческом, бытовом и промышленном отношениях.

Дорога в этих местах идет то у самых заплесков моря, по песку, то по возвышающейся над морем тундре.

Из перечисленных выше пунктов наибольший [Л. 49] интерес представляет Нёнокский посад, это древнее Новгородское поселение, о котором еще в пятнадцатом веке упоминается как о «местах солеваренных», поселение, едва ли не во всей своей первобытной чистоте и неприкосновенности сохранившее свой исконный промысел добывания соли из соляных источников. Служащие местом выварки соли «варницы» (см. ф.)³, представляют собою сараи, в кото-

² [Из речи П. М. Строева в торжественном собрании Императорской Академии наук 29 декабря 1829 г. Цит. по: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 2. СПб., 1889. С. 369.]

³ [Здесь и далее автор так обозначил ссылки на фотографии, сделанные в экспедиции Павловичем.]

рых на крюках повешены железные четырехугольные сковороды (црены, чрены), вмазанные в печь с сильными поддувалами. Отверстие поддувал выходит в яму (колодезь), вырытую недалеко от сарая, причем выходных отверстий для дыма, кроме дверей, да еще полуразрушившихся крыш, не имеется. Рассол кипит в црене (см. ф.) в течение суток, а затем стынет и густеет, на что требуется не менее 12 часов. Жители посада участвуют в солеварении по душевым и наследственным паям, нанимая лишь двух работниц для накачивания рассола и двух – для носки дров, все же остальные работы по топке печей и собиранию соли выполняют сами, по очереди.

К числу приобретенных нами в этих местах вещей относятся модель сани для возки сена, служащие для перевозки сох сошны-саночки с самородными, а не искусственными копылами, предметы одежды, домашнего обихода и пр.

Переправившись на карбасе из Пертоминского монастыря через Унскую губу и пройдя пешком 20 верст по морскому берегу, заваленному плавником, т. е. прибитыми волнами моря бревнами и лесом, мы достигли погоста Яреньги.

Если в предыдущих селениях жители кроме земледелия, едва их прокармливающего, занимаются ловлей камбалы, сельдей, наваги и отчасти семги, то с Унской губы начинается преимущественно лов семги. Ловится семга неводами – «броднями», «поездами», ставными неводами – «тайниками», в рюжи, заборами, заколами и пр. промысел настолько распространен, что весь берег от Яреньги до Пурнемы [Л. 49 об.] усеян избушками – «семужьими», «тоньскими» (все курные) (см. ф.), расположенными одна от другой на расстоянии около версты, и в каждой из них помещается по 2-3 рыболова. В Лопшеньге, которую мы посетили вслед за Яреньгой, кроме того, занимаются еще и артельной ловлей «белух». Под этим названием известны здесь белого цвета дельфины. По ценности добываемого жира промысел этот является весьма выгодным, несмотря на то, что стоимость самой сети, служащей для ловли «белух», превышает 1000 руб.

Земледелием занимаются по всему Летнему берегу исключительно женщины; мужское население летом – на рыбных промыслах, а зимой охотится на «зверя» – бьет тюленя, морского зайца и нерпу. Благодаря тому, что рыбные промыслы этого берега находятся сравнительно не далеко от деревни, и поэтому есть возможность не порывать постоянной связи со своим домом, а при случае и навестить его, – в тоньских избушках в свободное от ловли рыбы время кипит работа по починке сапог, упряжи, домашней утвари и вообще всего того, что не трудно захватить с собой в лодку и при случае отправить таким же путем домой.

Упомянутые две деревни, равно как и следующие за ними Дураково, Летняя Золотица, Пушлахта, Лямицкая и Пурнема, в силу особенностей своего местоположения, во многих отношениях резко отличаются от находящихся ближе к культурным центрам деревень как Архангельского, так и Онежско-

го уездов. На севере у тоней Пертоминского монастыря они отрезаны Унской губой, вход в которую, образующийся Яренским Рогом и Красногорским, является крайне трудным и опасным, вследствие того, что от обоих мысов идут в море, верст на семь, отмели, усеянные камнями. В этом месте едва не погиб в 1694 г. Петр Великий. [Л. 50] На юге же Пурнема отделена от следующей деревни – Нижмозера – дорогой, по которой можно только пройти или проехать верхом. Такая отрезанность летом этих отделенных с одной стороны морем и с другой – непроходимыми болотами деревень от всей остальной губернии и друг от друга, до сего времени не вызвала у местного населения потребности в телеге, и лишь в Яренье нам пришлось встретить «земскую» двуколку, да в Пурнеме несколько первобытных, как их здесь называют «телёг», «одноколок» с дощатыми колесами, вращающимися вместе с осью, считая эти два колеса за одно. В тех случаях, когда не представляется возможным собственными силами поднять и дотащить до берега реки, озера или моря какую-либо тяжелую вещь, для отправки ее на карбасе, она остается лежать до санного пути. Кстати сказать, лошади здесь, после обряда принятия их в ведение пастуха, отпускаются на волю и пасутся в продолжение всего лета по всему полуострову, сплошь и рядом за 20–30 [верст] от деревни. Только в некоторых местах, и то не всем хозяевам, пастух должен в продолжение лета два раза пригнать лошадь для обработки поля.

В силу тех же жизненных условий, очевидно, место это является единственным из посещенных нами на севере, где женщина находится в забитом и порабощенном состоянии. В таких пунктах, как Яренья весной, когда скот слишком ослаблен длительной зимней голодовкой, женщины иногда пользуются для обработки земли. Одна из таких сцен, когда старик опахивает картофель, впрягши «жёнку», как здесь называют женщин, в соху, запечатлена нами на фотографическом снимке.

Только в этих деревнях мы встречали еще «своедельную», довольно грубо сделанную, домашнюю деревянную посуду, только здесь в каждой избе можно встретить кросну и только здесь еще носят одежду своего тканья.

[Л. 50 об.] Кроме долбленных деревянных чашек, тарелок и проч., предметов домашнего обихода в этих местах приобретены сохи архангельского и онежского типа, бороны и другие орудия обработки земли и собрана коллекция рыболовных принадлежностей, а в Пурнеме – сохранившиеся там до сих пор головные уборы с копытцами и самшурками и все принадлежности лова наваги удочками, т[ак] как это единственное место, где навага ловится удочками даже без крючков. Кроме того, на Летнем берегу собрана коллекция резных деревянных кукол «панок», «барок» и коников. Таких деревянных игрушек в других местах встречать не приходилось, и можно предположить, что они тоже являются одной из особенностей этого берега.

Из Пурнемы, везя вещи на волокуше, мы отправились в Нижмозеро, а оттуда в Унский и Лудский посады, где приобретены мужской и женский костюмы, головные уборы, некоторые отдельные части одежды и закончена коллекция

детских деревянных игрушек. В Луде эти последние отличаются тем, что все почти вырезаны из суковатых, неправильно развившихся кусков дерева, причем кукол старались делать с ногами, но не вырезывая их искусственно, а подгоняя при резьбе разветвления веток к фигуре туловища.

Из Луды через Нижмозеро, Кянду, Тамицу и Покровское прибыли в Онегу, а оттуда через Порожское направились в Кокоринскую волость к верховьям реки Вонгуды, где крестьяне зимою занимаются гончарным промыслом. Собрав здесь коллекцию гончарных изделий, равно как и инструментов обработки глины, направились через Чекуево к верховьям реки Мудьюги со специальной целью осмотреть и сфотографировать вторую встретившуюся на нашем пути курную избу, которая, как оказалось, была построена в 1765 году. [Л. 51] Из с. Митенского чрез с. Ряхновское, Прилуцкое и д. Падорины, где было обращено внимание на собиране как набойных досок, так и принадлежностей некогда процветавшего здесь набойного ремесла, снабжавшего набойками Кемский, Онежский и часть Архангельского уездов, мы подъехали к ж. д. станции Плесецкой, а оттуда – снова в Архангельск.

Из Архангельска на пароходе отправились в Кемь; затем, желая убедиться в том, что, действительно, Кемью кончается богатое Поморье и она, таким образом, является не только экономическим, но и бытовым рубежом, посетили Подужемье. Здесь приобретены сани с одной парой копыльев – «реки», карельская соха и пр.

Вернувшись в Кемь, мы проехали вдоль всего Поморья до Онеги, посетив Сороку, Сухонаволоцкую, Вирму, Сумской посад, Колежму, Нюхчу, Кумерецкую и Ворзогоры. В этих местах все мужское население летом уходит на мурманские промыслы, так как во всех селениях от Кеми до Нюхчи занимаются исключительно рыбными промыслами, причем летом промышляют на Мурманском берегу, а осенью и зимой ловят сельдей в Сорокской губе. Эта часть Поморья наиболее зажиточная и, в противоположность Летнему берегу, женщины здесь находятся в почете и занимаются исключительно домашним хозяйством. На юге от Нюхчи население помимо рыбных промыслов занимается также и хлебопашеством.

Из Поморья привезены предметы домашнего обихода, образцы старинных и современных вышивок, пяла с начатыми узорами повойника и полотенца (образцы шиться золотом и «визблениа»), женская одежда и пр. [Л. 51 об.] Из Сумского посада, кроме того, нами была предпринята особая поездка к границе Архангельской губернии в Лапино, Сумостровское и Ендюгубу (Жондагубу), находящиеся на озере Сумозеро – место поселения «скрытников» и лиц, уклоняющихся от воинской повинности. В этих местах немаловажным подспорьем для хозяйства служит кроме земледелия и рыболовства, охота за рябчиками куропатками и <нрзб>. Отсюда привезены «полицы» для вязания сетей – полный набор «сижовка» – удочка для ловли щук зимою на живцов, принадлежности бондарного ремесла, домашняя посуда, костяные пуговицы (мезенские) с ртутью, надеваемые на грудных детей «для здоровья» и пр.

Из Онеги мы вернулись в [Санкт-Петербург] чрез д. Порой, Корельскую, Чекуевскую, Чуновскую, Озерковскую и ст. Обозерскую. Из собранных здесь вещей укажем на «вьюницу» для ловли миног и принадлежности лучения рыбы – «козу» и острогу.

Кроме собранных предметов, число которых превысило 568, везде были сняты фотографии числом свыше 300.

Приложение 3

Свящ[енник] И.Н. Чирков Лудский посад Архангельской губернии. Этнографический очерк [5, л. 1–33]

[Л. 1] 1. Поселение, постройки, жилище и его принадлежности

Лудский посад расположен в северо-западной части Архангельского уезда, по «Летнему берегу», при слиянии речек Уны (протяжение – 30 верст) и Луды (протяжение ее 15 верст) и впадении их в Унскую губу Белого моря. Унская губа лежит в 35 милях (к N-W) от Никольского устья реки Северной Двины. Губа состоит из ковша длиною по параллели около 14 миль, шириной по меридиану 2 до 6 миль; с южной стороны ковша вдается (к S-W) узкий рукав длиною до 7 миль. На юго-восточном берегу от этого рукава губы и находится посад Луда.

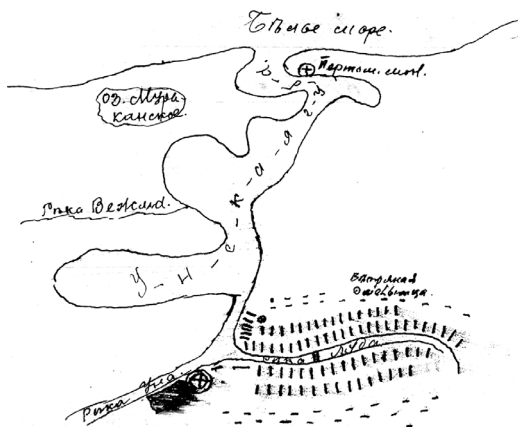

Рис. 1. План Унской губы и Лудского посада

[Л. 1 об.] Расположен посад главным образом на реке Луде, по обоим берегам ее и частью на «Устье»; дома тянутся в два ряда на целую версту. По реке Уне расположена приходская церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, два причтовых дома и кладбище. Поселение, а вместе с ним и церковь, существуют с давних времен, но настоящая церковь построена в 1862 году, когда открыт в посаде и самостоятельный приход. Церковь достаточно благоустроена на средства

Пертоминского монастыря в бытность настоятелем архимандрита Аполлоса (1898–1909 гг.). При церкви имеется одноклассная церковно-приходская школа,

открытая в 1897 году, и в ней учащих в 1911–12 учебном году: 23 мальчика и 9 девочек; школа помещается в наемном помещении, весьма неудобном, стоит на самой низкой степени развития и делу просвещения приносит весьма сомнительную пользу.

Рис. 2. Церковь Рождества Пресвятой Богородицы в посаде Луда

[Л. 2] 2) В посаде 120 домов и в нем жителей мужского пола 334 и женского пола 342, а обоего пола 676 человек. Местный старожил мещанин Михаил Семенов Коковин, родившийся в 1815 году, помнит хорошо, что около 1825 года в Лудском посаде было только 25 домов.

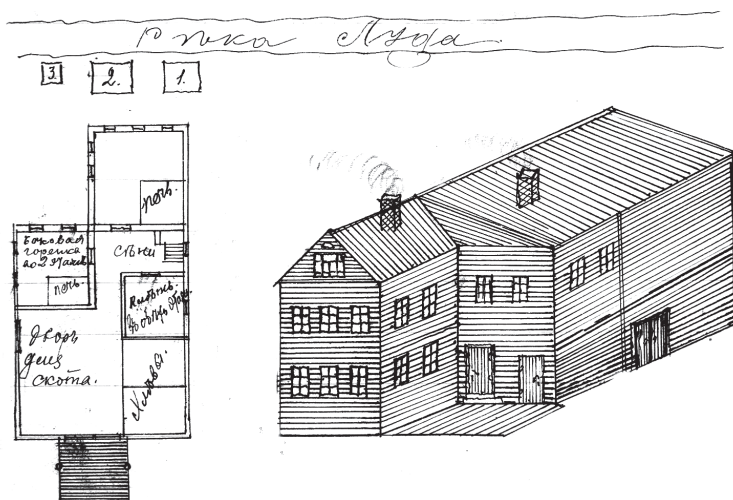

Рис. 3. Планы и рисунки дворов: а) зажиточного хозяина. На берегу реки: 1 и 2 – амбары, 3 – баня.

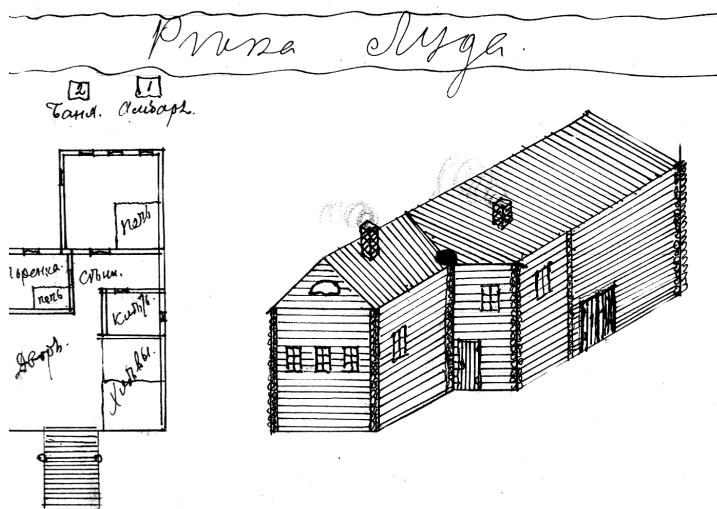

Рис. 4. [Л. 2 об.] б) бедного хозяина.
На берегу реки: 1 – амбары, 2 – баня

Жилища устраиваются лицом к реке и отличаются лишь тем, что у более зажиточных дом, а также и все пристройки больше размерами, но почти всегда одного типа. При постройке наблюдают, чтобы с северной и северо-восточной стороны не было совсем окон или по возможности меньше, боясь холодных морских ветров. Лес для жилищных построек употребляют почти всегда сосновый и стараются рубить его по молодую т. е. при нарождении луны, а не при ущербе, так [Л. 3] как, по их мнению, лес, рубленный по рождению месяца (луны), будет крепче и не будет потеть, т. е. давать сырости. Между тем сырость происходит, по нашему мнению, в избах не от времени рубки леса, а от промокаемости его; весной лес плавят по губе в морском рассоле и оставляют на воде до выкатки на неделю или даже до месяца; затем сырость является от дурного устройства и кладки печей, оконных рам и рубки стен, а также грязного содержания изб и хранения в избытке воды (в бочках и ушатах) в комнатах. Рубку столы (стен) начинают весной (так как тогда день дольше) или через подрядчика или чаще всего подельщиками-соседями. В начале, как водится, делают окладное, которое заключается в положении первого ряда стен на вкопанные в землю брусья (стамики) или же на камни – вместо фундамента. Между тем вся суть «окладного» заключается в выпивке четверти, а у более зажиточных и полведра водки, и весь остаток этого дня проводят в пьянстве, со [Л. 3 об.] следующего же дня и начинается уже правильная рубка. Люди старых воззрений и теперь еще рубят дома в круглый угол, по-старинному, молодое же поколение начинают рубить дома в чистый угол (в лапу). Последние стали у бревен

снимать четверти, т. е. опиливать лес с двух сторон, что способствует и чистоте отделки и экономии лесных материалов – снятые горбы идут на поделки и в нащельницы для крыши. Внутренняя сторона опиленного бревна, вместе с тем, и стружится и, таким образом, бревно кладется в стену уже совершенно готовым. Плотники профессионалы (приходящие из Олонецкой губернии) стараются приделать дерево к дереву плотно, доморощенные же рубщики за приделкой сильно не гонятся, а стараются положить побольше мху, чем не всегда достигают цели; мох ветром выдувает, и в больших щелях не держится. На последний ряд стен кладут стропила со связями для крыши; стен капитальных (рубленых) до князька (охлупня) не стали уже выводить [Л. 4], а крышу основывают на балках, наклонно поставленных друг к другу на стены и связанных верхними концами в замок. Балки скрепляются связями и их обрешетивают, т. е. кладут на них продольные легкие сляги, на которые уже и выстилают крышу из досок. Доски на крыше в последнее время стали прикреплять гвоздями, прикрепляя в трех местах по два гвоздя в каждую верхнюю доску; передок подшивают досками иногда с вырезкой, оставляя отверстие для окна на чердак. С поднятием на стропилах верхней балки справляется «князевое» – опять водка... Люди старого закала и теперь еще устраивают крышу по-прежнему – в пото́ка. В предпоследнем ряду стены вырубают гнезда для «куриц». Курицы – это еловые жерди длиной 2 сажени и толщиной в трубе 2 вершка, комель у них корневой – крюком. Эти курицы вставляют в гнезда, выпуская за стену около аршина; на крюки куриц кладут потоки, выдолбленные из дерева, и в потоки кладут доски в два ряда, [Л. 4 об.] а другие концы закрывают охлупнем (князьком). При рубке стен употребляют инструменты: топор, пилу и бурав (напарья). Бревна с земли на высоту поднимают веревками по слягам; от нужды таким способом два работника могут поднять какое угодно дерево на желаемую высоту. Если дом двухэтажный, то окна нижнего этажа назначают на шестом или седьмом ряду и второго этажа – на восемнадцатом–двадцатом ряду; соразмерно этому кладут балки для полов и потолков, причем высоту комнат нижнего этажа устраивают от 3 до 3 ¼ аршин и верхнего – от 3 до 3 ½ аршин. Кряду после «князевого» покрывают крышу, доски употребляют не всегда строганные, но непременно дороженные, т. е. на полвершка от кромок делают специальными стружками полуовальные углубления (дорожки) в полвершка шириной и в четверть вершка вглубь, для правильного стока воды. На верхний конец досок или поваливают охлупень или с обеих сторон зашивают досками, кладя их одна на другую. Когда крыша готова, начинают [Л. 5] отделку комнат: набирают полы, потолки и отделяют окна – вставляют косяки и рамы. Если дом одноэтажный, то окна вынимают выше, в девятом или десятом ряду, и комнаты тогда устраиваются повыше – до 3 ½ аршин. Почти всегда при устройстве полов делают черный пол, который имеет грубую приделку, чтобы не высыпалась земля, которая наваливается на него вершка в два толщиною. У одноэтажных домов делается ход под пол (подпольё), куда складывают на зиму картофель. Лето и зиму проживают в одних и тех же избах; в двухэтажных домах верхняя изба служит чистой,

праздничной комнатой, но отличается от нижней лишь разве тем, что меньше завалена разным хламом. Как и внизу – та же русская печь, те же лавки по стенам незатейливого устройства. Для той же цели служат и устраиваемые почти в каждом доме горенки (надворотни); русские печи необходимы людям для сушки наваг, вылавливаемых в губе осенью и весной. [Л. 5 об.] Окна делаются малого размера, не более пяти четвертей высоты и трех – ширины, в большинстве же – аршинные и ширины 10 вершков, всегда с двойными рамами простой работы. Потолок и стены выше окон отбеливают мелом, лишь только в двух избах штукатурены.

Печь занимает четверть всей избы, устраивается из необожженного кирпича своей работы, а [в] незажиточных хозяйствах печи бьют из глины, прибавляя камень; такие печи несравненно лучше кирпичных: жарче и прочнее. Шосток (у устья печи) большой, так как на нем устраивается горнушка и в верх вколачиваются, при кладке или битье печи, железные крючья для подвески котелков при варке свежей рыбы. Печи белят или белой глиной (по местному – гни́ла) или мелом, украшений не имеют, топятся дровами и огонь добывают шведскими, реже – серными, спичками. Двери из сеней в избу просто плотничной [Л. 6] работы, навешиваются на железных крюках, отворяются на одну сторону, в сени, окрашиваются краской ярких цветов.

Нежилые помещения имеются в каждом доме: клеть и кладовые; в бедном – их по одной, а в зажиточных – по две и более.

6) Снаружи жилища ничем не украшаются, правда, есть три дома, обшиты досками и крашены: два – белилами с синькой и один – охрой.

7) Внутренность избы: в большом углу (противоположном печи) – божница и на ней закоптелые иконы и медные складни; иногда складни врезаны в дерево и по несколько в одну, в виде киота. Перед иконами – лампадка, в которой в праздничные дни теплят гарное масло. По бокам божницы, а иногда и на божнице – картинки духовного и светского характера, прибитые без разбора: песня с плясовой картиной – на божнице, а изображения святых угодников – вдали от нее.

У дверей в углу – кровать, или примост, и на ней – все постели и верхняя одежда семьи лежат в [Л. 6 об.] беспорядке. Угол против печи и запечье, где есть, заняты полками с посудой и крынками с молоком; у угла печи – бочка или ушат с водой. От печи по задней стене – полати и также завалены разной рухлядью. На полу по стенам – деревянные лавки и по передней стене среди избы – деревянный стол, покрываемый лишь во время еды. Скамьи и табуреты, а в двух-трех домах и стулья, простой грубой работы, редко крашеные. Зыбка (люлька) простой же работы подвешивается на очепу (жерди), и дуги ее завешаны старым, грязным сарафаном. Пол моется редко, два-три раза в год; покрывается после мытья подстилами (половиками) или же старыми сетями. Старая сетка висит также и у печного столба – для вытирания рук вместо полотенца.

8) Домашняя утварь: бочки, ушаты, ведра, а также и разная посуда приобретается покупкой в городе Архангельске. Вилки для еды имеются в трех домах и

приобретены сравнительно недавно, 2-3 года [Л. 7] назад; рыбу жареную, вареную и в пироге едят пальцами. Украшений посуды, резьбы и росписи местного производства нет.

9) Освещается изба керосиновыми лампами, хотя изредка можно встретить и светец (светильно) с лучиной и масленку. Лампы в большинстве висячие, калибр небольшой: 5, 7 и редко 10 линий. Лучину употребляют и сосновую, и березовую.

10) Хозяйственные постройки простой конструкции. Баня: квадратный, в полторы сажени, сруб, крытый на один скат, а есть бани и без крыши, лишь на потолок навалили дерну (земли). Внутренность бани: простой полок с одной ступенью на $\frac{3}{4}$ аршина вышины от пола, и от полка в другом углу – каменка. Вода в таких банях нагревается в ушатах горячим камнем. Дым идет через отверстие в стене, называемое «дымник».

Рис. 5. Баня снаружи и внутри

[Л. 7 об.] Гумна в посаде своеобразного устройства. Амбар с полом и потолком в две сажени в квадрате, и в углу выложена каменка, реже – печка, которые отапливаются дровами. Это – овин. Три четверти овина занимают разборные полаты, на которые насаживается рожь или ячмень. Топят каменку целый день и лишь на другой день молотят цепами (приузами). Рядом с овином пристраиваются гумна – крытый амбар с полом и крышей, без потолка.

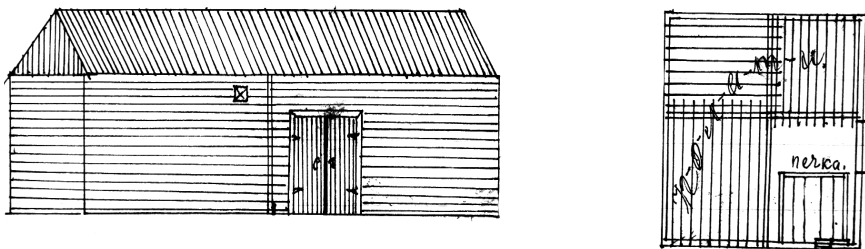

Рис. 6. Овин с гумном. План овина

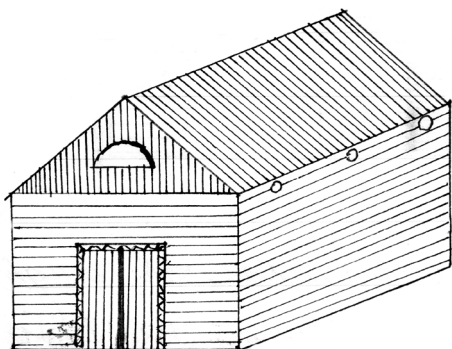

Рис. 7. Амбар

Амбары устраиваются перед домом на берегу реки, хотя бы это касалось домов и заднего (второго) ряда. Обычный тип амбара – четыре стены; или из целых нетолстых бревен или распиленных пополам, вышиной $2\frac{1}{2}$ – 3 аршина и с [Л. 8] крышей на два ската. Пол – на первом ряду у самой земли. На последний или предпоследний ряд кладут перекладины для устройства полатей, куда складывают на зиму и лето сетки: невода и рюжи (мережи). Величина

амбара и количество их зависят от зажиточности хозяина – от 1 до 3 сажень в квадрате.

Поветь устраивается над скотским двором и на нее ведут с улицы, сзади или сбоку, створные (на две половины) ворота и взвоз – из тонких бревен, длиной около пяти аршин, основанный на четырех толстых стойках, врытых в землю. Из сеней на поветь устраивают лесенку для подъема и во двор – такую же [Л. 8 об.] лесенку для спуска, смотря по тому, насколько поветь выше, а двор ниже сеней.

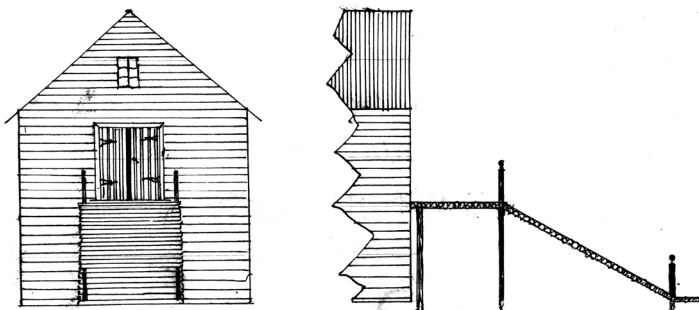

Рис. 8. Ворота повети и взвоз (вид прямо и сбоку)

Для лошадей устраивают отдельные конюшни с сеновалом наверху, но в большинстве лошади помещаются во дворах, а сено – на повети. Стойла во дворах не делают, а обгораживают помещение изгородью из досок или жердья. По всему посаду перед домами тротуары из двух-трех плах. Снаружи дома ни забором, ни изгородью не обнесены, нет и плетей или частоколов. Изгороди на огородах и полях устраивают двойной системы: косые и [Л. 9] прямые, с еловыми и, реже, ивовыми перевичками (перевязи, скрепы – из прутьев). Ростычи между кольями от 2 до $2\frac{1}{2}$ аршин и высота изгороди от $\frac{1}{2}$ до 2 аршин.

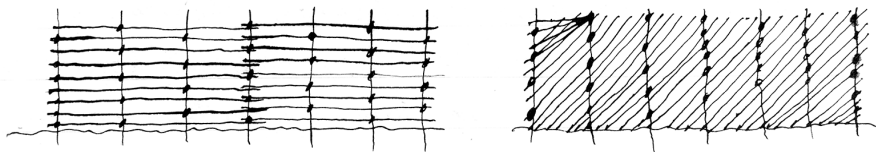

Рис. 9. Формы изгороди: а) прямая; б) косая

II. Одежда и украшения

1) Одежда детская.

Новорожденного ребенка одевают в рубашку, сшитую из старой рубашки или сарафана, но непременно белую и фабричного производства. Запеленывают в постилаху, без свивальника и весьма недолгое время после родов, отчего ноги ребятишек всегда неправильны. В одних коротких рубашках ребятишки, будь то мальчик или девочка, ходят до семилетнего возраста, после чего мальчику прибавляют [Л. 9 об.] штанишки домашнего холста, а девочке – сарафан из цветного, чаще красного, ситцу. Девочки с шести лет на головах носят платки, всегда красные, а мальчики – шапки или фуражки. Для мальчиков тех же лет шьют сапоги из кожи своей выделки, весьма грубой, а девочкам – ступни. Верхней одеждой для детей служат: для девочек – кофточки на вате, перешитые из старья, а для мальчиков – такие же или из сукна домашней работы пиджачки до колен.

2) Одежда мужская.

Рубахи шьют из своей ткани, иногда и ситцевые, а порты из холста или своей выработки или купленного. Ворот рубахи делается на левом боку, а у праздничных – прямой спереди. По рубахе праздничной молодые парни и мужчины носят лакированный ремень, а по будничной – пояс шерстяной или бумажный, своей работы или купленный. Цвет поясов преобладает [Л. 10] красный и непременно с кистями. Рубаху, за редким исключением, носят навывпуск.

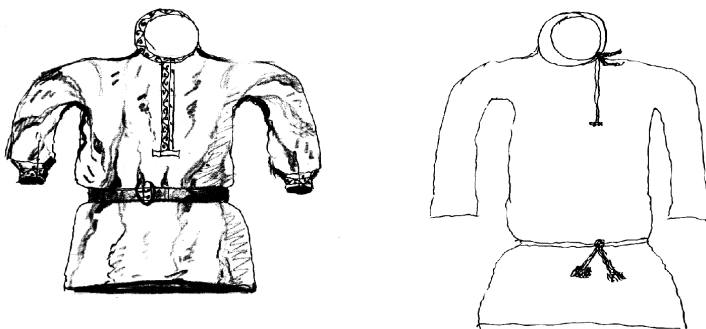

Рис. 10. а) праздничная рубаха; б) ежедневная рубаха

Головным убором служит у мужчин летом фуражка, редко – шляпа, а зимой – шапка дешевого торгового производства. Порты (кальсоны) шьют из холста или домашней выработки или покупного, самого простого покроя. Застегиваются они пуговицами, а у старичков еще завязываются гасником (плетеный бумажный шнур), вдеваемым в опушку портов. Поверх одевают штаны или брюки, первые – [Л. 10 об.] домашнего сукна и работы, а вторые – торговые. Жилеты носят городского покроя, при праздничном костюме. Старички одевают всегда, за исключением жаркого летнего времени, шерстяные рубахи грубой домашней работы, очень теплые. Поверх одевают пиджаки или армяки домашнего серого сукна, а в праздники – пиджаки городского покроя и поверх – такой же на вате (местное название ватного пиджака – «вежерка»). На ноги – носки, чулки и онучи (портянки). Первые – шерстяные своей работы, а портянки или суконные или холщовые.

В холодное время одевают на голову шапку, на шею – шарф (сетка), а на плечи – шубу и поверх ее еще кафтан; на ноги – бахилы или валенки; в праздники – сапоги городской работы, а молодежь и камаша с галошами. Шапки имеются плюшевые, простые драповые и норвежские с отлобом и завязками на время морозов и пурги (погоды). Изредка можно встретить и шляпу, купленную в Архангельске [Л. 11] на толкучке, подержанную.

3) Одежда женская.

Женщины на головы одевают платки, в большинстве красные, так называемые «датские», преимущественно ярких и крупных рисунков; под платком – повойник, а девицы – отдирки (половина шелкового платка разрезаемого с угла на угол и завязываемая концами, вроде косынки). В праздничные дни в церковь и на гулянье (на-луг) девицы надевают повязки парчовые, вышитые и усаженные бисером, а нередко и жемчугом. При ношении повязок одевают заборочник на шею, усаживаемый также и бисером и жемчугом и иногда стеклянными вставками в виде камней (в оправе); он одевается на груди, под подбородок и завязывается кругом шеи бумажными или шелковыми ленточками. Прическу волос делают на два пробора (по середине) и волосы заплетают в косу, в концы которой [Л. 11 об.] вплетают бумажную или шелковую ленточку, к концу ее привязывают шелковую ленту и иногда две и три. Повязки и заборочники одевают только девушки.

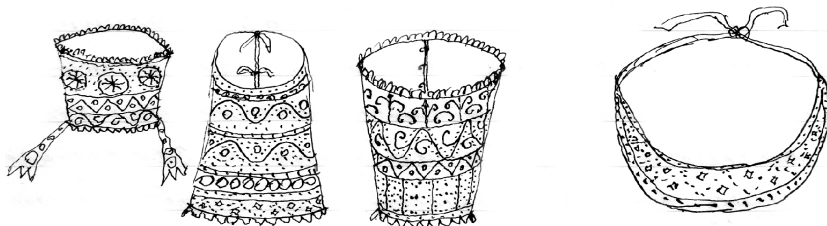

Рис. 11. Формы повязок и заборочник

Повязка укрепляется на голове назади крючками, а заборочник – ленточками. В посаде есть две-три повязки и заборочники, стоящие свыше 25 рублей. Вышина повязок различна: от трех до восьми вершков.

Замужние женщины носят на голове под платком повойник, в праздник – парчовый, перевязывают его косынкой. Платки в праздник употребляют шелковые и шерстяные, а пожилые женщины и старушки – лишь [Л. 12] повойник и поперх – платок. Косметические средства не употребляют. В уши вдевают серебряные или медные серьги (обода) больших размеров со стеклянными подвесками, а иногда и жемчужные. На шею поперх всего (под платок) одевают янтарные ожерелья (по местному – «спёрла»); некоторые одевают их по несколько и разных цветов.

Рубахи шьют простые, длинные, с такими же широкими рукавами. Вышивок и других украшений на них нет. Поверх рубах одевают сарафан на лямках и передник. Сарафаны шьют цветные, любимый цвет – красный, с разноцветными крупными цветами. В праздник девицы и молодые женщины одевают «штофники» и наверх – «полушубочек» из парчи или цветной штоф и непременно обшитый галунами, иногда довольно широкими. Подол «штофника» также обшивают галунами ряда в два, в три. Спереди у «штофника» разрез также обшивается по обе стороны галуном. [Л. 12 об.] «Полушубочек» имеет форму колокола с рукавами и застегивается наперед на пуговицы, чаще – серебряные.

Старушки носят костычи – тот же сарафан, только уже сшитый; оплечья, разрез наперед и подол обшивается различными вышивками, а иногда и галуном. Костычи шьют из темно-синей (кубовой) материи или домотканой или же покупной (называют «жанка»), изредка шьют костычи и из штофи. Зимой в праздники, а также и при венчаниях, поперх всего одевают «шубку», не что иное, как ватная поддевка до колен и с борами. Шубка шьется из темного покупного сукна. На ноги одевают шерстяные синие чулки и ступни домашней работы. Стали появляться и башмаки с галошами, толь-

Рис. 12. Лудянка
в праздничном наряде

ко еще очень редко. В будние дни на ногах девушек и женщин также ступни и бахилы (сапоги) домашней работы. В зимнее время пожилые старушки носят на голове поверх [Л. 13] платка «чабак» (род чепчика) из шкуры зверя внутри и суконный снаружи, завязывается под подбородком особыми ленточками, а на руки одевают поверх шерстяных рукавиц «камоцници» – большие шубные рукавицы.

III. Техника в народном быту

1) Обработка дерева.

Жители посада занимаются обработкой дерева в самом ограниченном размере, поскольку она [Л. 13 об.] необходима в домашнем хозяйстве. На поделки идут: сосна, ель, береза, осина и другие лиственные породы. При рубке леса в употреблении следующий оригинальный и точный способ узнавания вышины и толщины дерева в отрубе на корню. Берут сажень и отмеривают в сторону число сажен, какой длины требуется дерево, затем откидывают назад одну сажень и втыкают сажень в землю (или снег). Мерщик ложится на землю лицом к дереву так, чтобы затылок касался отмеренной черты и смотрит на дерево через сажень. Такой способ меры употребляют при рубке как своего, так равно и заготовочного (купеческого) леса. Лес на постройки рубят осенью и зимой, приравнивая рубку к тому времени, когда месяц (луна) нарождается; на ущерб рубку собственного леса избегают, объясняя тем, что лес, рубленный при рождении месяца, будет более прочен и не будет отпачивать. Вырубленный лес редко возят домой [Л. 14] гужом (на лошадях), в большинстве же плавят весной по речкам и губе. Дрова для отопления жилищ заготавливают также водой, в ведилах. Веди́ла – это четыре плота из блинных бревен, в три бревна ширины; эти плоты скрепляются на углах веревками или медным прутьем и в середину кидают поленья дров, в таких ведилах плавят до 20 сажен дров. Случается, что при сплаве дров Унской губой сильной погодой (волнением) ведила разбивает и тогда дрова разносит по побережью, и большая часть их пропадает.

Из бересты (березовая кора) два старика плетут лапти, сеяльницы, корзина и другие немудрые изделия домашнего обихода. Лапти употребляют женщинами при обряде со скотом во дворе и хлеве.

Из ели делается громадное количество обручей к рюжам (мережам) и кренков (короткие, легкие дровни) для возки навоза и хлеба с полей летом и осенью. Хороших мастеров по [Л. 14 об.] обработке дерева в посаде нет, и приходится пользоваться услугами посторонних пришлых плотников и столяров.

2) Обработка кожи.

Для своего потребления лудяне вырабатывают кожи сами. Первоначально мочат кожи (сырые) в губе, привязывая ее к колу, распяливают лучинами – в низ

шерстью; наносимый наверх ил смахивают метелкой. В теплое время (летом) шерсть отопревает в неделю, а в более холодное (весной и осенью) – в две. Когда шерсть отопреет, кожу приносят домой, натирают дубом (березовой корой – без скалы) и опускают в чан, пересыпая в изобилии тем же дубом, нальют воды, прибавляя немного ржаной муки и перемешивают. Дуб сменяют через неделю, снова кожу натирают сухим дубом. Узнают проделку кожи, смотря на солнце, если не просвечивает нигде, то кожа готова, если просвечивает – снова кладут в чан. Кожа вырабатывается таким способом [Л. 15] коровья и конская; имеет некрасивый грубый вид, но хорошо противостоит воде – в бахилах лудяне весь день бродят в воде и они лишь отпотеют, чулок же и онучи не промокают, если, конечно, бахилы не имеют дыр.

3) Обработка металлов.

Местный кузнец «Бадяга» может только подковать лошадь и то лишь при готовых (заводских) подковах и гвоздях; у него имеется шутовая кузница: простой сарай, в нем на примосте – горно, незатейливый мех и наковальня. У кузницы четыре столба, скрепленных с боков досками, для ввода буйных лошадей при ковке их. Выполнить простую железную вещь для хозяйственного обихода лудскому кузнецу представит большое затруднение, она будет недешево стоить и скверно выполнена.

4) Обработка глины и других минералов.

Из глины, которой в посаде большое изобилие [Л. 15 об.] изготовляют только кирпичи, которые и не обжигают, а сырыми употребляют в дело для кладки печей. Приходящий из Олонецкой губернии мастер Никита, вырабатывая по заказу жителей кирпич, обжигает, устраивая для этого самодельную временную печь из такого же сырого кирпича. Такие кирпичи выходят из обжигу маленькой формы и весу не более семи фунтов, плохого качества. Кирпичник берет за такой кирпич 9-10 рублей за тысячу. Кирпич идет только для кладки печей и труб, но [они], выложенные из кирпича плохого качества, скоро разваливаются. В большом употреблении битые из глины печи и лишь обкладываемые кирпичом. Для этого берется «творило» (форма печи – деревянная), которое и обивается деревянными молотами (киями) мятой глиной. Удачно сбитая из глины печь служит век избы, дает много тепла и мало сырости.

Обсуждая обработку минеральных веществ, [Л. 16] нельзя обойти молчанием весьма еще недавний соляной промысел. В Лудском посаде двадцать лет назад было пять соляных варниц, все население посада было занято солеварением и рубкой и возкой дров для топки котлов при варке соли. Сохранились и следы солеварения, «прежнего величия остатки», солеварни, заброшенные и запущенные. Колодцы загрязнены и соляные источники (ключи) завалены мусором. Грустно смотреть картину запущенности и халатности к богатствам, которые дает нам природа, и ценить которых мы не умеем. Причина заброшенности соляного промысла главным образом – лень жителей рубки и заготовки дров, которых требовалось до 20 сажень

сутки. По объяснению старожилов, соль получалась прекрасного качества и вполне оправдывала затраченный труд. По моему мнению, в поморских селах, изобилующих прекрасными соляными источниками, предстоит еще светлое будущее, когда [Л. 16 об.] культурные завоеватели применят силы природы к действиям рычагов машин вместо отживших допотопных способов двигателей труда и промышленности.

5) Обработка волокнистых веществ и шерсти.

Шерсть, снимаемую с овец (руно), чешут покупными щетками; в две деревянные ручки с расширением до трех вершков в оконечности вплетается проволока, и концы проволоки обеих щеток расчесывают шерсть скоро и хорошо. Чесанную шерсть прядут на самопрялках и вяжут чулки, носки и рукавицы, а также ткют домашние сукна.

Лен и коноплю не сеют, а покупают в городе Архангельске привозные. Много конопли идет на рыболовные сети. Конопля покупается трепаная; лудянки ее чешут щетками из гвоздей и после их «дранкой» (щети устраиваются из щетины и заливаются в ручку пеком). Прядут и скут пряжу на самопрялках, [Л. 17] купленных в городе Архангельске и стоящих от 3 до 5 рублей.

8) Способы передвижения и их обстановка.

Упряжные животные – лошади. Запрягают в сани и дровни (креньки). На лошадь одевается сбруя: узда, хомут со шлеей и селетка. Гужами хомута дуга прикрепляется к оглоблям. Сани простого устройства, без задков, для сидения неудобны, но просторны, длина их от 2 ½ до 3 аршин. Нарты употребляются редко, для завоза хлеба и доставки добычи домой.

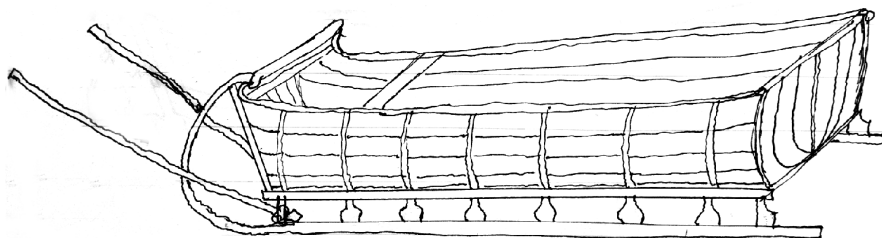

Рис. 13. Сани

[Л. 17 об.] Езда на санях производится только зимой, летом сообщение на креньках (дровнях) происходит только на поля. До Архангельско-Онежского тракта только четыре версты, но на лошади из Луды попасть невозможно. Мало-мальски сносной дороги до Унского посада нет. Главное сообщение в летнее время производится на лодках; без лодки лудянину дня не прожить: езда на губу, на пожни и даже на поля. Лодки устраиваются своими руками и весьма грубы в отделке и тяжелы на ходу.

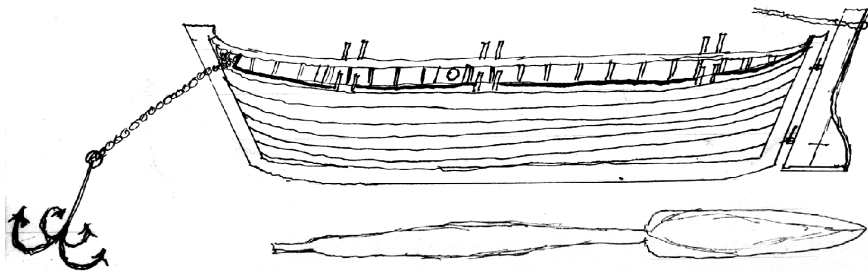

Рис. 14. а) форма лодки; б) весло для лодки

[Л. 18] Лодки устраиваются из еловых досок, и к каждой имеется три пары весел еловых же, мачта, парус и дрек (якорь) на цепи или канате. Мачта для паруса устанавливается в устроенное для этого отверстие на связи посреде лодки, а у больших лодок ставятся мачты для парусов (только меньшего размера) и на носу и корме лодки. Дрек (якорь, по-местному: «кошка») трех или четырехлапный, размером и тяжестью соразмерно лодок от 10 до 30 фунтов. Весла вкладываются при гребле в две уключины, укрепленные в борта, в расстоянии друг от друга $2\frac{1}{2}$ – 4 вершков. Лодка ежегодно смолится как с внутренней, так равно и с наружной стороны.

У. Пища и напитки

1) Пища сырая.

Дикорастущие растения употребляются в пищу: щавель (кислица) листья и вырастающие из него пучки, свиной (корешки-луковки, поедаемые [Л. 18 об.] весной после схода снега), борщ (пучки) и дедюльки (пучки); все эти снеди истребляются детьми в свежем виде. Из ягод употребляют в пищу: морошку, клюкву (жаравица), бруснику, вороницу (сциха, или черные ягоды), чернику (голубель, голубица), малину, смородину, костянику, землянику, полянику (кнежанка), рябину и кислицу (красная смородина); из них: малину и чернику сушат, а остальные ягоды едят сырыми, прибавляя к воронице патоку для сладости. Вместо чая употребляют: богородскую траву, брусничный лист, перечную мяту (покупают в лавках), морошечный кожух (кукольки), ромашку (бабочки) и сушеную малину. Из огородных овощей едят в сыром виде: картофель, репу, брюкву, редьку, морковь, лук, причем брюкву, морковь и лук покупают в городе Архангельске, так как сами не разводят. Мясо в пищу употребляется редко, в сыром же виде никогда не употребляется. Рыбу в сыром виде употребляют соленую: [Л. 19] кумжу (форель), треску, пикшуй, сельди, налимов, а также и икру – от кумжи, сигов и налимов. Свежая рыба в сыром виде в пищу не употребляется. Кровь лося и оленя (теплую) пьют при лечении болезней, главным же

образом цинги, которая весьма хорошо помогает; холодная же перед питьем немного подогрывается на огне.

2) Пища, приготовленная без помощи огня.

Из рыб сушат наваги и корюхи, окуней и плотву (сорóга), а также коптят – сельдей, сига и корюхов.

3) Пища, приготовленная при помощи огня.

4) Хлеб и его приготовление. Пища праздничная.

При помощи огня (печенье в печи) готовят из ржаной и ячневой (житной) муки, из смеси, – житники и круглые калачи, а из одной житной – колобки и блины. Из ржаной муки, иногда с прибавлением немного житной, пекут хлебы (мякушки) и сочни; последние – часто с начинкой из картошки, разведенной на молоке или воде, [Л. 19 об.] крупы или же житной муки на такой же разводке. Из житной или ржаной муки в сочнях пекут картофельные закрытые пироги, иногда с пшеном, разной крупой и солоники (в середине теста или сочня делают прокладки соли), а также круглые наливные шанежки. Из ржаной, житной, а в праздники и белой (крупчатки второго сорта) муки пекут кулебяки из рыбы соленой: трески, палтасу, пикшуя, кумжи, сига, наваг, а чаще из свежей – своего улова: наваг, сельдей, кумжи, окуней, щуки, камбалы, корюхов, сига и трески. В праздники пекут из крупчатки и открытый пирог с ягодами своего сбора: морошкой, брусникой и черникой и реже – с изюмом.

Рис. 15. Формы хлебов и пирогов: а) хлеб (мякушка) – круглый каравай до 5 фунтов весу, сверху смачивается водой; б) житники – круглые и продолговатые до 2-х фунтов весу

[Л. 20]

Рис. 16. Пироги, пирожки, шанежки

Приготовление хлебов производится таким образом: муку просеивают самым редким решетом, лишь только чтобы палки не проходили, и растворяют

накануне квашню простой работы на оставшейся от прежнего хлебопечения наквасе, и ставят в темное место или на стол или на опечек. Утром замешивают, дают подняться, катают в караваи и оставляют на столе или на доске – отживать. В это время в истопленной печи разгребают угли, выметаю́т печь помелом и садят хлебы в печь. Пекутся хлебы в печи от полчаса до полуторых часов, смотря по величине хлебов или житников, или жаркости печи. Пробуют готовность испечения хлебов на руках, если тяжел хлеб – то еще [Л. 20 об.] сыр, а если легок – готов, при этом стучат кулаком в нижнюю корку, и если корка издает звук, то хлеб готов, а некоторые хозяйки готовность испечения хлеба слышат по запаху хлеба; мочут хлебы холодной водой, и если пар пойдет кверху – хлеб готов; когда садят хлебы в печь, катают шарик из теста величиной с орех и опускают в стакан холодной воды, и когда шарик поднимется со дна на поверхность воды в стакане – хлеб готов.

Зерно размалывают на водяной и ветряных мельницах, и в каждом доме есть ручные жернова, которыми часто пользуются для размола зерна на муку и крупу. Мясо варят редко и чаще лосиное, которое добывают охотники зимой и весной и на лето подсаживают. Рыбу и соленую и свежую морскую или озерную варят в ухе и реже запекают в кулебяки (рыбники). Закрытых пирогов из рыбы не стряпают.

[Л. 21] 5) Пища торжественная; обрядовая и символическая.

К обрядовой пище следует отнести пасху из творога, крестинный пирог и кашу (пшеничную), поминальные блины и рождественские козули. Необходимо заметить, что на поминальных обедах всем присутствующим раздаются новые ложки (деревянные), которые и уносят домой на память о покойнике. Яйца куриные мало употребляют в пищу, а чаще употребляют в пищу яйца морских птиц (гусиные, лебединые, утиные и чайачьи). Птицу дикую (гуси, утки, тетерева, глухари, рябчики) употребляют в пищу редко и преимущественно в вареном виде. Кур держат мало.

6) Молочная пища.

Молоко употребляют в свежем виде (парное молоко), сырым и вареным, а также квашеным (густое), которое прожаривают в печи на творог. Масло готовится простым способом, вертится в горшках мутовками и топится в печи. Соленого масла не сбивают. К молочному [Л. 21 об.] хозяйству следует отнести подойник, устраиваемый с носком для цежения; во время цежения в носок втыкают солому. Из молочных продуктов впрок заготавливают только топленое (русское) масло и творог.

7) Лакомства домашние.

Вместо десерта употребляют своего сбора ягоды (черника, брусника, клюква, вороница, морошка) и сушеная или пареная репа и брюква (пара).

8) Пища по сезонам.

В посты и постные дни (среду, пятницу, а старухи и понедельник) скоромного не едят, и во все времена года пища одинаковая; различия лишь тем, что когда успешнее рыбные промыслы – больше едят рыбы, а если промысла

нет – питаются мучницей (кипяток <нрзб> житной мукой). Посуда при столе употребляется деревянная, а недавно (лет пять назад) стали покупать в городе и употреблять фарфоровую и железную эмалированную посуду. Вилки еще мало в обиходе, имеются лишь в трех- [Л. 22] четырех хозяйствах, большинство же обходится при помощи пятерни. С солью связываю суеверие, если просыпят на стол, то быть в тот день в доме ссоре, которая предупреждается, если просыпавший щепотку соли перебрасывает через себя (через голову).

9) Напитки.

Из напитков приготавливают только квас: из ржаной муки сделают солодьягу и ставят парить в печь; затем разводят солодьягу в бочонках (большой бочонок называют лагун, а маленький – поллагуньё) сырой водой. Чай (китайский) употребляется мало, его заменяют суррогаты: фруктовый чай, флотский напиток, прессованный чай, цикорий, перечная мята, богородская трава, а иногда и брусничный лист.

V. Занятия и промыслы

а) Ягодный промысел.

Женщины посада осенью с 15 июля и по время осенних заморозков заняты, в свободное от [Л. 22 об.] хозяйственных работ время, собиранием ягод, растущих в окрестности в громадном количестве. Первоначально собирают морошку и сдают ее скупщикам из местных торговцев или же везут сами в город Архангельск, а затем по времени созрева и клюкву; клюква собирается в большем количестве и весной – «подснежной». При хорошем урожае ягод заработок женщин выражается весьма внушительной цифрой около 30 рублей на человека, а всего на посад до 4500 рублей в год и при плохом урожае до 2000 рублей.

б) Рыболовство.

Главным подспорьем к земледелию в посаде служит рыбная ловля в Унско-Лудской губе Белого моря – ловят навагу и сельдь. Лов продолжается круглый год, но особенное значение и развитие промысла – с начала осенних заморозков и до Крещения (6 января), во время нереста наваги и сельди. Промысел этот производится лудянами с древних [Л. 23] времен и послужил основанием населению посада на настоящем месте. Ловят рюжами (мережами) и неводами, которые ставят на стрежах губы (глубоких фарватерах). При удачном улове промышленники, имеющие много сетей (до 60), выручают до 500 рублей и более в осень, которая длится иногда с сентября по январь, а иногда (например, в 1911 году, с 1-го декабря по 1 января) один месяц. Бедные промышленники, имеющие от 5 до 10 снастей, выручают от 30 до 100 рублей, а при менее удачном улове приблизительно на половину меньше. Вид невода для ловли сельдей во всем подобен рюже, с той лишь разницей, что крылья много длиннее и глубже. У рюжи крылья около 3 сажен длины и в

сажень глубины, а у невода крылья устраивают до 20 сажень длины каждое и глубины до 3 сажень, и верх, при соединении крыльев, сшивается по глубине их и высоте.

Весной на реке Вежме (в 8 верстах от погоста) ловят мелкую семгу, кумжу и корюхов; ход [Л. 23 об.] этой рыбы продолжается с месяц, с 1-го июня по 1-е июля. Много ловят корюхов при подъеме в реку для нереста, вылавливая до 900 пудов; сушат его и солят: сушеные продают в городе Архангельске от 5 до 7 рублей пуд, а соленые употребляют в пищу сами. При удачном лове семги вылавливают около 50 пудов, продавая на месте по 8 рублей пуд. Осенью, также во время нереста, ловят довольно кумжи (форель), налавливая до 200 пудов, сбывая на месте от 4 до 6 рублей пуд. В летнее время лудяне промышляют в окрестных озерах неводами и на удочку, исключительно для своего потребления. При удачном клеве на удочку достают до 2-х пудов в день, т. е. в вечернюю и утреннюю зори. Щук ловят на самоловки (крюки), наживляя живой или мертвой рыбкой. На удочку больше попадают: окунь и плотва и лишь на отметную, наживленную живцом, – щука. Ту же рыбу весной в озерах около травы ловят в сетки и [Л. 24] мережи. Выловленная рыба сушится и солится для своего потребления в рабочую пору. Уженье производится с плотов и лодок, где таковые имеются. Для главного наважьего и сельдяного промысла существуют местные приметы: 1) если рябины осенью нарасстет много – промыслы будут хорошие; 2) если губа долго не мерзнет – промыслы будут хорошие (в обоих случаях и наоборот); 3) уходят удить на озера, чтобы никто не видел, в противном случае рыба будет плохо ловиться; 4) если навстречу первой попадетс девка, то ворочайся обратно – никакого толку не будет; 5) при промысле, хотя бы и очень хорошем, никогда не говорят, что рыба хорошо ловится, а на спрос всегда отвечают, что ничего не попадается.

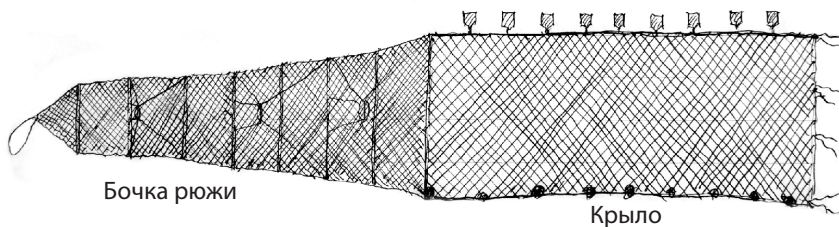

Рис. 17. Виды рюжи (мережи)

[Л. 24 об.] в) Охота и звериный промысел.

Охотой занимается в посаде до 30 человек исключительно осенью на белку и рябчика. Зимой охотятся на лосей и оленей. Весной на чухарей (глухарь), косача и гусей. В общем, промысел этот имеет для жителей посада незначительное пособие к бюджету хозяйства, хотя в удачные годы промышленники зарабатывают от 30 до 100 рублей в осень. Охота производится с ружьем и собакой; ловля силками отходит в область преданий. Ружья употребляют:

«берданки», выслужившие срок казенные ружья; кремневые ружья встречаются редко.

г) Скотоводство.

В посаде разводят лошадей, коров и овец, но в самом малом количестве. Воспитание происходит примитивным способом, холощение делается редко, по-другому, а иногда и по третьему году (для жеребят, быков и баранов) и содержат их в простом дворе – особых конюшен для лошадей нет. Мелкий скот – телята и овцы – живут в хлевах. Молоко и [Л. 25] масло от коров идет для своего потребления, а также мясо и кожа, последнюю они сами и выделывают. Молоко и масло сильнее на цвет и неприятно на вкус, так как много заготавливают для корма скоту мху, который заваривают кипятком, и скот, особенно коровы, едят мох очень охотно. Шерсть овец идет на чулки, носки, рукавицы и рубахи, приготовляемые дома и необходимые на рыбных промыслах осенью и зимой. Пастухов нанимают для паски коров, лошадей и овец отдельно. У коровьих и овечьих пастухов имеются рожки для повестки утреннего выпуска скота в выгон.

д) Сенокосение.

Сено косят косами-горбушами, которые оттачиваются на точиле и направляются оселками и лопатками. Для гребли сена употребляют деревянные грабли и для метки – вилы; все это свои изделия, кроме кос-горбуш, которые или покупают в городе Архангельске [Л. 25 об.] или у проезжих торговцев-владимирцев. Сено мечут в зароды по несколько промежков (заколин) и в низких местах устраивают на сваях подмости – полаты, до одного аршина вышиной от земли, на случай поднятия воды (морской в губе). Травосеяния не существует.

е) Земледелие.

Обработка земли производится сельскохозяйственными орудиями с запряженной лошадей. Соха простой работы с двумя сошниками на росохе и запрягается в оглобли дугой самого простого устройства.

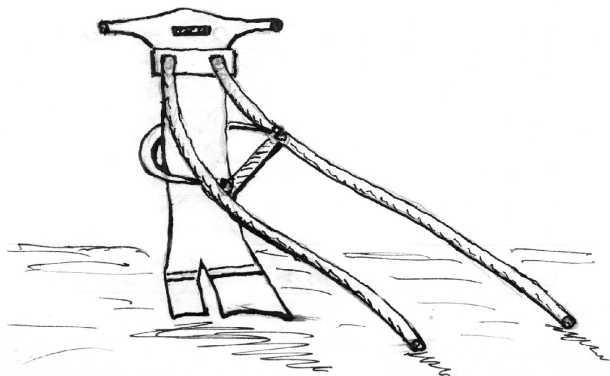

Рис. 18. Вид сохи

[Л. 26] В последнее время лудяне начали приобретать маленькие плужки из сельскохозяйственного склада в городе Архангельске, стоящие 8 рублей, и остаются ими довольны. Сев производят из ручной корзины (нагрузка) и особых сеяльниц нет. Пахоту начинают 1-го мая и кончают 20 мая. Уборка хлеба начинается около 1-го августа и продолжается до 1-го сентября. Рожь сеют мало, но годами родится хорошо, на пару сеют рожь около 20 июля. Орудия уборки хлебов – серп, молотыбы – приузы (цепы) и веяния – деревянная лопата. После жнитвы ячмень в суслоны не выставляют, а пряслят на прясла в два и три ряда, а рожь станоят в суслоны, по десять снопов каждый (десятым – кроют) и для каждого суслона втыкают в землю кол для устойчивости. Сушат на овинах, где устраиваются особые полати. Измерение земли, а также счет земельных величин производится исключительно саженью.

[Л. 26 об.]

VI. Семейный быт

1) Роды.

При родах местные бабки (повитухи) обрезают и завязывают у ребенка пуповину конопляной ниткой и несколько раз до крестин моют в бане. Для ускорения родов жгут повойник родильницы.

2) Крестины.

Бабки при крестинах участвуют в роли прислужниц. По совершении обряда крещения кум и кума родильнице дают «на зубок», в большинстве деньги от 3-х до 20 копеек и редко ситец на рубашку, а друг друга (кум и кума) одаривают ситцем на рубашку, а иногда кум куме и на сарафан ситцу (красного), а последняя отдаривает полотенцем. Обряд крещения в редких случаях производят и бабки, например при отлучке священника из посада и сильной слабости ребенка.

3) Воспитание детей.

Жизнь ребенка, по оставлении им колыбели [Л. 27] (зыбки), всецело отдается на произвол судьбы, да и до этого времени большинство детей от грязи и плохого ухода и питания умирают в возрасте до одного года. Зыбочные дети питаются сосками, изготовленными матерями из грязных тряпок и очень редко покупными – резиновыми. Игрушками служат панки и кони деревянные своего изготовления и куклы из тряпок своей же работы. Мальчики играют ружьями – самострелами, сделанными или отцами или же самими, а более взрослые – в мяч и в бабки.

4) Жизнь молодежи до брака, сватовство и свадьба.

Осенью (с 8 сентября) молодежь – девицы и парни – собираются на вечеринки ежедневно, кроме вечеров под воскресенье и праздничные дни, начиная с 6 часов и до 2-3 часов утра. Для вечеринок нанимают особую избу на всю зиму, до Великого Поста, и платят от 50 коп[еек] до 1 рубля с человека за сезон, а девицы, кроме [Л. 27 об.] того, по полену дров и по житнику для

хозяев избы, каковыми всегда почти являются вдовы или старушки, затем девицы же покупают лампы и керосин, а иногда и свечи для освещения. Лампы сменяются довольно часто, так как пьяная всегда молодежь разбивает их, и покупать новые приходится опять девицам. Приходят на вечеринки всегда с работой: шьют, вяжут, прядут лен, коноплю и шерсть, но работа плохо спорится и берется только для отвода глаз. Сердобольная мать, увидев утром, что у дочери ничего не нарядено, втыкает в ее куделю простень или два своей пряжи, так как отец может заметить безделье дочери и нашить ей бока (т. е. отколотить).

Свадьбы играют больше зимой, «в великое заговенье». Жених со сватом, всегда с крестным отцом, предварительно сватовства идут к батюшке (священнику) и просят благословения начинать сватовство, причем [Л. 28] жених кланяется священнику в ноги и говорит: «Батюшка, благослови жениться». Священник благословляет, и отправляются сватать намеченную невесту. Придя в дом родителей невесты, садятся на лавку всегда вдоль по полу. Сватам отказывают при нежелании отдать или же молятся Богу, для чего становятся перед иконой цельную, необожженную свечку (восковую). Помолясь Богу, уходят, назначая в то же день или на другой заплачку (рукобитель), на которой невеста дарит жениху шелковый платок; жених повязывает на шею и носит его до конца свадебных церемоний. При этом собирают стол, на который приносят хлеб, житники, кашу пшеничную, кулебяки рыбные и жареную рыбу свежую или соленую, при наличии со стороны жениха водки от четверти до полведра. После истребления предложенных яств, а главное – питий, все собравшиеся родные в преднесении колокольчика идут по посаду и нестройно поют песни, а [Л. 28 об.] девицы в это время собираются к невесте и помогают шить приданое при пении песен, а потом и пляски. На другой день после заплачки жених идет к невесте с гостинцами, но главным образом для условий о дне свадьбы и приданом. Накануне венчанья днем у невесты устраивается заплачка перед смотринами, на которой отец и мать благословляют невесту иконой, а она плачет (причитает) им. Под вечер в тот день у невесты устраивается смотренье. Жених со своими родными в предшествии дружек с колокольчиком и фонарем (хотя бы это было и днем) идут в дом невесты и, помолясь Богу, садятся за приготовленные столы. На середину избы выводят невесту и спрашивают: «Люба ли невеста вашему жениху?» За столом отвечают: «Очень хороша!» и затем обращаются с вопросом: «Люб ли жених вашей невесте?» отвечают: «Очень люб!» После [Л. 29] этого жених выходит из-за стола на середину избы, отец невесты иконой благословляет жениха и невесту, и заводят за стол. Тогда-то и начинается всеобщее пьянство; чередуются чайными стаканами и пьют, пока тут же не свалятся. Когда все перепьются, невесту уводят из-за стола, и она угощает в другой половине или же в отдельной избе девиц – также водкой и закуской.

Утром в день венчания в доме жениха устраивается винная чарка, на которую собираются родные невесты и происходит то же угощение – водка и закуска. На винной чарке от невесты приходят к жениху девицы с гостин-

цами и приносят, кто что может: пироги с крупой, с рыбой, ягодами и ягоды разные. В то же время в доме невесты происходит подобное же угощение родных жениха, а потом и невесты, которые одаривают невесту разными подарками: ситцем, платками, а иногда и деньгами, а взамен угощаются [Л. 29 об.] водкой и разными снедями. На этом угощении дружкам, двум молодым парням – родным и товарищам жениха, выдают по полотенцу и цветной ленточке – полотенцем они опоясываются, а ленточками перевязывают левый рукав верхней одежды. Вооружившись атрибутами своей власти, дружки требуют каравай хлеба и солонку с солью и зашивают «банник», который носится перед женихом и невестой и в церковь на венчание. При зашивании «банника» в скатерть иглу и концы ниток стараются спрятать внутрь салфетки. Зашив «банник» приносят на стол перину, подушки, одеяло и завесу, невеста поплачет над ними с причитаниями, и все спальные принадлежности дружки увозят в дом жениха. Сдавши вещи, дружки возвращаются к невесте на подниманье к венцу, торопя обе стороны собираться возможно скорее, не расставаясь за все время один – с колокольчиком, а другой – с зажженным фонарем, хотя [Л. 30] бы это было даже и летом. На третий раз с дружками отправляется к невесте и жених со всеми родными; вновь садятся за стол, обносят по одной рюмке водки, и родители невесты благословляют иконой жениха и невесту, и весь поезд отправляется в церковь к венцу, в предшествии икон Спасителя и Божией Матери и «банника», а также корзины крупяных и пшеничных пирогов. По совершении обряда венчания молодую женщины уводят в трапезу для одеванья, а жених выкупает невесту, дав им денег на калачи (от 20 копеек и до рубля), а дружки делят в трапезе пироги между присутствующими, при этом встречаются и безобразия: пироги кидают в народ, мнут их, вырывая друг у друга, и топчут. Во время отъезда жениха и невесты к венцу при выходе из церкви и при прибытии к дому жениха молодые парни стреляют из ружей залпами, а по дороге в нескольких местах жгут костры. Прибывши от венца устраивается приводное: [Л. 30 об.] садятся за приготовленные столы и поздравляют молодых с законным браком. Обносят родных сначала по чайному стакану, а потом рюмками, кто сколько может снести. За приводным столом одаривают свекра, свекровь и всех родных молодого, причем свекру всегда дарит молодая рубаху ситцевую (непременно красную), а свекрови – шитый сарафан и рубаху ситцевые, яркие цветов. По одаренью дружки уводят молодых спать, в особую и непременно в холодную комнату хотя бы было 30 градусов мороза. Молодые «поспав» часа два, встают ужинать в семейном кругу, так как родные или разъезжаются по домам или расходятся по соседям – бражничать. После ужина дружки уводят молодых спать уже по-настоящему – на всю ночь.

Утром от родителей молодой ее товарки приходят или приезжают с горячими блинами, по прибытии «блинниц» будят молодых. [Л. 31] После завтрака молодой с дружкой ездит к тестю приглашать на общий обед, на который и приезжает со всей родней. Дружки собирают к обеду и всех родных молодого. На об-

щем обеде угощают уже полегче, и пьяных почти не бывает. После обеда родные идут по гостям друг к другу, где и дополняют обед выпивкой, пока в силах пить и двигаться. На третий день (после венца) дружки топят баню, наставив на жердях вокруг бани флагов (из платков), и ведут молодых в баню. После бани пьют чай и обедают; на обеде дружки расшивают «банник», выступая иглой и ниткой взад по тем же следам, а молодая за это одаривает дружек платками. В тот же день вечером (иногда на второй и третий день) молодые с ближними родными идут к теще на горячие (блины), где чайничают и обедают, и этим все свадебные торжества кончаются. С «горячих» увозят все имущество молодой. В приданое дают из одежды: шубейку (поддевка [Л. 31 об.] с борами), сарафаны, рубашки, платки, башмаки, выступки и бахилы (сапоги), чулки и рукавицы, а кто побогаче – и самовар с прибором. Невеста венчается в ступнях, в которые кладут соли против порчи молодых.

5) Игры, игрушки, развлечения и увеселения у детей и у взрослых.

Дети мужского пола играют в городки, в бабки и в мяч, а также панками и куклами. Подростки и взрослые играют на гармониках – норвежских. Картежная игра увеличивается из года в год, играют больше «на чистую мазь», «в стуколку» и «в двадцать одно». Девицы летом на лугу, а зимой в наемной избе пляшут кадрили, ходят уточкой и водят хороводы под песни – частушки, не имеющие смысла. На масленицу поливают водой гору и катаются на реку – на санках. На Святой неделе на поветях и гумнах устраивают веревочные качели и качаются. Играют «имкой», т. е. завязывают глаза у одного игрока, который должен поймать товарища или товарку. Играющие [Л. 32] сильно ударяют ладонью по спине; пойманному завязывают глаза. Существует игра «редьку рвать»: девица ухватывается за дверную скобу, а остальные (до десяти и больше) друг за друга, за пояс или за одежды. Парни с разными приговорами отрывают девушек от группы поодиночке. На Святках ходят по деревне ряжеными во всевозможных видах.

6) Смерть и погребение.

Гробы устраивают из досок, низ немного делается уже. Крышка гроба со скатами на бока. Умершего одевают в белую рубашку, портки и поверх одевают кафтан, специально сшитый из холста. Черной одежды, хотя бы и верхней, не кладут в гроб, объясняя тем, что долго придется стоять под капелью, до тех пор, пока не выбелится вся одежда. Сверху одежд умерших покрывают саваном из холста. После обмывания и одевания покойного старушки кадят его из ручных кадил, имеющих в каждом доме, а если у кого нет кадила, то из молочной кринки. [Л. 32 об.] На могилах становятся деревянные кресты с вырезкой разных надписей и головы Адама.

VII. Суеверия и гадания

На Святках смотрятся в зеркало, в кольцо в воде и слушают на перекрестках, ухватившись за мизинцы, очерчивая круг ножом.

К нательному кресту привешивают ладанки, в которые зашивают: хлеб с солью, воск, кремь и смоляные прядки, предотвращающие от различных болезней. Вера в домовых, леших и водяных сильна. Существует множество различных примет, не имеющих, впрочем, особенного значения.

VIII. Народная медицина

В посаде прогрессируют следующие болезни: золотуха, родимец, прикос, переполох (испуг), мыто (боль живота), сердцевая, грыжа, головные, ушные, пересада, рожа (воспаление кожи, чирей) мокрая и сухая, глазные, горловые, худая болезнь (сифилис, венерические болезни). Лекарства употребляют: внутреннее: пьют настой дорогой травы [Л. 33] (от разных болезней), грыжной травы (от грыжи), богородской травы, моршечный кожух, сушеная малина (от простуды); наружные: своедельный пластырь (варят из смеси желтого воска, еловой коры и деревянного масла, иногда кладут нетопленного русского масла и дегтю), натираются дегтем, скипидаром и деревянным маслом. Деготь разогревают и кладут в него ржавчины с железа; перечным настоем на водке и керосином. От простуды греются в бане и натирают грудь и ноги коровьим салом, а иногда и редькой тертой. К горлу прикладывают горячую золу в шерстяном чулке или шелковом платке. Парятся в горячих ваннах из щелоку (раствор золы), муравейника, сенной трухи, а иногда и овса. Такие ванны хорошо помогают от застарелой простуды и ревматизма. От головной боли ставят горчичники на затылок, прикладывают к темю и вискам полотенце, намоченное уксусом. Глазные болезни лечат исключительно чистой холодной водой с белой [Л. 33 об.] фарфоровой тарелки. От пересады, а также и ревматизма, некоторые старушки гладят спину и утверждают, что некоторые лечат этим деревенским массажем с большим успехом. Из трав, произрастание которых очень скудно на севере, старушки собирают ромашку, богородскую травку, брусничный лист, калиновые ягоды и молодь (заваривают и пьют от золотухи), черемуховый лист и ягоды (от расстройства желудка), грыжную траву и черную траву (от переполоха).

Священник И.Н. Чирков
с. Яреньга, Арх[ангельской] губ.
12 декабря 1912 года.

Список литературы

1. Архив Российского Этнографического музея (далее АРЭМ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 54.
2. АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 71.
3. АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 349.
4. АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 705.

-
-
5. АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 706.
 6. *Бернштам Т.А.* Поморы. Л., 1978.
 7. *Воронов В.С.* О крестьянском искусстве. М., [б/г].
 8. *Григорьева Г.А.* Одежда населения побережья Белого моря во второй половине XIX – начале XX в. // Народная культура Русского Севера. Архангельск, 1997. С. 108–133.
 9. *Кислуха Л.Ф.* Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX в. в собрании Государственного объединения «Художественная культура Русского Севера». М., 2006.
 10. *Кондратьева В.Г.* Щетные ящички Поморья // Народная культура Русского Севера. Архангельск, 1997. С. 56–61.
 11. Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 1: Архангельский и Холмогорский уезды. Архангельск, 1894.
 12. *Мальцев Н.В.* Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове // Русское народное искусство Севера. Л., 1968. С. 69–82.
 13. *Мережковский К.С.* Морские промыслы // Живописная Россия. Т. 1: Северная Россия. СПб., 1881.
 14. *Носков А.В.* Материалы к биографии и творческому наследию мастеров видовой фотографии // Губерния и северная столица: материалы Первых губернских чтений. СПб., 2004. С. 19–27.
 15. Отдел научной документации Российского этнографического музея (ОНДРЭМ). Акты 1934–1935 гг.
 16. Программа для собирания этнографических предметов. СПб., 1902, 1903.
 17. *Радлов В.В.* Инструкции для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. СПб., 1895.

Анализ, типология и графическая реконструкция строительных периодов памятников деревянного зодчества Кенозерского национального парка. Часовни

На сегодняшний день из более чем 80 существовавших ранее на территории Кенозерского национального парка часовен сохранилось 35. Формат краткого сообщения¹ не позволяет рассказать о каждой сохранившейся и утраченной часовне Кенозерья, потому рассмотрим на примере трех из них выполненные автором проектные предложения по реконструкции памятников на основе комплексных научных исследований и архитектурно-археологических обмеров.

Первая и самая известная – это часовня во имя Святого Николая Чудотворца. Она расположена на вершине мореной гряды, в географическом, административном и историческом центре д. Вершинино, являясь не только архитектурной доминантой, но и частью культурного ландшафта окружающей территории (ил. 1).

Точной даты постройки часовни не установлено. По конструктивным признакам и материалам обследований памятник можно ориентировочно датировать второй половиной XVIII – первой половиной XIX в. Церковные документы свидетельствуют о ее существовании задолго до 1846 г. Некоторые специалисты предполагают, что часовню могли начать строить в конце XVII в.

Часовня имеет несколько строительных периодов. В результате многих ремонтов и перестроек менялся облик памятника. Первоначально часовня традиционно состояла из клетки молитвенного помещения и открытой западной паперти с крыльцом. Рубленый «в обло» сруб возведен на высоком подклете. Южная и северная стены сруба завершаются повалом из четырех венцов. Восточный и западный фасад часовни имеют форму щипцовых фронтонов.

Кровля клинчатая – тесовая, дороженная в два слоя, с гидроизоляцией из берестяных матов, с полицами. Глава, крытая осиновым лемехом, с крестом

© Яндовский В.Э., 2019

¹ Эта статья – небольшая глава из объемной монографии, запланированной к публикации в следующем году. В ней будут представлены результаты экспедиций, научных исследований, архитектурные обмеры, проекты реставрации, а также фотофиксация, проводившаяся в ходе работ на памятниках Кенозерья в течение 30 лет. В книге также найдет отражение то, что сделано в рамках реконструкции генеральных планов деревень в их историческом развитии, взаимосвязи культовых объектов с ландшафтом и гражданскими традиционными постройками.

на высоком барабане. Открытая паперть часовни была устроена на выпусках бревен подклета.

В конце XIX в. облик Никольской часовни претерпел значительные изменения. Документальным подтверждением этому является фотография художника И.Я. Билибина, сделанная в 1902–1903 гг., на основе которой и была проведена графическая реконструкция памятника на этот период (ил. 2). На снимке видно, что фасады часовни и паперти заключены в тесовую обшивку и окрашены. В обшивке паперти прорезано южное окно. С запада к ней примыкает крытое на два ската крыльцо. Главка часовни обита железом. Скат холма возле часовни укреплен бревенчатой подпорной стенкой.

Вероятно, в то же время, когда часовня обрела зафиксированный Билибиным облик, в ее интерьере появилось перекрытие шестнадцатигранным «небом».

Около 1913 г. вместо крыльца к паперти пристроили колокольню, а вход в часовню устроили с северной стороны. Звонница двухъярусной колокольни, срубленной восьмериком на четверике, была перекрыта восьмигранным куполом с широкими полицами. Сруб колокольни конструктивно не связан с часовней, приставлен к ней впритык со смещением к югу по отношению к продольной оси и располагается на отдельном фундаменте. Ограждение яруса звона выполнено из вертикально поставленных брусков. Купол венчался высоким фигурным шпилем, украшенным накладными деталями. В это же время была обновлена кровля часовни, частично заменены обшивка сруба, покрыты кровельным железом главка и крест. Тябловый иконостас был заменен каркасным. Часовня была выкрашена под камень, в белый цвет. В таком виде часовня простояла до 1970-х гг.

К началу 1980-х часовня находилась в аварийном состоянии. Нижние венцы сгнили и потеряли свою несущую способность, каркас притвора покосился, металлическое покрытие главки было утрачено, снята обшивка с колокольни, купольное завершение с декором крестовой мачты разрушено, ограждения звонницы утрачены.

В 1992 г. ТОО «Кенозеро» выполнило комплексные научные исследования (архитектурно-археологические обмеры) и реализовало проект реставрации (ил. 3).

Вторая и не менее известная часовня Кенозерского национального парка – это часовня Апостола Иоанна Богослова, построенная в конце XVIII столетия в д. Зехнова. Это единственная сохранившаяся в Архангельской области часовня с галереей на консолях.

Как и большинство часовен Кенозерья, часовня Апостола Иоанна Богослова клетская, с двухскатной кровлей. Размеры часовни в плане: 6,6 × 6,3 м; высота до конька крыши – около 5 м, до крыши звонницы – 7,3 м, с крестом – 9,3 м. Ее особенность состоит в том, что паперть (трехсторонняя открытая

галерея) устроена на консольных выпусках высокого подлета. Сама же часовня стоит на склоне высокого холма среди остатков святой рощи и является центром деревни. Это также архитектурная доминанта, мастерски вписанная в рельеф и являющаяся важным элементом культурного ландшафта.

Главка на высоком барабане покрыта городковым лемехом. Рубленая «на лапу» восьмигранная звонница с узким невысоким шатром и крестом расположена над западной частью паперти. В молитвенном помещении полностью сохранилось двенадцатигранное «небо» – самое древнее в Кенозерье, написанное в конце XVIII в. олонецкими мастерами в традициях Выговской старообрядческой живописи на основе древних иконописных образцов.

Пропорции, контраст мелких деталей на фоне массы рубленых венцов стен, консоли паперти, вертикали главки и звонницы с крестами создают ощущение движения, полета, являя собой чудо человеческого творчества. Именно эта часовня, в которой непостижимым образом сочетается мастерство древних зодчих и плотников, сакральный дух озерного края и пропорции золотого сечения, послужила прообразом для создания символа Кенозерского национального парка, отраженного на его логотипе.

В 1991 г. ТОО «Кенозерье» выполнило эскизный проект реставрации памятника (ил. 4).

Третья часовня, о которой хотелось бы рассказать, – это часовня Святого Пахомия Кенского начала XIX столетия в д. Карпово. Пахомий (1450 – ок. 1525) был настоятелем Кенского монастыря.

Карпово – одно из ранних поселений на Кенозере, возникшее в XV–XVI вв., находится на восточном холмистом берегу оз. Долгого и считается одним из самых высоких мест в Кенозерье.

Хотя эта часовня и обшита калевочным тесом и на первый взгляд не является выдающимся достижением деревянного зодчества, ее местоположение и датировка основания самой деревни, говорят о том, что памятник являет собой результат многих перестроек и ремонтов в стиле поновления конца XVIII – начала XX вв. Не исключено, что часовня ранее имела другой вид, и наверняка на ее месте стояла более древняя.

Четырехугольная звонница часовни с каркасной столбчатой конструкцией находится над зашитой папертью. Часовен с таким боковым расположением входа на территории национального парка несколько. Это и часовня Трех Святителей в Немяте, и часовня Параскевы Пятницы в Тырышкино и т. д.

Как и во многих часовнях Кенозерья, в часовне Святого Пахомия были «небеса». Сейчас здесь остались только их конструкции. Сами восьмигранные «небеса» демонтированы и находятся на хранении в Вершинино, в «Рухлядном амбаре». Есть сведения, что расписал их в конце XIX в. мастер Федор Иок, тот самый, который расписывал часовни в Усть-Поче и Вершинино [1, с. 122].

В 1989–1990 гг. ТОО «Кенозеро» выполнило комплексные научные исследования (архитектурно-археологических обмеры) и реставрацию часовни (ил. 5).

Кенозерье – уникальное место: такой концентрации сохранившихся памятников деревянного зодчества, стоящих на своих исконных местах в историческом ландшафте, больше нет нигде в мире. Долгие годы специалистам предстоит еще многое изучать и выявлять, а главное – сохранять и сохранить исконное. А чтобы сохранить, надо уметь.

Во время производства реставрационных работ случаются досадные ошибки и оплошности, которые происходят по разным причинам, в том числе по причине отступления от проекта или игнорирования архивных материалов. В результате потомкам остается памятник с элементами творчества, а не реставрации. Но, как гласит «Венецианская хартия», выработанная в ходе II Международного конгресса архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам, «реставрация должна прекращаться там, где начинается гипотеза» [2, с. 56].

Список литературы

1. *Кольцова Т.М.* Живопись Кенозерья // Небеса ручной работы. Расписные потолки и иконы из храмов Кенозерского национального парка: каталог-альбом / сост. Т.М. Кольцова, М.Н. Мелютин. М., 2010.
2. Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест // Реставрация музейных ценностей. Вестник. 1998. № 1. С. 55–58.

Микологические исследования на территории Кенозерского национального парка (история изучения и перспективы)

Микологические исследования на территории Архангельской области были начаты более 15 лет назад. До недавнего времени микобиота территории относилась к числу одной из наименее изученных в Российской Федерации. Скучные сведения о нахождении на данной территории представителей афиллофоровых грибов имеются в определителях [7; 8], а также ряде других публикаций [1; 2].

В настоящее время Архангельская область характеризуется высокой степенью изученности группы афиллофоровых грибов: в Ленинградской области и Санкт-Петербурге известно 783 вида, Архангельской области – 560, Республике Карелия – 520. Пинежский заповедник относится к наиболее изученным федеральным ООПТ (333 вида). Он занимает по этому показателю третье место, уступая только Центрально-Лесному (411 видов) и Нижне-Свирскому (354 вида) заповедникам [5].

На территории Архангельской области на данный момент известно более чем о 630 видах афиллофоровых грибов и порядка 120 видах грибов из других систематических групп. Наибольшее число видов отмечено для заповедника «Пинежский» (369 видов), Соловецкого архипелага (309 видов), Плесецкого района (Емцовский учебно-опытный лесхоз, окрестности железнодорожной станции Шелекса – 285 видов), Шенкурского района (293 вида) и Национального парка «Кенозерский» (211 видов) [9].

Подведем итоги изучения афиллофоровых грибов и некоторых других групп агарикомицетов (собранных в результате попутных сборов) на территории Национального парка «Кенозерский», а также проведем предварительную структурно-таксономическую и экологическую характеристику выявленного видового состава.

Экологические ниши, занимаемые афиллофоровыми грибами, многообразны и заполняют весь экологический диапазон лесной среды – лигнифицированные части растущих деревьев, кустарников и трав, корневые окончания растений, ветошь трав, хвойный, лиственный и веточный опад, старые плодовые тела самих трутовиков, пни и валеж различных стадий разложения,

неструктурированные фракции лесной (луговой) подстилки и гумус. Мицелий афиллофоровых грибов многолетний, а активное плодоношение начинается во вторую половину вегетационного периода, хотя образование эфемерных плодоношений начинает фиксироваться уже в апреле – мае [12].

Исследования проводились автором на территории Каргопольского сектора Кенозерского национального парка в период с 14 по 19 июля 2014 г., с 8 по 16 июля 2015 г., с 10 по 20 июля 2016 г. и с 28 июня по 3 июля 2017 г. в окрестностях озер Вильнозеро, Лекшмозеро, Масельское, Наглимозеро, Светлое и Саргозеро, а также в окрестностях троп Предков и Муравьев, избы «Охотничья заимка», д. Морщининской, а также в Плесецком секторе (14–15 июля 2015 г.), на острове Медвежий.

При сборе материала применялась методика радиальных маршрутов [19] со сгущением ходов вблизи базового лагеря и с разреженными рекогносцировочными ходами по периферии участка [20]. Осматривались живые, сухостойные, валежные стволы, ветви и пни деревьев и кустарников в разных типах леса (ельники, сосняки, осинники, березняки, смешанные древостои). Особое внимание обращалось на характерные участки для развития грибов, растущих на корнях, в подстилке и на почве. Хорошо узнаваемые в полевых условиях и широко распространенные виды преимущественно не гербаризировались, и информация о них заносилась в полевые дневники наблюдений.

Собранные образцы грибов обрабатывались и гербаризировались в соответствии с методическими рекомендациями [3; 6]. Идентификация материала осуществлялась с помощью отечественных и зарубежных определителей монографических обработок соответствующих таксонов [3; 4; 6; 7; 13 и др.], анализа гербарных коллекций Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН (LE).

Определение собранного материала проводилось в лаборатории экологии популяций и сообществ Института биогеографии и генетических ресурсов Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики РАН (ФИЦКИА РАН, г. Архангельск) и в лаборатории систематики и географии грибов Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (БИН РАН, г. Санкт-Петербург).

Большая часть собранной коллекции хранится в Архангельском научном гербарии ФИЦКИА РАН.

В ходе полевых работ было собрано более 450 образцов афиллофоровых грибов. Гербаризировано 262 экземпляра плодовых тел. Первые данные о видовом составе представлены в публикациях [10; 11].

Видовое разнообразие афиллофоровых грибов. Биота афиллофоровых грибов на территории Национального парка «Кенозерский» на сегодняшний момент представлена 211 видами (табл. 1, где список грибов приведен в алфавитном порядке).

**Афиллофоровые грибы Кенозерского национального парка
(на 1 января 2019 г.)**

№	Латинское название	Субстрат
1	<i>Aleurodiscus amorphus</i> (Pers.) J. Schröt.	Осина
2	<i>Amphinema byssoides</i> (Pers.) J. Erikss	Можжевельник, ива
3	<i>Amylocorticium subincarnatum</i> (Peck) Pouzar	Ель
4	<i>Amylocystis lapponica</i> (Romell) Bondartsev et Singer	Ель
5	<i>Amylostereum laevigatum</i> (Fr.) Boidin	Можжевельник
6	<i>Antrodiaheteromorpha</i> (Fr.) Donk	Ель
7	<i>A. pulvinascens</i> (Pilát) Niemelä	Осина
8	<i>A. serialis</i> (Fr.) Donk	Ель
9	<i>A. sinuosa</i> (Fr.) P. Karst.	Сосна
10	<i>A. xantha</i> (Fr.) Ryvarden	Ель, сосна, ива
11	<i>Antrodiella faginea</i> Vampola et Pouzar	Береза, ива, осина
12	<i>Aporpium caryae</i> (Schwein.) Teixeira et D.P. Rogers	Береза, плодовые тела
13	<i>Asterodon ferruginosus</i> Pat.	Можжевельник, сосна
14	<i>Athelia epiphylla</i> Pers.	Береза
15	<i>A. neuhoffii</i> (Bres.) Donk	Береза
16	* <i>Auriscalpium vulgare</i> Gray	Шишки
17	<i>Basidioradulum radula</i> (Fr.) Nobles	Сосна, береза, ольха, осина, рябина
18	<i>Bjerkandera adusta</i> (Willd.) P. Karst.	Береза, осина
19	<i>Botryobasidium botryosum</i> (Bres.) J. Erikss.	Ель, сосна, плодовые тела <i>Fomes fomentarius</i>
20	<i>B. conspersum</i> J. Erikss.	Береза
21	<i>B. laeve</i> (J. Erikss.) Parmasto	Сосна
22	<i>B. medium</i> J. Erikss.	Береза, ольха, плодовые тела <i>Fomes fomentarius</i>
23	<i>B. subcoronatum</i> (Höhn et Litsch.) Donk	Сосна, береза
24	<i>Botryohypochnus isabellinus</i> (Fr.) J. Erikss.	Ель, сосна, можжевельник, лиственница, береза, осина, ольха
25	<i>Cantharellus cibarius</i> Fr.	Почва
26	<i>Ceraceomyces borealis</i> (Romell) J. Erikss. et Ryvarden	Береза, ольха
27	<i>C. eludens</i> K. H. Larss.	Сосна

№	Латинское название	Субстрат
28	<i>C. serpens</i> (Tode: Fr.) Ginns	Ель, можжевельник, ива, осина
29	<i>C. tessulatus</i> (Cooke) Jülich	Береза
30	<i>Ceriporia excelsa</i> S. Lundell ex Parmasto	Осина
31	<i>C. viridans</i> (Berk. et Broome) Donk	Береза
32	<i>Ceriporiopsis pannocincta</i> (Romell) Gilb. et Ryvarden	Ель, береза, ива, ольха
33	<i>Ceriporia reticulata</i> (Hoffm.: Fr.) Domański	Ива, плодовые тела
34	<i>Cerrena unicolor</i> (Bull.) Murr.	Береза
35	<i>Chondrostereum purpureum</i> (Pers.) Pouzar	Ольха, осина
36	* <i>Clavariadelphus ligula</i> (Schaeff.) Donk	Почва
37	<i>Clavicornia pyxidata</i> (Pers.) Doty	Ольха
38	<i>Clavulina coralloides</i> (L.) J. Schröt.	Осина
39	<i>Climacocystis borealis</i> (Fr.) Kotl. et Pouz.	Ель
40	<i>Coltricia perennis</i> (L.) Murrill	Почва
41	<i>Coniophora arida</i> (Fr.) P. Karst.	Ель, сосна
42	<i>C. olivacea</i> (Fr.) P. Karst.	Ель, можжевельник, сосна
43	<i>Corticium roseum</i> Pers.	Ива, ольха, осина
44	<i>Craterellus cornucopioides</i> (Fr.) P. Karst.	Почва
45	<i>Creolophus cirrhatus</i> (Pers.) P. Karst.	Ива
46	<i>Cristinia helvetica</i> (Pers.) Parmasto	Осина
47	<i>Crustoderma dryinum</i> (Berk. et M.A. Curtis) Parmasto	Ель, сосна, ольха
48	<i>Cylindrobasidium evolvens</i> (Fr.) Jülich	Береза
49	<i>Cytidia salicina</i> (Fr.) Burt.	Ива
50	<i>Daedaleopsis confragosa</i> (Bolton) J. Schröt.	Ива, ольха, черемуха
51	<i>D. septentrionalis</i> (P. Karst.) Niemelä	Береза
52	<i>Datronia mollis</i> (Sommerf.: Fr.) Donk	Ива, ольха, осина
53	<i>Dichostereum boreale</i> (Pouzar) Ginns et M.N.L. Lefebvre	Сосна
54	<i>Diplomitoporus flavescens</i> (Bres.) Domański	Сосна
55	<i>Fibricium rude</i> (P. Karst.) Jülich	Ель
56	<i>Fibulomyces mutabilis</i> (Bres.) Jülich	Плодовые тела
57	<i>Fomes fomentarius</i> (L.) Fr.	Береза, ольха, осина, черемуха

Продолжение табл. 1

№	Латинское название	Субстрат
58	<i>Fomitopsis pinicola</i> (Sw.) P. Karst.	Ель, лиственница, сосна, береза, ива, ольха, осина
59	<i>F. rosea</i> (Alb. & Schwein.) P. Karst.	Ель
60	<i>Ganoderma lipsiense</i> (Batsch.) G.F. Atk.	Ива, ольха, осина
61	<i>Gloeocystidiellum convolvens</i> (P. Karst.) Donk	Ель, береза, ива, ольха, осина
62	<i>G. porosum</i> (Berk. et M.A. Curtis) Donk	Береза
63	<i>Gloeophyllum odoratum</i> (Wulfen) Imazeki	Ель
64	<i>G. sepiarium</i> (Wulfen) P. Karst.	Ель, можжевельник, ива, осина
65	<i>Gloeoporus dichrous</i> (Fr.) Bres.	Береза, ива, ольха
66	<i>G. taxicola</i> (Pers.) Gilb. et Ryvarden	Ель, сосна
67	<i>Gloiodon strigosus</i> (Sw.) P. Karst.	Осина
68	<i>Hapalopilus nidulans</i> (Pers.) Murrill	Береза, черемуха
69	<i>Haploporus odoratus</i> (Sommerf.) Bondartsev et Singer	Ива
70	<i>Hericium coralloides</i> (Scop.) Pers.	Береза, осина
71	<i>Hydnum repandum</i> L.	Почва
72	<i>H. rufescens</i> Schaeff.	Почва
73	<i>Hymenochaete cinnamomea</i> (Pers.) Bres.	Сосна, береза, ива, осина
74	<i>H. fuliginosa</i> (Pers.) Bres.	Можжевельник
75	<i>H. tabacina</i> (Fr.) Lév.	Ива, ольха, черемуха
76	<i>Hyphoderma praetermissum</i> (P. Karst.) J. Erikss. et E. Strid	Ель
77	<i>H. puberum</i> (Fr.) Wallr.	Ольха
78	<i>H. setigerum</i> (Fr.) Donk	Береза, ива, рябина, плодовые тела
79	<i>Hyphodontia abieticola</i> (Bourdot et Galzin) J. Erikss.	Сосна
80	<i>H. aspera</i> (Fr.) J. Erikss.	Береза
81	<i>H. barba-jovis</i> (Bull.) J. Erikss.	Береза, осина
82	<i>H. breviseta</i> P. Karst.	Ель, лиственница, сосна
83	<i>H. crustose</i> (Pers.: Fr.) j. Erikss.	Можжевельник
84	<i>H. flavipora</i> (Berk. et M.A. Curtis ex Cooke) Sheng H. Wu	Береза
85	<i>H. pallidula</i> (Bres.) J. Erikss.	Береза

№	Латинское название	Субстрат
86	<i>H. paradoxa</i> (Schrad.: Fr.) E. Langer et Vesterholt	Осина
87	<i>H. sambuci</i> (Pers.) J. Erikss.	Ива, осина
88	<i>H. verruculosa</i> J. Erikss. et Hjortstam	Осина
89	<i>Hypochniciumbombycinum</i> (Sommerf.) J. Erikss.	Ольха
90	<i>H. erikssonii</i> Hallenb. et Hjortstam	Сосна
91	<i>Inonotus obliquus</i> (Ach. ex Pers.) Pilát	Береза, ольха
92	<i>I. radiatus</i> (Sowerby) P. Karst.	Ольха
93	<i>Intextomyces contiguous</i> (P. Karst.) J. Erikss. et Ryvarde	Ива, рябина
94	<i>Irpex lacteus</i> (Fr.) Fr.	Береза, ольха
95	<i>Laetiporus sulphureus</i> (Bull.) Murrill.	Ива
96	<i>Laxitextum bicolor</i> (Pers.) Lentz	Осина
97	<i>Lenzites betulina</i> (L.) Fr.	Береза, осина
98	<i>Leptoporus mollis</i> (Pers.) Quél.	Ель, сосна
99	<i>Metulodontia nivea</i> (P. Karst.) Parmasto	Можжевельник, плодовые тела <i>Inonotus</i> sp.
100	<i>Mycoacia aurea</i> (Fr.) J. Erikss. et Ryvarde	Береза
101	<i>M. fuscoatra</i> (Fr.) Donk	Береза, осина
102	<i>M. uda</i> (Fr.) Donk	Береза
103	<i>Onnia tomentosa</i> (Fr.) P. Karst.	Ель
104	<i>Oxyporus corticola</i> (Fr.) Ryvarde	Береза, ольха, осина
105	<i>O. populinus</i> (Schumach.) Donk	Береза, ива, рябина
106	<i>Peniophora cinerea</i> (Pers.) Cooke	Ива
107	<i>P. incarnata</i> (Pers.) P. Karst.	Береза, ива, осина
108	<i>P. junipericola</i> J. Erikss.	Можжевельник
109	<i>P. nuda</i> (Fr.) Bres.	Ольха
110	<i>P. pini</i> (Schleich.) Boidin	Сосна
111	<i>P. septentrionalis</i> Laurila	Сосна
112	<i>P. rufa</i> (Fr.)	Осина
113	<i>Perenniporia subacida</i> (Peck) Donk	Ель
114	<i>Phaeolus schweinitzii</i> (Fr.) Pat.	Лиственница
115	<i>Phanerochaete calotricha</i> (P. Karst.) J. Erikss. et Ryvarde	Ольха
116	<i>P. laevis</i> (Fr.) J. Erikss. et Ryvarde	Можжевельник

Продолжение табл. 1

№	Латинское название	Субстрат
117	<i>P. livescens</i> (P. Karst.) Volobuev et Spirin	Сосна
118	<i>P. sordida</i> (P. Karst.) J. Erikss. et Ryvarden	Ель, лиственница, можжевельник, береза, ива
119	<i>Phellinus alni</i> (Bondartsev) Parmasto	Ольха
120	<i>Ph. chrysoloma</i> (Fr.) Donk.	Ель
121	<i>Ph. conchatus</i> (Pers.) Quél.	Ива, черемуха
122	<i>Ph. ferrugineofuscus</i> (P. Karst.) Bourdot et Galzin	Ель
123	<i>Ph. igniarius</i> (L.) Quél.	Ива
124	* <i>Ph. laevigatus</i> (P. Karst.) Bourdot et Galzin	Береза
125	<i>Ph. lundellii</i> Niemela	Береза
126	<i>Ph. niemelaei</i> (M. Fisch.) Zmitr., Malysheva et Spirin	Лиственница
127	<i>Ph. nigrolimitatus</i> (Romell) Bourdot et Galzin	Ель
128	<i>Ph. pini</i> (Brot.) Bondartsev & Singer	Сосна
129	<i>Ph. populicola</i> Niemella	Осина
130	<i>Ph. punctatus</i> (P. Karst.) Pilát	Береза, ива
131	<i>Ph. tremulae</i> (Bondartzev) Bondartzev et Borissov	Осина
132	<i>Ph. viticola</i> (Schwein) Donk	Ель, сосна
133	<i>Phlebia acerina</i> Peck	Рябина
134	<i>Ph. albida</i> Fr.	Береза
135	<i>Ph. centrifuga</i> P. Karst.	Ель, сосна
136	<i>Ph. Lilascens</i> (Bourdot) J. Erikss. et Hjorstam	Сосна
137	<i>Ph. livida</i> (Pers.) Bres.	Сосна, ель
138	<i>Ph. ochraceofulva</i> (Bourdot et Galzin) Donk	Ель
139	<i>Ph. radiata</i> Fr.	Береза, ольха
140	<i>Phlebiella vaga</i> (Fr.) P. Karst.	Сосна, ива
141	<i>Phlebiopsis gigantea</i> (Fr.) Jülich	Ель, сосна
142	<i>Piptoporus betulinus</i> (Bull.) P. Karst	Береза
143	<i>P. pseudobetulinus</i> (Murashk. ex Pilát) Pilát	Ива, осина
144	* <i>Polyporus brumalis</i> Pers.	Черемуха
145	<i>P. ciliatus</i> Fr.	Береза, черемуха
146	<i>P. melanopus</i> Sw.: Fr.	Береза, почва
147	<i>P. squamosus</i> (Huds.) Fr.	Осина
148	<i>P. varius</i> (Pers.) Fr.	Береза, ива, осина
149	<i>Porotheleum fimbriatum</i> (Pers.) Fr.	Ель, осина

№	Латинское название	Субстрат
150	<i>Postia placenta</i> (Fr.) M.J. Larsen et Lombard	Сосна
151	<i>P. stiptica</i> (Pers.) Jülich	Ель
152	<i>P. subcaesia</i> (A. David) Jülich	Осина
153	* <i>P. tephroleuca</i> (Fr.) Jülich	Сосна
154	<i>Punctularia strigosozonata</i> (Schwein.) P.H.B. Talbot	Осина
155	<i>Pyrenopeziza fulgens</i> (Fr.) Donk	Ель, сосна, осина
156	<i>Pyrenopeziza cinnabarinus</i> (Jacq.) P. Karst.	Береза, черемуха
157	<i>Radulodon erikssonii</i> Ryvarden	Осина
158	<i>Ramaria apiculata</i> (Fr.) Donk	Почва
159	<i>Resinicium bicolor</i> (Alb. et Schwein.) Parmasto	Ель, можжевельник, береза, ива
160	<i>Sarcodonimbricatus</i> (L.) P. Karst	Почва
161	<i>Schizophyllum commune</i> Fr.	Ива
162	<i>Scytinostroma galactinum</i> (Fr.) Donk	Ель, осина
163	<i>Sistotrema brinkmannii</i> (Bres.) J. Erikss.	Осина
164	<i>S. diademiferum</i> (Bourdot et Galzin) Donk	Ива
165	<i>S. raduloides</i> (P. Karst.) Donk	Береза, осина
166	<i>Sistotremastrum suecicum</i> Litsch. ex J. Erikss.	Можжевельник
167	<i>Skeletocutis amorphia</i> (Fr.) Kotl. et Pouzar	Ель, сосна, ива
168	<i>Sk. biguttulata</i> (Romell) Niemelä	Сосна, береза
169	<i>Sk. brevispora</i> Niemelä	Плодовые тела <i>Phellinus ferrugineofuscus</i>
170	<i>Sk. odora</i> (Sacc.) Ginns	Ель, береза
171	<i>Sk. papyracea</i> A. David	Ель, можжевельник, сосна
172	<i>Sk. stellae</i> (Pilát) Jean Keller	Ель
173	<i>Steccherinum bourdotii</i> Saliba et A. David	Береза
174	<i>S. collabens</i> (Fr.) Vesterholt	Ель, сосна
175	<i>S. fimbriatum</i> (Pers.: Fr.) J. Erikss.	Береза, ива, осина
176	<i>S. lacerum</i> (P. Karst.) Kotir. et Saaren.	Ольха
177	<i>S. luteoalbum</i> (P. Karst.) Vesterh.	Сосна
178	<i>S. nitidum</i> (Fr.) Vesterholt	Ольха, осина
179	<i>S. ochraceum</i> (Pers.) Gray	Береза, ива, ольха
180	<i>S. pseudozilingianum</i> (Parmasto) Vesterholt in Knudsen et Hansen	Осина

№	Латинское название	Субстрат
181	<i>Stereum hirsutum</i> (Willd.) Pers.	Береза
182	<i>S. rugosum</i> Pers.	Береза
183	<i>S. sanguinolentum</i> (Alb. et Schweinr.) Fr.	Ель
184	<i>S. subtomentosum</i> Pouzar	Ольха, черемуха
185	<i>Subulicystidium longisporum</i> (Pat.) Parmasto	Ива
186	<i>Thelephora caryophyllea</i> (Schaeff.) Pers.	Почва
187	<i>T. terrestris</i> Ehrh.	Почва
188	<i>Tomentella bryophila</i> (Pers.) M.J. Larsen	Береза, осина
189	<i>T. cinereoumbrina</i> (Bres.) Stalpers	Можжевельник, ива
190	<i>T. ellisii</i> (Sacc.) Jülich et Stalpers	Можжевельник, осина
191	<i>T. ferruginea</i> (Pers.) Pat.	Ольха
192	<i>T. fuscocinerea</i> (Pers.) Donk	Можжевельник
193	<i>T. griseoumbrina</i> Litsch.	Осина, ольха
194	<i>T. lapida</i> (Pers.) Stalpers	Береза, осина
195	<i>T. punicea</i> (Alb. et Schwein.) J. Schröt.	Можжевельник
196	<i>T. radiosa</i> (P. Karst.) Rick	Ель, береза, рябина
197	<i>T. stuposa</i> (Link) Stalpers	Лиственница, береза
198	<i>T. sublilacina</i> (Ellis et Holw.) Wakef	Ольха
199	<i>Trametes hirsuta</i> (Wulfen) Lloyd	Береза, ива, осина, черемуха
200	<i>T. ochracea</i> (Pers.) Gilb. et Ryvarden	Береза, ива, ольха
201	<i>T. pubescens</i> (Schumach.) Pilát	Береза, осина, ольха
202	<i>T. suaveolens</i> (L.) Fr.	Ива
203	<i>T. trogii</i> (Berk.) Dom.	Осина
204	<i>Trechispora kavinioides</i> B. de Vries	Можжевельник
205	<i>Trichaptum abietinum</i> (Dicks.) Ryvarden	Ель, лиственница, сосна
206	<i>T. biforme</i> (Fr.) Ryvarden	Береза, ива, ольха
207	<i>T. fusco-violaceum</i> (Ehrenb.) Ryvarden	Сосна
208	<i>T. laricinum</i> (P. Karst.) Ryvarden	Сосна
209	<i>Tubulicrinis gracillimus</i> (Ellis & Everh. ex D.P. Rogers et H.S. Jacks.) G. Cunn.	Осина, черемуха
210	<i>Vararia investiens</i> (Schwein.) P. Karst.	Лиственница
211	<i>Vesiculomyces citrinus</i> (Pers.) E. Hagstr	Ольха

Примечание: звездочкой отмечены виды, представленные в научной справке о видовом составе макромицетов Кенозерского национального парка [14].

Экологическая приуроченность к основным лесообразующим породам. Основным фактором, определяющим наличие грибов в конкретном биогеоценозе является субстрат. Для афиллофоровых базидиомицетов это древесина и продукты делигнификации ветровально-почвенных комплексов. Основу микобиоты данной территории составляют виды-ксилотрофы, развивающиеся на основных лесообразующих породах – ели (48 видов), сосне (42 вида), березе (67 видов) и осине (55 видов). Несколько меньшее число видов отмечено на лиственнице (8) и подлесочных породах – иве (44), ольхе (38), рябине (6), можжевельнике (21), черемухе (11), на почве – 12 видов. Кроме этого незначительное число видов отмечено на плодовых телах других грибов (6) – *Aporpium caryae*, *Asterodon ferruginosus*, *Botryobasidium botryosum*, *Fibulomyces mutabilis*, *Metulodontia nivea*, *Skeletocutis brevispora* и на шишках – *Auriscalpium vulgare*.

121 вид встречается только на одном виде субстрата (в том числе только на хвойном – 46 видов, только на лиственном – 62); 49 видов – на 2 субстратах; 29 – на 3; 7 – на 4; 3 – на 5; и только 2 вида (*Botryohypochnus isabellinus* и *Fomitopsis pinicola*) – на 7 субстратах.

Эколого-морфологический анализ. В долготной фракции преобладают мультирегиональные, а в широтной – мультизональные виды. Количество видов с другими типами ареалов (европейским, амфиатлантическим, палеарктическим) невелико (табл. 2), что указывает на незначительную специфичность видов. Приуроченность к месту обитания по степени увлажнения выражена достаточно четко: преобладают мезофильные виды – 56,8 %, доля ксерофильных составляет 21,2 %, а гигрофильных видов – 22,0 %. Кроме этого, преобладают однолетние (68,3 %) и однолетние зимующие (14,1 %) виды. Грибы, вызывающие белую гниль, разрушающие лигнин древесины, составляют 81,7 %.

Таблица 2

Распределение афиллофоровых грибов по хориономическим группам на территории Кенозерского национального парка, %

Географический элемент	Тип ареала					Итого
	Е	АА	РА	Н	MR	
Бореальный	4,3	0	2,9	20,4	3,3	30,9
Неморальный	0	0,5	0	1,0	2,0	3,5
Мультизональный	1,0	0	1,0	16,1	47,5	65,6
Всего	5,3	0,5	3,9	37,5	52,8	100,0

Примечание: Е – европейский, АА – амфиатлантический, РА – палеарктический, Н – голарктический, MR – мультирегиональный.

Редкие, индикаторные и охраняемые виды афиллофоровых грибов. Острой проблемой становится сохранение биологического разнообразия различных групп живых организмов как компонентов экосистем. При изменениях в них видовой состав их обедняется из-за уменьшения количества доступного субстрата, изменения режима влажности, разреживания насаждений и появления придорожных участков. Вместе с тем, комплексность растительного покрова, являющаяся результатом антропогенных воздействий, ведет в определенных случаях к внутриценотической гетерогенности и способствует проникновению в лесные экосистемы новых (чаще всего аazonальных и «южных») видов.

При оценке состояния лесных экосистем с точки зрения биологического разнообразия, кроме традиционных высших растений, мохообразных и лишайников, в последнее время используют дереворазрушающие грибы, подавляющее большинство которых представлены афиллофоровыми грибами. В коренных лесах отмечается наибольшее видовое разнообразие, что связано с наличием большого количества мертвой древесины хвойных и лиственных пород на разных стадиях разложения, которая является основным субстратом для развития дереворазрушающих грибов.

Не все виды афиллофоровых макромицетов встречаются регулярно и равномерно. Часть редких видов встречается спорадически, представлена единичными находками, другая часть отмечается постоянно, но в ограниченном числе экземпляров. Существуют определенные перечни видов, которые занесены в Красные книги и могут служить индикаторами состояния лесных экосистем, указывая на их нарушенность или «девственность». Так, в последние десятилетия в скандинавских странах созданы списки индикаторных видов, которые широко используются для выявления и охраны старовозрастных естественных лесов [2].

К настоящему времени на территории парка отмечено 18 видов, которые включены в Красную книгу как Архангельской области [15], так и сопредельных территорий – Мурманской области [16], Республик Карелия [17] и Коми [18]: *Antrodia pulvinascens*, *Aporpium caryae*, *Cantharellus cibarius*, *Craterellus cornucopioides*, *Creolophus cirrhatus*, *Gloiodon strigosus*, *Haploporus odoratus*, *Hericium coralloides*, *Laetiporus sulphureus*, *Leptoporus mollis*, *Onnia tomentosa*, *Peniophora septentrionalis*, *Piptoporus pseudobetulinus*, *Punctularia strigosozonata*, *Steccherinum collabens*, *S. pseudozilingianum*, *Radulodonerikssonii* и *Ramaria apiculata*.

Для видов, включенных в Красные книги Архангельской, Мурманской областей, Республики Карелия, Республики Коми и найденных на территории Национального парка «Кенозерский», необходимо сохранение естественной среды обитания, контроль за имеющимися популяциями, выявление новых местонахождений и мониторинг.

На территории парка зарегистрировано 15 индикаторных видов, из которых 12 являются индикаторами старовозрастных (*Antrodia pulvinascens*, *Asterodon ferruginosus*, *Gloeoporus taxicola*, *Fomitopsis rosea*, *Gloiodon strigosus*, *Leptoporus mollis*, *Phellinus chrysoloma*, *Ph. ferrugineofuscus*, *Ph. lundellii*, *Ph. nigrolimitatus*, *Ph. pini*, *Sistotrema strumsuecicum*), а 3 – девственных еловых и сосновых лесов (*Amylocystis lapponica*, *Phlebia centrifuga*, *Steccherinum collabens*).

Полученная сумма в 18 баллов по шкале скандинавских микологов [2] свидетельствует о том, что лесной массив считается заслуживающим охраны.

Индикаторные виды наиболее чувствительны к изменениям окружающей среды, поэтому требуют продолжения мониторинга и определенного режима охраны. При проведении дальнейших исследований, список видов будет уточняться и дополняться.

В течение ряда лет изучение афиллофороидных грибов на территории национального парка сопровождалось накоплением данных по представителям других групп агарикомицетов и сумчатых макромицетов: *Ceratiomyxa porioides* (Alb. Et Schwein.) J. Schröt. на ольхе, *Dacrymyces chrysocomus* (Bull.) Tul. на ели, *Daldinia concentrica* (Bolton) Ces. et De Not. на ольхе, *Eocronartium muscicola* (Pers.) Fitzp. на ольхе, *Exidia cartilaginea* S. Lundell et Neuhoﬀ на ольхе, *E. nigricans* (With.) P. Roberts на березе, иве, ольхе и рябине, *E. repanda* Fr. на иве, *Exidiopsis calcea* (Pers.) K. Wells на лиственнице, *Gyromitra esculenta* (Pers.) Fr. на почве, *Kuehneromyces mutabilis* (Schaeff.) Singer et A.H. Sm. на почве, *Mухarium nucleatum* Wallf. на ольхе, *Scutellinia scutellata* (L.) Lambotte на березе, *Spathularia flavida* Pers. на почве и *Tulasnellaviolea* (Quél.) Bourdotet Galzin. на березе.

Кроме этого, в отчете [14] упоминаются 163 вида макромицетов Кенозерского национального парка.

Список литературы

1. *Kõljalg U.* Tomentella (Basidiomycota) and related genera in Temperate Eurasia. Oslo, 1996.
2. *Kotiranta H., Niemelä T.* Uhanalaiset käävät Suomessa. Tonien, uudistettu painos. Helsinki, 1996.
3. *Ryvarden L., Gilbertson R.L.* European polypores. Part 1: Abortiporus – Lindtneria. Oslo, 1993. P. 1–387.
4. *Ryvarden L., Gilbertson R.L.* European polypores. Part 2: Meripilus – Tyromyces. Oslo, 1994. P. 388–743.
5. *Большаков С.Ю., Волобуев С.В., Ежов О.Н., Потанов К.О.* Чек-лист афиллофороидных грибов Европейской части России: первые результаты // Современная микология в России. Т. 6 / под ред. Ю.Т. Дьякова, Ю.В. Сергеева. М., 2017. С. 120–122.
6. *Бондарцев А.С.* Трутовые грибы Европейской части СССР и Кавказа. М.; Л., 1953.

7. *Бондарцева М.А.* Определитель грибов России. Порядок афиллофоровые. Вып. 2: Семейства альбатрелловые, апорпиевые, болетопсиевые, бондарцевиевые, ганодермовые, кортициевые (виды с порообразным гименофором), лахнокладиевые (виды с трубчатым гименофором), полипоровые (роды с трубчатым гименофором), пориевые, ригидопоровые, феоловые, фистулиновые. СПб., 1998.

8. *Бондарцева М.А., Пармасто Э.Х.* Определитель грибов СССР. Порядок афиллофоровые. Вып. 1: Семейства гименохотовые, лахнокладиевые, кониофоровые, щелелистниковые. Л., 1986.

9. *Ежов О.Н.* Афиллофоровые грибы Архангельской области. Екатеринбург, 2013.

10. *Ежов О.Н.* Видовое разнообразие афиллофоровых грибов на территории Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек. Архангельск, 2016. С. 9–15.

11. *Ежов О.Н.* Видовое разнообразие афиллофоровых грибов на территории Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2016. Деревянная структура в культурном ландшафте: вызовы современности. Архангельск, 2017. С. 173–184.

12. *Ежов О.Н., Ершов Р.В., Руоколайнен А.В., Змитрович И.В.* Афиллофоровые грибы заповедника «Пинежский». Екатеринбург, 2011.

13. *Змитрович И.В.* Определитель грибов СССР. Порядок афиллофоровые. Вып. 3: Семейства ателиевые и амиллортициевые. СПб., 2008.

14. *Козыкина О.С.* Видовой состав макромицетов Кенозерского национального парка. Каргополь, 2012.

15. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008.

16. Красная книга Мурманской области. Мурманск, 2014.

17. Красная книга Республики Карелия. Петрозаводск, 2007.

18. Красная книга Республики Коми. Сыктывкар, 2009.

19. *Толмачев А.И.* Введение в географию растений. СПб., 1974.

20. *Шмидт В.М.* Математические методы в ботанике. СПб., 1984.

Изменчивость общей увлажненности в районе Кенозерья за 13 тысяч лет

Общая увлажненность характеризует состояние всех природных вод любого региона. Анализ большого объема данных [1–9] позволил автору статьи впервые наметить ритмическую последовательность в изменчивости общей увлажненности в районе Кенозерского национального парка за последние 13 тыс. лет. Охарактеризована структура шести полных и двух неполных сверхвековых ритмов А.В. Шнитникова: это беллинг-среднедриасовый (I), аллеред-позднедриасовый-раннепребореальный (II), позднепребореальный-бореальный (III), ранне- и среднеатлантический (IV), позднеатлантический-раннесуббореальный (V), средне- и поздне- и познесуббореальный (VI), субатлантический (VII) и современный (VIII).

При этом прохладно-влажной фазе ритма отвечает повышение уровня озер, увеличение стока рек, увлажнение болот, усиление процессов подзолообразования, увеличение общей увлажненности природных комплексов. В теплую и сухую фазу понижается уровень озер, уменьшается сток рек, медленно усыхают и зарастают деревьями болота, ослабевает процесс подзолообразования, преобладают теплолюбивые виды рыб, уменьшается общая увлажненность природных комплексов.

В настоящее время в районе Кенозерского национального парка имеет место теплая и сухая фаза, начавшаяся в XVIII в. Она будет длиться около 700 лет. В связи с этим понятна необходимость более рационального использования и строгой охраны водных ресурсов в районе парка в течение продолжительного времени. Кроме того, анализ дендрохронологических и гидрометеорологических данных позволил автору уточнить структуру современного 1850-летнего ритма А.В. Шнитникова для района Кенозерского национального парка.

По дендрохронологическим данным установлено, что за последние 500 лет (ст. Обозерская) климат холодный и влажный был в XVI в., холодный и сухой – в XVII и XIX вв., теплый и сухой – в XVIII в., теплый и влажный – в XX в. (см. таблицу).

Показатели климата в районе Кенозерья

Век	Среднегодовая температура, °С	Величина осадков теплого периода, мм	Оценка климата	Индекс ширины годичного кольца	Оценка прироста деревьев
XVI	-1,00	370	Холодный и влажный	0,785	Высокий

Окончание табл.

Век	Среднегодовая температура, °С	Величина осадков теплого периода, мм	Оценка климата	Индекс ширины годичного кольца	Оценка прироста деревьев
XVII	0,40	277	Холодный и сухой	0,988	Низкий
XVIII	0,66	304	Теплый и сухой	1,006	Низкий
XIX	0,46	302	Холодный и сухой	1,010	Высокий
XX	0,90	360	Теплый и влажный	1,028	Высокий

На основе дендроиндикационного метода автором проанализированы данные за последние 250 лет (в районе г. Няндомы) и выявлена «холодно-влажная» фаза с 1867 г. практически до сегодняшнего времени, характеризующаяся более интенсивным приростом сосны на верховых болотах. Динамическое состояние геосистем-фаций в лесу (А), на границе леса и верховых болот (Б), на верховых болотах (В) за последние 250 лет было неодинаковым. Установлено, что геосистемы леса (А), имеющие нормальное увлажнение, характеризуются наибольшими величинами средней ширины, максимума и размаха вариации годичных колец. По степени прироста сосны рассмотренные системы с разной увлажненностью располагаются так: Б (наиболее изменчивые), А, В (наименее изменчивые). В период внутривековых трансгрессивных фаз увлажненности (1950-е гг.) процесс наступления болот на лес активизируется. При этом продуктивность лесов в районе болот в течение таких фаз уменьшается.

За последние 100 лет по особенностям сочетания тепла и влаги (г. Каргополь) выявлены «холодно-влажные» (конец XIX – начало XX в., 1950–1980-е гг.) и «тепло-сухая» (между 1907 и 1952 гг.) фазы общей увлажненности природных комплексов. Систематизированы средние многолетние данные о годовых уровнях оз. Воже, Лача, Лекшмозеро и Кенозеро. На оз. Воже очень хорошо проявляются подъемы уровня, которые пришлись на 1950–1960-е гг. Они синхронны многоводным фазам вышеназванных озер. Анализ динамики среднего уровня р. Волошки с учетом отклонений от средней величины дал возможность выявить многоводные годы и фазы (1952–1962, 1973–1984), а также маловодные годы и фазу (1962–1973). Продолжительность фаз составляет 11 лет. При этом наиболее низкий уровень наблюдался в засушливом 1973 г. Анализ динамики глубины залегания грунтовых вод позволил выявить две многоводные фазы (1975–1978, 1983 гг.) и одну маловодную (1979–1982 гг.). Последняя выражена отчетливо и наблюдалась в годы с недостаточным атмосферным увлажнением.

В заключение следует отметить, что в районе Кенозерья кроме сверхвековых ритмов увлажненности имеют место вековые (90-летний) и внутривеко-

вые (11-летних) ритмы разной продолжительности, оказывающие всестороннее влияние на структуру современных природных комплексов. Выявленные особенности в изменчивости общей увлажненности в районе Кенозерья должны учитываться при реализации гражданских инициатив на территории национального парка.

Список литературы

1. *Ермолин Б.В.* Анализ динамики увлажнения тайги ЕТС в связи с прогнозированием мелиораций // Естественно-научные предпосылки интенсификации сельскохозяйственного производства и проблемы охраны природы Псковской и смежных областей. Псков, 1985. С. 85–87.
2. *Ермолин Б.В.* Временная и пространственная изменчивость увлажненности и ее влияние на структуру природных комплексов Прионежской среднетаежной равнины: автореф. дис. ... канд. географ. наук. Л., 1987.
3. *Ермолин Б.В.* Озеро Лача. Архангельск, 1993.
4. *Ермолин Б.В.* Изменения природы в районе Кенозерья за 13 тысяч лет // Кенозерские чтения – 2016: Деревянная архитектура в культурном ландшафте: вызовы современности. Архангельск, 2017. С. 185–188.
5. *Иванов Н.И.* Атмосферное увлажнение тропических и сопредельных стран земного шара: автореф. дис. ... д-ра географ. наук. Л., 1955.
6. *Исаченко А.Г.* География сегодня. М., 1979.
7. *Литенко Н.Л.* Исследование гидроморфной структуры ландшафтов Сахалина в связи с их хозяйственным освоением: автореф. дис. ... канд. географ. наук. Л., 1984.
8. *Ловеллус Н.В., Ермолин Б.В.* К анализу прироста сосны обыкновенной в северной подзоне тайги Европейского Севера // Природные условия и ресурсы севера Европейской части СССР. Вологда, 1975. С. 118–122.
9. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.; Л., 1957. Т. 16.

Беломорско-Азовское «Зеленое ожерелье»: к проекту комплексного изучения особо охраняемых природных территорий Европейской части России

В Европе в последние годы широкое признание получил проект «Зеленый пояс Европы» («European Green Belt») – уникальное, а возможно, и единственное положительное наследие холодной войны (ил. 1). В условиях Европейского субконтинента актуален вопрос сохранения экосистем, а приграничная зона, некогда разделенная «железным занавесом», оказалась идеальным местом для зеленого пояса, где можно развивать инфраструктуру экологически дружественного природопользования. В настоящее время в этой инициативе участвуют 24 европейских государства. Пояс образует полосу от Баренцева до Средиземного моря протяженностью примерно 8,5 тыс. км, включает около 3200 ООПТ и имеет буферную зону шириной 50 км.

Идея подготовки серийной трансграничной номинации зеленого пояса Фенноскандии (ЗПФ) возникла в 1995 г. и впервые широко обсуждалась на международном российско-финляндском совещании в Министерстве экологии РФ осенью 1995 г. [1]. Этот экологический проект сначала создавался с целью сохранения старовозрастных лесов вдоль границы России и Финляндии и не предполагал широкого спектра исследовательских направлений. По форме планировавшаяся территория представляет собой территорию от Баренцева до Балтийского моря, вытянутую вдоль российско-финляндской, а на севере также и вдоль российско-норвежской границы [8]. Зеленый пояс можно рассматривать как экологический коридор, включающий в себя приграничные особо охраняемые природные территории (ООПТ) России, Финляндии и Норвегии. В ЗПФ входят акватория, острова и побережье Финского залива в пределах Ленинградской области, и он является северным участком зеленого пояса Европы.

После падения «железного занавеса» районы, занятые прежде военными, оказались свободными и хорошо сохранившимися природными комплексами. Природные сообщества ООПТ – своеобразная экологическая ниша, где уже сформирован почвенный комплекс с микроорганизмами, сообщество растений, птиц, животных, приспособленных к условиям существования на данной территории. Они влияют друг на друга и на окружающую среду, хотя при этом опосредованно зависят от кристаллических и рыхлых горных пород как фундамента, а также от отдельных слагающих их минералов, входящих в состав почв, на которых находятся данные сообщества. На территориях

ООПТ геологические исследования служат основой для создания экологических и природных троп, а отдельные интересные геологические объекты в их пределах превращаются в самостоятельные достопримечательности. Анализ расположения и особенностей геологического строения их дочетвертичного фундамента показал, что все заповедники и национальные парки в Республике Карелия и прилегающих районах других субъектов РФ отличаются своеобразием индивидуальной геологической специфики [4; 6].

Своеобразным аналогом ЗПФ в Центральной России, по мнению авторов, может стать «Зеленое ожерелье» – субмеридиональная полоса длиной более 2,5 тыс. км от Белого до Азовского моря от 34 до 43° в.д. с рабочим названием Беломорско-Азовское «Зеленое ожерелье» (БАЗО), которое включит в себя уже известные ООПТ федерального и регионального уровня (ил. 2).

БАЗО по природным особенностям может быть разделено на три отрезка: Северный (Фенноскандия), Центральный (Русская равнина) и Южный (Сарматия).

Занимаясь на протяжении нескольких десятилетий геологическими исследованиями и экопросвещением учащихся и населения северной части БАЗО (Республика Карелия и Архангельская область), мы осознаем всю сложность увязывания в единую природную систему известных ООПТ, а тем более индивидуального геологического строения этих разрозненных территорий. Объединение последних стало возможным в результате внедрения уже действующей геоинформационной системы, содержащей комплекс необходимых для исследований данных в области геоэкологии и геологического наследия [6]. Так, на основе обзорных геологических карт [5] выделены наиболее интересные и представительные ООПТ (заповедники и национальные парки), в которых имеются геологические объекты общероссийского значения, доступные для посещения и исследования специалистами и туристами. В данной работе отмечены те, где установлены уникальные и представительные докембрийские геологические комплексы.

Главные геологические особенности этих ООПТ заключаются в следующем (в порядке от древних к молодым) (ил. 3):

1. В карельской части Водлозерского национального парка (ВНП) и западной части Кенозерского национального парка (КНП) в отличие от других ООПТ на поверхности Земли обнажаются наиболее древние амфиболиты (волоцкая свита), гнейсы, тоналиты и гранитоиды палеоархея, возраст которых более 3,2 млрд лет.

2. В архангельской части ВНП (Сенегозерская структура) развиты пояса вулканогенных и осадочных пород мезо- и неоархея (3,0–2,7 млрд лет), сопровождаемые глубинными плутонитами (габброиды и ультрамафиты). Для Костомукшского заповедника, национальных парков «Паанаярви» (НПП) и «Калевальский» характерны гранитоиды этого же возраста.

3. В архангельской части ВНП (палеорифт Ветреный Пояс) и НПП известен широкий спектр пород палеопротерозоя (2,5–2,3 млрд лет) от андези-

базальтов до уникальных по свежести коматиитовых базальтов, кварцито-песчаников и конгломератов, а также интрузивных комагматов вулканитов (Кивакка и др.).

4. В НПП и заповеднике «Кивач» наиболее полно представлены породы возрастом 1,92 млрд лет: кварцито-песчаники, доломиты, углеродсодержащие сланцы, шунгиты, базальты и их туфы, а также пикриты, долериты и верлиты. При этом определены их новые изотопные возрасты, создающие перспективы для углубления исследований.

5. На территории созданного в 2017 г. Национального парка «Ладожские шхеры» также широко представлены палеопротерозойские осадки и вулканиты, но там они интенсивно метаморфизованы при высоких температурах и давлениях, превращены в кристаллические сланцы и гранулиты. Близкие по составу и степени метаморфизма породы наблюдаются и в Кандалакшском заповеднике.

6. На территории Нижне-Свирского заповедника, Национального парка «Онежское Поморье» и частично в КНП развиты наиболее молодые докембрийские осадочные породы вендской системы (0,65–0,54 млрд лет).

7. В восточной части КНП обнажаются осадочные породы девона и карбона (песчаники, глины, известняки, мергели) возрастом 0,4–0,3 млрд лет.

В совокупности закономерная последовательность геологических объектов представляет собой своеобразную трансекту (отмеренную на территории экосистемы узкую прямоугольную площадку или серию площадок) геологической летописи, когда семь из девяти эратем, известных в истории Земли, обнаруживаются в ней в интервале 3,5–0,3 млрд лет. Следы двух пока не обнаруженных эр (мезопротерозой и мезозой) могут сохраниться в отдельных природных заказниках. Геологические исследования, проведенные на ООПТ Северо-Запада России, свидетельствуют о большом потенциале этих территорий для дальнейшего их изучения и развития новых форм познавательного и научного туризма [2–4].

В центральной (Вологодская, Ярославская, Московская, Рязанская, Тамбовская и Воронежская области) и южной (Ростовская область и Республика Крым) частях России авторы данной статьи собственных исследований не проводили, поэтому геологические материалы по этим регионам (ил. 4) здесь даны по Е.Е. Милановскому [7].

Главная идея создания такой единой природоохранной территории – необходимость популяризации сохранения природы в различных природных зонах нашей страны, особенно в ее Европейской части, где проживает большая часть населения, а антропогенная нагрузка на природные сообщества существенно увеличивается. В дальнейшем необходимо усиление этой структуры за счет многочисленных региональных природных парков, заказников и памятников природы, которых значительно больше по количеству, чем федеральных ООПТ.

Организация «Зеленого ожерелья» призвана активизировать деятельность местных властей и администраций по созданию новых ООПТ или ускорить процессы, находящиеся на стадии рассмотрения и перевода в ООПТ. БАЗО

также сможет войти в общий Европейский коридор, а следовательно, станет новым объектом для природоориентированных зарубежных туристов, которые смогут, путешествуя по Европейской части России, посетить различные ООПТ от Азовского до Белого моря.

Европейский опыт подсказывает, что технически такая большая территория, как пояс (трансекта или «ожерелье») может пройти по границам административных областей, что в свою очередь тоже является положительным моментом для развития маршрутов межрегионального природного туризма.

На границе России и Украины в настоящее время ООПТ федерального уровня нет (ил. 5), что объясняется сложившейся политической ситуацией на сопредельных территориях. Создание зеленой полосы на территории России вдоль всей восточной части границы Украины вплоть до Азовского моря помогло бы начать новый этап в отношениях этих двух родственных стран, а также решить некоторые задачи по сохранению и восстановлению природных сообществ региона.

Таким образом, проведенный предварительный анализ распространения федеральных ООПТ на Европейской части территории России позволяет:

1. Выделить Беломорско-Азовское «Зеленое ожерелье» – полосу субмеридианального направления шириной до 100 км и протяженностью до 2,5 тыс. км, внутри которой могли бы оказаться национальные парки и заповедники, а в дальнейшем ООПТ регионального и местного подчинения.

2. В геологическом отношении БАЗО разделяется на три части: северную (Фенноскандия), центральную (Русская равнина) и южную (Сарматия), которые охватывают природные территории 10 субъектов Российской Федерации от Карелии и Архангельской области на севере до Ростовской области и Крыма на юге.

3. Главные особенности БАЗО обусловлены расположением отдельных территорий в различных природных зонах, а также различным геологическим строением. В будущем эта территория вполне может стать своеобразным научным полигоном для изучения эволюции жизни планеты в течение более 3,5 млрд лет от раннего архея до четвертичного периода. Современный эрозионный срез территории БАЗО демонстрирует последовательное формирование породных ассоциаций от самых древних на севере до самых молодых в южной его части.

4. Для создания БАЗО необходимо комплексное научное исследование всей его территории с выявлением наиболее ярких объектов и типичных комплексов для того или иного природного сообщества. Научные экспедиции такого статуса позволят привлечь внимание специалистов и научных сотрудников не только из академических институтов, но и профильных вузов, а также смогут повысить квалификацию сотрудников ООПТ, входящих в БАЗО. Исследование территории будет предпосылкой для обоснования создания масштабного межрегионального проекта по сохранению живой природы в Европейской

части России. Такое исследование может иметь и грантовую поддержку на развитие территории, а также повлиять на создание новых ООПТ внутри этого «ожерелья».

5. Совместные исследования территории в южной части позволят российским и украинским ученым и экологами обмениваться имеющимися наработками, а также подготовить совместный план развития районов по обе стороны границы на ближайшую и дальнюю перспективу.

6. Программа-максимум предусматривает возможность соединения БАЗО с зеленым поясом Европы. В результате могло бы быть создано уникальное «Зеленое кольцо Европы». Это позволит в дальнейшем устанавливать научные и эколого-просветительские связи с ООПТ Европейских стран. Такая совместная деятельность позволила бы глубже понимать процессы, происходящие на территории Европы на протяжении формирования и развития этой территории.

Список литературы

1. Зеленый пояс Фенноскандии: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.Ф. Титов. Петрозаводск, 2013.

2. Куликов В.С., Куликова В.В., Зудин А.И. Граница между природными странами Фенноскандии и Русская равнина на территории Кенозерского национального парка // Кенозерские чтения – 2013. Культурные ландшафты: традиции для развития. Архангельск, 2015. С. 172–177; 312–317.

3. Куликов В.С., Куликова В.В., Зудин А.И. Уникальная географическая «точка Масельга» в Кенозерском национальном парке на границе природных стран Фенноскандии и Русской равнины как современный образовательный объект // Материалы IX Международной конференции и летней школы «Геология в школе и в вузе: Геология и цивилизация». СПб., 2015. С. 345–349.

4. Куликов В.С., Кузнецова Е.В., Куликова В.В., Полин А.К. Геологическое разнообразие заповедников и национальных парков ЮВ Фенноскандии // Научные исследования в заповедниках и национальных парках России. Петрозаводск, 2016. С. 128.

5. Куликов В.С., Светов С.А., Слабунов А.И., Куликова В.В., Полин А.К., Голубев А.И., Горьковец В.Я., Иващенко В.И., Гоголев М.А. Геологическая карта Юго-Восточной Фенноскандии масштаба 1:750000: Новые подходы к составлению // Труды Карельского НЦ РАН. 2017. № 2. С. 3–41. DOI: 10.17076/geo444.

6. Куликов В.С., Светов С.А., Степанова А.В., Куликова В.В., Полин А.К., Гоголев М.А. Геоинформационная система «геология Юго-Восточной Фенноскандии»: перспективы использования при создании государственных геологических карт и для обеспечения охраны окружающей среды // ИнтерКарто/ИнтерГИС. Геоинформационное обеспечение устойчивого развития территорий: материалы Международной конференции. Т. 24, ч. 1. Петрозаводск, 2018. С. 369–382.

7. Милановский Е.Е. Геология России и ближнего зарубежья (Северная Евразия). М., 1996.

8. Светов С.А., Куликов В.С., Слабунов А.И. Геологическое строение территории зеленого пояса Фенноскандии (российская часть) // Труды Карельского НЦ РАН. 2019. № 4. С. 32–40. DOI: 10.17076/them1001.

*В.В. Куликова (г. Петрозаводск),
Я.В. Бычкова (г. Москва),
В.С. Куликов (г. Петрозаводск)*

Комплексный анализ состояния природы на острове Пурлуда в Онежском заливе Белого моря

Геологическое строение островов восточной части Онежского залива Белого моря в XX в. рассматривалось с позиций раннеархейских супракрустальных образований как ортоамфиболиты, или преобразованные метаморфическими высокотемпературными процессами магматические породы [10] и др. Вплоть до настоящего момента все известные геологические схемы Беломорья носят дискуссионный характер. Эти глубоко метаморфизованные неясного возраста (палео- или мезоархейские) метаморфиты рассматриваются нами как палеоархейские (?), условно стратифицированные образования (толщи сверху вниз – ?): высокоглиноземистая (чупинская), амфиболитовая (хетоламбинская), гнейсовая (керетьская), образующие синклиналию складку северо-западного направления с замыканием на юго-восточном окончании Онежского залива в районе Сельдяных Луд.

Возраст наиболее древних цирконов из вмещающих пород (неоархейский метаморфизм амфиболитовой фации – ?) составляет 2702–2680 Ма, а возраст массива интерпретируется как время формирования – 2441±51 Ма, согласно исследованию А.И. Слабунова с коллегами (см., например: [9] и др.). Возраст жил гранитных пегматитов, секущих весь комплекс, составил от 2390±50 до 2360±13 Ма (Рb–Рb метод ТИЭМ, Институт геологии и геохронологии докембрия РАН, данные Плесецкой поисково-съёмочной экспедиции).

В 1988 г. В.В. и В.С. Куликовыми при активной организационной помощи главного геолога Плесецкой поисково-съёмочной экспедиции ПГО «Архангельскгеология» А.И. Зудина впервые было установлено [3–6], что в Онежском заливе на юго-востоке Белого моря на Кий-островском архипелаге, а также на островах Пурлуда и Шоглы обнажается расслоенный интрузив (массив, плутон), породы которого, как предполагается, образуют единое целое магматическое тело на площади 40×20 км. Ему было дано общее название «Кий-островский». Несмотря на то, что полевые работы за весь период геологических исследований не были системными и осуществлялись лишь время от времени, сначала после снятия с территории ограничений, обусловленных близостью государственной границы, а в дальнейшем в зависимости от финансирования Карельского НЦ РАН, были получены некоторые новые результаты. Сложность изучения строения всего интрузива обусловлена удаленно-

стью главных островов друг от друга, особенностями составов слагающих их магматических горных пород, преобразованием последних тектоническими и метаморфическими процессами.

В 1989 г. вместе с коллегами (О.С. Сибилев, Д.В. Рычанчик, Т.Е. Булганина, В.И. Робонен) было выполнено инструментальное картирование островов Кий-островского архипелага, а в дальнейшем он изучался совместно с приглашенными к сотрудничеству коллегами из МГУ им. М.В. Ломоносова (Е.В. Коптев-Дворников, Н.Ф. Пчелинцева, А.Ю. Бычков, Я. А. Бычков и студенты). Массив имеет четырехчленное строение и характеризуется сменой вещественного состава пород условно с северо-востока на юго-запад: 1) анортозиты и габбро-нориты (остров Пурлада); 2) габбро и амфиболиты (острова Шоглы); 3) лейкогаббро – расслоенная серия (остров Кий); 4) ультрабазиты (Фересовы Луды).

Нижний контакт массива с амфиболитами (метаандезиты – ?) и серыми гнейсами по осадкам, залегающими на амфиболитах, условно прослеживается на островах Осинки, Баклан и др. С северо-востока массив контактирует с метатолитами (?), чередующимися с гранат-амфиболовыми, гранат-биотит-амфиболовыми гнейсами, обнажающимися в карьере «Покровское» вблизи г. Онега. По данным геофизических измерений и бурения (ПГО «Архангельско-геология»), он может быть прослежен на северо-восточном побережье Онежского залива (район пос. Томицы – Покровское).

Нижняя часть интрузива располагается на Кий-островском архипелаге (острова Фересовы Луды, Кий, Крестовый). По профилю Фересовы Луды – Кий-остров выделяются следующие зоны (снизу вверх): 1) метаперидотиты с кристаллами вторичного ортопироксена размерами до 5×10 см (мощность около 80 м); 2) горнblendиты по пироксенитам (мощность до 10 м) с зонами корундовых метасоматитов; 3) расслоенная серия: габбронорит – лейкогаббро (50 м); 4) амфиболитизированный габбронорит, ортоамфиболит (более 100 м); 5) расслоенная серия горнblendит – лейкогаббро, в которой на южном конце острова Южный Кий установлено наличие реликтов первичных минералов, текстур и структур пород в слоях мощностью от 10–15 см до 1 м, образующих пакеты толщиной до 10 м. Слои имеют ассиметричное строение: а) в нижней части преобладают (до 70 %) темноцветные минералы (орто- и клинопироксены, а также вторичный амфибол); б) в верхней части их содержание падает до 10 %, а преобладающим становится плагиоклаз. Кровля и подошва разреза не обнажены.

Остров Шоглы, сложенный амфиболитами по габбро, авторами данной работы отнесен к центральной зоне Кий-островского расслоенного мафит-ультрамафитового массива, однако он требует дополнительных исследований.

Особого внимания заслуживает *кровельная часть (зона)* интрузива – остров Пурлада, который коллектив авторов впервые посетил и начал изучать

в 1989 г. Интерес был обусловлен несколькими причинами: во-первых, никогда и никем ранее не изучавшимся строением самого острова и его особым географическим и геологическим положением; во-вторых, интересными минералогическими находками, которые при современных технологиях и инструментарии могут иметь перспективное будущее; а в-третьих, птичьим населением, в том числе гаги обыкновенной (*Somateria mollissima*), которое, как сразу стало ясно, надо спасать от полного уничтожения.

В географическом плане по «Лоциям Онежской губы Белого моря» остров расположен «в 8 милях к С[еверу] от острова Пулонец <...> состоит из двух голых каменистых островков с крутыми обрывистыми берегами, возвышающихся примерно на 8 м над уровнем моря. В малую воду островки соединяются осыхающим каменистым перешейком. На расстояние до 0,3 кбт. к SW от острова Пурлуда выступает осыхающая отмель. С северной, восточной и южной сторон остров весьма приглублен; глубины около 5 м проходят здесь почти вплотную к берегу, а в 1 кбт. от острова глубины 9–10 м. Координаты о-ва: 83° в 2,2 мили и 19° в 2,4 мили. Светящийся знак МАЯК «Пурлуда» установлен на возвышенности в северной части острова» [8].

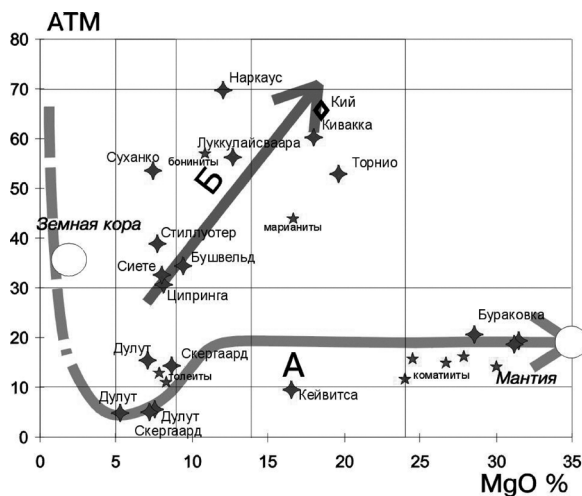
В 8 кабельтовых от острова Пурлуда лежит банка с глубиной 6,4 м. Хотя по проходу между островом и юго-восточной оконечностью Песчанонаволоксской мели судам с большой осадкой плавать не рекомендуется, на Пурлуде существуют благоприятные условия для того, чтобы развивать здесь геологические, экологические и познавательные маршруты.

Остров сложен габбро-норитами и анортозитами. Совместно с коллегами Е.В. Шарковым и А.В. Чистяковым в 2003 г. [6] через эту часть интрузива (условно в крест простирания с востока на запад) получен разрез: среднезернистый габбронорит – 10 м (обр. 03-пур-1р) → «критическая зона» (по Е.В. Шаркову) северо-восточного простирания мощностью около 20 м в виде среднезернистых габброноритов (обр. 03-пур-2р), среди которых выявлены лейкократовые ксенолиты мощностью от 2–5 см до 1 м, длиной от 10 см до 3–5 м с хорошо проявленной тонкой полосчатостью (расслоенностью – ?) (обр. 03-пур-2/2р), а также ксенолиты среднезернистых пироксенитов, установленных внутри лейкократовых ксенолитов, или в виде округлых образований (оливиновых пироксенитов типа Фересовых Луд Кий-островского архипелага) диаметром до 10 см (обр. 03-пур-2/3р, 2/4) → среднезернистые однородные габбронориты (обр. 03-пур-3р) → однородные габбронориты с единичными ксенолитами лейкократовых (анортозитов – ?) пород, секущихся жилой мощностью до 30 см гранатовых амфиболитов с падением на юг (обр. 03-пур-4р) → МАЯК → габбронориты с зонами амфиболитизации субширотного простирания мощностью до 1 м (обр. 03-пур-5р) → в 50 м от МАЯКА (обр. 03-пур-6р) → 60 м от предыдущей пробы однородные габбронориты мощностью 5–6 м с редкими ксенолитами лейко- и меланократовых пироксенитов (размеры кри-

сталлов: 3–4 см) (обр. 03-пур-7р) → 50 м к северу однородные габбронориты (обр. 03-пур-8р) → в 15 м от предыдущей пробы «критическая зона» с ксенолитами пироксенитов (обр. 03-пур-9/3р), лейкократовых анортозитов (обр. 03-пур-9/2р) и вмещающих пород (обр. 03-пур-9/1р). Возможно, что «критический горизонт» является маркирующим для складки с осью северо-восточного простирания, образующей остров Пурлуда. Южный остров сложен преимущественно габброноритами (обр. пур-10-д21).

Породы острова секутся дайками и жилами (?) гранатовых габбро, которые встречаются на всех островах и своим простиранием контролируют складчатость (или поздние тектонические зоны – ?) по направлениям: на островах Пурлуда – северо-восток и северо-запад, Шоглы – северо-северо-запад, Кий-остров – северо-запад. В зонах тектонических нарушений породы интрузива перекрыты также конгломератами, возможно, рифейского возраста в виде окатанных обломков габбро-норитов и анортозитов, погруженных в карбонатный цемент (по мнению В.С. Куликова, нептунические дайки).

Химический состав вышеописанных пород представлен в таблице, где последние два столбца отражают составы проб, пересчитанные на сухой остаток, которые являются координатами для положения среднего состава плутона на диаграмме АТМ (алюмотитановый модуль – оксид магния) (см. рис.). Местоположение пород на диаграмме позволяет отнести интрузив к целой цепи предполагаемых массивов в Кандалакшской губе и аналогичных магматическим породам бонинитовой серии, например Кивакка (Северная Карелия), существенно отличающимся от ультрамафитов Разострова, которые соответствуют коматитовой серии (см., например: [7] и др.).

АТМ-диаграмма для магматических горных пород [7]

Химические составы главных пород Кий-островского расслоенного массива

№ анализа	Кий-остров														
	SiO ₂	TiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	FeO	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	H ₂ O	p.p.p.	P ₂ O ₃	ATM	MgO
8853	35.70	0.34	7.12	9.30	8.36	0.254	24.16	5.13	0.07	0.03	0.62	8.83	0.05	21	26.50
8853-4	28.20	0.42	12.88	14.40	10.63	0.248	18.25	5.22	0.15	0.03	0.28	5.58	0.07	31	19.30
8859	44.96	0.30	8.54	3.62	6.07	0.173	24.60	6.64	0.07	0.04	0.65	4.80	0.14	28	25.80
8957	41.00	0.28	4.74	4.20	7.47	0.206	27.82	5.26	0.07	0.02	0.48	7.69	0.10	17	30.1
8957-1	40.30	0.27	5.43	4.50	6.97	0.22	27.00	4.56	0.06	0.04	0.7	9.47	0.11	20	29.8
8957-3	42.56	0.26	13.35	2.30	6.39	0.174	18.37	8.62	1.18	0.43	0.65	5.42	0.04	51	19.4
8958a	50.24	0.31	17.12	1.10	4.96	0.114	10.40	12.20	1.83	0.31	0.11	1.24	0.06	55	10.53
8958б	50.16	0.26	17.68	1.27	4.53	0.108	9.72	12.68	1.88	0.32	0.15	1.09	0.06	68	9.81
8958в	50.76	0.27	13.74	1.93	5.46	0.138	13.60	10.86	1.25	0.25	0.20	1.15	0.06	51	13.8
8958-1	49.62	0.28	17.14	1.27	5.24	0.118	10.10	12.20	1.85	0.34	0.20	1.32	0.06	61	10.23
8948-1	47.80	0.16	18.26	1.44	5.17	0.11	11.25	12.88	1.25	0.17	0.1	1.11	0.028	114	11.4
8951	45.44	0.26	14.52	1.92	5.45	0.13	13.86	13.16	1.89	0.45	0.15	2.22	0.02	56	14.2
8951-1	46.76	0.22	18.36	1.44	5.17	0.12	12.26	12.04	1.53	0.25	0.28	0.95	0.04	84	12.40
8951-3	45.60	0.22	18.36	2.16	4.88	0.1	12.06	11.96	1.86	0.33	0.15	1.72	0.024	84	12.27
8951-5	45.64	0.2	20.85	1.84	4.45	0.094	10.45	12.04	1.87	0.30	0.19	1.53	0.16	104	10.61
Остров Шоглы															
8946-2	51.30	0.35	17.21	1.99	6.46	0.138	6.43	10.64	3.01	0.86	0.15	1.02	0.104	49	11
8946-3	49.15	0.35	15.51	2.07	6.75	0.128	10.95	9.52	2.52	0.49	0.25	2.02	0.07	44	11

8946-5	50.68	0.28	15.56	1.20	5.74	0.126	9.74	12.88	2.11	0.35	0.13	0.83	0.064	56	9.8
Остров Пурлуда															
03-нур-1р	52.28	0.21	16.34	0.76	5.45	0.129	9.56	11.15	2.39	0.26	0.06	0.81	0.04	78	10
03-нур-2/1р	52.88	0.09	20.39	0.76	3.80	0.10	8.32	9.29	3.00	0.23	0.02	0.52	0.03	226	8
03-нур-2/2р	52.96	0.09	23.41	0.32	3.01	0.08	5.75	10.01	3.43	0.26	0.05	0.36	0.01	260	6
03-нур-3р	52.32	0.22	15.15	0.69	5.60	-136	10.79	11.29	2.16	0.22	0.09	0.75	0.04	69	11
03-нур-4р	52.33	0.22	16.29	0.58	5.24	0.131	9.97	11.29	2.25	0.22	0.03	0.83	0.04	74	10
03-нур-5р	52.41	0.19	17.24	2.07	3.81	0.124	9.64	10.37	2.35	0.25	0.24	0.66	0.03	91	11
03-нур-6/3р	52.63	0.20	15.65	1.11	4.67	0.133	10.62	11.30	2.14	0.21	0.212	0.43	0.03	78	11
03-нур-7р	52.48	0.22	15.56	1.96	4.09	0.13	10.98	11.23	2.14	0.19	0.21	0.35	0.03	71	11
03-нур-8р	52.28	0.22	15.52	1.44	4.74	0.129	10.62	11.58	2.06	0.18	0.20	0.35	0.04	71	11
03-нур-9/1р	52.24	0.26	15.53	1.84	4.38	0.130	10.62	11.58	2.15	0.18	0.13	0.54	0.07	60	11
03-нур-9/2	51.40	0.17	20.80	1.65	3.30	0.10	9.30	9.30	2.64	0.20	0.23	0.24	0.03	122	10
8959	52.32	0.16	17.21	1.68	4.59	0.116	8.24	11.82	2.55	0.27	0.20	0.55	0.072	108	8.28
8959/3	51.14	1.93	14.16	4.07	9.62	0.176	5.22	9.36	1.5	0.86	0.20	1.03	0.396	7	5.27
03-10 (Q21-Ю)	52.60	0.31	16.03	1.52	5.03	0.134	9.69	11.15	2.41	0.27	0.21	0.47	0.04	52	12
03-нур-2/3ар	52.38	0.27	4.34	1.01	9.62	0.217	19.6	10.58	0.54	0.10	0.02	1.04	0.04	16	21
03-нур-2/4р	52.52	0.30	4.32	1.40	8.91	0.216	18.51	11.50	0.61	.12	0.12	1.09	0.06	14	20
03-нур-7ар	52.12	0.29	4.02	2.59	6.82	0.211	18.69	13.16	0.53	0.08	0.30	0.70	0.05	14	20
03-нур-9/3р	52.66	0.29	3.76	9.84	1.03	0.229	23.26	7.22	0.49	0.14	0.23	0.09	0.03	13	24

Массив в значительной степени метаморфизован и по тектоническим зонам пронизан метасоматитами в виде мелкокристаллических скоплений зеленого доизита (например, в жилах мощностью до 20 см до 2×10 см на острове Кий). Возможно, в будущем массив анортозитов будет также тщательно изучен.

Результатом многократного метаморфизма пород в разных условиях стало повсеместное образование гранатов. Некоторые новые данные, полученные при анализе образцов в Карельском НЦ РАН системой энергодисперсионного микроанализатора «INCA Energy 350» (Oxford, Англия) и сканирующего электронного микроскопа «VEGA II LSH» (Tescan, Чехия) (В.В. Куликова, куратор А.Н. Терновой) при условиях: ускоряющее напряжение – 20kV, ток зонда – 340 pA и несколько препаратов нескольких разновидностей граната, например (пур-6), открывают широкие возможности получения информации о минералогии этих пород. Гранаты острова Кий, как и острова Крестовый, пока в амфиболитах не установлены, а единственная (?) разновидность находится в скоплениях мощностью до 1 см и менее: эпидот + моноклиновый амфибол + легкая фракция + гранат. Корунды зрительно наиболее доступны на острове Кий в зонах метасоматитов по габбро, представлены удлиненными кристаллами и замещаются диаспором, маргаритом, мусковитом. Более поздними являются мощные, до 10 м, жилы гигантозернистых пегматитов с беломоритом.

Исследованиями В.И. Кевлича с коллегами на острове Пурлуда выявлены гранаты двух разновидностей [4; 5]: а) в виде скоплений, цепочек и отдельных остроконечных зерен с оторочками в сростании с моноклиновым пироксеном, плагиоклазом и амфиболом, пронизанным пироксеном; б) в виде сплошных скоплений, реже в зернистых агрегатах и очень редко в виде отдельных кристаллов в ассоциации с амфиболом, пироксеном, скаполитом и плагиоклазом. *Гранат-1* представлен в сростании с моноклиновым пироксеном, плагиоклазом и амфиболом, иногда пронизан пироксеном и имеет оторочки. Развита в виде скоплений, цепочек и отдельных остроконечных зерен, при этом основная их часть – полупрозрачные тонкозернистые агрегаты иногда с прозрачными разновидностями розового цвета. Поверхность неровная, бугристая, ямчатая, порой с бороздками и трещинками, отдельные грани у некоторых зерен гладкие со следами роста и отпечатками границ сростаний. Цвет красновато-коричневый, красноватый, розовый. Блеск жирный, на отдельных гранях и свежих сколах стеклянный. Размеры зерен граната от 4,25 и 3 мм до 1 мм и 0,25 мм, в агрегатах – в пределах первых десятков микрон. Строение агрегатных зерен граната неоднородное: внешние края зерен иногда прозрачны, изотропны, розового цвета в виде тонкой каймы, часто прерывистой; внутренняя – полупрозрачна, переполнена включениями, имеет глыбовую, эллипсоидную или округлую форму и неоднородна. Анизотропные участки образованы за

счет включений (кварц, рутил, амфибол, пироксен, сфен, апатит, вытянутые трубочки, биотит и др.). Показатель преломления составляет примерно 1,767, гранаты без включений изотропны. Гранат-2 в породе ассоциируется с амфиболом, пироксеном, скаполитом и плагиоклазом. Он присутствует в виде сплошных скоплений, реже в зернистых агрегатах и очень редко в виде отдельных кристаллов. Цвет коричневый, розовато-коричневый, розовый. Блеск стеклянный жирный. Поверхность тонкозернистая, со следами огранки. Зерна полупрозрачны, в мелких сколах прозрачны. Размеры отдельных зерен 2–0,5 мм и менее. Основная масса зерен граната переполнена включениями по всей площади, но закономерностей не отмечено. Гранаты без включений изотропны. Показатель преломления – около 1,767. Наполнение зерен включениями создает эффект анизотропии граната (преобладают кварц, амфибол, апатит, пироксен, группа эпидота).

Гранаты острова Кий приурочены к скоплениям (1 см и менее) тонкозернистого агрегата: эпидот + моноклинный амфибол + легкая фракция + гранат. В породе только одна разновидность граната (в порфириовидных образованиях) в сростках с амфиболом, эпидотом, сфеном, с легкой фракцией. Это обломки бесформенных зерен с реликтами отдельных граней, иногда со штриховкой, розовыми, красновато-розовыми прозрачными до непрозрачных. Блеск стеклянный, излом раковистый, иногда с микроблочностью в двух направлениях. Размеры 0,6×0,5 мм, 0,5×0,5 мм и менее. Обнаружены газовые пузырьки, иногда трещиноватость. Гранаты изотропны, показатель преломления – примерно 1,970–1,980 (альмандин). Более поздние исследования других авторов (см., например: [11; 12] и др.) близки полученным данным.

Авторами при исследованиях на территориях ООПТ применяется практика комплексного подхода к познанию связей в природе, в частности, геологического строения с живой природой, культурным наследием и т. д. В 1989 г. взору исследователей предстало пространство небольшого острова, заполненное гнездовьями гаги с многочисленными выводками. Присутствие людей полностью дезориентировало птиц, и началась паника. Отступление экспедиции на корабль было остановлено вновь прибывшим судном с туристами, среди которых были владельцы собак, сразу пустившихся проверять гнезда.

Со временем, когда наша исследовательская практика стала более многоплановой и приобрела экологический уклон, появился этот «добавленный» объект. По работам В.А. Андреева, А.А. Минина, А.Л. Минина в 2018 г. было установлено, что существуют «гнездовья пернатых, в том числе гаги обыкновенной, на островах Шоглы (группа 11 мелких островов), из которых три заметно крупнее остальных» [1]. Длина самого большого острова (64°2'17" с. ш., 37°47'22" в. д.) достигает 630 м. Острова представляют собой выходы кристаллических пород – амфиболитов, местами поросшие травянисто-кустарниковой растительностью. Каменистые расщелины, низинные гу-

стые травяные заросли создают множество укромных мест для размножения наземно-гнездящихся птиц. Орнитологические наблюдения на островах исследователи провели 24 июня и 14 июля 2018 г., когда «на островах и в прибрежной акватории отмечено 22 вида птиц, в том числе... обыкновенная гага (*Somateria mollissima*) – обычный гнездящийся вид. При обследовании островов 24 июня 2018 г. обнаружено 8 гнезд гаги, в которых находились кладки из 4–5 яиц. 14 июля 2018 г. в прибрежной акватории встречались выводки обыкновенной гаги» [1].

Практически в это же время, как следует из отчета экспедиции школы № 5 г. Пушкино, установлено, что «большая часть современных исследований орнитофауны Онежской губы охватывает район архипелагов Кузова и Жужмуй... Часть территории на западе входит в состав Сорокского орнитологического заказника (острова Тиунец, Сосновцы, Роганка, Мягостров, Сенная Луда). Непосредственно в Онежских шхерах системных орнитологических исследований в последнее десятилетие не проводилось, за исключением экспедиций по кольцеванию птиц. Большое количество гнездовых гаги находится за пределами охраняемых природных территорий и не подвергалось пристальному изучению» [2]. Известно, что кормовой биотоп гаги – литоральные участки моря с изобилием моллюсков и других донных обитателей, где глубина не превышает нескольких метров. Гнездится птица на каменистых берегах, недоступных для песцов и других наземных хищников. Вглубь материка или острова не залетает, гнезда устраивает на расстоянии не более 0,5 км от воды.

По исследованиям в 2018 г., гнездовья обыкновенной гаги на островах Онежских шхер не испытывали серьезной нагрузки со стороны человека как минимум во второй половине XX – начале XXI в. Наоборот – большее скопление гнезд до сих пор наблюдается возле промысловых изб и становищ. Непосредственно в Онежские шхеры исследователи проникают нерегулярно, постоянных наблюдений не ведется, что делает район привлекательным для проведения профильных орнитологических работ. В последние годы отмечается явное снижение численности всех морских птиц, обычно гнездящихся на островах Поморья. Причины снижения численности не выявлены и требуют начала серьезных исследований в этой области [2].

Остров Пурлуда по близкому расположению к Поморскому берегу Онежского полуострова, геологическому строению, докембрийскому возрасту горных пород и минералогическим артефактам является уникальным объектом, дополняющим природные особенности Национального парка «Онежское Поморье» (в составе ФГБУ «Национального парка «Кенозерский»). Комплексный анализ состояния природы на острове Пурлуда свидетельствует о необходимости включения его в состав «Онежского Поморья» с перспективой разнонаправленных исследований и расширения экотуризма.

Список литературы

1. Андреев В.А., Минин А.А., Минин А.Л. О птицах островов Шоглы в юго-восточной части Онежского залива Белого моря // Русский орнитологический журнал. 2018. Т. 27, вып. 1677. С. 4879–4885.
2. Исследование гнездовой экологии гаги обыкновенной на островах Онежской губы Белого моря. https://push-school1.edumsko.ru/activity/school_projects/post/317804 (дата обращения: 12.04.2019).
3. Куликов В.С., Куликова В.В. К геологии Кий-островского архипелага Белого моря // Вопросы стратиграфии и магматизма докембрия Карелии. Петрозаводск, 1990. С. 3–6.
4. Куликов В.С., Куликова В.В., Кевлич В.И., Кукушкина П.И., Трошкова Р.А. Палеопротерозойский Кий-островский расслоенный интрузив и специфика некоторых метаморфических минералов в нем (Онежская губа Белого моря) // Геология и минеральные ресурсы Европейского северо-востока России: материалы XIV Геологического съезда Республики Коми. Т. П. Сыктывкар, 2004. С. 104–106.
5. Куликова В.В., Куликов В.С., Кевлич В.И., Кукушкина П.И., Трошкова Р.А. Некоторые метаморфические минералы Кий-островского архипелага // Минералогия во всем пространстве сего слова. СПб., 2004. С. 146–148.
6. Куликов В.С., Куликова В.В., Шарков Е.В., Бычкова Я.В., Чистяков А.В. Новые данные по геологии Кий-островского расслоенного интрузива (Онежская губа Белого моря) // Беломорский подвижный пояс и его аналоги: геология, геохронология, геодинамика, минералогия: материалы научной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 212–216.
7. Куликова В.В., Куликов В.С., Ефремова С.В., Бычков А.Ю., Бычкова Я.В. Петрохимические серии магматических пород (анализ состояния и проблемы систематизации, предпочтительные модули химических элементов, новые направления). Петрозаводск, 2001.
8. Лоции Белого моря. <http://rivermaps.ru/doc/beloe/beloe-9.htm> (дата обращения: 12.04.2019).
9. Слабунов А.И., Куликова В.В., Степанов В.С., Куликов В.С., Матуков Д.И., Кевлич В.И. U-Pb геохронология (данные ионного микрозонда SHRIMP-II) цирконов Кий-островского расслоенного массива Беломорского подвижного пояса и корреляция палеопротерозойского магматизма юго-восточной части Фенноскандинавского щита // Изотопное датирование процессов рудообразования, магматизма, осадконакопления и метаморфизма: материалы III Российской научной конференции по изотопной геохронологии. М., 2006. С. 281–286.
10. Смирнова В. Бабошин В. Геологическое строение, метаморфизм и пегматитоносность архейских образований Юго-Западного Беломорья. М., 1967.
11. Терехов Е.Н. Геологическое строение Лапландско-Беломорского пояса и роль процессов растяжения в его эволюции: автореф. дис. ... д-ра геол.-минер. наук. М., 2003.
12. Терехов Е.Н., Щербакова Т.Ф., Концлов А.Н. О находке корундсодержащих пород в Лапландском гранулитовом поясе // ДАН. 2016. Т. 470, № 3. С. 319–325.

Видовой состав макрофитов и рекомендации к их охране в озерах Кенозерского национального парка

Пресноводные озера составляют 14 % от территории Кенозерского национального парка и занимают общую площадь 20,1 тыс. га. Это одни из важнейших экосистем парка, имеющие рыбохозяйственное и водохозяйственное значение.

Ввиду столь богатой сети водоемов следует подробно изучать их природные характеристики, в том числе и биоценозы зоны литорали.

Литораль озер представляет собой прибрежную водную зону водоемов, занятую и ограниченную погруженной и полупогруженной водной растительностью (макрофитами) [14]. Развитость литорали зависит от трофического статуса и рельефа дна водоемов. В мезотрофных озерах парка величиной более 20 га, литораль занимает прибрежную акваторию шириной приблизительно 10–20 м от береговой линии, в олиготрофных озерах обычно не превышает 2–5 м (за исключением мелководных заливов, где она существенно шире), в небольших эвтрофных озерах может занимать почти половину акватории, а иногда охватывает всю площадь водного зеркала.

Исследование водной растительности озер парка проводилось методом опорных геоботанических профилей, в пределах которых закладывались пробные площадки в фитоценозах с однородными условиями произрастания. В летний период с 2013 по 2018 г., экспедиционными работами были охвачены оз. Масельгское, Наглимозеро, Саргозеро, Почозеро, Большое Порженское, Малое и Среднее Порженские (в системе Порженских озер), Святозеро, Большое Лебяжье, Долгое и Черное (Думинской группы), Белое, Синее и Худое у д. Масельги.

Как видно из определения, важнейшей характеристикой литорали являются сообщества растений макрофитов, которые здесь довольно разнообразны.

К настоящему времени водная флора и растительность озер средней и крупной величины в КНП хорошо изучена [1–4; 11; 13].

В исследованных озерах парка нами отмечено 58 видов сосудистых растений, принадлежащих к 34 родам 25 семейств (см. таблицу), что составляет практически весь видовой состав водных и прибрежно-водных растений парка, а также 9 видов водных мхов и 4 вида харовых водорослей.

Наиболее богатым по числу видов сосудистых растений является семейство *Potamogetonaceae*, которое насчитывает 11 видов: *Potamogeton alpinus*,

P. berchtoldii, *P. compressus*, *P. filiformis*, *P. friesii*, *P. gramineus*, *P. lucens*, *P. natans*, *P. obtusifolius*, *P. perfoliatus*, *P. praelongus*.

Семейство *Cyperaceae* насчитывает 7 видов: *Carex aquatilis*, *C. acuta*, *C. vesicaria*, *C. rostrata*, *Eleocharis acicularis*, *E. palustris*, *Schoenoplectus lacustris*.

Семейство *Nymphaeaceae* насчитывает 4 вида: *Nuphar lutea*, *N. pumila*, *Nymphaea candida*, *N. tetragona* (ил. 1, 2).

В семействе *Sparganiaceae* отмечено 4 вида: *Sparganium angustifolium*, *S. emersum*, *S. gramineum*, *S. natans*.

По 3 вида отмечено в семействах *Alismataceae*: *Alisma plantago-aquatica*, *Sagittaria natans*, *S. sagittifolia*; *Ranunculaceae*: *Caltha palustris*, *Ranunculus lingua*, *Batrachium eradatum*; *Hydrocharitaceae*: *Elodea canadensis*, *Stratiotes aloides*, *Hydrocharis morsus-ranae*.

По 2 вида принадлежат к семействам: *Isoëtaceae* – *Isoëtes echinospora*, *I. lacustris*, *Lemnaceae*; *Lemna minor*, *L. trisulca*; *Apiaceae*: *Cicuta virosa*, *Sium latifolium*; *Haloragaceae*: *Myriophyllum alterniflorum*, *M. sibiricum*; *Lentibulariaceae*: *Utricularia vulgaris*, *U. minor* (ил. 3).

По одному виду насчитывают семейства: *Equisetaceae* – *Equisetum fluviatile*, *Thyphaceae* – *Typha latifolia*, *Araceae* – *Calla palustris*, *Butomaceae* – *Butomus umbellatus*, *Poaceae* – *Phragmites australis*, *Polygonaceae* – *Persicaria amphibia* var. *natans*, *Роголистниковые* – *Ceratophyllum demersum*, *Brassicaceae* – *Subularia aquatica*, *Rosaceae* – *Comarum palustre*, *Hippuridaceae* – *Hippuris vulgaris*, *Primulaceae* – *Naumburgia thyrsoiflora*, *Menyanthaceae* – *Menyanthes trifoliata*, *Lobeliaceae* – *Lobelia dortmanna*.

Водные мхи представлены гидрофильными видами семейств: *Calliergonaceae* – *Warnstorfia fluitans*, *W. trichophylla*, *W. exannulata*; *Fissidentaceae* – *Fissidens fontanus*; *Fontinalaceae* – *Fontinalis antiperetica*, а также гидрофильными видами затопляемой весной части берегов, проникающими на мелководья озер и рек из семейств: *Amblystegiaceae* – *Drepanocladus aduncus*; *Calliergonaceae* – *Calliergon giganteum*, *C. megalophyllum*; *Scorpidiaceae* – *Scorpidium cossonii*. В составе харовых водорослей обитают следующие виды – *Chara virgalis*, *Ch. strigosa*, *Nitella flexilis*, *N. opaca* (ил. 4).

Видовой состав макрофитов исследованных озер

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
Сосудистые растения		
<i>Isoëtes echinospora</i> – полушник щетинистый	Наглимозеро	Гидатофит. Произрастает в олиготрофных и мезотрофных озерах на илисто-песчаных грунтах, часто с примесью камней, на глубине до 1,0 м. Обилен

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
<i>Isoëtes lacustris</i> – полушник озерный	Большое Лебяжье, Масельгское	Гидатофит. Произрастает в олиготрофных и мезотрофных озерах на илесто-песчаных грунтах, часто с примесью камней. Более глубоководный вид по сравнению с предыдущим, встречается на глубине до 2,0 м. Обилен
<i>Equisetum fluviatile</i> – хвощ приречный	Все исследованные озера парка	Гелофит. Ценозообразователь пояса гелофитов литорали озер, проникает в пояс плейстофитов. Обитает на илистых и илесто-песчаных грунтах на глубине 0,2–1,0 м. Очень обилен
<i>Typha latifolia</i> – рогоз широколистный	Синея у д. Масельги; протока, соединяющая оз. Среднее и Большое Порженские	Гелофит. Растет на илесто-песчаном грунте на глубине 0,3 м. Не обилен. Обычен в антропогенно нарушенных местообитаниях (дренажных канавах, заброшенных силосных ямах), откуда расселяется в естественные местообитания литорали озер
<i>Sparganium angustifolium</i> – ежеголовник узколистный	Все исследованные озера парка, кроме Худого у д. Масельги	Плейстофит. Ценозообразователь в поясе плейстофитов литорали озер. Обитает на илистых грунтах на глубине 0,5–2,0 м. Обилен
<i>Sparganium emersum</i> – ежеголовник всплывающий	Малое и Среднее Порженские, Масельгское	Гелофит. В озерах встречается спорадично. Входит в состав сообществ зоны гелофитов. Предпочитает илистые грунты на глубине 0,5–1,0 м. Не обилен
<i>Sparganium gramineum</i> – ежеголовник злаковидный	Большое Лебяжье, Наглимозеро, Масельгское, Саргозеро, Черное думинской группы (Навгозеро)	Плейстофит. Растет на илистых и илесто-песчаных грунтах на глубине до 1,0–2,0 м. Обилен
<i>Sparganium natans</i> – ежеголовник малый	Большое Порженское, Наглимозеро	Гидатофит. Произрастает на песчано-каменистых и илистых грунтах на глубине 0,8 м. Не обилен
<i>Potamogeton berchtoldii</i> – рдест Берхтольда	Наглимозеро, Масельгское, Долгое думинской группы, Почозеро, оз. Большое, Малое и Среднее Порженские	Гидатофит. Обитает на илистых грунтах на глубине 0,5–1,5 м. Не обилен

Продолжение табл.

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
<i>Potamogeton compressus</i> L. – рдест сплюснутый	Малое Порженское, Масельгское	Гидатофит. Растет на илистых грунтах в вершинах заливов на глубине до 1,0 м. Не обилен
<i>Potamogeton filiformis</i> – рдест нитевидный	Черное думинской группы (Хавгозеро)	Гидатофит. Произрастает на илистых грунтах на глубине до 1,0 м. Предпочитает воды с повышенной минерализацией. Не обилен
<i>Potamogeton friesii</i> – рдест Фриза	Наглимозеро, Масельгское, Почозеро, Большое и Малое Порженские	Гидатофит. Встречается редко в зоне литорали оз. Большого и Малого Порженских. Обитает на илистых грунтах на глубине 0,5–1,5 м. Не обилен
<i>Potamogeton gramineus</i> – рдест злаковидный	Все исследованные озера парка, кроме Саргозера, Синего и Худого у д. Масельги	Гидатофит. Обитает на илистых и илисто-песчаных грунтах, в северной части оз. Большого Порженского также на илисто-песчаных грунтах с примесью гальки и валунов на глубине 0,2–1,0 м. Отмечен в устье р. Виленки. Обилен
<i>Potamogeton alpinus</i> – рдест альпийский	Малое Порженское	Плейстофит. Встречается редко у западного берега оз. Малого Порженского. Растет на илистых грунтах на глубине около 1,0 м. Не обилен
<i>Potamogeton lucens</i> – рдест блестящий	Большое Лебяжье, Большое и Малое Порженские, Масельгское, Наглимозеро, Почозеро	Гидатофит. Образует пояс гидатофитов, проникает в пояс плейстофитов. Растет на илистых грунтах на глубине от 1,0 до 2,0 м. Обилен
<i>Potamogeton natans</i> – рдест плавающий	Все исследованные озера парка	Плейстофит. Ценозообразователь пояса плейстофитов, изредка проникает в пояс гелофитов. Растет на илистых грунтах на глубине 0,5–1,5 м. Очень обилен
<i>Potamogeton obtusifolius</i> – рдест туполистный	Большое и Малое Порженские	Гидатофит. Растет на илисто-песчаных грунтах прибрежья до глубины 1,0 м
<i>Potamogeton perfoliatus</i> – рдест пронзеннолистный	Масельгское, оз. Большое, Малое и Среднее Порженские, Почозеро, Святозеро, Черное думинской группы	Гидатофит. Произрастает на илистых и илисто-песчаных грунтах, местами с примесью камней. Обилен

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
<i>Potamogeton praelongus</i> – рдест длиннейший	Большое Лебяжье, Большое Порженское, Долгое думинской группы, Наглимозеро, Почозеро	Гидатофит. Произрастает на илистых грунтах на глубине 2,0 м, в зоне гидатофитов, в сообществах с <i>Potamogeton lucens</i> . Не обилен
<i>Alisma plantago-aquatica</i> – частуха подорожниковая	Малое Порженское, Масельское, Почозеро, Святозеро	Гелофит. Растет на илистых грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Не обилен
<i>Sagittaria sagittifolia</i> – стрелолист обыкновенный	Малое Порженское, Святозеро, устье р. Виленки	Гелофит. Растет на илистых грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Обилен
<i>Sagittaria natans</i> – стрелолист плавающий	Большое, Малое и Среднее Порженские	Плейстофит. Растет на илистых грунтах на глубине 0,2–1,0 м. Обилен
<i>Butomus umbellatus</i> – сусак зонтичный	Малое Порженское	Гелофит. Растет на илистом грунте на глубине 0,5 м. Не обилен
<i>Elodea canadensis</i> – элодея канадская	Большое Лебяжье, Наглимозеро, Масельское, Саргозеро, Черное думинской группы	Гидатофит. Растет на илисто-песчаных и илистых грунтах в воде проточных озер, насыщенных кальцием, на глубине до 1,0 м. Обилен, в олиготрофных озерах не получает развития
<i>Higrocharis morsus-ranae</i> – водокрас лягушачий	Большое, Малое и Среднее Порженские, Почозеро	Плейстофит. Растет на илистых грунтах на глубине 0,5–1,0 м. Не обилен
<i>Stratiotes aloides</i> – телорез алоэвидный	Долгое думинской группы, Большое, Малое и Среднее Порженские	Гидатофит. Входит в состав сообществ пояса плейстофитов, реже сообществ гелофитов либо образует отдельный микропояс. Растет на илистых грунтах на глубине 0,2–1,0 м. Обилен
<i>Phragmites australis</i> – тростник обыкновенный	Все исследованные озера парка, кроме Белого, Синего и Худого у д. Масельги	Гелофит. Ценозообразователь в поясе гелофитов озер. Растет на илистых, илисто-песчаных и песчано-каменистых грунтах на глубине 0,2–1,0 м. Очень обилен
<i>Carex aquatilis</i> – осока водная	Большое Порженское, Долгое и Черное	Гелофит. Доминант и субдоминант сообществ. Растет на илистых

Продолжение табл.

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
	думинской группы, Наглимозеро, Масельгское, Почозеро	грунтах на глубине 0,2–1,0 м. Обилен
<i>Carex acuta</i> – осока острая	Прибрежье всех исследованных озер	Эвгигрофит. Доминирует в сообществах поясов гелофитов и эвгигрофитов. Встречается часто в протоке, соединяющей оз. Большое и Среднее Порженские, где занимает береговую полосу. Растет в озерах на илесто-торфянистых и илистых грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Обилен
<i>Carex rostrata</i> – осока бутылчатая	Долгое и Черное думинской группы, Наглимозеро, Большое, Малое и Среднее Порженские, Масельгское, Почозеро, Саргозеро, Святозеро, Белое и Синее у д. Масельги	Эвгигрофит. Доминирует в сообществах поясов гелофитов и эвгигрофитов. Растет на илесто-торфянистых и илистых грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Обилен
<i>Carex vesicaria</i> – осока пузырчатая	Большое, Малое и Среднее Порженские, Масельгское, Почозеро, Святозеро	Эвгигрофит. Встречается спорадично в поясе эвгигрофитов озер. Растет на илесто-торфянистых и илистых грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Обилен
<i>Eleocharis acicularis</i> – ситняг игольчатый	Почозеро	Гелофит. Растет в прибрежье с илесто-песчаными грунтами на глубине 0,1–0,5 м
<i>Eleocharis palustris</i> – ситняг болотный	Большое Порженское, Почозеро	Гелофит. Встречается спорадично в поясе гелофитов у северного и западного берегов оз. Большого Порженского. Растет на илесто-песчаных и песчаных грунтах с примесью гальки на глубине 0,2–0,5 м. Не обилен
<i>Schoenoplectus lacustris</i> – камыш озерный	Все исследованные озера парка, кроме Синего и Худого у д. Масельги	Гелофит. Ценообразователь в сообществах пояса гелофитов, проникает в пояс плейстофитов. Растет на илистых, илесто-песчаных, песчаных грунтах на глубине 0,2–1,5 м. Очень обилен
<i>Calla palustris</i> – белокрыльник болотный	Большое Лебяжье, Долгое думинской группы, Масельгское	Эвгигрофит. Растет в прибрежье на илесто-песчаных грунтах до глубины 0,2 м

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
<i>Lemna minor</i> – ряска малая	Белое у д. Масельги, Малое и Среднее Порженские	Плейстофит неукореняющийся. В естественных местообитаниях редок. Обычен на участках озер, часто используемых для забора воды. Не обилен
<i>Lemna trisulca</i> – ряска трехдольная	Большое и Малое Порженские	Гидатофит. Произрастает в озерах со средней и повышенной минерализацией воды. Обычен у дна в поясе гелофитов. Обилен
<i>Persicaria amphibia</i> var. <i>natans</i> – горец земноводный	Все исследованные озера парка	Плейстофит. Обычен в зоне плейстофитов озер. Растет на илистых грунтах на глубине 0,2–1,2 м. Обилен
<i>Ceratophyllum demersum</i> – роголистник погруженный	Долгое и Черное думинской группы, Масельгское, Наглимозеро, Худое у д. Масельги	Гидатофит. Растет у берегов на глубине до 1,0 м
<i>Nymphaea candida</i> – кувшинка чисто-белая	Все исследованные озера парка	Плейстофит. Ценозообразователь в поясе плейстофитов озер. Произрастает на илистых грунтах на глубине 0,5–2,5 м. Обилен
<i>Nymphaea tetragona</i> – кувшинка четырехгранная	Большое Лебяжье, Долгое думинской группы, Наглимозеро, Малое и Среднее Порженские	Плейстофит. Встречается спорадично на илистых грунтах пояса плейстофитов озер на глубине до 1,5 м. Обилен
<i>Nuphar lutea</i> – кубышка желтая	Все исследованные озера парка	Плейстофит. Ценозообразователь в поясе плейстофитов всех озер, проникает в пояс гелофитов. Растет на илистых, илисто-песчаных грунтах на глубине 0,2–2,0 м. Очень обилен
<i>Nuphar pumila</i> – кубышка малая	Долгое и Черное думинской группы, Наглимозеро, Малое Порженское, Почозеро	Плейстофит. В озерах встречается спорадично. Растет на илистых, илисто-песчаных грунтах на глубине 0,2–1,5 м. В основном не обилен, в некоторых сообществах обилен
<i>Caltha palustre</i> – калужница болотная	Долгое и Черное думинской группы, Почозеро, Малое и Среднее Порженские	Эвгигрофит. Проникает на мелководья зоны литорали озер, где встречается редко. Не обилен

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
<i>Ranunculus lingua</i> – лютик длиннолистный	Долгое думинской группы, Малое и Среднее Порженские	Гелофит. В озерах встречается спорадично. В основном тяготеет к хвощовым сообществам. Растет на илистых, илисто-песчаных грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Не обилен
<i>Batrachium eradica-tum</i> – шелковник неукореняющийся	Большое Порженское	Гидатофит. Отмечен в единственном местопроизрастании, в устье залива на востоке оз. Большого Порженского. Растет на илистом грунте на глубине 1,0 м. Не обилен
<i>Subularia aquatica</i> – шильница водная	Малое и Среднее Порженские	Гидатофит. В озерах встречается редко. Произрастет на илистых грунтах на глубине 0,5–1,2 м. Не обилен
<i>Comarum palustris</i> – сабельник болотный	Все исследованные озера парка, кроме Саргозера	Эвгигрофит. Произрастает в осоковых сообществах зоны эвгигрофитов. Растет на илисто-торфянистых грунтах на глубине до 0,3 м. Не обилен
<i>Myriophyllum alterniflorum</i> – уруть очередноразветвленная	Почозеро	Гидатофит. Произрастает на илистых грунтах мелководных заливов до глубины 1,0 м. Не обилен
<i>Myriophyllum sibiricum</i> – уруть сибирская	Большое Лебяжье, Долгое и Черное думинской группы, Большое, Малое и Среднее Порженские, Масельгское, Белое и Синее у д. Масельги, Саргозеро	Гидатофит. Встречается спорадично, но образует монодоминантные сообщества. Произрастет на илистых грунтах на глубине 0,5–1,5 м. Обилен
<i>Hippuris vulgaris</i> – хвостник обыкновенный	Малое и Среднее Порженские, Почозеро	Гелофит. Встречается спорадично. Произрастет на илистых грунтах на глубине 0,5–1,5 м. Обилен
<i>Cicuta virosa</i> – вех ядовитый	Долгое думинской группы, Малое и Среднее Порженские, Почозеро, Худое у д. Масельги	Эвгигрофит. В озерах спорадичен в поясах гелофитов и эвгигрофитов. Растет на илистых грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Не обилен
<i>Sium latifolium</i> – поручейник широколистный	Малое и Среднее Порженские, Почозеро, Святозеро	Гелофит. Встречается в поясе гелофитов озер. Растет на илистых грунтах на глубине 0,2–0,5 м. Не обилен

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
<i>Naumburgia thyrsoiflora</i> – кизляк кистецветный	Большое Лебяжье, Наглимозеро, Большое, Малое и Среднее Порженские, Масельгское, Почозеро, Саргозеро, Черное думинской группы	Эвгигофит. Встречается sporadично в поясе эвгигофитов озер. Растет на илистых грунтах и песчано-каменистых грунтах на глубине до 0,3 м. Не обилен
<i>Menyanthes trifoliata</i> – вахта трехлистная	Все исследованные озера парка, кроме Большого Лебяжьего, Саргозера	Гелофит. На литорали озер встречается sporadично. Содоминирует в сообществах пояса гелофитов. Растет на илистых и илисто-торфянистых грунтах на глубине до 0,3 м. Обилен
<i>Utricularia vulgaris</i> – пузырчатка обыкновенная	Большое и Малое Порженские, Почозеро	Гидатофит. Встречается редко в прибрежье всех озер на глубине 0,2–0,5 м. Не обилен
<i>Utricularia minor</i> – пузырчатка малая	Малое Порженское	Гидатофит. Отмечен в единственном местопроизрастании в прибрежье, на юго-западе оз. Малого Порженского на глубине 0,2 м. Не обилен
<i>Lobelia dortmanna</i> – лобелия Дортманна	Большое Лебяжье, Наглимозеро, Масельгское, Саргозеро	Гидатофит. Произрастает в олиготрофных и мезотрофных озерах с каменисто-илисто-песчаными грунтами. В олиготрофных озерах обилен и является ценозообразователем
Водные мхи		
<i>Fontinalis antipyretica</i> – фонтиналис противопожарный	Долгое и Черное Думинской группы, Наглимозеро, Большое, Малое и Среднее Порженские, Масельгское, Почозеро	Водный мох, часто произрастающий на литорали всех обследованных озер. Растет на илистых, илисто-песчаных, песчано-каменистых грунтах на глубине 0,3–1,5 м. Обилен, в некоторых сообществах не обилен
<i>Drepanocladus aduncus</i> – дрепанокладус крючковидный	Малое Порженское, Почозеро	Отмечен у северо-западного берега оз. Малого Порженского, на литорали с илистыми грунтами на глубине около 1,0 м. Обилен
<i>Scorpidium cossonii</i> – скорпидиум Коссона	Малое Порженское	Встречается в поясе гелофитов на илистых грунтах у западного и южного берегов оз. Малого Порженского на глубине около 1,0 м. Обилен

Окончание табл.

Вид	Распространение в озерах национального парка	Экология
<i>Warrnstorfia fluitans</i> – варнсторфия плавающая	Большое и Малое Порженские	Встречается в вершинах заливов озер, на илистых грунтах прибрежья до глубины 1,5 м. Очень обилен
<i>Warrnstorfia trichophylla</i> – варнсторфия волосколистная	Малое Порженское	На литорали обычен, на илистых грунтах до глубины 1,5 м. Обилен
<i>Warrnstorfia exannulata</i> – варнсторфия бесколечковая	Малое Порженское	Получает развитие на илистых грунтах у северного берега оз. Малого Порженского на глубине менее 1,0 м. Обилен
<i>Calliergon giganteum</i> – каллиергон гигантский	Малое Порженское	Распространен на илистых грунтах зоны литорали до глубины 1,0 м. Обилен
<i>Calliergon megalophyllum</i> – каллиергон крупнолистный	Большое Порженское	Распространен на илистых грунтах вершин заливов, преимущественно в поясе гелофитов на глубине 1,0–1,2 м. Обилен
<i>Fissidens fontanus</i> – фиссиденс фонтановидный	Малое Порженское	Впервые отмечен у северо-западного берега оз. Малого Порженского, обрастатель коряг и затонувших бревен на глубине около 1,0 м
Харовые водоросли		
<i>Chara strigosa</i> – хара щетинистая	Малое Порженское	Встречается спорадично на литорали оз. Малого Порженского. Растет на илистых грунтах, на глубине 0,5–1,0 м. Обилен
<i>Chara virgata</i> – хара изящная	Большое и Малое Порженские	Встречается спорадично на литорали озер. Растет на илистых грунтах на глубине 0,5–1,0 м. Обилен
<i>Nitella flexilis</i> – нителла (блестянка) гибкая	Большое и Среднее Порженские	Встречается редко в южной части оз. Среднего и Малого Порженских в зоне плейстофитов. Растет на илистых грунтах на глубине 1,5 м. Не обилен
<i>Nitella opaca</i> – нителла тусклая	Большое Порженское	Фрагменты растений отмечены в юго-западной части озера вместе со сборами <i>Nitella flexilis</i> . Растет на илистых грунтах на глубине 1,5 м. Не обилен

Необходимость контроля за состоянием растительных сообществ озер возрастает ввиду наличия большого числа охраняемых макрофитов. В составе водной флоры парка в Красные книги [5–7] внесены 9 видов водных сосудистых растений: *Potamogeton rutilus*, *Lobelia dortmanna*, *Isoetes echinospora*, *I. lacustris*, *Sparganium gramineum*, *Nymphaea candida*, *Nymphaea tetragona*, *Nuphar pumila*, *Subularia aquatica*, 1 вид водных мхов – *Fontinalis hypnoides* и 1 вид харовых водорослей – *Chara strigosa*.

Некоторые виды из-за их спорадичной и редкой встречаемости, а также узкой экологической пластичности рекомендованы к охране в новом издании Красной книги Архангельской области: *Sagittaria natans*, *Elatine hydropiper*, *Potamogeton pusillus*. В оз. Малом Порженском впервые в Архангельской области обнаружен водный мох *Fissidens fontanus*, включенный в Красную книгу Ленинградской области [7], который также следует рекомендовать к охране на территории Архангельской области. Отметим, что этот водоем в настоящее время является самой северной точкой распространения вида [15].

Для охраны макрофитов и их сообществ на территории Кенозерского парка рекомендуется:

1. В отношении макрофитов, занесенных в Красную книгу, и сообществ, в которые они входят, проведение ежегодного контроля за состоянием популяций в Порженских озерах с учетом показателей жизнестойкости, обилия, встречаемости.

2. Занесение в новое издание Красной книги Архангельской области (2019) таких видов сосудистых растений, обитающих в озерах парка, как стрелолист плавающий (*Sagittaria natans*), ежеголовник малый (*Sparganium natans*), повойничек перечный (*Elatine hydropiper*) в связи с тем, что они редко встречаются на территории области.

3. Контроль над растительными сообществами, в состав которых входят охраняемые виды, следует проводить с учетом всех основных геоботанических показателей: общего проективного покрытия, обилия видов, их жизнестойкости, встречаемости.

4. Ведение гидрохимических наблюдений с отбором проб воды на загрязняющие вещества с периодичностью один раз в течение лета, т. е. в вегетационный период, поскольку озера подвергаются слабой антропогенной нагрузке. Основными показателями ведения гидрохимического мониторинга в озерах могут являться нитраты, нитриты, фосфаты, ХПК, БПК, нефтепродукты. Одновременно с ними необходимо контролировать величину рН, общую минерализацию, содержание растворенного кислорода и насыщение воды кислородом, являющиеся основными показателями воды, свидетельствующими об изменении гидрохимического состава, которое может негативно сказаться на развитии всех компонентов экосистем озер.

5. Проведение разъяснительной работы с туристами и местным населением, ставящей целью осознание ценности охраняемых видов (особенно касается лодочных туристических маршрутов по данным озерам).

6. Запрет сбора охраняемых растений на букеты, а также сбора гербарных образцов без разрешения администрации парка.

7. Уборка мусора, оставляемого приезжими на берегах озер.

8. Для наблюдений за состоянием популяций редких и охраняемых видов, состоянием растительных сообществ использование данных и координат, указанных в геоботанических таблицах, приведенных в отчетах по исследованию макрофитов озер парка [8; 10], следуя указанным в них параметрам по составу и структуре сообществ.

9. Наблюдения за изменениями в составе и структуре тех растительных сообществ, куда не входят охраняемые виды. Данные наблюдения можно проводить с периодичностью один раз в три года во второй половине лета.

10. В летний период сбор в некоторых озерах, например в Порженских, поверхностного метафитона¹ (ил. 5), активное развитие которого может иметь отрицательные последствия для экосистемы водоема: вызвать гибель макрофитов, мхов, харовых водорослей, зоопланктона и бентоса.

Водная растительность – важная составляющая часть экосистем озер, один из важнейших поставщиков кислорода и органического вещества. Ведение мониторинга водной растительности озер парка подразумевает наблюдения за состоянием не только сообществ макрофитов, но и водной среды в целом. Многие виды макрофитов являются индикаторами чистой воды, а антропогенное загрязнение вод приводит к их гибели. К таким макрофитам относятся обитающие в озерах Кенозерского национального парка *Isoëtes echinospora*, *I. lacustris*, *Sparganium gramineum*, *Sparganium natans*, *Potamogeton filiformis*, *Potamogeton friesii*, *Potamogeton praelongus*, *Nymphaea candida*, *N. tetragona*, *Nuphar pumila*, *Batrachium eradicatedum*, *Subularia aquatica*, *Myriophyllum alterniflorum*, *M. sibiricum*, *Utricularia vulgaris*, *Ut. minor*, *Lobelia dortmanna*, *Fontinalis antipyretica*, *Fissidens fontanus*, *Chara strigosa*, *Ch. virgata*. Большинство перечисленных видов охраняется на территории Архангельской области и рекомендовано к охране, поэтому этот видовой состав можно рекомендовать как приоритетный в отношении биологической индикации экосистем озер парка.

¹ Метафитон – комплекс (сообщество) гидробиологических обрастателей дна, водных растений, поверхности воды, имеющих вид водорослевых матов. Состоит из скопления нитчатых зеленых водорослей, цианей, настоящих бактерий, простейших. Чаще развивается в условиях эвтрофных вод [12].

Список литературы

1. *Вехов Н.В.* Макрофиты озер северной части национального парка «Кенозерский» и прилегающих территорий // География и природные ресурсы. 1994. № 4. С. 95–103.
2. *Вехов Н.В.* Сукцессионные смены гидрофильной растительности в неглубоких озерных котловинах Кенозерского национального парка // М.В. Ломоносов и национальное наследие России: материалы Всероссийской конференции. Архангельск, 1996. С. 51–55.
3. *Вехов Н.В.* Флора озер Кенозерского национального парка и их переувлажненных побережий (Архангельская область) // Бот. журн. Т. 83, № 11. 1998. С. 93–106.
4. *Вехов Н.В.* Гидрофильные растения южной части Кенозерского национального парка (Архангельская обл.) // Бюллетень Моск. О-ва испытателей природы. Отд. биол. 2000. Т. 105, вып. 4. С. 69–74.
5. Красная книга Архангельской области. Архангельск, 2008.
6. Красная книга Ленинградской области: Объекты растительного мира. СПб., 2018.
7. Красная книга Российской Федерации. М., 2008.
8. *Мосеев Д.С.* Гидрботанические исследования и картирование литорали макрофитов озер территории Кенозерского национального парка (Наглимозеро, Сяргозеро): научный отчет. Архангельск, 2014 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 27.
9. *Мосеев Д.С.* Методические аспекты геоботанического картирования растительных сообществ макрофитов зоны литорали озер Национального парка «Кенозерский» // Кенозерские чтения – 2015. Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек. Архангельск, 2015. С. 22–27.
10. *Мосеев Д.С.* Гидрботанические исследования и картирование литорали макрофитов озер территории Кенозерского национального парка прилегающей к экологическому летнему лагерю: отчет по НИР. Архангельск, 2013 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 285.
11. *Мосеев Д.С., Дровнина С.И.* К водной флоре сосудистых растений озер национального парка «Кенозерский» (Архангельская область) // Ботанический журнал. 2017. Т. 102, № 12. С. 1633–1649.
12. *Остенена А.П., Макаревич Т.А.* Механизмы формирования метафитона в реках // Биологические ресурсы Белого моря и внутренних водоемов Европейского Севера: материалы IV (XXVII) Международной конференции. Ч. 2. Вологда, 2005. С. 48–50.
13. *Разумовская А.В., Кучеров И.Б., Пучнина Л.В.* Сосудистые растения национального парка «Кенозерский» (аннотированный список видов). Северодвинск, 2012.
14. *Распопов И.М.* Высшая водная растительность больших озер Северо-Запада СССР. Л., 1985.
15. *Sofronova E.V., Bezgodov A.G., Biryukov R.Yu., Boychuk M.A., Braslavskaya T.Yu., Churakova E.Yu., Czernyadjeva I.V., Doroshina G.Ya., Dyachenko A.P., Ermokhina K.A., Fedosov V.E., Grishutkin O.G., Ignatov M.S., Ignatova E.A., Kholod S.S., Kolesnikova M.A., Konstantinova N.A., Kozhin M.N., Kudr E.V., Kuzmina E.Yu., Lavrskiy A.Yu., Morozova L.M., Moseev D.S., Neshataeva V.Yu., Nozhinkov A.E., Obabko R.P., Philippov D.A., Popova N.N., Sergeeva Yu.M., Telyatnikov M.Yu., Troeva E.I., Tubanova D.Ya., Volosnova L.F., Zakharova A.G., Zhalov Kh.Kh., Zolotov D.V.* New bryophyte records // Arctoa. 2018. № 28. P. 101–127.

*Е.Н. Наквасина, Л.В. Голубева,
С.И. Дровнина, А.В. Козыкин
(г. Архангельск)*

Системы земледелия: возможности исторической реконструкции в Кенозерском национальном парке¹

О распространении систем земледелия на Севере ученые не имеют единого мнения до сих пор. Были ли подсечно-огневая и лесопольная системы основными либо дополняли трехполье; насколько широко было распространено земледелие по этим системам – эти вопросы до сих пор интересуют ученых. Учитывая растущий интерес к историческому наследию, в том числе в отношении социокультурных аспектов, для организации туристического и познавательного потенциала Кенозерского национального парка, делающего много в отношении сохранения культурного наследия, было бы полезно уделить внимание сельскохозяйственному прошлому территории.

По литературным данным, подсечно-огневая система земледелия существовала на территории центра Европейской России более 4 тыс. лет [6]. Большое значение она имела на Севере, практиковалась здесь гораздо шире благодаря природным условиям и сохранялась вплоть до XX в., прежде всего, как средство расширения пахотных угодий за счет лесных участков. С течением времени северная граница подсечного земледелия продвинулась до берегов Белого моря, о чем говорит богатая земледельческая терминология поморских говоров [5].

Считается, что на Севере до конца XV в. земледелие было только подсечным, т. к. лесов было много, а почвы в них бедные. Нужно было все время искать и осваивать новые участки. Здесь оказывали помощь охотники, знающие лесные угодья. Именно они могли подсказать участки с наиболее плодородными почвами для посевов. Нередко лес поджигали для выгона дичи, отсюда и пошли знания про возможности использования золы в качестве подспорья для выращивания посевов [12].

Есть мнение, что замена подсечно-огневого земледелия на пашенное началась в X–XI вв. [7; 8]. Однако до сих пор не известно, когда распространилась и стала применяться трехпольная система земледелия в лесной части России. П.А. Колесников приводит мнение А.Д. Горского и Л.В. Черепнина, которые считают, что уже в XIV–XV вв. подсека не была основной системой земледелия, хотя и занимала значительное место за счет возделывания но-

© Наквасина Е.Н., Голубева Л.В., Дровнина С.И., Козыкин А.В., 2019

¹ Исследования поддержаны Кенозерским национальным парком и грантом РФФИ-Север № 17-44-290111.

вых земель [7]. Г.Е. Кочин полагает, что с середины XV в. на большинстве территорий Севера России преобладала паровая зерновая трехпольная система земледелия [8].

П.А. Колесников [7] связывает распространение паровой системы земледелия на Севере с миграцией населения из Новгородских земель, где уже была распространена паровая система земледелия. В новых местах переселенцы осваивали земли, прежде всего удобные пойменные участки вдоль рек и озер, и применяли знакомую им систему земледелия. Однако семьи разрастались, богатых пойменных земель не хватало, и возникла необходимость освоения лесных участков. Нередко и поселения стали переносить на суходолы. До XIV в. включительно на северных землях пашенное земледелие могло опережать подсеčno-огневое. Первоочередной была не подсека, а паровая система земледелия, сначала основанная на двух, а позднее на трех, реже на четырех полях.

Здесь еще сказывался крестьянский менталитет и отсутствие в то время культуры земледелия и знаний о почве: людям проще было разработать новую подсеку, чем применять меры по повышению плодородия постоянно используемых почв. Тем более, что (в отличие от степной зоны) отдых почве дать не могли, ведь небольшие по площади поля быстро зарастали лесом. Чтобы избежать зарастания и повысить плодородие, стали проводить глубокие неоднократные вспашки заброшенных земель, что в принципе и было «паром». При наличии постоянных полей подсека сохранялась, новины могли быть как рядом с деревней, так и за несколько километров [8].

Однако в отдельных районах подсечная система землепользования играла существенную роль. Подчас ее удельный вес и значение в крестьянском хозяйстве было даже выше, нежели трехполья [2]. О наличии подсеки, в частности в Каргопольском уезде в XVI – начале XVII в., говорят многие факты. Ю.С. Васильев ссылается на те данные, которые прямо или косвенно указывают на существование в уезде подсечной системы землепользования и лесного перелога. По жалованным грамотам XVI – начала XVII в. ряду монастырей и церквей уезда предоставлялось право сечь лес и распахивать пашню на этих участках. Лес пашенный, отмечаемый всеми имеющимися сотными XVI – начала XVII в., по всей вероятности, и являлся базой подсеки и лесного перелога. Соотношение пашенного леса с основной (трехпольной) пашней по отдельным волостям и деревням было различно.

В результате такого комбинированного земледелия в Поморье отмечались лоскутность и разбросанность крестьянских сельскохозяйственных угодий. Нередко угодья крестьянского двора состояли из 10, 20, 30 и более отдельных полос и полосок. Это хорошо просматривается на старых картах – поля были небольшие по площади, охватывали все доступные участки земли, даже неудобья (достаточно крутые склоны), пахота которых была возможна из-за использования конской тяги.

Подсеку со временем сменил схожий с ней лесной перелог, который существовал параллельно с пашенным земледелием. В XVI в. лесной перелог существовал наряду с подсекой в Каргопольском и Важском уездах. Перелог был важен с агротехнической точки зрения, однако немаловажным было и то, что заросшая лесом пашня, оставленная на перелог, хоть и учитывалась, но часто не облагалась тяглом, а подчас даже и оброком.

По мнению О.Н. Трапезниковой [14] и Ю.С. Васильева [2], господствующей системой земледелия в Каргопольском уезде было трехполье. Архивные материалы XVI – начала XVII в. ничего не говорят о подсеке. Подсечная или подсечно-переложная система землепользования господствовала на отхожих крестьянских участках. Подчас подсечная пашня фигурировала в оброчных книгах как сенокосная рощисть. Все это говорит о значительной доле в уезде подсечной системы землепользования и лесного перелога. По мнению Н.И. Тормосовой [13], в конце XIX – начале XX в. подсечная форма земледелия была распространена практически повсеместно, чему способствовали законы о наделении крестьян дополнительно лесными наделами с целью расширения посевных площадей.

Перелог, или оставление на естественное зарастивание подсечной пашни, используемой не более восьми лет, способен восстановить плодородие истощенных полей. Для полного восстановления плодородия почвы требовались десятки, а то и сотни лет. Однако нужно учитывать, что при подсеке использовалось плодородие только поверхностного слоя почвы на глубину пахоты того времени (до 15 см). Более глубокие слои оставались нетронутыми и при глубокой вспашке (припахивании) могли повышать плодородие пахотного горизонта. Подсечно-огневая система земледелия при перелогe позволяла полностью восстановить плодородие верхних горизонтов почв за счет опада разрастающихся трав, затем древесных и кустарниковых пород за 25–40 лет. Эти переложные поля можно было снова распахать и использовать под посевы.

Таким образом, на Севере существовала комбинированная схема систем земледелия, включающая подсеку, пашенное (паровое) земледелие и лесной перелог. Это было связано как с историческими миграционными традициями заселения Севера (очагами вдоль рек), изменением плотности населения в старых поселениях, так и потребностью в дополнительных землях, в том числе для организации новых поселений в местах подсеки. Рос и опыт крестьян по повышению плодородности бедных северных почв, постепенно начали вносить торф и навоз на постоянные поля, реже на близкие подсеки, которые со временем также могли стать постоянным полем.

Крестьянами как на полях подсеки, так и на полях трехполья применялись простейшие севообороты, которые в то время они называли оборотами. По берегам Северной Двины традиционным трехпольным оборотом был сле-

дующий: озимое — яровое — пар. На подсеках, где лес выжигали («катили кулигу»), вначале по золе сеяли репу или лен, потом давали год отдохнуть под паром и засевали рожью, затем овсом. На пятый и седьмой годы могли снова оставить под паром, чередуя пар с посевом овса [4]. Но чаще на Севере новины использовали 4–5 лет [10].

По сохранившимся архивам Каргопольского историко-архитектурного музея, в XIX в. территория района была густо заселена. Было много крупных деревень и «пятаков» (крупные скопления деревень). Каргопольский уезд называли хлебным краем. Земледелием занимались не только крестьяне, но и жители города Каргополя, всем требовались земельные наделы, которые широко простирались вокруг деревень [3]. Выращивали ячмень, овес, серый горох.

Документальным подтверждением масштабного сельскохозяйственного освоения нынешней территории Кенозерского национального парка послужили межевые планы Кенозерской и Вершининской волостей Пудожского уезда Олонецкой губернии 1861 г., недавно обнаруженные в Национальном архиве Республики Карелия [9]. Аналитическая обработка в ГИС некоторых межевых планов на ряд участков южного и юго-восточного побережья оз. Кенозеро (д. Тырышкино, Семёново, Майлахта, Сысова, Щаниково, Ряпусово, Зехнова, Спицyno), а также северо-восточного побережья оз. Кенозеро (д. Першлахта, д. Поромское) позволила прийти к выводу о том, что площадь постоянной пашни в середине XIX в. составляла приблизительно 7–10 % суходольных земель, а площадь перелога – 35–40 %. При этом соотношение земель сильно отличалось для различных участков в зависимости от естественного плодородия почв. Так, для юго-восточного побережья (район д. Майлахты, Ряпусово, Зехнова) площадь постоянной пашни составляла до 35 %, а площадь перелога – до 60 %. Интересно отметить также то, что на расстоянии до 1,2–1,5 км от деревень постоянные пашни занимали практически полностью все суходольные участки – около 55 % территории, а перелог начинал преобладать уже за пределами этой условной границы (ил. 1).

Перелог фактически был резервным элементом трехпольной системы земледелия, используемой на Севере до первой половины XX в. В перелог периодически производились распашки для компенсации пахотных земель, переводившихся в «пар». Как правило, переложные земли отличались меньшим плодородием, достаточно быстро истощались, забрасывались на некоторое время (10–40 лет) под зарастание лесом. Цикл использования пахотных участков в перелог составлял приблизительно 15–40 лет в зависимости от потребности в пахотных землях.

В конце XIX – начале XX в. произошло значительное увеличение площади постоянной пашни за счет переложных земель. Об этом свидетельствуют современная структура лесов, возникших на пахотных и переложных землях около 80–100 лет назад. С использованием аналитического аппарата ГИС проведена

реконструкция динамических изменений современной территории Национального парка за период с проведения межевой съемки в 1861 г. до настоящего времени. В основу анализа положены данные по современным категориям земель и по структуре древостоев, сформировавшихся на месте земель, в прошлом использовавшихся в сельском хозяйстве. Границы разделения пашни-перелога при реконструкции достаточно условны.

Сегодня старые поля на территории Каргопольского района можно идентифицировать по ряду признаков. По мнению М.В. Бобровского [1], косвенными признаками являются выровненный микрорельеф, который сохраняется многие сотни лет, и угольки в почве (на нижней границе пахотного горизонта или ниже). Маркером старых полей служат и глубокие загонные борозды, оставшиеся от глубокой вспашки, которые могли быть и межей. Глубина борозды служит индикатором глубины вспашки. Эти борозды сохраняются на многие десятилетия [8], однако основным идентификатором считается почва (ил. 2). Признаки распашки проявляются в почве уже после однократного перемешивания, а после многолетней распашки в почвенном профиле сохраняется пахотный горизонт (многие исследователи считают – до 250–300 лет, по мнению Бобровского – многие сотни лет [1]).

В настоящее время старые поля и подсеки заросли лесом, на них формируются леса разного породно-типологического состава – сосняки, осинники, ельники, березняки, ольшаники. Нами идентифицированы [11] несколько участков заросших лесом старых полей длительного пользования (постоянные пашенные поля) в урочище Хижгора – Масельга, расположенном в южной части Кенозерского национального парка (см. таблицу). Леса на залежах с плодородными почвами растут интенсивно, на один класс бонитета выше, чем в природных древостоях на нативных почвах, что обусловлено высоким плодородием пашенных почв. Признаки пахоты сохраняются и подтверждают историю полей, заброшенных в начале XX в.

Рост и продуктивность спелых древостоев на залежных пашнях и сенокосах (урочище Хижгора – Масельга)

Порода	Возраст, лет	Густота древостоя, т/га	Средний диаметр, см	Средняя высота, м	Полнота	Запас, м ³ /га	Бонитет
Сосна	80	514	23,9	20,2	0,70	230	II
Сосна	80	495	23,8	20,3	0,70	229	II
Береза	90	349	28,3	18,8	0,85	170	III

Сравнивая фотографии 1950-х гг. с настоящим обликом ландшафта, можно сделать вывод, что в урочище было много сенокосов и пашен, представляющих открытый ландшафт, которые в настоящее время сплошь заросли лесом. Опробование почв показало, что повсеместно сосняки и ольшаники растут на нетипичных для них почвах. Несмотря на значительный возраст деревьев,

поселившихся на местах угодий, почва сохраняет признаки луга (сенокоса, пастбища).

Растущие здесь леса являются постагрогенными производными лесами и представляют определенный научный интерес с точки зрения разработки лесохозяйственных мероприятий на залежных землях, поступающих в последние десятилетия в отчуждение. Наличие картографических исторических и лесоустроительных данных, позволяющих визуально и планомерно идентифицировать возможное местоположение таких участков в Национальном парке, делает его удобным полигоном для проведения широких исследований в изучении лесов, растущих на залежах.

Восстановить системы земледелия в объемах XIX в. на территории Кенозерья – задача нереальная даже на локальном уровне вблизи отдельных деревень. Однако есть возможность на ограниченной территории в рамках арт-объекта смоделировать демонстрационную версию различных систем земледелия. Такой арт-объект мог бы иметь не только туристическое, но и образовательно-воспитательное значение.

Первая модель арт-объекта – «подсека – перелог», которая заключается в закладке подсеки, использовании ее на протяжении 4–5 лет (до 8 лет, в зависимости от урожайности культур в севообороте), затем в переводе ее в лесной перелог (на 10–12 лет).

Вторая модель арт-объекта – «подсека – трехполье», которая заключается в закладке подсеки, использовании ее до 8 лет, затем в переходе на трехполье. Участок подсеки разбивается на 3 поля и ведется трехпольный севооборот с внесением удобрений в «пар». Со временем трехполье может быть оставлено в перелог.

Площадь полей арт-объекта – от 1 до 12 м². Количество полей определяется «оборотом». На подсеке можно имитировать «оборот»: репа – овес – ячмень – лен – озимая рожь. При имитации трехполья следует использовать паро-зерновой «оборот»: «пар» – озимая рожь – ячмень. Каждый год «пар» переходит на новую часть и «оборот» повторяется.

В результате будет представлена имитация полей и их зарастания на разных стадиях. Полученный урожай зерновых, льна может быть использован как для оформления планируемой Амбарной экспозиции, так и для поделок с детьми во время экскурсий. В Амбаре можно оформить выставочный комплекс с фотографиями, в том числе и о том, как шла работа по эксперименту (отжиг, посев и т. д.), а также представить историческую реконструкцию по традиционному ведению аграрного хозяйства с фотографиями XVIII–XIX вв. Имеет смысл сделать полки, выставив на них результат – урожай в виде снопов овса, ячменя, ржи. Уместной была бы здесь коллекция семян, а также экспозиция простейшего исторического сельскохозяйственного инвентаря (деревянные грабли и вилы, соха, борона, цепы, серпы и др.).

В перспективе как на полевом участке, так и в Амбаре можно проводить экскурсии и мастер-классы по системам земледелия; по культурным растениям (строение колоса, выращивание, использование и др.); по льну, включая работу со льном (технологии), изучение строения стебля, получение волокна (мацерация); по флористике (изготовление поделок из соломы, составление букетиков с сухими травами и цветами). Несомненно, подобное историческое моделирование имеет перспективу, однако требует и значительных затрат.

Список литературы

1. *Бобровский М.В.* Лесные почвы Европейской России: биотические и антропогенные факторы формирования. М., 2010.
2. *Васильев Ю.С.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XII–XVII веков. 2-е изд. Вологда, 2013.
3. *Докучаев-Басков Ф.К.* Каргополь, 1912–1913. Архангельск, 1996.
4. *Жегалова С.К.* Материалы по истории земледелия и земледельческой техники Европейского Севера XIX века // *Аграрная история Европейского Севера СССР.* Вологда, 1970. С. 475–500.
5. *Житников В.Ф.* Древнерусская лексика подсечно-огневого земледелия в топонимике Архангельской и Вологодской областей // *Вопросы топониматики.* Вып. 2. Свердловск, 1965. С. 19–22.
6. *История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма:* в 3 т. Т. 1. М., 1985.
7. *Колесников П.А.* Некоторые вопросы аграрных отношений на Европейском Севере в период позднего феодализма // *Аграрная история Европейского Севера СССР.* Вологда, 1970. С. 64–99.
8. *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI века. М.; Л., 1960.
9. *Межевой план № 15 съемки 1861 г. Кенозерской дачи Вершининской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии* // *Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский».* Ф. 1. Оп. 8. Д. 402.
10. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.
11. *Наквасина Е.Н., Голубева Л.В.* Идентификация постагrogenных лесов в национальном парке «Кенозерский» // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Естественные науки».* № 4. 2015. С. 75–82.
12. *Стенно С.П., Циберкин Н.Г., Садовникова Е.Н.* К истории природопользования на территории Пермского края в период с середины III тысячелетия до н. э. по 1430 г. // *Географический вестник.* 2013. Вып. 2 (25). С. 94–98.
13. *Тормосова Н.И.* Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011.
14. *Трапезникова О.Н.* Каргопольская сушь и исторические парадоксы северного земледелия // *Культура Поонежья X–XXI веков: общерусские черты и региональные особенности: материалы XI Каргопольской научной конференции / науч. ред. и сост. И.В. Онучина, Н.И. Решетников.* Каргополь, 2011. С. 35–44.

Т.Ю. Репкина, А.Е. Беличенко, Н.Е. Зарецкая (г. Москва),
Ю.А. Кублицкий, П.А. Леонтьев (г. Санкт-Петербург),
Ф.А. Романенко, О.С. Шилова, А.П. Яковлева (г. Москва)

История развития и заселения западного побережья Унской губы (Летний берег Белого моря) в голоцене¹

Введение. Берега Белого моря начали развиваться после деградации последнего ледникового щита, освободившего бассейн в интервале 15-14 – 12-11 тыс. лет назад [8; 31; 33; 34]. Около 10 тыс. лет назад на территориях южного Прибеломорья появляются люди, владеющие мезолитическими технологиями обработки кремня [19]. Обнаруженные памятники этого периода немногочисленны и выявлены на палеоберегах древних озер и рек [3]. Археологических объектов, связанных с освоением и заселением прибрежных территорий Онежского полуострова в эпоху мезолита – раннего неолита к настоящему моменту не найдено. Это обусловлено тем, что мы пока не имеем достаточно данных для реконструкции палеоландшафта и береговой линии моря на ранних этапах освоения южных берегов Белого моря. Строение рельефа побережья было, по-видимому, одним из важных критериев при выборе мест для стоянок и поселений. Берега изменялись под действием морских волн, компенсационных послеледниковых и тектонических движений, длительных (эвстатических) и краткосрочных (приливы, нагоны) колебаний уровня. События регионального и локального масштабов отражены в строении древних берегов (морских террас) – комплексов береговых форм и отложений, сформировавшихся при определенном положении моря относительно суши [10]. Большая часть побережья с разной скоростью выдвигалась, постепенно поднимаясь из-под уровня моря [11; 14; 32]. При этом береговая линия становилась в целом менее расчлененной, а многочисленные заливы и проливы отделялись от моря. На берегах отчленяющихся водоемов возникали удобные условия для жизни носителей приморских культур.

Механизмы обособления и продолжительность жизни отчленяющихся водоемов не одинаковы на разных берегах Белого моря. На изрезанных, скалистых берегах Кандалакшского залива, поднимавшихся в начале голоцена

© Репкина Т.Ю. и др., 2019

¹ Полевые исследования выполнены по теме ГЗ АААА-А16-116032810089-5 в рамках договора о научном сотрудничестве № 325 от 17.05.2017 г. между Национальным парком «Кенозерский» и географическим факультетом МГУ им. М.В. Ломоносова; обработка данных – при поддержке проекта РФФИ 19-05-00966 (геоморфологический анализ), а также тем ГЗ АААА-А16-116032810055-0 (диатомовый анализ) и ГЗ ГИН РАН (геохронологические исследования).

со скоростью 10–100 мм/год [11; 26], а в последние столетия – 1–6 мм/год [24], неравномерное поднятие берега до настоящего времени остается ведущим фактором изоляции заливов и проливов [21]. При этом образование небольших прибрежных кос может ускорить отчленение водоемов на 100–150 лет [21], а штормы и нагоны редкой повторяемости замедляют его [13]. На Летнем берегу Белого моря относительное поднятие было медленнее (0,3–0,9 мм/год) [32; 35], слагающие берег ледниковые суглинки более податливы размыву, а волнение существенно активней [2], чем на западном побережье. Здесь сформировались крупные, сложно устроенные косы, отчленившие лагуны [27]. На берегах лагун обнаружены археологические памятники беломорской морской культуры позднего неолита – раннего металла (примерно 4–2-го тысячелетия до н. э.) [4]. Положение и относительный возраст памятников позволили предположить, что лагуны были связаны с морем долгоживущими проливами, а отчленяющие их косы неоднократно перестраивались [5]. Реконструкция истории развития и заселения побережья может быть использована для организации на территории Национального парка «Онежское Поморье» познавательного туризма.

Краткая характеристика района исследований. Унская губа, эстуарий с площадью акватории около 150 км², имеет ширину 1–9 км, вдается в Онежский полуостров на 30 км и сообщается с Двинским заливом узким проливом – «горлом» (ил. 1). Губа приурочена к древнему грабену северо-восточного простираения [7], борта которого поднимались быстрее, чем днище [1; 7]. На побережье и морском дне сохранился рельеф краевой зоны нескольких стадий деградации последнего оледенения, в той или иной мере измененный морем. На отметках 20–110 м над уровнем моря доминируют холмы и гряды, сложенные каменистой мореной. На высотах 10–20 м понижения ледникового рельефа заняты плоскими болотами и остаточными озерами, соединенными заболоченными ложбинами. Они представляют собой проливы и заливы, заполнявшиеся, вероятно, 13,5–11,5 тыс. лет назад, во время позднеледниковой трансгрессии аллерёда – позднего дриаса [7]. На отметках до 10–11 м берег окаймляют голоценовые морские террасы с перевейными песчаными береговыми валами [27]. Ширина террас на западном берегу губы достигает 5 км, а на восточном – 2,5 км. В тылу террас, на контакте моренных построек и форм берегового рельефа, возникли палеолагуны, ныне озера, крупнейшее из которых – оз. Мураканское, и болота сложных плановых очертаний (см. ил. 1).

Материалы и методы. Рельеф, голоценовые отложения и археологические объекты западного побережья Унской губы изучены в ходе двух комплексных экспедиций [16; 28]. Проведены геоморфологическое профилирование и картографирование окрестностей археологических памятников, рекогносцировочные археологические маршруты, полевое дешифрирование

космических снимков высокого и сверхвысокого разрешения. Высота террас, разрезов и скважин над уровнем моря определена с помощью ручного уровня CST Berger 17-632 Hand Sight Level и мерной рейки. С помощью эхолота Lowrance LMS-480 и ручного лота впервые измерена глубина оз. Мураканского и Малого Мураканского. Строение их донных отложений, а также осадки палеозаливов, проливов и понижений между береговыми валами изучены в скважинах ручного бурения и разрезах (ил. 1–3). Проведено литостратиграфическое описание голоценовых отложений, залегающих на высотах от -0,5 до +15 м над уровнем моря. Отобраны образцы на диатомовый, геохимический и ботанический анализы и радиоуглеродное датирование. Возраст отложений определен в лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН. Калибровка радиоуглеродных дат выполнена в программе Calib 611 с помощью калибровочной кривой IntCal09. Предварительный диатомовый анализ образцов проведен на географическом факультета МГУ. Результаты полевых исследований и полученные к настоящему времени аналитические данные позволили в общих чертах восстановить механизмы и основные этапы развития рельефа побережья в голоцене, сделать предварительные выводы о стратегии его заселения и получить материалы для относительной хронологии археологических комплексов.

Результаты и их обсуждение. На высотах примерно 11–20 м над уровнем моря (н.у.м.) древние проливы и заливы наследуют конфигурацию затопленного ледникового рельефа. Котловина оз. Малого Мураканского (урез – 10,9 м) расположена во внутренней части палеозалива оз. Мураканского и соединена с ним палеопроливами с современными отметками дна 11–15 м (см. ил. 1). Высоту порога стока озера (примерно 15 м н.у.м.) определяет положение кровли ледниковых суглинков, которые выходят на поверхность на бортах палеопроливов. На днищах палеопроливов под мощным (4–4,5 м) покровом торфа залегают сизо-серые слабо опесчаненные суглинки и желто-серые суглинистые пески с единичной галькой, не содержащие диатомей. Дно оз. Малого Мураканского неровное. Максимальные (до 4 м) глубины приурочены к подножию моренной гряды у западного берега озера. В наиболее глубокой части озерной котловины между предположительно морскими среднезернистыми песками и озерными отложениями (гидротроилит, гиттия) вскрыт прослой торфа возрастом примерно 10,6–10,2 тыс. лет назад (см. ил. 2). По результатам предварительного анализа диатомей в разрезе донных отложений не обнаружены. Полученные данные не противоречат заполнению палеозалива во время послеледниковой трансгрессии [7]. Залив, включая котловину оз. Малого Мураканского, был полностью осушен в ходе регрессии раннего голоцена, датированной на западном побережье Белого моря интервалом 11,5–9,8 тыс. лет назад [11], а на восточном – 10,3–9,5 тыс. лет назад [9; 12; 22; 23; 29; 30; 36]. Вероятно, в тот же период отмер пролив

с отметками днища 10–14 м на юго-востоке котловины оз. Мураканского, соединявший его с Унской губой (см. ил. 1). Осушение проливов произошло за счет резкого преимущественно гляциоизостатического понижения относительного уровня моря, характерного в это время для беломорского побережья [11; 32]. Береговые процессы, ослабленные в условиях холодного, ледовитого бассейна [17; 18; 20], не создавали аккумулятивных форм и не влияли на продолжительность стадии изоляции.

Археологические памятники на берегах позднеледниковых проливов и заливов пока не обнаружены. Наиболее древние стоянки, найденные на берегах внутренних озер Онежского полуострова, относятся к периоду 6–4-го тысячелетий до н. э. [3]. Близким временем (6–5-го тысячелетия до н. э.) датированы древнейшие стоянки и мастерские, открытые на Соловецких островах, а также наиболее поздние стоянки мезолитической эпохи Северной Карелии [15]. Реконструкция положения берегов проливов дает шанс найти неизвестные ранее стоянки каменного века.

На высотах менее 11 м н.у.м. рельеф имеет морское происхождение. Здесь развиты палеолагуны и палеозаливы. С запада на восток это оз. Мураканское (урез 6,9 м), болото Жировское (высота поверхности 7,5–10,5 м, урезы остаточных озер – 7,3–10,5 м), болото Горбоватый Мох (высота поверхности – 5,2–7,8 м) и безымянные болота на отметках 8,5–9 и 9–9,5 м к востоку от него (см. ил. 1 и 3). Котловины сохранившихся и отмерших водоемов занимают понижения в кровле ледниковых суглинков. С юга они ограничены моренными постройками, иногда сглаженными морем и перекрытыми болотными отложениями, а с севера отделены от Двинского залива перевейными береговыми валами и косами.

Наиболее древние береговые валы примыкают с севера и северо-запада к моренным грядам между оз. Мураканским и болотом Жировским (см. ил. 1). Валы высотой 1,5–3 м при ширине 2–6 м ориентированы с юго-запада на северо-восток под углом к простиранию современной береговой линии Двинского залива. Они образовались за счет поперечного переноса наносов на мелководье, обрамлявшее моренные острова, при положении относительно уровня моря на 9–10,5 м выше современного, вероятно, на ранних этапах трансгрессии среднего голоцена тапес, позже примерно 8,5–8,4 тыс. лет назад (см. ил. 2). При формировании следующих генераций аккумулятивных форм древние валы были частично размыты.

Более молодые аккумулятивные формы нарастали с запада на восток, преимущественно за счет разгрузки вдольберегового потока наносов у перегибов береговой линии. По мере выдвигания они примыкали к выступам моренного цоколя и останцам древних валов и отчленили новые «ячейки» лагун.

Крупнейшая аккумулятивная форма побережья – сложная коса с отметками высот 7,5–11 м н.у.м., протяженностью около 17 км и шириной от 250 м до 2 км.

Корень косы причленен к подножию моренной гряды высотой до 35 м н.у.м., образующей западный берег оз. Мураканского. Восточнее палеозалива Горбоватый Мох дисталь косы огибает невысокие (8–10 м н.у.м.) моренные холмы, в настоящее время практически повсеместно перекрытые торфом, и поворачивает в акваторию Унской губы (см. ил. 1). Коса существенно изменена эоловыми процессами. Максимальная мощность перевеянных морских песков достигает 1,5 м. В строении косы обособляются пять генераций аккумулятивных форм, маркирующих этапы ее выдвигания (см. ил. 1 и 3). На основании геоморфологических данных и предварительных результатов аналитической обработки образцов история развития косы представляется следующей.

Первые генерации косы с отметками высот 7,5–9,5 м н.у.м. отделили от моря котловину оз. Мураканского (длина 6,3 км, ширина 1,8–3,3 км). Котловина состоит из западной и восточной ванн с максимальными современными глубинами 5,2 и 4,0 м (1,7 и 3,9 м н.у.м.) соответственно. Ванны разделены подводной моренной грядой, глубина воды над которой изменяется от 1,8 до 3,9 м (см. ил. 1 и 2). Высоту порога стока озера (примерно 7 м н.у.м.) определяет положение кровли морены в проливах на северо-западе и северо-востоке котловины (см. ил. 1). В конце регрессии раннего голоцена – примерно между 9,3–9,2 и 8,5–8,4 тыс. лет назад – восточная ванна была полностью осушена, и на ее дне накапливался торф (см. скважина 2 на ил. 2). В западной, более глубокой, части котловины отложения раннеголоценовой регрессии не вскрыты. Не исключено, что там сохранялся пресноводный водоем.

Позже примерно 8,5–8,4 тыс. лет назад, во время трансгрессии тапес, котловина была заполнена морскими водами. На дне накапливались сначала глинистые (см. скважина 2 на ил. 2), а затем опесчаненные (см. скважины 1–3 на ил. 2) алевриты, содержащие солоноватоводные и морские диатомеи. Строение донных осадков позволяет считать, что подъем относительного уровня моря был постепенным и сопровождался образованием барьерных аккумулятивных форм, которые защищали мелководную лагуну от волн открытого моря.

Выдвигаясь к востоку, коса перекрыла пролив у северо-западного берега озера. Затем ее дисталь, в настоящее время – песчаная отмель с глубинами воды до 1,1 м (см. № 1 на ил. 1), примкнула к подводной моренной гряде. Около 7,3–7,2 тыс. лет назад западная ванна была частично изолирована от моря. Началось накопление существенно органогенных осадков (ил, гиттия), содержащих солоноватоводные диатомеи (см. скважина 3 на ил. 2).

Восточная ванна оставалась полузамкнутой лагуной примерно до 6,4–6,2 тыс. лет назад (см. скважина 1 на ил. 2), а возможно и дольше. В ее центральной части смена лагунных условий озерными маркирована постепенным переходом в интервале глубин 6,1–5,8 м от минеральных осадков, содержащих солоноватоводные диатомеи, к органогенным с пресноводными

видами диатомей (см. скважина 3 на ил. 2). Вблизи северо-западного берега ванны, на склоне моренной гряды (см. скважина 1 на ил. 2) смена обстановок сопровождалась размывом морских осадков. Дистали второй генерации кос, огибающие восточную ванну, не перекрывали пролив на ее северо-восточном берегу (см. № 2 на ил. 1). Можно полагать, что основным фактором изоляции стало понижение относительного уровня моря примерно до отметок 7–7,5 м н.у.м. Выдвижение косы, вероятно, совпадало по времени с обособлением водоема, но не было его основной причиной.

Третья генерация кос (см. № 3 на ил. 1 и 3) отделила от открытого моря залив Горбоватый Мох, а четвертая – палеолагуны на высотах 8,5–9 и 9–9,5 м н.у.м. (см. № 4 на ил. 1 и 3). Залив Горбоватый Мох с отметками дна 4,5–6 м н.у.м. (см. профиль на ил. 3) сообщался с Унской губой, в его вершине накапливались мелкозернистые пески. Судя по датам из подошвы органогенных отложений, палеолагуны были полностью изолированы от моря не позднее примерно 5,5 и 5,5–5,3 тыс. кал. лет назад соответственно. Большие высотные отметки гребней аккумулятивных форм (до 10,5 м) и остаточных водоемов в понижениях между ними (8,5–9,5 м) свидетельствуют о незначительном повышении относительного уровня моря и/или об увеличении силы штормов.

На следующем этапе выдвижение косы происходило, вероятно, в условиях относительной стабилизации уровня моря и было чрезвычайно быстрым. В дистальной части косы на отметках 8–10,5 м н.у.м. сформировалась генерация крупных (относительная высота до 2–2,5 м при ширине до 50 м) аккумулятивных форм, поворачивающих в акваторию Унской губы. Ширина сохранившегося от размыва сегмента достигает 1,1 км, а протяженность отдельных кос – 4–6 км. При корне косы к частично размытым и более низким формам ранних генераций примыкали береговые валы с отметками до 10,5 м н.у.м. Учитывая оценки возраста археологических памятников (см. ил. 1), генерация сформировалась и была освоена носителями беломорской морской культуры позднего неолита – раннего металла примерно не позднее 5 тыс. лет назад. К этому времени все лагуны в тылах косы были изолированы от моря, а Горбоватый Мох стал мелководным заливом Унской губы.

Формирование двух последних генераций косы совпадает по времени с увеличением продолжительности безледного периода на юго-востоке Белого моря [17; 18]. Большая продолжительность и, вероятно, сила воздействия волн, сделали процессы размыва и аккумуляции интенсивней.

В дальнейшем со стороны Двинского залива к косе, постепенно поднимающейся над уровнем моря, причленялись новые береговые валы. Генерации на высотах 5–7,5 м н.у.м. (см. ил. 1) сформировались, вероятно, во временном интервале примерно между 5 и 2,5–2,3 тыс. кал. лет назад. В корне косы, где размыв более древних валов чередовался с образованием новых, берег выдвинулся на 100–200 м, а в дистали косы, где господствовала аккумуляция –

на 2–3 км. На высотах 7–7,5 м н.у.м. выявлены археологические памятники, условно датированные временем позже конца 3–2-го тысячелетий до н. э. (см. ил. 1). Приморские жители, передвигаясь вслед за береговой линией, быстро осваивали новые аккумулятивные формы. На внутренних берегах косы, обращенных к Унской губе, под действием более слабых волн и интенсивных приливных течений, как и в настоящее время, формировались осушенные берега [27]. Возникали широкие плоские осушки, становившиеся в результате относительного поднятия заболоченными террасами (см. ил. 1).

В тот же период, несмотря на значительную ширину барьерных форм, отделивших лагуны, в последние эпизодически проникали морские воды; происходила частичная перестройка древней косы. Это было возможно в экстремальные штормы и нагоны, когда морские воды прорывали косу и формировали узкие проливы (промои). Обновляясь во время последующих сильных штормов, промои могли существовать достаточно долго, пока в результате постепенного поднятия не оказывались выше максимально возможного уровня штормового нагона. На современных берегах района экстремальные повышения уровня моря могут достигать 2 м [6]. В среднем голоцене – начале позднего голоцена, когда Двинский залив был 9–12 месяцев в году свободен от ледового покрова [17], штормовые нагоны, вероятно, были не меньше.

Наиболее крупные промои возникли при корне косы и в ее дистальной части, на северо-западном берегу залива Горбоватый Мох (см. ил. 1 и 3). Пролив вблизи корня косы с отметками современной поверхности 7,5–8,5 м н.у.м. (по подошве торфа – 5,2–7 м н.у.м.) ограничен с запада и востока моренными грядами и прорезает первую генерацию косы. Судя по дате из подошвы торфа, морские воды перестали поступать в пролив не позднее примерно 3,3 тыс. лет назад. Практически одновременно – около 3,3–3,2 тыс. лет назад прекратилась переработка форм внутренней генерации кос на северо-восточном берегу оз. Мураканского (см. ил. 1).

Пролив с отметками поверхности 7,5–8 м (по подошве торфа около 6–7 м) ограничен выступами моренного цоколя, к которым примкнула дисталь третья генерация древней косы (см. ил. 1 и 3). Он отмер не позднее 2,9–2,8 тыс. лет назад.

Последним был замкнут пролив в районе стоянки Горбоватый Мох (см. ил. 1 и 3). Пролив с современными отметками поверхности 6,5–7 м (по подошве торфа – 5–6 м) прорезает валы третьей генерации косы. На его восточном берегу, где расположена стоянка, переветренные аккумулятивные формы насажены на склон моренного холма. На днище пролива до настоящего времени сохраняются мелководные озера, а в районе стоянки уровень грунтовых вод даже в засушливые годы не опускается ниже 1,5–2 м, что говорит о близком к поверхности положении водоупорного горизонта. Днище пролива вышло из-под уровня затопления примерно 2,5–2,3 тыс. лет назад, что подтвер-

ждается наличием в датированном слабо оторфованном сапропеле диатомей, характерных для марша. Непосредственно выше него залегает торф возрастом примерно 1,9–1,8 тыс. кал. лет назад. На берегах долгоживущего пролива, ограниченного с востока склоном моренной гряды, возникли условия, необходимые для жизни носителей беломорской морской культуры: близость к морю, свободный доступ к источникам пресной воды и богатым рыбным ресурсам [5].

Выводы. Выделены и датированы три геоморфологических уровня, отвечающих основным этапам развития рельефа западного побережья Унской губы и его заселения.

На высотах 11–20 м современный рельеф, унаследовавший облик кровли морены, не был существенно переработан морем. Палеозаливы и проливы, затопленные во время позднеледниковой трансгрессии (примерно 13,5–11,5 тыс. лет назад), были осушены в ходе регрессии раннего голоцена (не позднее примерно 10,2 тыс. лет назад на отметках выше 15 м н.у.м, а на меньших высотах – во временном интервале около 10,2–9,5 тыс. лет назад). К берегам палеопроливов могут быть приурочены стоянки и поселения каменного века.

На высотах 7,5–11 м облик рельефа и ландшафтов определяет сложная коса, сформировавшаяся в условиях незначительных колебаний относительного уровня моря во время трансгрессии тапес (позже примерно 8,5–8,4 и ранее примерно 5 тыс. кал. лет назад). Выделены четыре стадии выдвижения косы к востоку (ранее примерно 7,3–7,2; около 7,3–7,2–6,4–6,2; около 6,4–6,2–5,5–5,3 тыс. кал. лет назад) и юго-юго-востоку (приблизительно 5,5–5,3 – 5 тыс. кал. лет назад). При этом объемы аккумуляции существенно возросли примерно после 6,4–6,2 тыс. кал. лет назад, что соответствует резкому увеличению продолжительности безледного периода в Двинском заливе. Лагуны в тылу косы были изолированы от моря в результате замыкания аккумулятивными формами, огибавшими выступы морены, и слабого компенсационного поднятия. В 4–3-м тысячелетиях до н. э. берега лагун осваивали представители культур Кольского полуострова, вышедшие к морю и обосновавшиеся в новых условиях, племена с Подвинья и Прионежья, которые в результате взаимоадаптации положили начало формированию беломорской морской культуры.

После образования косы ее внешние и внутренние берега развивались в условиях медленного и неравномерного понижения относительного уровня моря под действием разных гидродинамических факторов. Сильные волны Двинского залива создавали «лестницы» береговых валов, а затишные заливы Унской губы становились плоскими заболоченными террасами. Валы и террасы на высотах 5–7,5 м н.у.м. сформировались, вероятно, во временном интервале примерно между 5 и 2,5–2,3 тыс. кал. лет назад. В начале этапа или несколько раньше древняя коса была прорвана проливами (проомями),

созданными сильными штормами и отмершими около 3,3–2,3 тыс. лет назад в результате относительного поднятия берега. Проливы обеспечивали эпизодическую связь уже отчлененных лагун и залива Горбоватый Мох с Двинским заливом. Стоянки носителей приморских культур, возникшие позже конца 3–2-го тысячелетия до н. э., тяготеют к внешним берегам косы. Вероятно, они могли существовать на берегах долгоживущих проливов.

Сочетание природных (геоморфологических) и археологических объектов может стать основой для организации на берегах Унской губы научно-познавательного туризма.

Список литературы

1. *Авенариус И.Г.* Морфоструктура Беломорского региона // *Геоморфология*. 2004. № 3. С. 48–56.
2. *Архипкин В.С., Добролюбов С.А., Мысленков С.А., Кораблина А.Д.* Волновой климат Белого моря // *Меняющийся климат и социально-экономический потенциал Российской Арктики* / под ред. С.А. Сократова. Т. 1. М., 2015. С. 48–58.
3. *Беличенко А.Е.* Заселение южного побережья Белого моря в эпоху неолита – раннего металла // *Кенозерские чтения – 2019. Гражданские инициативы в заповедном укладе*. Архангельск, 2019 (в печати).
4. *Беличенко А.Е.* Отчет об археологических разведках на территории Архангельской области (район Унской губы Белого моря, Беломоро-Кулойское плато, оз. Лодемское) в 1997 году // *Архив Архангельского краеведческого музея*. Ф. 3. Оп. 3. Д. 951.
5. *Беличенко А.Е., Репкина Т.Ю., Яковлева А.П.* К вопросу о формировании береговой линии Белого моря и датировке памятников неолита – раннего металла // *Тверской археологический сборник*. Вып. 12. Тверь, 2019. С. 28–33 (в печати).
6. *Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР*. Т. II. Л., 1991.
7. Государственная геологическая карта Российской Федерации масштаба 1:200 000. Серия Онежская. Листы Q-37-XXVII, XXVIII. Объяснительная записка. СПб., 2000.
8. *Евзеров В.Я.* Оледенения района Беломорской котловины // *Система Белого моря*. Т. 1. М., 2010. С. 76–93.
9. *Зарецкая Н. Е.* Голоценовая история дельты р. Северной Двины // *Геоморфология*. 2018. № 1. С. 3–17. DOI: 10.7868/S0435428118010017.
10. *Каплин П.А., Селиванов А.О.* Изменение уровней морей России и развитие берегов. М., 1999.
11. *Колька В.В., Корсакова О.П.* Положение береговой линии Белого моря и неотектонические движения на северо-востоке Фенноскандии в позднеледниковье и голоцене // *Система Белого моря*. Т. IV. М., 2017. С. 222–249.
12. *Кошечкин Б.И.* Голоценовая тектоника восточной части балтийского щита. Л., 1979.
13. *Краснова Е.Д., Демиденко Н.А., Пантюлин А.Н., Фролова Н.Л., Ефимова Л.Е., Широкова В.А.* Термический и ледовый режим реликтовых водоемов, отделяющихся от Белого моря // *Динамика и термика рек, водохранилищ и прибрежной зоны морей: VIII Международная научно-практическая конференция*. Т. 1. М., 2014. С. 430–443.
14. *Лаврова М.А.* Четвертичная геология Кольского полуострова. М.; Л., 1960.

15. *Мартынов А.Я.* Острова Белого моря: от мезолита до Средневековья (о древнем освоении беломорских островов по археологическим данным) // Арктика и Север. 2012. № 5. С. 1–40.

16. На Онежском полуострове ищут стоянки древних поморов. 2017. 8 авг. // НП «Кенозерский». Новости. http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/na-onezhskom-poluostrove-ishchut-stoyanki-drevnikh-pomorov/?sphrase_id=9861 (дата обращения: 22.05.2019).

17. *Новичкова Е.А., Рейхард Л.Е., Лисицын А.П., Рыбалко А.Е., Де Вернал А.* Новые данные по истории развития Двинского залива Белого моря в голоцене // ДАН. 2017. Т. 474. № 3. С. 365–369.

18. *Новичкова Е.А.* Постледниковая история развития Белого моря по материалам изучения водных и наземных палиноморф: автореф. дис. ... канд. геол.-минерал. наук. М., 2008.

19. Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной среды / отв. ред. В.М. Котляков, А.А. Величко, С.А. Васильев. М., 2014.

20. *Полякова Е.И., Новичкова Е.А., Лисицын А.П., Баух Х.А., Рыбалко А.Е.* Современные данные по биостратиграфии и геохронологии донных осадков Белого моря // ДАН. 2014. Т. 454, № 4. С. 467–473.

21. *Репкина Т.Ю., Аляутдинов А.Р., Луговой Н.Н., Романенко Ф.А., Энтин А.Л.* Геоморфологические условия формирования меромиктических водоемов побережья Кандалакшского залива Белого моря // Изучение, рациональное использование и охрана природных ресурсов Белого моря. 2017. С. 165–168.

22. *Репкина Т.Ю., Зарецкая Н.Е., Субетто Д.А., Потахин М.С., Кунгаа М.Ч., Новикова А.В., Леонтьев П.А.* Морфодинамика берегов северо-запада Онежского полуострова Белого моря в голоцене. Губа Конюхова // Труды КарНЦ РАН. 2017. № 8. С. 1–19. DOI: 10.17076/bg717.

23. *Репкина Т.Ю., Зарецкая Н.Е., Шилова О.С.* Двинский залив Белого моря в позднеледниковье – раннем голоцене // Геоморфология. 2018. № 2. С. 71–88. DOI: 10.7868/S0435428118020062.

24. *Репкина Т.Ю., Романенко Ф.А.* Рельеф побережий Бабьего моря и о. Великого: история развития и современные изменения // Труды Беломорской биологической станции. Т. 12. М., 2016. С. 177–210, 245–251.

25. *Репкина Т.Ю., Романенко Ф.А., Зарецкая Н.Е., Кублицкий Ю.А., Леонтьев П.А., Шилова О.С., Беличенко А.Е., Архипов В.В., Яковлева А.П.* Динамика западного берега Унской губы (Летний берег Белого моря) в голоцене и его заселение // Геология морей и океанов. М., 2019 (в печати).

26. *Романенко Ф.А., Шилова О.С.* Последледниковое поднятие Карельского берега Белого моря по данным радиоуглеродного и диатомового анализов озерно-болотных отложений п-ова Киндо // ДАН. 2012. Т. 442, № 4. С. 544–548.

27. *Сафьянов Г.А., Репкина Т.Ю.* Динамика берегов Унской Губы (Летний берег Белого моря) // Геоморфология. 2013. № 1. С. 82–89.

28. Стоянки древних поморов исследуются на Онежском полуострове. 2018. 15 авг. // НП «Кенозерский». Новости. http://www.kenozero.ru/o-parke/materialy/novosti/stoyanki-drevnikh-pomorov-issleduyutsya-na-onezhskom-poluostrove/?sphrase_id=9861 (дата обращения: 22.05.2019).

29. *Субетто Д.А., Шевченко В.П., Лудикова А.В., Кузнецов Д.Д., Сапелко Т.В., Лисицын А.П., Евзеров В.Я., Беек П. ван, Суо М., Субетто Г.Д.* Хронология изоляции озер Со-

ловецкого архипелага и скорости современного озерного осадконакопления // ДАН. 2012. Т. 446, № 2. С. 183–190.

30. *Шилова О.С., Зарецкая Н.Е., Репкина Т.Ю.* Голоценовые отложения Юго-Восточного побережья Горла Белого моря: новые данные диатомового и радиоуглеродного анализов // ДАН. 2019. Т. 488, № 6 (в печати).

31. *Astakhov V., Shkatova V., Zastrozhnov A., Chuyko M.* Glaciomorphological Map of the Russian Federation // Quaternary International. 2016. Vol. 420. P. 4–14. <https://doi.org/10.1016/j.quaint.2015.09.024>.

32. *Baranskaya A.V., Khan N., Romanenko F.A., Roy K., Peltier W.R., Horton B.P.* A postglacial relative sea-level database for the Russian Arctic coast // Quaternary Science Reviews. 2018. Vol. 199. P. 188–205.

33. *Demidov I.N., Houmark-Nielsen M., Kjaer K.H., Larsen E.* The last Scandinavian Ice Sheet in northwestern Russia: ice flow patterns and decay dynamics // Boreas. 2006. Vol. 35. P. 425–433.

34. *Ekman I., Iljin V.* Deglaciation, the Young Dryas end moraines and their correlation in Russian Karelia and adjacent areas // Glacial deposits in North-east Europe. Rotterdam, 1995. P. 195–209.

35. *Kemp A.C., Horton B.P., Nikitina D.L., Vane C.H., Potapova M., Weber-Bruya E., Culver S.J., Repkina T., Hill D.F., Selezneva E.* The distribution and utility of sea-level indicators in Eurasian sub-Arctic salt marshes (White Sea, Russia) // Boreas. 2017. Vol. 46. P. 562–584. DOI:10.1111/bor.12233.

36. *Zaretskaya N.E., Shevchenko N.V., Simakova A.N., Sulerzhitsky L.D.* 2011. Chronology of the North Dvina River delta development over the Holocene // Geochronometria. Vol. 38, no. 2. P. 116–127.

Растительность болотного комплекса Лекшмох, примыкающего к Национальному парку «Кенозерский»

Сложная¹ болотная система «Лекшмох» у юго-восточных границ Кенозерского национального парка образовалась в результате слияния нескольких болотных систем (подсистем), состоящих из соединенных болотных массивов.

Южная часть болотной системы Лекшмох представлена самой крупной из подсистем, носящей название «Соколя Гладь». Ее водоприемником являются р. Сиянга и Пежма – притоки р. Лекшмы, впадающей в оз. Лачу – исток р. Онеги и источник водоснабжения райцентра Каргополь. Северная часть представлена болотной подсистемой Щучья Гладь, и рядом отдельных болотных массивов Иванов Мох, Топорья Гладь, Красная Гладь и болотом Грязным. На ней формируются притоки р. Чурьеги – одного из крупнейших притоков Онеги. На западе через ручьи, а также через многочисленные временные и внутриболотные водотоки болотная система питает Лекшмозеро – исток р. Лёкшмы.

Соколя Гладь – болотная подсистема, состоящая из нескольких слившихся друг с другом болотных массивов разного типа: олиготрофного верхового и гетеротрофного – аапа. Ее центральная часть занята участками с островково-коврово-озерковым микрорельефом аапа типа. Она сильно обводнена, озерки-мочажины с открытой поверхностью воды занимают до 60 % площади, низкие ковры – 30 %, а высокие гряды-островки почти круглой формы – 10 %. Глубина воды в мочажинах-озерках 20–30 см, и только в очень засушливые годы они высыхают и покрываются сфагновыми мхами. Однако имеются и глубокие озерки, «окна» протекающих в толще торфяной залежи русел зарождающихся на болоте рек. В мочажинах располагаются осоково-вахтовые сообщества, где доминируют осока топяная (*Carex limosa*) и вахта трехлист-

© Смагин В.А., Минаева Т.Ю., 2019

¹ Сложная болотная система – результат слияния гидрологических систем и контуров торфяной залежи нескольких болотных систем [3]. Болотная система – протяженный болотный ландшафт, включающий несколько болотных массивов, соединившихся в ходе своего развития [1]. Болотный массив – часть земной поверхности, занятая болотом, границы которой представляют замкнутый контур и проведены по линии нулевой глубины торфяной залежи. Болотный микрорельеф – часть болотного массива, однородная по характеру растительного покрова, микрорельефу поверхности и водно-физическим свойствам деятельного горизонта и представленная одной растительной ассоциацией, группой близких по флористическому составу и структуре растительных ассоциаций или комплексом различных растительных ассоциаций, закономерно чередующихся в пространстве [2].

ная (*Menyanthes trifoliata*). Ковры покрыты шейхцерицево-сфагновыми (*Sphagnum papillosum*) сообществами. Гряды заняты кустарничково-сфагновой растительностью с преобладанием карликовой березы (*Betula nana*), кассандры (*Chamaedaphne calyculata*), пушицы влагалищной (*Eriophorum vaginatum*) и вахты. В центре болота гряды-островки занимают небольшую площадь, к периферии доля их площади увеличивается. Далее по направлению к берегу микрорельеф становится грядово-мочажинным, где мочажины покрыты сфагновыми мхами. Для Соколей Глади характерна интенсивная динамика растительности и форм микрорельефа. О недавнем образовании сфагновых гряд и ковров свидетельствует строение торфяной залежи. Сфагновый торф слагает лишь верхние 0,5 м. Ниже лежит 25-сантиметровый слой тоже слабо разложенного осоково-сфагнового торфа, начиная с глубины 0,75 см и до 3,5 м, залегают слои осокового торфа, в котором постоянно встречаются зерна вахты. Ниже лежит слой тростниково-осоково-гипнового торфа содержащего остатки хвоща. Такой характер торфяной залежи отвечает классическому образцу аапа болота. Периферию болота занимает олиготрофная растительность с моховым покровом из сфагнума бурого (*Sphagnum fuscum*) и травяным ярусом из пушицы влагалищной, тоже подстилаемая маломощным слоем сфагнового торфа.

В юго-западной части Соколей Глади (ил. 1) преобладают коврово-мочажинные участки с равным соотношением элементов микрорельефа. Ковры возвышаются над мочажинами на 5–10 см и заняты шейхцерицево-пухоносово-вахтово-сфагновой (*Sphagnum papillosum*) растительностью, мочажины – осоково-вахтовой, где к осоке топяной добавляется очеретник белый (*Rhynchospora alba*). По краю Соколей Глади, к югу от Пежемозера, располагается лесное евтрофное болото с древесным ярусом высотой 10–15 м и сомкнутостью крон 0,3–0,4 %, сложенным сосной и березой. В травяном ярусе преобладают осока двухтычинковая (*Carex diandra*) и вахта, в моховом – сфагновые мхи (*Sphagnum centrale* и *S. warnstorffii*). На нем произрастают орхидеи: *Platanthera bifolia*, *Dactylorhiza maculata*, *D. incarnata*.

На север от Пежемского озера, преобладают кочковато-ковровые олиготрофные участки с кустарничково-пушицево-сфагновыми кочками (сфагнум бурый) и пушицево-сфагновыми коврами, пересекаемые транзитными топями шириной до нескольких сотен метров, покрытыми осоково-вахтовой растительностью с моховым ярусом из *Sphagnum obtusum*. В травяном ярусе отмечены: хвощ топяной (*Equisetum fluviatile*), осоки волосистоплодная (*Carex lasiocarpa*) и струнно-корневищная (*C. chordorrhiza*), пузырчатка средняя (*Utricularia intermedia*). Здесь же встречен редкий для Архангельской области вид гаммарбия болотная (*Hammarbia paludosa*). Отделенный от Соколей Глади цепью островов массив Жидкая Промошина представляет собой слабо выпуклое кочковато-ковровое верховое болото с кустарничково-сфагновыми

кочками (*Chamaedaphne calyculata*, *Sphagnum fuscum*) и пушицево-сфагновыми коврами (*Eriophorum vaginatum*, *Sphagnum angustifolium*).

Восточная часть Соколей Гладь состоит из массивов олиготрофного типа с преобладанием грядово-мочажинных участков (ил. 2). Гряды фрагментированы и напоминают островки, разбросанные среди обширных шейхцериево-сфагновых мочажин. Болотная сосна на грядах отличается плохой жизнеспособностью, в большинстве засохла. Большую площадь занимают обширные топи, на многих участках изобилующие озерками. В таких местах берут начало р. Сянга и несколько истоков р. Чурьеги (ил. 3). В моховом покрове топей и мочажин безраздельно господствует эталонный для болот Архангельской области сфагнум большой (*Sphagnum majus*). В озерках же постоянно встречается приокеанический вид *Sphagnum cuspidatum*, до этого лишь дважды отмеченный на болотах парка. В топях по краю озерков и вдоль русел истоков рек постоянно и часто обильно встречается пухонос дернистый (*Trichophorum cespitosum*). По краю болотных водотоков высокие куртины, имеющие, как в тундре, кустарниковую форму, образует карликовая береза. Олиготрофные топи восточной части болота, смыкаясь с мезоолиготрофными грядово-топьяными участками в западной и центральной частях, образуют обширную труднодоступную топь – благоприятную зону для гнездования многих видов птиц.

Болотная подсистема Щучья Гладь включает болотные массивы, лежащие к северу от массива Жидкая Промошина, урочища Шалпахта и оз. Полозеро, а также болота, примыкающие к оз. Щучьему.

К югу от него располагается грядово-мочажинное выпуклое верховое болото. Наиболее приподнятая его центральная часть занята кустарничково-сфагновой растительностью с редко стоящей низкой болотной сосной. На склонах располагаются грядово-мочажинные участки. На наиболее крутой части склона болота вблизи берега оз. Щучьего образовались небольшие озерки. Здесь же встречены и мочажины с деградировавшим сфагновым покровом, где поверх отмершего сфагнума поселяются печеночные мхи. Доминантом травяного яруса в этих сообществах является очеретник белый (*Rhynchospora alba*) – вид на верховых болотах Архангельской области не частый. Грядово-мочажинные участки доходят до берега озера, где образовались глубоко врезанные в торфяную залежь короткие ложбины стока. По направлению к западному краю болотного массива грядово-мочажинные участки сменяются ровными коврами с осоково-сфагновой, затем осоково-вахтово-сфагновой растительностью. По краю болота, упирающегося в невысокий, но крутой склон минерального берега, тянется узкая полоса евтрофной растительности с сомкнутым древесным ярусом из сосны и березы, охватывающая и сектор болота по юго-западному берегу оз. Щучьего. Здесь произрастают характерные для евтрофных лесных болот виды *Carex diandra*, *C. dioica*, *Bistorta major*, *Rumex acetosa*. К южному краю болота древостой изреживается и становится

ниже, образует его исключительно сосна, и растительность в целом приобретает более мезотрофный характер. Кроме вахты в травяном ярусе доминирует осока волосистоплодная. Сплошной моховой ярус образуют сфагновые мхи, среди которых насчитывается семь видов. Доминирует не часто встречающийся вид *Sphagnum contortum*.

Болотный массив Щучья Гладь представляет собой классический пример аапа болота с широкой окраинной полосой из олигомезотрофных пушицево-сфагновых и осоково-сфагновых сообществ (ил. 4). В центре массива чередуются гряды и мочажины, где мочажины залиты водой и покрыты осоково-вахтовой растительностью. На грядах растут ерниково-осоково-вахтово-сфагновые или очеретниково-вахтово-сфагновые сообщества с моховым ковром из *Sphagnum papillosum* или *S. magellanicum*. На них же произрастает пухонос дернистый. Мощность сфагнового торфа под грядой – 0,5 м, ниже следует слой осоково-сфагнового торфа такой же мощности, далее лежит низинный осоковый торф. В отличие от центральной части Сокольской Глади на грядах произрастает и доминирует осока волосистоплодная, в мочажинах везде есть пузырчатка.

Болотный массив севернее оз. Щучьего – олиготрофное грядово-мочажинное болото эксцентрической формы. Его наиболее выпуклая часть с максимальной мощностью торфяной залежи находится вблизи северного края, у цепи островов, отделяющих его от массива, прилегающего к юга к оз. Ямище. В северной части массива мочажины заняты пушицево-сфагновыми, в южной – шейхцериево-сфагновыми сообществами. По краям болота располагались сосново-кустарничково-сфагновые сообщества, к настоящему времени древостой в них погиб, и их заменили осоково-вахтово-сфагновые. В южной части массив пересекает широкая полоса транзитной топи с грядово-мочажинным микрорельефом и растительностью, свойственной аапа болоту и аналогичной встреченной на Щучьей Глади. Гаммарбия болотная (*Hammarbia paludosa*) отмечена и на грядах, и в мочажинах. В мочажине произрастает редкий вид сфагнового мха *Sphagnum platyphyllum*, а на грядах – *Sphagnum subfulvum*. В мочажинах встречен ситник стигийский (*Juncus stygius*). Гряды покрыты пухоносово-вахтово-сфагновыми сообществами, в травяном ярусе которых доминируют оба вида пухоноса – и альпийский, и дернистый. Далее эта топь широким рукавом подходит с северо-востока к оз. Щучьему, формируя по центральной оси короткое русло болотной речки. Лежащие к югу от Щучьей Глади болотные массивы небольшой площади в большинстве своем переходного (мезотрофного) типа покрыты осоково-сфагновой растительностью. По ним проходит русло р. Верхней Чурьеги, с запада на восток пересекает ряд русел истоков Чурьеги, стекающих с Жидкой Промошины и Сокольской Глади. Русла часто оконтурены узкой полосой растительности низинных болот,

хвощово-вахтовой или тростниково-вахтовой. И на этих массивах отмечены гетеротрофные грядово-мочажинные участки аапа типа, по сравнению со Щучьей Гладью занимающие небольшую долю площади. На низинных лесных болотах, узкой полосой протянувшихся вдоль русла Чурьегги к западу от Половозера, в моховом покрове произрастает, а на сплавине озера на отдельных участках и доминирует, *Sphagnum fimbriatum*, впервые обнаруженный на болотах юго-западной части Архангельской области.

На растительность и ландшафты болотной системы Лекшмох, значительное влияние оказывают бобры, построившие хаты и плотины по берегам Чурьегги и Сиянги, подтопившие русла этих рек (ил. 5). Гибель сосны на болоте, по всей видимости, вызвана повышением уровня болотных вод из-за этого зоогенного фактора. Вероятно, что и заболачивание Половозера, происходит из-за обмеления, вызванного перекрытием плотиной русла Верхней Чурьегги, впадающей в озеро. Правда, это способствовало повышению биоразнообразия. На сплавинах располагаются не часто встречающиеся на болотах вейниково-сфагновые сообщества, обильно произрастает образующая кустарниковый ярус ива лапландская (*Salix lapponum*), распространен пухонос дернистый. В озере образовались сообщества гидрофитов с плавающими на воде листьями и образующими подводные заросли *Nuphar lutea*, *Nymphaea candida*, *Potamogeton natans*, *Myriophyllum spicatum*. Они делают озеро привлекательным для водоплавающих птиц, собирающихся на нем в большом количестве.

Оз. Щучье, как и Пежемское, практически лишено растительности. Водная растительность представлена лишь сообществами кубышки желтой, занимающими прибрежную часть заливов. На Щучьем есть очень небольшие и разреженные прибрежные заросли тростника. Однако на этом озере есть небольшой участок песчаной отмели, где обильно произрастают редкие краснокнижные виды водных растений *Isoetes lacustris* и *Lobelia dortmanna*.

Крупная болотная система Лекшмох представляет научный и природоохранный интерес. Она важна, потому что ряд ее болотных массивов относится к типу аапа. Аапа болота ранее считались азональным типом болот, распространенным в Фенноскандии (Швеции, Финляндии, Карелии) и, в большом отрыве на восток, на Северном Урале в бассейне р. Печоры. В последнее время появляется все больше данных, свидетельствующих об их зональном распространении. Впрочем, даже считая их зональным типом болот для северной и средней тайги, нельзя не отметить дискретный характер их распространения. Они встречаются далеко не повсеместно в пределах этих природных подзон. Для их образования нужно совпадение геоморфологических и гидрологических условий, обильное водное питание поверхностными или грунтовыми водами, наличие ложбин с выраженным уклоном дна. По особенностям ландшафтной структуры, составу и характеру распределения ра-

стительных сообществ среди аапа болот различают три географических под-типа: лапландский, карельский и онежско-печорский. Последний предложен Т.К. Юрковской [1, с. 130] для обширного региона, охватывающего территорию от Урала до Восточной Карелии. Она расширяет ранее выделенный припечорский тип аапа болот на основании материалов из северной части Архангельской области и запада Республики Коми, отмечая, что типология аапа болот нуждается в уточнении и дальнейшей разработке.

Научно-познавательная ценность аапа болот Каргопольского района определяется тем что, во-первых, они находятся вблизи от южной границы своего распространения, которая в Карелии проходит по линии Самозеро – Онежское озеро. Во-вторых, они находятся на линии разграничения карельского и онежско-печорского типов аапа болот. Такое географическое положение предопределяет наличие переходных черт как в ландшафтном облике болот, так и в составе растительных сообществ. По составу растительных сообществ и пространственной структуре растительности массивы, входящие в состав исследованных болотных систем, отвечают признакам онежско-печорских аапа болот, однако с некоторой спецификой. Региональной их особенностью, отличающей от классических образцов, является присутствие и доминирование на грядах *Trichophorum alpinum* и *Rhynchospora alba*. Первый вид широко распространен на аапа болотах Карелии, второй для аапа болот не указывался. О нахождении аапа болот онежско-печорского типа на юго-западном пределе распространения свидетельствует и то, что рядом, на территории Кенозерского национального парка, к западу от Лекшмозера, широко распространены аапа болота с другой растительностью, близкой аапа болотам карельского типа.

Сложная болотная система Лекшмох – местообитание ряда редких сосудистых растений и мхов. Здесь произрастают *Juncus stygius*, *Hammarbia paludosa*, *Ligularia sibirica*, редкие для Архангельской области. На болотах системы Лекшмох произрастает 27 видов сфагновых мхов, из которых *Sphagnum pulchrum* найден для Архангельской области впервые и является очень редким. К числу редких видов относятся и найденные здесь *Sphagnum platyphyllum*, *S. subfulvum*, а для Каргопольского района, вероятно, и *Sphagnum lindbergii*. *Sphagnum subfulvum* включен в Красную книгу Архангельской области. Обращает на себя внимание и активная фитоценотическая роль *Sphagnum jepsenii*, распространенного на болотах Сибири и восточной части Европейской России. На системе Лекшмох он часто образует моховой покров как в мочажинах верховых массивов, так и на аапа болотах.

Входящие в состав заказника массивы верховых болот ценны как эталон этого типа болот для юго-запада Архангельской области. Здесь отмечено много участков, где растительность верхового типа образовалась недавно, с только что сформировавшимся грядово-мочажинным микрорельефом. Гряды

на таких участках не типичны для верхового болота, на них очень мало кустарничков, совсем нет сосны, обильно произрастает пушица влагалистная, хотя моховой покров состоит из типичного для верховых болот региона вида сфагнома – сфагнома бурого (*Sphagnum fuscum*). Такие гряды подстилаются очень тонким и неплотным слоем верхового сфагнового торфа. Это не часто встречающееся явление.

Болотные системы являются важным резервуаром пресной воды и источником сразу нескольких рек: Чурьеги, Сиянги, Пезмы, а также ручья Дикого.

Представляется несомненным, что такие обширные и топкие болотные системы с большим числом разбросанных по их площади минеральных островов имеют большое значение как место гнездования, питания и отдыха птиц. Все болотные массивы, формирующие эти две болотные системы, обладают ресурсоохранным значением, они являются болотами-клюквениками.

Ландшафтная ценность болотной системы Лекшмох заключается в том, что болотные массивы, входящие в нее, – это эталон крупных аапа болот онежско-печорского типа, которые находятся на юго-западной границе распространения и обладают рядом специфических региональных черт. Они заслуживают охранного статуса как эталон аапа болот юго-запада Архангельской области. Созологическая ценность выражается в том, что болотные массивы системы Лекшмох являются местом произрастания редких для области или находящихся на границе ареала очеретниково-вахтовых и очеретниково-печёночниковых растительных сообществ, а также ассоциаций, связанных с водной и прибрежной растительностью – *Nymphaetum candidae* и полушниково-лобелиевые сообщества. Болотная система Лекшмох – местообитание редких для Архангельской области видов: *Juncus stygius*, *Hammarbia paludosa*, *Sphagnum pulchrum*, *S. subfulvum*, *S. platyphyllum*. Находящееся в пределах болотной экосистемы оз. Щучье – местообитание редких видов *Lobelia dortmanna* и *Isoetes lacustris*. Внутриболотные и питаемые за счет болотных вод озера являются местообитанием рыб и многих видов птиц. Болотный массив в целом используется в качестве стоянки мигрирующими видами птиц, поддержание местообитаний которых на протяжении миграционных путей в естественном состоянии является обязательством Российской Федерации в рамках выполнения решений Рамсарской конвенции о водно-болотных угодьях, независимо от того, есть у угодий международный статус или нет.

Таким образом, можно констатировать, что:

1. Болотная система Лекшмох имеет большое водоохранное значение, являясь источником целого ряда рек и ручьев и поддерживая гидрологический и биогеохимический баланс находящихся в их пределах озер и рек – водоприемников. Водораздельное положение обуславливает особую чувствительность к любым мерам, связанным с осушением торфяного болота, которое

приведет к загрязнению водоприемников растворенным органическим веществом, потере потенциала для регулирования паводкового режима рек.

2. Лекшмох содержит значимые запасы органического углерода в виде торфяных отложений мощностью 3–6 м, сохранение которых является предметом международных обязательств Российской Федерации в рамках как Рамсарской конвенции (рез. XII.11), так и Парижских соглашений Рамочной конвенции ООН об изменении климата, которые вводят торфяные болота в систему учета стоков и источников парниковых газов. Ввиду ее водораздельного положения любые меры, связанные с вырубками или осушением болот, приведут к значительным торфяным пожарам, иссушению залежи с последующей минерализацией торфа и выделением углекислого газа в атмосферу, к стоку в водоприемники растворенного органического вещества с последующим образованием метана.

3. Болотная система Лекшмох имеет ресурсоохранное значение для местной экономики в качестве богатых ягодников (клюква, в ряде мест морошка), мест произрастания медоносных и лекарственных растений (багульник, вахта, росняка), включает озера, богатые рыбными запасами, обеспечивает местообитания для воспроизведения охотничьих видов фауны. Болотная система перспективна для организации экологического туризма. На ее территории имеется ряд избышек, позволяющих останавливаться туристам – любителям дикой природы, знакомым с навыками путешествия по безлюдной местности. Создание заказника позволит устранить потенциальные угрозы, связанные с вырубкой или осушением болотных массивов и имеющие необратимые последствия, особенно учитывая водораздельное положение болотной системы.

Крупных болотных систем, основная часть массивов которых относилась бы к апапа типу, имеющих статус особо охраняемой природной территории, до сих пор в Российской Федерации до создания заказника «Лекшмох» не было.

Список литературы

1. Вода России: научно-популярная энциклопедия. <https://water-ru.ru> (дата обращения: 20.06.2019).
2. ГОСТ 19179-73. Гидрология суши. Термины и определения. М., 1988.
3. Иванов К.Е. Водообмен в болотных ландшафтах. Л., 1975.
4. Юрковская Т.К. География и картография растительности болот Европейской России и сопредельных территорий. СПб., 1992.

*Е.И. Собко, С.И. Климов, Н.В. Неверова,
О.Ю. Морева, Т.Я. Воробьева, С.А. Забелина,
А.В. Чупаков, Н.В. Шорина
(г. Архангельск)*

Видовой состав и структура зоопланктона Лекшмозера (Кенозерский национальный парк)

В настоящее время сохранение биологических ресурсов водоемов имеет огромное значение. Нарушение стабильности водных экосистем в первую очередь отражается на видовом составе водных сообществ, а также на соотношении численности слагающих их видов. Видовая структура – один из показателей состояния сообществ. Она несет информацию о типе водоема и качестве воды. От разнообразия видов в биоценозе зависит не только стабильность экосистемы, но и ее способность к восстановлению. Важную роль в сохранении биоразнообразия водных экосистем играют особо охраняемые природные территории. Пресноводные озера Архангельской области – сравнительно малоизученная группа водоемов; поэтому изучение видового разнообразия, количественных и структурных характеристик планктона, закономерностей его распределения в стратифицированных озерах бореальной зоны представляет большой интерес.

Цель исследований¹ – изучение видового разнообразия и структурных характеристик зоопланктонных сообществ оз. Лекшмозера как показателей состояния зооценозов.

В данной работе представлены результаты гидробиологических исследований зоопланктонных сообществ Лекшмозера, проведенных в периоды зимней (март 2009–2016 гг.) и летней (2009–2010 гг. и 2013–2017 гг.) стагнаций. Отбор и обработку проб производили, используя стандартные гидробиологические методы и методики [4; 5]. На глубоководных станциях пробы зоопланктона отбирались послойно (эпилимнион, металимнион и гиполимнион) сетью Джеди (диаметр 18 см, размер ячеек 74 мкм), а также тотально, охватывая столб воды от дна до поверхности. С поверхностного горизонта и на мелководье зоопланктон отбирали путем процеживания 50 л воды через сеть Апштейна (диаметр 11 см, размер ячеек 74 мкм). Пробы фиксировались 4-процентным формалином и обрабатывались в лаборатории. Количественный учет организмов проводили в камере Богорова. Для выявления видовой принадлежности зоопланктона были использованы соответствующие определители [1; 3; 6].

При анализе структуры зооценозов учитывался видовой состав, выделялись доминантные комплексы, подсчитывались численность (N) и биомасса (B) организмов в сообществах. Структурообразующими видами считали представителей с относительной численностью более 10 %.

Видовое разнообразие оценивали по индексу Шеннона, рассчитанному по численности гидробионтов. Для определения трофического типа водоема по величине биомассы зоопланктона использовалась классификация С.П. Китаева [2].

Качество воды оценивали с использованием индивидуальных сапробных валентностей организмов по методу Пантле и Бука в модификации Сладечека [5, с. 46].

Результаты исследований показали, что планктонная фауна озера представлена обычными для водоемов бореальной зоны видами. За период исследований с 2009 по 2017 г. в составе зооценоза Лекшмозера отмечено 62 вида зоопланктона: Copepoda – 13 видов (Calanoida – 3 и Cyclopoidea – 10), Cladocera – 33 вида и Rotifera – 16 видов.

Rotifera (коловратки)

Asplanchnidae: 1) *Asplanchna priodonta* Gosse, 1850; 2) *A. herriski* Guerne, 1888.

Brachionidae: 3) *Kellicottia longispina* Kellicott, 1879; 4) *Keratella cochlearis* Gosse, 1851; 5) *K. quadrata* O.F. Müller, 1786; 6) *Brachionus urceus* Linnaeus, 1758; 7) *Notholca labis* Gosse, 1887.

Euchlanidae: 8) *Euchlanis dilatata* Ehrenberg, 1832.

Synchaetidae: 9) *Polyarthra dolichoptera* Idelson, 1925; 10) *P. major* Burckhardt, 1900; 11) *Synchaeta pectinata* Ehrenberg, 1832; 12) *Bipalpus hudsoni* Imhof, 1891.

Conochilidae: 13) *Conochilus unicornis* Rousselet, 1892.

Filiniidae: 14) *Filinia terminalis* Plate, 1886; 15) *F. longiseta* Ehrenberg, 1834.

Notommatidae: 16) *Cephalodella gibba* Ehrenberg, 1832.

Cladocera (ветвистоусые ракообразные)

Daphniidae: 17) *Daphnia cristata* G.O. Sars, 1862; 18) *D. galeata* G.O. Sars, 1864; 19) *D. longispina* O.F. Müller, 1785; 20) *D. longiremis* G.O. Sars, 1862; 21) *D. hyalina* Leydig, 1860; 22) *D. cucullata* G.O. Sars, 1862; 23) *Ceriodaphnia rotunda* G.O. Sars, 1862; 24) *C. quadrangula* O.F. Müller, 1785; 25) *C. pulchella* G.O. Sars, 1862; 26) *C. reticulata* Jurine, 1820; 27) *Scapholeberis mucronata* O.F. Müller, 1776; 28) *Simocephalus vetulus* O.F. Müller, 1776; 29) *S. exspinosus* De Geer, 1778; 30) *Moina macrocopa* Straus, 1820.

Bosminidae: 31) *Bosmina crassicornis* Lilljeborg, 1887; 32) *B. coregoni* Baird, 1857; 33) *B. longispina* Leydig, 1860; 34) *B. longirostris* O.F. Müller, 1785; 35) *B. obtusirostris* Sars, 1861.

Chydoridae: 36) *Chydorus sphaericus* O.F. Müller, 1785; 37) *Pseudochydorus globosus* Baird, 1843; 38) *Alona quadrangularis* O.F. Müller, 1785; 39) *A. affinis* Leydig, 1860; 40) *Acroperus harpae* Baird, 1834; 41) *Pleuroxus uncinatus* Baird, 1850; 42) *Eurycercus lamellatus* O.F. Müller, 1785.

Sididae: 43) *Sida crystallina* O.F. Müller, 1776; 44) *Limnospira frontosa* Sars, 1862; 45) *Diaphanosoma brachyurum* Lievin, 1848.

Holopedidae: 46) *Holopedium gibberum* Zaddach, 1855.

Polyphemidae: 47) *Polyphemus pediculus* Linne, 1778.

Leptodoridae: 48) *Leptodora kindtii* Focke, 1844.

Cercopagidae: 49) *Bythotrephes longimanus* Leydig, 1860.

Сорепода (веслоногие ракообразные)

Diaptomidae: 50) *Eudiaptomus gracilis* Sars, 1863; 51) *E. graciloides* Lilljeborg, 1888.

Centropagidae: 52) *Limnocalanus macrurus* Sars, 1863.

Temoridae: 53) *Heterocope appendiculata* Sars, 1863.

Cyclopidae: 54) *Eucyclops serrulatus* Fischer, 1851; 55) *E. macrurus* Sars, 1863; 56) *Macrocyclops albidus* Jurine, 1820; 57) *Acanthocyclops gigas* Claus, 1857; 58) *Mesocyclops leuckarti* Claus, 1857; 59) *Cyclops strenuus* Fischer, 1851; 60) *C. scutifer* Sars, 1863; 61) *C. kolensis* Lilljeborg, 1901; 62) *Thermocyclops oithonoides* Sars, 1863; 63) *Th. crassus* Fischer, 1853.

Большинство видов зоопланктона были представлены планктонными формами (32 вида, или 52 %), доля литеральных (16 видов) и эвритопных (14 видов) форм составляла 26 и 22 % соответственно. В зоопланктонном сообществе исследуемого водоема преобладали олиго- и олиго-β-мезосапробы (68 % от общего числа планктонных организмов).

В зимний период наблюдалось снижение видового разнообразия зоопланктонных организмов, так как большинство видов выпадало из сообщества. В зооценозе преобладали мирные и хищные копеподы, мирные коловратки (до 94 % общей численности зоопланктона). Анализ вертикального распределения гидробионтов в зимний период показал приуроченность организмов к нижним слоям воды (12–20 м).

Количественные показатели развития зоопланктона зимой ниже, чем летом. Вклад веслоногих ракообразных в общую численность зоопланктона в разные годы исследований составлял от 59 до 70 %, коловраток – от 19 до 24 %. Из копепод по численности доминировали представители родов *Cyclops* и *Eudiaptomus*. Из коловраток доминирующими видами являлись *Asplanchna*

priodonta, *Kellicottia longispina*, *Keratella quadrata*. Средние значения количественных показателей зимнего зоопланктона варьировали по годам. Показатели численности изменялись в пределах от 200 до 31 800 экз./м³, а биомассы – от 0,06 до 0,21 г/м³ соответственно. Межгодовая динамика количественных показателей в зимний период представлена на ил. 1 и 2.

Летний сезон характеризовался максимальным прогревом воды и образованием устойчивой термической стратификации. В начале лета холодноводные виды переходили из толщи воды в придонные слои, их численность снижалась. Планктонная фауна обогащалась за счет ветвистоусых ракообразных (роды *Daphnia*, *Bosmina*, *Chydorus*, *Polyphemus*, *Ceriodaphnia*, *Diaphanosoma*), которые определяли видовое разнообразие зоопланктонного сообщества. Для Лекшмозера отмечено более позднее по сравнению с другими водоемами парка начало развития ветвистоусых ракообразных (Cladocera). Это связано с морфометрическими характеристиками водоема.

Анализ вертикального распределения гидробионтов в период летней стратификации показал приуроченность зоопланктона к верхнему слою воды (0–4 м). В поверхностных слоях наиболее интенсивно развивались представители родов *Thermocyclops*, *Eudiaptomus*, *Mesocyclops*, *Daphnia*, *Chydorus*, *Keratella*, *Kellicottia*, *Diaphanosoma*. С глубиной роль коловраток снижалась, а роль представителей Cyclopoidea и Calanoidea возрастала. В нижних слоях гипolimниона (12–18 м) наблюдались скопления *Daphnia cristata*. В слоях воды ниже 10 м отмечен реликтовый рачок *Limnocalanus macrurus*.

В летнем зоопланктоне озера доминирующий комплекс представлен следующими видами: *Mesocyclops leuckarti*, *Eudiaptomus gracilis*, *Thermocyclops crassus*, *Bosmina coregoni*, *B. longirostris*, *Daphnia cucullata*, *D. cristata*, *Kellicottia longispina*, *Keratella cochlearis*.

В прибрежной, литоральной зоне водоема массового развития достигали Cladocera – ветвистоусые ракообразные (40–61 % от общей численности). В зоне зарослей Лекшмозера преобладали фитофильные, литоральные и сублиторальные виды кладоцер (*Sida crystallina*, *Ceriodaphnia quadrangula*, *Acroperus harpae*, *Pleuroxus truncatus*, *Polyphemus pediculus*, *Simocephalus vetulus*, *Chydorus sphaericus*, *Diaphanosoma brachyurum*, род *Alona* sp. и др.). Из веслоногих ракообразных (Copepoda) в данной зоне обитали типичные представители зарослевого планктона (*Eucyclops macrurus*, *E. serrulatus*, *Macrocyclops albidus*). Коловратки представлены родами *Asplanchna*, *Kellicottia*, *Polyarthra*, *Keratella*. Из пелагиали озера в заросли привносятся типичные планктонные формы – *Daphnia cristata*, *Bosmina coregoni*, *Eudiaptomus gracilis*, *Mesocyclops leuckarti*. Перечисленные формы зоопланктона являлись структурообразующими в зооценозах зоны зарослей.

Значительную долю зоопланктонного сообщества Лекшмозера в летний период составляли первичные фильтраторы и вертикаторы (56 % от общей численности), среди которых преобладали представители родов *Kellicottia*, *Conochilus*, *Keratella*, *Daphnia*, *Bosmina*, *Eudiaptomus*, добывающие пищу в толще воды. Следующая многочисленная трофическая группа организмов – это факультативные и облигатные хищники (25 % от общей численности). В эту группу входили представители семейств *Asplanchnidae*, *Polyphemidae*, *Leptodoridae*, *Cercopagidae*, *Cyclopidae*. Третью по численности трофическую группу (19 % от общей численности) составляли плавающе-ползающие вторичные фильтраторы, добывающие пищу с поверхности субстрата. К этой группе относились представители семейства *Chydoridae*.

Количественные характеристики развития зоопланктона в летний сезон варьировали в различные годы исследований (см. рис. 1 и 2). Значительный вклад в общую численность и биомассу вносили копеподы (от 26 до 61 % и от 25 до 68 %) и кладоцеры (от 29 до 61 % и от 30 до 68 %). Доля коловраток составляла 8–23 % от общей численности зоопланктона и 1–7 % от общей биомассы соответственно. Заметный вклад в биомассу коловраток вносила крупная *Asplanchna priodonta* (до 95 %). В среднем уровень развития зоопланктона озера в летний период характеризовался следующими количественными показателями – средняя численность в зависимости от года исследования варьировала в пределах от 18 800 до 109 504 экз./м³, биомасса – от 0,13 до 0,86 г/м³. Количественные показатели развития зоопланктона в литоральной зоне максимальны, что позволяет считать этот район наиболее продуктивным. Численность гидробионтов в зоне зарослей в различные годы исследований изменялась в пределах от 23 000 до 181 000 экз./м³, биомасса – от 0,17 до 1,45 г/м³ соответственно. Анализ межгодовой динамики численности и биомассы зоопланктона Лекшмозера показал увеличение количественных характеристик гидробионтов в период с 2014 по 2017 г.

По состоянию планктонных сообществ, согласно классификации С.П. Китаева [2, с. 209], озеро можно охарактеризовать как олиготрофное, хотя по величине биомассы прибрежные участки в северном и южном районах водоема можно отнести к α -мезотрофным. Здесь сложились наиболее благоприятные кормовые условия для рыб-планктофагов.

Индекс видового разнообразия Шеннона в зависимости от года исследований изменялся в пределах от 2,58 (2017 г.) до 3,36 бит/экз. (2010 г.). Значения индекса свидетельствует об относительно устойчивом и сбалансированном состоянии зоопланктонного сообщества водоема на современном этапе. Качество водных масс озера на протяжении периода исследований соответствовало чистым (II класс) и умеренно загрязненным (III класс) во-

дам. Индекс сапробности колебался в пределах от 1,20 в 2017 г. до 1,54 в 2014 г.

В целом значительное количественное развитие гидробионтов, высокие значения коэффициента видового разнообразия указывают на относительную стабильность и благоприятное состояние зоопланктоценозов Лекшмозера. Данные о видовой структуре зооценозов могут быть использованы в дальнейшем для прогнозирования состояния кормовой базы рыб-планктофагов и оценки продуктивности водоема.

Список литературы

1. Определитель зоопланктона и зообентоса пресных вод Европейской России: в 2 т. Т. 1: Зоопланктон / под ред. В.Р. Алексеева, С.Я. Цалолихина. М., 2010.
2. *Китаев С.П.* Основы лимнологии для гидробиологов и ихтиологов. Петрозаводск, 2007.
3. *Кутикова Л.А.* Коловратки фауны России. Л., 1970.
4. Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоемах. Зоопланктон и его продукция. Л., 1984.
5. Руководство по методам гидробиологического анализа поверхностных вод и донных отложений. Л., 1983.
6. *Рылов В.М.* Фауна СССР. Ракообразные. Л., 1948.

Морфологические основы фуражировочной активности муравьев рода *Formica*

В нашей работе был проведен сравнительный морфометрический анализ муравьев разных видов в контексте различий их фуражировочной активности. Объектом нашего исследования были выбраны представители трех видов из разных подродов рода *Formica*: для *Coptoformica* – вид *F. exsecta*, для подрода *Formica* *S. str.* – *F. lugubris*, для *Serviformica* – *F. fusca*. Данные виды являются транспалеарктическими и встречаются в окрестностях д. Морщинской.

Сбор проб производился в течение лета 2018 г. на территории БГЦС «Малинки» Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН. Для каждого модельного вида было взято 4 пробы – каждая по 25 особей. Всего, таким образом, было собрано 12 проб и более 300 муравьев для трех видов. Заборы проб производились вручную путем снятия муравьев с купола или прикупольного вала для муравьев с крупными куполами муравейников – *F. lugubris* и *F. exsecta* или в случае с видом *F. fusca* забор проб производился с кормовых площадок, установленных в местах предположительно наивысшей динамической плотности фуражиров. Каждая проба – выборка особей с территории отдельного муравейника или фуражировочного сектора.

Особей собирали вручную и немедленно помещали в пробирку с фиксатором. В течение следующих девяти месяцев особи из проб были высушены в термостате, расчленены и смонтированы на предметных стеклах согласно методике изготовления морфометрических препаратов.

В процессе диссекции от мезосомы последовательно отчленялись: голова и ее придатки, грудь и придатки груди. Для монтажа использовались только голова, скапус, петиоль и по одной ноге из каждой пары. Измерения головы и груди производились по наибольшим длинам. В качестве реперных точек для измерения конечностей были выбраны функционально значимые анатомические элементы. Измерения производились под биноклем МБС-2 при помощи цифровой окулярной камеры Levenhuk M200 Base в редакционной программе LevenhukLite Software в режиме реального времени. Первичные измерения были использованы для расчета двух индексов, первый из которых рассчитывается как отношение длины груди к суммарной длине всех члеников задней ноги и может свидетельствовать о потенциальной максимальной скорости особи вида. Второй индекс отражает долю вклада ноги (из пары) в

общую сумму длин ног. Результаты всех измерений и расчетов заносились в таблицу в формате EXCEL и подвергались статистической обработке.

В связи с технологическими трудностями из собранных 300 муравьев для трех видов было смонтировано 238 особей на 19 стеклах и измерено всего 156 особей, по 52 особи для вида.

Исходя из результатов проделанной работы были сделаны следующие выводы:

1. Виды различаются вариабельностью исследуемых признаков: *F. lugubris* характеризуется наибольшей вариабельностью размеров особей, *F. fusca* – наибольшей вариабельностью длин ног относительно друг друга, *F. exsecta* – наименьшей вариабельностью размеров и пропорций тела.

2. Вариабельность размеров не коррелирует с вариабельностью пропорций ног: особи *F. lugubris* (*Formica s. str.*), несмотря на широкую вариабельность размеров, имеют относительно небольшой диапазон вариабельности пропорций. Этим может быть объяснена труднодоступность верхнего яруса для представителей этого подрода, независимо от размеров.

3. Наибольшая выравненность длин ног относительно друг друга (в наибольшей степени передней и средней, но также и передней, и задней) отмечается для *F. fusca*, что согласуется с показанной для этого вида высокой успешностью в фуражировке травянистого яруса и способностью спускаться с грузом, в отличие от *F. exsecta* и *F. lugubris*, для которых в экспериментах были отмечены отказы в спуске.

4. Особи *F. exsecta* характеризуется в среднем наиболее выравненными длинами средних и задних ног и в среднем наиболее длинными задними ногами относительно груди. Последнее может свидетельствовать о фуражирах *F. exsecta* как о потенциально наиболее быстрых среди трех исследованных видов.

Создание в Архангельской области государственного комплексного природного заказника регионального значения «Лекшмох»

К юго-восточной границе Кенозерского национального парка примыкает обширная лесоболотная территория, имеющая высокую экологическую и зоологическую ценность. Данный природный комплекс расположен в Каргопольском районе Архангельской области, в пределах Каргопольского и Печниковского участковых лесничеств.

Здесь представлены все типы болотных массивов, характерных для среднетаежной подзоны. Основными водно-болотными угодьями, формирующими ценный природный комплекс, являются крупные массивы аапа болот онежско-печорского типа: Соколя Гладь (в центральной и южной частях) (ил. 1) и Щучья Гладь (в центральной и северной). Болотные комплексы этих массивов, а также несколько меньших по площади олиготрофных верховых болот объединены в крупную систему Лекшмох.

Широкое равнинное топкое аапа болото, согласно типологии, предложенной в 1913 г. известным финским болотоведом Аймо Каарло Каяндером, характеризуется вогнутым поперечным профилем, наличием участков грядово-мочажинного или грядово-мочажинно-озеркового микрорельефа в центральной части. Примыкающие к границам Кенозерского национального парка аапа болота расположены на юго-западной границе своего ареала.

Болотная система Лекшмох является одной из крупнейших на юге Архангельской области. С севера на юг она тянется более чем на 20 км, а с запада на восток – примерно на 10 км, имеет сложную конфигурацию и состоит из нескольких более мелких болотных массивов.

Основную центральную часть подсистемы Щучья Гладь занимают грядово-мочажинные и островково-топяные комплексы аапа болот. Кроме того, сильно обводненный участок расположен у истоков р. Сиянги. По периферии болотной системы расположены болота кочкарниковые или кочковато-ковровые, реже грядово-мочажинные, относящиеся к верховому типу. Соколя Гладь – болотная подсистема, объединяющая несколько болотных массивов гетеротрофного (аапа) и олиготрофного верхового типов. На лесных островках и вокруг озер сохранились участки сфагновых сосняков, в значительной степени деградированные. По самому краю островков и в понижениях между

ними встречаются топкие переувлажненные, часто проточные участки леса с елью, сосной, березой, ольхой – лесоболотная зона (ил. 2). На основании анализа строения торфяной залежи определено, что болота образовались в ложбинах стока и на водоразделах в результате суходольного заболачивания. Наиболее глубокая залежь отмечена в центре подсистемы Щучья Гладь, где ее мощность достигает 5,6 м. Судя по мощности отложившейся торфяной залежи, образование болотной системы Лекшмох относится к Атлантическому периоду голоцена (5000–7000 лет назад) [6].

Уникальный болотный комплекс имеет универсальную природную ценность. Известные болотоведы В.А. Смагин и Т.Ю. Минаева, изучавшие систему Лекшмох полагают, что этот массив аапа болот онежско-печорского типа, которые находятся на юго-западной границе распространения и обладают рядом специфических региональных черт, является эталоном аапа болот юго-запада Архангельской области. Здесь аккумулируются паводковые воды, и берут свое начало многочисленные большие и малые ручьи и речки, впадающие в оз. Лекшмозеро, Кенозеро, Лача, р. Онегу и Кену. Роль данной территории в регуляции гидрологического режима северо-западного региона можно определить как ключевую и определяющую.

Ландшафты лесных участков территории, прилегающих к болотному массиву, сохранили типичный таежный облик, существенно отличаясь от трансформированных человеком окружающих лесов (в том числе входящих в настоящее время в состав Кенозерского национального парка). Это объясняется тем, что до середины 1980-х гг. территория практически была исключена из хозяйственной эксплуатации. Жители д. Кучепалды в долинах речек и ручьев освоили лишь небольшие участки под сенокосы. Старые осинники на территории Каргопольского лесничества в окружающих болота лесах могут свидетельствовать об использовании 150 лет назад небольших площадей под пахоту. Сохранились также фрагменты делянок под заготовку живицы. Подсочка деревьев датируется 1980-ми гг. В то время началось лесопромышленное освоение прилегающих к Лекшмоху суходольных лесов. Сегодня же площади рубок покрыты вторичными лиственными лесами, среди них отмечены участки искусственных насаждений лиственницы (лесные культуры), которые имеют статус особо защитных участков – «участки леса с наличием реликтовых и эндемичных пород» [3, с. 109].

Анализ актуальных космоснимков показал, что за последние 15 лет 50–60 % площади периферийных спелых и перестойных сосняков (их возраст 140–160 лет), в том числе на островах болотного массива, была вырублена.

В центральной и южной частях территории сохранились нетронутыми ценные участки 160-летних ельников. Необходимо сберечь эти водоохраные леса для сохранения экологического равновесия на всей болотной гидроаккумулирующей равнине. Следует учесть также возможное негативное

техногенное влияние лесозаготовительных работ на состояние тонких четвертичных отложений, перекрывающих средне- и верхнекаменноугольный карбонатный комплекс, разрушение которых может привести к последующему карстообразованию и загрязнению месторождений пресных подземных вод Северо-Двинского артезианского бассейна, расположенных под болотными комплексами [3, с. 119].

Учитывая значимость болотного массива Лекшмох как для природных комплексов самого Кенозерского национального парка, так и для региона в целом, руководство парка неоднократно предпринимало усилия для придания природоохранного статуса ценной экосистеме. Следует отметить, что при проектировании Кенозерского национального парка планировалось включить лесоболотный массив Лекшмох в состав ООПТ. Однако эти планы не были реализованы в связи с возражениями арендаторов лесного фонда. Предложения Кенозерского национального парка и Архангельской лесостроительной экспедиции [1] о создании региональных природных заказников «Лекшмох» и «Кенский волок» (уникальная историко-культурная и природная территория, примыкающая к северо-восточным пределам парка, также не вошедшая в его границы при его создании) не были поддержаны.

Тем не менее, национальным парком была инициирована работа по сбору доказательной базы необходимости заповедания уникального природного комплекса. В период с 1995 по 2006 г. было проведено несколько обследований территории специалистами Карельского научного центра, Ботанического института РАН, Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства. В 2007 г. Кенозерский национальный парк и Архангельская лесостроительная экспедиция предприняли попытку обосновать создание памятника природы регионального значения «Лекшмох». Материалы были подготовлены на основе предложений главного лесничего Кенозерского национального парка А.В. Козыкина. Характеристика лесов, изменения ресурсов заготовки древесины, предложения по режиму охраны и использования, а также картографическое приложение были разработаны начальником партии Архангельской лесостроительной экспедиции В.П. Косаревым. Однако решения о наделении ценной природной территории статусом ООПТ вновь принято не было.

В 2017 г. в рамках разработки проекта охранной зоны при финансовой помощи АО «Архангельскгеолдобыча» (в настоящее время – АО «АГД Даймондс») (JSC «AGD Diamonds») Кенозерский национальный парк начал работу над подготовкой экологического обоснования для создания государственного природного комплексного (ландшафтного) заказника регионального значения «Лекшмох».

В 2017–2018 гг. парком была проведена масштабная работа с использованием современных научных методов по обследованию нуждающихся в из-

учении и сохранении лесоболотных комплексов у границ парка и актуализации полученных в прежние годы данных и экспертных оценок о состоянии природного комплекса. К работе были привлечены специалисты из ведущих научных учреждений страны – МГУ им. М.В. Ломоносова, Института географии РАН, Ботанического института РАН и др.

В результате комплексных экспедиционных работ были получены новые данные об авифауне, мико- и лишенобиоте, растительности, были обнаружены местообитания редких и охраняемых видов растений и животных, существенно дополнены знания о природе этой территории.

Водно-болотный комплекс Лекшмох является местообитанием редких для Архангельской области видов растений. Во время экспедиций (участники: В.А. Смагин, Т.Ю. Минаева, А.Е. Черенков, Н.Н. Черенкова, М.Г. Носкова и др.) здесь отмечены: ситник стигийский *Juncus stygius* L., гаммарбия болотная *Hammarbia paludosa* (L.) O. Kuntze, сфагнум красивый *Sphagnum pulchrum* (Lindb. ex Braithw.) Warnst., сфагнум мелкозубчатый *Sphagnum denticulatum* Brid., сфагнум рыжеватый *Sphagnum subfulvum* Sjoers, сфагнум плосколистный *Sphagnum platyphyllum* (Lindb. ex Braithw.) Sull. ex Warnst. [6], а также пальчатокоренник Траунштейнера *Dactylorhiza traunsteineri* (Saut. ex Rchb.) Soó (Красная книга РФ) и другие орхидные. Находящиеся в пределах болотной экосистемы оз. Щучье – местообитание охраняемых видов, внесенных в Красную книгу РФ: лобелии Дортмана *Lobelia dortmanna* L., полушника озерного *Isoetes lacustris* L.

Болота являются местом произрастания редких или находящихся на границе ареала растительных сообществ, относящихся к ассоциациям *Menyantho-Rhynchosporietum albae* и *Hepatico-Rhynchosporietum albae* [6].

В 2018 г. впервые в рамках подготовки экологического обоснования создания природного заказника А.В. Пчелкиным была исследована лишенобиота Лекшмоха. Сборы лишайников охватывали виды эпифитной и эпигейной экологических групп, а также виды, произрастающие на древесине. Было собрано около 250 образцов лишайников, включая некоторые нелихенизированные виды. Среди лишенобиоты выявлены редкие и охраняемые виды лишайников: бриория Фремонта *Bryoria fremontii* (Tuck.) Brodo & D. Hawksw. (Красная книга РФ), лобария легочная *Lobaria pulmonaria* (L.) Hoffm. (Красная книга РФ), а также виды-индикаторы малонарушенных лесов, внесенные во многие региональные Красные книги Северо-Запада России – калициум зеленый *Calicium viride* Pers., хенотека коротконожковая *Chaenotheca brachypoda* (Ach.) Tibell., хенотека коричневая *Chaenotheca bruneolla* (Ach.) Mull. Arg., хенотека золотистоголовая *Chaenotheca chrysocephala* (Turner ex Ach.) Th. Fr., хенотека ржавая, *Chaenotheca ferruginea* (Turner & Borrer) Mig., хенотека зернистая *Chaenotheca furfuracea* (L.) Tibell., хенотека порошистая *Chaenotheca stemonea* (Ach.) Müll. Arg., хенотека волосовидная *Chaenotheca*

trichialis (Ach.) Th. Fr.; нелихенизированные виды сумчатых грибов: хенотекописис черный *Chaenothecopsis pusilla* (Ach.) A.F.W., Schmidt и микрокалициюм рассеянный *Microcalicium disseminatum* (Ach.) Vainio [4, с. 7].

Во время предварительного обследования территории Н.Н. Черенковой и В.М. Котковой попутные сборы объектов микобиоты пополнились данными о редких и охраняемых видах грибов. Были встречены ежевик кораллоподобный *Hericium coralloides* (Scop.) Pers. (Красная книга РФ), ложноберезовый трутовик *Polyporus pseudobetulinus* (Murashk. ex Pilát) Thorn, Kotir. et Niemelä (Красная книга Архангельской области), дихомитус грязноватый *Dichomitus squalens* (P. Karst.) D.A. Reid (Красная книга Республики Карелия, Красная книга Мурманской области), пунктулярия щетинисто-зональная *Punctularia strigosozonata* (Schwein.) P.H.V. Talbot (Красная книга Республики Карелия). На территории отмечены виды-индикаторы малонарушенных лесов: трихептум лиственничный *Trichaptum laricinum* (P. Karst.) Ryvarden., фелинус виноградный *Phellinus viticola* (Schwein.) Donk, псевдомерулиус золотистый *Pseudomerulius aureus* (Fr.) Jülich. На территории отмечен очень редкий, охраняемый в северо-западных регионах вид – аномопория шелковистая *Anomoporia bombycina* (Fr.: Fr.) Pouzar (Красная книга Республики Карелия, Красная книга Ленинградской области) [3, с. 64]. Очевидно, специальные исследования микобиоты существенно пополняют эти данные.

Водно-болотные угодья Лекшмох имеют важнейшее значение для мигрирующих птиц [5, с. 29]. В период массового весеннего и осеннего перелетов здесь на кратковременный отдых останавливаются тысячи водоплавающих птиц. В 1999 г. эта территория наравне с Кенозерским национальным парком была включена в список ключевых орнитологических территорий России международного значения – КОТР «Кенозерье» (AP-007, международный код EU-RU 024). Кроме того, лесоболотный массив Лекшмох граничит с КОТР «Каргопольская сушь – журавлиный край» (AP-001, EU-RU 027), объединяя две значимые орнитологические территории (ил. 3).

Исследования авифауны, обосновывающие придание территории статуса ООПТ и актуализирующие ранние экспертные оценки, были проведены в 2017–2018 гг. (В.Ю. Семашко, А.Е. Черенков, А.В. Кудиков). Кроме водоплавающих мигрантов при исследовании авифауны системы болот Лекшмох отмечены редкие и охраняемые виды птиц: луток *Mergus albellus* L. (Приложение II Бернской конвенции об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания; Красные книги Мурманской, Ленинградской и других областей); черный коршун *Myiurus korschun* Gmel. (Красные книги Вологодской области, Республики Карелии и др.); серая цапля *Ardea cinerea* L. (в Архангельской области редкий залетный вид); большой веретенник *Limosa limosa* L. (Красная книга Вологодской области), средний кроншнеп *Numenius phaeopus* L. (Красная книга Вологодской области), лазоревка

Parus caeruleus L. (вид, встречающийся вблизи северной границы области регулярного гнездования).

Кроме того, авифауна болотного массива Лекшмох представлена видами, являющимися объектами региональной Красной книги: большая выпь *Botaurus stellaris* L., лебедь-кликун *Cygnus cygnus* L., кобчик *Falco vespertinus* L. (его единственное место гнездования – в Архангельской области), а также Красной книги РФ: скопа *Pandion haliaëtus* L., беркут *Aquila chrysaëtus* L., сапсан *Falco peregrinus* Tunstall. По экспертным оценкам вероятно обнаружение на пролете стай малого лебедя *Cygnus bewickii* Yarrell. Малый лебедь – сокращающийся в численности вид, внесенный в Красную книгу РФ и охраняемый Бернской Конвенцией об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания (Прил. II), Бонской Конвенцией по сохранению мигрирующих видов диких животных (Прил. II), Конвенцией СИТЕС (Прил. I). Отмечен на территории вид, являющийся объектом Красной книги Международного союза охраны природы и природных ресурсов и защищенный Конвенцией о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Прил. I), – орлан-белохвост *Haliaeetus albicilla*.

Очевидно, территория лесоболотного комплекса Лекшмох наделена качествами ценной экосистемы, нуждающейся в сохранении, а следовательно, придание ей статуса ООПТ обосновано и оправдано.

Для подготовки полного комплекта документации помимо экологического обоснования необходимо было провести анализ социально-экономической ситуации, определить разрешенные виды хозяйственной деятельности, сформулировать предложения по управлению территорией, оценить влияние ограничений, связанных с режимом ООПТ на хозяйственную деятельность, согласовать создание заказника с заинтересованными ведомствами. Эту работу выполнил Центр природопользования и охраны окружающей среды (г. Архангельск).

Результатом масштабной работы специалистов Национального парка «Кенозерский», многих ученых, а также архангельского Центра природопользования и охраны окружающей среды при финансовой поддержке АО «Архангельскгеолдобыча» явилось издание 14 мая 2019 г. Правительством Архангельской области Постановления № 256-пп о создании государственного природного комплексного (ландшафтного) заказника регионального значения «Лекшмох». Заказник (ил. 4) создан в целях сохранения уникальных водно-болотных угодий, сохранения и восстановления численности редких животных, а также ценных в хозяйственном отношении видов водоплавающей дичи и других многочисленных видов охотничьих животных в местах концентрации на путях пролета, обитания и размножения. Таким образом, впервые в России аапа болота были взяты под государственную охрану благодаря статусу ООПТ.

Указанным постановлением было утверждено Положение о заказнике, согласно которому природоохранный режим вводится на территории площадью 25 248,7 га. Управлять и обеспечивать функционирование заказника предписано архангельскому Центру природопользования и охраны окружающей среды.

На территории созданного заказника установлено функциональное зонирование: зона умеренного природопользования (кварталы 64, 79, 91, 107, 108, 113, частично 116 Каргопольского участкового лесничества, 77-80, 84-88 Печниковского участкового лесничества) и особо охраняемая зона (вся остальная территория).

К сожалению, статус ООПТ не предотвратит рубки на территории заказника, т. к. Положением в зоне умеренного природопользования разрешена лесозаготовка за пределами 100-метровой зоны вокруг болот. В этой функциональной зоне допускается также проведение осенней охоты.

Часть ценных малонарушенных лесов в виде «языка», разделяющего подсистемы Щучья и Соколя Глади, находится в аренде группы компаний «Устьянская лесоперерабатывающая компания» (ГК «УЛК»). Запас древесины на этом участке представляет определенный интерес для ресурсопользователя. Однако для сохранения целостной лесоболотной экосистемы данный участок заказника является ключевым, в связи с чем специалисты настаивают на запрете лесозаготовок на этой территории.

В настоящее время Национальный парк «Кенозерский» разрабатывает Проект охранных зон национального парка. Созданный заказник предложено включить в охранную зону. Таким образом, парк становится заинтересованным лицом в определении режима природопользования на территории регионального заказника, в том числе – в сохранении участков малонарушенных лесных территорий (МЛТ) в проектируемой охранной зоне. В 2019 г. начат переговорный процесс с ГК «УЛК» об исключении ценных лесных участков заказника из планов лесозаготовок.

Создание природного заказника «Лекшмох» позволит взять под защиту местообитания животных, для которых болота являются сезонными станциями обитания (лось, медведь), места произрастания многих редких и охраняемых видов растений, места гнездования редких хищных птиц, глухариные тока на границе коренных лесов и болот-ягодников.

Важное значение заказника заключается в том, что здесь будут сохранены местообитания редких и охраняемых видов биоты, в частности места воспроизводства и массовой остановки на пролете водно-болотных птиц. По ряду критериев, которые были выработаны в 1974 г. в Хайлигенхафене (Германия) на 7-й конференции Сторон Рамсарской конвенции (Конвенция о водно-болотных угодьях, Рамсар, Иран, 1971 г.), территория заказника «Лекшмох» может претендовать на включение в перечень водно-болотных угодий международного

значения. На наш взгляд, лесоболотный комплекс является примером «редкого или уникального для соответствующего биогеографического региона типа водно-болотных экосистем и находится в естественном (или близком к естественному) состоянии» (критерий 1); «поддерживает существование уязвимых или находящихся под угрозой исчезновения видов» (критерий 2); «обеспечивает существование популяций растений и/или животных, имеющих большое значение для поддержания биологического разнообразия соответствующего биогеографического региона» (критерий 3). Сохранение МЛТ позволит «обеспечить убежище при неблагоприятных условиях» объектам биоты в условиях активной лесохозяйственной деятельности, ведущейся за границами ООПТ (критерий 4) [2].

Работа над приданием заказнику «Лекшмох» статуса водно-болотных угодий международного значения может быть инициирована Кенозерским национальным парком или иной природоохранной организацией, статус ООПТ безусловно будет способствовать достижению этой цели.

Список литературы

1. *Гашев А.Е., Болотов И.Н., Торхов С.В.* Материалы по обоснованию выделения на территории Приозерного, Каргопольского и Плесецкого сельского лесхозов ландшафтных заказников регионального значения. Архангельск, 2004 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 670.
2. Критерии для выделения, принятые 7-й конференцией Сторон Рамсарской конвенции // Водно-болотные угодия России. http://www.fesk.ru/new_criterion/index.html (дата обращения: 19.06.2019).
3. Материалы экологического обоснования природного комплексного (ландшафтного) заказника «Лекшмох» / под ред. Н.Н. Черенковой. Т. 1. Архангельск 2018 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 877.
4. *Пчелкин А.В.* Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Лихенологическое обследование южной части территории ландшафтного заказника регионального значения “Лекшмох”, обоснование придания статуса территории ООПТ». М., 2018 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 884.
5. *Семашко В.Ю., Кудиков А.В., Черенков А.Е.* Отчет о результатах исследования территории «Авифауна территории проектируемого природного заказника “Лекшмох” (район болотного массива Соколя Гладь, Каргопольский район Архангельской области)». Архангельск, 2018 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 855.
6. *Смагин В.А.* Научный отчет о научно-исследовательской работе «Исследование растительности болотной системы Соколя Гладь, расположенной в верховьях р. Чурьега, прилегающей к границе национального парка «Кенозерский». Архангельск, 2006 // Научный архив ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Ф. 1. Оп. 2. Д. 121.

*Е.В. Шаврина
(пос. Пинега, Архангельская обл.),
Е.М. Лускань
(г. Архангельск)*

Опыт организации карстовых особо охраняемых территорий в Архангельской области

Уникальность карста территории Архангельской области связана с его длительным развитием при значительном влиянии материковых оледенений и морских ингрессий. Выделяются карбонатный и сульфатный типы карста, охватывающие массивы, сложенные однородными карбонатными либо сульфатными породами, а также переслаивающимися карбонатно-сульфатными породами при доминировании сульфатов. Площадь карстующихся пород превышает 100 тыс. км².

Поверхностный карст и пещеры Архангельской области обладают значительным экономическим, эстетическим, научно-информационным и спелеоресурсным потенциалом [4, с. 62]. Широко развиты подземные и поверхностные формы карстового рельефа, в результате сочетания которых формируются неповторимые карстовые ландшафты. Наиболее интенсивно карст проявляется в районах выхода сульфатных пород, преимущественно в Пинежском и Холмогорском районах. Здесь представлены все типичные формы поверхностного карста, встречающиеся в других карстовых регионах мира. К ним относятся: карры, воронки, западины, рвы, котловины, цирки, овраги, суходолы, карстовые озера. Выявлены редкие формы карста, связанные с ледниковыми процессами: борозды, полигенетические лога (карстово-гляциальные долины), шелопняковые поля, польеобразные депрессии. Имеются уникальные остаточные формы – гипсовые останцы и башни. К поверхностным формам карста относятся также гидрологические и гидрогеологические объекты: исчезающие ручьи и реки, карстовые озера и источники [2, с. 972]. Величина площадной поверхностной закарстованности составляет 500–700 форм на 1 км², на участках максимального развития она превышает 1500 форм на 1 км², что является экстремально высоким значением для территории Европейской части России [5, с. 15].

В подземном рельефе представлены все компоненты пещер горизонтального класса: каналы, туннели, галереи, залы, органые трубы. В ряде пещер имеются ручьи, водопады, действуют источники, разгружающие подвешенные воды. Более редкими являются подземные озера. Ценными элементами спелеоландшафта являются как типичные, так и уникальные формы морфо-

генеза, сезонные и многолетние пещерные льды (ил. 1), карбонатные натёки, сульфатные конкреции, палеокарстовый заполнитель.

К началу 2019 г. на территории Архангельской области открыто более 477 пещер, суммарной протяженностью свыше 136 км, при этом 27 крупнейших пещер имеют длину свыше 1 км [1]. Большинство из них находятся в Пинежском и Холмогорском районах области. В Кадастр крупных гипсовых пещер мира входят 32 пещеры, что составляет около четверти от общего количества учтенных в нем пещер. Пещерная система Кулогорская-Троя имеет длину 17,65 км, занимает 6-е место в кадастре крупнейших гипсовых пещер мира и 1-е место среди гипсовых пещер России [10].

В настоящее время изучение пещер региона проводится практически на общественных началах. С момента полного окончания финансирования в 1980-х гг. благодаря самоотверженной работе спелеологов-исследователей открыто более 150 новых пещер, значительно увеличилась протяженность ряда ранее известных пещер.

Создание сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ) является делом государственным, а в нашей стране основы заповедного дела закладывались с начала становления государственности [6, с. 23]. При советской власти создание ООПТ в различные периоды носило противоречивый характер, наиболее активно процесс шел в рамках планового развития государственных заповедников и национальных парков. Лишь к 2017 г. был исчерпан список территорий, предложенный для охраны Временному правительству В.П. Семеновым-Тянь-Шанским в 1917 г. [6, с. 37].

Инициатива образования ООПТ практически всегда исходит от людей неравнодушных и занимающихся этим вопросом, как правило, помимо своих непосредственных обязанностей.

В течение уже полувека создание всех карстовых ООПТ в Архангельской области было поистине результатом гражданской инициативы работавших здесь специалистов: геологов, ботаников, зоологов, осознавших высокую ценность и уязвимость подземного и поверхностного карста территории.

По количеству охраняемых территорий развития карста и качеству их охраны наш регион до последнего времени можно было считать одним из наиболее благополучных в России. Суммарная площадь карстовых охраняемых природных территорий в Архангельской области составляет более 1176 км² (ил. 2) (около 1,2 % от площади карстующихся пород и 0,2 % от общей площади области без Ненецкого автономного округа и Арктических островов). В результате создания карстовых ООПТ различного статуса около 300 пещер находятся в пределах охраняемых территорий (табл. 1).

Существующие в Архангельской области карстовые ООПТ и предлагаемые для их создания территории развития карста расположены в Пинежском и Холмогорском районах в пределах юго-востока Беломорско-Кулойского

плато, крупных эрозионных врезов современных и реликтовых речных долин, эрозионного воздействия материковых оледенений [7, с. 139]. К ним относятся долины р. Пинеги и Северной Двины, а также прадолина Северной Двины в районе субширотной излучины Пинеги.

Таблица 1

**Карстовые особо охраняемые природные территории
Архангельской области**

ООПТ	Год создания	Площадь, га	Количество пещер	Примечание
ФГБУ «Государственный заповедник «Пинежский»	1974	Всего – 51 522, охранной зоны – 30 545	Всего – 105, охранной зоны – 27	Охраняется весь природный комплекс территории
Государственный природный комплексный (ландшафтный) заказник регионального значения «Железные ворота»	1991, расширение в 2016	Первоначально – 8074, после расширения – 19 211	35	Охрана пещер и поверхностного карста
Чутский государственный природный ландшафтный заказник регионального значения	1996	7970	120	Охрана пещер и поверхностного карста
Памятник природы «Голубинский карстовый массив» (региональная ООПТ)	2007	210	9	Охрана пещер и поверхностного карста, редких видов биоты
Памятник природы регионального значения «Пещера «Кулогорская-Троя»	1987	50,8	3	Длина пещерной системы 17 650 м
Памятник природы регионального значения «Пещера «Водная»	1987	6,6	1	Длина пещеры 3000 м
Памятник природы регионального значения «Пещера “Кулогорская-5”»	1987	17	1	Длина пещеры 2035 м

Инициатором создания Пинежского заповедника, человеком, который привлек на Европейский Север первую генерацию системно работавших здесь спелеологов ленинградской спелеосекции, был сотрудник Ботанического института АН СССР геоботаник Дмитрий Николаевич Сабуров (1931–1996).

На примере Пинежского заповедника можно наблюдать, как сама задача охраны карстовых явлений и процессов в разные периоды подменялась общезаповедными задачами, существовавшими в системе заповедного дела. Заповедник создавался в первую очередь как карстовый, но длительное время подчинялся системе Главохоты, приоритетным направлением исследований которой являлось изучение продуктивности биологических видов. С изменениями, происходившими в стране, менялись и приоритеты охраны и изучения заповедных территорий. Сегодня на государственный природный заповедник «Пинежский» возложена, в том числе, задача сохранения в естественном состоянии типичных и уникальных карстовых ландшафтов Беломорско-Кулойского плато. С начала создания и по настоящее время изучение карста территории ведется с привлечением спелеологов-исследователей Архангельска, Москвы и Санкт-Петербурга, работающих на волонтерских началах, что, несомненно, следует расценивать как гражданскую инициативу.

Региональные карстовые заказники «Чугский» и «Железные Ворота» также создавались по предложениям сотрудников карстового отряда «Архангельскгеологии» в рамках личной инициативы. Заказник «Голубинский» был создан по проекту сотрудников научного отдела Пинежского заповедника. Также по подготовленному ими проекту в 2016 г. была расширена территория заказника «Железные Ворота» (ил. 3). В границы заказника включены не только крупная система Карасозер, являющаяся зоной разгрузки карстово-водоносной системы логов Железные Ворота, но и, что очень важно, площадь его водосбора [8, с. 36].

В 2005 г. был закрыт Голубинский заказник, поскольку большая часть пещер и ценных объектов поверхностного карста вошли в охранную зону заповедника. Наиболее доступный для посещения карстовый участок с крупными пещерами и уникальными поверхностными формами карста оказался вне территории охранной зоны. По представлению сотрудников Пинежского заповедника в 2007 г. часть заказника была преобразована в памятник природы «Голубинский карстовый массив».

Также ими был предложен ряд вариантов новых карстовых ООПТ, включающих, в том числе, уникальные биологические объекты, прежде всего – реликтовые и эндемические виды растений и связанные с карстом уникальные виды почв. К сожалению, реальное развитие получил пока лишь проект по расширению заказника «Железные Ворота».

Сейчас для полноценной охраны карстовых ландшафтов Архангельской области необходимо создание ряда новых карстовых ООПТ на следующих территориях: 1) Кулогорский карстовый массив; 2) Карасозерская польеобразная депрессия; 3) Березниковский карстовый массив; 4) Чугский заказник (расширение территории); 5) Угзеньга, пещерная система; 6) Природный парк «Звонский».

Предлагаемые для охраны карстовые объекты (табл. 2) обладают высокой информационной, рекреационной и эстетической ценностью, относятся к категории невозобновимых природных ресурсов и требуют экстренной защиты, поскольку доступны для рекреационного и промышленного освоения [7, с. 142]. Для Березниковского карстового массива и пещерной системы Угзеньга проекты создания ООПТ находятся в стадии разработки.

Таблица 2

**Карстовые территории Архангельской области,
рекомендуемые для охраны**

Территория развития карста	Район	Примечательные и уникальные объекты поверхностного рельефа	Пещеры и карстовые явления	Предлагаемый охранный статус
Кулогорский карстовый массив*	Пинежский	Прадолина р. Северной Двины, Кулогорский уступ, зона субширотного перехвата р. Пинеги и Сотки, стратотип отложений кулогорской свиты	16 пещер общей длиной 22,2 км, разгрузки карстовых вод в прибортовых озерах	Региональный заказник либо памятник природы
Березниковский карстовый массив		Карстовый лог Великий, останец с пещерами и с шелопняком, скальные обнажения на р. Пинеге	50 пещер общей длиной 8,2 км, разгрузка карстовых вод в логу и на берегу р. Пинеги	Заказник либо памятник природы
Чугский заказник ** (расширение территории)	Холмогорский	Крупные шелопняковые поля на участках открытого карста, карстовые цирки, останцы, озера	119 пещер общей длиной более 16,8 км, поглощающиеся реки, озера	Расширение территории заказника
Природный парк «Звонский»**		Каньон долины р. Северной Двины, карры, воронки, шелопняки, котловины, провальные лога	23 пещеры общей длиной более 2,5 км, крупная – Двинская (911 м)	Природный парк либо заказник

* – предварительный проект разработан; ** – внесены в территориальный план развития Архангельской области.

Проекты расширения Чугского заказника и организации Природного парка «Звонский» по представлению сотрудниками научного отдела Пинежского заповедника были включены в Генеральный план развития Архангельской области на период до 2030 г.

Относительно Чугского заказника ясно, что расширение территории ввиду ее исключительной ценности возможно только после полного прекращения

ния добычи гипса возле его границы. Разработка осуществляется фирмой «Кнауф-гипс» с 2008 г. карьерным способом. Интенсивная сейсмическая нагрузка приводит к тектоническим нарушениям, вызывая неконтролируемые и непредсказуемые последствия [3, с. 38]. Как следствие, уничтожается значительная часть карстовых объектов на юге заказника, в том числе уникальные шлопняковые поля (ил. 4). Разрушения уже отмечены в привходовых зонах ряда пещер Чуги.

Для пещерной системы Кулогорская-Троя, крупнейшей в России, сохраняется проблема несоответствия существующего охранного статуса ее реальной ценности и значимости. В Кулогорском карстовом массиве найдено 16 пещер общей протяженностью более 25 км. Пещеры К-1, К-2 и Троя соединены в одну пещерную систему Кулогорская-Троя длиной 17,65 км. Входы пещер расположены в подножии Кулогорского уступа, задернованного, с редкими скальными выходами, являющегося склоном древней эрозионно-ледниковой долины на участке вдоль Пинего-Кулойского канала [9, с. 320].

Для полноценной охраны объекта такого уровня, как крупнейшая гипсовая пещера России, необходимо объединение Кулогорского массива в единую ООПТ, включающую существующие памятники природы: «Пещера Кулогорская-Троя», «Пещера “Водная”», «Пещера “Кулогорская-5”» с учетом строения водосбора спелеоводоносной системы [9, с. 323]. Целесообразно включить в границы памятника обнажения коренных пород, расположенные вблизи субширотной излучины р. Пинеги и являющиеся эталонным разрезом известняков с фауной при выделении карбонатных отложений кулогорской свиты нижнепермского возраста.

Необходимость придания охранного статуса Березниковскому карстовому участку связана, помимо его информационной и эстетической ценности, с тем, что здесь отмечается избыточная рекреационная нагрузка в зимний период. Часть пещер территории в зимний период интенсивно посещается, в том числе неподготовленными туристическими группами. Помимо нарушения состояния подземных объектов, эти посещения создают опасность для жизни людей, поскольку при их посещении возможны провалы льда в нижний обводненный ярус.

К карстовым ООПТ Архангельской области можно отнести и территорию Кенозерского национального парка. Здесь широко развиты карстующиеся карбонатные породы: известняки, доломиты, мергели. Возможные поверхностные проявления карста перекрыты мощным чехлом ледниковых и водно-ледниковых отложений. Карстовый процесс проявляется в эрозионных врезках и на гидрогеологическом уровне в виде разгрузок источников карстовых вод. Найдены также небольшие карстовые полости и ниши.

Анализ имеющегося опыта организации карстовых ООПТ и контроль их дальнейшего развития показал проблемы в преодолении формального отно-

шения к охраняемым объектам, отсутствие законодательной базы, теоретическую и практическую непроработанность вопросов в отношении охраны карста и пещер. Увеличение объемов лесоразработок на карстовых территориях, в том числе и незаконных, негативное воздействие добычи полезных ископаемых, размещение свалок, неконтролируемый рост рекреационных нагрузок наносят невосполнимый вред уникальным территориям.

В Архангельской области, как и в России в целом, потенциал карстовых территорий до сих пор не оценен по достоинству [8, с. 39]. Карстовые пещеры и карстовые ландшафты Европейского Севера представляют собой национальное природное достояние России, которое должно не только использоваться, но изучаться и охраняться на достойном уровне.

Список литературы

1. Гуркало Е.И., Бутаков О.В. Региональная база данных пещер Архангельской области. Архангельск, 1998–2018.
2. Гуркало Е.И., Шаврина Е.В. Принципы выделения карстово-спелеологических объектов как памятников природы // Экология северных территорий России. Проблемы, прогноз ситуации, пути развития, решения. Т. 2. Архангельск, 2002. С. 971–974.
3. Дублянский В.Н., Дублянская Г.Н. Карстовая республика (Карст Крыма и его проблемы). Симферополь, 1996.
4. Малков В.Н., Гуркало Е.И., Шаврина Е.В. Проблемы изучения и охраны карста Архангельской области // Поморье в Баренц регионе: экономика, экология, культура. Архангельск, 2000. С. 61–62.
5. Структура и динамика природных компонентов Пинежского заповедника (Северная тайга НТР, Архангельская область). Биоразнообразии и георазнообразии в карстовых областях. Архангельск, 2000.
6. Тишков А.А. Географические основы заповедного дела // Географические основы заповедного дела (к столетию заповедной системы России). Вопросы географии. Сб. 143. М., 2017. С. 15–39.
7. Шаврина Е.В. Охрана карста и пещер Архангельской области // Пещеры: охрана, история исследований, культура, туризм, современное состояние и перспективы научных исследований в пещерах бывшего СССР. Красноярск, 2009. С. 138–142.
8. Шаврина Е.В. Современное состояние карстовых особо охраняемых территорий Архангельской области // Вклад особо охраняемых природных территорий Архангельской области в сохранение природного и культурного наследия. Архангельск, 2017. С. 63–68.
9. Шаврина Е.В., Франц Н.А., Лускань Е.М. Перспективы создания памятника природы «Кулогорский карстовый массив» // Труды Архангельского центра Российского географического общества. Вып. 3. Архангельск, 2015. С. 316–324.
10. World Longest Gypsum Caves. Compiled by: Bob Gulden. <http://www.caverbob.com/home.htm.pdf> (дата обращения: 20.07.2019).

Сведения об авторах

Алексеева Ярослава Игоревна – старший научный сотрудник отдела общей биологии Государственного биологического музея им. К.А. Тимирязева (г. Москва)

Анциферова Анна Ивановна – главный хранитель музейного фонда Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Беличенко Алексей Евгеньевич – научный сотрудник отдела сохранения объектов культурного наследия Института археологии РАН (г. Москва)

Белова Светлана Юрьевна – директор Ассоциации для охраны природы «Махаон Интернешенел» (Словакия, г. Попрад)

Бычкова Яна Вячеславовна – кандидат геолого-минералогических наук, руководитель сектора физико-химических экспериментальных исследований при высоких температурах лаборатории экспериментальной геохимии геологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова» (г. Москва)

Власова Марина Никитична – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург)

Воробьева Таисия Яркиевна – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией пресноводных и морских экосистем Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Герасимов Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Голубева Любовь Владимировна – кандидат сельскохозяйственных наук, преподаватель Архангельского педагогического колледжа (г. Архангельск)

Горматюк Александр Анатольевич – кандидат искусствоведения, заведующий научно-реставрационной мастерской «Иконотека» Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. академика И.Э. Грабаря, реставратор высшей квалификации (г. Москва)

Горюнов Данила Николаевич – ведущий инженер лаборатории почвенной зоологии и общей энтомологии Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва)

Гостева Анастасия Владимировна – студентка образовательной программы «История искусств» Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Гудима Тамара Михайловна – кандидат философских наук, профессор Московского гуманитарного университета (г. Москва)

Гуров Михаил Борисович – преподаватель кафедры культурологии Московского государственного института культуры (г. Москва)

Демин Максим Дмитриевич – художник-реставратор темперной и масляной живописи Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (г. Москва)

Дровнина Светлана Игоревна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, начальник отдела изучения природных комплексов и объектов Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Дягилева Елена Борисовна – ведущий консультант отдела поддержки общественных инициатив Департамента по внутренней политике и местному самоуправлению администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области (г. Архангельск)

Ежов Олег Николаевич – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории экологии популяций и сообществ, ученый секретарь Института экологических проблем Севера Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Ермолин Борис Васильевич – кандидат географических наук, действительный член Русского географического общества, ветеран САФУ (г. Архангельск)

Ермолин Денис Сергеевич – кандидат исторических наук, ученый секретарь Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Забелина Светлана Александровна – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Залогин Егор Сергеевич – студент магистратуры Биолого-химического института Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Зарецкая Наталия Евгеньевна – кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории геохимии изотопов и геохронологии Геологического института РАН (г. Москва)

Иванова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Иванова Татьяна Григорьевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (г. Санкт-Петербург)

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, доцент кафедры региональных исследований Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Канева Татьяна Степановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Филологические исследования духовной культуры Севера» (г. Сыктывкар)

Климов Сергей Иванович – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Козыкин Александр Владимирович – научный сотрудник, заведующий сектором управления культурными ландшафтами Национального парка «Кенозерский» (Архангельская обл., г. Каргополь)

Коренева Галина Александровна – глава муниципального образования «Кенозерское» Плесецкого района Архангельской области (Архангельская обл., д. Вершинино)

Коржакова Лилия Николаевна – председатель территориального общественного самоуправления «Уездный город», заведующая сектором «Резиденция Зимы» Центра народной культуры и туризма (Архангельская обл., с. Яренск)

Кублицкий Юрий Анатольевич – кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и природопользования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Кузнецова Елена Вячеславовна – менеджер Информационного туристского центра Республики Карелия (г. Петрозаводск)

Куликов Вячеслав Степанович – доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент Общероссийской общественной организации «Российская академия естественных наук» (г. Петрозаводск)

Куликова Виктория Владимировна – доктор геолого-минералогических наук, член-корреспондент Общероссийской общественной организации «Российская академия естественных наук» (г. Петрозаводск)

Лаврентьева Людмила Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов Европей-

ской части России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Леонтьев Петр Александрович – ассистент кафедры физической географии и природопользования Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Липатов Константин Васильевич – учредитель Ассоциации развития села «Центр развития «Добрая земля» (г. Владимир)

Логинов Константин Кузьмич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск)

Лускань Елена Михайловна – главный специалист отдела социокультурной деятельности Национального парка «Кенозерский», действительный член Русского географического общества, секретарь комиссии по спелеологии и карстоведению Архангельского центра Русского географического общества (г. Архангельск)

Марич Светлана Николаевна – кандидат сельскохозяйственных наук, начальник отдела социокультурной деятельности Национального парка «Кенозерский», доцент кафедры ландшафтной архитектуры и искусственных лесов Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

Мельников Илья Андреевич – кандидат культурологии, старший научный сотрудник Учебно-научного центра этнологии и социокультурных исследований Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого (г. Великий Новгород)

Мелютина Марина Николаевна – кандидат философских наук, начальник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Минаева Татьяна Юрьевна – старший научный сотрудник филиала «Центр сохранения и восстановления болотных экосистем» Института лесоведения РАН (г. Москва)

Морева Ольга Юрьевна – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Мосеев Дмитрий Сергеевич – научный сотрудник Архангельского филиала Института океанологии РАН (г. Архангельск)

Мосеев Олег Вячеславович – эксперт по туристическим стратегиям и коммуникациям компании «Point. Точка развития» (г. Москва)

Наквасина Елена Николаевна – доктор сельскохозяйственных наук, профессор кафедры лесоводства и почвоведения Лесотехнического института

Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

Наумов Юрий Михайлович – старший научный сотрудник Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижы», член Межведомственной комиссии по морскому наследию Морской коллегии Правительства РФ (г. Петрозаводск)

Неверова Наталья Валерьевна – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Новоселов Алексей Михайлович – директор Тотемского музейного объединения, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Вологодская обл., г. Тотьма)

Петров Сергей Анатольевич – консультант по спортивному и природному туризму Центра социокультурных и туристских программ Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия) (г. Москва)

Пиотровская Анна Александровна – студентка образовательной программы «История искусств», Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Репкина Татьяна Юрьевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник кафедры геоморфологии географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Романенко Федор Александрович – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры геоморфологии и палеогеографии географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Родионова Вера Юрьевна – заместитель начальника реставрационной мастерской, художник-реставратор Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева (г. Москва)

Рыжкова Марина Григорьевна – специалист по научной документации отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Сакулина Элеонора Владимировна – научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева (Институт Наследия) (г. Москва)

Смагин Виктор Алексеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории общей геоботаники Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (г. Санкт-Петербург)

Собко Елена Иосифовна – старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Института экологических проблем Севера Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова РАН (г. Архангельск)

Статкевич Владислав Олегович – студент образовательной программы «История искусств» Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Стрельцов Михаил Александрович – младший научный сотрудник отдела антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Федоров Илья Андреевич – научный сотрудник лаборатории археологии, исторической социологии и культурного наследия им. Г.С. Лебедева Института социологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Федотова Елена Васильевна – главный специалист отдела социокультурной деятельности Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Харитоновна Яна Эдуардовна – кандидат богословия, старший научный сотрудник отдела изучения и интерпретации историко-культурного наследия Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Хартанович Валерий Иванович – кандидат исторических наук, заведующий отделом антропологии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Ходаковский Евгений Валентинович – кандидат искусствоведения, доцент, заведующий кафедрой истории русского искусства Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Чайко Екатерина Анатольевна – кандидат исторических наук, директор Учебно-научного центра изучения проблем природы и человека Челябинского государственного университета, заведующая Музеем археологии и этнографии (г. Челябинск)

Черенкова Надежда Николаевна – заместитель директора по научной работе и экологической безопасности Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Чернега Артем Андреевич – кандидат социологических наук, начальник отдела туризма и общественных проектов Администрации Тотемского муниципального района, ассоциированный научный сотрудник Социологического

института РАН – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Вологодская обл., г. Тотьма)

Чупаков Артем Васильевич – научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)

Шаверина Галина Викторовна – председатель Северодвинского отделения регионального объединения пострадавших от политических репрессий «Со-весть» (г. Северодвинск)

Шаврина Елена Васильевна – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Государственного заповедника «Пинежский», действительный член Русского географического общества (Архангельская обл., пос. Пинега)

Шангина Изабелла Иосифовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург)

Шилова Ольга Сергеевна – кандидат географических наук, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории геоэкологии Севера географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Шорина Наталья Валерьевна – кандидат химических наук, старший научный сотрудник лаборатории пресноводных и морских экосистем Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН, доцент кафедры бурения скважин, разработки нефтяных и газовых месторождений Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (г. Архангельск)

Щеголихина Нина Анатольевна – председатель территориального общественного самоуправления «Сосновка» (Архангельская обл., пос. Пинега)

Яковлева Александра Вячеславовна – начальник службы развития Национального парка «Кенозерский» (г. Архангельск)

Яковлева Алена Павловна – магистрант кафедры геоморфологии и палеогеографии географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

Яндовский Виктор Эдуардович – главный архитектор Института искусства реставрации, член-корреспондент Академии реставрационного наследия, член Союза архитекторов России (г. Москва)

Янусик Анна Олеговна – студентка образовательной программы «История искусств» Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Иллюстрации

Иллюстрации к статье С.Ю. Беловой

Ил. 1. Искусство доступно всем. Фото Р. Ондо

Ил. 2. Арт-симпозиум 2015 г. в Гановце. Фото Е. Николаевой

*Ил. 3. «Овечки
для Белых
Карпат»*

*Ил. 4. Мастер-класс
для детей в ходе арт-
симпозиума «Природа – муза
вдохновения».
Фото Е. Николаевой*

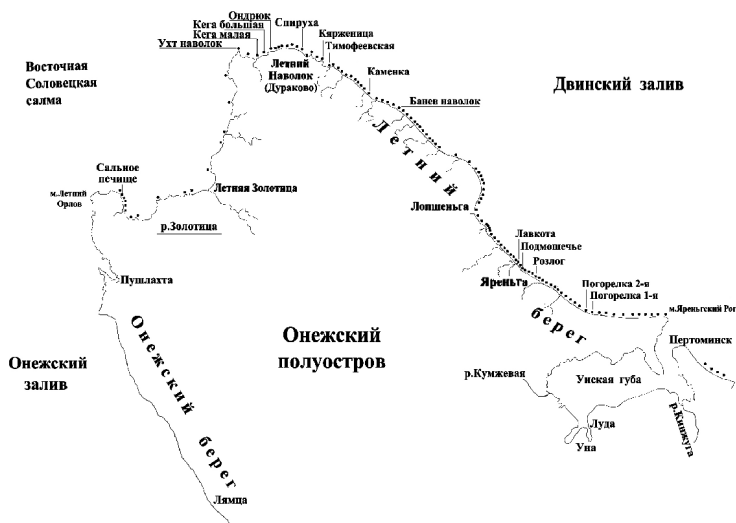
*Ил. 5. Волонтеры
на арт-симпозиуме
«Земля силы».
Фото С. Беловой*

Иллюстрации к статье Я.И. Алексеевой

Ил. 1. Фрагмент карты Архангельской губернии, 1899 г. [16]

Ил. 2. Карта-схема расположения семужных тоней на Онежском полуострове в 1910 г. (по [3])

Иллюстрации к статье А.И. Анциферовой

Ил. 1. Расписной шкаф
в д. Майлахте. 1895 г.
Фото
А.И. Анциферовой

Ил. 2. Дом с расписным
фронтоном
и наличниками
в д. Першлахте. 1950-е гг.
Фото А.В. Ополовникова.
Из фондов
Государственного музея
архитектуры
им. А.В. Щусева

Ил. 3. Дом с расписным
фронтоном
в д. Першлахте.
Фото
А.И. Анциферовой

Ил. 4. Прялка
И.В. Старицыной. 1885 г.
Фото Т.Р. Вальковой

Ил. 5. Прялка. Автор росписи –
Ф.Я. Никифоров. 1913 г.
Фото А.И. Анциферовой

*Ил. 6. Экспедиция Государственного Русского музея в д. Шишкиной. Слева направо: Галина Ковалева, Парасковья Матвеевна Шишкина, Никандр Викторович Мальцев – сотрудник музея. 1963 г. Фото А.С. Поздеева.
Из семейного архива В.В. Кузнецова*

Ил. 7. К.А. Сивцева на фоне расписного шкафа. 1950-е гг. Из семейного архива Т.А. Сивцевой

Ил. 8. Шкаф-заборка из д. Тамбич-Лахты. Фото А.И. Анциферовой

Ил. 9. Расписной подвесной шкафчик.
Фото А.И. Анциферовой

Ил. 10. Дверь из д. Мызы.
Поступила в музейный фонд
Кенозерского национального парка
от В.И. Конториной.
Фото А.И. Анциферовой

Ил. 11. Дверь в д. Першлахте.
Фото А.И. Анциферовой

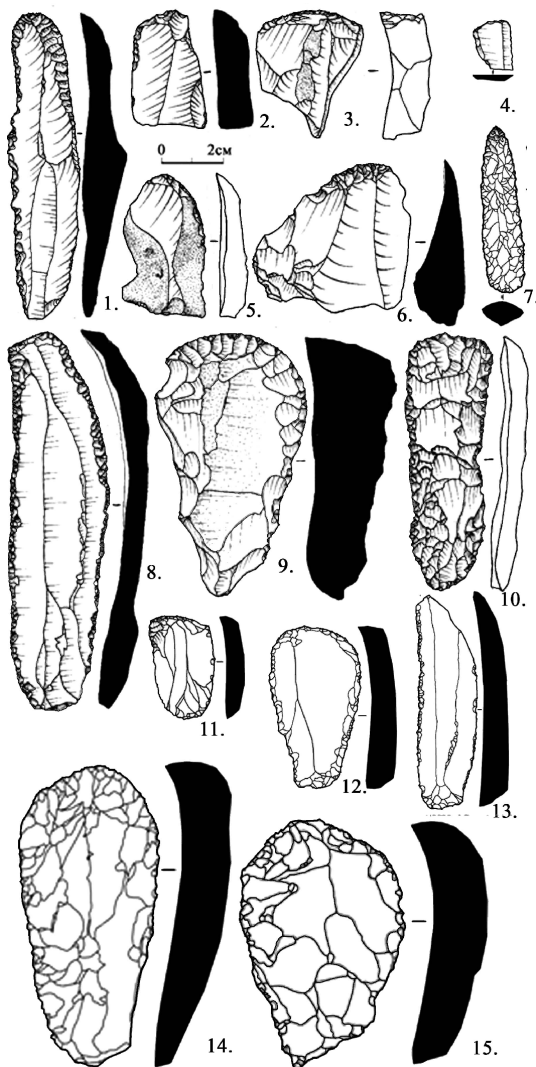

Ил. 12. Дверь в д. Федосово.
Фото А.И. Анциферовой

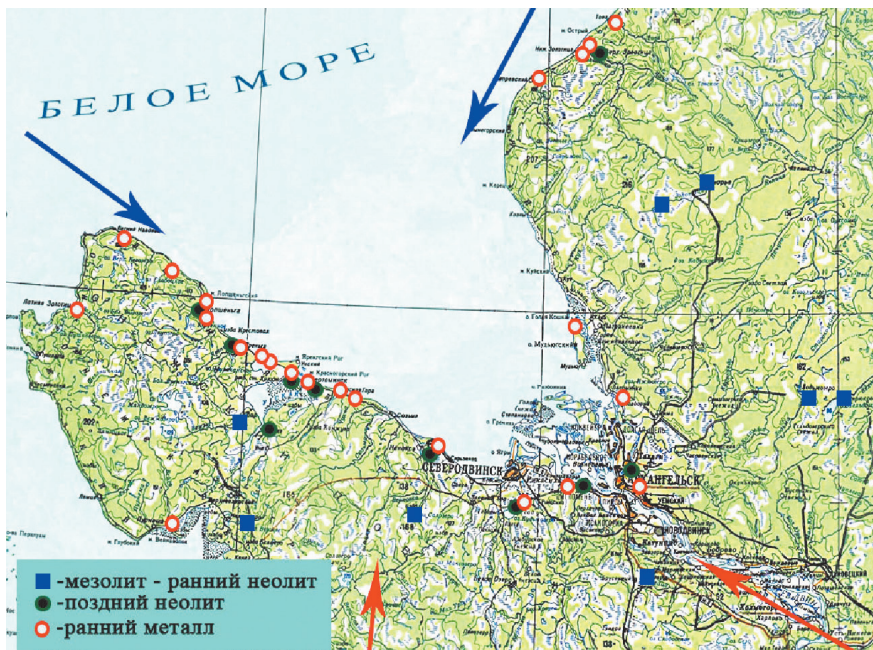

Ил. 13. Шкаф-заборка. Поступил в музейный фонд Кенозерского национального парка из д. Рыжково: а) до реставрации, 2007 г. Фото М.Н. Мелютиной;
б) после реставрации, в музее «В Начале было Слово», 2015 г.
Фото Е.Г. Мазилова

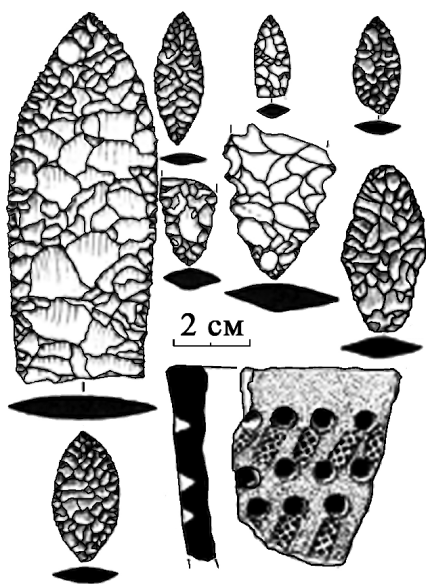
Иллюстрации к статье А.Е. Беличенко

Ил. 1. Кремневый инвентарь мезолита – раннего неолита: 1, 2, 3, 5, 6 – Салозеро-VII; 4, 7 – Исток Лодьмы; 8, 9, 10 – Сейцозеро; 11, 12, 13 – Аннин мыс; 14, 15 – Исток Кельды

Ил. 2. Карта расположения основных объектов каменного века южного Прибеломорья. Основные направления миграций и культурного взаимодействия

Ил. 3. Кремневый инвентарь и керамика позднего неолита – раннего металла с поселения Кудьмозеро-1 (Металлург)

Иллюстрации к статье М.Н. Власовой

Ил. 1. Терский берег Белого моря.
1982 г. Фото М.Н. Власовой

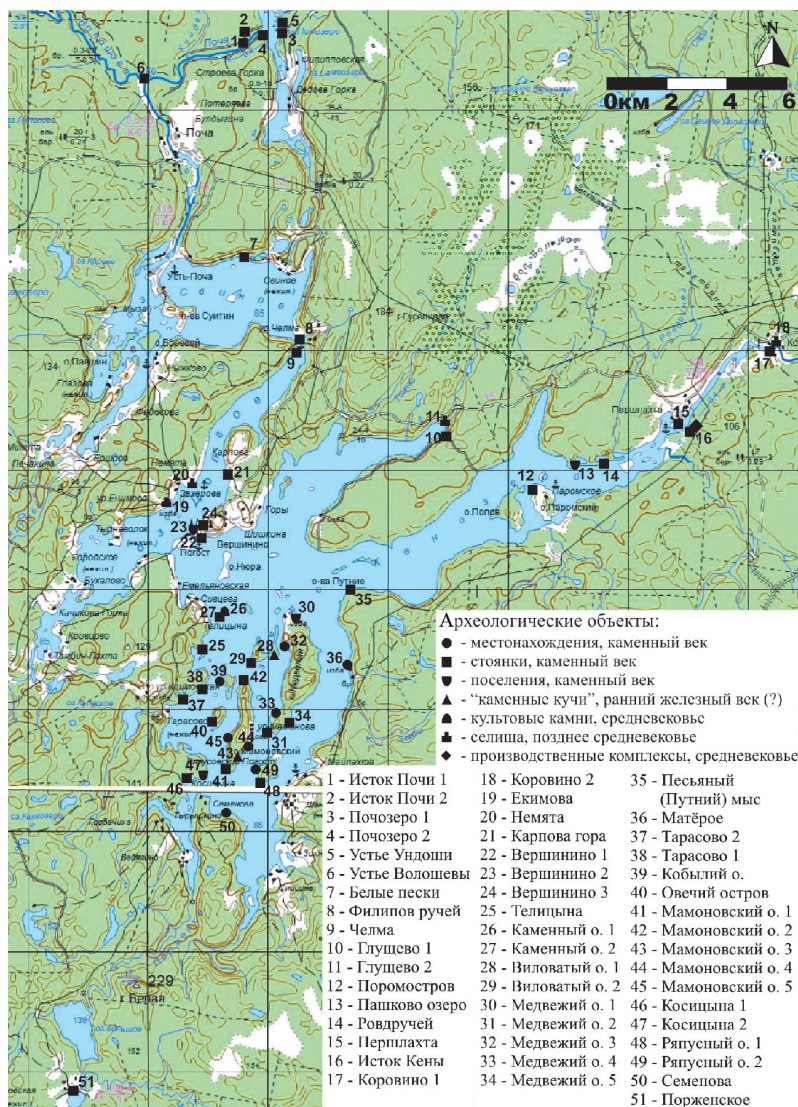

Ил. 2. Семжанки (в центре –
Прасковья Васильевна Филатова
с годовалой внучкой Марфой).
1920-е гг. Фото из личного архива
К.И. Алексахиной

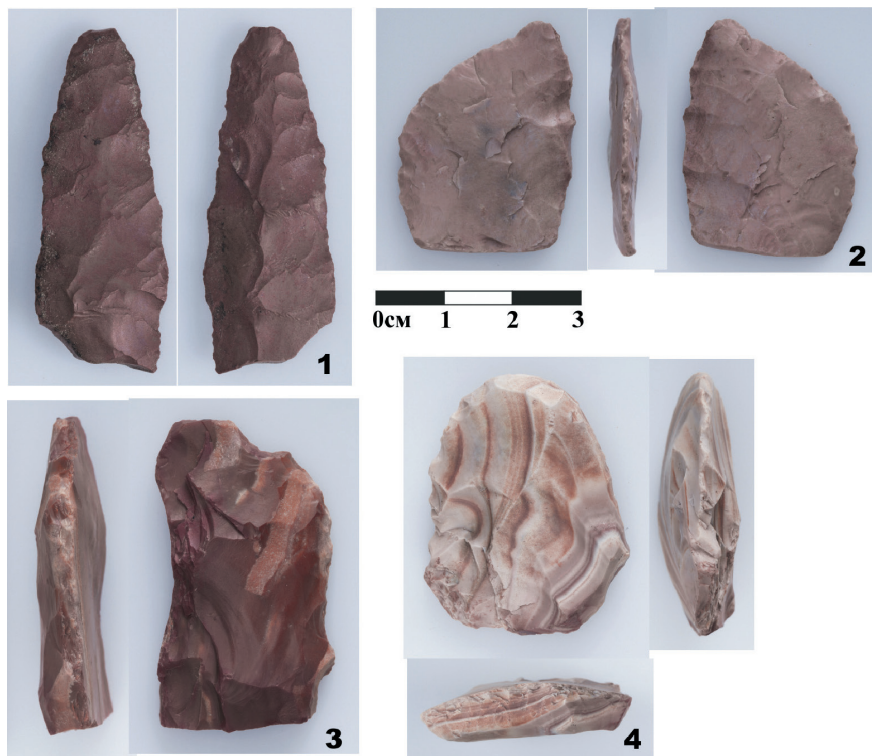

Ил. 3. Сёмжа. 2016 г. Фото М.Н. Власовой

Иллюстрации к статье Д.В. Герасимова, М.А. Стрельцова, И.В. Федорова, В.И. Хартановича

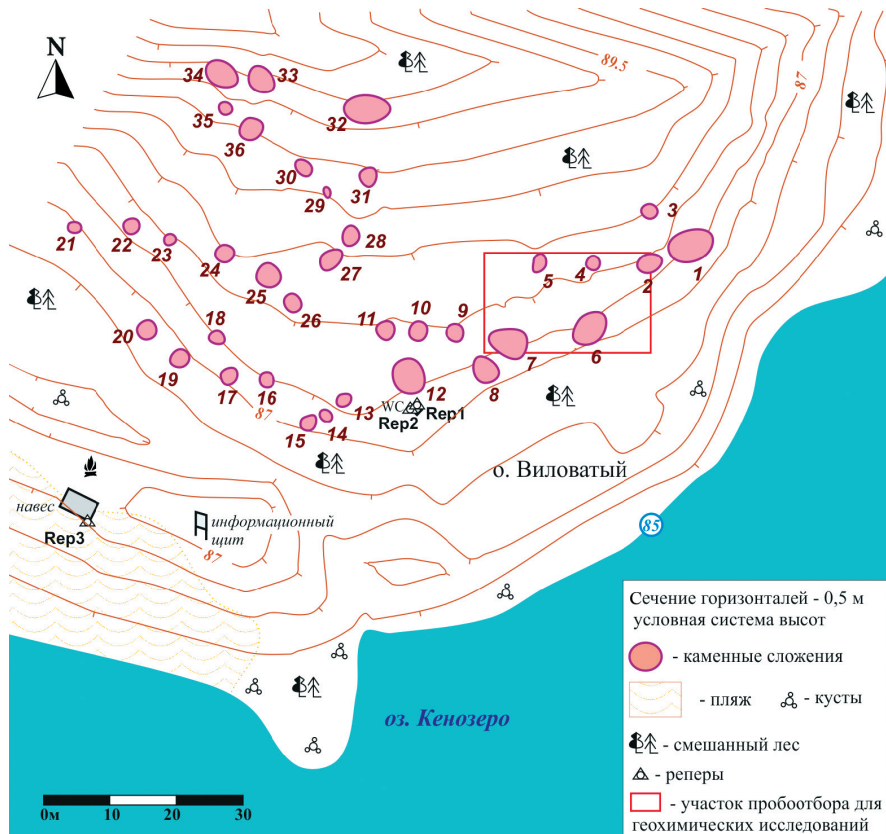
Ил. 1. Археологическая карта Кенозера
(Плесецкий сектор Национального парка «Кенозерский»)

Ил. 2. Неолитические кремневые орудия с берегов Кенозера:
 1 – фрагмент бифасиального наконечника (стоянка Медвежий остров-5);
 2 – нож бифасиальный (Телицына); 3 – скребок на отщепе (Телицына);
 4 – скобель на пластинчатом отщепе (Овечий остров)

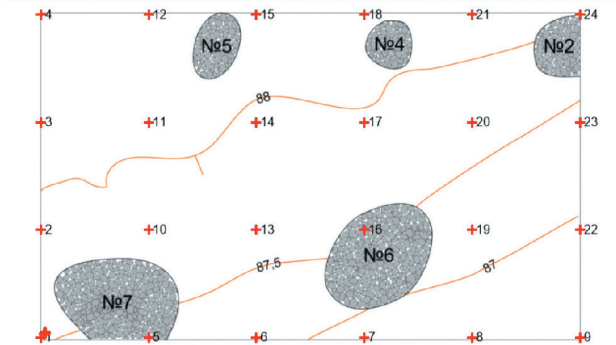
Ил. 3. Комплекс древних каменных сложений Виловатый-1:
а) юго-восточный мыс острова Виловатый (вид на комплекс с юга);
б) сложение № 26 (вид с юго-запада)

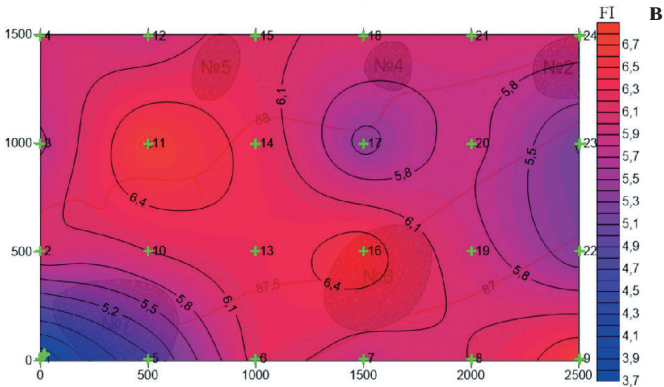
Ил. 4. Южная часть комплекса древних каменных сложений Виловатый-1.
Участок потенциального экскурсионного маршрута

а

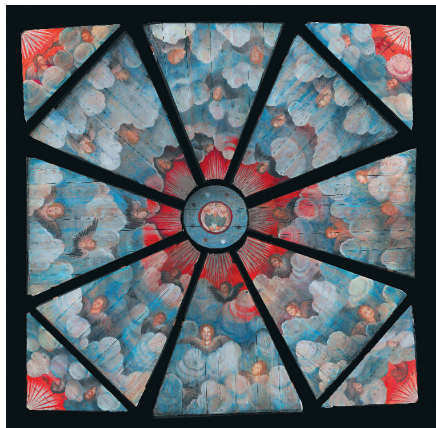
б

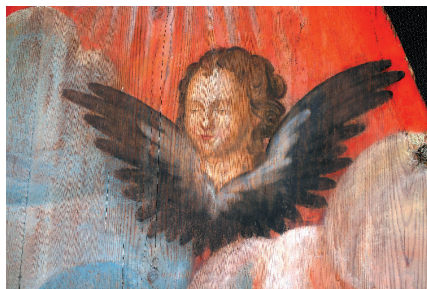
в

Ил. 5. Результаты исследования каменных сложений Вилотовый-1: а) разрез каменного сложения № 5 (вид с юга); б) схема пробоотбора на участке памятника; в) картосхема распределения значений факторного анализа (FI)

Иллюстрации к статье А.А. Горматюка

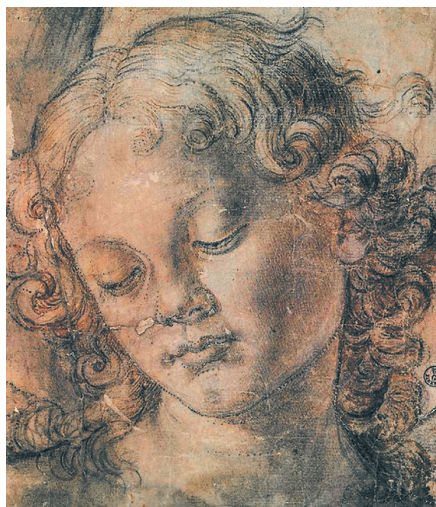
Ил. 1. Комплекс хвалинского «неба»
из часовни Тихвинской иконы
Божией Матери (конец XVIII в.)
после реставрации

Ил. 2. Херувим
(фрагмент грани «неба»)

Ил. 3. Фрагмент грани «неба»
с изображением херувима

Ил. 4. Рисунок головы юноши.
Школа А. Верроккьо. XVIII в.
(Галерея Уффици, Италия)

Ил. 5. Путти. Худ. С. Тончи. Начало XIX в. (Владими́ро-Суздальский музей заповедник). Тушь, промасленная бумага

Иллюстрации к статье А.В. Гостеевой, В.О. Статкевича

Ил. 1. Пушлахта.
Церковь Св. Параскевы
Пятницы.
Вид с северо-востока.
Фото С. Яковлева

Ил. 2. Пушлахта.
Церковь Св. Параскевы
Пятницы. Вид с юга.
Фото С. Яковлева

Ил. 3. Пушлахта.
Церковь
Св. Параскевы
Пятницы.
Вид с юго-запада.
Фото С. Яковлева

Иллюстрации к статье М.Д. Демина

*Ил. 1. Икона «Пророк Аггей»
до реставрации (лицевая сторона)*

*Ил. 2. Рентгенограмма иконы
«Пророк Аггей»*

*Ил. 3. Икона
«Пророк
Аггей».
Фрагмент
с изображением
лика.
До и после
тонировок*

*Ил. 4. Икона «Пророк Аггей»
после реставрации*

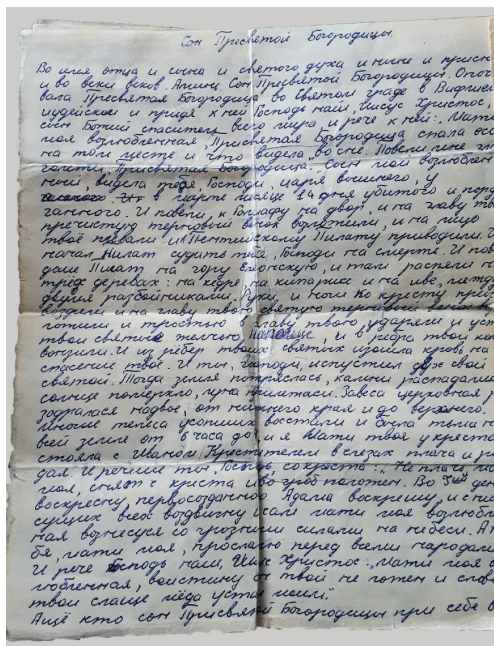

Ил. 5. Соединенная пара икон «Пророк Аггей» и «Пророк
Моисей» с лицевой и оборотной сторон

Иллюстрации к статье Д.С. Ермолина, И.А. Мельникова

Ил. 1. Меднолитой старообрядческий крест XIX в. производства Выговского монастыря, оборот – гладкий с ковчегом. Семейная реликвия информанта

Ил. 2. Список «Сна Богородицы» конца XX – начала XXI в., бытующий в настоящее время

Ил. 3. Старообрядческая кадильница-кадья. Хранится в семье информанта, используется понине

Иллюстрации к статье А.А. Ивановой

Рис. 2. Нина Александровна Нетёсова, создатель краеведческого музея «Истоки» в д. Ваймуше. 2018 г. Фото А.А. Ивановой

Рис. 3. Интерактив в ходе экскурсии по д. Городецк, устроенной для участников фольклорной практики МГУ. 2017 г. Фото А.А. Ивановой

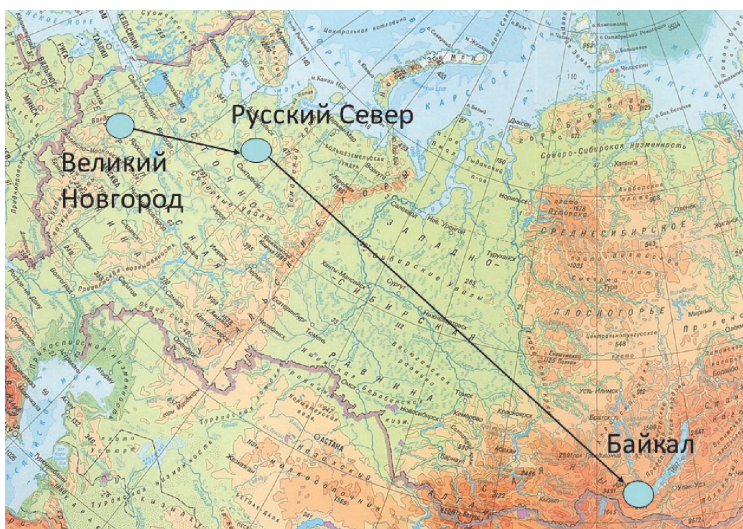

*Рис. 4. Род Галашевых у родного печища, д. Большое Кротово. 2013 г.
Фото А.А. Ивановой*

Иллюстрации к статье В.Н. Калущкова

Ил. 1. Места рождения землепроходцев XVII в.: г. Великий Устюг – С.Ю. Дежнёв, В.В. Атласов, И.И. Похабов (предположительно); бассейн р. Северная Двина – Е.П. Хабаров, К. Курочкин; бассейн р. Вычегда – Д.И. Зырян; бассейн р. Пянда – П.Д. Пянда (Пянда), г. Кашин – В.Д. Поярков

Ил. 2. Поморские следы в Сибири на примере миграции географического термина «шелонник»

Иллюстрации к статье Л.С. Лаврентьевой

Ил. 1. Кофта-шугай. XIX в. Из фондов МАЭ РАН (МАЭ 1125-2/1)

Ил. 2. Юбка женская. XIX в. Из фондов МАЭ РАН (МАЭ 1125-2/2)

*Ил. 3. Перчатки женские.
XIX в. Из фондов МАЭ РАН
(МАЭ 1125-2/5-1,2)*

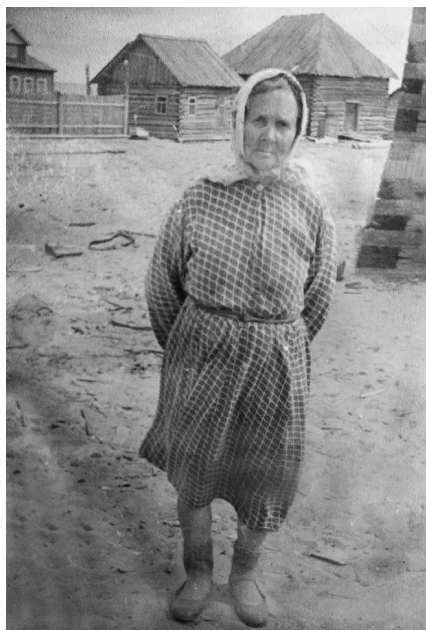

*Ил. 4. Серьги из речного жемчуга.
Середина XIX в. Из фондов МАЭ РАН
(МАЭ 1125-2/4-1,2)*

Иллюстрации к статье М.Н. Мелютиной

Ил. 1. Дом семьи Майзеровых, д. Лопшеньга. 2019 г.
Фото Я.Э. Харитоновой

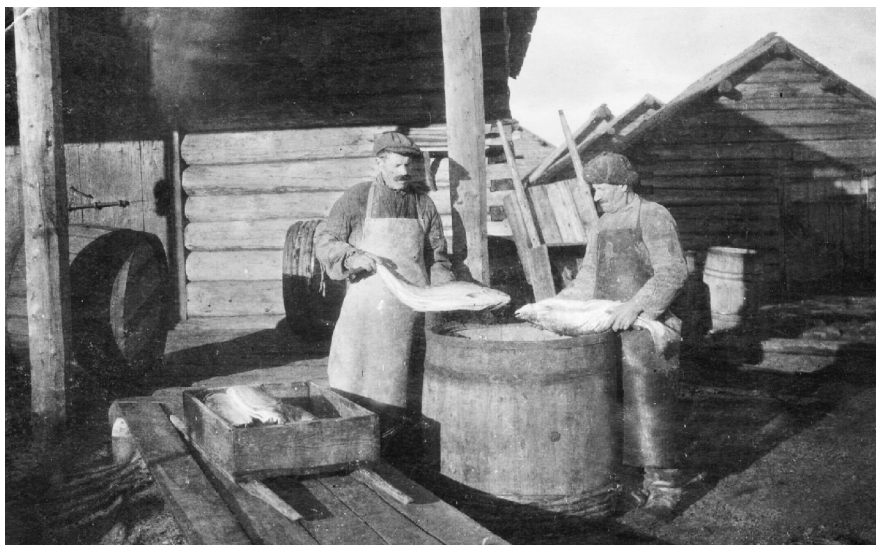
Ил. 2. Анна Егоровна Майзерова,
д. Лопшеньга. 1960-е гг.
Из семейного архива Н.В. Майзеровой

Ил. 3. Петр Илларионович Майзеров,
д. Лопшеньга. 1950-е гг.
Из семейного архива Н.В. Майзеровой

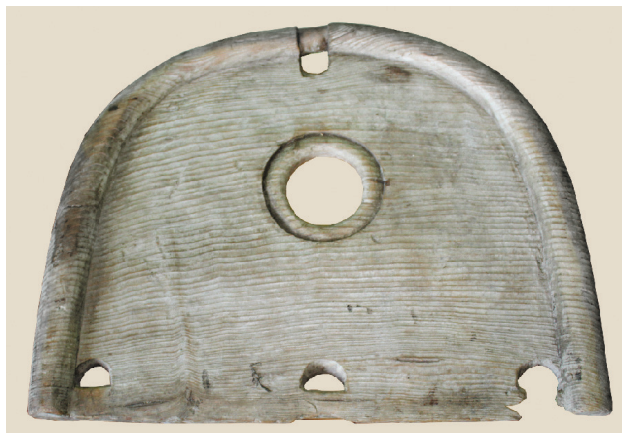
Ил. 4. Тоня «Тотьманга», д. Лопшеньга. Фото Н.И. Рождественской. 1937–1938 гг. Из семейного архива К.А. Федотовой

Ил. 5. Укладка семги в бочку (слева – Иван Алексеевич Юдин), д. Лопшеньга. Фото Н.И. Рождественской. 1937–1938 гг. Из семейного архива И.А. Юдина

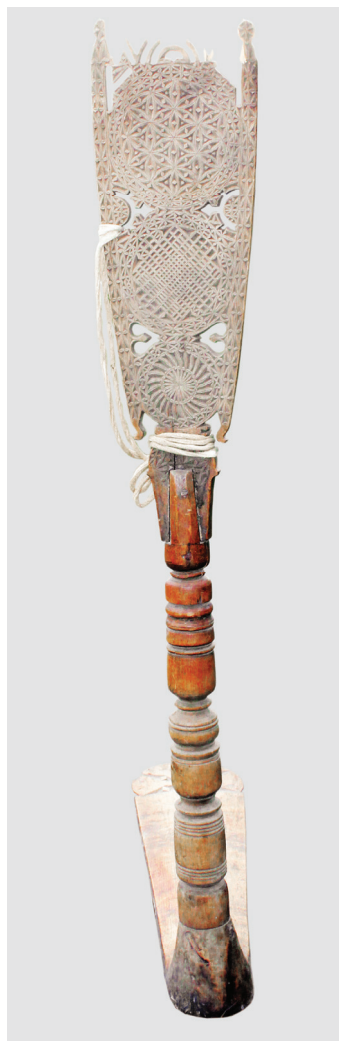
*Ил. 6. Крошни с корзиной для переноса семги. ОП КП-504.
Фото М.Н. Мелютиной*

Ил. 7. Ловдус. ОП КП-506. Фото М.Н. Мелютиной

Ил. 8. Прялка (с. Лопшеньга).
ОП КП-518.
Фото М. Н. Мелютиной

Ил. 9. Прялка (с. Лопшеньга).
1894 г. ОП КП-519.
Фото М. Н. Мелютиной

Ил. 10. Женка из д. Лопшеньги.
Фото Н.И. Рождественкой.
1937–1938 гг. Из семейного архива
К.А. Федотовой

Ил. 11. Во время пребывания Ю.П. Казакова в Лопшеньге (в центре – Юрий Павлович Казаков и Тамара Михайловна Судник (Казакова), справа – Александра Михайловна Яреньгина), д. Лопшеньга. 1971 г. ОП НВ-255

Иллюстрации к статье Ю.М. Наумова

Ил. 1. Лодки Кенозера в д. Вершинино. 1920-е гг. Из фондов РГАЛИ

Ил. 2. Кенозерские дубаны. 2009 г. Фото В.Е. Пучкина

Ил. 3. Лодки на берегу,
д. Усть-Поча. 2016 г.
Фото Ю.М. Наумова

Ил. 4. Лодки и ворот
на берегу,
д. Морщихинская.
2007 г.
Фото Ю.М. Наумова

Ил. 5. Сушка и ремонт
сетей с лодки
на оз. Лаче. 1901 г.
Фото
И.А. Никольского.
Из фондов НА РК

*Ил. 6. Нокольский
карбас мастера
В.И. Пригодина.
Из фондов
КГИАХМ*

*Ил. 7. Челн-долбенка
с разведенными бортами.
2016 г.
Мастер И.Н. Пригодин.
Фото Ю.М. Наумова*

Ил. 8. Лодка
в г. Каргополе
на р. Онеге. 1920-е гг.
Из фондов КГИАХМ

Ил. 9. Сойма-
«расшива» для
перевозки хлеба
и лодка-«карбас».
Из фондов НА РК

Ил. 10. Баржа-плашкоут
и карбасы в порту
г. Онега. Середина XX в.
Из фондов
Онежского историко-
мемориального музея

Ил. 11. Карбасы
в д. Пушлахте. 2018 г.
Фото Ю.М. Наумова

Ил. 12. На карбасе
на проверку сетей
и рюж в Никольской
тоне. 2017 г.
Фото Ю.М. Наумова

Ил. 13. Карбасы
в Лошеньеге. 2017 г.
Фото Ю.М. Наумова

Иллюстрации к статье В.Ю. Родионовой

Ил. 1. Икона «Пророк Фаддей»
до реставрации

Ил. 2. Икона «Пророк Михей»
в процессе реставрации

Ил. 3. Икона «Пророк Михей»
после реставрации

Ил. 4. Икона «Апостол Филипп
и неизвестный апостол»

Ил. 5. Икона «Пророк Илия»

Иллюстрации к статье М.Г. Рыжковой

Ил. 1. Полотенце. Начало XX в.
ОП КП-458. Фото Г.А. Григорьевой

Ил. 2. Подзор.
1-я треть XX в.
ОП КП-652.
Фото
М.Н. Мелютиной

*Ил. 3. Полушубочек. Конец XIX – начало XX в. ОП КП–350.
Фото М.Г. Рыжковой*

*Ил. 4. Кафтан женский. Конец XIX – начало XX в. ОП КП–280.
Фото М.Н. Мелютиной*

Ил. 5. Сукман. Начало XX в.
ОП КП–646.
Фото М.Н. Мелутиной

Ил. 6. Сарафан. Начало XX в.
ОП КП–348.
Фото М.Г. Рыжковой

Ил. 7. Рубаха женская.
Начало XX в.
ОП КП–349.
Фото Г.А. Григорьевой

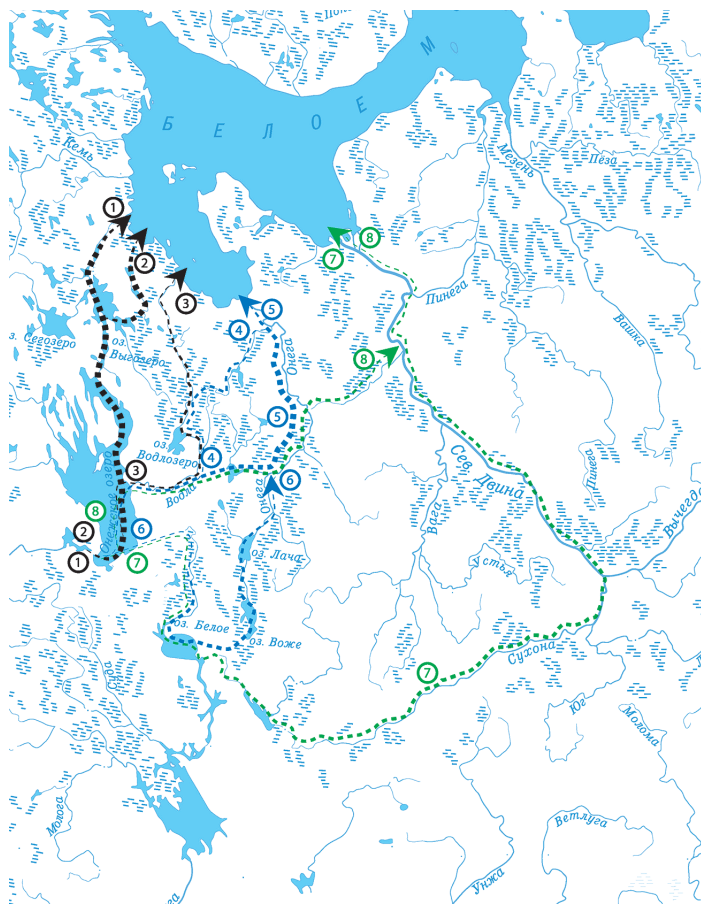

Ил. 8. Повойник. Конец XIX –
начало XX в. ОП КП–366.
Фото М.Г. Рыжковой

Ил. 9. Заборосник. Конец XIX –
начало XX в. ОП КП–365.
Фото Г.А. Григорьевой

Иллюстрации к статье Сакулиной Э.В., Гурова М.Б.,
Петрова С.А.

Ил. 1. Карта водно-волоковых путей из бассейна Онежского озера в бассейн Белого моря:

- прямой путь на Белое море: 1 – по р. Выгу (нынешний Беломорканал), 2 – по р. Суме («Черный волок»), 3 – по р. Нюхче;
- путь к Белому морю через р. Онегу: 4 – по р. Коже (через р. Илексу и Выжигу), 5 – Кенский волок, 6 – по р. Вытегре и Ковже (через волоки Гостин-Немецкий и Красный);
- путь к Белому морю через р. Северную Двину: 7 – по р. Вытегре и Ковже (через волоки Гостин-Немецкий и Словенский), 8 – через волоки Кенозерский и Емецкий

Ил. 2. Волок от Заволочья до Яблонь-Горки

Ил. 3. Обозначенная на спутниковой карте волоковая часть маршрута (от д. Заволочья до р. Режмы)

Ил. 4. Часовня на
середине волока от
д. Заволочья
до р. Режмы

Ил. 5. Часовня
на Яблонь-Горке

Ил. 6. Озеро Волоцкое

Ил. 2. Члены колхоза «Имени НКВД», пос. Кислуха. 1930-е гг.
Из личного архива О.А. и Т.И. Узких

Ил. 3. Жители поселка Унского лесозавода. Конец 1940-х гг.
Из личного архива А.И. Гуляевой

*Ил. 4. Сбор анфельции. Остров Жижгин. 1930-е гг.
Из личного архива З.С. Жуковой*

*Ил. 5. Семен
Илларионович
Молоков
с женой Федорой
и дочерью
Глафирой,
пос. Кега.
1950-е гг.
Из личного
архива
З.С. Жуковой*

Иллюстрации к статье И.И. Шангиной

Ил. 1. Посад Луда. 1910 г. Фото А.Н. Павловича. РЭМ 2638-5

*Ил. 2. Улица в д. Лямыце. 1910 г. Фото А.Н. Павловича.
РЭМ 2637-38*

*Ил. 3. Церковь
Св. Климента, посад
Нёнокса. 1910 г.
Фото А.Н. Павловича.
РЭМ 2638-5*

*Ил. 4. Замужние
женщины
в традиционной одежде,
посад Луда. 1910 г.
Фото А.Н. Павловича.
РЭМ 2638-20*

*Ил. 5. Парни
в праздничных
костюмах,
посад Луда. 1910 г.
Фото
А.Н. Павловича.
РЭМ 2638-23*

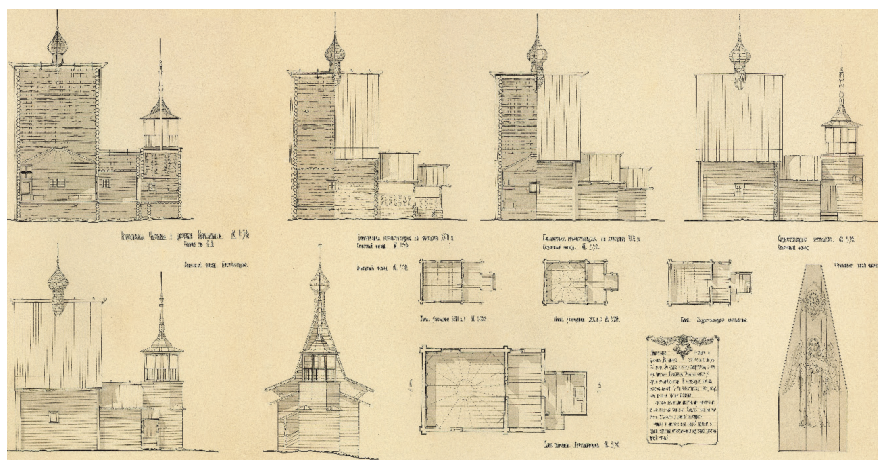

Иллюстрации к статье В.Э. Яндовского

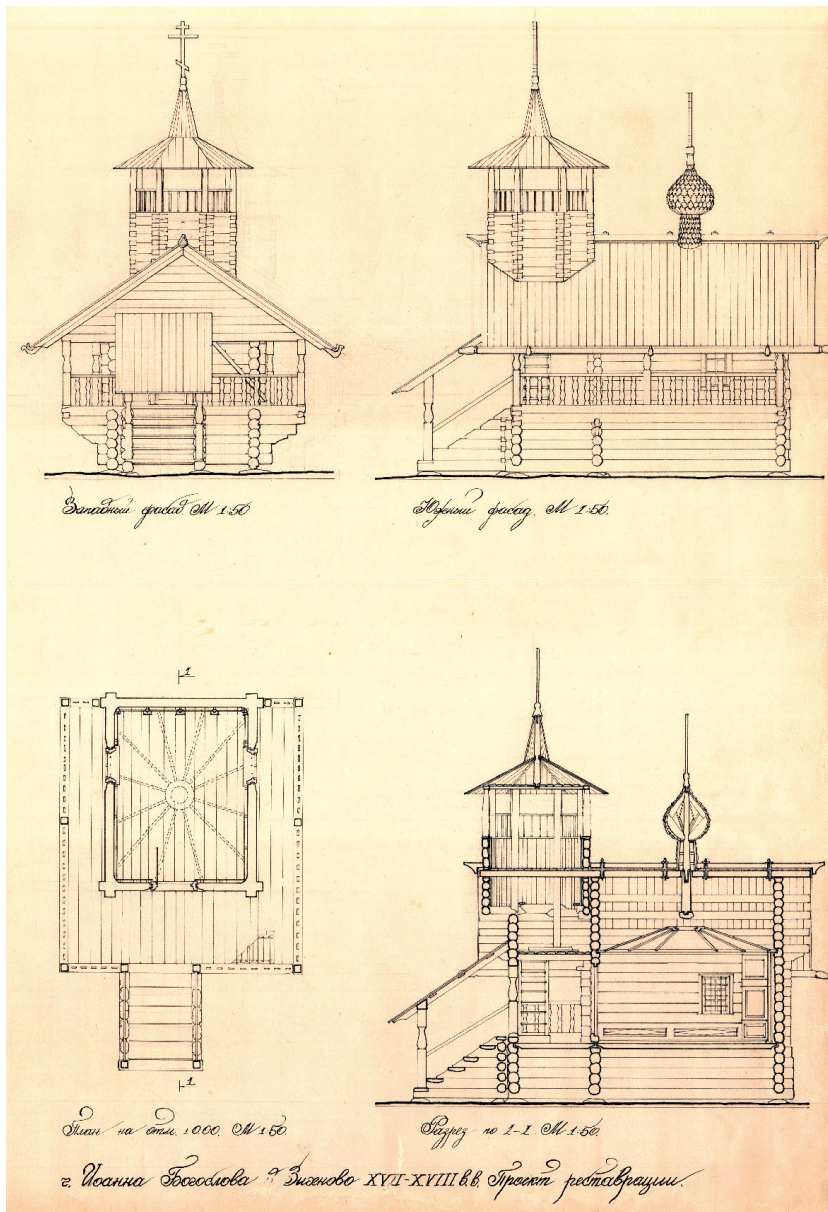

Ил. 1. Никольская часовня. Панорама д. Вершино

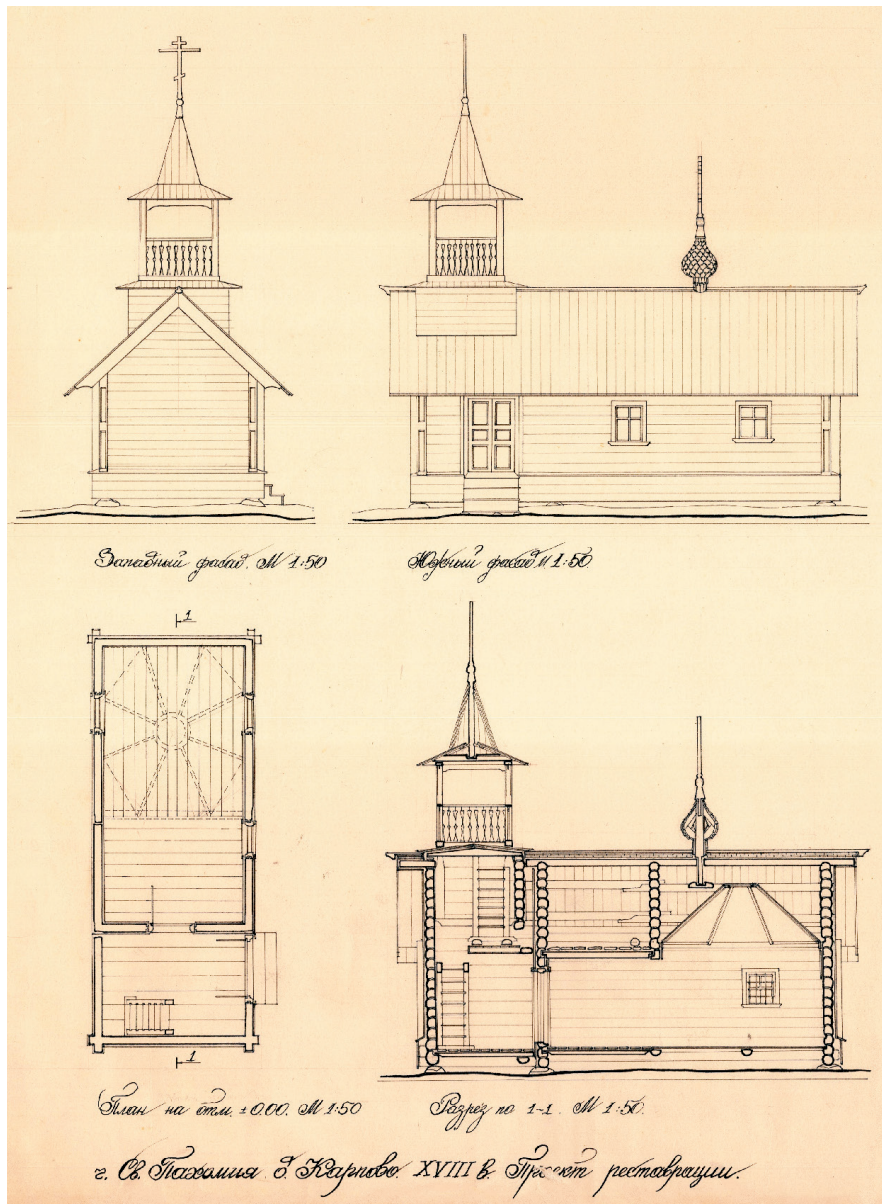
*Ил. 2. Никольская часовня.
Фото И.Я. Билибина, 1903 г.
Из фондов архива Института
истории материальной
культуры РАН*

Ил. 3. Этапы реконструкции Никольской часовни

Ил. 4. Проект реставрации часовни Апостола Иоанна Богослова

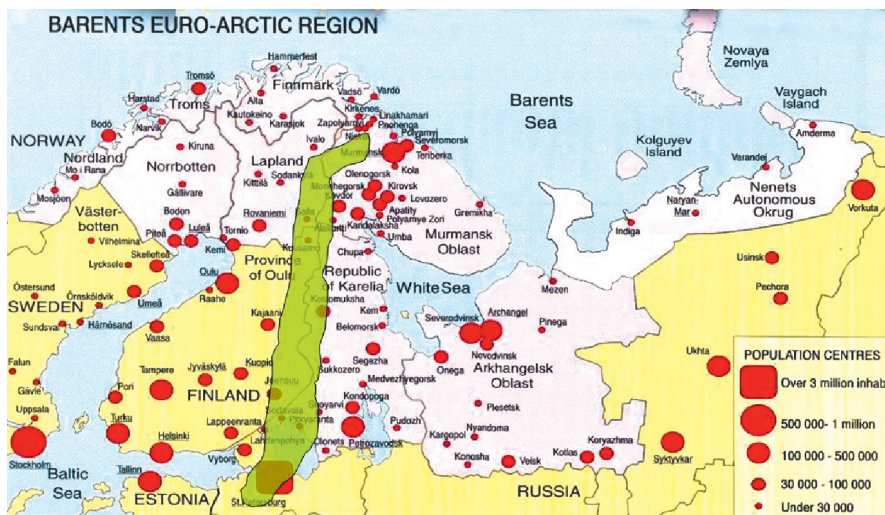

Ил. 5. Часовня Преподобного Пахомия Кенского

Иллюстрации к статье В.С. Куликова, Е.В. Кузнецовой

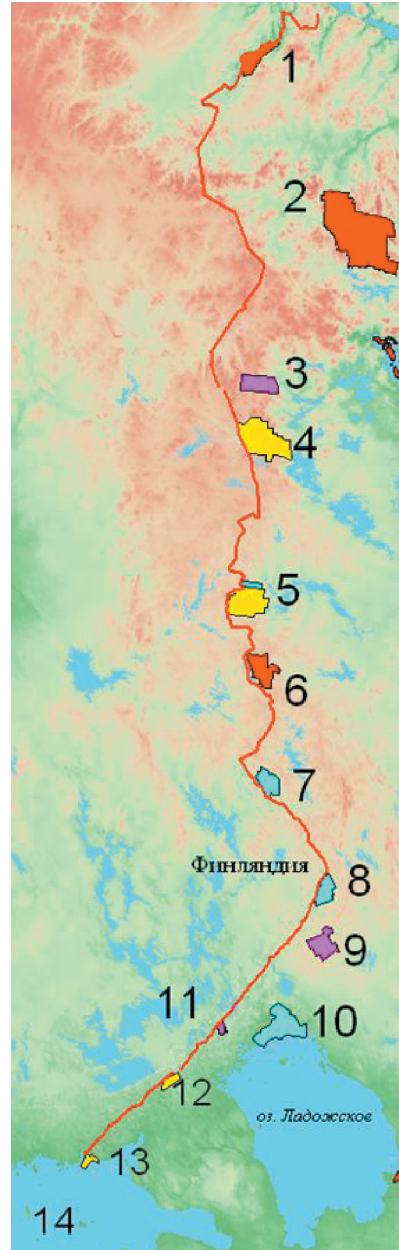
Ил. 1. Зеленый пояс Европы [1]

Ил. 2. Зеленый пояс Европы и БАЗО

Ил. 3. ООПТ на геологической карте юго-востока Фенноскандии [6]:

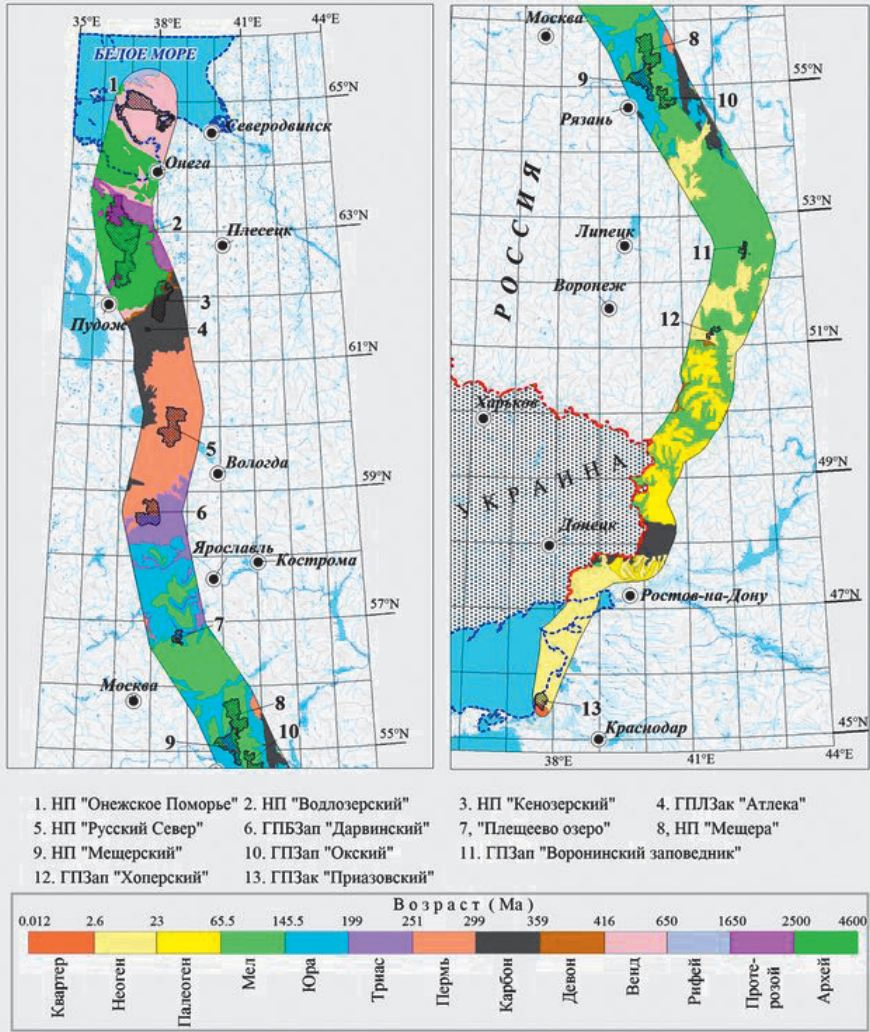
- заповедники:
 1 – Кандалакшский, 5 – Костомукшский,
 7 – Кивач, 10 – Нижне-Свирский;
 национальные парки: 2 – Паанаярви,
 3 – Онежское Поморье,
 4 – Калевальский, 6 – Водлозерский,
 8 – Кенозерский, 9 – Ладожские шхеры

Ил. 4. Геологическая схема территории БАЗО

СХЕМА

перспективной природоохранной ассоциации европейской России
"Беломорско-Азовское зеленое ожерелье" (БАЗО)

Ил. 5. Схема распределения ООПТ в БАЗО

Иллюстрации к статье Д.С. Мосеева

Рис. 1. Кувшинка чисто-белая в Почозере

Рис. 2. Кувшинка четырехгранная в оз. Среднем Порженском

Рис. 3. Пузырчатка обыкновенная из оз. Малого Порженского

Рис. 4. Харовые водоросли из оз. Малого Порженского

Рис. 5. Метафитон в заливе оз. Большого

Иллюстрации к статье Е.Н. Наквасиной, Л.В. Голубевой,
С.И. Дровниной, А.В. Козыкина

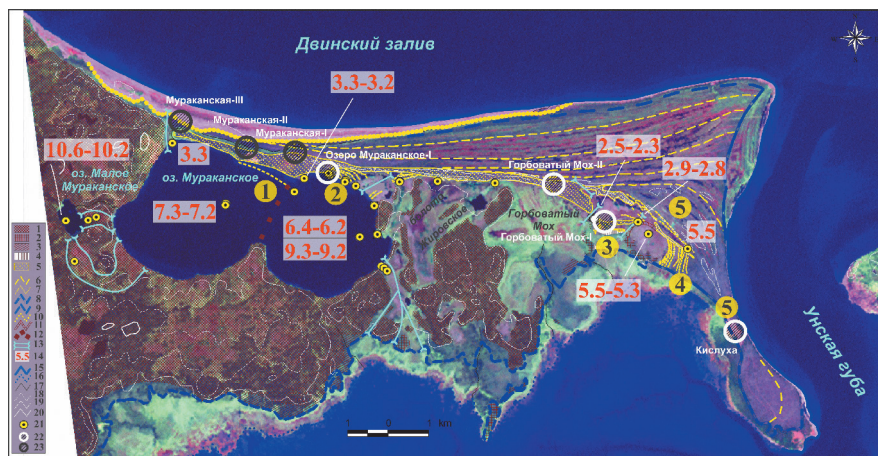

Рис. 1. Фрагмент межевого плана 1861 г. юго-восточного побережья Кенезера (Семеново – Майлахта – Ряусово). Из фондов НА РК

Рис. 2. Идентификационные различия в профиле почв: слева почва естественного лесного насаждения с подзолистым горизонтом, справа – почва лесного насаждения, сформированного на пахоте, с наличием старопашотного горизонта

Иллюстрации к статье Т.Ю. Репкиной, А.Е. Беличенко,
Н.Е. Зарецкой, Ю.А. Кублицкого, П.А. Леонтьева,
Ф.А. Романенко, О.С. Шиловой, А.П. Яковлевой

Ил. 1. Строения рельефа западного побережья Унской губы и положение археологических памятников.

Моренные постройки, частично переработанные морем: 1–3 – холмы и гряды на высотах: 1 – более 10 м; 2 – 7,5–10 м; 3 – 5–7,5 м; 4 – склоны. Формы аккумулятивного берегового рельефа: 5 – коса, примкнувшая к моренным постройкам, переваянная (последовательность образования косы показана цифрами); береговые валы: 6 – границы генераций; 7 – отдельные валы. Древняя береговая линия на абсолютных отметках около 5 м над уровнем моря, выраженная: 8 – отчетливым уступом размыва; 9 – невысокими сглаженными уступами. Прочие элементы рельефа и строения приповерхностных отложений: 10 – граница современного дюнного пояса; 11 – очертания погребенных моренных построек; 12 – моренная гряда, разделяющая котловину оз. Мураканского; 13 – палеопротоливы; 14 – время изоляции водоемов от моря (тыс. лет назад). Современная береговая линия в полную воду: 15 – отчетливая (абразионные и аккумулятивные берега, созданные волновыми процессами и приливными течениями); 16 – выделенная условно (осушенные берега). Гидросеть: 17 – реки и ручьи (линии равных высот: 10–18 м, 19–20 м, 20–40 м). Фактический материал: 21 – положение скважин и разрезов. Местонахождение археологических объектов, условно датированных: 22 – IV–II тысячелетия до н. э., 23 – позже конца III–II тысячелетия до н. э.

Иллюстрации к статье В.А. Смагина, Т.Ю. Минаевой

Ил. 1. Грядово-озерковый участок аапа типа в юго-западной части Соколей Глади. Фото М.Г. Носковой

Ил. 2. Грядово-мочажинный комплекс в юго-восточной части Соколей Глади. Фото В.А. Смагина

Ил. 3. Один из истоков р. Чурьеги на Соколей Глади. Фото В.А. Смагина

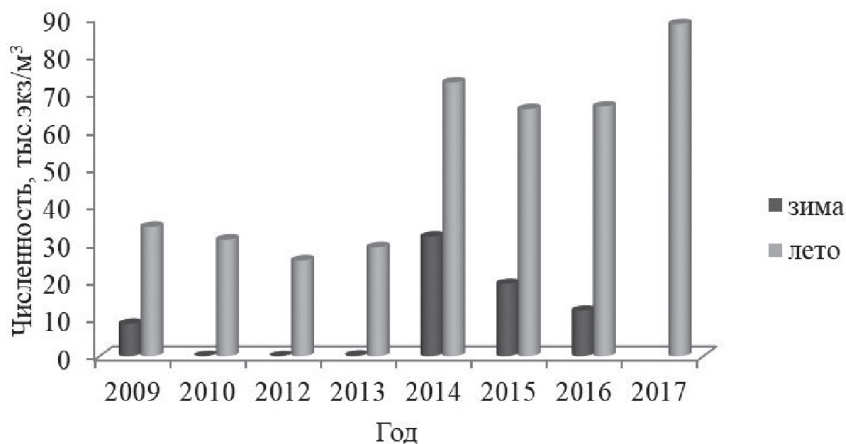

Ил. 4. Аапа болота Щучья Гладь. Фото М.Г. Носковой

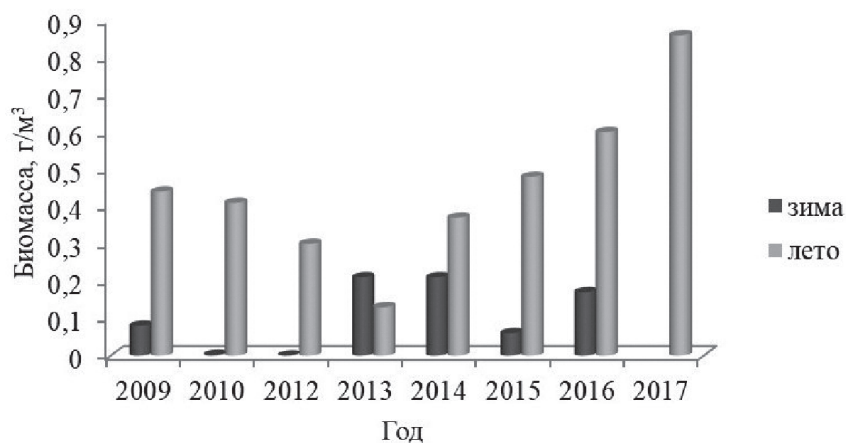

Ил. 5. Бобровая плотина на р. Чурьеге, выше Половозера. Фото В.А. Смагина

Иллюстрации к статье Е.И. Собко, С.И. Климова,
Н.В. Неверовой, О.Ю. Моревой, Т.Я. Воробьевой,
С.А. Забелиной, А.В. Чупакова, Н.В. Шориной

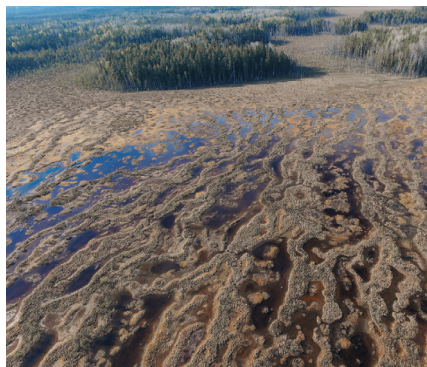

Ил. 1. Межгодовая динамика численности зоопланктона в зимний и летний периоды в Лекшмозере

Ил. 2. Межгодовая динамика биомассы зоопланктона в зимний и летний периоды в Лекшмозере

Иллюстрации к статье Н.Н. Черенковой

Ил. 1. Соколя Гладь, болотная система Лекшмох

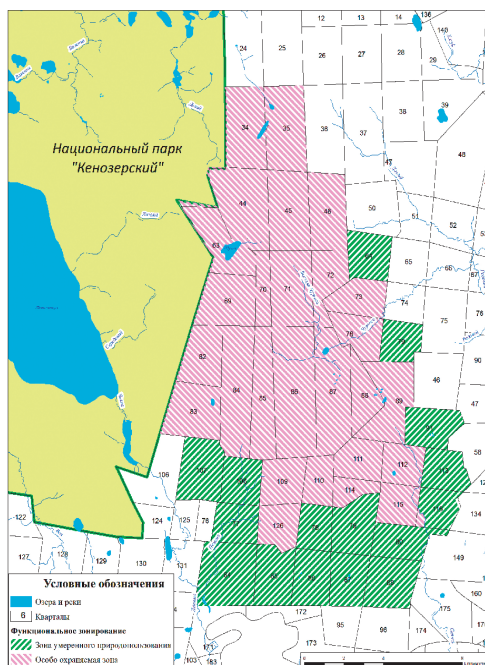

Ил. 2. Лесоболотная зона в окрестностях Пезьмозеро

- – КОТР «Кенозерье»
- – КОТР «Каргопольская сушь – журавлиный край»

Ил. 3. Заказник «Лекшмох» и Кенозерский национальный парк

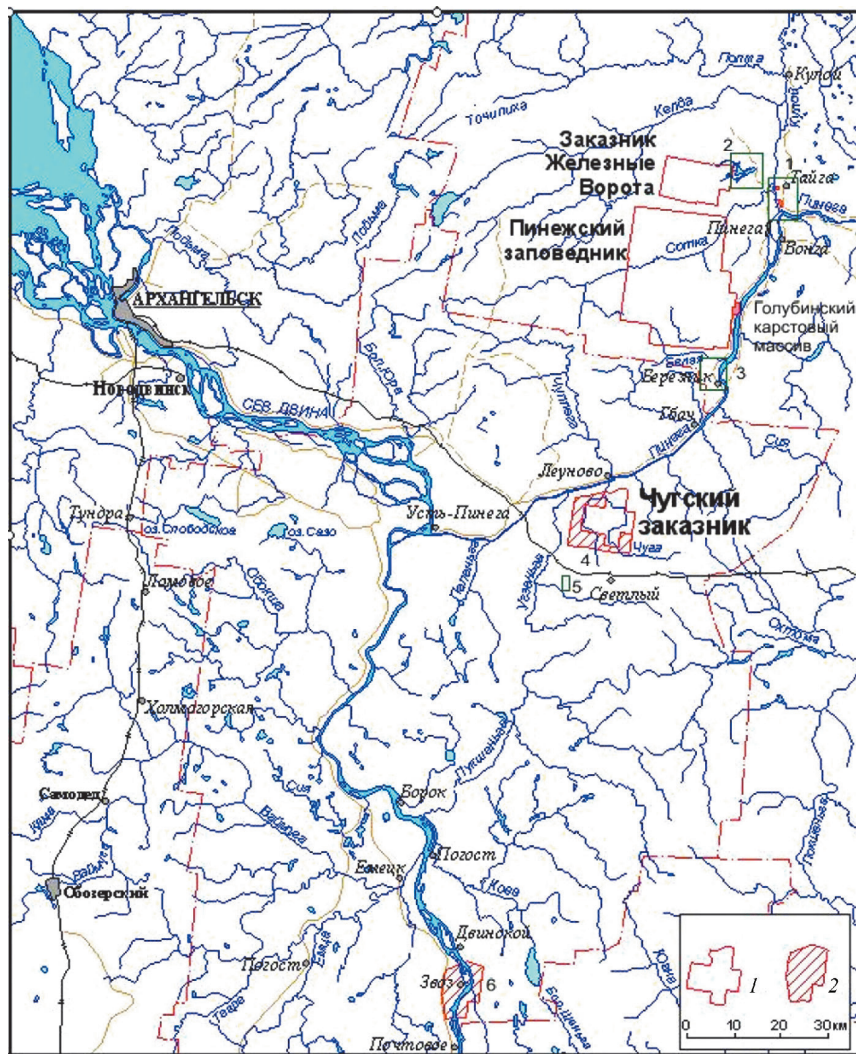

Ил. 4. Карта-схема государственного природного комплексного (ландшафтного) заказника регионального значения «Лекшмох»

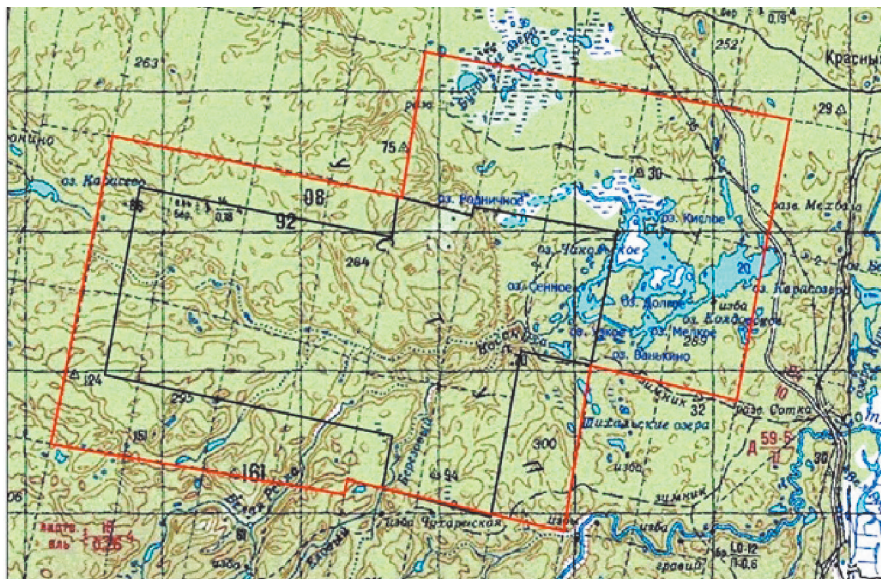
Иллюстрации к статье Е.В. Шавриной, Е.М. Лускань

Ил. 1. Развитие пещерных льдов, пещера Олимпийская (Железные Ворота).
Фото В.К. Еремеева

Ил. 2. Схема существующих и предлагаемых карстовых охраняемых территорий Архангельской области (масштаб 1: 1 000 000): 1 – существующие карстовые ООПТ; 2 – территории, для которых разработаны проекты расширения или образования. Предлагаемые территории: 1 – Кулогорский карстовый массив; 2 – Карасозерская польеобразная депрессия; 3 – Березниковский карстовый массив; 4 – Чугский заказник (расширение территории); 5 – пещерная система Угзеньга; 6 – Природный парк «Звозский»

Ил. 3. Схема территории заказника «Железные Ворота» с участками, включенными в его состав в 2016 г. Черная линия – старые границы заказника, красная – границы после расширения

Ил. 4. Шелопняковые поля Чугского заказника. Фото Е.И. Гуркало

Содержание

Местные инициативы как инструмент устойчивого экономического и социокультурного развития территорий

<i>Белова С.Ю.</i> «Территории вдохновения»: Деревня как центр притяжения художников, музыкантов и творческой интеллигенции	4
<i>Гудима Т.М.</i> Созидательное содержание гражданских инициатив	9
<i>Дягилева Е.Б., Коржакова Л.Н., Щеголихина Н.А., Коренева Г.А.</i> Самоорганизация граждан для решения вопросов местного значения – общественный проект или бизнес-инициатива?	15
<i>Липатов К.В.</i> Малое прекрасно	29
<i>Марич С.Н., Федотова Е.В.</i> Волонтерство как форма социального партнерства на заповедных территориях	37
<i>Мосеев О.В.</i> Стратегия и брендинг как ключевые факторы устойчивого развития сельских территорий (на опыте конкретных поселений).....	44
<i>Новосёлов А.М., Чернега А.А.</i> Формирование модели устойчивого развития территории через общественные инициативы и проектную деятельность (на примере г. Тотьмы Вологодской области)	47
<i>Яковлева А.В.</i> Может ли проектная деятельность стать стимулом развития гражданских инициатив в деревне? Опыт Кенозерского национального парка	54

Глобальное значение локального наследия: опыт сохранения и проекты будущего

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Алексеева Я.И.</i> История рыбных и морских звериных промыслов в водах Онежского полуострова с XV века по 1920-е годы.....	62
<i>Анциферова А.И.</i> Домовые росписи Кенозерья: сюжеты, бытование, сохранность	79
<i>Беличенко А.Е.</i> Освоение и заселение южного побережья Белого моря в эпоху неолита – раннего металла	88
<i>Власова М.Н.</i> Поморские деревни: опыт выживания	92
<i>Герасимов Д.В., Стрельцов М.А., Федоров И.В., Хартанович В.И.</i> Археологическое наследие Кенозерья: вопросы сохранения и перспективы использования	116
<i>Горматюк А.А.</i> Реминисценции Высокого Возрождения в Лекшмозерье: Презентация результатов реставрации комплекса Хвалинского расписного «неба» конца XVIII века из Кенозерского национального парка	125
<i>Гостеева А.В., Статкевич В.О.</i> Восстановление церкви Беломорья после Крымской войны	137

<i>Демин М.Д.</i> Реставрация и исследование иконы «Пророк Аггей» из пророческого ряда иконостаса Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря	148
<i>Ермолин Д.С., Мельников И.А.</i> Сакральная повседневность: Книга и икона в пространстве традиционной культуры Кенозерья (предварительные наблюдения)	153
<i>Иванова А.А.</i> «Узелковое письмо» локальной идентичности. К вопросу о современных формах сохранения и презентации местным сообществом исторической и этнокультурной информации	161
<i>Иванова Т.Г.</i> Песенно-эпическая традиция реки Моши (проблема истоков былинного знания в регионе).....	172
<i>Калуцков В.Н.</i> О роли Русского Севера в освоении Сибири.....	181
<i>Канева Т.С.</i> Фольклорное наследие Усть-Цильмы и формы его представления (об отражении традиции)	187
<i>Лаврентьева Л.С.</i> Коллекции по Русскому Северу в собраниях Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук	195
<i>Логинов К.К.</i> Традиционные занятия поморов Онежского полуострова в колхозный период (по материалам полевых исследований 2017–2019 годов)	204
<i>Мелютина М.Н.</i> «Забывая» экспедиция 1930-х годов по изучению этнографии Лопшеньги в современном экспозиционном контексте	212
<i>Наумов Ю.М.</i> Традиционное народное судостроение и судоходство на территории Кенозерья и Онежского Поморья	225
<i>Родионова В.Ю.</i> Реставрация и исследования комплекса икон из Спасо-Преображенского собора Пахомиева Кенского монастыря в собрании Музея имени Андрея Рублева	240
<i>Рыжкова М.Г.</i> Коллекция текстиля конца XIX – середины XX века в собрании музейного фонда «Онежское Поморье»	249
<i>Сакулина Э.В., Гуров М.Б., Петров С.А.</i> Кенский волок как объект туристического показа	262
<i>Харитонов Я.Э.</i> «Книга памяти» спецпереселенцев Онежского полуострова: первые итоги исследований.....	274
<i>Ходаковский Е.В., Пиотровская А.А., Янусик А.О.</i> Церковное строительство на Онежском полуострове по письменным источникам	281
<i>Чайко Е.А.</i> Музей-заповедник «Аркаи́м»: Опыт сохранения антропологического ландшафта зауральской степи.....	292
<i>Шаверина Г.В.</i> Трагедия и самостояние крестьян в условиях раскулачивания	298
<i>Шангина И.И.</i> Материалы по этнографии поморов Летнего и Онежского берегов в собрании Российского этнографического музея	306

<i>Яндовский В.Э.</i> Анализ, типология и графическая реконструкция строительных периодов памятников деревянного зодчества Кенозерского национального парка. Часовни	351
--	-----

ПРИРОДНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>Ежов О.Н.</i> Микологические исследования на территории Кенозерского национального парка (история изучения и перспективы)	355
<i>Ермолин Б.В.</i> Изменчивость общей увлажненности в районе Кенозерья за 13 тысяч лет.....	368
<i>Куликов В.С., Кузнецова Е.В.</i> Беломорско-Азовское «Зеленое ожерелье»: к проекту комплексного изучения особо охраняемых природных территорий Европейской части России	371
<i>Куликова В.В., Бычкова Я.В., Куликов В.С.</i> Комплексный анализ состояния природы на острове Пурлуда в Онежском заливе Белого моря.....	376
<i>Мосеев Д.С.</i> Видовой состав макрофитов и рекомендации к их охране в озерах Кенозерского национального парка	386
<i>Наквасина Е.Н., Голубева Л.В., Дровнина С.И., Козыкин А.В.</i> Системы земледелия: возможности исторической реконструкции в Кенозерском национальном парке.....	399
<i>Репкина Т.Ю., Беличенко А.Е., Зарецкая Н.Е., Кублицкий Ю.А., Леонтьев П.А., Романенко Ф.А., Шилова О.С., Яковлева А.П.</i> История развития и заселения западного побережья Унской губы (Летний берег Белого моря) в голоцене	406
<i>Смагин В.А., Минаева Т.Ю.</i> Растительность болотного комплекса Лекшмох, примыкающего к Национальному парку «Кенозерский»	417
<i>Собко Е.И., Климов С.И., Неверова Н.В., Морева О.Ю., Воробьева Т.Я., Забелина С.А., Чулаков А.В., Шорина Н.В.</i> Видовой состав и структура зоопланктона Лекшмозера (Кенозерский национальный парк).....	425
<i>Залогин Е.С., Горюнов Д.Н.</i> Морфологические основы фуражировочной активности муравьев рода <i>Formica</i>	431
<i>Черенкова Н.Н.</i> Создание в Архангельской области государственного комплексного природного заказника регионального значения «Лекшмох».....	433
<i>Шаврина Е.В., Лускань Е.М.</i> Опыт организации карстовых особо охраняемых территорий в Архангельской области.....	441
Сведения об авторах	448
Иллюстрации	455

Научное издание

КЕНОЗЕРСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019
Гражданские инициативы в заповедном укладе

*Сборник материалов
IX Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием*

Составители: **Мелютин** Марина Николаевна,
Дровнина Светлана Игоревна,
Марич Светлана Николаевна

Фото на обложке *И.П. Штиленка*
Редактор *И.М. Кудрявина*
Верстка *О.Е. Болдыревой*
Дизайн обложки *А.В. Мартыновой*

Подписано в печать 06.11.2019. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 30,92. Тираж 300 экз. Заказ № 2625.

Отпечатано в типографии ООО «Принт»
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязевская, 5
